

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014

№ 1
(47)

ОБЩЕСТВО И ПРАВО

2014 № 1 (47)

Выходит с 2003 г. ежеквартально

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Калиниченко И.А. кандидат педагогических наук,
начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильяшенко А.Н. доктор юридических наук, профессор,
заместитель начальника Краснодарского университета
МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агафонов Ю.А. доктор философских наук, кандидат юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
председатель Контрольно-счетной палаты Краснодарского края

Аврутин Ю.Е. доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,
профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского
университета МВД России

Антонян Ю.М. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России

Баев О.Я. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, академик РАЕН, заведующий кафедрой
криминалистики Воронежского государственного университета

Борчашвили И.Ш. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
Казахстана, академик КазНАЕН, директор ГУ «Центр судебной
экспертизы Министерства юстиции Республики Казахстан» (Казахстан)

Волков Ю.Г. доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, директор Института по переподготовке и повышению
квалификации Южного федерального университета

Гилинский Я.И. доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Голик Ю.В. доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой
правовых средств борьбы с преступностью
Европейского института JUSTO

Головенков П.В. доктор права, главный научный сотрудник кафедры
уголовного права Потсдамского университета (Германия)

Зайцев О.А. доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель
науки РФ, почетный работник высшего профессионального
образования РФ, проректор по научной работе
Московской академии экономики и права

- Ищенко Е.П.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Камышанский В.П.** доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани, действительный член РАЮН, заведующий кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета
- Кибальник А.Г.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета
- Клейберг Ю.А.** доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, академик РАЕН, президент Международной академии ювенологии и Международной академии социальной работы, профессор факультета психологии Московского государственного областного университета
- Курдюк П.М.** доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя Законодательного собрания Краснодарского края
- Ларичев В.Д.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России
- Лукашов А.И.** кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь (Беларусь)
- Мацкевич И.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, президент Союза криминалистов и криминологов, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Меретуков Г.М.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Кубани, заслуженный юрист Республики Адыгея, заведующий кафедрой криминалистики Кубанского государственного аграрного университета
- Миндагулов А.Х.** доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан)
- Наумов А.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
- Подшибякин А.С.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России
- Понятовская Т.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

- Пудовочкин Ю.Е.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российской академии правосудия
- Рарог А.И.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный юрист города Москвы, заведующий кафедрой уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
- Рассказов Л.П.** доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Кубанского государственного аграрного университета
- Сапрунов А.Г.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета
- Старилов Ю.Н.** доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой административного и муниципального права Воронежского государственного университета
- Тупанчески Н.** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Университета «Святого Кирилла и Мефодия» (Македония)
- Хелльманн У.** доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Потсдамского университета (Германия)
- Шалин В.В.** доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Ганченко И.О.** доктор педагогических наук, профессор, первый заместитель начальника КрУ МВД России
- Важенин В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности в ОВД КрУ МВД России
- Вишневецкий К.В.** доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права КрУ МВД России
- Герасимов А.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры гражданского права и гражданского процесса КрУ МВД России
- Грицай В.В.** кандидат исторических наук, начальник кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Денисенко В.В.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права КрУ МВД России
- Жеребцов А.Н.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Карнаушенко Л.В.** доктор исторических наук, профессор, начальник управления учебно-методической работы КрУ МВД России

- Кубякин Е.О.** доктор социологических наук, начальник кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Лозовский Д.Н.** доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса КрУ МВД России
- Мятченко И.В.** кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского и иностранных языков КрУ МВД России
- Нарыков Н.В.** доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Натура Д.А.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры предварительного расследования КрУ МВД России
- Палазян А.С.** доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства КрУ МВД России
- Пахомов С.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Рычкалова Л.А.** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики КрУ МВД России
- Самойлов С.Ф.** доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии КрУ МВД России
- Сизоненко А.Б.** кандидат технических наук, доцент, начальник кафедры информационной безопасности КрУ МВД России
- Таганова А.А.** кандидат психологических наук, заместитель начальника кафедры психологии и педагогики КрУ МВД России
- Труфанов М.Е.** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности и организации деятельности ГИБДД КрУ МВД России
- Фатальникова Е.В.** кандидат социологических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета КрУ МВД России
- Яковлев В.В.** кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии КрУ МВД России

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Краснодарский университет МВД России

РЕДАКЦИЯ:

Т.А. Лосева (редактор)

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:

Российская Федерация, 350005, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128

Тел.: +78612583596

Web-сайт: sl.krdu-mvd.ru

Электронный адрес: society_and_law@mail.ru

© Краснодарский университет МВД России, 2014

SOCIETY AND LAW

CHIEF EDITOR

Kalinichenko I.A. Master of Pedagogics, Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Ilyashenko A.N. Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITORIAL COUNCIL:

Agafonov Yu.A. Doctor of Philosophy, Master of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of Control Audit Chamber of Krasnodar Region

Avrutin Yu.E. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of a Chair of Administrative Law of the St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

Antonyan Yu.M. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia

Baev O.Ya. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of a Chair of Criminalistics of the Voronezh State University

Borchashvily I.Sh. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Kazakhstan, Academician of Kazakh National Academy of Natural Science (KNANS), Director of SI «Center of Judicial of the Ministry of Justice of the Republic of Kazakhstan» (Kazakhstan)

Volkov Yu.G. Doctor of Philosophy, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Director of the Institute for Refresher of the Southern Federal University

Gilinsky Ya.I. Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology, Criminal-executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Office of the Prosecutor General of the Russian Federation

Golik Yu.V. Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Legal Meanings of Fight with Criminality of the European Institution JUSTO

Golovnenkov P.V. Doctor of Law, Chief Science Worker of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)

Zaitsev O.A. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice Rector on Scientific Work of the Moscow Academy of Economics and Law

Ishchenko E.P. Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminalistics of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)

- Kamyshansky V.P.** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Science Worker of Kuban, Full Member of the Russian Law Academy of Science (RALS), Head of a Chair of Civil Law of the Kuban State Agrarian University
- Kibalnik A.G.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North Caucasian Federal University
- Kleyberg Yu.A.** Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, Honored Science and Education Worker of the Russian Federation, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the International Academy of Juvenology and International Academy of Social Work, Professor of the Faculty of Psychology of the Moscow State Regional University
- Kurdyuk P.M.** Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of Legislative Assembly of the Krasnodar Region
- Larichev V.D.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Chief Science Worker of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia
- Lukashov A.I.** Master of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (Belarus)
- Matskevich I.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, President of the Union of Forensic Scientists and Criminologists, Professor of a Chair of Criminology and Criminal-executive Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Meretukov G.M.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygeya, Head of a Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University
- Mindagulov A.Kh.** Doctor of Law, Professor, Chief Science Worker of the Kazakh National University of Al-Faraby (Kazakhstan)
- Naumov A.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law and Criminology of the Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation
- Podshibyakin A.S.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry
- Ponyatovskya T.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Pudovochkin Yu.E.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Russian Academy of Justice
- Rarog A.I.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Honorary Lawyer of Moscow, Head of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutaphin (MSLA)
- Rasskazov L.P.** Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State Agrarian University

- Saprunov A.G.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University
- Starilov Yu.N.** Doctor of Law, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Voronezh State University
- Tupanchesky N.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the University of «St. Cyril and Methodius» (Macedonia)
- Hellmann U.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Potsdam University (Germany)
- Shalin V.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Head of a Chair of Sociology and Culturology of the Kuban State Agrarian University

EDITORIAL BOARD:

- Ganchenko I.O.** Doctor of Pedagogics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vazhenin V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Vishnevetsky K.V.** Doctor of Law, Professor, Head of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gerasimov A.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Civil Law and Civil Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Gritsay V.V.** Master of History, Head of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Denisenko V.V.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Zherebtsov A.N.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Karnaushenko L.V.** Doctor of History, Professor, Head of Department of Educational and Methodical Work of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Kubyakin E.O.** Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Lozovsky D.N.** Doctor of Law, Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Myatchenko I.V.** Master of Philology, Assistant Professor, Head of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

- Narykov N.V.** Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Natura D.A.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Palazyan A.S.** Doctor of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Pakhomov S.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Rychkalova L.A.** Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Samoilov S.F.** Doctor of Philosophy, Assistant Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Sizonenko A.B.** Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Information Security of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Taganova A.A.** Master of Psychology, Deputy Head of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Truphanov M.E.** Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Fatalnikova E.V.** Master of Sociology, Assistant Professor, Scientific Secretary of an Academic Council of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia
- Yakovlev V.V.** Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

FOUNDER:

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

EDITION:

T.A. Loseva (editor)

ADDRESS OF THE PUBLISHER OF EDITION:

Russian Federation, 350005, Krasnodar region, Krasnodar, Yaroslavskaya street, 128
 Tel.: +78612583596
 Web-site: sl.krdu-mvd.ru
 e-mail: society_and_law@mail.ru

© Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, 2014

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	18	CHIEF EDITOR'S COLUMN
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА	19	THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE
Палазян А.С. Полицейский аппарат Российской империи начала XX в. в борьбе с экстремизмом и терроризмом: историко-правовой анализ	19	Palazyan A.S. Police force of the Russian empire of the beginning of the XX century in fight against extremism and terrorism: historical and legal analysis
Резников Е.В. Особенности правовой социализации	24	Reznikov E.V. Features of the subject of legal socialization
Сигалов К.Е. Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России	27	Sigalov K.E. Representations about character of the property and ways of its fastenings in Medieval Russia
Эфрикян Р.А., Звягольский А.Ю. Полномочия органов местного управления по организации образовательного процесса в РСФСР (1917–1968 гг.)	32	Efrikyan R.A., Zvyagoliskiy A.Yu. Authorities organ local management on organizations of the educational process in RSFSR (1917–1968)
Мартыненко Б.К. Разграничение понятий «террор», «терроризм», «война»	37	Martynenko B.K. Delimitation of concepts «terror», «terrorism», «war»
Овчинникова Н.А. Эмоциональная теория права Л.И. Петражицкого	40	Ovchinnikova N.A. Emotional theory of law of L.I. Petrazycki
Ереган А.Р. Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси	45	Eregyan A.R. Customary law under self-government of Kievan Rus
КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО	50	CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW
Гришай Е.В., Палий В.М. К вопросу совершенствования законодательного регулирования деятельности органов местного самоуправления	50	Grishay E.V., Paly V.M. To the question about improvement of legislative regulation of local government
Колесников А.В. Диссонансы законодательства о местном самоуправлении	57	Kolesnikov A.V. Dissonances of local government's legislature
Кокарев Е.А. Развитие законодательства о казачестве и казачьих объединениях в современной России	61	Kokarev E.A. Development of the legislature about cossacks and cossacks associations in modern Russia

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	65	CIVIL LAW AND CIVIL PROCESS
Харченко Г.Г. Категория собственного интереса в отношениях собственности	65	Kharchenko G.G. Category of a proprietary interest in property relationships
ЭКОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ПРАВООХРАНЫ	70	ECOLOGY: RIGHT PROTECTION QUESTION
Колесникова К.В. Об эффективности государственных программ как основы финансирования охраны окружающей среды и природопользования	70	Kolesnikova K.V. About effectiveness of state programs as a basis for financing of environment's defense and nature-using
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА	73	CRIMINAL POLICY: THEORY AND PRACTICE
Агапов П.В. Новейшее антитеррористическое законодательство: проблемы социально-криминологической обусловленности	73	Agapov P.V. The latest antiterrorist legislation: problems of social and criminological conditionality
Суворов А.С. Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства	78	Suvorov A.S. The main directions of optimization domestic criminal legislation about responsibility for the falsification or destruction of identification number of the vehicle
Блинов А.Г. Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека	82	Blinov A.G. Several ways of criminal lawful act against human cloning
Радионов Г.Г. Относительная распространенность деяний как критерий криминализации фальсификации доказательств	87	Radionov G.G. Relative prevalence of acts as a criterion of criminalization of evidence falsification
Агиенко А.Д. К вопросу о становлении российского уголовного законодательства об ответственности за коммерческий подкуп	91	Agienko A.D. To the question about the formation of the Russian criminal law about liability for commercial bribery
Сичкаренко А.Ю. Старые проблемы норм о сексуальных преступлениях в новой редакции уголовного закона	95	Sichkarenko A.Yu. Old problems of norms about sexual crimes in new reduction of criminal statute

Анфиногенов В.А. Человеческие потребности, интересы и ценности в тюремной субкультуре	98	Anfinogenov V.A. Human needs, interests and values in prison subculture
Ильина Е.П. Регулирование уголовной ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов по законодательству стран СНГ	102	Ilyina E.P. Regulation of criminal responsibility for illegal extraction of water biological resources according to legislature of CIS
Мусаев Х.А. Понятие и значение боевой обстановки в уголовном праве	107	Musaev H.A. Definition and meaning of fighting situation in criminal law
Просолов В.В. О необходимости в англо-американском уголовном праве	111	Prosolov V.V. About necessity in Anglo-American criminal law
Саркисова В.Г. О квалификации преступлений против безопасности объектов транспортной инфраструктуры	114	Sarkisova V.G. About qualification of crimes against security of transport infrastructure's objects
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ	117	THE PREVENTION OF CRIMINALITY
Аракелян С.В. Общесоциальные причины насильственной преступности в Республике Армения	117	Arakelyan S.V. Common social reasons of violent crimes in the Republic of Armenia
Сазин С.Т. Меры по защите прав и свобод граждан от общественно опасных деяний, совершаемых лицами, страдающими психическими заболеваниями	122	Sazin S.T. Measures to defense rights and freedoms of nationals against antisocial actions committed by persons suffering from mental diseases
Рубачева Е.Л., Мартиросян М.В. Причины и условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних	126	Rubacheva E.L., Martirosyan M.V. Reasons and conditions determining delinquency and criminality of minors
Мармута И.Л. К вопросу о преступности в сфере образования	129	Marmuta I.L. To the question about criminality in educational sphere
Морозов Н.А. Геронтологический аспект преступности в Японии	132	Morozov N.A. Gerontological aspect of crime in Japan
Юрпалова Д.Н. Виктимологический анализ дорожно-транспортных преступлений, совершаемых водителями-женщинами	136	Yurpalova D.N. Victimological analysis of road traffic offences committed by women drivers

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО	140	CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS
Бородинова Т.Г. Формирование принципиальной основы института пересмотра приговоров в современном российском уголовно-процессуальном праве	140	Borodinova T.G. Formation of fundamental principles of Institute of review of sentences in modern Russian criminal procedure law
Салпагаров С.И. Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием как компромиссные процедуры в судопроизводстве (история становления и развития российского уголовно-процессуального законодательства)	145	Salpagarov S.I. Termination of criminal proceedings (persecution) in connection with reconciliation of the parties and active repentance as a compromise procedure in proceedings (history of formation and development of russian criminal procedural legislation)
Горбунов Д.В. Оценка показаний потерпевшего в уголовном процессе	151	Gorbunov D.V. Assessment of a victim's evidences in criminal procedure
РАСКРЫТИЕ И РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	155	DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES
Садыков А.У. К вопросу о взаимодействии при выявлении незаконной добычи водных биоресурсов	155	Sadykov A.U. To the question about the interaction at revealing illegal extraction of water bioresources
Абаканова В.А. Сущность и значение программирования расследования преступлений	159	Abakanova V.A. Essence and value of programming at investigation of crimes
Горбунов А.Н., Калужный К.Ю. Проблемы предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспортных средств и пути их решения	164	Gorbunov A.N., Kalyuzhniy K.Yu. Problems of theft and hijacking and their solutions
Данильян А.С. Следственная ситуация как основа принятия тактического решения по установлению места нахождения похищенного имущества	168	Danilyan A.S. Investigative situation as a basis of tactical decision acceptance on the establishment of the stolen property location
Литвинов М.В. Нормативно-правовые основы взаимодействия следователя с сотрудниками ФНС России в механизме противодействия налоговой преступности	174	Litvinov M.V. Normative legal basis of interaction between an investigator with the officers of tax service of Russia in the mechanism of counteraction to the tax crime

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ	180	LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY: HISTORY AND PRESENT
Кольчурин А.Г., Чирва С.В. К вопросу о ювенальной юстиции	180	Kolchurin A.G., Chirva S.V. To the question about juvenile justice
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС	184	ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS
Долгополов А.А. О теоретических основах правового регулирования отношений в сфере оборота оружия	184	Dolgopolov A.A. About some problems of control improvement behind a weapon turn
Костюк И.И. О некоторых аспектах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел	189	Kostyuk I.I. About some aspects of the administrative and legal regulation of information support activities of bodies of internal affairs
Соколов А.Ю. Конституционные основы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях	193	Sokolov A.Yu. Constitutional bases of measures of providing of production on cases about administrative crimes
Александров А.Г. Понятие и место административного производства в системе российского административного процесса	197	Alexandrov A.G. Concept and place of production in the system of russian administrative process
Масалов А.А. Предпосылки и факторы формирования в Российской Федерации правовых основ банковских операций с драгоценными металлами	205	Masalov A.A. Preconditions and factors of forming in the Russian Federation legal framework of banking operations with precious metals
Черкасова И.В. Современные проблемы административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия в Российской Федерации	212	Cherkasova I.V. Modern problems of administrative legal regulation of the conservation, protection, use and popularization of the cultural heritage sites in the Russian Federation
Чудин Ю.Г. К вопросу об административной ответственности за нарушение законодательства об охоте	216	Chudin Yu.G. To the question about administrative responsibility for interruption the hunting legislature

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО	219	FINANCIAL LAW
Касевич Е.В., Станкевич Г.В. Правовое регулирование организации и деятельности Контрольно-счетной палаты Ставропольского края	219	Kasevich E.V., Stankevich G.V. Law regulation of organization and activity of Control audit chamber of Stavropol region
Долгополова Е.А. К вопросу о правовом регулировании в сфере финансов	223	Dolgopolova E.A. To the question of legal regulation in the sphere of finance
НАЛОГОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО	228	TAX AND BUDGET LAW
Краснова А.А. Принципы налогового законодательства субъектов Российской Федерации	228	Krasnova A.A. Principles of tax legislature of the Russian Federation subjects
Зотов С.А. О некоторых особенностях правового статуса налогоплательщика	232	Zotov S.A. About some features of legal status of taxpayer
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ И ПЕДАГОГИКИ	236	ACTUAL QUESTIONS OF PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS
Карабаш Д.В., Щуров Е.А. Ценности и ценностные ориентации в профессиональном саморазвитии курсантов вузов МВД России	236	Karabash D.V., Schurov E.A. Values and value orientations in professional self-development of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia
Кирьянова А.А. Реализация идей реформаторской педагогике в экспериментальных школах Англи, основанных С. Редди и Д. Бэдли	240	Kiryanova A.A. Realization of ideas of reformatory pedagogics at the experimental schools of England founded by S. Reddi and J. Bedli
Молчанова Е.Ю. Акмеологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников ОВД	244	Molchanova E.Yu. Acmeologic aspects of professional activity of staff of Department of Internal Affairs
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	247	QUESTIONS OF PHILOSOPHY
Нарыков Н.В. Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму	247	Narykov N.V. Sociocultural approach to national idea, the fatherland, patriotism
Тимофеева Н.И., Каплин В.Ю. Понятие и основные виды социальной онтологии	251	Timofeeva N.I., Kaplin V.Yu. The concept and main types of social ontology

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ	256	QUESTIONS OF SOCIOLOGY
Кубякин Е.О., Тужба Э.Н. Теоретические подходы к анализу международных отношений	256	Kubyakin E.O., Tuzhba E.N. Theoretical approaches to the analysis of international relations
Куликов Е.М. Виртуализация слухов как социальная проблема	264	Kulikov E.M. Virtualization rumors as a social problem
Кибак И.А. Участие социолога в реализации принятого закона и изучении его эффективности	269	Kibak I.A. Participation of the sociologists in implementation of the adopted law and study of its efficiency
Нестерович В.Ф. Институционализация влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов в Украине	276	Nesterovych V.F. Institutionalization of public influence on the adoption of legal acts of Ukraine
Шевченко А.И. К вопросу об организационно- правовом обеспечении трудовой занятости людей с ограниченными возможностями	282	Shevchenko A.I. To the question about legal employment of people with disabilities
Бритикова Е.А. Модернизация и глобализация: перспективы и противоречия	286	Britikova E.A. Modernization and globalization: prospects and contradictions
Еременко С.Л. Влияние этнической идентичности на экономическое поведение россиян	291	Eremenko S.L. Influence of ethnic identity on economic behavior of the Russians
Казаков Г.А. О влиянии глобализации и модернизации на социальное регулирование в современной России	296	Kazakov G.A. About influence of globalization and modernization on social regulation in modern Russia
Тимченко А.А. Молодежь в современном российском обществе: проблемы и перспективы	299	Timchenko A.A. Youth in the modern Russian society: problems and prospects
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ	304	ECONOMY QUESTIONS
Авагян Г.Л. Банковские и небанковские кредитные институты в национальной финансово-кредитной системе России	304	Avagyan G.L. Banking and non-banking credit organizations in the national financial and credit system of Russia
Карташов К.А. Современное представление о роли и значении конкурентной стратегии предприятия	306	Kartashov K.A. The current view of the role and significance of competitive strategy

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ****309****MODERN PROBLEMS
OF HIGHER EDUCATION****Шмачилина-Цибенко С.В.****309****Shmachilina-Tsybenko S.V.**

Аутентичное оценивание
образовательной деятельности
курсантов в условиях
компетентностного подхода

Authentic assessment
of educational activities
of cadets in the competence approach

**Кузнецов А.И., Ахметов Р.С.,
Чернышенко К.Ю.****314****Kuznietsov A.I., Akhmetov R.S.,
Chernyshenko K.Yu.**

Содержательно-технологические
основы разработки систем
педагогического контроля физической
подготовленности курсантов
образовательных организаций
МВД России

Content and technological basics
of systems development of pedagogical
control of physical fitness of cadets
of educational organizations
of the Ministry of the Interior
of Russia

Курин А.А., Дронова О.Б.**319****Kurin A.A., Dronova O.B.**

Особенности преподавания
дисциплины «Криминалистика»
при подготовке специалистов
для экспертно-криминалистических
подразделений МВД России

Features of teaching of discipline
«Criminalistics» at training of specialists
for expert and criminalistic divisions
of the Ministry of the Interior
of Russia

Таран А.Н., Бойков А.А.**325****Taran A.N., Boykov A.A.**

Психофизиологические особенности
огневой подготовки курсантов
в учебных заведениях МВД России

Psychophysiological features of firing
training of cadets in educational institutions
of the Ministry of the Interior of Russia

ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ**330****PHILOLOGY QUESTION****Михайлина О.А.****330****Mikhaylina O.A.**

Роль глаголов в коммуникативной
организации текста

Verbs in the text communicative
structure

Кунина М.Н.**334****Kunina M.N.**

Проблема изучения институциональных
дискурсов в современной науке

The problem of studying institutional
discourse in modern science

Герасименко Э.В.**338****Gerasimenko E.V.**

Концептуализация понятия «дом»
в национально-культурной картине мира

Conceptualization of the concept «dom»
in national cultural world image

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НАУКИ И ПРАКТИКИ****343****MODERN PROBLEMS
OF SCIENCE AND PRACTICE****Самойленко К.В.****343****Samoylenko K.V.**

Специально-криминологические меры
противодействия сексуальной
насильственной преступности в семье

Specially-criminological measures
of counteraction to sexual violent crime
in the family

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ**349****INTO CONSIDERATION
OF AUTHORS**

Уважаемые коллеги!
В очередной раз рады представить Вашему вниманию выпуск научно-практического журнала «Общество и право».

На страницах данного номера журнала со-держатся статьи на актуальные темы наших постоянных авторов, также Вы можете познакомиться с не менее интересными работами новых авторов.

В традиционных рубриках журнала хотелось бы отметить статьи, способные, на наш взгляд, особо заинтересовать читателей своей научной новизной, информационной насыщенностью и формой подачи материала.

В рубрике «Теория и история права и государства» интересна работа К.Е. Сигалова «Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России». С самого начала статьи автор увлекает читателя, обращаясь к истокам развития законов, регулирующих отношения собственности, рассматривает тенденции становления собственности и ее влияния на формирование власти в средневековой России.

В рубрике «Уголовная политика: теория и практика» интерес читателей, на наш взгляд, вызовет статья А.Г. Блинова «Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека». Исследование посвящено анализу международного, российского и зарубежного законодательства, упорядочивающего научные изыскания в области генома человека и устанавливающего запрет на использование достижений биотехнологии для клонирования человека. Опираясь на позитивный нормотворческий опыт иностранных государств, автор предлагает включить в отечественное уголовное законодательство норму, которая должна удерживать правоисполнителей от совершения манипуляций с генетической составляющей личности.

В рубрике «Предупреждение преступности» вниманию читателей представлена работа Е.Л. Рубачевой, написанная в соавторстве с М.В. Мартиросян, «Причины и условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних». Авторы на

основе статистических данных преступности несовершеннолетних по Ставропольскому краю рассматривают условия ее возникновения и развития, а также выявляют отличительные признаки причин преступности несовершеннолетних.

В рубрике «Административное право и административный процесс» среди всего многообразия работ можно выделить статью И.В. Черкасовой «Современные проблемы административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия в Российской Федерации». Автором предлагаются пути совершенствования правового регулирования государственного управления данными объектами.

В рубрике «Актуальные вопросы психологии и педагогики» представлено исследование А.А. Кирьяновой «Реализация идей реформаторской педагогики в экспериментальных школах Англии, основанных С. Редди и Д. Бэдли», посвященное рассмотрению педагогических концепций С. Редди и Д. Бэдли, изучению основных особенностей «новых» школ Англии, которым насчитывается уже более 100 лет, успешная работа педагогов и учебно-воспитательный процесс которых не вызывают сомнений.

В завершение хотелось бы отметить работу А.И. Шевченко «К вопросу об организационно-правовом обеспечении трудовой занятости людей с ограниченными возможностями» в рубрике «Вопросы социологии». Эта статья, на наш взгляд, затрагивает одну из наиболее актуальных тем современности, т.к. проблема, поднятая автором, на сегодняшний день требует особого внимания. Автор анализирует основы политики по решению проблем трудовой занятости инвалидов, изучает опыт и возможности их устранения в мире и современной России. Также в статье рассмотрены основные проблемы реализации права людей с ограниченными возможностями на труд в современном обществе.

Добро пожаловать на страницы нашего журнала в качестве авторов и читателей!

С уважением,
главный редактор
кандидат педагогических наук
начальник Краснодарского
университета МВД России
генерал-майор полиции
И.А. Калинин

Палазян Арутюн Сергеевич

доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры теории и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583414)

Полицейский аппарат Российской империи начала XX в. в борьбе с экстремизмом и терроризмом: историко-правовой анализ

В статье представлен материал, содержащий сведения о деятельности полицейского аппарата Российской империи по борьбе с проявлениями экстремизма и терроризма. Автор формулирует собственную концепцию историко-правового исследования терроризма и экстремизма в истории России, а также борьбы полицейских органов с противоправной деятельностью.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, полицейский аппарат Российской империи.

A.S. Palazyan, Doctor of Law, Master of Philosophy, Assistant Professor, Head of a Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583414.

Police force of the Russian empire of the beginning of the XX century in fight against extremism and terrorism: historical and legal analysis

The material containing data on activity of police force of the Russian Empire on fight against manifestations of extremism and terrorism is presented in article. The author formulates his own concept of historical and legal research of terrorism and extremism in the history of Russia and fight of police bodies against illegal activity.

Key words: extremism, terrorism, police force of the Russian Empire.

В конце XIX в. в Российской империи сложилась социально-экономическая и политическая ситуация, которая подготовила благодатную почву для роста политического экстремизма и терроризма. Наметилось формирование широкого спектра общественно-политических организаций и партий, часть из которых в своих идеологических платформах исповедовала левый радикализм в борьбе за власть. Историческое развитие России в начале XX в. способствовало распространению террористических проявлений: не только значительная часть молодых людей, представителей среднего поколения, но и интеллигенция в целом позитивно воспринимали феномен левого террора. В этих условиях он стал не только национальным бедствием, но неизбежной реальностью, борьбу с которой предназначалось вести полицейскому аппарату Российской империи.

Вопросы терроризма интересовали российское общество и широко обсуждались в нем в начале XX в., особенно в среде интеллигенции и общественно-политических мыслителей. Отметим, что определенную его «допустимость» признавал, например, будущий лидер кадетов

П.Н. Милюков, слывший за либерала. При встрече с В.И. Лениным в 1903 г. в Лондоне «он очень упрекал искровцев за полемику против террора и уверял, что «еще один-два удачных террористических акта – и мы получим конституцию» [1, с. 152]. Сторонниками террора выступала не только партия эсеров, но и некоторые зарубежные эмигранты, как связанные с «экономизмом» (журнал «Рабочее дело»), так и ставшие впоследствии меньшевиками (В.И. Засулич, Ю.О. Мартов и др.). В одном из номеров журнала «Рабочее дело» было следующее заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» [2, с. 23.], а журнал одной из революционно-социалистических групп российских эмигрантов «Свобода», издававшийся в Швейцарии, пропагандировал террор как средство «возбуждать» рабочее движение, дать ему «сильный толчок» [3, с. 76–77].

По мнению И.А. Асеева, новая эпоха террора началась 14 февраля 1901 г. с убийства министра народного просвещения Н.П. Боголепова. Возникшая именно в это время самая сильная террористическая организация БО партии эсеров с момента своего основания была под-

контрольна МВД. Стратегия и тактика контроля и манипуляции радикальными группировками «политтехнологами» из полиции не всегда были оправданны, а зачастую и вредили Департаменту полиции [4, с. 18–22]

Согласно мнению И.М. Горбачевой, терроризм был реальной угрозой для национальной безопасности Российской империи. Особенно «чувствительными» для правительства были случаи применения индивидуального политического террора, направленного на представителей власти. Громкие убийства великого князя Сергея Александровича, министра внутренних дел В.К. Плеве, председателя Совета министров П.А. Столыпина и др. заставляли правительство делать ответные шаги, чаще всего ужесточая репрессивную политику, совершенствуя структуру политической полиции и методы борьбы с терроризмом. Это, в свою очередь, порождало новую волну недовольства и вынесение новых смертных приговоров сановникам. В России применение индивидуального политического террора приняло широкие масштабы и достигло совершенных организационных форм. Политической борьбой без массовой поддержки могла быть, по мнению революционеров, только индивидуальная террористическая борьба – наиболее действенный способ добиться смены негодного сановника при ограниченных силах [5].

Таким образом, можно отметить, что совокупность таких факторов, как рост числа проявлений радикальной оппозиции, массовые выступления жителей России, экономический и политический кризис, заставила органы правопорядка совершенствовать методы, организацию и законодательную базу борьбы с терроризмом и экстремизмом на рубеже XIX–XX вв. Одной из таких мер стало принятие в 1903 г. Уголовного уложения, которое систематизировало правовые нормы и санкции, регламентирующие соблюдение законности и порядка в Российской империи, а также борьбу с посягательством на изменение строя. Как утверждает С.Л. Рогов, среди государственных преступлений по объекту посягательства в Уголовном Уложении 1903 г. выделяются три основные группы: посягательства на внутренние основы государства (на саму государственную организацию, на целостность государственной территории и на символы государственной власти); посягательства на внешнюю безопасность государства; посягательства на иностранное государство. По мнению исследователя, в сфере законодательного закрепления составов государственных преступлений в Уложении 1903 г. была осуществлена политическая воля правительства относительно

укрепления правовых основ самодержавия, охраны уголовным законодательством тех изменений в социально-экономическом строе общества, что ощущались и осуществлялись, прежде всего, активно действовавшей и развивавшейся российской буржуазией [6]. Уголовное Уложение 1903 г. сохранило традиционную для российского законодательства схему деления государственных преступлений, которые могли быть направлены на внутреннее бытие государства (бунт) или на так называемое внешнее его бытие (измена) [7].

С точки зрения С. Рубцова, первая российская революция и последовавший Манифест 17 октября 1905 г., объявлявший политические права и свободы, учреждение законодательной Государственной Думы, не могли не вызвать изменений в государственном аппарате, в частности в МВД. Осенью 1905 г. в нем было создано Особое делопроизводство по выборам в Государственную думу и Государственный совет. Оно координировало деятельность местных органов по подготовке и проведению выборов. В период избирательных кампаний власти могли использовать его для продвижения одних и блокирования других кандидатов в депутаты Государственной думы. Но степень этого вмешательства, если судить по составу депутатов I и II Государственной Думы, большая часть которых была в активной оппозиции по отношению к правительству, не стоит преувеличивать [8].

Большое внимание царским правительством также уделялось контрпропаганде экстремизма и терроризма. В сентябре 1906 г. по решению министра внутренних дел П.А. Столыпина при Главном управлении по делам печати МВД было создано осведомительное бюро. Оно должно было передавать в средства массовой информации официальные сообщения, комментировать меры, принимаемые правительством, составлять обзоры публикаций центральных, местных и зарубежных газет для министра внутренних дел и руководителей ведомств. В распоряжении осведомительного бюро была типография, в которой печатались брошюры проправительственного содержания, а также секретная экспедиция для их рассылки [9].

Анализируя источники по рассматриваемой проблеме, можно отметить, что охрану государственного и общественного строя в начале XX в. обеспечивали такие государственные органы, как Военное министерство, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел и Министерство финансов, а также негосударственные органы (общественные движения и общественные партии монархического толка).

Значимую роль в этой деятельности играли также специальные службы России. Большое значение в ряду карательных органов российского государства имела политическая полиция. В губерниях находились подразделения жандармерии, деятельность которых целиком направлялась на обеспечение безопасности самодержавного строя и борьбу с терроризмом. В отличие от общей полиции организационная структура и система управления жандармерии были стабильней.

По мнению Н.В. Трошина, правовое регулирование деятельности полиции в России отличалось целым рядом принципиальных недостатков. Обязанности полицейских не систематизировались, а представляли, скорее, сумму наплававшихся друг на друга нормативных актов, копившихся десятилетиями. В то же время в период конца XIX – начала XX вв. была осуществлена правовая регламентация стадий и этапов уголовно-процессуальной деятельности и осуществлено ее дистанцирование от агентурно-розыскной деятельности, что обеспечило структурную обособленность органов, проводивших агентурно-розыскную деятельность (охранные отделения), дознание (жандармские управления) и предварительное следствие (следователи судебных органов) [10].

Еще одним важнейшим аспектом охраны общественно-политического порядка в Российской империи было, по нашему мнению, расширение в начале XX в. сотрудничества уездной полиции и жандармерии в борьбе с политическим экстремизмом. Согласно позиции В.В. Шабаева, наиболее частыми мерами, практиковавшимися полицией при борьбе с политическим инакомыслием, были такие, как административная высылка без права возврата и установление полицейского надзора, участие в проводимых облавах на антигосударственных деятелей и активистов, борьба с забастовочным движением, активное участие в борьбе с распространением запрещенной литературы, выполнение цензурных функций, а также работа по предотвращению антиправительственной политической агитации и пропаганды [11].

Значимым аспектом борьбы с преступлениями экстремистской и террористической направленности в царской России была охрана государственных границ от проникновения радикальных элементов и иностранных шпионов, потенциально деструктивных для общественно-политического строя Российской империи. Жандармы отмечали, что «верхи партий почти всегда находились за границей и сношениями с ними координировалась вся работа. Только

вне досягаемости русской власти допускалась централизация материалов партий, да и то по отделам, на местах же письменный материал был доведен до минимума и преимущественно зашифрованный» [12]. В деле охраны государственной границы МВД и входивший в его состав Департамент полиции играли определяющую роль, координируя и контролируя эту деятельность. С конца XIX в. в структуре Департамента полиции функционировал Отдел по охране и возобновлению границы. В 1912 г. полномочия этого подразделения были переданы во вновь созданный в системе МВД Империи Комитет по охране и возобновлению государственной границы. На местах в приграничных губерниях действовали пограничные комиссары МВД. Членами Комитета являлись также представители Генерального штаба, МИДа, Министерства финансов, в структуру которого входили таможенное и пограничное ведомства. В задачу этого органа входило решение вопросов охраны государственной границы, в том числе общая координация деятельности ведомств по охране границы, дислокации таможен, пограничных отрядов, полицейских сил в приграничных губерниях, участие в рассмотрении и разрешении пограничных споров, утверждение достигнутых международными комиссиями соглашений по пограничным вопросам, участие в определении границы, ее обозначение на картах, планах и на местности, выработка правительственной точки зрения на разногласия по пограничным спорам [13].

Но несмотря на проведение в начале XX в. широких реформ по улучшению организации российской полиции, ее расширению и разработке законодательной базы по борьбе с политическими экстремистами, революционное движение не потеряло свою силу. По нашему мнению, во многом нерешительные действия полицейских органов в борьбе с воздействием на общество радикальных элементов и их пропагандой послужили основой для разрушения основ общественно-политического строя Российской империи. Л.А. Ратаев, непосредственно руководивший всем политическим розыском в империи, следующим образом описывает действия МВД, Министерства народного просвещения и Департамента полиции: «Вот уже третий год буквально повторяется та же самая история: с самого начала учебного года начинается среди учащейся молодежи брожение, причем агитаторами являются принятые осенью обратно студенты, исключенные предыдущей весной за деятельное участие в беспорядках минувшего академического года. Департамент

полиции молчаливо созерцает развитие движения, не подавая признаков жизни и строго воспрещая охранным отделениям и жандармским управлениям затрагивать молодежь на почве студенческих беспорядков, дабы Министерство народного просвещения и так называемое «общество» не сказали, что Департамент полиции своими распоряжениями сам вызывает беспорядки...» [14].

А.С. Опилкин провел комплексный анализ исторических документов, посвященных работе российской полиции в начале XX в., и выделил ряд проблем, которые не позволяли правоохранительным органам в должной мере противостоять нарастающему политическому экстремизму и терроризму в начале XX в.

Первый комплекс проблем – на уровне центральных органов государственной власти и политической полиции: правительства, МВД, Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. К данным проблемам относятся следующие:

отсутствие стратегии борьбы с революционным движением в рамках МВД и Департамента полиции и вызванные этим обстоятельством несамостоятельные и непоследовательные действия, а также ошибочные решения руководства в сложных ситуациях;

недостаточная профессиональная компетентность значительного числа служащих Отдельного корпуса жандармов;

раздвоенность центрального аппарата управления политической полицией и периодически вспыхивающие противостояния руководителей Отдельного корпуса жандармов и Департамента полиции;

порядок назначения на должности начальников губернских жандармских управлений, на которые, как правило, назначались лица не по критерию профессиональной компетентности, а

получавшие по выслуге лет следующее звание и соответствующую ему должность.

Второй комплекс проблем можно выделить на региональном (губернском) уровне, к которым относятся следующие:

значительное число обязанностей служащих губернских жандармских управлений при их сравнительно малом штате;

некомпетентность значительного числа служащих жандармских управлений в деле руководства секретной агентурой и в сфере организации наружного наблюдения;

нежелание многих офицеров Отдельного корпуса жандармов, служивших в жандармских управлениях, изменить стиль работы, т.е. перейти от канцелярской переписки и составления отчетов к реальной борьбе с революционными организациями;

сложные взаимоотношения начальников губернских жандармских управлений и охранных отделений в рамках одной губернии, вызванные их запутанным служебным положением;

слабая координация действий органов политической полиции из разных губерний [9].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что несмотря на инициацию реформ полицейской системы в Российской империи в начале XX в., упорядочивание законодательной базы, усиление мер по противодействию терроризму и экстремизму, возник целый комплекс проблем, таких как бюрократизация, недостаточная эффективность, запутанность полицейских структур. Все это не позволило аппарату МВД, жандармам и специальным подразделениям успешно противостоять нарастающему политическому радикализму. На расширение революционных процессов также повлияли и не зависящие от работы полиции причины: социально-экономический кризис Российского государства, ухудшение положения населения.

1. *Пролетарская революция. М., 1924. Т. 3 (26).*
2. *Рабочее дело. 1901. № 10.*
3. *Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 6.*
4. *Асеев И.А. Организационно-правовые основы борьбы полиции России с политическим терроризмом в начале XX в. // История государства и права. 2010. № 7.*
5. *Горбачева И.М. Индивидуальный политический террор леворадикальных партий и борьба с ним Московского охранного отделения: конец XIX в. – 1917 год: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006.*
6. *Рогов С.Л. Государственные преступления в российском законодательстве и право-*

1. *Proletarian revolution. M., 1924. Vol. 3 (26).*
2. *Working business. 1901. № 10.*
3. *Lenin V.I. Complete set of works. Vol. 6.*
4. *Aseev I.A. Organizational and legal bases of fight of police of Russia with political terrorism at the beginning of the XX century // History of state and law. 2010. № 7.*
5. *Gorbacheva I.M. Individual political terror of left-wing radical parties and fight against it of the Moscow security office: the end of the XIX century – 1917: diss. ... Master of Law. M., 2006.*
6. *Rogov S.L. High treasons in the Russian legislation and law-enforcement practice of the middle of XVII – the beginning of the XX centuries: diss. ... Master of Law. N. Novgorod, 2012.*

применительной практике середины XVII – начала XX веков: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2012.

7. Мальянтович П.П., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. Практический комментарий. СПб, 1910.

8. Рубцов С.Н. История российской полиции. М., 1996.

9. Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996.

10. Трошин Н.В. Административно-полицейские органы царской России в борьбе с экстремизмом и террором во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. историч. наук. Владимир, 2000.

11. Шабает В.В. Уездная полиция Российского государства второй половины XIX – начала XX в. на территории Мордовии: дис. ... канд. историч. наук. Саранск, 2007.

12. Заварзин П.П. Жандармы и революция. Воспоминания. Париж, 1930.

13. Базаров П. Государственная граница. СПб, 1917.

14. Записка Действительного Статского Советника Ратаева о революционном движении в Империи // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1902. Оп. 230. Д. 1791. Л. 11.

15. Опилкин А.С. Основные проблемы политической полиции Российской империи в начале XX века глазами служащих Департамента полиции и Отдельного корпуса жандармов. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/31_2012Opilkin.html.

7. Malyantovich P.P., Muraviev N.K. Laws about political and public crimes. Practical comment. SPb, 1910.

8. Rubtsov S.N. History of the Russian police. M, 1996.

9. Bodies and armies of the Ministry of the Interior of Russia. Short historical sketch. M, 1996.

10. Troshin N.V. Administrative and police bodies of imperial Russia in fight against extremism and terror in the second half of XIX – the beginning of the XX centuries: diss. ... Master of History. Vladimir, 2000.

11. Shabayev V.V. District police of the Russian state of the second half of XIX – the beginning of the XX century in the territory of Mordovia: diss. ... Master of History. Saransk, 2007.

12. Zavarzin P.P. Gendarmes and revolution. Memory. Paris, 1930.

13. Bazarov P. State boundary. SPb, 1917.

14. Note of the Valid Councillor of state Ratayev about revolutionary movement in the Empire // GARF. T. 102. ОО. 1902. Оп. 230. 1791. L. 11.

15. Opilkin A.S. Main problems of political police of the Russian Empire in the beginning of XX century by eyes of employees of Department of police and Separate korpus of gendarmes. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/31_2012Opilkin.html

Резников Евгений Владимировичкандидат юридических наук, доцент,
судья Дзержинского районного суда
г. Волгограда
(e-mail: evreznikoff@yandex.ru)

Особенности правовой социализации

В статье анализируется субъектный аспект дефиниции «правовая идентичность», являющейся относительно новым понятием, выработанным наукой теории государства и права. Идея правовой идентичности позволяет свести воедино все отдельные аспекты участия человека в правовой жизни общества: правовое сознание, правовой статус и правовое поведение личности.

Ключевые слова: право, субъект права, идентичность, правовая идентичность, субъект правовой идентичности, правовое поведение, правовая жизнь общества, правовая социализация.

E.V. Reznikov, Master of Law, Assistant Professor, Judge of Dzerzhinsky District Court of Volgograd;
e-mail: evreznikoff@yandex.ru

Features of the subject of legal socialization

In the article the subjective aspect of the definition of «legal identity», which is a relatively new concept, worked out by theory of law is analyzed. The idea of legal identity allows to consolidate all the individual aspects of person participation in the legal life of the society: legal consciousness, legal status and legal behaviour of the individual.

Key words: law, legal personality, identity, legal identity, the subject of a legal identity, legal life of society, legal socialization.

Признание личности – лица, субъекта права – центральным движущим началом правовой системы еще не означает, что активная роль человека в правовой жизни общества является чем-то автоматически заданным и неизменным. Процесс включения человека в правовую действительность является протяженным во времени, требует накопления объективных и субъективных предпосылок и предполагает приобретение необходимых знаний и навыков в области права, что требует совокупных усилий самого индивида и его социального окружения. Правовая идентичность как органическое единство правосознания, правового статуса и юридически значимого поведения человека представляет собой промежуточный результат этого процесса.

Освоение правового аспекта социальной реальности происходит параллельно с выработкой других знаний и компетенций, необходимых человеку для участия в общественной жизни, и, таким образом, является составной частью общей социализации.

Понятие «социализация» в самом широком смысле обозначает процесс развития человека во взаимодействии с окружающим его миром, подготовку его к социальной жизни, превращение его в компетентного члена общества [1, с. 3–4]. Следовательно, процесс социализации включает

в себя постепенное осознание, закрепление и последующее соблюдение определенных стандартов поведения в обществе.

Т. Парсонс описывает социализацию как частный случай обучения. В свою очередь, обучение определяется им как набор процессов, посредством которых человек получает «новые элементы ориентации действия, новые когнитивные ориентации, новые ценности, новые объекты и новые экспрессивные интересы» [2, с. 305]. Основными чертами обучения, следовательно, являются, во-первых, новизна происходящих социально-психологических процессов, и, во-вторых, их постоянный характер, поскольку они не ограничены какой-либо стадией индивидуального развития, а продолжают в течение всей человеческой жизни. Что касается социализации, то этому понятию Т. Парсонс придает более узкое значение: социализацией можно называть такое обучение, посредством которого формируются не любые ориентации, а лишь такие, которые необходимы для удовлетворительного выполнения той или иной социальной роли [2, с. 308]. Из этого следует, что в теории Парсонса допускается возможность и такого обучения, которое не способствует адаптации человека к своей социальной роли, а является либо нейтральным в этом отношении, либо даже ведет к отклонениям от социальных стандартов.

В социологической концепции П. Бергера и Т. Лукмана также отводится заметное место процессу социализации, которая понимается как «перенимание-от-другого» того мира, в котором остальные уже живут. Социализацию, по мнению авторов, можно определить как «всестороннее и последовательное вхождение индивида в объективный мир общества или в отдельную его часть» [3, с. 212]. Такой подход позволяет различать первичную социализацию как вхождение в общество и вторичную социализацию как освоение каких-либо его отдельных сегментов.

Уточняя понятие социализации, И. Гофман указывает на то, что она не предполагает подробного изучения множества деталей каждой отдельной социальной роли. Содержание социализации заключается в том, что индивид обучается общепринятым способам поведения в мере, достаточной чтобы справиться с любой ролью, которая может выпасть ему в жизни [3, с. 108].

Можно сделать вывод, что в социологической теории трактовка социализации тесно связывается с понятиями социального мира, социальной роли и обучения. Речь идет об определенном виде информационно-смыслового обмена между индивидом и обществом. Если в рамках социологии особо подчеркивается такой аспект социализации, как «интернализация» (т.е. влияние социальных институтов на индивида), то с психологической точки зрения важен баланс двух встречных по отношению друг к другу процессов. Как указывает А.В. Мудрик, сущность социализации состоит в сочетании приспособления (становления индивида социальным существом) и обособления (становления индивидуальности) в условиях конкретного общества [1, с. 21–22].

Правовая социализация представляет собой один из многочисленных аспектов социализации человека и, следовательно, включает в себя определенную часть тех процессов, которые необходимы для вхождения индивида в социальные практики. Точнее говоря, правовая социализация может рассматриваться как вид социализации, предполагающий овладение правовыми средствами социального общения, или подготовка к выполнению социальных ролей, имеющих юридическое значение.

Представляется корректным следующее определение правовой социализации: «процесс формирования когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов правосознания» [5, с. 35]. В нем подчеркивается разноуровневый характер правовой социализации и единство

тех элементов, которые составляют правовую идентичность: психического (эмоционального и рационального) и поведенческого. Что касается нормативного элемента идентичности, то он, не являясь предметом социализации в полном смысле слова, тем не менее связан с ней самым непосредственным образом. Ведь именно нормативное содержание правовых статусов требует усвоения в ходе социализации, и именно способность к самостоятельному изменению своего правового положения с учетом нормативно-правового регулирования является одним из показателей успешной правовой социализации индивида.

Как представляется, можно выделить следующие особенности правовой социализации по сравнению с иными разновидностями социализации человека:

1. Правовая социализация опосредована текстами, при этом роль письменной речи в процессе правовой социализации выше, нежели в других видах социализации. Основными источниками правовой информации являются тексты Конституции, законов и других нормативных актов, международных договоров и т.п. Прямое или косвенное знакомство с содержанием этих источников является непременным условием правовой социализации.

2. Чаще всего правовая социализация начинается несколько позже, чем иные формы социализации (религиозная, этническая и др.). Это связано с тем, что юридический опыт индивида изначально носит крайне усеченный характер в силу существующих ограничений правосубъектности вплоть до наступления юношеского возраста. Соответственно, полноценная социализация, возможная лишь при условии участия в соответствующих практиках, фактически происходит лишь по достижении совершеннолетия.

3. Правовая социализация носит динамический характер, обусловленный изменчивостью самой правовой системы. В современных обществах со свойственным для них постоянным характером правовых реформ окончательная правовая социализация по существу состояться не может, она неизбежно протекает в виде вторичной социализации на всем протяжении активной социальной жизни индивида, вынужденного адаптироваться к изменениям правового регулирования, происходящим как на государственном, так и на глобальном уровнях.

Ш. Курильски-Ожвэн, анализируя особенности социализации человека, приходит к заключению, что «его правовая личность формируется параллельно с социальной и личной идентичностью» [6, с. 21]. Этот вывод, впрочем,

нуждается в определенной корректировке, особенно в части «параллелизма». Из приведенной формулировки следует, что правовая социализация носит относительно независимый характер по отношению к формированию социальной идентичности. Думается, что более правильно было бы считать правовую социализацию лишь одним из аспектов становления социальной идентичности, поскольку чем-то самостоятельным, отдельным от социальной идентичности, правовая идентичность не является. Что касается личной идентичности, то

она, действительно, формируется параллельно, автономно и собственного правового аспекта не имеет. Правовая социализация участвует в развитии лишь социальной идентичности индивида, не затрагивая его сугубо персональных, неповторимых качеств.

Итак, можно сформулировать следующее определение правовой социализации: это процесс формирования правового сознания индивида через приобретение юридического опыта в виде правовой информации и навыков юридически значимого поведения.

1. Мудрик А.В. *Социализация человека*. М., 2006.

2. Парсонс Т. *О социальных системах*. М., 2002.

3. Бергер П., Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М., 1995.

4. Гофман И. *Представление себя другим в повседневной жизни*. М., 2000.

5. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. *Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор*. М., 2003.

6. Арутюнян М., Здравомыслова О., Курильски-Ожеэн Ш. *Образ и опыт права. Правовая социализация в изменяющейся России*. М., 2008.

1. Mudrik A.V. *Human socialization*. M., 2006

2. Parsons T. *About social systems*. M., 2002.

3. Berger P., Lukman T. *Social construction of reality. Treatise on sociology of knowledge*. M., 1995.

4. Goffman I. *Self presentation and presentation of the others in daily life*. M., 2000.

5. Gulevich O.A., Golynchik E.O. *Legal sense and legal socialization: analytical review*. M., 2003.

6. Arutyunyan M., Zdravomyslova O., Kurilski-Ozhven Sh. *Image and experience of right. Legal socialisation in changing Russia*. M., 2008.

Сигалов Константин Елизарович,

доктор юридических наук, доцент,
 директор Центра правового регулирования
 финансово-экономических отношений
 Института проблем эффективного государства и гражданского общества
 Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
 (e-mail: Sigalovconst@mail.ru)

Представления о характере собственности и способах ее закрепления в средневековой России

Право и правовые идеи являются отражением экономических отношений в обществе. Эти экономические отношения складываются объективно, они обусловлены господствующей производственной технологией и выражаются в тех формах собственности, которые преобладают в данной цивилизации. Исторический путь, пройденный страной, в огромной мере определяет и характер собственности, и конфигурацию власти, эту собственность защищающую. В статье рассматриваются тенденции становления собственности и ее влияния на формирование власти в средневековой России.

Ключевые слова: собственность, власть, государство, князь, бояре, дружина, феодалы, крестьяне, вотчина, поместье, служение, нормативно-правовые акты, Русская Правда, Судебники.

K.E. Sigalov, Doctor of Law, Assistant Professor, Director of the Center of Legal Regulation of Financial and Economic Relations of Institute of Problems of the Effective State and Civil Society of Financial University under the Government of the Russian Federation; e-mail: Sigalovconst@mail.ru

Representations about character of the property and ways of its fastenings in Medieval Russia

The right and legal ideas are reflexion of economic relations in a society. These economic relations develop objectively, they are caused dominating by industrial technology and expressed in those patterns of ownership which prevail in the given civilisation. The historical way which has been passed by the country, in a huge measure defines both character of the property, and a power configuration, this property protecting. In the article tendencies of formation of the property and its influence on power formation in Medieval Russia are considered.

Key words: property, power, state, prince, boyars, team, feudal lords, peasants, ancestral lands, estate, service, regulatory legal acts, Russian Thruth, Codes of laws.

Собственность всегда была не только важнейшей сферой ответственности права, но и «отправной точкой» правового механизма. Именно она определяла «конфигурацию» самой власти, а также способы и приемы, с помощью которых власть управляла собственностью и обеспечивала порядок в обществе.

Экономическое бытие права в определенный исторический период (т.е. в каждое конкретное время) и в определенной цивилизации (т.е. в каждом конкретном пространстве) имеет свою специфику и свое проявление. Для Западной цивилизации собственность и право были неотделимы. Полноценное развитие законов, регулирующих отношения собственности, возникло в Древнем Риме. Иеремия Бентам считал, что «собственность и право рождаются и должны умирать вместе. До появления законов не было

никакой собственности: уберите законы – исчезнет всякая собственность» [1, с. 293]. Собственник желал, чтобы его право было защищено всегда и везде, вне зависимости от жизненных обстоятельств и физической возможности эту собственность охранять. Римское право сумело создать систему отношений, предусматривающую пользу отдельных лиц и защиту частной собственности. Римское право еще не отделяло частную собственность от владения, но уже средневековое западноевропейское право предусматривало принципиальную невозможность покушаться на частную собственность. Оно пошло дальше римского права в вопросе закрепления за отдельными людьми их собственности: товаров, земли, жилищ – всего того, что было произведено, унаследовано и приобретено. Без борьбы горожан за свои права это было бы невозможно.

Но Русь-Россия – это особый мир, уникальная, неповторимая цивилизация, вобравшая в себя как западные, так и восточные черты. В ней формы собственности всегда носили особый, отличный как от Запада, так и от Востока характер. Именно уникальный характер русской собственности обусловил социальную структуру общества, принципы общественных отношений, т.е. тип деятельности и, соответственно, специфику власти на Руси. Многие из того, что было характерно для Западной Европы, не было характерно для Руси, не было применимо в ее социально-экономических и политических реалиях. Если в Германии технический термин, обозначающий право собственности, появился в XIII–XIV вв., то в России термины «собственность» и «право собственности» стали использоваться значительно позже – в XVIII в. При этом следует согласиться с А.Я. Гуревичем, что «отношения власти и собственности в средневековой России существенно влияли на формирование структуры общества и сознание людей» [2, с. 107].

В большинстве многочисленных сравнений различных аспектов государственно-правового развития Западной Европы и Руси, как правило, заложены две ошибки. Во-первых, дихотомия сравнения несостоятельна. Нельзя «напрямую» сравнивать средневековую Западную Европу и средневековую Русь без учета влияния Византии, ее воздействия и на Западную Европу, и на Русь. Дихотомия должна быть заменена трихотомией. Во-вторых, представления о наличии полноценного феодализма на Руси ошибочны. Марк Блок авторитетно заявлял, что феодальными в точном смысле этого слова первоначально были лишь Франция, Западная Германия и Северная Италия, а остальная часть Западной Европы никогда не была полностью феодализована [3, с. 434]. На Руси также не было многих институтов феодализма (оммаж, аллод и др.). Отсутствие их дальнейшей трансформации в современные правовые институты не могло не сказаться на всем облике российской власти и всем государственно-правовом развитии российской цивилизации.

На Руси становление власти и собственности шло тремя путями. Первый путь состоял в том, что некогда свободные общинники попадали в зависимость от князя-вождя. Древнерусский князь – это не феодал в западноевропейском смысле слова, а вождь, предводитель военной дружины; без этой дружины он и князем не мог быть. Дружина во главе с князем должна была охранять некогда свободных общинников от всяческих нападений и заботиться о них. На деле

происходила эксплуатация рядовых членов общества со стороны князя и дружины. Так происходило «окняжение» земли и постепенное появление так называемой государственной, «черной» собственности.

Второй путь был обусловлен социальным и имущественным расслоением: более предприимчивые и энергичные общинники обогащались и из простых землевладельцев превращались в феодалов, их менее удачливые соседи лишались земли и попадали в зависимость от своих соседей.

Третий путь – феодалы-собственники были вынуждены часть своих слуг, рабов «сажать» на землю. Непроизводящие слуги превращались в крестьян-смердов, производящих блага.

Несмотря на то что общинники еще долго питали иллюзии относительно того, кому на самом деле принадлежат земли, по мере становления русской государственности все больше собственности принадлежало правителям. «Новые» земли, присоединенные в результате захватнических войн, уже однозначно становились собственностью князя или жаловались его приближенным. На Руси долгое время использовался весьма примитивный способ эксплуатации зависимых территорий – кочевание князей, «полюдье», т.е. перемещение правителя со всем двором по подчиненным провинциям для потребления ресурсов «на месте». Постепенно земли, принадлежавшие ранее общине, становились государственными, а следовательно, воспринимались как собственность князя, который считал себя вправе распоряжаться не только землей, но и людьми, на этой земле проживающими. В VIII–IX вв. земли уже передавались, дарились, наследовались вместе с крестьянами. Процесс «окняжения», по сути, представляет собой прямой захват как свободных незаселенных земель, так и земель соседских общин. Если ранее эксплуатация проводилась в форме взимания дани, то начиная с этого времени ее заменяют оброк, а затем и барщина как более эффективные и контролируемые формы фискальных отношений. В то же время расслоение общины приводило к тому, что выходцы из родоплеменной знати становились над общиной, превращались в точно таких же феодалов, как и дружинники, получившие земли за счет общины. Довольно быстро они превратились в единый феодальный класс, их собственность стала преобладающей в обществе, а общинная собственность приобрела вторичный и даже не вполне обязательный характер.

Проблемы собственности рассматривались в Русской Правде, в церковных уставах Владимира и Ярослава. Были сделаны первые робкие

шаги, чтобы разграничить понятие собственности как таковой, т.е. принадлежности чего-либо конкретному субъекту правоотношений, и примитивные первоначальные представления о собственности. В ранних русских кодексах (Русская Правда, Правда Ярославичей) практически отсутствовали абстрактные понятия, а сами они строились на казуальной основе: в них тщательно прописывалось множество разнообразных случаев посягательства на жизнь феодала, его слуг и крестьян, целостность различных видов их имущества и всевозможной живности.

Представления о собственности, вероятно, с большим трудом становились элементом правосознания народа. Однако для властных элит правовая регламентация собственности становилась насущной необходимостью. Кем бы ни были представители правящего класса по своему происхождению (княжескими слугами, дружинниками, выходцами из племенной знати), все они старались закрепить свое положение и свою собственность юридически. Различные редакции Русской Правды в целом однонаправленно решают вопрос о неприкосновенности личности и закрепленной за этой личностью собственности, что, по сути дела, было тождественным. Чем выше был статус человека, тем большими привилегиями он пользовался.

Владеть собственностью могли практически все свободные люди – как князья и их ближайшее окружение, так и купцы, ремесленники, смерды. Русская Правда регламентирует также право закупов распоряжаться своим имуществом и зарабатывать средства для уплаты долга. Лица рабского состояния (челядь и холопы) не могли быть субъектами права, однако так называемые «ролейные» холопы, в случае если их «сажали на землю», в отличие от холопов «обельных», определенным движимым имуществом обладать могли, хотя земля оставалась собственностью хозяина. Положение различных категорий княжеских слуг было позиционировано местом их проживания в пределах собственности князя, таким образом, они были, скорее, пользователями представленных им земель.

С первых лет введения христианства на Руси церковь становится крупным собственником движимого и недвижимого имущества. Это имущество предоставлялось церкви князьями, передавалось и завещалось различными собственниками – от бояр до обычных крестьян. Права собственности церкви в целом и отдельных монастырей были прописаны достаточно обстоятельно, закреплены в узаконениях Владимира и Ярослава. В XIII в. Устав Владимира был включен в Кормчие книги, что свидетель-

ствовало о перманентной заинтересованности власти в сохранении и преумножении церковной собственности.

Русская Правда в основном регулирует отношения той части общества, для которой частная собственность уже стала неоспоримой ценностью. Этот документ и демонстрирует востребованность наиболее деятельной части общества в юридической охране собственности. Скрупулезное и даже мелочное регулирование широкого круга собственности: домашних животных, орудий труда, оружия, торговых товаров и т.п. – свидетельствует о том, что первый шаг к регламентации собственности касался индивидуальной собственности, т.е. в первую очередь были определены права собственности на личное, движимое имущество, а затем уже и на землю. Общинная, коллективная собственность на землю еще очень долго остается в «ведении» обычая.

Во всем мире в Средние века земля выступала в качестве основного объекта права собственности, и Русь в этом смысле не составляла никакого исключения. Статус земли как собственности определялся характером сеньориально-вассальной зависимости для феодалов и системой запретов на распоряжение для крестьян. Особенности русского феодализма устанавливали и специфику отношений собственников земли с государством и князем как носителем государственной власти. Для Киевской Руси согласно Русской Правде были характерны следующие формы земельной собственности: 1) княжеский домен; 2) боярская вотчина; 3) монастырская вотчина; 4) личная вотчина церковных иерархов; 5) земли общины; 6) лично-семейный земельный участок; 7) незаселенные свободные (государственные) земли, верховным собственником которых выступал князь [4, с. 245].

Для Киевской Руси, кроме гражданско-правового способа приобретения земли (купля – продажа – обмен, наследование, дарение), существовали и раннефеодальные формы обретения земли как собственности. Князь раздавал земли (вместе с иммунитетами) за службу, осваивались свободные земли, князья и бояре шли на прямое принуждение, захватывая общинную собственность (окняжение и обояривание земли). Феномен власти на Руси складывался, в первую очередь, как необходимость фиксации собственности, что выражается даже этимологически: «власть» и «владение» – однокоренные слова.

Права собственности на движимое имущество защищались, в первую очередь, посредством виндикационных исков, т.е. возврата чужого

незаконного владения через определенную процедуру. Защита прав собственности происходила по «сословно-классовому» принципу – права князей и бояр защищались во много раз более эффективно, нежели представителей крестьянства. К купечеству законодательство относилось несколько по-иному, устанавливая конкретные причины, при которых та или иная собственность была утеряна.

Но особенно жестко охранялась земельная собственность. В целом законодательные акты периода Киевской Руси карали, в первую очередь, нарушителей княжеской собственности, но и любые посягательства на «нарушение земельной межи» карались сурово, ибо были посягательством на княжеские юридические установления.

Развитие права как такового и правовая защита собственности удельных князей и бояр, а также возрастание их земельных владений приводили к парадоксальному, на первый взгляд, социально-политическому феномену. Прежняя форма государственного устройства постепенно приходила в упадок, ибо центральная власть великого князя становилась все большей обузой для местных князей. Их экономическая, политическая и военная мощь все более возрастала, эта самостоятельность подкреплялась идеологически и защищалась правовыми нормами. Киевское государство, сохранявшее хотя бы видимость централизованного, заменяется конгломератом самостоятельных удельных княжеств, постоянно враждующих между собой. Причины этой постоянной вражды имели не только экономический, политический и военный характер, значительная составляющая носила и характер чисто правовой: неурегулированные границы, династические отношения и др.

Тем не менее Русская Правда и сопутствующие правовые документы в целом отражали характер отношений собственности на Руси вплоть до появления тенденций к объединению одной части русских земель на северо-востоке и включения другой их части в состав различных иностранных государств на юго-западе.

После освобождения от монгольского ига в Московском государстве начало формироваться совершенно новое право. Земля по-прежнему оставалась самым существенным объектом собственности и охранялась наиболее строго. Основой права собственности было право владения. Данные правовые институты не были тождественны друг другу (об этом свидетельствуют, например, Псковская судная грамота (ст. 72), Новгородская судная грамота (ст. 10), Новгородская берестяная грамота № 548 и др.),

но закон стоял на стороне добросовестного владельца, ограждая его от любых посягательств (так, попытка незаконного захвата земельного владения, «наезд», даже если он совершался настоящим собственником, карались законом – только суд был вправе менять статус владельца земли). В XV в. институт владения окончательно сформировался, право собственности и право владения приобретали различный смысл.

В «период Судебников» (XV–XVII вв.) земля как основной объект собственности уже приобретает другой статус в силу принадлежности конкретному субъекту собственности. Посему их правовое положение теряет прежнюю неопределенность и двусмысленность. Царский домен и крупные вотчины сохраняются, но даже видимость прежнего вассалитета была решительно заменена отношениями всеобщего подданства государю (широкий спектр ранее существовавших разнообразных владений в этот период сводится к двум ведущим формам – вотчине и поместью. Государство начинает ограничивать и обширное церковное землевладение. Особенно усердствовал в этом Иван IV, запретив церкви приобретать новые земли и получать их в качестве завещания). Это повлекло за собой и ограничение иммунитетных прав феодальных собственников, их прежние судебные и фискальные функции государство забирает себе, при этом крестьяне остаются основным плательщиком повинностей и налогов. Крестьяне еще обладают некой ограниченной свободой, могут раз в году (в Юрьев день) переходить от одного феодала к другому, а земля остается в их собственности с правом отчуждения (в общегосударственном масштабе выход крестьянский был ограничен в Судебнике 1497 г. двухнедельным периодом – по неделе до и после Юрьева дня (26 ноября), Судебник 1550 г. подтвердил это положение). В конце царствования Ивана IV начинаются постепенные ограничения на переходы крестьян, но окончательно Юрьев день был отменен при Федоре I (тем не менее опубликованного закона об отмене Юрьева дня до сих пор не найдено). С этих пор личность крестьянина и земля, на которой он проживал, как бы объединяются и становятся подконтрольными феодалу (черносошные крестьяне имели другой правовой статус, в личной зависимости от феодалов не состояли, а потому могли осуществлять сделки с землей).

Если Судебник 1497 г. еще не регламентировал подробно права собственности на землю, то в Судебнике 1550 г. уже проводится различие между родовыми и жалованными вотчинами, регламентируется товарное обращение вотчин.

Запрещение к выкупу заложенных в монастырях родовых вотчин по приговору 1580 г. Ивана IV имело целью изъятие вотчин в казну. Русское государство, таким образом, начало ограничивать частнопроводные отношения собственников во имя задачи создания нового политического класса дворян и образования поместного землевладения под условием службы.

Соборное уложение 1649 г. было составлено на основе широкого круга источников – Кормчей книги, Судебников, Указных книг приказов, царских указов, решений Земских соборов, выдержек из византийского и литовского законодательства. В отличие от предшествующих памятников права, содержащих в основном нормы процессуального права, Соборное уложение содержало нормы государственного, административного, уголовного и гражданского права. Гражданско-правовые нормы, регулирующие права собственности, обязательственное право, право наследования, сервитутное право, составляют 12% общего числа норм Соборного уложения. Подобное внимание к гражданско-правовой сфере, а также ее обособление свидетельствуют о развитии товарно-денежных отношений в России. Соборное уложение фиксирует государственную собственность (то, что непосредственно принадлежало монарху), частную собственность (собственность вотчинников-феодалов), условное право на землю (поместья), а также коллективную собственность волости, городской общины и др. Условное право предусматривало, что как бояре, так и дворяне могли распоряжаться землей только при условии службы царю. То, что земля или

иная собственность передавалась помещику, не вносило изменений в ее статус – субъектом собственности все равно оставалось государство. Родовые вотчины также ограничивали право владения отдельным лицом, и право распоряжения собственностью оставалось за боярским родом в целом.

Еще не были прописаны понятия «имущество» и «имущественные отношения», но различие между наличным и долговым имуществом, а также обязанностями различных категорий должников и их наследников определено. Собственность определялась как составляющая правомочий собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом, это было применимо как к поместьям, так и к вотчинам.

В заключение отметим следующее обстоятельство. Проблема никогда не будет понята без уяснения генезиса таковой. Изучение и всей русской средневековой истории, и проблем становления института собственности выходит далеко за рамки чисто академического интереса. Многие явления и процессы, сформировавшиеся в те далекие времена, продолжают оказывать сильнейшее влияние на современность. Более того, практически невозможно понять истинные причины современного состояния законности, правопонимания, общественного и индивидуального правосознания, состояния гражданского общества, причин возникновения и уровня коррупции, специфики отечественного бизнеса, всего механизма развития финансово-экономических отношений, если не исследовать их истоков, если не понять, что лежало в основании формирования этих феноменов.

1. *Правовая мысль. Антология / авт.-сост. В.П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003.*

2. *Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. 1996.*

3. *Блок М. Феодалное общество. М., 2003.*

4. *Рубаник В.Е. Собственность и право собственности: юридические, философские, социологические, экономические подходы в их историческом развитии. Т. 1: Отношения собственности и их отражение в восточно-славянской традиции права собственности. М., 2010.*

1. *Legal thought. Anthology / auth.-comp. V.P. Malakhov. M.; Ekaterinburg, 2003.*

2. *Gurevich A.Ya. Territory of the historian // Odissey. 1996.*

3. *Blok M. Feudal society. M., 2003.*

4. *Rubanik V.E. Property and property rights: legal, philosophical, sociological, economic approaches in their historical development. Vol. 1: Property relations and their reflection in the East Slavic traditions of ownership. M., 2010.*

Эфрикян Рубен Альбертович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

Звягольский Андрей Юрьевич

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +78612581426)

Полномочия органов местного управления по организации образовательного процесса в РСФСР (1917–1968 гг.)

Статья посвящена нормативно-правовому регулированию процесса образования в истории России. В частности, авторами анализируются полномочия местных Советов депутатов по организации предоставления школьного и дошкольного образования в исторический период (1917–1968 гг.).

Ключевые слова: компетенция органов местной власти, полномочия органов местного самоуправления, образование, местные Советы, районы, горно.

R.A. Efrikyan, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

A.Yu. Zvyagoliskiy, Doctor of History, Professor, Professor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612581426.

Authorities organ local management on organizations of the educational process in RSFSR (1917–1968)

The article is dedicated to normative legal regulation of the process of the formation in history of Russia. In particular, authors analyse authorities of the local councils deputy on organizations of the granting school and preschool formation at historical period (1917–1968).

Key words: competency of local authorities organ, organ local authorities home rule, education, local Councils, school-board, municipal public education authority.

Октябрьская революция 1917 г. принесла совершенно новые подходы в системе народного образования. Дело в том, что в советском государстве с самого начала его функционирования в 1917 г. и практически до распада в 1991 г. главенствовала (точнее, была по сути единственной) «государственная» теория местного самоуправления. Это означало, что формально органы местного управления (местные Советы депутатов) входили в систему государственной власти, составляя вертикаль снизу доверху. Вместе с тем, формально в Конституции РСФСР, принятой 10 июля 1918 г. [1], в ст. 10 закреплялась принадлежность всей власти рабочему населению страны, объединенному в городские и сельские Советы, сама сущность Советов основывалась на достаточно широком

представительстве населения, в дальнейшем эта концепция неизменно закреплялась законодательно. Так, согласно ст. 49 Конституции РСФСР 1925 г. «высшей в пределах данной территории – края, области, губернии, округа, уезда, района и волости – властью в границах своего ведения является съезд Советов» [2]. В съездах Советов (краевых, областных, губернских, окружных, уездных, районных и волостных) принимают участие представители всех Советов, находящихся на территории данной административной единицы (ст. 50). Другое дело, что местные Советы при этом находились в административной зависимости от вышестоящих Советов.

Соответственно, в сфере просвещения (образования) применительно к советскому периоду

нельзя говорить о местном самоуправлении в нынешнем его понимании и их соответствующих полномочиях в рассматриваемой области. Вместе с тем, по своей сути местные Советы, будучи органами государственной власти, реализовывали государственную образовательную политику на местах, и в этом смысле такой опыт представляет определенный научный интерес.

Кардинальным образом изменилась и система образования, которому новая власть уделяла первостепенное внимание. Уже на следующий день после проведения Второго Всероссийского съезда Советов (26 октября 1917 г.) совместным Декретом ВЦИК и СНК была учреждена Государственная комиссия по просвещению, на которую возлагалась задача руководить всей системой народного образования и культуры. Председателем комиссии был назначен А.В. Луначарский. В ее состав входили Н.К. Крупская, М.Н. Покровский, П.Н. Лепешинский и др. В декрете устанавливалось, что все дела «должны пока идти» через Министерство народного просвещения, которое по декрету должно «играть роль исполнительного аппарата при Государственной Комиссии». Таким образом, Министерство как руководящий орган, обладающий правительственными функциями, было ликвидировано и превращено в исполнительный, технический аппарат. Фактически Министерство, как и технический аппарат, в первые же дни после Октябрьской революции ликвидировалось вследствие саботажа со стороны почти всех специалистов и чиновников бывшего Министерства народного просвещения Российской империи. 26 (13) июня 1918 г. за подписью В.И. Ленина был опубликован декрет СНК «Об организации дела народного образования в Российской республике», более детально определивший функции Государственной Комиссии по просвещению. На нее возлагалось руководство делом народного образования и установление его общих принципов, объединение просветительной работы на местах, составление общегосударственной сметы и решение других принципиальных вопросов. Основные задачи в области руководства вопросами образования и культуры были возложены на Народный комиссариат просвещения РСФСР (Наркомпрос), образованный 18 июня 1918 г., а Комиссия по просвещению реформировалась в выборно-представительный орган и сконцентрировалась на вопросах развития народного образования [3]. В 1920 г. при Наркомпросе РСФСР была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности, руководившая всей работой в этом

направлении. На основе декретов СНК РСФСР, принятых в 1918–1919 гг., организация дела народного образования была перестроена на новых началах: все общеобразовательные школы стали общенародными; существование частных школ запрещено; введено бесплатное обучение, совместное обучение детей обоего пола; школа отделялась от церкви, а церковь – от государства; запрещалось преподавание в учебных заведениях какого бы то ни было вероучения и исполнение обрядов религиозного культа; отменялись физические наказания детей; все национальности получили право обучения на родном языке. В июне 1918 г. СНК РСФСР принял Положение об организации дела народного образования в Российской республике. Важнейшее значение имело Положение о единой трудовой школе РСФСР (опубликовано 16 октября 1918 г.), в соответствии с которым создавалась основанная на подлинно демократических принципах единая трудовая девятилетняя школа, состоящая из двух ступеней, обязательная для детей и подростков в возрасте 8–17 лет, с бесплатным и совместным обучением детей обоего пола на родном языке. Огромное значение для развития школы на родных языках имело создание в 1920–1930-х гг. письменности для десятков народов и народностей. Изменилось также содержание образования и воспитания, методы учебно-воспитательной работы, началась подготовка новых учебных планов, программ и учебников – эта работа особенно активизировалась после образования СССР в 1922 г. В 1930-х гг. были изданы правительственные постановления, укрепившие организационные и научно-педагогические основы советской школьной системы: «О начальной и средней школе», «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе», «Об учебниках для начальной и средней школы», «О структуре начальной и средней школы в СССР», «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» и др. Право граждан Советского Союза на образование закреплено Конституцией СССР. По мере экономического и культурного роста страны школьная система претерпевала изменения в типах и структуре учебных заведений, сроках обучения, формах связи и преемственности общего и профессионального образования. С 1921 г. наряду со средней школой (девятилетней, позже десятилетней) существовала семилетняя школа. С 1923 г. в деревне получили распространение школы крестьянской молодежи. С 1930 по 1940 гг. число учащихся 1–4-х классов дневных

школ возросло на 6 млн, 5–7-х классов – на 8,8 млн чел. В 1940/41 учебном году общее число учащихся общеобразовательных школ всех видов достигло 35,6 млн. В послевоенный период советская система народного образования получила дальнейшее развитие. В кратчайший срок страна справилась с трудностями, оставленными войной. Уже в 1950 г. работали свыше 220 тыс. школ. Усиленно велось школьное строительство. С 1950 по 1965 г. были построены 30 тыс. школ, кроме того, введены в действие 36 тыс. школ по инициативе и на средства колхозов. На проходившем в 1958 г. внеочередном XXI съезде КПСС были предусмотрены важные мероприятия в области народного образования, подготовки кадров высшей квалификации для всех отраслей народного хозяйства, расширение сети культурных учреждений и создание больших возможностей удовлетворения материальных и культурных запросов советских людей. В соответствии с решениями съезда Верховный Совет СССР принял 24 декабря 1958 г. Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [4, 5, 6, 7, 8, 9]. Одним из его важнейших положений было введение в нашей стране всеобщего обязательного восьмилетнего образования. Большая работа, которую провели органы народного образования по реорганизации школьной сети и расстановке педагогических кадров, позволила уже к 1962/63 учебному году все семилетние школы реорганизовать в восьмилетние. Значительно усилилось политехническое направление полной средней школы (IX–XI классы); были предусмотрены меры по развитию школ для работающей молодежи. Особое внимание уделялось работе городских и сельских профессионально-технических училищ. Принятая в 1961 г. на XXII съезде партии Программа КПСС поставила задачу перехода к всеобщему среднему образованию, что позволило бы значительно поднять общий культурный уровень всего советского народа [10, с. 42–47].

Кроме того, был сформирован институт дошкольного образования (воспитания), которое было определено «одной из основ школьного просветительного дела в государственном масштабе», т.к. оно в значительной мере укрепляло женщин, освобождая их от ухода за детьми, давало возможность принимать участие в общественной работе, уменьшало заброшенность и детскую беспризорность. В структуре Государственной комиссии по просвещению (с 1918 г. Наркомата просвещения) уже в ноябре 1917 г. образовался дошкольный отдел. Принимались руководящие документы, декларация

по дошкольному воспитанию, в частности постановление Наркомпроса «О непрерывности занятий в дошкольных учреждениях» от 20 сентября 1919 г., инструкция Наркомпроса «По ведению очага и детского сада» 1919 г. Увеличивалась сеть дошкольных учреждений. Создавались курсы по подготовке дошкольных работников. В 1918 г. в Москве открылся специальный дошкольный институт. С целью всеобщей организации дела, начиная с апреля 1919 г., проводились всероссийские съезды и конференции по дошкольному воспитанию. С середины 1930-х гг. по решению Совнаркома началось широкое плановое строительство типовых детских садов с помещениями для игр и занятий, физкультурными и музыкальными залами, застекленными верандами для сна, санитарно-гигиеническими комнатами при каждой группе. Разрабатывались проекты архитектурным бюро Наркомпроса [11].

Таким образом, в СССР государственная политика в сфере дошкольного и школьного образования (просвещения, воспитания) определялась на союзном уровне, а на всех последующих уровнях, включая уровень местной власти (местных Советов), решались вопросы реализации такой политики. Суть этой политики с самого начала функционирования советской власти оставалась неизменной и периодически с некоторыми коррективами обнаруживалась в партийно-правительственных документах. Так, в Постановлении ЦК КПСС и СМ СССР № 874 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы» от 10 ноября 1966 г. указывалось: «Признать, что советская школа и впредь должна развиваться как общеобразовательная, трудовая, политехническая. Ее главными задачами являются вооружение учащихся прочными знаниями основ наук, формирование у них высокой коммунистической сознательности, подготовки молодежи к жизни, к сознательному выбору профессии. Связывая всю воспитательную работу с жизнью, школа должна вооружать учащихся пониманием законов общественного развития, воспитывать школьников на революционных и трудовых традициях советского народа; развивать у них высокое чувство советского патриотизма, воспитывать готовность к защите социалистической Родины; раскрывать значение братского единства всех народов Советского Союза, их дружбы с трудящимися социалистических стран, воспитывать школьников в духе солидарности со всеми народами, ведущими борьбу против колониализма и власти капитала, за свободу и национальную независимость; решительно

боротся с проникновением буржуазной идеологии в сознание учащихся, с проявлениями чуждой морали. Школа призвана осуществлять эстетическое воспитание учащихся, играющее большую роль в их идейном и нравственном формировании, а также физическое развитие и укрепление здоровья школьников» [12].

Соответственно, полагалось считать важнейшей задачей партийных и советских органов в области народного просвещения осуществление в основном к 1970 г. в стране всеобщего среднего образования для подрастающего поколения. Советам Министров союзных республик, Министерству просвещения СССР и отраслевым министерствам и ведомствам предписывалось «обеспечить в соответствии с заданиями народнохозяйственного плана на 1966–1970 гг. развитие по годам пятилетки сети общеобразовательных школ и рост контингента учащихся в них, а также безусловное выполнение плановых заданий по строительству школ и укрепление их учебно-материальной базы» [12].

Основные принципы организации и деятельности учреждений системы народного образования СССР несколько позже были закреплены в утвержденных в 1973 г. и введенных в действие с 1 января 1974 г. Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании [13]. Согласно этому документу в систему народного образования СССР включены: дошкольное воспитание, общее среднее образование, внешкольное воспитание, профессионально-техническое образование, среднее специальное образование, высшее образование. Основными принципами народного образования СССР являются следующие: 1) равенство всех народов СССР в получении образования независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, отношения к религии, имущественного и социального положения; 2) обязательность образования для всех детей и подростков 3) государственный и общественный характер всех учебно-воспитательных учреждений; 4) свобода выбора языка обучения; обучение на родном языке или на языке другого народа СССР; 5) бесплатность всех видов образования, содержание части учащихся на полном государственном обеспечении, стипендиальное обеспечение учащихся и студентов и оказание им другой материальной помощи; 6) единство системы народного образования и преемственность всех типов учебных заведений, обеспечивающие возможность перехода от низших ступеней обучения к высшим; 7) единство обучения и коммунистического воспитания; 8) со-

трудничество школы, семьи и общественности в воспитании детей и молодежи; связь обучения и воспитания подрастающего поколения с жизнью, с практикой коммунистического строительства; 9) научный характер образования, постоянное совершенствование его содержания на основе новейших достижений науки, техники, культуры; обеспечение гуманистического и нравственного характера образования и воспитания; светский характер образования, исключая влияние религии.

При этом роль местных Советов в данной области была систематизирована и определена однозначно достаточно поздно, лишь в послевоенное время. Это произошло с принятием Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых советов депутатов трудящихся» от 8 апреля 1968 г. [12]. В этом документе указывалось, в частности, что местный Совет согласно ст. 4 «принимает меры по обеспечению топливом, освещением, инвентарем находящихся на сельском, поселковом бюджете учреждений народного образования, культуры и здравоохранения, по ремонту их помещений и созданию необходимых жилищно-бытовых условий работникам этих учреждений, привлекает колхозы, совхозы, предприятия и другие организации, независимо от их ведомственной подчиненности, к участию в выполнении указанных мероприятий, а также к работе по благоустройству; объединяет с согласия колхозов, совхозов, предприятий и других организаций средства, выделяемые ими на благоустройство». Кроме того, в состав полномочий сельских и поселковых Советов входило утверждение и освобождение от должности руководителей школ, детских дошкольных и внешкольных учреждений.

Проводя историко-правовой анализ, можно констатировать, что по сравнению с современным положением местные органы власти на сельском и поселковом уровне советского времени имели больше полномочий. Мы полагаем, что этот опыт заслуживает внимания. Действительно, странной выглядит ситуация, когда школа располагается в поселке, обслуживает население этого поселка, живущее на его территории, а поселковая власть не имеет никаких полномочий по управлению школой. Важным является и положение о том, что сельская и поселковая власть объединяли средства предприятий на благоустройство школ; и сейчас, даже при рыночной экономике, это направление представляется актуальным, особенно для глубинки.

1. Конституция РСФСР 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. № 31. Ст. 405.

2. Основной Закон (Конституция) РСФСР. М., 1925. URL: <http://ru.wikipedia.org>

3. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР: закон СССР от 24 дек. 1958 г. // Ведомости ВС СССР. 1959. № 1.

4. Константинова Н.А и др. История педагогики. М., 1982.

5. Новиков А.М. Народное образование в Советском Союзе. М., 1966.

6. Прокофьева Н.Р. Всеобщее среднее образование – дело партийное. Волгоград, 1969.

7. Филиппов Ф.Р. Всеобщее среднее образование в СССР. М., 1976.

8. Сайдакова Е.И. Вопросы организации всеобщего обучения. М., 1953.

9. Эфрикян Р.А. Виды и содержание полномочий органов местного самоуправления по организации деятельности школьных и дошкольных образовательных учреждений // Общество и право. 2008. № 3 (21).

10. Школа, педагогика и дошкольное воспитание в период развитого социализма / под ред. А.Н. Попова. М., 1989.

11. О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы: постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 10 нояб. 1966 г. № 874 // СП СССР. 1966. № 24.

12. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании от 19 июля 1973 г. № 536-VIII // Ведомости ВС СССР. 1973. № 30. Ст. 392.

13. Об основных правах и обязанностях сельских и поселковых советов депутатов трудящихся: указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 апр. 1968 № 2507-VII // Ведомости ВС СССР. 1968. № 16. Ст. 131.

1. Constitution of the RSFSR 1918 // Coll. of laws of RSFSR. 1918. № 31. Art. 405.

2. The Main Law (Constitution) of RSFSR. M., 1925. URL: <http://ru.wikipedia.org>

3. About fortification schools relationship with life and about the most further development of the system of the public education in USSR: law of USSR from Dec. 24, 1958 // Journal of All-Russian Congress USSR. 1959. № 1.

4. Konstantinova N.A and others. History of Pedagogics. M., 1982.

5. Novikov A.M. Public education in SOVIET UNIONS. M., 1966.

6. Prokofieva N.R. General average formation – deal of party. Volgograd, 1969.

7. Filippov F.R. General average formation in USSR. M., 1976.

8. Saydakova E.I. The Questions of organizations of the general education. M., 195.

9. Efrikyan R.A. Types and contents authority organ of the local home rule on organizations of school and preschool educational institutions activity // Society and Law. 2008. № 3 (21).

10. School, pedagogics and preschool education at period of the developed socialism / ed. by A.N. Popov. M., 1989.

11. About measures of the further improvement of the functioning of the average general school: resolution of CC CPSU and refer to USSR from Nov. 10, 1966 № 874 // JV USSR. 1966. № 24.

12. Bases legislation of USSR and union republics about public educations from July 19, 1973 № 536-VIII // Journal of All-Russian Congress of USSR. 1973. № 30. Art. 392.

13. About the main rights and duty rural and village advice deputy toiling Edict of the Presidium of the Supreme Soviet of USSR from Apr. 4, 1968 № 2507-VII // Journal of All-Russian Congress of USSR. 1968. № 16. Art. 131.

Мартыненко Борис Константинович

кандидат юридических наук,
 профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
 Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия
 (e-mail: ckvorcov@inbox.ru)

Разграничение понятий «террор», «терроризм», «война»

В статье намечены подходы к авторскому пониманию разграничения понятий терроризма, террора, войны. Предлагается перечень отличий и сходств этих феноменов.

Ключевые слова: насилие, принуждение, государство, политика, терроризм, террор, война.

B.K. Martynenko, Master of Law, Professor of a Chair of General Theoretical Legal Disciplines of North-Caucasian branch of the Russian Academy of Justice; e-mail: ckvorcov@inbox.ru

Delimitation of concepts «terror», «terrorism», «war»

The article presents approaches to the author's understanding of the distinction between the notions of terrorism, terror and war. Author offers a List of differences and similarities of these phenomena.

Key words: violence, coercion, state, politics, terrorism, terror, war.

Необходимость разграничения понятий «террор», «терроризм», «война» отмечают целый ряд отечественных и зарубежных исследователей [1; 2; 3].

В.В. Витюк и С.А. Эфиоров полагают, что с возникновением в конце XIX в. фрондерских организаций, практикующих постоянные акты террора, понимание «террора» и «терроризма» неприметно перестает охватывать пределы военных действий, выделяется в качестве описания лишь твердо определенного вида политической борьбы. Сами эти понятия в известной мере изолируются друг от друга. Понятием «терроризм» стали обозначать применяющие на деле политические убийства фрондерские организации и их тактику, а понятие «террор» закрепилось за карательными действиями государства. И только в самом общем виде при описании политически целесообразной деятельности и дифференцировании ее от иных видов насилия в политике эти два понятия взаимозаменяемы.

Можно согласиться с Е.П. Кожушко, который сравнивает эти понятия: «Террор – это политика репрессий со стороны государства, опирающегося на мощь своих силовых институтов», а «терроризм – это насилие, осуществляемое со стороны политических группировок. Оружие террора – репрессии, оружие терроризма – террористический акт» [4, с. 10].

Размежевывая понятия «террор» и «терроризм», заметим, что террор является более узким по объему суждением и описывает на-

силственные деяния, возникающие ситуативно с целью достичь определенных политических идеалов; терроризм же выдвигается структурированной системой, которая применяет идеологическое аргументирование разрушительной деятельности.

Терроризм в отличие от террора есть порядок достижения характерными средствами целей в политике. Суждение «террор» нередко употребляется как равнозначное суждению «политический терроризм». Толковый словарь С.И. Ожегова дает такую дефиницию террора: «Устрашение своих политических противников, выражающееся в физическом насилии вплоть до уничтожения» [5, с. 221]. В научной литературе возможно повстречать соответствующие дефиниции террора: «Преднамеренное уничтожение мирного населения и объектов невоенного характера (жилых домов, предприятий гражданского назначения, скота, посевов и пр.) в ходе любого вооруженного конфликта и любой стороной, в том числе обороняющейся за национальную независимость, против оккупантов и пр., есть террор» [6, с. 131]. Как видно, авторы указанных дефиниций используют подмену террора терроризмом, исходя из субъективного признака явления, что нельзя считать правомерным. И в рамках данной статьи следует отметить, что, отталкиваясь от своего общественного положения, большинство ученых по-разному подходят к дефиниции терроризма: «Тот, кто для одних террорист, для других – борец за свободу» [7, с. 224].

Фигурой государственного террора является государство, политическая власть. Предметом выступает свой народ (политическая оппозиция) либо народ на оккупированной земле. Государственный террор имеет в виду углубленную идейную подготовку, подобно как и война, фашизм или революционное насилие базируется на политике репрессий. Репрессия (от лат. *repressio* – подавление) означает принудительные меры, используемые государственными органами в отношении отдельных граждан, групп населения, этнических групп, наций, народностей. По данному поводу У. Лакер верно говорит: «...никто не будет утверждать, что государственные репрессии принесли меньше страданий и бедствий, чем современный терроризм» [8, р. 6].

Карательные меры, исходящие от государства, возможно проводить как в отношении граждан своей страны, так и в отношении граждан на оккупированном пространстве. Карательные меры без осуществления правосудия, строгая политическая диктатура и регулярное насилие спутствуют репрессиям и практике террора.

Если речь идет о карательной политике государства, с понятием «террор» последовательно объединяются сходные понятия: «массовый террор», «политика террора», «тотальный террор», «фашистский террор». Ф. Кастро отмечал, что террор неизменно применялся противниками человечества в совокупности средств для того, чтобы расстроить и подавить борьбу людей за свое высвобождение. Он не может быть постоянно средством подлинно благородного и справедливого дела [9, с. 123].

Государственный террор уместно сравнить с террором негосударственным. Негосударственный террор (и оппозиционный, и индивидуальный) вызван к жизни мировоззрением, в основе которого покоится глубокая и основанная на положениях догмы система взглядов относительно абсолютной незаконности того общественного строя, в границах которого находятся сторонники альтернативной политической силы. Мы говорим о долгом и регулярном использовании оппозицией политики терроризма, т.е. политики использования террористических способов войны. Однако терроризм не является идеологией. Это, главным образом, общий план борьбы, применяемый движениями самой различной направленности. И совместное у террора и фашизма – расизм, но только в терроре не антропологический расизм, а классовый, идейный, духовный. То есть мир строго разбивается на две части по принципу «кто не с нами, тот против нас».

Рассматривая детально теоретические разработки, относящиеся к разграничению представлений «террор» и «терроризм», необходимо

указать, что суждения «террор» и «терроризм» все еще остаются взаимозаменяемыми, хотя понемногу обособляются друг от друга и ныне используются только для описания твердо установленного внешнего облика политической борьбы.

Понятие «террор» закрепилось за карательными деяниями государственного аппарата, а также означает политику террора, используемую оппонентами, при обособлении от иных видов насилия в политике. Политика с давних пор соединяется или даже сближается с насилием. Однако законное насилие в политике может реализовывать только лишь государство. Законное насилие в политике различается от незаконных форм собранностью, обширностью, регулярностью и результативностью использования. К законному насилию в политике, за исключением террора государственного, относится также и война.

Все ученые сходятся во мнении, что сами террористы и их сторонники часто называют свои действия «справедливой тактикой войны против тиранического режима» [10, р. 1]. В.В. Устинов отмечает, что при этом «нормы международного гуманитарного права тяготеют к односторонности. В то же время различными группировками, в том числе и террористической направленности, военная тактика и ситуация вооруженного конфликта используются для облегчения достижения преступных целей. При этом любое (намеренное или непреднамеренное) отклонение государственных сил от закона ведения войны незамедлительно пропагандируется противной стороной, не считающей себя связанной какими-либо обязательствами» [11, с. 13].

Война – основная и классическая форма проявления агрессии на социальном уровне. Феномен войны представляет собой весьма сложную психологическую, экономическую, политическую и техническую проблему. Органическую связь между войной и политикой подчеркивал немецкий военный теоретик К. фон Клаузевиц. Война, писал он, «...есть не что иное, как продолжение государственной политики иными средствами»; война – это «...не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами». [12, с. 5, 27]. А В.И. Ленин отмечал: «Война есть продолжение политики того или иного класса; и в каждом классовом обществе, и в рабском, и в крепостническом, и в капиталистическом, бывали войны, продолжавшие политику угнетательских классов, а также бывали войны, продолжавшие политику угнетенных классов» [13, с. 135–136].

1. Лукамбо Р., Фукуа Х.Э., Кенджами Дж.П., Ковальтски К. Терроризм: психологические и политические аспекты. URL: [http:// file://A:\ article.htm](http://file://A:\article.htm)
 2. Boaz Ganor. *Defining terrorism: is one man's terrorist another man's freedom fighter?* URL: // <http://www.ict.org.il/articles>.
 3. Boaz Ganor. *Countering state-sponsored terrorism.* URL: // <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=5>
 4. Кожушко Е.П. *Современный терроризм: анализ основных направлений.* Минск, 2000.
 5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка.* М., 1995.
 6. Кива А.В., Федоров В.А. *Анатомия терроризма // Общественные науки и современность.* 2003. № 1.
 7. Витюк В.В., Эфиров С.А. *«Левый» терроризм на Западе: история и современность.* М., 1987.
 8. Laguer W. *The age of terrorism.* Boston, 1987.
 9. Зюганов Г.А. *Глобальное порабощение России, или «Глобализация по-Американски».* М., 2011.
 10. Wauqh W.L. *International terrorism: how nations respond to terrorists. documentary publications.* Salisbury. N.C., USA, 1982.
 11. Устинов В.В. *Государственная анти-террористическая стратегия: общая концепция и правовые аспекты // Государство и право.* 2003. № 3.
 12. Клаузевиц К. *О войне.* М., 1934.
 13. Ленин В.И. *Полн. собр. соч.* 4-е изд. Т. 26.
1. Lukambo R.V., Fuqua J.E., Kendžami J.P., Koval'tski K. *Terrorism: psychological and political aspects.* URL: [http://file://A:\ article.htm](http://file://A:\article.htm)
 2. Boaz Ganor. *Defining terrorism: is one man's terrorist another man's freedom fighter?* URL: // <http://www.ict.org.il/articles>.
 3. Boaz Ganor. *Countering state-sponsored terrorism.* URL: // <http://www.ict.org.il/articles/articledet.cfm?articleid=5>
 4. Kozhushko N.E. *Modern terrorism: analysis of the main trends.* Minsk, 2000.
 5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Dictionary of Russian language.* M., 1995.
 6. Kiva A.V., Fedorov V.A. *Anatomy of terrorism // Public sciences and modernity.* 2003. № 1.
 7. Vityuk V.V., Efirov S.A. *«Left» terrorism in the West: history and modernity.* M., 1987.
 8. *The age of terrorism.* Boston, 1987.
 9. Zyuganov G.A. *Global enslavement of Russia, or «Globalization American-style».* M., 2011.
 10. Wauqh W.L. *International terrorism: how nations respond to terrorists. Documentary publications.* Salisbury. N.C., USA, 1982.
 11. Ustinov V.V. *State anti-terrorist strategy: overall concept and legal aspects // State and law.* 2003. № 3.
 12. Clausewitz K. *About the war.* M., 1934.
 13. Lenin V.I. *Coll. of works.* 4th ed. Vol. 26.

Овчинникова Надежда Альбертовна

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний России
(e-mail: nadezhda.albertovna@mail.ru)

Эмоциональная теория права Л.И. Петражицкого

Статья посвящена анализу психологического аспекта бытия правового феномена, эмоциональной теории права Л.И. Петражицкого. Проводится исследование проблемы соотношения позитивного и интуитивного, официального и неофициального права. Особое внимание уделяется регулятивному потенциалу права, его воздействию на эмоциональную и мотивационную сферу личности.

Ключевые слова: эмоциональная теория права, позитивное право, интуитивное право, официальное право, неофициальное право, правосознание, чувство права, этические эмоции, правовые эмоции.

N.A. Ovchinnikova, Master of law, Senior Teacher of a Chair of Theory and History of State and Law of the Samara Juridical Institute of Federal Service of Execution of Punishments of Russia; e-mail: nadezhda.albertovna@mail.ru

Emotional theory of law of L.I. Petrazycki

The article is devoted to analysis of the psychological aspect of existence of the legal phenomenon, L.I. Petrazycki emotional theory of law. There is a studying of the problems of correlation between positive and intuitive, formal and informal law. Special attention is paid to the regulatory law potential, its impact on the emotional and motivational sphere of the individual.

Key words: emotional theory of law, positive law, intuitive law, official law, unofficial law, legal consciousness, feeling of law, ethical emotions, legal emotions.

Актуализация правовых взглядов Л.И. Петражицкого в значительной степени определяется тем, что на сегодняшний день его учение остается одним из наиболее масштабных системных исследований психологического аспекта бытия правового феномена, расширяющего границы рационально-прагматического осмысления права до необходимости исследования его эмоциональной составляющей. Методологическая и практическая ценность заданного Л.И. Петражицким вектора исследования правового феномена отвечает наиболее актуальным гносеологическим потребностям постнеклассической парадигмы.

Свою теорию Л.И. Петражицкий основывает на положении о том, что право представляет собой явление не внешнего материального мира, а внутреннего духовного порядка, следовательно, его изучение необходимо начинать с наблюдения, сравнения и анализа внутренних психических состояний и их внешних проявлений – человеческой речи и действий. Исследователь констатирует наличие в человеческом сознании норм, авторитетно регулирующих наше поведение. Осуществляя выбор в своей деятельности, человек, по мнению Петражиц-

кого, испытывает чувство «связанности воли», которое предопределяет и нормирует его поведение независимо от чувственных влечений и эгоистической пользы. Эти повелительные нормы человеческого сознания рассматривает как высший авторитет, и признание необходимости подчинения ему выражается в человеческой речи словами «обязанность», «долг», «долженствование». Л.И. Петражицкий полагает, что «чувство связанности воли» [1, с. 252–253] может быть различным, следовательно, природа повелительных норм, управляющих человеческим поведением, не одинакова. Нравственные нормы являются односторонне связывающими, поскольку нормируют поведение исключительно в одностороннем порядке, не закрепляя соответствующую обязанность за кем-либо другим, вследствие чего они могут быть названы императивными. Правовые нормы, напротив, являются двусторонне связывающими, поскольку одновременно нормируют поведение двух лиц – обязанного и управомоченного – и поэтому получают в концепции Л.И. Петражицкого наименование императивно-атрибутивных. Таким образом, ядром, сердцевинной права и его предельным смысловым основанием является

наличие атрибутивной, управомочивающей составляющей, отличающей его как специфическое явление от нравственности и других систем социальной регуляции. А.В. Поляков сделал интересное наблюдение относительно методологической ценности правовой теории Л.И. Петражицкого, которая по сути представляет феноменологический анализ права, раскрывающий его субстанциональное основание – корреляцию правомочия и обязанности [2, с. 11].

Л.И. Петражицкому удалось выявить общий логический недостаток всех существующих подходов к правопониманию – логический круг, которого, однако, ему не удалось избежать в собственных теоретических построениях. В качестве основного недостатка эмоциональной теории права можно выделить отождествление фактов индивидуальной психики с сущностью права и, как следствие, включение в круг субъектов права богов Олимпа, домашних животных, разнообразие которых Л.И. Петражицкий ставит в зависимость не только от уровня развития правового сознания, особенностей культурного развития общества, но и от верований, фантазий и др. [1, с. 378]. А.В. Поляков полагает, что именно субъективистские предпосылки теории Л.И. Петражицкого не позволили ему сделать научно корректные выводы, поскольку право фактически отождествлялось с индивидуальными эмоциями (частью правосознания) и тем самым создавался искаженный образ права, а сфера правового непомерно расширялась [2, с. 11].

В своей теории Л.И. Петражицкому удается авторитетно и аргументированно доказать автономную догосударственную природу права. Государственное принуждение, применяемое при нарушении прав конкретного лица, не является самоцелью, а лишь следствием атрибутивной природы права. Л.И. Петражицкий обращает внимание на то, что процесс «монополизации силы» происходит в истории развития общества постепенно. В результате институционализации государственной власти и развития официального права происходит монополизация правового принуждения государством [1, с. 268]. Государство посредством официального права сортирует императивно-атрибутивные нормы по их этической социальной значимости, тем самым формируя иерархию правовых ценностей.

Право, исходящее от государства или им санкционированное, в теории Л.И. Петражицкого получает наименование «официального», дополнительной характеристикой которого является обеспеченность государственным принуждением. Но по своей эмоциональной сути как субстанциональному основанию «официальное

право» не отличается от иных правовых формообразований. В теории Л.И. Петражицкого правовым характером наделяются самые разнообразные формообразования «неофициального» права: от правил азартных игр до «воровского закона». Автор полагает, что интуитивных прав существует ровно столько, сколько индивидов, переживающих в своем сознании императивно-атрибутивные эмоции.

Соотношение интуитивного и официального права, согласно теории Петражицкого, в каждой стране зависит от уровня развития культуры, состояния народной психики. Интересным с точки зрения исследования специфики российского правосознания и истоков правового нигилизма является наблюдение Л.И. Петражицкого о том, что Россия преимущественно является царством интуитивного права. В ее состав входят народы, стоящие на разных ступенях развития, с множеством национальных правовых систем и религий.

Одна из наиболее ценных в теоретическом и практическом аспекте идей Л.И. Петражицкого – выделение интуитивного (автономного) и позитивного (гетерономного) права. Подчеркивая интуитивную природу значительного массива правовых предписаний, ученый уделяет особое внимание разработке проблематики интуитивного права, пытаясь вывести аксиомы интуитивного права, которые представляют собой высший авторитет и предельное основание любого правопорядка, например неприкосновенность жизни и собственности. Поведение, противоречащее аксиомам интуитивного права, рассматривается участниками правового общения как социально вредное, наносящее практический вред не только управомоченному субъекту, но и обществу в целом. Именно в силу социальной значимости правового притязания управомоченный субъект требует от обязанного соблюдения предписание правовой нормы если не добровольно, то под страхом наказания (первоначально только общественного, позже в отношении официального и некоторых видов неофициального права – обеспеченного принудительной силой государства). Л.И. Петражицкому удается авторитетно доказать, что не государство порождает право, а, напротив, последнее обуславливает формирование официального права и политогенез.

Позитивное право исторически формируется как универсальное средство intersubъективного взаимодействия. Л.И. Петражицкий отмечает, что вследствие различия правовых убеждений нередко происходит конфликт правовых притязаний: в атрибутивном характере права, при

индивидуальном или массовом различии или несогласии этих норм, кроется опасное взрывчатое вещество, психический источник разрушения, злобы и мести; и несомненно, что многие миллионы людей на земле потерпели смерть, и массы человеческих союзов были разрушены и истреблены вследствие диссонансов атрибутивных норм и несовпадения противостоящих правоотношений [1, с. 262]. Таким образом, позитивное право, его обязательность, основанная на общезначимости, исторически формируется как интегративная основа общества, инструмент социального компромисса.

С другой стороны, ученый отмечает жизнеспособность и действенность интуитивного права, основанного на атрибутивных убеждениях, не имеющих внешнего авторитета и не получивших объективации в качестве позитивного права: «Люди фактически приписывают на каждом шагу себе и другим обязанности правового типа и права и исполняют эти обязанности и осуществляют права вовсе не потому, что так написано в гражданском кодексе, а потому что так подсказывает им их интуитивно-правовая совесть... да они даже и не думают о существовании этих статей и кодексов» [3, с. 87]. Таким образом, можно констатировать наличие некоего феномена в эмоционально-психологической сфере, не обязательно логически осознаваемого и объясненного, но тем не менее являющегося важнейшим фактором правообразования, поскольку само стремление к разграничению сфер внешней свободы генетически укоренено в психике человека. Используя теоретические выводы Л.И. Петражицкого, в качестве наиболее существенных характеристик человеческого сознания, обуславливающих правогенез, можно выделить следующие: автономную способность к самоопределению; ценностную ориентацию; нормативную структуру; стремление к социальному взаимодействию.

Прогресс права Л.И. Петражицкий видит в ослаблении давления на мотивационную сферу личности, поскольку система правовой мотивации – это лишь инструмент очищения общественных отношений от деструктивных асоциальных проявлений индивидуальной воли. «Право существует из-за невоспитанности, дефектности человеческой психики, и его задача состоит в том, чтобы сделать себя лишним и быть упраздненным» [4, с. 12–13]. Более того, «путем психического воздействия соответственной правовой системы индивидуальное и массовое поведение и развитие народной психики направляется в сторону общего блага. Так, под влиянием постоянного психического

воздействия права народный характер неизбежно изменяется, становится лучше, приспособленнее в социальном отношении... постепенно ослабляется напряжение соответственного психического давления, например, жестокость наказаний и т.д.» [4, с. 13]. Именно благодаря систематическому психическому воздействию права на мотивационную сферу личности с течением времени формируется устойчивая просоциальная активность. Поскольку право является мощнейшим инструментом формирования правовой мотивации, ученый считал возможным научиться управлять этой тенденцией. Адекватным средством социального управления является политика права, которая должна определять пути его прогресса и совершенствования. Политика права представляет собой практическую часть философии права, которая должна учитывать нелинейный характер правового прогресса.

Обычное право представляет собой «кристаллизацию народного опыта, результат массы социальных фактов и, таким образом, массу эмпирических истин относительно того, как и посредством чего должно регулироваться поведение людей... право, и в особенности обычное право, есть зеркало современного ему психического, в частности этического, состояния народных масс» [5, с. 11].

Право в концепции Л.И. Петражицкого выступает квинтэссенцией социального опыта, аккумулирующего базовые основополагающие культурные ценности. Следовательно, право выступает индикатором уровня развития и качественного состояния нравственного сознания. Именно поэтому средства правового воздействия меняются в зависимости от состояния «народной психики». На примере эволюции романо-германской правовой системы ученый прослеживает устойчивую тенденцию гуманизации санкций, связанных с неисполнением обязательства: смерть, членовредительские наказания, рабство и телесные наказания, лишение свободы, имущественный штраф... [5, с. 11].

Немалую практическую ценность представляет обоснование Л.И. Петражицким генетического родства правового и нравственного начала, что обуславливает высокий воспитательный потенциал права в формировании общественного правового сознания. Основным выводом здесь является обоснование того, что воспитание посредством правового воздействия может иметь не только позитивный, но и негативный результат. Для того чтобы властное предписание было интегрировано в правовую реальность,

оно должно быть адаптировано применительно к нравственному общественному сознанию и мотивационной сфере личности, очевидно, что критерием адаптации в данном случае выступают базовые ценности конкретного общества. Властное установление, игнорирующее этическую доминанту бытия конкретного общества и основанное на чистом принуждении, оказывает деструктивное разрушительное воздействие на социальное развитие. «Многочисленное повторение безнравственных мотивов и поступков оставляет в душе человека и в этике народа тем более опасное и вредное отложение, кристаллизацию нравственного яда, безнравственную привычку, вредный инстинкт... путем подражания волна распространяется дальше... деморализующая совокупность норм действуют эпидемически... И вот вредное воздействие недостатков права может экстенсивно и интенсивно проявиться в таком размере, что из нравственного катехизиса будут вырваны драгоценнейшие и необходимейшие для нравственного здоровья народа страницы» [5, с. 12].

Концептуальная разработка «интуитивного права» Л.И. Петражицкого представляет солидную аргументацию относительно того, что интеграция властных предписаний в правовую реальность зависит от трансформации внешних правил поведения в мотивационную сферу личности, во внутреннюю потребность всех участников правовой жизни. Остается добавить, что анализ политической и правовой практики современной России вполне очевидно подтверждает мысль о том, что сознательное или неосознанное игнорирование законодателем механизма адаптации правовых предписаний, искусственное навязывание внешнего

принуждения в виде права, не получившего нравственной санкции сознания, создает лишь видимость правопорядка, нивелируя такие его субстанциональные свойства, как эффективность, действенность, стабильность. Дело в том, что само существование правовых ценностей и знание о них не является достаточным условием для их интеграции в правовую жизнь общества.

Практическая ценность теории Л.И. Петражицкого заключается в теоретическом обосновании механизма выявления социальных правовых притязаний, приведения их к общему знаменателю и реализации в государственной правовой политике. Подобная рационализация устремлений общественного правового сознания позволит избежать, по мнению ученого, «несчастья, горя и слез, горького опыта» неудачных властных установлений, противоречащих социальным ожиданиям [6, с. 191]. «Задачами политики права, по Петражицкому, является выработка объективных, научных указаний относительно возможности использования правовых средств для изменения социальной деятельности в направлении, ведущем к намеченной цели» [7, с. 50–51].

Современное теоретическое правоведение актуализирует проблемы исследования психологических факторов правогенеза. Концепция интуитивного права Л.И. Петражицкого способна стать прочной основой для объединения усилий ряда наук, исследующих различные аспекты права. Именно интуитивное право как «живое», существующее в сознании индивидов представление о праве, не связанное с официальным правом, должно стать предметом современного систематизированного научно-правового исследования [8, с. 8–14; 9].

1. Петражицкий Л.И. *Очерки философии права // Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010.*

2. Поляков А.В. *Российский правовой дискурс и идея коммуникации: учеб. пособие. СПб., 2006.*

3. Петражицкий Л.И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.*

4. Петражицкий Л.И. *К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 2.*

5. Петражицкий Л.И. *Введение в науку политики права // Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010.*

6. Петражицкий Л.И. *Обычное право // Теория и политика права: избр. тр. / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2010.*

1. Petrazycki L.I. *Essays on the philosophy of law // Theory and politics of law: sel. works / sci. ed. by E.V. Timoshin. SPb., 2010.*

2. Polyakov A.V. *Russian legal discourse and the idea of communication: study aid. SPb., 2006.*

3. Petrazycki L.I. *Theory of law and state in connection with the theory of morality. SPb., 2000.*

4. Petrazycki L.I. *To the question about the social ideal and revival of natural law // Legal bulletin. 1913. B. 2.*

5. Petrazycki L.I. *Introduction to the science policy of the law // Theory and politics of law: sel. works / sci. ed. by E.V. Timoshin. SPb., 2010.*

6. Petrazycki L.I. *Customary law // Theory and politics of law: sel. works / sci. ed. by E.V. Timoshina. SPb., 2010.*

7. Подгурецкий А. *Очерки социологии права*. М., 1974.

8. Головина Л.Ю. *Справедливость как «интуитивное право» в теории Л.И. Петражицкого // Государственное строительство и право: сб. науч. тр. / под общ. ред. Г.В. Мальцева*. М., 2005. Вып. XII.

9. Головина Л.Ю. *Развитие положений психологической теории понимания права в XX веке // Юридические науки*. 2007. № 1.

7. Podgurecki A. *Essays on the sociology of law*. M., 1974.

8. Golovina L.Yu. *Justice as «intuitive law» in theory of L.I. Petrazycki // State construction and law: coll. of sci. papers / gen. ed. by G.V. Malcev*. M., 2005. Iss. XII.

9. Golovina L.Yu. *Development of the psychological theory of understanding of law in XX century // Legal sciences*. 2007. № 1.

Ерегян Анаида Робертовна
преподаватель кафедры гражданских
и административно-правовых дисциплин
Луганского государственного университета внутренних дел
им. Э.А. Дидоренко
(e-mail: anaida291183@rambler.ru)

Традиционное право в условиях самоуправления Киевской Руси

В статье предпринята попытка исследовать взаимовлияние обычая как первичной формы права и самоуправления Киевской Руси.

Ключевые слова: обычай, традиционное право, органы племенного самоуправления, родовой строй, самоуправление.

A.R. Eregyan, Teacher of a Chair of Civil and Administrative and Legal Disciplines of Lugansk State University of the Ministry of the Interior of E.O. Didorenko; e-mail: anaida291183@rambler.ru

Customary law under self-government of Kievan Rus

An attempt of research of the interactions between custom as a primary form of law and self-government in Kievan Rus was made in the article.

Key words: custom, Customary law, tribal autonomous bodies, tribal system, self-government.

Успешное решение вопросов, связанных с реформированием общества, в значительной степени зависит от научного анализа, исторического опыта и использования его результатов в процессах построения современного государства. Поэтому сегодня среди множества политико-правовых явлений большое значение имеет исследование становления и развития системы самоуправления в нашей стране. В отечественной правовой литературе этот вопрос до сих пор остается недостаточно изученным и малоисследованным, редко бывает предметом обсуждения в научных кругах и выносится на суд общественности.

Основная задача данного исследования – сделать историко-правовые обобщения относительно закономерностей развития органов местного самоуправления, их сущности, признаков и особенностей в конкретных исторических условиях.

При этом необходимо отметить, что любое теоретическое исследование невозможно без обобщения и критического осмысления опыта предшественников, что дает возможность установить определенные закономерности в оценке того или иного явления, которые препятствуют адекватному пониманию процессов, происходящих сегодня в обществе.

Человечество всегда стремилось не оставлять преступления безнаказанными, поэтому

исследование историко-правовых особенностей системы самоуправления в этом аспекте актуально.

Таким образом, попытки исследования данной проблемы позволят в значительной степени заполнить пробел в ее освещении. В исследовании предпринята попытка проследить процесс эволюции обычая как начальной формы права и по возможности раскрыть историческое содержание системы самоуправления Киевской Руси и ее влияние на развитие традиционного права как источника права рассматриваемой эпохи.

Доминирующей формой существования права в период зарождения отечественной правовой системы был правовой обычай [1, с. 7–8]. Так, М.С. Грушевский в своих научных работах подразумевал, что обычай – это базовая форма управления поведением людей в условиях существования родового строя. Вместе с тем, он пришел к выводу, что обычай был правилом поведения каждого индивида в обществе во времена догосударственного периода. Именно такое поведение выработалось в результате постоянного его применения на протяжении долгого времени. Соблюдение требований обычая обеспечивалось применением в отношении нарушителя мер общественного влияния, таких как казнь, изгнание из рода, лишение огня и воды [2, с. 36].

Первую попытку объяснить происхождение традиционного права осуществил немецкий юрист Г.Ф. Пухта, представитель исторической школы права. Он считал, что традиционное право возникает в сознании народа, а именно как правовое сознание. Под понятием правового сознания Г.Ф. Пухта подразумевал существование атрибута духа, в основании которого уже заложено правовое начало. Свидетельством происхождения норм традиционного права, по его мнению, является необходимое проявление правового сознания как способа жизни индивидуумов. Также Г.Ф. Пухта полагал, что однообразные действия индивидуумов являются началом традиционного права [3, с. 507].

Но теорию Г.Ф. Пухты о народном духе как о явлении правового зарождения отрицал Г.В.Ф. Гегель, а также его последователи. Сторонники исторической школы права при изучении этого вопроса пришли к выводу, что первоисточником традиционного права является действие (однообразное поведение индивидуумов) как реакция людей, которые живут в определенном обществе [4, с. 24–26]. Поэтому теория ученого о народном правовом сознании как о мистическом источнике идеи права считалась фундаментальной в учении о происхождении и особенностях традиционного права, т.к. начало традиционного права необходимо искать в народном сознании, что влечет за собой зарождение норм традиционного права, потому что превращается в действие как однообразное поведение людей.

В связи с этим необходимо выяснить, каким образом формируется однообразное всеобщее поведение индивидуумов, а также момент осознания важности подобного поведения как реакции людей на внешние условия общественной среды, т.е. как возник правовой обычай.

В дореволюционной литературе существуют и другие взгляды ученых на происхождение правового обычая. Так, например, существует идея стихийного зарождения обычая, а также идея творчества индивидуума. Приверженцы идеи стихийного зарождения обычая считают, что однообразное массовое поведение индивидуумов складывалось на уровне инстинкта, массово, т.е. каждый конкретный индивид самостоятельно в роли творца не выступает [5, с. 241–243; 6, с. 157–159].

В соответствии с идеей творчества индивидуума однообразное действие индивидуумов возникало не инстинктивно, а с помощью творческой деятельности более активных, крепких и развитых индивидуумов. Именно за ними следовала остальная масса населения, которой

свойственна невольная направленность к подобному отображению и подражанию действиям первых [7, с. 10–14].

Кроме того, существует социологическая концепция Г. Тарда, согласно которой общественная жизнедеятельность является процессом общественной жизни наиболее развитых и крепких индивидуумов и, как следствие, повторения, отображения подобных действий, их поведения наиболее притесненными, слабыми слоями населения [8, с. 172].

Необходимо отметить, что В.И. Сергеевич отрицал вышеуказанную теорию, опирающуюся на идеи Г.Ф. Пухты о правовом сознании народа, основанном на традиционном праве. Он считал, что на этапе родового строя не могло быть общественных институтов, которые бы предназначались праву и отвечали за его безопасность, т.е. не могло быть такой жизнедеятельности масс, которая основывалась бы на нормах существующего права. В жизнедеятельности людей при первобытном строе все было основано на инстинкте и впоследствии проявлялось в действиях [7, с. 86].

В свою очередь, эту концепцию отрицал М.Ф. Владимирский-Буданов, считавший, что концепция В.И. Сергеевича носит произвольный характер, в результате пассивного отображения действия права не учитывается то, что оно имеет негативную направленность. М.Ф. Владимирский-Буданов акцентировал внимание на том, что право происходит от инстинкта, и считал, что не общество наследует определенного индивида, а отдельные индивиды проявляют тождественные чувства в один и тот же период времени, в последующем происходит перевоплощение естественного инстинктивного чувства на определенное поведение, т.е. волеизъявление переходит в конкретное (правовое) [9, с. 63]. Но тут же можно отметить, что М.Ф. Владимирский-Буданов является сторонником концепции В.И. Сергеевича, т.к. в основе его идеи лежат фактически природное начало и исходные схемы зарождения традиционного права.

Таким образом, его концепция поддерживает факт отрицания права.

С учетом вышеизложенного исследователи не указывают, какой именно элемент преобразовывает природные чувства инстинкта в право. Вероятно, в данном случае для преобразования фактического начала в правовое недостаточно инстинкта, а также последующей реакции на внешние условия жизнедеятельности социума, т.е. действие должно быть осознанным.

Так, Ф.В. Тарановский считал, что вышеперечисленные концепции возможно не только

противопоставлять, но и отождествлять. Исследователь указывал, что в одних случаях однообразное поведение людей складывается бессознательно, т.е. стихийно, а в иных случаях лидерами выступали отдельные индивиды, за которыми шла масса через стихийный инстинкт наследования. Первое могло иметь место в простейших и элементарных случаях, а второе – в сложнейших [10, с. 183].

В данной ситуации недостаточно принципа обязательности. Относительно правового фундамента общеобязательность имеет место в том случае, когда кроме осознанности права будет существовать осознанность в его надобности среди индивидумов, что будет означать осознанность среди всех членов определенного общества. Необходимо подчеркнуть, что она будет обязательной для всех членов общества ввиду страха понести наказание за невыполнение установленных общеобязательных правовых норм.

Кроме того, изучая различные концепции касаясь связи между возникновением обычая и права, можно упомянуть З.М. Черниловского, который считал, что нельзя разграничивать право и обычай [11, с. 12]. По мнению В.О. Ключевского, правовой обычай создается вследствие длительного повторения аналогичных ситуаций, сопровождающегося правовой осознанностью индивидумов. Связь правовых обычаев с религиозными взглядами народа, а также длительность их взаимодействия являются основанием для закономерности [12, с. 214].

В истории любого народа можно выявить множество правил и обычаев, характерных как для определенного народа, так и для всего общества. Исторические исследования свидетельствуют о том, что обычаи народов, проживающих в различных местностях в разное время, имеют сходство, несмотря на то, что между ними не наблюдалось никаких взаимосвязей. Учитывая сказанное выше, можно прийти к выводу том, что главный источник традиционного права не может иметь спонтанных признаков, а волеизъявление индивидумов – быть его исходным началом.

Таким образом, спецификой традиционного права можно считать то, что оно является не только инстинктивным. То есть следует полагать, что обычаи не были созданы какими-то более сильными индивидумами. Традиционное право у славянского народа было создано путем обязательного использования в жизнедеятельности социума устойчивых положений, т.е. правил поведения, с осознанностью их общественной значимости. Такие правила приобретали общеобязательность и преобразовывались в

структуру, с помощью которой производилось управление обществом.

Кроме того, необходимо отметить, что конкретное общество в период его развития не может функционировать без устойчивой структуры управления, которая регулирует общественные отношения. Так, в эпоху родового строя у славянских народов общественное управление осуществлялось посредством общеобязательных правил поведения, которые ввиду долгого использования приобретали признак привычки. Эти правила носили мифологический характер, имели религиозную направленность, в связи с чем не возникало надобности в использовании внешних принудительных регуляторов, т.е. именно религия и мифология были способны воздействовать на все уровни жизнедеятельности общества [13, с. 70]. В таких условиях подобные регуляторы представляли собой четкую систему, которая управляет и регулирует общественную жизнедеятельность широких слоев населения в период родового строя.

Отличительной чертой этой структуры является то, что регулирование происходило внутри рода, т.е. преобладало над индивидуальным, поскольку индивидум от коллектива еще не отделялся. Именно таким образом возникали органы самоуправления в период существования родового строя. Как считает Ф.И. Леонтович, в первобытных сообществах существовала взаимосвязь между индивидумами, которая в государстве не может существовать. Взаимосвязь, на которой строятся первобытные общества, охватывает всю жизнедеятельность индивидума, поэтому племенные союзы принимают активное участие в судьбе каждого члена такого общества [14, с. 85]. По мнению О.П. Чебышева-Дмитриева, индивидум считался правоспособным членом только в том случае, если находился в племенном союзе [15, с. 7].

Обычаи устанавливали формы поведения, которые являлись обязательными для всех членов в определенном племенном союзе. Если нарушались какие-либо установленные нормы, обычаи кем-то из индивидумов, то к таким нарушителям традиционных норм применялись механизмы, регулирующие действия нарушителей, а именно меры племенного принуждения. В таком племенном союзе не было привилегий ни у кого из индивидумов, все были равны перед установленными племенным союзом традиционными нормами. Именно такое простое регулирование поведения индивидумов было достаточным для удовлетворения потребностей общества и соответствовало осознанности людей, которые этими нормами руководствовались [16, с. 13–15].

В дальнейшем развитии общество освобождается от всевозможных мифологических пониманий, все более ощущая потребность в выражении объективных социальных интересов не только всего общества, но каждого индивида в отдельности.

Например, П.И. Числов считал, что у любого народа существует свое право, которое состоит из унаследованного от предков, нормы которого необходимо соблюдать и передавать из поколения в поколение. К этому можно отнести предания, которые переходили из уст в уста и сохранились в памяти народа [13, с. 21]. Такие пересказы укрепляли сохраненные веками более необходимые для общества элементы поведения в определенных ситуациях, а также отображали в определенной степени интересы членов общества [17, с. 87].

Именно такой консерватизм обычного права у восточных славян исходил из традиционности, т.е. к правилам или нормам которого относились как к строгим, беспрекословным, обязательным для всех членов общества установкам, значимость и сила которых определялась давностью их происхождения.

Таким образом, обычай сохранялся в памяти индивидуумов, членов родовых союзов, знатков права, которые оглашали его на народных собраниях племенных союзов. В смысле обычаев существовала наследственность в нормативном регулировании.

С развитием общественной жизнедеятельности развивается и материальное производство, в процессе которого происходит изменение качества управления, улучшение механизмов регулирования, иными словами, создается система регулятивных механизмов, в которой все общественные отношения, существовавшие в социуме в тот период времени, делятся на группы в зависимости от потребностей общества в защите от преступлений. Изменение качества социального регулирования отражается в таких направлениях развития, как защита личности, защита имущества, торговля, мена. Установки и правила в таких общественных отношениях подчиняют поведение каждого члена социума общим условиям, которые продиктованы экономикой, политикой и идеологией всей жизни славянского общества. Вследствие этого оно переходит к главным целям социального регулирования, т.е. усовершенствования всей общественной жизни, и поступательному движению вперед.

Как известно, марксистская теория предусматривает преобразование обычая в правовой обычай в неразрывной связи с экономическим

развитием общества. В результате усовершенствования производства, разделения труда, повышения продуктивности работы появляется избыточный продукт. В этот же период происходит обособление индивида от рода, племени, приобретение статуса самостоятельной личности. Эти факторы, органично связанные друг с другом, обусловили разложение ранее существующих родоплеменных связей, дифференциацию социума. Такое усложнение общественной жизни сопровождается дальнейшим углублением процесса отчуждения, расширения и укрепления товарно-рыночных отношений, обособления собственности. Для этого необходимы изменения структуры социального регулирования на базе обычаев нормативного регулирования в виде правовых обычаев.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать выводы, что именно обычай был исходной составляющей права, которое регулировало общественные отношения, зародившиеся в родовом строе вне зависимости от воли индивидуумов родов, племенного самоуправления. Поэтому в основе этого права лежала необходимость общественного регулирования. Для сохранения права, сложившегося из обычаев, уже устоявшихся в обществе, которые преобразовывались в обязательные для всех членов общества правила поведения, требовалось регулирование через формирование органов самоуправления. Необходимо отметить, что возникновение традиционного права было продиктовано существованием общества, которое постепенно развивалось и усложнялось в силу различных условий, в частности экономических.

В условиях генезиса обычая имеет место определенное психическое состояние личности, имеющей представление об одноплеменниках и считающей их связанным коллективом. Поэтому, когда нарушался установленный порядок такого коллектива, все одноплеменники мстили за нанесенную обиду кому-либо из племени. Таким образом, можно отметить, что обида носила коллективные черты, поскольку общность тех, кто мстил, и тех, на кого распространялась месть, определялась только лишь внутри определенных племен.

Последствием нарушения порядка, установленного среди двух племен, была вражда между ними, и, как следствие, месть членов коллектива за причиненную обиду. Такая месть из обычного чувства превращалась в социальный обычай, который основывался на необходимости защиты членов группы от нарушителей установленных норм. Поэтому месть для родового коллектива, который существовал в период первобытного

общества, была составляющей жизнедеятельности, с помощью которой можно было оберегать жизнь членов группы и бороться за сохранение такого коллектива в целом. Учитывая, что со стороны не было ни одного серьезного фактора, который бы сдерживал членов коллектива от возможных действий, нарушающих устоявший-

ся порядок, лишь месть могла выполнять эту функцию.

Из вышесказанного следует отметить, что право славянского общества основывалось на обычаях, которые действовали и развивались вместе с совершенствованием структуры и системы родового самоуправления.

1. Дьяконов М.А. *Очерки общественного и государственного строя Древней Руси*. 2-е изд. Спб., 1908.

2. Бочарников Д.И. *Суспільний та державний лад Київської Русі в історичній спадщині М. Грушевського: дис. ... канд. юрид. наук: Харьков, 1999.*

3. Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 2001.

4. Кролик А.А. *Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции*. Спб., 1913.

5. Залеский В.Ф. *Власть и право*. Казань, 1897.

6. Оршанский И.Г. *Исследования по русскому праву обычному и брачному*. Спб., 1879.

7. Сергеевич В.И. *Лекции и исследования по древней истории русского права*. Спб., 1910.

8. Мартенсон-Гнидкин А. *Государственное опровержение лжеучений об обычном праве и правовом отношении в доказательство ненаучности так называемого обществоведения и трех его общепризнанных отделов*. М., 1906.

9. Владимирский-Буданов М.Ф. *Обзор истории русского права*. Спб.; Киев, 1909.

10. Тарановский Ф.В. *Учебник энциклопедии права*. 1917.

11. Черниловский З.М. *Русская Правда в свете древних славянских судебников // Древняя Русь: проблемы права и правовой идеологии / отв. ред. Г.В. Швеков*. М., 1984.

12. Ключевский В.О. *Сочинения*. В 3 т. М., 1995. Т. 1.

13. Числов П.И. *Курс истории русского права*. М., 1914.

14. Леонтович Ф. *История русского права*. Одесса, 1869.

15. Чебышев-Дмитриев А. *О преступном действии по русскому допетровскому праву*. Казань, 1862.

16. Пеньков Е.М. *Социальные нормы – регуляторы поведения личности: Некоторые вопросы методологии и теории*. М., 1972.

17. Гуревич А.Л. *Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе*. М., 1970.

1. Dyaconov M.A. *Essays on social order and political system of Ancient Rus*. 2nd ed. SPb., 1908.

2. Bocharnikov D.I. *Kievan Rus public and state system in historical heritage of M. Grushevsky: diss. ... Master of Law*. Kharkov, 1999.

3. Nersesyants V.S. *Philosophy of law*. M., 2001.

4. Krolik A.A. *The ideas of legislative creativity and natural development of law in modern jurisprudence*. SPb., 1913.

5. Zaleskiy V.F. *Power and law*. Kazan, 1897.

6. Orshanskiy I.G. *Studies on russian customary law and marriage law*. SPb., 1879.

7. Sergejevich V.I. *Lectures and research on the ancient history of russian law*. SPb., 1910.

8. Martenson-Gnidkin A. *Public refutation of false teachings about customary law and legal relations in evidence unscientific nature of social science and its three universally recognized divisions*. M., 1906.

9. Vladimirovskiy-Budanov M.F. *Review of russian law history*. SPb; Kiev, 1909.

10. Taranovskiy F.V. *Textbook of encyclopedia of law*. 1917.

11. Chernilovskiy Z.M. *Russian Truth in the light of the ancient slavonic codes of Law // Ancient Rus: problems of law and law ideology / ed. by G.V. Shvekov*. M., 1984.

12. Klyuchevskiy V.O. *Works*. in 3 vol. M., 1995. Vol. 1.

13. Chislov P.I. *Course of history of russian law*. M., 1914.

14. Leontovich F. *History of russian law*. Odessa, 1869.

15. Chebyshev-Dmitriev A. *About criminal actions in pre-Petrine russian law*. Kazan, 1862.

16. Penkov E.M. *Social norms are regulators of individual behavior: Some methodological issues and theories*. M., 1972.

17. Gurevich A.L. *Problems of the genesis of feudalism in Western Europe*. M., 1970.

Гришай Елена Васильевна

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России

Палий Виталий Михайлович

кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры административной деятельности
и организации деятельности ГИБДД
Краснодарского университета МВД России

(тел.: +79180372084)

К вопросу совершенствования законодательного регулирования деятельности органов местного самоуправления

В статье представлено обоснование эффективности функционирования системы местного самоуправления во взаимосвязи с правовой базой государства. Исследованию подвергнута нормативно-правовая база на трех уровнях: федеральном, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Ключевые слова: государственная политика, государственные гарантии, местное самоуправление, муниципальные образования, предметы ведения и полномочия органов местного самоуправления.

E.V. Grishay, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia;

V.M. Paly, Master of Law, Teacher of a Chair of Administrative Activity and Traffic Safety of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79180372084.

To the question about improvement of legislative regulation of local government

In the article the evaluation of the effectiveness of the system of local government in relation to the legal framework of the state is presented. Subjected regulatory framework at three levels: federal, subjects of the Russian Federation and municipalities is researched.

Key words: public policy, state guarantees, local government, municipalities, objects of reference and powers of local self-government.

Эффективное функционирование системы местного самоуправления во многом определяется уровнем развития его правовой базы. Совершенствование местного самоуправления на этапе реального реформирования невозможно без детальной разработки законодательного регулирования всех аспектов общественных отношений его деятельности. Полноценное развитие законодательства о местном самоуправлении является также залогом развития демократии в нашей стране, создания правового государства.

Местное самоуправление, будучи, хотя и на определенных автономных началах, инкорпорированным в государственную структуру, подвержено правовому регулированию со стороны самих местных сообществ, со стороны субъек-

тов и Российской Федерации. Это означает, что исследованию следует подвергнуть нормативно-правовую базу на трех уровнях: федеральном, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований.

Можно ли сказать, что правовые основы – базис организации местного самоуправления – совершенны? Создать качественную и эффективную систему законодательства о местном самоуправлении на практике оказалось весьма сложным делом. Принятые за прошедший период федеральные законы и законы субъектов РФ в большинстве своем этим критериям не отвечают. О необходимости совершенствования правового регулирования в сфере местного самоуправления, как одном из актуальных направлений государственной политики, гово-

рится в Указе Президента РФ «Об утверждении основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации» от 15 октября 1999 г. № 1370 [1]. В нем отмечаются несогласованность и несистематичность законодательства Российской Федерации о местном самоуправлении, неполное и непоследовательное законодательное регулирование многих вопросов организации и деятельности местного самоуправления. Эти вопросы несогласованности и несистематизированности, а также другие недостатки в законодательном регулировании местного самоуправления стали предметом обсуждения научно-практической конференции «Местное самоуправление: стратегические направления развития», проведенной Московским общественным научным фондом совместно с Конгрессом муниципальных образований РФ и Советом по местному самоуправлению при Президенте России 12–13 апреля 2000 г.; парламентских слушаний «Проблемы законодательства в области местного самоуправления» 19 января 2001 г.; круглого стола, организованного Конгрессом муниципальных образований РФ по тем же проблемам 16 января 2001 г.; совместного заседания VII сессии Конгресса муниципальных образований РФ, собрания Союза российских городов, съезда Российского союза местных властей 18 января 2001 г., заседания круглого стола Комитета совета Федерации на тему «Проблемы реализации и перспективы развития конституционной модели российского местного самоуправления» 5 ноября 2003 г.; заседания круглого стола Комитета совета Федерации по вопросам местного самоуправления 23 апреля 2004 г., заседания круглого стола Комитета совета Федерации на тему «Проблемы правового обеспечения решения вопросов местного значения муниципальных образований» 18 апреля 2006 г. и на других форумах.

Итак, рассмотрим пласт действующего законодательства о местном самоуправлении.

Основные начала организации и деятельности местного самоуправления на всей территории страны установлены прежде всего в Конституции Российской Федерации [2]. Основной Закон страны закрепляет, что «В Российской Федерации признается и гарантируется местное самоуправление. Местное самоуправление в пределах своих полномочий самостоятельно. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

Наряду с Конституцией РФ необходимо выделить и такой акт международно-правового характера, как Европейская Хартия местного самоуправления. Так, например, ст. 4 Хартии

закрепляет, что «основные полномочия и компетенция органов местного самоуправления устанавливаются конституцией или законом». Однако это положение не исключает предоставления органам местного самоуправления в соответствии с законом полномочий и компетенции для конкретных целей.

Базисом же законодательства о местном территориальном самоуправлении в РФ явился Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ. Данный Федеральный закон, наряду с Конституцией Российской Федерации, определял роль местного самоуправления в осуществлении народовластия, правовые, экономические и финансовые основы местного самоуправления и государственные гарантии его осуществления, устанавливал общие принципы организации местного самоуправления в Российской Федерации. Характеризуя данный законодательный акт, можно отметить, что Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» принимался в условиях противостояния Президента Российской Федерации, Государственной Думы и Совета Федерации. В результате был принят компромиссный вариант рамочного закона, имеющий во многом расплывчатый характер. Кроме того, следует учитывать, что к моменту разработки и принятия закона отсутствовал необходимый опыт функционирования и взаимодействия основных институтов власти в новом Федеративном государстве. Надежды федеральных законодателей на то, что в рамках сформулированных на федеральном уровне общих принципов субъекты Федерации своим законодательством уточнят порядок деятельности и полномочия местной власти, не оправдались, т.к. региональные власти оказались не заинтересованными в создании условий для самостоятельной деятельности муниципалитетов вследствие объективно существующей конкуренции за полномочия и ресурсы. В результате данный закон содержал лишь основы и некоторые общие принципы разграничения полномочий [4, с. 17], в закон многократно вносились изменения, которые, впрочем, по мнению большинства исследователей, не исчерпали объективной потребности в дальнейшем совершенствовании документа [5]. Именно это послужило основанием к принятию в октябре 2003 г. Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ.

В настоящее время Россия находится на очередном переходном этапе становления и развития местного самоуправления, который

реализуется на новых принципах, установленных указанным законом, вступающим в полную силу с 1 января 2009 г. Переходный период сложный, требует поэтапного решения многих обозначенных в законе организационных, правовых вопросов, которые реализуются во всех субъектах Российской Федерации неоднозначно; возникает большое количество споров и разногласий, тормозящих становление и развитие местного самоуправления и требующих глубокого научного осмысления.

С октября 2003 г. в Российской Федерации и ее субъектах происходила подготовка к реализации нового муниципального Закона. Устанавливались территориальные границы, осуществлялось наделение статусом городских округов, муниципальных районов, городских, сельских поселений, проводились выборы в органы местного самоуправления и выборных должностных лиц, принимались уставы муниципальных территорий. С 1 января 2009 г. Закон вступает в действие, а пока реализуются мероприятия переходного периода.

Федеральный закон определяет роль местного самоуправления в осуществлении народовластия, правовые, территориальные, экономические и финансовые основы местного самоуправления, устанавливает общие принципы организации местного самоуправления в нашей стране.

В Федеральном законе разграничиваются полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов РФ в области местного самоуправления и др.

Среди уже принятых федеральных законов необходимо выделить следующие законодательные акты:

Федеральный закон «О финансовых основах местного самоуправления в Российской Федерации» от 25 сентября 1997 г. № 126-ФЗ;

Федеральный закон «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ;

Закон РФ «О закрытом административно-территориальном образовании» от 14 июля 1992 г. № 3297-1 и др.

Следующую группу составляют подзаконные нормативные акты. По определенным вопросам местного самоуправления (система, структура, выборы и т.п.), особенно до их законодательной регламентации, издаются указы Президента Российской Федерации, в частности можно выделить следующие нормативно-правовые документы:

Указ Президента РФ «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» от 26 октября 1993 г. № 1760;

Основные положения государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации, утвержденные Указом Президента РФ 15 октября 1999 г. № 1370 [1].

По функциональным вопросам, требующим единообразной регламентации в масштабах страны, принимаются постановления Правительства и ведомственные акты федеральных органов исполнительной власти. Чаще всего это акты, общие для всех видов органов и организаций, включая органы местного самоуправления, реже – только для последних. Стоит отметить, что функциональный характер подобных актов должен всецело соотноситься с законами и указами, ни в коей мере не выходя за их пределы. В отношении таких документов существует общее правило, выраженное в постановлении Правительства Российской Федерации «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» от 13 августа 1997 г. № 1009 [6]. Согласно этому акту нормативные акты министерств и ведомств Российской Федерации, затрагивающие права, свободы и законные интересы граждан или носящие межведомственный характер, подлежат государственной регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации и официальному опубликованию в «Российской газете». Официальное опубликование актов осуществляется не позднее десяти дней после их государственной регистрации. При этом акты, не прошедшие государственную регистрацию, а также зарегистрированные, но не опубликованные в установленном порядке, не влекут за собой правовых последствий. В качестве примера можно выделить Постановление Правительства «О некоторых мерах по организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления» от 27 июня 1996 г. № 755 [7].

В соответствии с нормами Конституции РФ, раными редакциями Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» регулирование и установление основ местного самоуправления находилось в совместном ведении РФ и ее субъектов. В частности, к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления относились следующие:

принятие и изменение законов субъектов Российской Федерации о местном самоуправлении, контроль за их соблюдением;

обеспечение соответствия законов субъектов Российской Федерации о местном самоуправ-

лении Конституции Российской Федерации и законам Российской Федерации;

регулирование порядка передачи и передача объектов собственности субъектов российской Федерации в муниципальную собственность;

регулирование отношений между бюджетами субъектов Российской Федерации и местными бюджетами;

обеспечение сбалансированности минимальных местных бюджетов на основе нормативов минимальной бюджетной обеспеченности;

наделение органов местного самоуправления законом отдельными полномочиями субъектов Российской Федерации, передача материальных и финансовых средств, необходимых для осуществления переданных полномочий, контроль за их реализацией;

принятие региональных программ развития местного самоуправления;

защита прав граждан на осуществление местного самоуправления;

обеспечение гарантий финансовой самостоятельности местного самоуправления;

обеспечение государственных минимальных социальных стандартов;

установление и изменение порядка образования, объединения, преобразования или упразднения муниципальных образований, установление и изменение их границ и наименований;

компенсация местному самоуправлению дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти субъектов Российской Федерации;

регулирование законами особенностей организации местного самоуправления с учетом исторических и иных местных традиций;

соблюдение законодательства о муниципальной службе;

принятие и изменение законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях по вопросам, связанным с осуществлением местного самоуправления;

установление порядка регистрации уставов муниципальных образований.

В настоящее время к полномочиям федеральных органов государственной власти в области местного самоуправления относятся только следующие:

определение общих принципов организации местного самоуправления в Российской Федерации;

правовое регулирование по предметам ведения Российской Федерации и в пределах полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации прав, обязан-

ностей и ответственности федеральных органов государственной власти и их должностных лиц, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и их должностных лиц в области местного самоуправления;

правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности граждан, органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления по решению вопросов местного значения;

правовое регулирование прав, обязанностей и ответственности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, которыми органы местного самоуправления наделены федеральными законами.

Важно отметить, что правовые акты субъектов Федерации, а также акты органов местного самоуправления не могут противоречить федеральному законодательству.

К таким законам непосредственно примыкают законы и другие нормативные правовые акты субъектов РФ по вопросам о территориях муниципальных образований, порядке их реорганизации и упразднения, об осуществлении права законодательной инициативы органами местного самоуправления.

Для оптимальной организации и эффективного функционирования органов местного самоуправления важное значение, по нашему мнению, имеют законы субъектов РФ, регулирующие вопросы статуса и социальных гарантий депутатов представительных органов и глав местного самоуправления, муниципальной службы, прав и обязанностей муниципальных служащих, укрепления экономических и финансовых основ местного самоуправления. Например, Закон Краснодарского края от «О реестре муниципальных должностей и реестре должностей муниципальной службы в Краснодарском крае» 8 июня 2007 г. № 1243-КЗ [8]. Согласно его положениям в Реестр муниципальных должностей включаются должности, устанавливаемые уставами муниципальных образований в соответствии с федеральными законами, законами Краснодарского края для непосредственного исполнения полномочий органов местного самоуправления, иных муниципальных органов. Сюда же можно отнести Закон Краснодарского края от «О муниципальной службе в Краснодарском крае» 8 июня 2007 г. № 1244-КЗ [9]. Предметом регулирования Закона являются отношения, связанные с поступлением на муниципальную службу граждан Российской Федерации, а также граждан иностранных государств – участников

международных договоров Российской Федерации, в соответствии с которыми иностранные граждане имеют право находиться на муниципальной службе, связанные с прохождением и прекращением муниципальной службы, а также с определением правового положения (статуса) муниципальных служащих. Законом не определяется статус депутатов, членов выборных органов местного самоуправления, выборных должностных лиц местного самоуправления, членов избирательных комиссий муниципальных образований, действующих на постоянной основе и являющихся юридическими лицами (далее – избирательные комиссии муниципальных образований), с правом решающего голоса, поскольку указанные лица (далее – лица, замещающие муниципальные должности) не являются муниципальными служащими.

Следующий по иерархии источник, содержащий организационно-правовые нормы территориального местного самоуправления, – муниципальное законодательство. К муниципальному законодательству относятся, прежде всего, уставы городов, районов, поселков и других муниципальных образований. Устав является основным нормативным правовым актом муниципального образования.

Устав разрабатывается муниципальным образованием самостоятельно. Устав принимается представительным органом местного самоуправления или населением непосредственно. Устав муниципального образования подлежит государственной регистрации. Федеральный закон устанавливает единственное основание для отказа в государственной регистрации устава муниципального образования – противоречие его Конституции и законам Российской Федерации, законам субъекта РФ. Отказ в государственной регистрации может быть обжалован гражданами и органами местного самоуправления в судебном порядке. Устав муниципального образования вступает в силу после его официального опубликования (обнародования). Еще один источник, в котором могут быть затронуты полномочия органов территориального местного самоуправления, – специальные договоры и соглашения.

Органы местного самоуправления и вышестоящие органы управления не обязательно должны строить взаимодействие только на основе четкого разделения полномочий. По целому ряду текущих вопросов целесообразно использовать иные, более оперативные формы. Так, если характер взаимодействия в определенной сфере требует детального определения прав, обязанностей и ответственности, а также связан с

выделением материально-финансовых средств, предпочтительной формой взаимодействия является договор.

Такие договоры и соглашения подписываются главами исполнительных органов власти, но в ряде случаев, установленных законом, вступают в силу только после утверждения со стороны представительных органов власти и после их официального опубликования в средствах массовой информации.

Заслуживает внимания существующий на сегодняшний момент механизм судебной защиты интересов органов местного самоуправления.

Большое значение при регулировании отдельных вопросов территориального местного самоуправления имеет судебно-арбитражная практика. Несмотря на то что в нашей стране судебная практика не является источником права и тем самым не обязательна в правоприменении (как это принято в англосаксонской системе права), в Российской Федерации нижестоящие суды зачастую пользуются обзорами судебной практики для разбирательства дел.

Совершенствование законодательного регулирования органов местного самоуправления продолжается на всех уровнях. Однако проведенный анализ позволяет сделать вывод о его незавершенности и наличии множества нерешенных проблемных вопросов. Разногласия наблюдаются в сфере регулирования предметов ведения и полномочий органов местного самоуправления, в сфере осуществления механизма судебной защиты местного самоуправления и т.д.

Депутатами, учеными и практическими работниками вносится множество предложений, направленных на совершенствование законодательного регулирования местного самоуправления. В числе основных направлений можно выделить следующие:

- повышение ответственности органов местного самоуправления перед государством (усиление властной вертикали);

- повышение ответственности органов местного самоуправления перед населением (развитие демократических начал местного самоуправления);

- обеспечение баланса между полномочиями (правами и обязанностями) органов местного самоуправления и материально-финансовыми ресурсами, находящимися в их распоряжении (совершенствование межбюджетных отношений);

- совершенствование механизмов судебного разрешения конфликтов, связанных с осуществлением местного самоуправления.

В итоговых рекомендациях парламентских слушаний «Проблемы законодательства в области местного самоуправления», проведенных

Комитетом Государственной Думы по вопросам местного самоуправления 19 января 2001 г. указывается, что в соответствующих федеральных законодательных актах следует усилить гарантии участия населения в осуществлении местного самоуправления, более широкого участия общественных объединений, политических партий в формировании представительных органов местного самоуправления. Несмотря на то что с того времени прошло более 7 лет, в этом направлении сделано далеко не все.

Для некоторых исследователей представляется перспективным использование ряда положений Европейской Хартии регионального самоуправления, которая известна в кругах специалистов, но не нашла пока достойного места при исследовании российских проблем местного самоуправления. Под региональным самоуправлением в названной Хартии понимается право и способность самих крупных территориальных образований внутри каждого государства брать на себя под свою собственную ответственность и в интересах своего населения ведение существенной части государственных дел в соответствии с принципом subsidiarity.

По нашему мнению, представляют интерес предложения О. Берга по совершенствованию законодательства в области местного самоуправления. В своей статье «О структуре модельного законодательства субъекта РФ в области местного самоуправления» О. Берг предлагает создать систему модельных законов субъектов РФ в области местного самоуправления (модельного муниципального кодекса). Целью подготовки такого кодекса автор видит повышение юридико-

технического уровня законов субъектов РФ в области местного самоуправления, сокращение трудовых и материальных затрат на их разработку [10]. Представляется все же, что подготовка такого кодекса позволит унифицировать законодательство всех субъектов РФ в области местного самоуправления, что в конечном счете будет способствовать устранению противоречий законодательства субъектов РФ федеральному законодательству. Создание такой системы модельных законов позволило бы избежать несогласованности внутри законодательства субъекта РФ. Естественно, такой кодекс должен быть доработан на уровне субъекта с учетом исторических и иных местных традиций. Хотя в субъектах РФ уже разработаны и приняты некоторые законы в сфере местного самоуправления и создание такой системы модельных законов может показаться нецелесообразным, законодательство в области местного самоуправления находится в постоянном развитии и такая система может найти практическое применение.

Примеров подобного модифицирования существующего законодательства в области местного самоуправления немало, но необходимо отметить, что пока существует отсутствие четкого представления о сущности, целях и задачах местного самоуправления на современном этапе его развития, пока не решены в полной мере вопросы компетенции местного самоуправления и вопросы разделения полномочий в области местного самоуправления между РФ и ее субъектами, работа по совершенствованию российского законодательства в этом направлении должна вестись максимально эффективно.

1. Об утверждении основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в российской федерации: указ Президента РФ от 15 окт. 1999 г. № 1370 // Собр. законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5011.

2. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 25 дек. 1993 г.

3. Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 окт. 1985 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 1998. № 36.

4. Уткин Э.А., Денисов А.Ф. Государственное и муниципальное управление. 2001.

5. Васильев В.И. Каким быть главному закону о местном самоуправлении? // Журнал Российского права. 2001. № 12.

6. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их госу-

1. About the statement of basic provisions of state policy in the field of development of local government in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of Oct. 15, 1999 № 1370 // Coll. of the legislation of the Russian Federation. 1999. № 42. Art. 5011.

2. Constitution of the Russian Federation of Dec. 12, 1993 // Rus. newsp. Dec. 25, 1993.

3. European charter of local government (Strasbourg, October 15, 1985) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1998. № 36.

4. Utkin E.A., Denisov A.F. State and municipal management. 2001.

5. Vasilyev V.I. What to be the main law about local self-government? // Journal of Russian law. 2001. № 12.

6. About the approval of Rules of preparation of regulations of federal executive authorities and their state registration: resolution of the government of the Russian Federation of Aug. 13, 1997 № 1009 (in ed. of resolutions of the Government of

дарственной регистрации: постановление Правительства Российской Федерации от 13 авг. 1997 г. № 1009 (в ред. постановлений Правительства РФ от 11.12.1997 № 1538, от 06.11.1998 № 1304, от 11.02.1999 № 154, от 30.09.2002 № 715, от 07.07.2006 № 418) // Собр. законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895; 1997. № 50. Ст. 5689; 1998. № 47. Ст. 5771; 1999. № 8. Ст. 1026; 2006. № 29. Ст. 3251.

7. О некоторых мерах по организации взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с органами местного самоуправления: постановление Правительства РФ от 27 июня 1996 г. № 755 // Собр. законодательства РФ. 1996. № 27. Ст. 3282.

8. О реестре муниципальных должностей и реестре должностей муниципальной службы в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 8 июня 2007 г. № 1243-КЗ // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. 2007. № 54(I).

9. О муниципальной службе в Краснодарском крае: закон Краснодарского края от 8 июня 2007 г. № 1244-КЗ // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края. 2007. № 54(I).

10. Берг О. О структуре модельного законодательства субъекта РФ в области местного самоуправления // Хозяйство и право. 2000. № 3.

the Russian Federation of 11.12.1997 № 1538, of 06.11.1998 № 1304, of 11.02.1999 № 154, of 30.09.2002 № 715, of 07.07.2006 № 418) // Coll. of the legislation of the Russian Federation. 1997. № 33. Art. 3895; 1997. № 50. Art. 5689; 1998. № 47. Art. 5771; 1999. № 8. Art. 1026; 2006. № 29. Art. 325.

7. About some measures for the organization of interaction of federal executive authorities with local governments: resolution of the Government of the Russian Federation of June 27, 1996 № 755 // Coll. of the legislation of the Russian Federation. 1996. № 27. Art. 3282.

8. About the register of municipal posts and register the positions of municipal service in the Krasnodar region: law of Krasnodar region of June 8, 2007, № 1243-KL // Information Bulletin of the LA of Krasnodar region. 2007. № 54(I).

9. About municipal service in the Krasnodar region: law of Krasnodar region of June 8, 2007 № 1244-CL // Information Bulletin of the LA of Krasnodar region. 2007. № 54(I).

10. Berg O. About the structure of the model legislation of the subject of the Russian Federation in the field of local government // Economy and law. 2000. № 3.

Колесников Андрей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии
(тел.: +79272225999)

Диссонансы законодательства о местном самоуправлении

Статья посвящена изучению сбалансированности норм законодательства о местном самоуправлении и их несоответствия конституционным и международным принципам муниципального права.

Ключевые слова: принципы муниципального права, государственная политика, местное самоуправление, гармоничное развитие законодательства.

A.V. Kolesnikov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy; tel.: +79272225999.

Dissonances of local government's legislature

The article is devoted to studies of the balance of the legislation on local government and non-compliance with constitutional and international principles of municipal law.

Key words: principles of municipal law, public policy, local government, harmonious development of the legislature.

В российском законодательстве происходят «крупные по масштабам и качественные по содержанию изменения, определяемые внутренними и внешними процессами интеграции и дифференциации, расширением либо сужением сфер правового регулирования» [1]. Характерными чертами отечественного законодательства давно стали отсутствие единой научно обоснованной системы взаимосвязанных между собой нормативных правовых актов, громоздкость законодательства, наложение одного нормативного акта на другой, противоречия и пробелы правового регулирования [2].

Развитие институтов современного гражданского общества, государства и местного самоуправления, его модернизация основаны на Конституции РФ, закрепляющей фундаментальные принципы свободы, справедливости, демократии, прав и обязанностей человека и гражданина. Конституционные установления являются общеобязательными. Ее нормы имеют высшую юридическую силу, прямое и непосредственное действие (ч. 2 ст. 4; ч. 1 ст. 15 Конституции РФ). Однако сегодня в России существуют как позитивные, так и негативные факторы, способствующие либо мешающие упрочению конституционности [3].

В период с 1993 по 2003 гг. на федеральном уровне было принято два закона, формулирующих основные (общие) принципы организации

местного самоуправления. Возникает ощущение, что принципы местного самоуправления «подгоняют» под требования конкретных людей и социальных групп. Но так не должно быть, поскольку принципы права являются не результатом объективного усмотрения законодателей или ученых, а органически присущими праву качествами. Они отражают закономерности общественного развития, потребности данного общества, государства. В этом их социальная обусловленность, зависимость от реальных жизненных условий [4].

Основные направления, задачи и принципы государственной политики в области местного самоуправления впервые достаточно четко были обозначены в Указе Президента РФ от 15 октября 1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления в Российской Федерации». В этом нормативном правовом акте государство (в лице Президента РФ) сделало попытку наметить доктринальную концепцию развития местного самоуправления.

Целью государственной политики в области развития местного самоуправления в РФ является обеспечение дальнейшего развития местного самоуправления и повышения эффективности его деятельности как необходимых условий становления экономически и социально развитого демократического государства. Для достижения указанной цели эта политика

должна быть направлена на решение следующих задач: а) обеспечение реализации конституционных прав граждан на осуществление местного самоуправления; б) создание условий для реализации конституционных полномочий органов местного самоуправления; в) обеспечение государственных гарантий местного самоуправления.

В рамках каждого из названных направлений государство предполагало решить множество важнейших задач, основанных на соблюдении следующих принципов: 1) единство целей, направлений, задач и механизмов реализации государственной политики; 2) комплексный подход к реализации государственной политики; 3) взаимодействие и сотрудничество федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в процессе реализации государственной политики; 4) преемственность государственной политики на разных этапах проведения муниципальной реформы; 5) всесторонняя поддержка местного самоуправления со стороны государства; 6) невмешательство органов государственной власти в компетенцию органов местного самоуправления; 7) контроль со стороны государства за реализацией государственными органами и их должностными лицами государственной политики.

Резюмируя суть правовой позиции, занятой государством и Президентом РФ в области развития местного самоуправления, нельзя не отметить некоторую инновацию, колоссальный объем намеченных государством задач и демократичность принципов, инкорпорируемых к уже закрепленным в законодательстве принципам муниципального права. Не претендуя на абсолютную истинность собственного мнения, постараемся сделать общий анализ того, как Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон 2003 г.) были решены намеченные задачи и плавно закреплены предполагаемые принципы. Постараемся учитывать «феномен одновременного участия норм» [5] конституционного и муниципального права в механизме правового регулирования общественных отношений, возникающих на местном уровне, и лаконично охарактеризовать состояние лишь некоторых институтов.

Произошло количественное увеличение форм прямого волеизъявления по сравнению с предыдущим Федеральным законом от 28 августа 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Феде-

рации». Устанавливая в одиннадцати статьях двенадцать основных форм прямой демократии, законодатель оставляет перечень этих форм открытым и предусматривает проведение других, не закрепленных в законе форм непосредственного волеизъявления. Казалось бы, Закон 2003 г. ведет к развитию демократии и привлечению населения к осуществлению реального решения проблем и вопросов местного значения, но более детальное его изучение говорит о том, что это не совсем так. Например, порядок принятия устава муниципального образования претерпел далеко не демократические изменения.

Закон 2003 г. закрепил положение, согласно которому устав принимается представительным органом местного самоуправления, за исключением поселений с населением 100 человек, обладающих избирательным правом. Из этого следует, что законодатель предпочел убрать население из числа основных субъектов, принимающих устав муниципального образования. Долгое время считалось, что принятие устава населением в большей степени обеспечивает реализацию конституционного принципа граждан на самостоятельное решение вопросов местного значения, способствует зарождению у них интереса к нормотворческому процессу [6] и т.д., поэтому вызывает недоумение факт, что в стране, стремящейся к народовластию, законодательство основной упор делает на формы представительной, а не прямой демократии. Это тем более странно на общем фоне расширения перечня институтов прямой демократии, последовавшего в новом федеральном законодательстве [7]. И хотя говорить о приоритете какой-либо формы демократии, как считают некоторые ученые, некорректно [8], думается, что в случае с принятием устава муниципального образования это важно, поскольку обусловлено наличием необходимости определения в уставе структуры органов местного самоуправления (ст. 44 Закона 2003 г.).

Конституция РФ недвусмысленно устанавливает, что население самостоятельно определяет структуру органов местного самоуправления (п. 1 ст. 131). Следовательно, любой устав, принятый в соответствии с новым Законом 2003 г., по формальным признакам может считаться противоречащим Конституции РФ, а значит – незаконным, несмотря на то, что проект устава в обязательном порядке выносится на публичные слушания, имеющие для органов местного самоуправления рекомендательный, необязательный характер. Таким образом, намечается тенденция постепенного фактического снижения роли форм прямого волеизъявления в

управлении муниципальным образованием при законодательном увеличении их количества.

Установленная Законом 2003 г. система организации муниципальной власти открыта для широкой критики. Игнорируя ст. 131 Конституции РФ, законодатель в Законе 2003 г. (ст. 34) закрепил несколько необоснованных положений: 1) структуру органов местного самоуправления составляют представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация, контрольный орган муниципального образования, иные органы местного самоуправления, предусмотренные уставом муниципального образования и обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения; 2) наличие в структуре органов местного самоуправления представительного органа, главы муниципального образования, местной администрации является обязательным; 3) самостоятельность населения (на референдуме или сходе граждан) в определении структуры органов местного самоуправления допускается только в случае образования на межселенной территории вновь созданного муниципального образования или в случае преобразования существующего муниципального образования и только при условии наличия соответствующей инициативы жителей.

Думается, недопустимо рассматривать обязательность наличия представительных органов, главы муниципального образования и местной администрации, установленную Законом 2003 г. (п. 2 ст. 34), как общий принцип. Это, прежде всего, императивная норма, устанавливающая обязанность. Часть 1 ст. 131 Конституции РФ недвусмысленно говорит о самостоятельности определения структуры органов без всяких исключений.

Современное федеральное законодательство о местном самоуправлении «проигнорировало правовую позицию Конституционного Суда РФ о возможном существовании местных (территориальных) органов государственной власти. Необходимо расширить права и инициативу субъектов Российской Федерации, как в организации самого местного самоуправления, так и в его функционировании. В разнообразии состоит сила федерализма и местного самоуправления» [3].

Принятое законодательство характеризуется концентрацией власти на федеральном уровне. Основной проблемой является «принципиальная разница уровней власти, из чего можно сделать вывод о том, что ни региональная, ни местная власть с точки зрения полноты ответственности властью в собственном смысле не

являются. Это квази-властные образования, дополняющие унитарное по сути строение государства и гиперцентрализованную систему государственной власти» [9].

Имеется немало проблем с реализацией органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Если подходить к этим нормам с точки зрения злободневности проблемы, то в качестве наиболее актуальной среди прочих установок представляется выделение обстоятельства, согласно которому наделение полномочиями должно сопровождаться передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств. Это весьма важное, актуальное для России условие. Презумпция финансовой обусловленности гарантирует выполнение приобретенных функций.

Анализ проблемы соотношения двух групп полномочий (собственных и делегированных), проведенный исследовательницей К. Майс в Германии, очень точно отражает современное положение муниципальных образований в России. Согласно ее выводам «даже если при увеличении обязанностей и (соответствующем) возрастании расходов общин увеличиваются их доходы (будь то в рамках коммунальной финансовой компенсации, будь то в рамках целевых государственных дотаций), данное увеличение доходов часто не компенсирует возрастание действительного финансового бремени. В результате общины либо должны соглашаться на возрастание своей задолженности (ввиду необходимости новых займов)... либо должны использовать те доходы, которые в иных условиях предназначались бы для решения задач самоуправления (в собственном смысле)» [10]. Следовательно, проблема здесь носит не только конституционно-правовой, но и финансово-правовой характер, поскольку государственные органы при делегировании полномочий, как правило, одновременно пытаются сократить финансирование, возложив бремя растрат на муниципалитеты.

Говоря о необходимости наличия обратной передачи полномочий, следует указать, что Закон 2003 г. (ст. 75) предусматривает временное осуществление органами государственной власти отдельных полномочий органов местного самоуправления и введение временной финансовой администрации в муниципальных образованиях. Однако такое осуществление полномочий не имеет ничего общего с принципами добровольности и взаимного согласия сторон. Это санкция, применяемая органами государственной власти к органам местного самоуправления. При этом данные положения

(о временной финансовой администрации) распространяются на все виды муниципальных образований, тогда как прямое наделение отдельными государственными полномочиями предусматривается только применительно к муниципальным районам и городским округам. Существуют и другие факты, свидетельствующие о стремлении государственной власти к централизации [11].

Итак, намеченные в Указе Президента 1999 г. цели и принципы государственной политики в области развития местного самоуправления в полном объеме не реализованы. Мы солидарны с мнением Н.В. Витрука о том, что «обладая высокой степенью абстракции и качеством системности, Конституция РФ позволяет выра-

зить всю глубину ее содержания, приобретает всеобщий надотраслевой характер» [3]. Такая завуалированная централизация происходит по причине нежелания брать ответственность за процессы, происходящие на низовых уровнях развития и жизни российского общества. Можно сформировать иную реальную и гармоничную систему местного самоуправления, сочетаемую с сильной государственной (в том числе единой исполнительной) властью. Эта система будет построена на основе существующих конституционных и международных принципов, ибо именно «принципы являются активным компонентом юридической практики, поскольку с их помощью можно достичь выполнения основных задач правоприменения» [12].

1. Баранов В.М., Пшеничнов М.А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен // Журнал Российского права. 2009. № 6.

2. Савицкий В.А. Проблемы обеспечения системности нормативных правовых актов муниципальных образований // Местное право. 2000. № 7.

3. Витрук Н.В. Соблюдение Конституции Российской Федерации как условие модернизации и прогрессивного развития современной России // Современное общество и право. 2011. № 1.

4. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995.

5. Гаджиев Г.А. Конституционные принципы рыночной экономики. М., 2004.

6. Садинова О.Г. Устав муниципального образования // Юридическая наука в современном мире: фундаментальные и прикладные проблемы. Пермь, 2000.

7. Выдрин И.В. Муниципальное право России. М., 2004.

8. Конституция Российской Федерации: науч.-практ. комментарий / под. ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997.

9. Концепция институционального развития исполнительной власти в Российской Федерации (проект). Саратов, 2012.

10. Meis Chr. Verfassungsrechtliche Beziehungen zwischen Bund und Gemeinden. Baden-Baden, 1989.

11. Колесников А.В. Концепция укрепления вертикали власти в реформе местного самоуправления // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 2.

12. Смирнов Д.А. Принципы современного российского налогового права. М., 2009.

1. Baranov V.M., Pshenichnov M.A. Legislation harmonization as all-legal phenomenon // Magazine of Russian law. 2009. № 6.

2. Savitsky V.A. Problems of ensuring system of regulations of municipalities // Local Law. 2000. № 7.

3. Vitruk N.V. Observance of Constitution of the Russian Federation as condition of modernization and progressive development of modern Russia // Modern society and right. 2011. № 1.

4. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. Saratov. 1995.

5. Gadzhiev G.A. Constitutional principles of market economy. M., 2004.

6. Sadinova O.G. Municipality statute // Jurisprudence in the modern world: fundamental and applied problems. Perm, 2000.

7. Vydrin I.V. Russian municipal law. M., 2004.

8. Constitution of the Russian Federation: sci.-pract. commentary // ed. by B.N. Topornin. M., 1997.

9. Concept of institutional development of executive power in the Russian Federation (project). Saratov, 2012.

10. Meis Chr. Verfassungsrechtliche Beziehungen zwischen Bund und Gemeinden. Baden-Baden, 1989.

11. Kolesnikov A.V. Concept of strengthening of a power vertical in reform of local government // Law policy and law life. 2007. № 2.

12. Smirnov D.A. Principles of the modern russian tax law. M., 2009.

Кокарев Евгений Александрович
аспирант кафедры конституционного и международного права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652356834)

Развитие законодательства о казачестве и казачьих объединениях в современной России

В статье рассмотрены вопросы становления законодательства о казачестве в конце XX века, связанного с возрождением самосознания рус-ского народа и поиском новой модели существования казачества в новом государстве.

Ключевые слова: российская государственность, казачество, казак, казачьи объединения.

E.A. Kokarev, Post-graduate of a Chair of Constitutional and International Law of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652356834.

Development of the legislature about cossacks and cossacks associations in modern Russia

Questions of formation of the legislation of the cossacks at the end of the XX century connected with revival of consciousness of the russian people and search of new model of existence of the cossacks in new state are considered in this article.

Key words: Russian statement, cossack society, cossack, cossack associations.

С точки зрения правовой науки казачество представляет собой феномен организации казачьих объединений и службы российского казачества в прошлом и в наши дни. Исследовать необходимо именно правовой статус казачьих объединений, порядок их взаимоотношений с государством, ведь, как подчеркивает Н.Н. Иванова, «самовозрождение казачества потребовало самоорганизации казачьих обществ...» [1, с. 15]. В течение всего советского периода государство «не раз меняло свои приоритеты в “казачьем вопросе”: от беспощадного террора до казачьего “возрождения”». Но в целом государственная политика была направлена на размывание казачьего населения, на своеобразное «расказачивание». В результате ее реализации казачество утратило присущие ему самобытные качества: особый хозяйственный уклад, культурные традиции, речевой диалект. Возрождение казачества, которое стоит на повестке дня, должно пониматься не как его возобновление в первоначальном виде, а как процесс восстановления естественно-исторической преемственности и эволюции российского общества и казачества» [2, с. 11].

Необходимость исследования казачества с точки зрения организации казачьих объединений и их взаимоотношений с органами государственной власти и органами местного самоуправления обусловлено историческими

причинами. Так называемое «возрождение казачества» в нашей стране началось в конце 1980 – начале 1990-х гг. В частности, 14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», положившую начало созданию в России законодательства о возвращении прав малочисленным народам, репрессированным в 1930–1940 гг.

15 июня 1992 г. Президентом Российской Федерации был принят Указ «О мерах по реализации Закона Российской Федерации “О реабилитации репрессированных народов” в отношении казачества», в котором, в частности, содержались следующие положения: 1) установить, что граждане, относящие себя к прямым потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать формы хозяйствования, культуры, быта и участвовать в несении государственной службы, а также граждане, в установленном порядке добровольно вступившие в казаки, могут объединяться в казачьи общества и создавать их в виде хуторских, станичных, городских, районных (юртовых), окружных (отдельских), войсковых и иных традиционных для казачества обществ; 2) Министерству обороны Российской Федерации, Министерству внутренних дел Российской Федерации совместно с другими

заинтересованными органами внести предложения о порядке и особенностях прохождения представителями казачества военной службы, а также охраны государственной границы и общественного порядка.

Вслед за этим 16 июля 1992 г. Верховный Совет РФ принял Постановление «О реабилитации казачества», которым за казачеством признавались следующие права: 1) возрождения традиционного социально-хозяйственного уклада жизни и культурных традиций при соблюдении законодательства и общепринятых прав человека; 2) установления территориального общественного самоуправления в местах компактного проживания казаков в традиционных для казачества формах в соответствии с законодательством о местном самоуправлении; 3) восстановления традиционных наименований населенных пунктов и местностей, улиц, площадей, объектов культуры, просвещения, производственных и иных объектов на основе свободного волеизъявления всех групп населения в местах компактного проживания казачества на основании действующего законодательства; 4) создания общественных казачьих объединений с исторически сложившимися названиями, в том числе землячеств, союзов и др.; их регистрации и деятельности в общем порядке, установленном для общественных объединений граждан.

15 марта 1993 г. был издан Указ Президента Российской Федерации «О реформировании военных структур, пограничных и внутренних войск на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации и государственной поддержке казачества». Он установил, что граждане, относящие себя к потомкам казаков и выразившие желание совместно восстанавливать и развивать традиционные для казачества формы хозяйствования, культуры и быта, а также граждане, добровольно вступившие в казачьи общества, проходят военную службу, как правило, в казачьих соединениях и частях Вооруженных Сил России, пограничных войск, специальных казачьих моторизованных воинских частях и частях оперативного назначения Внутренних Войск МВД России в соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе», общевоинскими уставами Вооруженных Сил России.

Нужно отметить, что 22 апреля 1994 г. Правительством РФ было принято Постановление «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», в котором предусматривались меры по возрождению государственной службы казачества, в рамках которой казачеству должны были быть обеспечены различные ва-

рианты прохождения государственной службы, возможности для реализации форм казачьего самоуправления, а также создания казачьих общественных объединений и неких территориальных казачьих объединений.

Подзаконное регулирование отношений казачества и государства не соответствовало задаче возрождения казачества, повышения его роли в государстве. Только в декабре 2005 г. был принят Федеральный закон «О государственной службе российского казачества». Данный закон в ч. 1 ст. 1 однозначно определил, что российские казаки – это граждане России, являющиеся членами казачьих обществ. Фактически законодательно был решен вопрос о неотнесении казаков к этносу или народности.

В нем же появилось легальное определение казачьего общества как «формы самоорганизации граждан Российской Федерации, объединившихся на основе общности интересов в целях возрождения российского казачества, защиты его прав, сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культуры российского казачества в соответствии с федеральным законодательством (некоммерческая организация). Казачье общество создается в виде хуторского, станичного, городского, районного (юртового), окружного (отдельского) или войскового казачьего общества, члены которого в установленном порядке принимают на себя обязательства по несению государственной или иной службы».

Согласно ч. 4 ст. 5 Федерального закона «О государственной службе российского казачества» (в действующей редакции) российское казачество в установленном порядке исполняет следующие обязанности:

1) оказывает содействие государственным органам в организации и ведении воинского учета членов казачьих обществ, организует военно-патриотическое воспитание призывников, их подготовку к военной службе и вневоинскую подготовку членов казачьих обществ во время их пребывания в запасе;

2) принимает участие в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий, по гражданской и территориальной обороне, в природоохранных мероприятиях;

3) принимает участие в охране общественного порядка, обеспечении экологической и пожарной безопасности, защите Государственной границы Российской Федерации, борьбе с терроризмом;

4) осуществляет иную деятельность на основе договоров (соглашений) казачьих обществ с федеральными органами исполнительной

власти и (или) их территориальными органами, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления муниципальных образований в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Очевидно, что Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» 2005 г. со всеми последующими изменениями направлен на установление статуса казачьих объединений как особого рода общественных организаций, участвующих в решении задач обеспечения общественной безопасности, правопорядка, гражданской обороны, военной службы, воспитания молодежи, члены которых сами несут государственную службу.

Считаем, что существенным недостатком правового регулирования деятельности казачества и казачьих объединений в России является отсутствие специального закона о казачестве, в котором бы получили правовое регулирование вопросы возрождения и организации казачьей культуры, самоуправления, территориальной организации и многого другого.

С 2009 г. при Президенте Российской Федерации снова действует Совет по делам казачества. Он является консультативно-совещательным органом, образованным в целях содействия реализации государственной политики в отношении российского казачества. Основные задачи Совета: подготовка предложений Президенту РФ по определению приоритетных направлений государственной политики в отношении казачества России; информирование главы государства по вопросам, касающимся казачества; участие в подготовке проектов нормативных правовых актов, связанных с казачеством; обеспечение взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления с казачьими обществами и общественными объединениями казачества.

В настоящее время большое внимание органами федеральной власти России и субъектов РФ уделяется стратегическому планированию развития казачества, формированию правовых отношений между государством и казачьими объединениями. Примером тому являются многочисленные программы и концепции развития казачества, государственной поддержки казачества.

Как показал проведенный анализ, развитие законодательства Российской Федерации и

субъектов Российской Федерации о казачестве в 1990–2000-е гг. было достаточно хаотичным и предусматривало регулирование концептуально разных сторон процесса возрождения и развития российского казачества. По нашему мнению, периодизация этапов становления и развития законодательства России о казачестве должна выглядеть следующим образом:

I этап: 1989–1992 гг. – на данном этапе происходит осмысление необходимости возрождения в России казачества, принимаются первые акты, формирующие политические и правовые основы реабилитации казачества, предоставления казачкам отдельных прав; при этом остается нерешенным вопрос о статусе казачества, признания его в качестве народа или этноса;

II этап: 1993–1995 гг. – на данном этапе наблюдается принятие концептуальных подзаконных правовых актов федерального и регионального уровней о привлечении казачества к государственной службе, принимаются первые долгосрочные программы развития казачества; все еще остается нерешенным вопрос о статусе казачества, хотя из содержания правовых актов становится понятно, что государство не спешит признавать казачество в качестве народа или этноса и предпочитает выстраивать отношения с казачеством через казачьи объединения;

III этап: 1996–1999 гг. – в этот период имел место активный процесс формирования правовой основы государственного управления казачеством, создания органов государственной власти на федеральном и региональном уровне, в компетенцию которых входят вопросы управления казачьими объединениями и взаимодействия с казачеством; становится очевидно, что казачество не будет признано в качестве народа или этноса;

IV этап: 2000–2004 гг. – наблюдается активный процесс принятия законодательных актов субъектов Российской Федерации, которыми определялся правовой статус казачества, меры государственной поддержки казачества на территории субъектов РФ и т.п.;

V этап: с 2005 г. по настоящее время – после принятия Федерального закона «О государственной службе Российской Федерации» окончательно определен статус казачества, упорядочилось законодательство Российской Федерации и субъектов РФ о казачестве, приняты обновленные концепции и программы развития казачества.

1. Иванова Н.Н. Становление института местного самоуправления: на примере казачества юга современной России: дис. ... канд. социолог. наук. Новочеркасск, 2003.

1. Ivanova N.N. Formation of local government's institute: on example of cossack society in modern South Russia: diss. ... Master of Sociology. Novocherkassk, 2003.

2. Шаповалова Я.В. Организационно-правовые основы возрождения российского казачества в постсоветский период: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

2. *Shapovalova Ya.V. The organizational-law basics of Russian Cossack's revival in Post-Soviet period: diss. ... Master of Law. M., 2000.*

Харченко Георгий Георгиевичкандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Киевского национального университета им. Тараса Шевченко
(e-mail: georgkhar@gmail.com)

Категория собственного интереса в отношениях собственности

В статье исследуются вопросы содержания и наличия собственного интереса в отношениях собственности. Автором предложены критерии, которые могут указывать на присутствие этого интереса в отношениях собственности.

Ключевые слова: собственный интерес, право собственности, отношения собственности, защита права собственности, вещное право.

G.G. Kharchenko, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Civil Law of Kiev National University of Taras Shevchenko; e-mail: georgkhar@gmail.com

Category of a proprietary interest in property relationships

The issues of the contents and the presence of a proprietary interest in property relationships are researched. The author proposes the criteria, which may reveal the presence of the interest in property relationships.

Key words: proprietary interest, property rights, property relationships, protection of property rights, property law.

В цивилистике исследованию правовой природы отношений собственности традиционно уделялось и уделяется немало внимания со стороны правоведов (Е. Суханов, А. Дзера, Я. Шевченко, Р. Майданик, Е. Харитонов, Н. Кузнецова, В. Старженецкий и др.). Однако, несмотря на это, сегодня, пожалуй, излишне полагать, что правовая наука в своем исследовательском запале смогла дать исчерпывающие ответы на все проблемные вопросы права собственности. Преждевременно говорить и об окончательном переходе от количественных к качественным показателям изучения этого явления в праве.

Правовая природа отношений собственности настолько многогранна, что описать и понять всю полноту их внутренних процессов представляется порой практически невозможным. Разный ракурс такого исследования способен привести к отличным результатам. Их выводы часто не столько взаимно исключают друг друга, сколько дополняют, делают наше представление о внутреннем содержании исследуемого объекта более полным.

Целью проводимого в статье научного исследования является изучение правовой природы отношений собственности в контексте категории «собственный интерес», выяснение, каким образом этот интерес влияет на отношения собственности и как определяет их содержание.

Собственность – продукт развития человека от давних времен до современности, его становления как социального субъекта. Через эту связь правовая природа права собственности непосредственно связана с природой человека, его восприятием собственности через собственное «Я». Категория собственного интереса, таким образом, опосредует психологические моменты человека относительно тех объектов, собственником которых он себя считает. Этот интерес выражается через волеизъявление человека, желание лица иметь вещь при себе и закрепить ее за собой, в намерении максимально широко сконцентрировать в своих руках потенциально возможные права (возможности) как в самой вещи, так и по отношению к этой вещи.

Собственник, как известно, всегда стремится к абсолютизации своих прав на вещь.

Концентрация прав в вещи предполагает совершение лицом определенных действий над ней. При таких манипуляциях вещь качественно преобразуется, а ее материальная ценность зачастую повышается. Достижение такого результата возможно, в частности, и путем переработки вещи. Последнее в силу ряда обстоятельств может осуществляться не только собственником. Не будучи собственником вещи, лицо путем ее переработки может придать ей совершенно иное качественное состояние, позволяющее говорить о вещи уже как о новой и

о возможном наличии у лица, осуществившего переработку, собственного интереса на такую вещь, а следовательно, и о возможном возникновении у него при определенных, установленных законом условиях права собственности на созданную новую вещь.

На примере гражданского законодательства Украины можно заметить, что хотя последнее о понятии «собственный интерес» не упоминает, вместе с тем, в Гражданском кодексе Украины [1] (далее – ГКУ) закреплена норма, в соответствии с которой в случае если стоимость переработки и созданной новой вещи существенно превышает стоимость материала, право собственности на новую вещь приобретает по его желанию лицо, осуществившее такую переработку (ч. 4 ст. 332 ГКУ). Таким образом, срабатывает принцип, когда работа при переработке одной вещи (материала) оказывается столь значительной по сравнению со стоимостью использованного материала, что это дает возможность рассматривать вещь после переработки как главную, а сам материал (вещь до переработки) как принадлежность. А в соответствии с ч. 2 ст. 186 ГКУ принадлежность должна следовать за главной вещью.

Таким образом, если не прямо, то опосредованно категория собственного интереса в гражданском законодательстве Украины присутствует, что дает ей возможность определять содержание норм о праве собственности.

Германское гражданское уложение (далее – ГГУ) в § 950 также предусматривает возникновение у лица, изготовившего новую движимую вещь путем переработки или переделки определенного материала, права собственности на эту вещь при условии, что стоимость переработки или переделки не будет значительно ниже стоимости материалов [2, с. 268]. Примечательно, что в отличие от законодательств Украины и Франции (ст. 571 Французского гражданского кодекса [3, с. 440]) немецкий законодатель расширил стоимостные пределы, в границах которых, по его мнению, может возникнуть собственный интерес на переработанную вещь, а вместе с ним и право собственности на созданную путем переработки вещь. Иными словами, критерий «стоимость переработки и созданной новой вещи существенно превышает стоимость материала» был заменен на «стоимость переработки или переделки не будет значительно ниже стоимости материалов».

Такие изменения в действительности имеют свою логику. Во-первых, лицо, осуществившее переработку чужого материала на новую вещь,

своими действиями фактически подтверждает наличие у него собственного интереса к этой вещи. Стоит отметить, что путем сопоставления правовых норм ГГУ и ГКУ небезыntenесен факт, что в отличие от немецкого законодателя украинский в действиях переработчика его собственный интерес к новой вещи явно не видит, оговаривая в правовой норме, что право собственности на новую вещь у лица, осуществившего переработку, может возникнуть при условии изъявления последним своего желания на это. Иными словами, ГКУ собственный интерес переработчика не презумирует.

Во-вторых, в случае снижения стоимости созданной путем переработки вещи по сравнению с ценой использованного чужого материала у собственника материала вряд ли возникнет какой-либо интерес к новой вещи, а потому переход права собственности от первоначального собственника к переработчику в этом случае будет вполне логичным. Однако при всем этом за собственником материалов, несомненно, сохраняется право на получение денежной компенсации от лица, в пользу которого состоялся соответствующий переход права.

С возникновением права собственности на новую (переработанную) вещь прекращаются все права на материалы, из которых эта вещь была изготовлена, а собственник переработанных материалов лишается права требовать восстановления прежнего состояния (ч. 1 § 951 ГГУ) [2, с. 268].

Германское гражданское уложение дополнительно содержит еще отдельные случаи, когда концентрация прав в вещи позволяет возникнуть собственническому интересу у третьих лиц и праву собственности этих лиц на эту вещь. Предусмотрено, в частности, что если движимая вещь соединена с земельным участком таким образом, что становится важной составной частью этого земельного участка, то право собственности на эту движимую вещь приобретает собственник земельного участка, даже если движимая вещь до того принадлежала другому лицу на праве собственности (§ 946 ГГУ) [2, с. 267]. Такая ситуация может возникнуть, например, когда собственник земельного участка сделал определенные сооружения, насаждения или работы из материалов, которые ему не принадлежали. Этот же эффект срабатывает и в случае с движимыми вещами, когда их сочетание делает их существенными составными частями единой вещи, где одна вещь рассматривается как главная, а другая – как принадлежность. Собственником всей сложной вещи становится собственник главной вещи (ч. 2 § 947 ГГУ) [2, с. 268]. Главной вещью согласно Фран-

цузскому гражданскому кодексу (далее – ФГК) считается та вещь, к которой другая вещь была присоединена только для пользования, украшения или дополнения первой (ст. 567 ФГК) [3, с. 439].

Из приведенных выше примеров можно констатировать, что собственнический интерес, с одной стороны, предопределяет поведение лица к вещи, а с другой – проявляется в нем. Такое поведение должно быть активным, при этом активность может выражаться не только в определенных действиях по отношению к вещи, будь то ее использование или распоряжение, но и в готовности лица защитить вещь от посягательств других лиц. Бездействие, что носит исключительно пассивный характер, не будет удостоверять наличие у лица вещного (собственнического) интереса к вещи, а потому при определенных условиях может привести к прекращению права собственности на нее, равно как и любого иного вещного права на эту вещь. Наглядно всю значимость собственнического интереса в вопросах возникновения и прекращения права собственности можно увидеть на примере приобретательной давности: если собственник не воспользуется в течение установленного законом срока своим правом на истребование своего имущества из чужого незаконного владения, то его право собственности со временем может перейти к добросовестному давностному владельцу.

Согласно ч. 1 ст. 344 ГКУ лицо, которое добросовестно завладело чужим имуществом и продолжает открыто, непрерывно владеть недвижимым имуществом в течение десяти лет или движимым имуществом в течение пяти лет, приобретает право собственности на это имущество (приобретательная давность), если иное не установлено самим Кодексом. Аналогичная по своей сути норма существует и в других гражданских кодексах отдельных стран. Однако, в отличие от Украины, в Германии, скажем, установлены более длительные сроки приобретательной давности: для недвижимого имущества – тридцать лет (§ 900 ГГУ) [2, с. 257], а для движимого – десять (§ 937 ГГУ) [2, с. 266].

Пример с приобретательной давностью свидетельствует, что нежелание собственника защищать свое вещное право на вещь ввиду отсутствия у него собственнического интереса со временем может привести к потере права собственности на эту вещь.

Анализ природы собственнического интереса позволяет сделать вывод, что критериями наличия у лица интереса к вещи могут выступать следующие элементы:

отношение лица к вещи как к своей собственной; желание лица иметь вещь при себе и закрепить ее за собой;

готовность лица защищать свои права на вещь; понимание лицом нужности вещи.

Отметим, что каждый из указанных элементов взаимосвязан с другими. В своей совокупности они подтверждают наличие у лица собственнического интереса к вещи. Правильность такого вывода можно увидеть при анализе дела «Moore v. Regents of University of California», рассмотренного в Верховном Суде Калифорнии в 1990 г.

Суть дела сводится к тому, что удаленная после хирургической операции ткань одного пациента была использована в медицинских исследованиях без разрешения больного. По результатам проведенных исследований была создана клеточная линия, пригодная для создания лекарства. Коммерческий успех проекта побудил пациента, после того как все обстоятельства дела стали ему известны, обратиться в суд с требованиями признать за ним собственнический интерес в каждом товаре, который когда-либо может быть создан ответчиками из его клеток, или в самой запатентованной клеточной линии. John Moore исходил из того, что удаленная из его тела клеточная ткань оставалась в его собственности и после своего удаления, по крайней мере с точки зрения того, что за ним оставалось право самому определять, каким образом его клетки могут быть использованы дальше. Он также утверждал, что никогда не соглашался на их использование в потенциально прибыльном медицинском исследовании, а ответчики использовали его клетки без разрешения [4, с. 5]. Суд, впрочем, отказал в удовлетворении упомянутых выше требований пациента, отметив, в частности, что для подачи такого иска обязательным условием является сохранение собственнического интереса в вещи, в то время как сам пациент после удаления клеток никак явно не проявлял своего желания оставить удаленную клеточную ткань в своем владении [4, с. 7].

Таким образом, своим решением суд фактически подтвердил, что если поведение лица не позволяет говорить о понимании им нужности вещи, желании лица иметь эту вещь при себе и закрепить ее за собой, то это дает основание полагать, что такое лицо на самом деле утратило к вещи собственнический интерес, а следовательно, правомерно ставить вопрос о прекращении его права собственности на вещь.

Элементы собственнического интереса не только взаимосвязаны друг с другом, но и дополняют друг друга. Невосприятие вещи как своей

собственной предопределяет, к примеру, неготовность лица защищать на нее свое вещное право, к этому же ведет и непонимание лица своей надобности в вещи или его нежелание иметь вещь при себе и закрепить ее за собой. Таким образом, можно увидеть, что такой элемент собственнического интереса, как готовность к защите своего вещного права на вещь, можно рассматривать в качестве краеугольного камня всей системы координат собственнического интереса, поскольку его наличие предполагает существование и других элементов этого интереса. Однако этого нельзя сказать о других элементах собственнического интереса, как то отношение лица к вещи как к собственной, понимание нужности вещи либо желание лица иметь вещь при себе и закрепить ее за собой. По отдельности наличие каждого из этих элементов у лица на практике не будет свидетельствовать об обязательном существовании у него всех иных элементов собственнического интереса. Лицо, к примеру, может понимать надобность вещи, но одновременно ясно осознавать, что эта вещь ему не принадлежит, и наоборот, знать, что вещь ему принадлежит на праве собственности, но уже не видеть в ней никакой пользы и надобности.

В то же время ошибочно, по нашему мнению, полагать, что все перечисленные выше элементы собственнического интереса могут быть сведены к одному – готовности лица защищать право собственности, т.е. к ситуации, когда ответ на вопрос о наличии у лица собственнического интереса заранее предопределяется только готовностью этого лица защитить свое вещное право на вещь. Из приведенного выше примера дела «*Moore v. Regents of University of California*», в частности, видно, что готовность к защите может возникнуть и после того как собственнический интерес был уже утрачен. Запоздалая попытка защитить свое право не означает автоматическое восстановление у лица всех других элементов собственнического интереса. Иными словами, здесь срабатывает действие так называемого временного фактора как пятого элемента собственнического интереса. Его наличие способно нарушить единство всех первых четырех элементов собственнического интереса, и, как следствие, не даст возможность говорить о восстановлении такого интереса, после того как он был утрачен.

Временной фактор по своей природе не носит постоянного характера, а потому может проявляться эпизодически в каждом конкретном

случае. В силу этой особенности пятый элемент собственнического интереса, который должен подтверждать постоянство собственнического интереса к вещи во времени, может быть сформулирован как непрерывность собственнического интереса. При утрате собственнического интереса к вещи вполне правомерно ставить вопрос о прекращении права собственности такого лица на вещь, в том числе если такая утрата имела место до истечения срока исковой давности. Естественно, доказать факт утраты собственнического интереса сложно, что в принципе должно быть дополнительным аргументом к осмыслению возможности такого основания для прекращения права собственности на вещь. Как показывает случай с *John Moore*, одного бездействия для таких выводов недостаточно, здесь важно видеть и учитывать иные обстоятельства, которые в случае с *John Moore* побудили последнего проявить активность и подать иск.

Вопрос о собственническом интересе, его элементах сегодня, к сожалению, не в должной мере проработан нашей правовой наукой, несмотря на очевидное присутствие этого интереса в отношениях собственности. Представляется, что проработка вопроса о его выявлении, наличии или отсутствии может сыграть немалую прикладную роль для разрешения спорных ситуаций. В какой-то мере последнее, возможно, поможет решать извечную для права проблематику «каучуковых норм», абстрактный смысл которых не всегда дает возможность их четкого и однозначного применения для разрешения конкретных спорных ситуаций, оставляя широкое поле для возможных интерпретаций их содержания.

Природа отношений собственности, как известно, одинакова независимо от того, в каком уголке земного шара эти отношения имеют место. Вместе с тем, в законодательстве и правовой доктрине отдельных стран она отображается по-разному, со свойственными им особенностями и отличиями. В англосаксонской правовой доктрине категории собственнического (вещного) интереса традиционно уделяется большее внимание, нежели в странах романо-германской правовой системы. Такое упущение, на наш взгляд, следует восполнить в нашей правовой системе, поскольку более полное отображение этого явления в правовых нормах позволит глубже раскрыть и саму природу отношений собственности в праве.

1. Гражданский кодекс Украины от 16 янв. 2003 г. № 435-IV (по сост. на 4.09.2013). URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

2. Гражданское уложение Германии: ввод. закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; науч. ред. Н.Г. Елисеев, А.Л. Маковский, Т.Ф. Яковлева. М., 2004.

3. Французский гражданский кодекс / под ред. Д.Г. Лавровой; пер. с фр. А.А. Жуковой, Г.А. Пашковской. СПб., 2004.

4. Moore v. Regents of University of California. URL: http://www.eejlaw.com/materials/Moore_v_Regents_T08.pdf

1. Civil Code of Ukraine from Jan. 16, 2003 № 435-IV (as from 4.09.2013). URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/435-15>.

2. Civil Code of Germany: intr. law to the Civil Code / transl. from German; sci. ed. by N.G. Eliseev, A.L. Makovsky, T.F. Yakovleva. M., 2004.

3. French Civil Code / ed. by D.H. Lavrova; transl. from Franch by A.A. Zhukova, H.A. Pashkovskaya. SPb., 2004.

4. Moore v. Regents of University of California. URL: http://www.eejlaw.com/materials/Moore_v_Regents_T08.pdf

Колесникова Кира Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, земельного и трудового права Северо-Кавказского федерального университета (тел.: +79624441985)

Об эффективности государственных программ как основы финансирования охраны окружающей среды и природопользования

В статье рассматриваются новые подходы к программно-целевому планированию в области охраны окружающей среды и природопользования. Особое внимание уделено Государственным программам по защите окружающей среды и природопользованию.

Ключевые слова: Государственные программы, федеральные целевые программы, охрана окружающей среды, природопользование.

K.V. Kolesnikova, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Ecological, Land and Labor Law of the North Caucasian Federal University; tel.: +79624441985.

About effectiveness of state programs as a basis for financing of environment's defense and nature-using

New ways to program-purposing planning in the sphere of environment's defense and nature-using are shown in this article. The main attention is paid to State programs for environment's defense and nature-using.

Key words: State programs, federal purposing programs, environment's defense, nature-using.

Мероприятия по охране окружающей среды финансируются из различных источников. Проведение экологически значимых мероприятий требует определенной последовательности, регламентированности, носит в основном комплексный характер. Для достижения поставленных целей и решения экологических проблем в эффективной последовательности необходимы специальные методы согласования. Таким методом и является программно-целевое планирование.

В Федеральном законе «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» в разделе «Расходы бюджета» названо около десяти федеральных целевых программ (ФЦП), непосредственно связанных с финансированием экологических мероприятий или направленных на решение иных проблем, но предусматривающих, в том числе, и финансирование экологически значимой деятельности. В 2010 г. можно было предположить, что федеральные целевые программы отжили свой век. В соответствии с программой повышения эффективности бюджетных расходов начиная с 2012 г. в рамках реформы бюджета планировалось отказаться от ФЦП и перейти к новой форме программирования – Государственным целевым программам.

Такого перехода не произошло, и ФЦП продолжают существовать. Однако они, в соответствии с Постановлением Правительства о Порядке разработки и реализации федеральных целевых программ и межгосударственных целевых программ, включаются в государственные программы Российской Федерации.

Заметим, что законодатель остановился именно на формулировке «Государственные программы» без конкретизации их целевой направленности. У Государственных целевых программ было много сторонников. Так, некоторые авторы писали: «Государство тратит огромные деньги на все подряд, но порядка в тратах нет. В России действует несколько десятков федеральных целевых программ от «Мирового океана» до «Русского языка», на них выделяются сотни миллиардов рублей, но невозможно понять, какой эффект они приносят. Предполагалось, что Государственные целевые программы станут, по сути, укрупненными ФЦП, но этого на сегодняшний момент так и не случилось.

2 августа 2010 г. было принято Постановление Правительства РФ № 588 «Об утверждении Порядка разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ

Российской Федерации», в соответствии с которым государственной программой является система мероприятий (взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности.

Это определение отличается от ранее предлагавшегося в Распоряжении Правительства РФ от 30 июня 2010 г. № 1101-р «Об утверждении Программы Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 года», где оно было сформулировано следующим образом: «Государственная программа Российской Федерации – документ, определяющий цель, задачи, результаты, основные направления и инструменты государственной политики, направленные на достижение целей и реализацию приоритетов, установленных Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, либо обеспечивающий реализацию в установленные сроки крупномасштабных мероприятий общенационального или международного значения».

На наш взгляд, оба определения сформулированы не совсем удачно, хотя бы потому, что не закрепляют обязанности финансирования программных мероприятий. В соответствии с тем же Распоряжением Государственная программа включает в себя федеральные целевые программы и подпрограммы, содержащие в том числе ведомственные целевые программы и отдельные мероприятия органов государственной власти.

Как показывает анализ Закона о бюджете на 2013 г. и на плановые периоды, это не так. В бюджете предусмотрены лишь три Государственные программы и около сорока Федеральных целевых программ, не имеющих к первым никакого отношения. Финансирование ФЦП прописано отдельной расходной строкой, соответственно, ФЦП на сегодняшний день являются самостоятельным видом программ, не включенным в государственные программы.

Интересна ситуация с финансированием Государственных программ. Финансирование ФЦП, а также ведомственных целевых программ, включенных в состав Государственных программ, осуществляется в порядке и за счет средств, которые предусмотрены соответственно для федеральных целевых программ и ведомственных целевых программ. Таким обра-

зом, включение ФЦП и ведомственных целевых программ в государственные программы – не более чем формальное укрупнение последних, никаких дополнительных средств на реализацию мероприятия не предусматривается.

Далее в Постановлении Правительства указывается, что финансовое обеспечение строительства, реконструкции и модернизации объектов капитального строительства, реализуемых в рамках государственной программы, осуществляется за счет бюджетных ассигнований в порядке, установленном Правительством РФ в отношении формирования и реализации федеральной адресной инвестиционной программы (ФАИП).

Как видно из анализа Постановления Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588, федеральные адресные инвестиционные программы не входят в состав Государственных программ, таким образом, можно сделать вывод, что Государственной программой могут предусматриваться мероприятия, финансирование которых будет осуществляться в том случае, если они уже предусмотрены в какой-либо ФАИП. Не совсем ясно, зачем планировать в разных документах осуществление одних и тех же мероприятий. Учитывая сказанное, можно сделать и еще один вывод: в самой государственной программе закладывается финансирование только отдельных мероприятий органов государственной власти.

Законодатель отходит от хаотичного программного правотворчества. Так, в Постановлении Правительства РФ от 2 августа 2010 г. № 588 указывается, что разработка государственных программ осуществляется на основании перечня государственных программ, утверждаемого Правительством Российской Федерации. Данный перечень закрепил наименование сорока двух Государственных программ, из которых четыре являются непосредственно экологическими. Это программы: «Защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечение пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах», «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы», «Воспроизводство и использование природных ресурсов», «Развитие лесного хозяйства».

Ни одна из перечисленных программ не принята, несмотря на то, что, например, программа по охране окружающей среды, судя по названию, должна была начать свое действие еще в 2012 г.

Надо полагать, что целью принятия Государственных программ все же является переход к «программному бюджету», хотя он и несколько задержался, ведь планировалось, что уже к 2012 г. будет введен

новый бюджет, разделенный по госпрограммам. Представляется, что такой посыл законодателя достаточно рискован. Если на сегодняшний день бюджеты разных уровней власти, разных субъектов РФ достаточно сильно разнятся по структуре и содержанию, то после подобных нововведений о единообразии подходов к законам о бюджете, видимо, говорить не придется.

На вопрос о целесообразности вводимых новшеств однозначного ответа нет. С одной стороны, безусловно, программный метод является одним из самых эффективных при финансировании и при отслеживании результатов выполненных или невыполненных мероприятий в области охраны окружающей среды и природопользования, и отказываться от него, конечно, не стоит. С другой стороны, такое укрупнение программ не может не вызывать тревоги. Ныне существующие программы не лишены недостатков, хотя некоторые действуют уже десятилетиями. Для того чтобы наладить новую систему, понадобится несколько лет, а ухудшающееся с каждым годом состояние окружающей среды не дает права упускать бесценное время.

Судя по перечню, главными экологическими программами станут государственная программа «Охрана окружающей среды на 2012–2020 годы» и государственная программа

«Воспроизводство и использование природных ресурсов». Из анализа основных направлений реализации этих программ видно, что они включают обеспечение экологической безопасности, сохранение объектов животного мира, сохранение территорий ООПТ, повышение эффективности системы гидрометеорологии, экологического надзора и института экологической экспертизы, повышение эффективности использования водных ресурсов, минерально-сырьевой базы, обеспечение геологической изученности территорий. Видимо, восстановление почв, охрана атмосферного воздуха и выполнение других природоохранных мероприятий в планы законодателя не входят. К тому же предполагалось принятие новой ФЦП «Экологическая безопасность России», вероятно, она так и останется проектом.

Таким образом, новая форма программного обеспечения – Государственные программы – представляющая собой механическое соединение различных видов программ, была бы, может, и целесообразна применительно к исследуемым отношениям, если бы она одновременно охватывала проблемы природопользования, охраны окружающей среды и экологической безопасности.

Агапов Павел Валерьевич

доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник
отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности
в сфере федеральной безопасности, международных отношений
и противодействия экстремизму
НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ
(e-mail: kafedraup212@mail.ru)

Новейшее антитеррористическое законодательство: проблемы социально-криминологической обусловленности

В статье с критических позиций рассматриваются законодательные изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 25 октября 2013 г. № 302-ФЗ. Особое внимание уделяется проблемам социально-криминологической обусловленности и дефектам законодательной техники антитеррористических новелл.

Ключевые слова: терроризм, совершенствование уголовного законодательства, социально-криминологическая обусловленность, террористическое сообщество, террористическая организация, финансирование терроризма.

P.V. Agapov, Doctor of Law, Leading Science Worker of Department of Prosecutorial Oversight Problems and Strengthen Rule in Federal Security, International Relations and Combating Extremism of the Research Institute of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation; e-mail: kafedraup212@mail.ru

The latest antiterrorist legislation: problems of social and criminological conditionality

The article critically discusses legislative changes to the Criminal code of the Russian Federation introduced with Federal law of October 25, 2013 № 302-FL. Particular attention is paid to issues of social and criminological conditionality and defects of legislative technique counterterrorism novels.

Key words: terrorism, improving of the criminal law, social and criminological conditionality, terrorist community, terrorist organization, financing of terrorism.

25 октября 2013 г. Государственной думой принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 302-ФЗ [1], направленный на совершенствование законодательства в сфере противодействия терроризму. Следует отметить, что соответствующий проект был внесен в Государственную думу Президентом РФ и стал законом в рекордные сроки. Тем не менее при ознакомлении с законодательными новациями возникает сомнение в их социально-криминологической обусловленности. Действительно ли можно вести речь о совершенствовании законодательного материала или это очередной экзерсис, демонстрирующий решимость государственной власти в борьбе с особо опасными, по ее мнению, явлениями, но не приносящий ничего нового в уже существующие правовые средства такой борьбы?

Очевидно, что соответствующие пояснения должны содержаться в пояснительной записке к проекту данного закона. Однако в этом документе упоминалось лишь, что Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подготовлен по результатам анализа правоприменительной практики по вопросам правового обеспечения противодействия терроризму, повышения эффективности применения мер уголовной ответственности к лицам, осуществляющим незаконный экспорт научно-технической продукции, которая может быть использована при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники и в отношении которой установлен экспортный контроль, а также по вопросу осуществления уголовного преследования в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, в осуществлении деятель-

ности которых принимает участие государство, и использующих свои полномочия вопреки законным интересам этих организаций. Остается непонятным, для чего нужна специальная криминализация таких общественно опасных деяний, как прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности, организация террористического сообщества и участие в нем, организация деятельности террористической организации и участие в ней.

1. В ч. 5 ст. 35 УК РФ перечень статей, в которых говорится о создании (руководстве) и участии в преступных объединениях (организованных группах и преступных сообществах), дополнился еще ст. 205⁴ «Организация террористического сообщества и участие в нем». Таким образом, появилась новая разновидность организованной группы (или преступного сообщества?), отличная от уже существующих – незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества (преступной организации) и экстремистского сообщества – террористическое сообщество.

В связи с этим хочется отметить, что в очередной раз законодатель наступает на одни и те же грабли, характеризуя в ст. 205⁴ УК РФ террористическое сообщество как «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных статьями 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК, либо иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма». Повторяется та же терминологическая неточность, ранее уже допущенная в ст. 282¹ УК РФ, из содержания которой опять-таки не вытекает однозначно, разновидностью чего является экстремистское сообщество – организованной группы или преступного сообщества.

С террористическим сообществом дело обстоит куда сложнее, поскольку и сейчас деятельности участников подобных преступных объединений дается правовая оценка по ст. 208, 209 или 210 (до внесения в последнюю изменений Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым цель создания преступного сообщества была дополнена указанием на «получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»).

2. Множество вопросов вызывает и реанимация в уголовном законе понятия «террористическая организация», а именно установление специальной ответственности за ее органи-

зацию и участие в ней. По своей сути это решение более чем спорно. Интересно, что еще в начале 2003 г. депутатом Государственной думы Российской Федерации А.А. Аслахановым внесен законопроект № 282152-3, которым предлагалось ввести ответственность за организацию террористической организации или террористического сообщества. Однако данный законопроект не получил поддержки и впоследствии был отклонен. Как указывалось, в частности в заключении Правового управления Аппарата ГД ФС РФ от 17 февраля 2003 г. № 2.2-1/6880, реализация изложенного в п. 2 ст. 1 законопроекта предложения о дополнении УК РФ ст. 205² «Организация террористической организации или террористического сообщества» необходимостью не вызывается, т.к. криминализирующиеся в ней деяния целиком охватываются ст. 210 этого Кодекса, имеющей универсальный характер и предусматривающей уголовную ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, к которым относится и создание террористической организации либо террористического сообщества. Таким же было мнение Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной думы Российской Федерации, в заключении которого (датированном 17 января 2008 г.) отмечалось, что предполагаемое законопроектом дополнение УК РФ статьей «Организация террористической организации или террористического сообщества» является излишним, т.к. указанные деяния полностью охватываются положениями действующей редакции ст. 210 УК РФ («Организация преступного сообщества (преступной организации)»). УК РФ содержит другие статьи (например, ст. 208 «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем», ст. 209 «Бандитизм», ст. 282² «Организация экстремистского сообщества»), положения которых можно применять в борьбе с организованным терроризмом.

Чем можно объяснить тот факт, что предложение по изменению уголовного закона, аргументированно отвергнутое Государственной Думой Российской Федерации, через несколько лет получает практически безоговорочную поддержку? Думается, что дело в данном случае не в изменении криминогенной ситуации, возрастании террористической угрозы и других объективных причинах, а исключительно в изменении субъекта законодательной инициативы.

Следует отметить, что проблема уголовно-правовой оценки деятельности участников террористических и экстремистских организаций

имеет далеко не только теоретический аспект. Последнее десятилетие ознаменовалось многочисленными фактами привлечения к уголовной ответственности членов партии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Напомним, что в 2003 г. данная организация была признана Верховным Судом Российской Федерации террористической и ее деятельность запрещена на территории России. К этому решению привело не только изучение идеологии и целей «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», но и конкретные действия ее членов и сторонников. Суды по-разному квалифицируют действия религиозных радикалов, в том числе и по совокупности преступлений. Например, по уголовному делу Габдрахманова, Алибаева, Рединского и других суд признал партию «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» одновременно террористической организацией (ст. 205¹ УК РФ). Содеянное квалифицировалось как склонение лица к участию в деятельности террористической организации, т.е. до внесения изменений в ст. 205¹ УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ, декриминализовавшим данную форму совершения преступления, экстремистской организацией (ст. 282² УК РФ) и преступным сообществом (ст. 210 УК РФ) [2]. Сейчас же есть все юридические основания для квалификации содеянного по ст. 205⁴ («Организация террористического сообщества и участие в нем») и ст. 205⁵ («Организация деятельности террористической организации и участие в ней»), что, на наш взгляд, еще более усугубит и без того сложную ситуацию с учетом наличия в УК РФ множества конкурирующих норм, закрепляющих ответственность за создание, руководство и участие в криминальных структурах.

При всем этом практика по делам о деятельности запрещенных организаций уже сложилась с учетом рекомендаций, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [3]. Согласно п. 19 данного постановления, в соответствии со статьей Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» террористическая деятельность является разновидностью экстремистской деятельности (экстремизма). С учетом этого при рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282² УК РФ, к общественным или религиозным объединениям либо к иным организациям, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности, следует относить организации,

указанные в специальных перечнях (списках) в соответствии со ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» и ст. 24 Федерального закона «О противодействии терроризму».

В современных научных работах обосновывается вывод о том, что любая террористическая организация является по своей сути и экстремистской организацией. Не случайно российским законодательством предусматривается возможность признать организацию, осуществляющую экстремистскую деятельность, террористической в соответствии с упрощенной процедурой, установленной Федеральным законом «О противодействии терроризму», не прибегая к сложному порядку признания организации экстремистской (ст. 9–10 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности») [4, с. 159].

Таким образом, можно отметить сходство, с одной стороны, террористической и экстремистской организаций, с другой – террористической организации и террористического сообщества. Об этом говорит и сам законодатель, вводя в ч. 2 ст. 24 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [5] норму, согласно которой «...признается террористической организацией, деятельность которой подлежит запрещению (а при наличии организационно-правовой формы – ликвидации), террористическое сообщество в случае вступления в законную силу обвинительного приговора по уголовному делу в отношении лица за создание сообщества, предусмотренного статьей 205⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации, руководство этим сообществом или участие в нем».

3. Вызывает сомнение и качество законодательной техники в новых статьях УК РФ. Например, в ст. 205⁴ установлена ответственность за создание террористического сообщества в целях осуществления террористической деятельности либо для подготовки или совершения одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 205², 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК. Однако согласно ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» террористическая деятельность включает в себя такие действия, как организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта; подстрекательство к террористическому акту; организация незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для реализации террористического акта, а равно

участие в такой структуре; вербовка, вооружение, обучение и использование террористов и другие действия, ответственность за которые предусмотрена в нижеуказанных в диспозиции статьях. Возникает вопрос о целесообразности применения сочетания бланкетного и отсылочного видов диспозиций, поскольку и в первом, и во втором случаях, по сути, говорится об одном и том же. Не понятно и отсутствие в перечне преступлений преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ. Остается догадываться, почему террористическое сообщество создается для совершения самых разнообразных преступлений (включая даже такие, как незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами), но не для основного преступления террористической направленности – террористического акта. Это, как минимум, не логично.

В примечании к ст. 205⁴ УК РФ закреплено следующее определение: «под поддержкой терроризма в настоящей статье, а также в примечании к статье 205 настоящего Кодекса понимается оказание услуг, материальной, финансовой или любой иной помощи, способствующих осуществлению террористической деятельности». Получается, что толкование признака «публичное оправдание терроризма» (прим. к ст. 205²) осуществляется посредством использования весьма близкого по значению признака «поддержка терроризма» (прим. к ст. 205⁴). Однако последнему дается определение, в содержательном смысле во многом совпадающее с понятием «финансирование терроризма» (прим. к ст. 205¹).

Очевидно, что все вышеуказанные манипуляции не способствуют повышению четкости, лаконичности и единообразия при изложении уголовно-правовых предписаний. Скорее всего, подобное совершенствование будет иметь обратный эффект, и правоприменитель столкнется с необходимостью применять новые нормы об ответственности за деяния, которые и без того подвергнуты криминализации в российском уголовном законе.

Так, Законом от 25 октября 2013 г. № 302-ФЗ была предусмотрена ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности либо совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 205¹, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 УК РФ, в том

числе за приобретение знаний, практических умений и навыков в ходе занятий по физической и психологической подготовке, при изучении способов совершения указанных преступлений, правил обращения с оружием, взрывными устройствами, взрывчатыми, отравляющими, а также иными веществами и предметами, представляющими опасность для окружающих (ст. 205³). На первый взгляд, это вполне обоснованное решение. Однако включение данной нормы привело к конкуренции последней с нормой об ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. В частности, участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом (ч. 2 ст. 208 УК РФ), как правило, и выражается в прохождении лицом обучения в целях осуществления террористической деятельности. Думается, что подобная конкуренция норм осложнит задачу практическим органам по их применению.

4. В соответствии с изменениями, внесенными в ч. 2 ст. 208 УК РФ, уголовно наказуемым признается участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащим интересам Российской Федерации. Считаем, что такое уточнение является излишним с учетом того, что эти ситуации уже оговорены в Общей части УК РФ: об этом говорит ст. 12, в которую Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма” и Федерального закона “О противодействии терроризму”» были внесены соответствующие коррективы. Кроме того, вопрос о том, противоречит или не противоречит указанное деяние интересам Российской Федерации, зачастую субъективен, однозначный ответ на него не всегда может дать даже российский МИД.

Приведенные в настоящей статье недостатки антитеррористических новелл не исчерпываются изложенными. Хочется надеяться, что ответы на них найдет правоприменительная практика с учетом рекомендаций, выработанных наукой уголовного права.

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 нояб. 2013 г. № 302-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2013. № 44. Ст. 5641.

1. About amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: fed. law of Nov. 2, 2013. № 302-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2013. № 44. Art. 5641.

2. Архив Верховного Суда Республики Башкортостан. Дело № 2–54/05 за 2005 г.

3. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 8.

4. Бикеев И.И., Никитин А.Г. Экстремизм: междисциплинарное правовое исследование. Казань, 2011.

5. Собр. законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

6. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 4.

2. Archive of the Supreme Court of the Republic of Bashkortostan. Case № 2-54/05 2005

3. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 8.

4. Bikeev I.I., Nikitin A.G. Extremism: interdisciplinary legal research. Kazan, 2011.

5. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2006. № 11. Art. 1146.

6. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 4.

Суворов Александр Сергеевич

заместитель начальника управления учебно-методической работы –
начальник отдела организации учебного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612582464)

Основные направления оптимизации отечественного уголовного законодательства об ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства

В статье сформулированы основные направления повышения эффективности российского уголовного законодательства в сфере ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, объект преступления, подделка или уничтожение, идентификационный номер, транспортное средство.

A.S. Suvorov, Deputy Head of Department of Educational and Methodical Work – Head of Group of Organization of Educational Process of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612582464.

The main directions of optimization of domestic criminal legislation about responsibility for the falsification or destruction of identification number of the vehicle

The article formulates the main directions of increase of efficiency of the Russian criminal legislation in the field of liability for forgery or destruction of identification number of the vehicle.

Key words: crime, constituting a crime, object of crime, counterfeiting or destruction, identification number, vehicle.

Результаты проведенного нами исследования позволяют утверждать, что оптимизация уголовно-правового противодействия подделке или уничтожению идентификационного номера транспортного средства, помимо вопросов совершенствования практики квалификации данного преступления, предполагает и меры по повышению эффективности уголовного законодательства в этой части.

Стоит отметить, что в уголовно-правовой литературе уделяется определенное внимание проблеме несовершенства нормативной регламентации ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть разработанные в уголовно-правовой науке предложения в этой части.

Так, по мнению А.А. Архипова, в диспозиции ст. 326 УК РФ требуется изменить описание предмета состава преступления. Автор полагает, что вместо указания на идентификационный номер, номер кузова, шасси, двигателя, а также

государственный регистрационный знак транспортного средства целесообразно использовать формулировку «регистрационно-учетный номер транспортного средства» [1, с. 10]. При этом А.А. Архипов предлагает снабдить ст. 326 УК РФ примечанием, в котором необходимо предусмотреть следующее определение: «под регистрационно-учетным номером транспортного средства в статьях 326 и 326¹ настоящего Кодекса понимается используемый для государственной регистрации и учета транспортного средства маркированный идентификационный номер транспортного средства, в том числе серийный (заводской) номер воздушного или водного судна, модель и номер двигателя, номер кузова, кабины, коляски или прицепа, номер шасси или рамы, государственный регистрационный знак механического транспортного средства, в том числе прицепа или полуприцепа к нему, государственный, регистрационный или учетный опознавательные знаки воздушного судна, а также иной регистрационно-учетный номер, маркированный на механическом транспортном

средстве, судне воздушного или водного транспорта, железнодорожном подвижном составе» [1, с. 10–11]. На наш взгляд, данное предложение может быть оценено неоднозначно. С одной стороны, изменение нормативного описания предмета преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, посредством использования обобщающей формулировки в диспозиции ч. 1 ст. 326 УК РФ послужит цели лаконичного изложения уголовного закона. Но, с другой стороны, эта цель одновременно нивелируется компенсацией сокращения нормативного материала в ч. 1 ст. 326 УК РФ путем введения примечания к данной статье, причем еще большего по объему.

Кроме того, формулировка «регистрационно-учетный номер транспортного средства» не характерна для действующего российского законодательства, а ее расшифровка в примечании к ст. 326 УК РФ не исключает бланкетности данной нормы, поскольку в любом случае для уяснения понятий, с помощью которых построено примечание к ст. 326 УК РФ, требуется обращаться к нормативным актам иной отраслевой принадлежности.

В итоге эффективность предлагаемого нововведения представляется крайне низкой. Более того, реализация данной идеи приведет к необоснованному увеличению объема нормативного материала. Усматриваются и определенные противоречия, в частности, не совсем ясно, на каких основаниях под понятие регистрационно-учетного номера транспортного средства будут подпадать номера узлов и агрегатов транспортного средства (шасси, рамы, кузова и проч.). Ведь последние сами по себе не могут быть признаны транспортными средствами.

В теории уголовного права высказываются предложения по изменению описания субъекта исследуемого состава преступления. К примеру, А.В. Лесных предлагает первый абзац ч. 1 ст. 326 УК РФ после слов «с заведомо поддельным государственным регистрационным знаком» дополнить словами «совершенный собственником либо лицом, уполномоченным совершать с ним сделки» [2, с. 42].

На наш взгляд, данное предложение основано на неверном представлении о юридической природе состава подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства. Субъект рассматриваемого преступления намного шире. А такое его сужение на нормативном уровне является неоправданным и повлечет за собой значительное ограничение сферы действия ст. 326 УК РФ, доведя ее до минимального уровня, что негативно скажется

на уголовно-правовом противодействии фактам подделки или уничтожения идентификационных номеров транспортных средств.

Отдельными авторами обосновываются идеи о необходимости расширения дифференциации уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ. В частности, А.А. Архипов считает необходимым дифференцировать уголовную ответственность за «уничтожение или повреждение регистрационно-учетного номера транспортного средства в целях эксплуатации или сбыта транспортного средства или номерного агрегата транспортного средства» (ч. 1 ст. 326 УК РФ) и подделку «регистрационно-учетного номера транспортного средства в тех же целях» (ч. 2 ст. 326 УК РФ) [1, с. 10]. При этом в рамках самостоятельной ст. 326¹ УК РФ автор предлагает установить ответственность за «обманное использование государственного регистрационного знака транспортного средства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение либо сбыт транспортного средства или его агрегата с заведомо поддельным регистрационно-учетным номером» [1, с. 11].

Результаты проведенного нами исследования позволяют высказать определенные возражения относительно предложений указанного автора. Думается, что при разработке своих идей А.А. Архипов руководствовался стремлением «разгрузить» довольно переполненную диспозицию ч. 1 ст. 326 УК РФ. Однако под сомнение может быть поставлена целесообразность таких реконструкций. Прежде всего, мы считаем недостаточно обоснованным данный вариант дифференциации уголовной ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства ввиду несущественного перепада в уровне общественной опасности разделяемых автором деяний [3, с. 182–183]. Полагаем, что такой перепад может и вовсе отсутствовать. Например, не усматриваются сколь-нибудь серьезные различия в уровне общественной опасности подделки или уничтожения идентификационного номера, номера кузова, шасси, двигателя в целях эксплуатации или сбыта транспортного средства и подделки государственного регистрационного знака транспортного средства в тех же целях. Более того, анализ материалов следственно-судебной практики показывает, что обозначенные деяния зачастую взаимосвязаны и предопределяются друг другом. При дифференциации ответственности будет иметь место искусственное ее разделение, которое может приобретать характер двойной ответственности.

Не меньше вопросов возникает и в связи с предложением А.А. Архипова о необходимости установления ответственности за «обманное использование государственного регистрационного знака транспортного средства с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение либо сбыт транспортного средства или его агрегата с заведомо поддельным регистрационно-учетным номером» в рамках самостоятельной статьи уголовного закона. На наш взгляд, такой подход не согласуется со сложившимися традициями построения УК РФ. Например, схожее преступление в виде подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков, включающее совершение такого деяния с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно сбыт указанных предметов предусмотрены одной ст. 327 УК РФ.

Кроме того, в этой части также не усматривается существенного перепада в уровне общественной опасности деяний. При этом стоит отметить, что все деяния, регламентированные в настоящее время ст. 326 УК РФ, имеют комплекс объединяющих их признаков. В первую очередь это предмет преступления и обманный способ их совершения.

Таким образом, имеются основания утверждать, что предложения о дифференциации уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ч. 1 ст. 326 УК РФ, являются преждевременными. Данную точку зрения высказали 62% практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

В юридической литературе обосновывается необходимость изложения цели исследуемого состава преступления следующим образом: «в целях эксплуатации или сбыта транспортного средства или номерного агрегата транспортного средства» [1, с. 17].

По нашему мнению, данное предложение заслуживает поддержки. Как известно, изначально ст. 326 УК РФ устанавливала ответственность за сбыт лишь транспортных средств с поддельными идентификационными номерами. Федеральным законом от 17 ноября 2001 г. № 145-ФЗ перечень предметов такого преступления расширен за счет кузова, шасси, двигателя с заведомо поддельным номером. Думается, допустимо провести параллель в контексте подделки или уничтожения номера кузова, шасси, двигателя, целью которых закреплены эксплуатация или сбыт транспортного средства. То есть на сегодняшний день подделка, например, номера двигателя в целях его сбыта не влечет уголовной ответственности по ст. 326 УК РФ.

Необходимо обратить внимание и на то, что в диспозиции ч. 1 ст. 326 УК РФ имеет место, по сути, повторение равнозначных целей совершения рассматриваемого преступления. Речь ведется о целях облегчения и совершения преступления, которые закреплены в диспозиции ст. 326 УК РФ. В связи с этим А.А. Архиповым «предлагается усовершенствованная редакция преступной цели обманного использования государственного регистрационного знака транспортного средства: “с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение”» [1, с. 18]. Помимо прочего, такой подход согласован со схожими конструкциями в отечественном уголовном законе. Так, в ч. 2 ст. 327 УК РФ указывается на цель сокрытия другого преступления или облегчения его совершения.

Вместе с тем, в результате проведенного сравнительно-правового исследования зарубежного уголовного законодательства об ответственности за подделку или уничтожение идентификационного номера транспортного средства нами установлено, что в ряде стран в нормах об ответственности за данное преступление вообще отсутствует указание на цели его совершения.

Стоит отметить, что реализация данного подхода в российском уголовном законодательстве не только позволит решить обозначенные выше проблемы с нормативным описанием целей совершения преступления, предусмотренного ст. 326 УК РФ, но и повысит эффективность уголовно-правового противодействия фактам подделки или уничтожения идентификационных номеров транспортных средств.

В современных условиях правоприменитель нередко сталкивается с проблемой доказательственного плана в части установления целей эксплуатации, сбыта, сокрытия преступления или облегчения его совершения. При этом в подавляющем большинстве случаев подделка или уничтожение идентификационных номеров транспортных средств осуществляется в этих целях. Довольно сложно даже теоретически представить ситуации, когда такое деяние совершается в иных целях. Исключение из ст. 326 УК РФ указания на цели совершения преступления в определенной степени облегчит правоприменительную практику, минимизирует возможность избежать ответственности за совершение исследуемого преступления.

В поддержку данного предложения по усовершенствованию редакции ст. 326 УК РФ высказались 70% респондентов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

В процессе анализа уголовно-правового запрета на подделку или уничтожение идентификацион-

ного номера транспортного средства нами обращено внимание на то, что в результате соответствующих противоправных действий предметы рассматриваемого общественно опасного деяния приобретают криминальный характер. Будь то транспортное средство или кузов, шасси, двигатель, наличие у них поддельных идентификационных маркировок либо отсутствие необходимых идентификационных знаков переводит данные предметы в разряд нелегальных для свободного гражданского оборота. Между тем ответственность при совершении криминальной сделки с такими предметами установлена только для одной стороны – лица, сбывающего обозначенные предметы. Закономерно возникает вопрос о ненаказуемости приобретения транспортного средства, кузова, шасси, двигателя с заведомо поддельными идентификационными номерами.

Стоит отметить, что, например, купля-продажа предметов, заведомо добытых преступным пу-

тем, влечет ответственность обеих сторон незаконной сделки. Полагаем, что это вполне логично.

Имеются основания утверждать, что в современных условиях назрела необходимость криминализовать не только сбыт транспортного средства, кузова, шасси, двигателя с поддельными идентификационными номерами, но и приобретение указанных предметов. Эта мера, на наш взгляд, обладает значительным потенциалом в повышении эффективности уголовно-правового противодействия фактам подделки или уничтожения идентификационных номеров транспортных средств. Данное предложение нашло поддержку 81% практикующих юристов, опрошенных в ходе проведенного нами исследования.

Таким образом, считаем целесообразным установить в рамках ст. 326 УК РФ ответственность за приобретение транспортного средства, а равно кузова, шасси, двигателя с заведомо поддельными идентификационными номерами.

1. Архипов А.А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с фальсификацией номерных регистрационно-учетных параметров транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2011.

2. Лесных А.В. Расследование подделки или уничтожения идентификационного номера транспортного средства: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001.

3. Кругликов Л.Л., Васильевский А.В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2002.

1. Arkhipov A.A. *Criminal liability for crime of falsification of license registration and account parameters of vehicles: auth. abstr. ... diss. Master of Law. Tumen, 2011.*

2. Lesnyh A.V. *Investigation of tampering or destruction of identification number of the vehicle: auth. abstr. ... diss. Master of Law. Krasnodar, 2001.*

3. Kruglikov L.L., Vasilyevsky A.V. *Differentiation of the responsibility in criminal law. SPb., 2002.*

Блинов Александр Георгиевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
(e-mail: Blinovag2008@yandex.ru)

Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека

В статье анализируется международное, российское и зарубежное законодательство, упорядочивающее научные изыскания в области генома человека и устанавливающее запрет на использование достижений биотехнологии для клонирования человека. Опираясь на позитивный нормотворческий опыт иностранных государств, автор предлагает включить в отечественное уголовное законодательство норму, которая должна удерживать правоисполнителей от совершения манипуляций с генетической составляющей личности.

Ключевые слова: биотехнология, клонирование, человек, уголовное право, ответственность.

A.G. Blinov, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Executive Law of the Saratov State Law Academy; e-mail: Blinovag2008@yandex.ru

Several ways of criminal lawful act against human cloning

In this article the author analyses international, russian and foreign legislation regulating scientific researching in the sphere of human genome and stating forbiddance to use the achievements of biotechnology for human cloning. On the basis of positive rulemaking of foreign states it is proposed to include legislative rule which should restrict law enforcement officers from committing manipulation with genetic component of personality.

Key words: biotechnology, cloning, human, criminal law, responsibility.

В условиях активного развития медико-биологических отраслей знания и возможного злоупотребления их достижениями на практике выраженную актуальность приобрела проблема клонирования человека. В XXI в. клонирование живых существ перестало быть темой из области фантастики. Воспроизведение самостоятельного организма из единичной соматической клетки стало реальным фактом. Технология репродуктивного клонирования широко используется в экспериментальных целях на животных. Получение учеными генетических копий некоторых разновидностей млекопитающих актуализировало вопрос о допустимости клонирования человеческой особи и правовой оценке возможных последствий реализации такой идеи. Результаты научных изысканий, свидетельствующих о рождении копии отдельного человека, пока не известны. Были заявления от представителей различных исследовательских компаний, в которых неоднократно утверждалось о появлении на свет клонированных детей. По причине непредставления доказательств, подтверждающих существование зачатых противоестественным

способом детей, подобного рода высказывания коллег научное сообщество воспринимает с большим скептицизмом. Тем не менее вызывает тревогу поступающая из СМИ информация о заинтересованности узкой группы людей в воссоздании умерших родственников или известных деятелей политики, науки, искусства и т.д. Клонирование открывает перед ними перспективу на бесконечное продление биологической жизни. Располагая крупными финансовыми возможностями, сторонники научных сенсаций могут организовать и экономически содействовать деятельности лабораторий по проведению соответствующих экспериментов. Данное обстоятельство вполне может служить фактором, побуждающим ученых к продолжению испытаний вопреки мнению подавляющей части населения Земли. В этом случае никто не может гарантировать, что в недалеком будущем научные деятели отрасли медицинской биотехнологии не достигнут цели получения точных генетических копий живых или умерших людей.

Практические разработки в области клонирования человеческих эмбрионов получили развитие благодаря успехам, достигнутым в

технологии стволовых клеток. Принимая во внимание тот факт, что клонирование человеческих существ может стать технически осуществимым, международное сообщество и развитые демократические государства приняли ряд нормативных актов, упорядочивающих научные исследования в области генома человека и устанавливающих запрет на клонирование человека. Международно-правовой блок образуют принятая 11 ноября 1997 г. на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине от 4 апреля 1997 г., Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европы о правах человека и биомедицине, касающийся запрещения клонирования человеческих существ от 12 января 1998 г., Декларация ООН о клонировании человека от 8 марта 2005 г. Учитывая серьезные медицинские, психологические, физические и социальные опасности, которые может представлять клонирование человека, международные документы запрещают научные эксперименты, преследующие цель создания человеческого существа, генетически идентичного другому индивиду. Они адресуют национальным законодателям рекомендации по принятию нормативных актов, исключающих практику клонирования в целях воспроизводства человеческой особи.

Следуя предписаниям международно-правовых документов, Федеральным законом от 20 мая 2002 г. (в ред. от 29 марта 2010 г.) «О временном запрете на клонирование человека» Российская Федерация ввела мораторий на клонирование человека. Временный запрет вводится до дня вступления в силу федерального закона, регламентирующего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека. Возможно, через какое-то время, когда биотехнология выйдет на новый уровень практического применения, ученые и другие заинтересованные лица смогут вернуться к обсуждению целесообразности клонирования человека. Так, доктор биологических наук, профессор Б.В. Конюхов надеется на то, что «в будущем, когда проблема будет полностью решена методически, человечество признает клонирование как метод помощи бесплодным парам, стремящимся иметь родного им ребенка. Хотя говорить, скорее, надо будет не о ребенке как таковом, а об однойлицевом близнеце отца или матери, каким будет клонированный ребенок в биологическом смысле» [1, с. 19].

В то же время важно подчеркнуть, что сфера действия упомянутого нормативного документа не распространяется на клонирование организмов в иных целях. В частности, в Российской Федерации нет ограничений на использование биотехнологии клонирования для получения новых способов лечения непообежденных человеком болезней Паркинсона, Альцгеймера, заболеваний поджелудочной железы, инфаркта миокарда. В процессе обсуждения проекта анализируемого закона в Государственной Думе официальный представитель Правительства РФ В.А. Княжев заверил, что будут продолжены лабораторные исследования в целях создания стволовых клеток [2, с. 166]. Слова чиновника вселяют уверенность в том, что на основе человеческих стволовых клеток ученым удастся вырастить ткани и органы, жизненно необходимые больным для трансплантации. Уже сегодня специалистам технологически развитых стран удалось разработать методику выращивания сетчатки человеческого глаза из стволовых эмбриональных клеток. Благодаря этому научному открытию, вполне вероятно, искусственно созданная сетчатка станет первым практическим клиническим применением эмбриональных стволовых клеток в качестве трансплантата.

После вступления в силу Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» у представителей юридической доктрины вызвал недоумение тот факт, что ужесточение государственной политики в области использования технологий воспроизведения самостоятельного организма не сопровождалось внесением соответствующих поправок в уголовный кодекс [3, с. 109]. По логике законодателя разработкой нормы, предупреждающей об ответственности за клонирование человека, а также ввоз на территорию России и вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека, он предполагал заниматься одновременно. Такой вывод вытекает из содержания ст. 4 рассматриваемого закона. Согласно ей лица, виновные в нарушении положений Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека», должны нести ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Однако в правовой системе страны отсутствует норма, предусматривающая ответственность за клонирование человека или ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека. При таких условиях провозглашенный в позитивном законодательстве запрет на репродуктивное клонирование не может исполняться результативно. Согласно выработанному в юридической науке

учению о межотраслевых связях, нормы регулятивного содержания для своего нормального функционирования испытывают потребность в содействии норм охранительного характера [4, с. 314]. Если сформулированные в позитивном законодательстве правила поведения не гарантированы мерами государственного принуждения, то они не могут должным образом реализоваться, поскольку предмет регулирования остается вне сферы юридической охраны. В аспекте сказанного справедливыми являются слова З.А. Незнамовой о том, что «запаздывание в изменении охранительных норм может создавать сложнейшие правовые коллизии, которые фактически парализуют правоприменительный механизм» [5, с. 192]. Таким образом, Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» создает лишь видимость правового регулирования отношений в секторе научно-исследовательской практики. Его нормы не связаны с институтом юридической ответственности и не обеспечены надлежащими санкциями за нарушения соответствующих правовых предписаний. Сложившаяся ситуация актуализирует проблему вмешательства законодателя в сферу регламентации средств правового воздействия на негативные явления в биотехнологии. При этом ему рекомендуется обращаться к имеющимся доктринальным исследованиям по данной тематике и позитивному опыту нормотворческой деятельности иностранных государств.

С предложением установить жесткий криминологический контроль над биотехнологиями в целях предупреждения теневого их использования выступает В.С. Овчинский. Ученый убежден в том, что научный прогресс в биотехнологии открывает перед человечеством возможности для реализации любых замыслов. Но при этом всегда найдутся лица, готовые использовать достижения биомедицинской науки в чисто утилитарных целях. Профессор с большой долей вероятности допускает, что «несмотря на любые возможные ограничения и запреты, будут проводиться работы по нелегальному клонированию человека и даже созданию человекоподобных химер. Тем более что технологии для этого уже созданы» [2, с. 60].

Разделяет позицию В.С. Овчинского относительно установления государственного контроля над разработкой и внедрением в жизнь новых биомедицинских технологий Н.Е. Крылова. По ее мнению, формой такого контроля могут служить меры уголовно-правового характера, призванные предупреждать наиболее опасные деяния, совершаемые в сфере генетики чело-

века. Опираясь на результаты исследования текста уголовного законодательства зарубежных государств, она рекомендует ввести в отечественное уголовное право норму об ответственности за терапевтическое и репродуктивное клонирование человека [6, с. 300–301]. В авторской редакции статья уголовного закона, предусматривающая ответственность за клонирование человека, ввоз или вывоз клонированных эмбрионов человека, включает три части. Ее первая часть криминализирует клонирование человека, т.е. создание существа, генетически идентичного другому живому или умершему человеку. Профессор рекомендует относить такого рода преступления к категории средней тяжести. Во второй части предлагается установить ответственность за ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека. Санкция за перечисленные общественно опасные деяния должна включать виды и размеры наказания, свойственные преступлениям средней тяжести. Квалифицированные виды состава преступления перечислены в части третьей проекта статьи уголовного закона, предложенного Н.Е. Крыловой. Их образуют общественно опасные деяния, предусмотренные частями первой или второй данной статьи, если они совершены: а) в целях использования органов, тканей или клеток клонированного существа; б) из корыстных побуждений; в) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; г) лицом с использованием своего служебного положения. Наказание лицу, нарушившему обязанность по воздержанию от совершения квалифицированного вида клонирования человека, автор предлагает определить как за тяжкое преступление.

Уголовно-правовые запреты на клонирование человеческих существ действуют в правовом поле многих государств, последовательно реализующих идею неприкосновенности личности и уважения ее достоинства. Так, по сведениям авторов книги «Сравнительное уголовное право» составы преступления, предусматривающие ответственность за клонирование человеческого эмбриона, «включены в новые уголовные кодексы Испании 1995 г., Сальвадора 1997 г., Колумбии 2000 г., Эстонии 2001 г., Мексики (федеральный округ) 2002 г., Молдовы 2002 г., Румынии 2004 г. В Словении соответствующая поправка в УК внесена в 2002 г., в Словакии – в 2003 г.» [7, с. 97–98]. Провозглашая преступными деяния, направленные на создание генетически идентичных человеческих существ, законодательные органы упомянутых стран явно стремились обезопасить общество от побочных последствий развития

биотехнологии. Весьма показательными в этом отношении являются уголовные законы, действующие в Испании и Румынии. Структура уголовного кодекса названных государств располагает внутренне взаимосвязанной системой норм, возлагающей на правоисполнителей обязанность воздерживаться от манипуляций с генетической составляющей личности. В Уголовном кодексе Испании такого рода нормы размещены в разделе V «Генетические манипуляции». Они предусматривают ответственность за манипулирование человеческими генами, приводящими к изменению генотипа (ст. 159), использование генной инженерии для производства биологического оружия или оружия массового поражения (ст. 160), оплодотворение человеческой яйцеклетки с какой-либо целью, отличной от цели человеческого воспроизводства (ч. 1 ст. 161), создание идентичных человеческих существ путем клонирования или других действий, направленных на селекцию расы (ч. 2 ст. 161), производство искусственного размножения в женском организме без согласия женщины (ст. 162). Наделяя признаками преступления общественно опасные деяния, угрожающие геному человека, испанский законодатель сформировал еще одно звено в правовом механизме обеспечения безопасного создания и использования живых измененных организмов, являющихся результатом биотехнологии. Обнаружив потенциальные криминогенные очаги, он разработал комплекс мер по нейтрализации общественно опасных деяний еще до того, как они пополняют статистику совершенных преступлений.

Перечисленная совокупность норм объединена идеей уголовно-правовой охраны прав и свобод лиц, подвергающихся медицинским вмешательствам на уровне генетики. В них достаточно четко выражен объект уголовно-правовой охраны, представлены критерии отграничения от смежных деяний, посягающих на человеческий эмбрион, сконструированы санкции, предельно точно отражающие характер и степень общественной опасности преступления. В структуре уголовного закона они располагаются вслед за нормами, объектом охраны которых выступают жизнь, здоровье и плод человека. Этим самым государство акцентирует внимание на приоритетах общечеловеческих ценностей, берущихся под уголовно-правовую охрану.

Вслед за испанским законодателем разумный подход к закреплению ответственности за посягательства на правоотношения, складывающиеся в сфере осуществления манипуляций с человеческими генами, проявили румынские нормотворцы. В системе Особенной части УК

Румынии они выделили специальную гл. IV «Преступления и нарушения закона генетической манипуляции». Составляющие ее содержание нормы под страхом реализации средств уголовно-правового воздействия предупреждают о недопустимости изменения человеческого генотипа (ст. 193), опасного использования генной инженерии (ст. 194), незаконного создания человеческих эмбрионов и клонирования (ст. 195). Наказания за действия, идущие вразрез с провозглашенными запретами, предусмотрены самые суровые. Максимально репрессивный характер присущ уголовно-правовой норме, устанавливающей ответственность за использование генной инженерии для производства биологического оружия массового поражения. Пренебрежение ее предписаниями карается лишением свободы на срок от 15 до 25 лет (ст. 194 УК Румынии). Чуть менее строгое наказание грозит лицу, виновному в создании человека, генетически идентичного другому живому или мертвому человеку. Действия, преследующие цель клонировать человеческое существо, наказываются лишением свободы на срок от 3 до 10 лет (ст. 195 УК Румынии). Наблюдаемый жесткий государственный подход к противодействию преступлениям в данной сфере объясняется ярко выраженным желанием решить задачу их предупреждения.

В ст. 195 УК Румынии законодатель дифференцированно подошел к оценке деятельности по клонированию человеческой особи. В ч. 1 ст. 195 УК он криминализировал деяния, направленные на создание человеческих эмбрионов в целях, не связанных с рождением ребенка, а в ч. 2 ст. 195 УК установил запрет на творение человеческого существа, генетически идентичного другому живому либо умершему индивиду. Видовым объектом интересующих нас составов преступлений выступают обусловленные объективными факторами и выстроенные с учетом особенностей проведения генетических манипуляций правоотношения, сориентированные на обеспечение достоинства личности, ее целостности и неповторимости. Необходимо отметить, что в диспозиции названных уголовно-правовых норм говорится о двух разновидностях клонирования: терапевтическом и репродуктивном. Различие между терапевтическим и репродуктивным клонированием состоит в цели осуществляемой процедуры. Терапевтическое клонирование связано с получением стволовых клеток, которые ученые предполагают использовать в исследовательских и лечебных целях. В процессе терапевтического клонирования эмбрион человека не имплантируется в полость

матки, а используется в качестве объекта научного эксперимента и выращивания отдельных органов и тканей. Конечная цель репродуктивного клонирования заключается в воспроизведении целостного организма, генетически идентичного клону.

Таким образом, румынское уголовное законодательство категорически запрещает клонирование целостного человеческого организма, даже если оно осуществляется в терапевтических либо экспериментальных целях. При этом уголовный закон исходит из существующей нормативной директивы, установленной в международных и национальных юридически обязывающих документах. Так, Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины в ст. 18 устанавливает запрет на создание эмбрионов человека в исследовательских целях. Согласно ст. 11 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека не допускается практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Государствам предлагается сотрудничать с целью выявления такой практики и принятия мер по ее предупреждению.

На фоне отечественного уголовного права использованный иностранными законодателями подход к криминализации методов клонирования человека выглядит прогрессивным. В настоящий момент нормы уголовного закона зарубежных стран, предусматривающие ответственность за создание генетических копий живого или умершего человека, обладают превентивным характером. Законодатель формирует на уровне общественной психологии чувство неприятия к преступному поведению, уважения к автори-

тету уголовного закона. Основная смысловая нагрузка существования запретительных норм уголовного права сводится к оказанию влияния на сознание отдельных правоисполнителей, желающих удовлетворить личные интересы за счет совершения общественно опасного деяния.

Используя позитивный опыт зарубежных стран в части уголовно-правового противодействия клонированию человека, предлагаем дополнить отечественный уголовный закон нормой, предупреждающей о недопустимости клонирования целостного человеческого организма. Проект ее редакции выглядит следующим образом:

«Статья... Нарушение законодательства Российской Федерации о временном запрете на клонирование человека

1. Использование технологий клонирования организма в целях клонирования человека, – наказывается штрафом в размере до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до двух лет, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от двух до пяти лет, либо ограничением свободы на срок до трех лет, лишением свободы на тот же срок.

2. Ввоз на территорию Российской Федерации либо вывоз с ее территории клонированных эмбрионов человека, –

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет».

1. Конюхов Б.В. Долли – случайность или закономерность? // *Человек*. 1998. № 3.

2. Овчинский В.С. *Криминология и биотехнологии*. М., 2005.

3. Капинус О.С., Додонов В.Н. *Ответственность за клонирование человека* // *Закон*. 2006. № 1.

4. *Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева*. Саратов, 2004. Т. 1, кн. 1.

5. Незнамова З.А. *Коллизии в уголовном праве*. Екатеринбург, 1994.

6. Крылова Н.Е. *Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений*. М., 2006.

7. Додонов В.Н., Капинус О.С., Щерба С.П. *Сравнительное уголовное право. Особенная часть / под общ. и науч. ред. С.П. Щербы*. М., 2010.

1. Konuhov B.V. *Dolly – chance or regularity?* // *Man*. 1998. № 3.

2. Ovchinski V.S. *Criminology and biotechnology*. M., 2005.

3. Kapinus O.S., Dodonov V.N. *Responsibility for human cloning* // *Law*. 2006. № 1.

4. *Criminal law of Russia: course of lectures: in 6 vol. / ed. by B.T. Rasgildiev*. Saratov, 2004. Vol. 1, b. 1.

5. Neznamova S.A. *Collision in criminal law*. Ekaterinburg, 1994.

6. Krylova N.E. *Criminal law and bioethics: problems, discussions, search for solutions*. M., 2006.

7. Dodonov V.N., Kapinus O.S., Scherba S.P. *Comparative criminal law. Special part / gen. and sci. ed. by S.P. Scherba*. M., 2010.

Радионов Георгий Геннадьевич
мещанский межрайонный прокурор г. Москвы
(e-mail: georgij.radionov@yandex.ru)

Относительная распространенность деяний как критерий криминализации фальсификации доказательств

В статье рассматривается проблема криминализации фальсификации доказательств с точки зрения соответствия принципу относительной распространенности деяний; на основании исследования специальной литературы, анализа официальных статистических показателей и результатов собственного эмпирического исследования обосновывается необходимость установления уголовной ответственности за фальсификацию доказательств с учетом высокого распространения подобных действий и их положительной динамики.

Ключевые слова: криминализация, латентность, принципы криминализации, распространенность деяний, фальсификация доказательств.

G.G. Radionov, Meschansky Interdistrict Prosecutor of Moscow; e-mail: georgij.radionov@yandex.ru
Relative prevalence of acts as a criterion of criminalization of evidence falsification

The article considers issue of falsification of evidence in terms of compliance with the principle of the relative prevalence of acts, based on the research literature, analysis of official statistics and the results of its own empirical research substantiates the need to establish criminal liability for falsification of evidence, taking into account the high prevalence of such actions and their positive dynamics.

Key words: criminalization, latency, principles of criminalization, prevalence of actions, evidence falsification.

Важность изучения социальной обусловленности уголовно-правовых запретов подчеркивается сегодня многими специалистами [1, с. 112; 2, с. 193; 3, с. 10], что, наряду с оценкой эффективности уголовно-правовых норм, относится к числу актуальных задач современной уголовно-правовой науки. Это среди прочего означает, что отнесение определенных деяний к числу преступных должно согласовываться с принципами криминализации. В теории они понимаются как отправные позиции, учет которых необходим при всяком изменении действующего уголовного законодательства [4, с. 71]. Один из отечественных разработчиков теории криминализации Г.А. Злобин указывал: «На основе анализа устойчивых и типичных связей уголовного закона разрабатываются принципы криминализации – научно обоснованные и сознательно применяемые общие правила и критерии оценки допустимости и целесообразности уголовно-правовой новеллы, устанавливающей или изменяющей ответственность за конкретный вид общественно опасных деяний. Принципы криминализации представляют собой отражение в общественном сознании общих структурно-функциональных свойств

и отношений различных оснований криминализации как социальных фактов и тенденций развития общественных отношений. По сути дела принципы криминализации – это система правил и критериев установления уголовной ответственности» [4, с. 76].

В качестве одного из главных критериев (принципов) отнесения деяний к числу преступных все без исключения специалисты называют достаточную степень их распространенности. Сущность этого критерия криминализации состоит в том, что уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественные поступки индивидов, которые, по крайней мере, являются реально возможными, т.е. представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей, иначе говоря – явления не случайные [5, с. 218]. При этом такие поступки должны находиться в определенных границах. С одной стороны, они не должны быть единичными случаями, поскольку тогда теряется регулятивное значение уголовного права, а с другой – крайне распространенными. Любая попытка криминализировать слишком распространенные формы поведения, как отмечал Г.А. Злобин, является дисфункциональной,

т.к. результат вышел бы за пределы фактических возможностей уголовной юстиции, и тем самым была бы возведена в норму безнаказанность деяний, объявленных преступными [5, с. 218].

Как свидетельствует история, случаи фальсификации доказательств всегда имели место. Фальсифицировались доказательства вне зависимости от политической обстановки, модели судопроизводства, отсутствия специальной уголовно-правовой нормы и других обстоятельств. Специалисты указывают, что в истории отечественного права ответственность за фальсификацию доказательств не предусматривалась в отдельной уголовно-правовой норме, а сама фальсификация оценивалась в структуре иных посягательств (лжесвидетельство, заведомо ложный донос, подлог доказательств, подделка или предъявление суду лжедоказательств и пр.) [6, с. 11; 7, с. 11; 8, с. 13]. В советский период, указывает В.Н. Кудрявцев, фальсификация доказательств была особо распространена в годы сталинских репрессий. Она, как отмечает автор, привела к гибели многих людей [9, с. 892].

Сказанное позволяет признать типичность и относительную распространенность деяний, направленных на видоизменение и создание ложных доказательств. Обобщение теоретических позиций, представленных в специальных исследованиях, в свою очередь, позволяет говорить об исторически устойчивом поведении, выражающемся в фактах криминальной фальсификации доказательств. Вместе с тем, исторически обусловленное отсутствие самостоятельной уголовно-правовой нормы в российском законодательстве, а также имевшиеся во все времена противоречия в законодательных оценках объективной стороны фальсификации доказательств и, как следствие, отсутствие конкретных источников, описывающих истинные масштабы фальсификаций доказательственной базы, не позволяют определиться с количественными показателями исследуемого преступления.

Можно предположить, что повышенная вероятность совершения фальсификации доказательств в современных условиях является одним из «побочных» эффектов реализации принципа состязательности современного судопроизводства. Как известно, фальсифицированное доказательство при процессуальной независимости суда достаточно сложно поддается идентификации. Оно по внешнему виду и всем требуемым атрибутам, как отмечает Е.А. Севрюкова, ничем не отличается от доказательств, которые могли быть получены с соблюдением требований процессуального законодательства [10, с. 5]. В подобных условиях риски вынесения несправедливого судебного

решения, основанного на подложных доказательствах, весьма высоки. И здесь нельзя не отметить, что по большей части причиной фальсификаций доказательств являются личные, корыстные мотивы лица, которые проявляются при сравнительно низких криминотропных рисках (рисках выявления, привлечения к ответственности, осуждения).

Включение в 1996 г. в уголовное законодательство отдельной нормы об ответственности за фальсификацию доказательств позволяет примерно оценить степень распространенности подобных деяний в современных условиях. Данные официальной статистики свидетельствуют, что число совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ, сравнительно невелико. Так, если в 1997 г. были зарегистрированы лишь 46 фактов фальсификации доказательств, то в 2012 г. показатель регистрации подобных преступлений составил 496 случаев. Анализ статистических данных показывает, что на протяжении 15 лет число преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 303 УК РФ, увеличилось более чем в 10 раз. Однако при этом доля таких преступлений в общей структуре регистрируемой преступности весьма незначительна (в 2012 г. этот показатель был равен примерно 0,03).

Сложно утверждать, что данные официальной статистики отражают действительное состояние преступности в исследуемой сфере. Крупный специалист по проблемам уголовной ответственности за преступления против правосудия Ю.И. Кулешов подчеркивает, что более половины всех преступлений, совершенных в сфере правосудия, приходится на деяния, сутью которых являются заведомая ложь и фальсификация [11, с. 23]. Специалисты, исследующие преступления против правосудия, единогласно отмечают, что показатели официальной регистрации случаев фальсификации доказательств разительно отличаются от фактических данных. «Как свидетельствует практика, – указывает в своей обстоятельной работе Л.А. Спектор, – рассматриваемые преступления относятся к группе высокой латентности» [12, с. 6]. Более точные цифры приводят авторы крупного исследования проблем латентности из НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. По их данным, коэффициент латентности преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 303 УК РФ, составляет 33,1 [13, с. 549].

Проблема фальсификации доказательств в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства, по признанию многих специалистов, в последнее время по праву стала считаться одной

из наиболее актуальных [14, с. 4; 15, с. 14]. Опрос практикующих юристов (всего были опрошены 52 респондента) показал явную недостаточность существующих правовых средств противодействия фальсификации доказательств. Так, 94% из числа опрошенных указали на то, что в ходе своей работы в качестве представителей сторон в судах при разрешении гражданских и арбитражных споров они регулярно сталкиваются с проблемой фальсифицированных доказательств. При этом чаще всего данная проблема не приводит к дальнейшему уголовному разбирательству по признакам преступления, совершенного по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Лишь изредка суды указывают, что имеются основания не доверять тому или иному доказательству. В большинстве случаев результатом обращения в правоохранительные органы в качестве представителей потерпевшего, как указывают эксперты, является постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

А.Н. Антошин отмечает, что в практике работы арбитражных судов при рассмотрении конкретных дел все чаще встречаются случаи злоупотребления правом со стороны участников арбитражного судопроизводства, которые представляют фальсифицированные доказательства, подложные судебные акты и исполнительные листы. «В частности, – пишет он, – Арбитражный суд Москвы за последние годы выявил десятки случаев изготовления и попыток использования подложных документов, в том числе поддельных судебных актов о принятии обеспечительных мер, признании банкротом акционерного общества, взыскании крупных денежных сумм. Однако ни один факт не был расследован в рамках уголовного дела, которое бы закончилось составлением обвинительного заключения с последующей передачей дела в суд. Аналогичная тенденция выявлена и при изучении практики рассмотрения заявлений о фальсификации доказательств» [16, с. 53].

Результаты опроса прокурорских работников, осуществляющих надзор за законностью осуществления процессуальной деятельности органами предварительного расследования, также демонстрируют наличие серьезных проблем с обеспечением законного порядка собирания,

приобщения и использования доказательств в уголовном процессе. Свыше 84% из 80 опрошенных респондентов указали на наличие подобных проблем, в том числе сославшись на серьезную латентную составляющую.

О степени распространенности случаев фальсификации доказательств по уголовным делам, не находящих подтверждения в официальных статистических отчетах, косвенно могут свидетельствовать данные, полученные в результате специальных исследований среди осужденных. Так, в результате одного из таких исследований, проводившихся в колониях Центрального федерального округа, было установлено, что в отношении 69% осужденных в ходе предварительного следствия имело место принуждение к даче показаний, а каждый пятый осужденный указал, что доказательства в отношении их были сфальсифицированы, причем 7% из числа таких лиц принуждались к даче заведомо ложных показаний, 10% указали, что имела место подделка документов сотрудниками правоохранительных органов, 3% осужденных были свидетелями изъятия сотрудниками органов внутренних дел документов из материалов уголовного дела [17, с. 238].

Причин повышенного уровня латентности фальсификации доказательств достаточно много, они разнообразны по своей природе и нуждаются в специальном исследовании. Однако, учитывая ограниченность объема настоящей публикации, не станем углубляться в их изучение и классификацию. При этом заметим, что причины высокой латентности в своей совокупности не только свидетельствуют о проблемах регистрационного свойства, но и подчеркивают социальную потребность в установлении уголовной ответственности за действия по фальсификации доказательств в силу их относительной распространенности.

На основании изложенного можно заключить, что криминализации фальсификации доказательств способствовала высокая степень распространенности подобного рода деяний, что вкупе с повышенной общественной опасностью стало достаточным основанием для признания их преступными.

1. Антонов А.Д. Принципы криминализации общественно опасных деяний в уголовно-правовой науке // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 2.

2. Баландина Н.В. О соотношении криминализации общественно опасных деяний и криминализации общественных отношений // Вестн. Саратовской гос. академии права. 2011. № 5.

1. Antonov A.D. Principles of criminalization of socially dangerous acts in criminal jurisprudence // «Black holes» in the russian legislation. 2002. № 2.

2. Balandina N.V. About the relation between the criminalization of socially dangerous acts and criminalization of public relations // Bull. of the Saratov State Law Academy. 2011. № 5.

3. Николаев А.М. Криминализация общественно опасных деяний, граничащих со сферой административных правонарушений (основания и направления совершенствования): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004.
4. Злобин Г.А. Основания и принципы уголовно-правового запрета // Советское государство и право. 1980. № 1.
5. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. М., 1982.
6. Благодарь И.С. Фальсификация доказательств: ответственность и вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
7. Веденева Т.А. Уголовно-правовая характеристика фальсификации доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
8. Кондратьев А.А. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу лицами, осуществляющими предварительное расследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
9. Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002.
10. Боголюбова Т.А., Бабаева Э.У., Севрюкова Е.А. Расследование фальсификации доказательств дознавателем, следователем. М., 2004.
11. Кулешов Ю.И. Преступления против правосудия: проблемы теории, законотворчества и правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2007.
12. Спектор Л.А. Судебная власть как объект уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.
13. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С.М. Иншакова. М., 2011.
14. Коробейников Н.А. Уголовная ответственность за установленный порядок доказывания в гражданском и арбитражном процессах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008.
15. Перязева Н. Фальсификация доказательств в арбитражном суде // Законность. 2005. № 8.
16. Антошин А.Н. Рассмотрение заявлений о фальсификации доказательств в арбитражном процессе // Законность. 2011. № 5.
17. Виноградова А.Д. Фальсификация доказательств по уголовному делу: криминологический анализ // Уголовное право и современность: сб. ст. Вып. 4 / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2012.
3. Nikolaev A.M. Criminalization of socially dangerous acts bordering the area of administrative offenses (base and areas for improvement): auth. abstr. ... Master of Law. N. Novgorod, 2004.
4. Zlobin G.A. Foundation and principles of criminal law prohibition // Soviet state and law. 1980. № 1.
5. Foundation for criminal legal prohibition. Criminalization and decriminalization / resp. ed. V.N. Kudryavtsev, A.M. Yakovlev. M., 1982.
6. Blagodar I.S. Falsification of evidence: responsibility and qualification questions: auth. abstr. ... Master of Law. M., 2008.
7. Vedeneva T.A. Criminally-legal characteristic of falsification of evidence: auth. abstr. ... Master of Law. M., 2011.
8. Kondratyev A.A. Criminal liability for falsification of evidence in criminal proceedings by persons carrying out a preliminary investigation: auth. abstr. ... Master of Law. M., 2009.
9. Course of russian criminal law. Special part / ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. M., 2002.
10. Bogolyubova T.A., Babaeva E.Yu., Sevryukova E.A. Investigation of falsification of evidence by investigators. M., 2004.
11. Kuleshov Yu.I. Crimes against justice: issues of theory, law and enforcement: auth. abstr. ... Dr of Law. Vladivostok, 2007.
12. Spector L.A. The judiciary as an object of criminal law protection: auth. abstr. ... Dr of Law. Rostov on/D, 2011.
13. Theoretical basis of the research and analysis of delinquency / ed. by S.M. Inshakov. M., 2011.
14. Korobeinikov N.A. Criminal liability for the established order of proof in civil and arbitration processes: auth. abstr. ... Master of Law. Ekaterinburg, 2008.
15. Peryazeva N. Falsification of evidence in arbitration // Laws. 2005. № 8.
16. Antoshin A.N. Consideration of applications for tampering with evidence in the arbitration process // Legality. 2011. № 5.
17. Vinogradova A.D. Falsification of evidence in criminal proceedings: criminological analysis // Criminal law and modernity: coll. of papers. Iss. 4. / resp. ed. A.E. Zhalinsky. M., 2012.

Агиенко Антон Дмитриевич

помощник прокурора Полтавского района Омской области
(e-mail: anton.agienko@gmail.com)

К вопросу о становлении российского уголовного законодательства об ответственности за коммерческий подкуп

В статье рассматривается процесс становления российского уголовного законодательства об ответственности за коммерческий подкуп. Автором выстраивается связь объективных предпосылок, повлиявших на процесс криминализации коммерческого подкупа, от первых источников русского права и до конца XVIII в.

Ключевые слова: преступление, подкуп, взятка, наказание, коммерческий подкуп, Русская правда, законодательство.

A.D. Agienko, Assistant of Prosecutor of the Poltava District of Omsk region; e-mail: anton.agienko@gmail.com

To the question about the formation of the Russian criminal law about liability for commercial bribery

This article describes the process of formation of the Russian criminal law, regarding liability for commercial bribery. The author builds communication objective conditions that influenced the formation of criminalization of commercial bribery of the first sources of Russian law and the end of XVIII century.

Кommerческий подкуп берет свои истоки из узаконенной в Русской Правде системы кормления (содержания) должностных лиц [1, с. 61]. Предусматривалось, что судьи и исполнительные при суде органы могли получать у местного населения как продовольствие, так и деньги. Так, вирнику полагалось «7 ведер солоду на неделю, а овен, или полоть, а в середине же сыр, а в пятницу такоже; а курон ему по двое на день; а хлебов 7 на неделю, а пшена 7 уборков, а гороху також, а соли 7 голважен: то ти вирнику с отроком» (ст. 41) [2, с. 78].

Уже в то время начинает формироваться мнение, что должность может иметь прямую взаимосвязь с доходом, породившее возможность максимального обогащения должностных лиц в период нахождения на должности. Этому способствовала узаконенная в Древней Руси практика, а отсутствие наказания за соответствующие деяния только увеличивало масштабы злоупотреблений.

По мнению В.В. Астанина, «период становления сферы государственного управления Московской Руси характеризовался принципом кормления служащих от населения. В этих условиях даже посул (обещание вознаграждения) служащему понимался как подкуп» [3, с. 38].

В Русской Правде достаточно четко прописывались санкции за преступления. Однако нака-

зание вирника за возможные злоупотребления не предусматривалось, скорее всего, их просто отстраняли от должности. Это наказание потом было инкорпорировано в ст. 20 и 74 Пространной редакции Русской Правды: после чего «...этим делом занимался уже сам отрок с помощниками» [4, с. 88].

Первые проявления криминализации действий, похожих на коммерческий подкуп, мы можем наблюдать в Новгородской судной грамоте в редакции 1440 г. В ст. 26 определялся порядок суда высшей инстанции. Статья запрещала брать посулы и решать дела по дружбе, для этого перед слушанием произносилась специальная присяга: «А докладшиком от доклада посула не взять, а у доклада не дружить никоею хитростью, по крестному целованию. А кому сести на докладе, ино ему крест целовать на сей на крестной грамоте однова» [4, с. 306].

Поскольку присяга всегда накладывает юридическую ответственность, есть основание полагать, что она укладывалась в идеологическую канву о наказании за данное преступление.

В Псковской судной грамоте (XIV в.) запрет посула выглядит с технической стороны более совершенным [5, с. 125]. В ст. 4 прямо запрещалось князю и посаднику брать тайные поборы: «А князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, ззираа в правду по

крестному целованью. А не въсудят в правду, ино Бог буди им судиа на втором пришествии Христове. А тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» [4, с. 346].

Заслуживающая внимания дискуссия возникла относительно ст. 48 Псковской судной грамоты: «Кто почнет на волостелях посула сачить, да и портище соймет, или конь сведеть, а молвить так: в посуле есми снял, или конь свел, ино быти ему в грабежи, хто в посули снял, или коня свел» [6, с. 159; 7, с. 357]. Основной спор сложился вокруг понятия «посула», содержащегося в указанной норме Псковской судной грамоты, и его значения.

В толковых словарях можно найти следующее определение посула: «Посуливать – что, сулить по временам, не давая; манить, водить, повторяя обещанье; сулить – что, кому, суливать, обещать, обнадеживать; давать, предлагать» [8, с. 786] или «Насулить – посулить многое; наобещать» [9, с. 856].

Из представленного анализа видно, что посул – это лишь выражение намерений о подкупе. При этом осмысление понятия «посул» в контексте ст. 48 Псковской судной грамоты позволяет указывать именно на подкуп.

В разных толковых словарях русского языка термин «подкуп» представлен в схожих трактовках: «привлекать, склонять на свою сторону деньгами, подарками» [9, с. 478]; «подкупить, задаривать, ослеплять мздою» [8, с. 394]; «склонить на свою сторону деньгами, подарками» [8, с. 513].

С середины XV в. до середины XVI в. на волне экономической централизации Российского государства наблюдается укрепление системы управления. Это не могло не отразиться на судебной системе. Определенному лицу поручалось особое ведомство как постоянное: «А неделщиком на суде на боярина, и на околничих, и на диаков посула не проекты и не мати, а самимь от поруки посулов не имати» [11, с. 19]. Очевидно, что такая мера затрудняла использование своего служебного положения.

Судебник 1550 г. впервые вводит наказание за подкуп должностного лица, связанного с осуществлением судопроизводства, – увольнение с должности с запрещением занимать таковую и в дальнейшем [12, с. 78]. Так, в ст. 28 предусмотрены случаи выемки, выхватывания, вытаскивания списка или дела и желанья осуществить это с помощью подкупа, посула или угроз и даже силы.

В более поздних источниках российского права наблюдается тенденция расширения круга криминализируемых действий и их детализации.

Это наглядно демонстрирует Соборное уложение 1649 г. Специалисты считают Соборное уложение первым систематизированным законом, а некоторые исследователи приравнивают его к кодексу [16, с. 277].

Соборное уложение 1649 г. явилось новым этапом в развитии юридической техники [15, с. 4]. Оно стало первым печатным памятником русского права. Появление печатного закона в значительной мере исключало возможность совершения злоупотреблений воеводами и приказными чинами, ведавшими судопроизводством. В документе рассматривались вопросы административного права и финансового регулирования, немало статей имели гражданско-правовое содержание, но больше всего внимания уделялось уголовному праву (гл. I–V, X, XXI, XXII и др.) и процессу.

Несмотря на то что понятие о преступлении было сохранено прежнее, структура состава преступления претерпела изменения. Усложняется система преступлений: «На первое место выступают наиболее опасные для феодального общества деяния: преступления против церкви, государственные преступления, особо опасные деяния против порядка управления» [16].

В Соборном уложении 1649 г. о посулах упоминается в четырех главах: «О службе всяких ратных людей московского Государства» (VII); «О суде» (X); «О суде патриарших приказных, и дворовых всяких людей, и крестьян» (XII); «О розбойных и о татиных делах» (XXI). Наибольшее количество статей, связанных с посулом, помещено в гл. X «О суде» – девять из четырнадцати во всем Уложении.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. в социально-экономической, культурной и политической жизни России произошли большие перемены. При восшествии на престол в конце XVII в. великого реформатора государства Петра Алексеевича Романова (1689–1725 гг.) вся полнота государственной власти в стране юридически принадлежит монарху. Его власть не ограничена каким-либо органом, он ни перед кем не отвечает и никому в своей деятельности не подконтролен [17, с. 73].

В 1714 г. Петр I издал Указ «О воспрещении взяток и посулов», которым было отменено поместное обеспечение чиновников и повышено им денежное жалованье [18, с. 22]. Была введена должность генерал-губернатора. Только при Петре I впервые был установлен твердый оклад жалованья губернатора, было окончательно покончено с системой кормлений, что, конечно, отнюдь не исключало незаконных поборов и прочее лихоимство [19, с. 25]. В Указе прямо

прописывался запрет на посул: «Запрещается всем чинам, которые у дел приставлены великих и малых, духовных, военных, гражданских, политических, купецких, художественных и прочих... требовать никаких посулов казенных и с народа собираемых денег брать... А кто рискнет это учинить, тот весьма жестоко на теле наказан, всего имущества лишен... и из числа добрых людей извержен или и смертью казнен будет» [20, с. 354].

Названный Указ (в ракурсе осуществляемого нами анализа) вносит значимый вклад в разграничение взятки и коммерческого подкупа. Уже в самом названии Указа осуществлено дифференцирование терминов «взятка» и «посул». Именно это дает нам основание полагать, что

разграничение субъекта дачи взятки и посула лежит в основе идеологии действующего уголовного законодательства при регламентации взятки и коммерческого подкупа.

Основное разграничение подкупа и взятки в исторических источниках осуществляется исключительно по субъекту преступления, и это, по нашему мнению, стало предтечей разграничения данных составов и в действующем законодательстве.

Виды наказаний за подкуп и взяточничество в историческом аспекте имели широкий диапазон, но всегда отражали отношение государства к этим преступлениям в зависимости от оценки степени его общественной опасности на конкретном этапе развития социума.

1. Акопджанова М.О. История развития уголовно-правового регулирования экономических отношений в России // Реформы и право. 2009. № 4.

2. Русская Правда по Карамзину списку (ст. 7) // Русская Правда. М., 1941.

3. Астанин В.В. Определение антикоррупционных понятий в ретроспективе отечественных юридико-практических подходов и соотношение с нормами антикоррупционных конвенций // Юридический мир. 2009. № 4.

4. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. И.О. Чистякова. Т.1: Законодательство Древней Руси. М., 1984.

5. Сенякин И.Н., Михеева И.В. Фундаментальное исследование вопросов юридической техники // Журнал российского права. 2012. № 1.

6. Мартысевич И.Д. Псковская Судная грамота. М., 1951.

7. Памятники русского права. М., 1953. Вып. 2.

8. Даль В.И. Большой толковый словарь русского языка. М., 2010.

9. Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.

10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2008.

11. Судебник 1947 г. (ст. 2) // Судебники XV–XVI веков. М., 1952.

12. Судебник Государя Царя Великого Князя Иоана Васильевича. М., 1768.

13. Софроненко К.А. Соборное уложение 1649 года – кодекс русского феодального права. М., 1958.

14. Юшков С.В. История государства и права СССР. 4-е изд. М., 1961. Ч. 1.

15. Дудырев Ф.Ф., Костенко М.А. Правотворческая политика и юридико-техническое оформление уголовного законодательства

1. Akopdzhanova M.O. History of development of criminal and legal regulation of the economic relations in Russia // Reforms and the right. 2009. № 4.

2. The Russian Truth according to Karamzin's list (art. 7) // Russian Truth. М., 1941.

3. Astanin V.V. Definition of anti-corruption concepts of a retrospective of domestic legal and practical approaches and ratio with standards of anti-corruption conventions // Legal world. 2009. № 4.

4. Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 vol. / gen. ed. by I.O. Chistyakov. Vol. 1: Legislation of Ancient Russia. М., 1984.

5. Senyakin I.N., Mikheyev I.V. Basic research of questions of legal equipment // Magazine of the russian law. 2012. № 1.

6. Martysevich I.D. Pskov Judgment diploma. М., 1951.

7. Monuments of the Russian right. М., 1953. Iss. 2.

8. Dal V.I. Big explanatory dictionary of Russian language. М., 2010.

9. Efremova T.F. New sensible and word-formation dictionary of Russian language. М., 2000.

10. Ozhegov S.I. Dictionary of russian language. М., 2008.

11. Code of laws of 1947 (Art. 2) // Codes of laws of the XV–XVI centuries. М., 1952.

12. Code of laws of Sovereign Tsar Grand Duke Ioann Vasilyevich. М., 1768.

13. Sofronenko K.A. Cathedral code of 1649 – code of the russian feudal law. М., 1958.

14. Yushkov S.V. History of state and law of the USSR. 4th ed. М., 1961.

15. Dudyrev F.F., Kostenko M.A. Law-making policy and legal and technical registration of the criminal legislation of Russia in XIX – the beginning of the XX centuries // History of state and law. 2010. № 12.

России в XIX – начале XX в. // *История государства и права*. 2010. № 12.

16. Владимирский-Буданов М. *Отношения между Литовским статутом и Уложением царя Алексея Михайловича* // *Сборник государственных знаний*. СПб., 1877. Т. IV.

17. Голованова Е.И. *Правовые основы борьбы с коррупцией в России в XVI–XIX вв.: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук*. М., 2002.

18. Лебедев И.А. *Актуальные вопросы противодействия коррупции в деятельности хозяйствующего субъекта* // *Безопасность бизнеса*. 2009. № 1.

19. Сулейманов Т.М. *Борьба с коррупцией в России в IX–XIX вв.: историко-правовой анализ* // *История государства и права*. 2010. № 7.

20. *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 5: 1713–1719 гг. СПб., 1830.

16. Vladimirsky-Budanov M. *Relations between the Lithuanian statute and the Code of Tsar Alexey Mikhaylovich* // *Coll. of the state knowledge*. SPb., 1877. Vol. IV.

17. Golovanova E.I. *Legal bases of fight against corruption in Russia in the XVI–XIX centuries: historical and legal research: diss. ... Master of Law*. M., 2002.

18. Lebedev I.A. *Topical issues of counteraction of corruption in activity of the managing subject* // *Safety of business*. 2009. № 1.

19. Suleymanov T.M. *Fight against corruption in Russia in the IX–XIX centuries: historical and legal analysis* // *History of state and law*. 2010. № 7.

20. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. Vol. 5: 1713–1719. SPb., 1830.

Сичкаренко Александр Юрьевич

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского федерального университета (тел.: +79280064087)

Старые проблемы норм о сексуальных преступлениях в новой редакции уголовного закона

В статье дана критическая оценка уголовно-правовых норм о сексуальных преступлениях. Особое внимание уделено нормам УК РФ об ответственности за добровольные сексуальные действия с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134), и за развратные действия (ст. 135).

Ключевые слова: УК РФ, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, иные действия сексуального характера, развратные действия.

A.Yu. Sichkarenko, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Criminal Law, Criminalistics and Criminal Executive Law of Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; Assistant Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +79280064087.

Old problems of norms about sexual crimes in new reduction of criminal statute

The critical appraisal of criminal-law norm about sexual crimes is given in this article. The special attention is paid to Russian Criminal Code's norms about responsibility for voluntary sexual actions to the person who is under sixteen years- old age (art. 134), and for lecherous actions (art. 135).

Key words: Criminal code of the Russian Federation, rape, forced actions of sexual character, other actions of sexual character, lecherous actions.

В последние годы существенным изменениям подверглись нормы, предусматривающие ответственность за посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста. Законодателем не только были изменены санкции указанных норм в сторону ужесточения наказания, но и существенным образом пересмотрены их диспозиции (федеральные законы от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ; от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ). Наряду с положительными сдвигами в области противодействия половым посягательствам в отношении несовершеннолетних законодателем были внесены поправки в гл. 18 УК РФ, порождающие дискуссионные вопросы. Кроме того, оставлены без внимания проблемы, имевшие место еще с момента издания первой редакции УК РФ.

По-прежнему в законе отсутствует определение развратных действий. Оставлено оно без внимания и в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Данное обстоятельство в правоприменительной практике зача-

стую приводит к расширительному толкованию развратных действий, а вследствие этого и к неправомерному судебному решению.

В соответствии с действующей редакцией ст. 135 УК РФ объективная сторона рассматриваемого преступления выражается в совершении развратных действий без применения насилия лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, в отношении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости.

В юридической литературе принято разделять развратные действия на два вида: физические и интеллектуальные. К физическим развратным действиям относят: обнажение половых органов виновного или потерпевшего лица, прикосновения к ним, ощупывание, совершение непристойных жестов, полового акта, иных действий сексуального характера в присутствии лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости, склонение к занятию мастурбацией и т.п. Действиями интеллектуального характера принято считать демонстрацию порнографических материалов, предметов, аудио- или

видеозаписей, изображений порнографического характера, ведение бесед, разговоров на сексуальные темы и т.д. [1, с. 281]. Таким образом, в перечень развратных действий входят деяния, не связанные с непосредственным половым контактом с потерпевшим либо с имитацией такого контакта с использованием различных предметов или частей тела.

Вместе с тем, анализ диспозиции уголовно-правовых норм, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, позволяет сделать вывод, что перечень развратных действий может быть существенно расширен. Так, в ст. 134 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» УК РФ прослеживается несогласованность названия нормы и содержания ее диспозиции. В частях 1 и 2 ст. 134 УК РФ установлена ответственность за добровольное (ненасильственное) вступление в половое сношение, мужеложство и лесбиянство лица, достигшего восемнадцати лет, с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости. Более того, при регламентации ст. 132 УК РФ законодатель не отождествляет мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера и разделяет их на три самостоятельных деяния.

С учетом сказанного иные (помимо полового сношения, мужеложства и лесбиянства) проявления гетеросексуальной активности (например, *coitus per os*, *coitus per anum* и т.д.) по отношению к лицам, не достигшим шестнадцатилетия, нельзя квалифицировать по ст. 134 УК РФ. В противном случае можно говорить о применении закона по аналогии, в результате чего иные действия сексуального характера, совершенные лицом, достигшим совершеннолетия, с лицом, не достигшим шестнадцати лет и половой зрелости, правоприменитель вынужден квалифицировать по ст. 135 УК РФ [2, с. 16], что, в свою очередь, противоречит как смыслу закона, так и социальному предназначению нормы.

Понятие «развратить» в соответствии со словарем С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой обозначает «приучить к разврату» [3, с. 644]. В словаре В.И. Даля более подробно раскрыто данное понятие: «Развратить – совращать с пути истины; исказить умственно, лжеучением, или нравственно, склонять на распутство, на дурную и преступную жизнь» [4, с. 355]. Таким образом, анализ понятийного аппарата развратных действий позволяет утверждать, что применительно к ст. 135 УК РФ развратные действия заключаются лишь в интеллектуальном воздействии на психику ребенка с целью формирования неправильного, ложного суждения о сексуальной культуре.

Следовательно, не вполне правильной представляется позиция тех авторов, которые считают, что целью развратных действий, с одной стороны, выступает удовлетворение половой потребности виновного, а с другой – развращение нравственного и физического воспитания лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста [5, с. 113]. Такая позиция специалистов обусловливается содержанием диспозиции нормы, закрепленной в ст. 134 УК РФ, и систематическим подходом толкования уголовного закона. Вместе с тем, легко привести пример с проблемами квалификации в случаях, когда при анальном совокуплении потерпевшими будут выступать лица разного пола.

Согласно действующей редакции ст. 134 УК РФ, если потерпевшим будет выступать лицо мужского пола, то следует, буквально трактуя норму, квалифицировать такие действия по указанной норме как мужеложство, воспринимая их как норму сексуальной культуры, но с нарушением возрастных ограничений. Если же потерпевшим выступает лицо женского пола, не достигшее шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости, то следует, опять же с учетом буквального толкования нормы, закрепленной в ст. 134 УК РФ, квалифицировать их уже по ст. 135 УК РФ и считать такие действия развратными, противоречащими нормам половой культуры и подрывающими нормальное нравственное развитие девочки. Различия в санкциях сравниваемых норм позволяют утверждать, что действующая редакция ст. 134 и 135 УК РФ существенно нарушает принцип справедливости, предусмотренный в ст. 6 УК РФ.

Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 15 июня 2004 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации» под «иными действиями сексуального характера» следует понимать «удовлетворение половой потребности другими способами», перечень которых не ограничен. Более того, не оговорено в разъяснениях и то, чьи половые потребности в результате преступного деяния будут удовлетворены. И если рассматривать в совокупности название ст. 134 УК РФ и запрещенные деяния, указанные в самой норме, то ими будут охватываться все случаи сексуальных контактов: и половое сношение, и насильственные действия сексуального характера (мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера).

Вероятно, именно для целей противодействия любым ненасильственным половым контактам с лицами, не достигшими возраста половой зре-

лости, и предназначена норма, закрепленная в ст. 134 УК РФ. При более успешной законодательной регламентации она бы полностью реализовывала свое предназначение.

В ст. 135 УК РФ, напротив, речь идет о развращении лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости. Наличие указанной нормы, наряду с самостоятельной ответственностью за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста и половой зрелости, указывает на желание законодателя противодействовать с ее помощью не половым контактам с указанной категорией лиц (иначе мы будем иметь дело с дублированием целей), а нравственному развращению несовершеннолетних.

С учетом сказанного при раскрытии понятия «развратные действия» можно вести речь исключительно лишь об интеллектуальной их разновидности. Следовательно, нельзя относить к развратным действиям любые проявления половых контактов либо их имитацию непосредственно с лицом, не достигшим половой зрелости и шестнадцати лет, независимо от того, чьи половые потребности старался удовлетворить виновный. В качестве объекта уголовно-правовой охраны состава преступления, закрепленного в ст. 134 УК РФ, следует рассматривать половую неприкосновенность, а в ст. 135 УК РФ – нормальное нравственно-физиологическое развитие лица, не достигшего указанного в законе возраста и половой зрелости.

Определение развратных действий исключительно через интеллектуальное воздействие на несовершеннолетнего позволит решить и правовую коллизию, созданную Федеральным законом от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ. Так, согласно действующей редакции примечания к ст. 131 УК РФ случаи развратных действий в отношении потерпевших, не достигших двенадцатилетнего возраста, необходимо квалифицировать по ст. 131 или ст. 132 УК РФ по признаку использования «беспомощного состояния». Представляется, что вряд ли можно признать одинаково общественно опасными половое сношение либо насильственные действия сексуального характера и развратные действия, выразившиеся, например, в совершении полового акта в присутствии потерпевшего либо в обнажении его или демонстрации ему половых органов виновным. Однако в силу прямого указания закона, правоприменитель обязан будет квалифицировать такие действия по нормам, закрепленным в ст. 131 либо в ст. 132 УК РФ.

Сложившуюся ситуацию правовых противоречий можно решить путем изменения редакции ст. 134 УК РФ, добавив диспозицию рассматриваемой нормы указанием на запрет иных действий сексуального характера, а также исключением ст. 135 УК РФ из примечания к ст. 131 УК РФ, с учетом того что развратные действия (т.е. деяния, выражающиеся в информационном воздействии на физическое и нравственное развитие потерпевшего) нельзя расценивать как совершение каких-либо сексуальных контактов.

1. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 13-е изд. / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013.*

2. *Коняхин В. Развратные действия // Законность. 2008. № 12.*

3. *Толковый словарь русского языка / под ред. С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. М., 2001.*

4. *Даль В.И. Толковый словарь русского языка. СПб., 2002.*

5. *Уголовный кодекс Российской Федерации. Особенная часть. Постатейный научно-практический комментарий / под ред. А.В. Наумова, А.Г. Кибальника. М., 2012.*

1. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation. 13th ed. / resp. ed. V.M. Lebedev. M., 2013.*

2. *Konyahin V. Lecherous actions // Legality. 2008. № 12.*

3. *Interpretation Dictionary of Russian Language / ed. by S.I. Ozhegov, N.Yu. Shvedova. M., 2001.*

4. *Dal V.I. Interpretation Dictionary of Russian Language. SPb., 2002.*

5. *Criminal Code of the Russian Federation. Particular Part. Article-by-article scientific-practical commentary / ed. by A.V. Naumov, A.G. Kibalnik. M., 2012.*

Анфиногенов Василий Анатольевич

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Человеческие потребности, интересы и ценности в тюремной субкультуре

Статья посвящена изучению личностных потребностей, интересов и ценностей в российской тюремной субкультуре. Особое внимание уделено их значению для различных групп заключенных.

Ключевые слова: пенитенциарная система, тюремная субкультура, личные потребности, личные интересы, личные ценности, группы заключенных.

V.A. Anfinogenov, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Human needs, interests and values in prison subculture

The article is devoted to meaning of personal needs, interests and values in Russian criminal subculture. The main attention is paid to their meaning for rather groups of imprisonments.

Key words: penitentiary system, prison subculture, personal needs, personal interests, personal values, groups of imprisonments.

В настоящее время наука уголовно-исполнительного цикла подошла к такому рубежу, когда, не изучив глубоко потребности, интересы и ценности осужденных, содержащихся в условиях изоляции, строить систему исполнения наказания, ориентированную на гуманное отношение к преступнику, уважение его прав и законных интересов, обеспечение его безопасности, становится весьма проблематичным делом. Эти обстоятельства наглядно проявляются в уязвимости как проектов, направленных на совершенствование наказания в виде лишения свободы, так и многих положений УИК РФ, т.к. в них, в основном механически, разработчики пытаются расширить возможности удовлетворения потребностей осужденных, причем за счет снятия тех или иных правоограничений, например, связанных с отправкой и получением писем, посылок, передач и бандеролей и т.д. В связи с этим изучение и знание потребностей, интересов и ценностей осужденных, лишенных свободы, является очень важным условием повышения эффективности как в реализации наказания, так и в организации воздействия на этих лиц в процессе исполнения наказания. Вся система исполнения наказаний должна в целом строиться на глубоких знаниях, прежде всего, этих социально-философских категорий и их проявлений у лиц в условиях изоляции.

Известно, что для того чтобы понять поведение человека, в том числе и осужденного,

необходимо начинать не с поисков причин соответствующих действий, а с мотивов поведения. Многочисленными экспериментами установлено, что поведение людей чаще определяется влиянием целого комплекса мотивов [1, с. 318]. В психологии в качестве общего механизма возникновения мотива рассматривается реализация потребностей в ходе поисковой активности и тем самым превращение ее объектов в мотивы «предметы потребности» [2, с. 189–190]. Поэтому вполне естественно, что предметом криминологического анализа могут быть мотивы не только криминального, но докриминального и посткриминального поведения [3, с. 139]. Иными словами, можно сказать, что мотив – «лишь результат отражения в психике потребностей организма, вызванных внешними или внутренними объективными явлениями» [4, с. 152].

Жизнь осужденного в условиях изоляции так же, как и жизнь любого человека, определяется внешними и внутренними факторами. Однако воздействие внешних факторов имеет локальный характер, поскольку возможности для удовлетворения осужденными потребностей ограничены условиями содержания в исправительном учреждении [5, с. 216].

Исправительное учреждение – это место, где находится значительное количество людей, и, естественно, как во всяком социальном образовании, в нем среди обитателей формируются свои ценности [6]. Более того, такое образова-

ние неизбежно начинает требовать от его членов считаться со сформировавшимися в этой среде нормами, традициями [7]. Не случайно многие требования группы в условиях изоляции становятся в большинстве случаев обязательными для выполнения тем или иным ее членом. В результате у каждого осужденного, хотя и имеются свои взгляды и оценка того или иного явления, как в колонии, так и непосредственно в среде осужденных, тем не менее они в целом, особенно по принципиальным вопросам, не должны рассогласовываться с мнением сообщества. Поэтому каждый осужденный в определенной мере вынужден усваивать те ценности, которые весьма значимы именно в данной социальной среде [5, с. 218].

Каждый осужденный испытывает воздействие сообщества весьма продолжительное время. Поэтому вполне естественно, что условия, в которых они находятся, сложившаяся система отношений как бы вытесняют из сознания осужденного те потребности, которые он остро ощущал на свободе.

Имевшие место потребности до осуждения как бы «затухают» в силу того, что, во-первых, многие из них осужденный просто не в состоянии удовлетворять в условиях изоляции, во-вторых, они не имеют ценности в среде преступников, а отдельные из них вообще становятся порицаемыми в сообществе в условиях изоляции. Конечно, может возникнуть вопрос, почему ценности сообщества осужденных так сильно воздействуют на каждого из них, прививая им тем самым систему неразумных потребностей [5, с. 218].

А.И. Канунник считает, что это объясняется условиями отбывания наказания в широком смысле слова. В основном система ценностей и интересов сообщества осужденных ориентирована на удовлетворение тех потребностей, которые не только связаны с их положением, но и не удалены в будущее, в перспективу, носят срочный, во многом спонтанный, но весьма реальный характер. Поэтому удовлетворение таких потребностей осужденным всегда подкрепляется практикой взаимоотношений в своем сообществе и вполне естественно зависит непосредственно от его поведения, усвоения и выполнения им неформальных норм. В связи с этим многие осужденные вынуждены корректировать свое поведение, ориентировать его на удовлетворение не только жизненно значимых потребностей, но и таких, которые бы не противоречили неформальным нормам среды, сообщества [5, с. 219].

Вместе с тем, потребности осужденных тесно связаны с их интересами. В отличие от потребностей интерес направлен не столько на предмет удовлетворения, сколько на те социальные институты, учреждения, нормы взаимоотношений в обществе, социальной группе, от которых зависит распределение предметов, ценностей, благ, обеспечивающих удовлетворение потребностей. Поэтому в понятии «интерес» присутствует элемент сопоставления человека с человеком, одной группы с другой [5, с. 219].

Интерес лежит в основе любых форм самостоятельности, борьбы и сотрудничества между людьми [8, с. 168]. Именно этим объясняется та действенность и мощь, которая заключается в реальных жизненных интересах.

Потребности и интересы отражают устойчивые отношения между субъектами и условиями их существования. Все это говорит о том, что потребности и интересы тесно связаны между собой, поэтому у них много общего. Тем не менее по многим характеристикам они не совпадают. А.И. Самсин, анализируя связь потребностей с интересами, отмечает, что интерес направлен на удовлетворение потребности и выступает как оптимальный способ ее реализации. А предметы, на удовлетворение которых ориентированы потребности социальных субъектов, являются также и предметами их интересов. Кроме того, потребность включает в себе задачу, интерес и способ ее решения [9, с. 60].

От содержания и направленности интересов того или иного осужденного зависит и его отношение к наказанию, т.к. в конечном счете интересы лежат в основе побудительных мотивов, установок как в поведении отдельного осужденного, так и в деятельности неформальных и формальных образований. В связи с этим определенное значение приобретают выявление и классификация интересов осужденных. Их можно классифицировать по различным основаниям. Например, по уровню социального проявления их можно разделить на личные и групповые; по уровню мотивации – на общественно значимые, ложные, противоправные.

На наш взгляд, интересы не только тесно связаны с потребностями, но и по своему многообразию проявления представляют собой сложное образование. Каждый из названных видов обладает своими определенными особенностями. Следовательно, весьма важно объяснить, каким образом условия изоляции влияют на возникновение и реализацию интересов осужденных, а также каким образом они стимулируют их жизнедеятельность в местах лишения свободы.

Наравне с потребностями и интересами важное значение (в этом направлении) имеет уяснение ценностей осужденных. Ведь стремления, идеалы, принципы поведения осужденных, как и многих иных лиц, относятся не столько к сфере действия интересов, сколько к области ценностей [5, с. 221].

Ценность – это то, что чувства людей диктуют признать стоящим над всем и к чему можно стремиться, созерцать, относиться с уважением, признанием, почтением [10, с. 507]. Конечно, в зависимости от уровня или степени совпадения мнений, оценок, установок и позиций членов группы по отношению к предметам (целям деятельности, идеям, взглядам, фактам и т.п.) значение ценностей может меняться: например, быть положительным или отрицательным, значимым или порицаемым.

Следовательно, значение ценностей может быть обусловлено не только определенными свойствами предмета, но и другими факторами: суждениями или оценками авторитетной группы или ее лидерами, а в ряде случаев просто потребностью лица. Не случайно конкретное значение предмета, явления, деятельности возникает в тот момент, когда лицо находится с ними в определенной связи, когда, например, предмет вовлекается в процесс, направленный на удовлетворение какой-нибудь потребности. В этой ситуации и уясняется качественное значение предмета, явления или иного фактора, определяются его положительные или отрицательные свойства, существенные или не столь существенные с точки зрения потребности. В социальной психологии это определяется как способ дифференциации объектов по их значимости – ценностные ориентации [11, с. 389]. Они формируются в процессе усвоения социального опыта и обнаруживаются в целях, идеях, идеалах, убеждениях и, конечно, интересах, а также других проявлениях личности [5, с. 222].

Не случайно все то, что усвоено осужденным в процессе отбывания наказания, например, жаргонные выражения, знание принципов поведения и взаимоотношения в преступной среде, оценивается не только им, но и ближайшим социальным окружением. Поэтому для него усвоенные привычки, знания, преступный опыт приобретают определенный личностный смысл: они дают ему возможность ориентироваться и быть «своим» в сообществе себе подобных.

Бесспорно, ценности осужденных имеют и некоторый относительный характер. Они определяются обстоятельствами условий мест отбывания наказания и временем, а также интересами, ценностными ориентациями сообщ-

щества. Поэтому известно, и в этом нет ничего сенсационного, что в основе формирования у осужденных многих ценностей в качестве критерия оценки выдвигается некий общественный образ, образец, стереотип: пройдя сложный путь апробации и утверждения в сообществе, такой эталон приобретает форму правила, нормы, в некоторых случаях даже идеала, и тем самым становится своеобразным регулятором неформального уклада их жизни и взаимоотношений. Поэтому ценность того или иного поступка выявляется посредством его сопоставления с признанными сообществом идеалами, например, справедливости, добра, авторитета и т.п. Конечно, такой подход к ценностям имеет очень ограниченный условиями характер и нередко связан со средой осужденных. Исходя из этого, можно сделать вывод, что у осужденных имеется свое, локальное, понимание добра, зла, справедливости и других категорий, которые в сознании правоупослушных граждан имеют совершенно другой смысл и значение. Все они фиксируются в их сознании в виде определенного комплекса неформальных установок, правил должного и рекомендуемого поведения. Поэтому ценность чего-либо в условиях изоляции устанавливается осужденным путем соотношения своих взглядов, поступков с другими, ее постоянного сравнения. В итоге ценность для такого осужденного многих явлений, форм, например, жеста, внешнего вида, наколки, поступка или действия связана с определенным этапом сравнения, где именно, когда, в каком виде, в каких условиях и т.д. она будет иметь практическую целесообразность [5, с. 223].

Образцы, стандарты, ценности осужденных вырабатываются и функционируют в их обществе весьма продолжительное время и так или иначе формируют у них свой мир оценок, необходимых и значимых именно в их среде. Господствующие в такой среде оценки ограничивают, а в необходимых случаях даже препятствуют появлению и распространению иных взглядов, оценок, например, связанных с отказом воровских традиций. Причем пресечение инакомыслия, не свойственных сообществу взглядов носит очень жесткий характер. По мнению Н. Смелзера, «Жизнь в таких условиях создает крепкие связи между обитателями подобных учреждений. Их язык, ритуалы и опыт становятся страстно защищаемой культурой» [12, с. 173].

Итак, социальная среда осужденных формирует свои группы ценностей в соответствии, прежде всего, с их жизненным, в том числе и преступным опытом, а также условиями отбывания наказания. Бесспорно, интересы и потребности

в этой среде играют далеко не последнюю роль: ограниченные возможности удовлетворения потребностей, схожесть и даже совпадение многих интересов, суждений, оценок способствуют их консолидации и, как следствие, формированию своей системы ценностей.

Вместе с тем, необходимо констатировать и то, что именно различие потребностей, интересов и ценностей с такой же силой обуславливает противоречия в сообществе осужденных, порождает конфликты и деление среды на различные неформальные группы. В преступном мире право насаждать ценности, их формировать приобретает, как правило, сильный, опытный и знающий сложившиеся отношения в сообществе осужденный.

Именно на базе усвоения, аккумулирования и практического применения ценностей преступной среды проявляется стратификация осужденных, проявляются лидеры, активные члены групп различной направленности поведения. Помимо общих базовых потребностей, интересов и ценностей, свойственных для всех осужденных в условиях изоляции, в каждой группе формируются свои, которые и отражают в целом статус осужденного, входящего в группу той или иной направленности поведения [5, с. 224].

Таким образом, потребности, интересы и ценности играют большую роль в поведении осужденных в условиях изоляции и, соответственно, оказывают сильное влияние на формирование личности осужденного.

1. Аберкромби Н.Е. и др. *Социологический словарь*. М., 2000.

2. *Краткий психологический словарь*. М., 1985.

3. Рарог А.И. *Квалификация преступлений по субъективным признакам*. СПб., 2002.

4. Гримак Л.П. *Резервы человеческой психики*. М., 1987.

5. Канунник А.И. *Наказание в виде лишения свободы и его роль в борьбе с преступностью*. Пенза, 2005.

6. Хохряков С.Ф. *Парадоксы тюрьмы: проблемы, дискуссии, предложения*. М., 1991.

7. Анисимков В.М. *Криминальная субкультура*. Уфа, 1998.

8. *Философский словарь*. М., 1986.

9. Самсин А.И. *Социально-философские проблемы исследования потребностей*. М., 1987.

10. *Философский энциклопедический словарь*. М., 1998.

11. *Краткий психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, В.Г. Ярошевского*. М., 1985.

12. Смелзер Н. *Социология*. М., 1994.

1. Abercrombie N.E. and others. *Sociological dictionary*. M., 2000.

2. *Short psychological dictionary*. M., 1985.

3. Rarog A.I. *Qualification of crimes on Subjective sings*. SPb, 2002.

4. Grimak L.P. *Reserves of human psychics*. M., 1987.

5. Kanunnik A.I. *Punishment as an imprisonment and its role for struggle against criminality*. Penza, 2005.

6. Hohryakov S.F. *Paradoxes of prison: problems, discussions, proposals*. M., 1991.

7. Anisimkov V.M. *Criminal Subculture*. Ufa, 1998.

8. *Philosophical dictionary*. M., 1986.

9. Samsin A.I. *Social-philosophical problems of needs' researches*. M., 1987.

10. *Philosophical encyclopedia dictionary*. M., 1998.

11. *Short psychological dictionary / gen. ed. by A.V. Petrovsky, V.G. Yaroshevsky*. M., 1985.

12. Smelzer N. *Sociology*. M., 1994.

Ильина Елена Петровна

аспирант кафедры уголовного права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина
(тел.: +74992448835)

Регулирование уголовной ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов по законодательству стран СНГ

В статье проанализированы уголовно-правовые запреты посягательств на безопасность водных биологических ресурсов в Азербайджане, Казахстане, Украине и Беларуси. Автор дает собственную оценку уголовно-правовых норм стран СНГ, направленных на охрану водных биологических ресурсов.

Ключевые слова: водные биологические ресурсы, экологические преступления, уголовно-правовые запреты, страны СНГ.

E.P. Ilyina, Post-graduate of a Chair of Criminal Law of the Moscow State Law University of O.E. Kutafin; tel.: +74992448835.

Regulation of criminal responsibility for illegal extraction of water biological resources according to legislature of CIS

Criminal-law prohibitions for offences against security of water biological resources in Azerbaijan, Kazakhstan, Ukraine and Belarus are shown in this article. Author gives her own estimation of criminal law norms of CIS which directed to defense of water biological resources.

Key words: water biological resources, ecological crimes, criminal law prohibitions, CIS.

Уголовная ответственность за рыбное браконьерство в странах СНГ в настоящее время основывается на традициях, сложившихся в советский период, и отражает специфику задач по сохранению водных биологических ресурсов каждого государства. Определенное влияние на содержание уголовно-правовых запретов и выбор санкций оказали и практика реформирования уголовного законодательства в России, и разработка Модельного уголовного кодекса.

1. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных животных по законодательству Азербайджана. И по содержанию составов (всего их 15), и по возможной уголовной ответственности, и даже по порядку расположения статей об экологических преступлениях (в двадцать восьмой главе) Кодекс Азербайджана очень близок действующему уголовно-экологическому законодательству Российской Федерации [1, с. 24–25].

Уголовная ответственность за рыбное браконьерство установлена ст. 256 «Незаконная добыча рыбы и иных водных животных». В части первой этой статьи сформулирован основной

материальный состав преступления, поскольку для привлечения к ответственности необходимо причинение значительного ущерба. В части второй также содержится материальный состав, содержащий признак объективной стороны – причинение крупного ущерба, который выступает в качестве квалифицирующего.

Законодатель Азербайджанской Республики достаточно жестко реагирует на распространенность в данном государстве незаконной добычи рыбы и иных водных животных, совершаемой организованной группой, признавая данный квалифицирующий признак в качестве показателя повышенной общественной опасности. Соответственно, и наказание предусмотрено более высокое: штраф в размере от одной до двух тысяч минимальных размеров оплаты труда либо лишение свободы на срок от двух до пяти лет. Определение нижней и верхней границ наказания в виде лишения свободы, безусловно, повышает общепреventивное значение данного уголовно-правового запрета.

В УК Азербайджана (как и в УК Грузии) в ст. 256 объединены запреты незаконной добычи рыбы

и иных водных животных на континентальном шельфе, в территориальном море, исключительной экономической зоне и во внутренних водах страны. В литературе это отмечается как положительный момент, но вопрос представляется достаточно спорным. В УК РФ место совершения преступления – незаконной добычи водных биологических ресурсов – с этой точки зрения не оговаривается, а ответственность наступает за указанное деяние вне зависимости от того, относится ли водный объект к поверхностным внутренним (реки, озера и т.п.) или является по статусу исключительной экономической зоной, территориальным морем, континентальным шельфом. Думается, что позиция российского законодателя более обоснована. Правда, может возникнуть конкуренция норм ст. 256 и ч. 2 ст. 253 УК РФ, поскольку в ней идет речь о разработке природных ресурсов континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ без соответствующего разрешения (в отношении таких действий, как исследование, поиск, разведка, вопросов не возникает, т.к. они не связаны с изъятием водных биологических ресурсов из среды обитания), но все же термины «добыча» и «вылов» позволяют разграничивать эти смежные составы без особых проблем.

2. Уголовная ответственность за посягательства на водные биологические ресурсы по законодательству Казахстана. Здесь, по мнению специалистов, «наблюдается почти полное совпадение проведенной в сфере охраны экологических отношений криминализации» [1, с. 25], что проявляется в наибольшей близости запретов гл. 11 «Экологические преступления» действующему российскому законодательству. Состав незаконной добычи водных животных и растений (ст. 287 УК Республики Казахстан; далее – УК РК) во многом схож с уголовно-правовым запретом, содержащимся в ст. 256 УК РФ. В то же время имеются и определенные различия.

Так, в части 1 ст. 287 УК РК сформулирован основной состав преступления, по которому уголовному наказанию подлежит незаконная добыча рыбы, морского зверя и иных водных животных или растений, если это деяние совершено с причинением значительного ущерба либо с применением взрывчатых и химических веществ, электричества, либо иных способов массового истребления указанных водных животных и растений.

В части второй перечислены квалифицирующие признаки первой степени общественной опасности, среди которых неоднократность; совершение преступления в отношении осетровых видов рыб; в местах нереста или на

миграционных путях к ним; лицом с использованием своего служебного положения; группой лиц по предварительному сговору; с применением самоходного транспортного средства; на особо охраняемых природных территориях и на территориях с чрезвычайной экологической ситуацией. В ч. 3 данной статьи указаны два квалифицирующих признака второй степени общественной опасности, а именно причинение крупного ущерба или совершение деяния организованной группой.

В литературе отмечается, что общественная опасность незаконной добычи водных животных и растений заключается в подрыве экологической безопасности Республики Казахстан, причинении ущерба животному и растительному миру. Соответственно, в качестве объекта преступления И.Ш. Борчашвили указывает экологическую безопасность, правда, оговаривая, что такая безопасность обеспечивается охраной, использованием, воспроизводством и обеспечением экологически необходимой численности рыбы, иных водных животных или промысловых растений [2, с. 694]. Но в Курсе лекций по Особенной части уголовного права он меняет свою позицию и пишет, что объектом данного преступления является право каждого гражданина на благоприятную окружающую среду, а непосредственным объектом – отношения по охране и рациональному использованию водных живых ресурсов как составной части природной среды [3, с. 247–248].

Несколько иная позиция отстаивается казахстанскими специалистами в отношении предмета преступления. Так, уголовная ответственность за незаконную добычу водоплавающих пушных зверей (речного бобра, выдры, выхухоли, ондатры, нутрии) наступает не по ст. 287, а по ст. 288 «Незаконная охота», т.к. указанные животные законодательством РК отнесены к категории пушных зверей [2, с. 695]. В комментариях указывается, что под незаконной добычей понимается такая добыча, которая совершается без надлежащего разрешения, но даже наличие разрешительного документа, выданного компетентным органом на добычу рыбы или иных водных животных или растений, не исключает ответственности по ст. 287 УК РК, если добыча производилась в запрещенное время, в запрещенном месте либо запрещенными орудиями и способами [2, с. 696].

В УК Казахстана имеется еще ряд норм, направленных на охрану водных биологических ресурсов: это ст. 289 «Нарушение правил охраны животного мира», по которой подлежит наказанию массовое уничтожение или гибель

животного мира вследствие нарушений правил его охраны при осуществлении производственных процессов и эксплуатации транспортных средств, применении средств защиты растений, минеральных удобрений и других препаратов, а также порядка использования и охраны охотничьих угодий и рыбохозяйственных водоемов, причинившие крупный ущерб. По всей видимости, здесь возникает конкуренция норм, т.к. нарушение порядка использования и охраны рыбохозяйственных водоемов может произойти без совершения действий по вылову (добыче).

Смежным составом следует считать и незаконное добывание, приобретение, сбыт, а равно уничтожение редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений, занесенных в Красную книгу Республики Казахстан, или места их обитания (ст. 290 «Незаконное обращение с редкими и находящимися под угрозой исчезновения видами животных и растений»). Состав незаконного добывания краснокнижных видов флоры и фауны является специальным по отношению к основному составу, содержащемуся в ст. 287 УК РК.

3. Ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов по законодательству Украины. Реформа уголовно-экологического законодательства в Украине проходила в конце 1990-х гг. и завершилась принятием 5 апреля 2001 г. УК Украины, содержащего раздел VIII «Преступления против окружающей среды». В этом разделе устанавливается ответственность за незаконное занятие рыбным, звериным или иным водным промыслом, если оно причинило крупный ущерб (ч. 1 ст. 249). Во второй части ст. 249 сформулированы квалифицирующие признаки: способ массового уничтожения рыбы и других видов, наличие судимости за преступление, предусмотренное данной статьей.

В качестве предмета преступления выступают рыбы различных видов (пресноводные и морские), водные животные (например, дельфины, осьминоги, раки, крабы) и некоторые морские растения, которые имеют промысловое значение для производства медицинских препаратов, продуктов питания. Незаконная добыча таких водных животных, как выдра, квалифицируется как незаконная охота. Для установления крупного ущерба необходимо учитывать не только стоимость, экологическую ценность, количество добытого, но и размер вреда, причиненного окружающей среде [4, с. 25–59].

Таким образом, украинский законодатель, регулируя ответственность за рыбное браконьерство пошел по пути сохранения конструкции данного преступления, сформировавшейся в

советское время, когда в УК РСФСР, например, была ст. 163 «Незаконное занятие рыбным и другими водными добывающими промыслами», в которой перечислялись виды водных объектов, где осуществляется добыча, указывалось на отсутствие разрешения и признаки объективной стороны (запретное время, недозволенные места, недозволенные орудия, способы, приемы), а квалифицирующими признаками являлись повторность, улов или убой ценных пород рыб или водных животных, причинение крупного ущерба.

4. Источники права. М.В. Краснова отмечает, что бланкетность диспозиции восполняется нормами ст. 25, 63 (и др.) Закона Украины «О животном мире», Законом «О рыбе, иных водных ресурсах и пищевой продукции из них», подзаконными актами (Концепцией развития рыбного хозяйства Украины, утвержденной постановлением Верховной Рады Украины от 13 июля 2000 г., Правилами рыболовства, Временным порядком ведения рыбного хозяйства и осуществления рыболовства, утвержденном постановлением Кабинета Министров Украины от 28 сентября 1996 г., Правилами промыслового рыболовства в рыбохозяйственных водных объектах Украины 1999 г., Правилами промыслового рыболовства в бассейне Черного моря 1999 г. и др.), а причиненный ущерб рассчитывается по таксам и методикам. Так, граждане Украины, иностранные граждане и лица без гражданства, виновные в незаконной добыче (сборе) или уничтожении ценных видов рыб и иных объектов водного промысла несут ответственность в соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины от 19 января 1998 г. Этим постановлением утверждено три вида такс, по которым в кратном размере минимального необлагаемого налогом дохода граждан исчисляются размеры ущерба, причиненного вследствие незаконной добычи (промысла) или уничтожения ценных видов рыб, водных беспозвоночных и водных растений в рыбопромысловых водоемах Украины (например, осетр – 30; форель – 3); водных беспозвоночных и водных растений, которые относятся к природным богатствам континентального шельфа Украины (краб – 0,5; моллюски – 0,006); живых организмов исключительной экономической зоны Украины, а также анадромных видов рыб, которые размножаются в реках Украины за пределами этой зоны (осетр, севрюга – 30; кефаль – 3). Ущерб рассчитывается с помощью Методики исчисления вреда, причиненного рыбному хозяйству в результате нарушения законодательства об охране окружающей природной среды, утвержденной Министерством экономической безопасности Украины 18 мая 1995 г. Незаконно добытое подлежит кон-

фискации и передаче для реализации торговым и заготовительным организациям. Суммы, полученные от реализации, и суммы возмещенного ущерба зачисляются в государственный бюджет, республиканский бюджет Автономной Республики Крым и в бюджеты местных фондов охраны окружающей природной среды [5, с. 432–433].

5. Уголовная ответственность за незаконную добычу рыбы и иных водных животных по законодательству Республики Беларусь. Уголовно-правовой запрет, содержащийся в ст. 281 УК Республики Беларусь (далее – УК РБ) «Незаконная добыча рыбы или водных животных», во многом аналогичен тому, который сложился в ходе реформы российского уголовного законодательства. Эта статья состоит из трех частей и примечания.

В первой части ст. 281 УК РБ сформулирован основной состав преступления: добыча рыбы или водных животных без надлежащего на то разрешения либо в запретное время, либо в недозволенных местах, либо недозволенными орудиями, способами и приемами (незаконная добыча рыбы или водных животных), совершенная в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Вторая часть содержит квалифицированные составы, выделяемые по признаку предмета посягательства – рыба или водные животные, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь (при этом требуется, чтобы виновный знал об этом «заведомо»), а также по признакам объективной стороны – причинение ущерба в крупном размере либо использование орудий лова повышенной опасности (на основе электромагнитного поля, ультразвука, взрыва). В третьей части указаны квалифицирующие признаки второй степени общественной опасности: совершение преступления должностным лицом с использованием своего служебного положения. Четвертая часть предусматривает причинение ущерба в особо крупном размере. В примечании определяются крупный и особо крупный размеры ущерба.

Таким образом, основной состав преступления характеризуется признаками предмета

преступления – рыба или водные животные; признаками объективной стороны – действия, состоящие в добыче без надлежащего разрешения, и признаки места, времени, способов и средств совершения преступления. Белорусский законодатель сохранил административную преюдицию, которая регулируется ст. 32 УК РБ: «В случаях, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, уголовная ответственность за преступление, не представляющее большой общественной опасности, наступает, если деяние совершено в течение года после наложения административного или дисциплинарного взыскания за такое же нарушение».

Квалифицирующие признаки первой степени общественной опасности сформулированы применительно к объективной стороне – причинение крупного ущерба, а также предмету преступления – рыба или водные животные, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь. При этом данный признак предмета преступного посягательства должен осознаваться виновным («заведомо»). Квалифицирующие признаки второй степени общественной опасности выделены по признаку субъекта – совершение преступления должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, а также объективной стороны – причинение ущерба в особо крупном размере [6, с. 611–616].

Таким образом, даже краткое описание особенностей правового регулирования уголовной ответственности за незаконную добычу водных биологических ресурсов показывает, что при общей тенденции обеспечения охраны этого компонента окружающей среды в законодательстве зарубежных стран используются несколько различающиеся конструкции [1, с. 5–28]. В первую очередь это касается системы актов, содержащих соответствующие запреты и санкции за их нарушение; во вторую – идентификации предмета (объекта) посягательства как экологического блага или имущества, либо элемента экологической безопасности; в третью – детальности описания составов и различий признаков объективной стороны (деяния); в четвертую – санкций.

1. Лопашенко Н.А. *Экологические преступления*. СПб., 2002.

2. *Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан*. 2-е изд. / под ред. И.Ш. Борчашвили. Алма-Ата, 2007.

3. *Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть*. / под ред. И.Ш. Борчашвили. Алма-Ата, 2006. Т. 2.

1. Lopashenko N.A. *Ecological crimes*. SPb., 2002.

2. *Commentary to Kazakhstan Criminal code*. 2nd ed. / ed. by I.Sh. Borchashvili. Alma-Ata, 2007.

3. *Kazakhstan criminal law. Particular part*. / ed. by I.Sh. Borchashvili. Alma-Ata, 2006. Vol. 2

4. *Ukrainian criminal law. Particular part* / ed. by M.G. Bazhanov, V.V. Stashis, V.Ya. Tatsiy. Kiev, 2005.

4. *Кримінальне право України. Особлива частина* / за ред. М.Г. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Київ, 2005.

5. *Екологічне право України. Академічний курс. 2 вид.* / за ред. Ю.С. Шемшученка. Київ, 2008.

6. *Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь.* Минск, 2007.

5. *Ukrainian ecological law. Academy course. 2nd ed.* / ed. by Yu.S. Shemshuchenk. Kiev, 2008.

6. *Scientific-practical commentary to Belorussian Criminal code.* Minsk, 2007.

Мусаев Халид Абдурашимовичаспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

Понятие и значение боевой обстановки в уголовном праве

На основании анализа действующего международного и российского законодательства формулируется авторское понятие боевой обстановки как уголовно-правовой категории, а также ее значение при квалификации преступлений.

Ключевые слова: объективная сторона преступления, факультативные признаки объективной стороны преступления, обстановка совершения преступления.

H.A. Musaev, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Definition and meaning of fighting situation in criminal law

On the basis of the analysis of the existing international and russian legislation the author's concept of fighting situation as criminal legal category, and also its value is formulated at qualification of crimes.

Key words: objective side of the crime, optional characteristics of the objective side of the crime, situation of the crime.

В Уголовном кодексе РФ законодателем введены такие признаки: «боевая обстановка» (ст. 331 УК РФ), «вооруженный конфликт», «военные действия» (ст. 356 и 359 УК РФ), содержащиеся, соответственно, в главах о преступлениях против военной службы, мира и безопасности человечества.

Использование законодателем таких признаков, как «вооруженный конфликт», «военные действия» и «боевая обстановка», не свидетельствует об их совпадении или тождественности. При соотнесении терминов «вооруженный конфликт» и «боевая обстановка» стоит отметить, что «вооруженный конфликт» – более широкое понятие, а «боевая обстановка» является его содержательной частью.

В доктрине под вооруженным конфликтом принято понимать любое столкновение, противоборство, форму разрешения противоречий между конфликтующими сторонами с применением военной силы для достижения определенных политических целей.

Римский Статут Международного уголовного суда, подписанный Россией 1 июля 2002 г., определяет два вида вооруженного конфликта: международный и немеждународный (внутригосударственный). Данные положения Статута полностью соответствуют Женевским конвенциям 1949 г., в которых имеется аналогичная классификация вооруженных конфликтов: вооруженные конфликты, носящие международный

характер и вооруженные конфликты, не носящие международного характера и возникающие на территории одного из договаривающихся государств.

По мнению В.П. Панова, признак «вооруженный конфликт» стал употребляться в международных документах по ряду причин. Во-первых, только после Второй мировой войны произошло более ста пятидесяти вооруженных столкновений международного и немеждународного характера. Во-вторых, абсолютное большинство вооруженных столкновений происходило внутри государств в виде революционных переворотов, вооруженных мятежей, восстаний, религиозных столкновений и других форм гражданских войн, которые также не укладывались в традиционные рамки войн. В-третьих, в особую группу выделилась национально-освободительная борьба народов против колониализма, сопровождавшаяся вооруженными столкновениями с представителями метрополий [1, с. 158–159].

В теории уголовного права в определение боевой обстановки вкладывают различный смысл. Так, В.А. Владимиров под этим термином понимает обстановку, когда воинская часть находится в непосредственном соприкосновении с противником или готовится к выполнению боевого задания как во время войны, так и в мирное время [2, с. 533]. По мнению Х.М. Ахметшина и А.А. Тер-Акопова, боевая обстановка предполагает нахождение воинской части в

непосредственном соприкосновении и близости с неприятельскими войсками и может иметь место не только в военное, но и в мирное время [2, с. 51].

Согласно мнению А.Г. Горного, боевая обстановка – совокупность факторов и условий, в которых осуществляются подготовка и ведение боя (операции). Боевая обстановка возможна и в условиях мирного времени, например, в связи с локальными вооруженными конфликтами, вторжением на территорию государства воинских подразделений или вооруженных банд сопредельного государства, при нарушении неприкосновенности воздушного, морского пространства государства, а также при выполнении воинскими частями интернационального долга [2, с. 28].

Как видно из проводимых учеными исследований, в настоящее время боевую обстановку принято рассматривать в широком смысле. Боевая обстановка имеет место как в военное, так и в мирное время в связи с боевыми действиями, которые могут вести Вооруженными силами России и другими войсками и воинскими формированиями в ситуациях, когда Россия не находится в состоянии войны. Такими ситуациями могут выступать, например, противодействие угрозе регионального и локального характера, проведение миротворческих и антитеррористических операций, участие во внутренних вооруженных конфликтах. Сегодня примером этому служит регулярно вводимый режим контртеррористических операций на территории отдельных регионов Северо-Кавказского округа.

Правда, еще в период проведения «первой» чеченской кампании средства массовой информации ввели в обиход термин «Чеченская война», но мы не склонны относить события, произошедшие в 1994–96 гг. в Чеченской республике, к понятию «война», т.к. по международному праву война – вооруженный конфликт между двумя или несколькими государствами.

Это же подтверждается и решением Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности Указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ, касающихся мероприятий по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики от 31 июля 1995 г. № 10-П. В пп. 7 и 8 указанного документа события в Чечне рассматривались как вооруженный конфликт немеждународного характера, а действия силовых структур РФ – не выходящими за пределы их обычных функций в области борьбы с преступностью.

В период «второй» чеченской кампании действия федеральных сил были названы контр-

террористической операцией, под которой согласно ст. 3 Федерального закона № 35-ФЗ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» понимается комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта.

Но в доктрине применительно к контртеррористической операции, проводимой на территории отдельных регионов Северо-Кавказского округа, используется такое понятие, как «обстановка совершения актов терроризма». Речь в данном случае идет о террористических акциях во время локальных вооруженных конфликтов, которые могут совершаться как в самой зоне конфликта, так и за его пределами, т.е. на остальной территории России. Например, И.И. Артамонов под такой обстановкой понимает часть окружающей среды, на фоне которой возникают, протекают преступление и процесс его отражения [4, с. 82].

Думается, что более правильно считать, что боевые операции (действия) на территории отдельных регионов Северо-Кавказского федерального округа по борьбе с участниками незаконных вооруженных формирований проводятся именно в условиях боевой обстановки. Действительно, борьба с незаконными вооруженными формированиями, бандитскими и террористическими группировками нередко осуществляется в реальной боевой обстановке с применением Вооруженных сил Российской Федерации, на что указывается в ст. 6 Федерального закона Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Именно боевые действия, затрагивая жизнедеятельность населения определенного региона, порождают боевую обстановку, которая является причиной введения особого правового режима. Так, по данным Национального антитеррористического комитета Российской Федерации, только в 2011 г. на территории Северо-Кавказского региона было проведено 85 контртеррористических операций, более 12 тыс. оперативно-боевых операций, в ходе которых при оказании вооруженного сопротивления нейтрализовано 343 бандита, 618 задержано. В 2012 г. 1225 человек стали жертвами продолжающегося вооруженного конфликта на Северном Кавказе, из них 700 человек были убиты, 525 получили ранения. Лидирует по числу жертв в 2012 г. Дагестан: за год там пострадали не менее 695 человек, из них 405 погибших и 290 получивших ранения различной степени тяжести. За 2012 г. в

регионах СКФО произошло не менее 96 взрывов и терактов, из которых 53 – в Дагестане.

Обобщив вышеизложенное и имея представление о боевой обстановке, постараемся определить ее признаки и сформулировать понятие боевой обстановки как уголовно-правовой категории.

Во-первых, боевая обстановка есть совокупность различных факторов и условий. Во-вторых, указанная совокупность определяется такими обстоятельствами, как вооруженное противостояние, вооруженное столкновение, применение оружия и средств ведения войны. В-третьих, она имеет место и в мирное время при осуществлении силовыми ведомствами антитеррористических операций по уничтожению незаконных вооруженных формирований (вооруженных банд). В-четвертых, боевая обстановка как совокупность объективно-субъективных признаков оказывает влияние на общественную опасность совершаемого преступления и тяжесть наступающих общественно опасных последствий.

Таким образом, боевая обстановка – это совокупность факторов и условий, складывающихся как в зоне вооруженного конфликта, так и в мирное время при отражении нападения (уничтожении) незаконных вооруженных формирований (вооруженных банд), в условиях которых совершается общественно опасное посягательство, оказывающее влияние на характер и степень общественной опасности преступления.

Учитывая тот факт, что преступления в условиях боевой обстановки могут совершаться не только когда Россия находится в состоянии войны, но и в мирное время, например, при проведении контртеррористических операций на территории отдельных регионов, возникает другая проблема.

Согласно ч. 3 ст. 331 УК РФ уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством РФ военного времени. Но в настоящее время таких законов нет, а преступления, совершаемые военными служащими в мирное время, но в условиях боевой обстановки, имеют место быть. Например, в период проведения контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе с 1999 по 2005 гг. военными служащими было совершено свыше трех тысяч преступлений.

Существуют и другие примеры. Так, приговором Грозненского гарнизонного военного суда было установлено, что лейтенант Колосов С.Ю. совершил преступление, выразившееся в на-

рушении ст. 19–20 Боевого устава Сухопутных войск РФ. Суд квалифицировал подобное деяние по ст. 293 УК РФ, несмотря на то что Боевой устав действует в военное время, в боевой обстановке.

По материалам отчетности Главной военной прокуратуры РФ, именно в боевой обстановке совершались преступления, в том числе и преступления против военной службы. Так, 14 января 1995 г. рядовой Л., тяготясь возложенными на него обязанностями, самовольно оставил самоходно-артиллерийский дивизион, находящийся на боевой позиции в районе аэропорта г. Грозного, и пытался выехать домой, но 2 февраля 1995 г. был задержан. Давая в описательной части приговора политическую оценку предъявленному рядовому Л. обвинению, военный суд Северо-Кавказского военного округа учел состоявшиеся государственные решения (Указ Президента РФ от 8 декабря 1994 г. № 2166 «О мерах по пресечению деятельности незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской республики и в зоне осетино-ингушского конфликта» и Постановление Правительства РФ от 8 декабря 1994 г. № 1360 «Об обеспечении государственной безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, законности прав и свобод граждан, разоружения незаконных вооруженных формирований на территории Чеченской Республики и прилегающих к ней регионов Северного Кавказа»). На основании исследованных судом документов органов военного управления суд посчитал установленным, что артдивизион, в котором проходил службу рядовой Л., находился на огневых позициях в районе вооруженного конфликта, однако пришел к выводу, что данное обстоятельство само по себе не дает оснований для квалификации содеянного рядовым Л. как совершения преступного деяния в боевой обстановке.

Приведенный пример свидетельствует об ошибочности квалификации действий военнослужащих в условиях, приравненных к боевой обстановке, по составам, предусмотренным гл. 33 УК РФ, т.к. в этом случае не учитываются требования ч. 3 ст. 331 УК РФ.

Согласно статистике Главной Военной прокуратуры РФ в период с 1995 по 2002 г., т.е. в период активной фазы «первой» и «второй» чеченских кампаний, в органах военной прокуратуры было возбуждено 2290 дел по преступлениям, совершенным в боевой обстановке. Представленные статистические данные свидетельствуют о коллизии норм права и правоприменительной практики, когда деяния,

признанные преступными только в мирное время, но фактически декриминализованные в военное время и в боевой обстановке, признаются преступлениями при наличии боевых действий. Похожая ситуация может сложиться и в настоящее время.

Полагаем, что исследуемый уголовно-правовой признак может учитываться при квалификации преступлений, совершенных в условиях боевой обстановки, если осуществляется отражение вооруженных нападений участников бандформирований или перед вооруженными силами и другими силовыми ведомствами ставятся оперативные и тактические задачи с использованием средств вооруженной борьбы или регулярные вооруженные силы и другие лица участвуют в борьбе с терроризмом, решают задачи по противодействию терроризму с использованием имеющихся в их распоряжении боевых сил и средств, что наглядно в настоящее время происходит в отдельных республиках Северо-Кавказского региона.

Отнесение выполнения задач в ходе контртеррористической операции на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации к боевым действиям подтверждает и судебная практика. Так, решением Ботлихского районного суда Республики Дагестан от 4 июля 2009 г. (уголовное дело 2-136-09) факт непо-

средственного участия в такой операции гр. А.А.А., ополченца отряда самообороны селения Годобери Ботлихского района Республики Дагестан, был признан основанием приобретения А.А.А. юридического статуса ветерана боевых действий, получения удостоверения ветерана боевых действий и реализации мер социальной поддержки.

Преступления, совершаемые в боевой обстановке, отличаются повышенной степенью общественной опасности, и это связано не только с особым субъектным составом, т.к. ответственности могут подлежать не только военнослужащие или участники незаконных вооруженных формирований, но и гражданские лица, воспользовавшиеся такой обстановкой для облегчения совершения противоправных действий. Общественная опасность преступлений, совершаемых в условиях боевой обстановки, вызвана и наступлением тяжких последствий, что должно влечь более строгое наказание за преступления в рассматриваемой обстановке.

Такое положение может потребовать внесения изменений в УК РФ и включения боевой обстановки в качестве конструктивного признака отдельных составов преступлений против общественной безопасности, порядка управления, а также в качестве обстоятельства, отягчающего

1. Панов В.П. *Международное уголовное право*. М., 1997.

2. Владимиров В.А. *Советское уголовное право. Часть Особенная*. М., 1979.

3. Ахметшин Х.М., Тер-Акопов А.А. *Советское уголовное право*. М., 1978.

4. Артамонов И.И. *Терроризм: способы предотвращения, методика расследования*. 2-е изд. М., 2002.

1. Panov V.P. *International criminal law*. M., 1997.

2. Vladimirov V.A. *Soviet Criminal law. Particular Part*. M., 1979.

3. Ahmetshin H.M., Ter-Akopov A.A. *Soviet criminal Law*. M., 1978.

4. Artamonov I.I. *Terrorism: ways of prevention, methodic of investigation*. 2nd ed. M., 2002.

Просолов Виктор Викторович
аспирант кафедры уголовного права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

О необходимости в англо-американском уголовном праве

В статье рассмотрены черты необходимости в современном англо-американском уголовном праве. Основное внимание уделено статутному и судебному пониманию необходимости.

Ключевые слова: англо-американское уголовное право, защита от уголовного преследования, необходимость, Уголовный кодекс штата Нью-Йорк.

V.V. Prosolov, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

About necessity in Anglo-American criminal law

Signs of necessity in modern Anglo-American Criminal Law are shown in this article. The main attention is paid to statute and judicial understanding of necessity.

Key words: Anglo-American Criminal Law, defense from criminal prosecution, necessity, State of New-York Criminal Code.

В перечень «защит» от уголовного преследования (традиционно в российской доктрине понимаемых как обстоятельства, исключающие уголовную ответственность) в английском уголовном праве традиционно входит «необходимость» (necessity) причинения вреда. При этом необходимость изначально в английской доктрине рассматривалась вкпе с принуждением в качестве двух родственных оснований защиты. Так, еще в «Комментариях» У. Блэкстоуна указывалось, что принуждение и «неизбежная необходимость» «подавляют волю так, что человек совершает деяние, которое его рассудок отвергает». Необходимость создает ситуацию «выбора из двух зол» – и выбор «меньшего зла» по необходимости исключает «намеренную свободу действия» [1, с. 526–527].

Согласно современной англосаксонской доктрине необходимость в английском праве расценивается как обстоятельство, при котором лицо вынужденно причиняет вред другому лицу или его имуществу, ставя цель спасти общественный интерес от причинения еще большего угрожающего вреда. Следовательно, само состояние необходимости обуславливается наличием «вынуждающего обстоятельства». В английской доктрине активно обсуждается вопрос о том, когда возникает состояние необходимости и каким по объему должен быть причиненный в этом состоянии вред. Так, по словам А.Г. Кибальника, широкую известность

в английском юридическом мире приобрело решение по делу Southwark London Borough v. Williams. В решении по данному делу было указано, что «если бездомный однажды воспользовался правом на необходимость для нарушения владения, то никто не будет впредь в безопасности – необходимость откроет дверь, которую никто не закроет» [2, с. 39].

Также в теории уголовного права отмечается, что особая дискуссия среди английских ученых-юристов развернулась по вопросу о допустимом причинении смерти в состоянии необходимости. Ее «отправной точкой» стало известное решение по делу Dudley & Stephens, когда трое оставшихся после крушения корабля членов экипажа после 18 дней плавания в лодке по открытому морю, убили юнгу и съели его тело. Признанные виновными в убийстве, они отбыли шестимесячное заключение [3, с. 82–83].

Увязывая юридическое решение данной проблемы с «состоянием выбора», английские авторы по-разному трактовали последствия причинения смерти в состоянии вынужденной необходимости, для спасения собственной жизни: от ее признания в качестве «единственной оправдывающей причины» до отрицания таковой [4, с. 744].

В современной английской доктрине причинение смерти в состоянии необходимости допускается в случаях, когда речь идет о медицинской необходимости (при наличии цели спасения одной человеческой жизни за счет другой и при

условии, что без медицинского вмешательства будут потеряны обе жизни). В иной ситуации английское уголовное право категорично: необходимость не извиняет причинения смерти [5, с. 301–302].

В последние годы вопрос о допустимости причинения вреда в состоянии необходимости вновь стал очень актуален. Так, после разрушения Всемирного торгового центра в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. юристы склонны считать законным уничтожение захваченного самолета, влекущее убийство неповинных пассажиров и экипажа, если это является «единственным способом» (the only way) предотвращения «гораздо большего» (much greater) угрожающего ущерба [6, с. 273–274].

Традиционным для английского уголовного права является выделение особого вида «врачебной» необходимости как основания защиты. В настоящее время не прекращаются споры вокруг известного решения по делу доктора Мура (Dr Moor), где говорилось: «несмотря на то что врач знает, что лечение приведет к смерти его пациента ... он не является виновным в убийстве, если целью лечения, исходя из понимаемых им обстоятельств, было облегчение боли» [3, с. 83].

Как указывает Г.А. Есаков, в современной английской доктрине выработаны следующие критерии необходимости:

1) необходимость является исключительным основанием для защиты от уголовного преследования на основе существования объективной опасности, угрожающей лицу или другим лицам;

2) ссылка на необходимость допустима в случае, если лицо действовало «разумно и пропорционально» с целью избежать угрозы смерти или тяжкого телесного вреда;

3) для образования защиты от уголовного преследования на основании необходимости должно быть установлено, что лицо было вынуждено действовать так, как на его месте действовал бы «разумный человек» [1, с. 532–533].

Американская доктрина необходимости исходит в основном из предположения субъекта о грозящей опасности, т.е. сводится к его субъективному восприятию. Основание допустимости причинения вреда в состоянии необходимости основывается на защите «коллективного (публичного) интереса» – лицо сознательно нарушает один охраняемый законом интерес для сохранения другого, более важного интереса, как бы соотнося свое поведение с интересами общества в целом [7, с. 40]. По словам американского профессора Дж. Флетчера, «с точки зрения общественного интереса правильно

войти в чужой дом, чтобы предотвратить пожар. Действие во имя общего оправдывает нарушение менее важных интересов» [8, с. 352].

Тем не менее, в американской доктрине (как и в английской) особо дискутируемым является вопрос об «оправданном» причинении смерти человеку в состоянии «вынужденной» необходимости. Например, согласно позиции Верховного Суда США в случае, когда два и более человека оказываются перед лицом общей опасности, ни у кого из них не возникает права спасти свою жизнь, «убивая другого» [6, с. 272].

В то же время в общем праве США существует ряд судебных прецедентов, посвященных вопросам причинения вреда в состоянии необходимости. Так, А.Г. Кибальник утверждает, что одним из наиболее известных в американской судебной практике является решение по делу *United States v Holmes*: Холмс, будучи членом команды потерпевшего крушение судна, оказался на переполненной лодке, опасаясь ее переворачивания, и, соответственно, собственной гибели, он помог выкинуть за борт и не пустить на него в общей сложности 16 пассажиров-мужчин. Суд, сняв обвинение в тяжком убийстве, признал его виновным в «обычном» убийстве [3, с. 99].

Одной из тенденций развития американского уголовного права является то обстоятельство, что в последнее время вопрос о причинении вреда при крайней необходимости зачастую регламентирован в действующем уголовном законодательстве. По Примерному Уголовному кодексу США и Уголовным кодексам отдельных штатов крайняя необходимость отнесена к числу обстоятельств, освобождающих от наказания: это лишь «оправдывающее» обстоятельство, которое не исключает гражданско-правовой ответственности.

В ст. 3.02 Примерного Уголовного кодекса установлены следующие условия правомерности крайней необходимости: 1) вред угрожает самому лицу или другим лицам; 2) угрожающий вред или зло больше, чем вред или зло от поведения, к которому прибегает лицо; 3) УК или другой уголовный закон не делают изъятий для защиты в связи с данной конкретной ситуацией; 4) законодатель не выражает иным образом свой отказ предоставить защиту в данной ситуации.

Если ситуация необходимости возникла в результате опрометчивого или небрежного поведения самого лица, либо вывод лица о необходимости такого поведения является результатом его «опробочивости или небрежности» (т.е. в действительности не было необходимости в таком поведении, и «разумное лицо» не стало

бы причинять вред), то лицо несет уголовную ответственность. Разумеется, должно быть соблюдено условие, что для наступления уголовной ответственности за причиненный вред таких форм вины, как небрежность или «неосознанная» небрежность, «достаточно».

Согласно п. 2 § 35.05 УК штата Нью-Йорк поведение не является наказуемым, если оно необходимо как чрезвычайная мера, чтобы избежать нависшей угрозы причинения публичного или личного вреда, при соблюдении следующих условий:

- 1) ситуация не создана по вине самого лица;
- 2) угроза настолько серьезна, что в соответствии с «обычными стандартами интеллекта и морали желательность и срочность недопущения такого вреда несомненно перевешивают желательность недопущения вреда, на предупреждение которого направлен закон, определяющий соответствующее посягательство»;

3) необходимость и оправданность такого поведения не может основываться на соображениях, имеющих отношение только к морали и целесообразности, вытекающей из закона, как в плане его общего применения, так и в отношении его применения к определенной категории дел.

Так или иначе, в американской доктрине в последнее время укрепилась мысль, что ссылка на состояние необходимости оправдывается соображениями «общественной пользы»: если «вред от нарушения норм права меньше, чем от подчинения им, то совершение преступления оправданно» [1, с. 541–542]. Говоря иными словами, «право должно способствовать достижению более значимых ценностей за счет менее значимых ценностей, и иногда большая польза для общества достигается за счет нарушения буквы уголовного права» [9, с. 442].

1. Есаков Г.А. *Англо-Американское уголовное право: эволюция и современное состояние Общей части*. М., 2007.

2. Кибальник А.Г. *Преступное деяние в доктрине и в судебной практике Англии // Уголовное право*. 2006. № 2.

3. Кибальник А.Г. *Основные положения Общей части уголовного права зарубежных государств*. М., 2008.

4. Williams G.L. *Criminal Law: The General Part*. 2nd ed. London, 1961.

5. Есаков Г.А. *Допустимость причинения смерти лицом, действующим в состоянии необходимости: английский опыт // Уголовное право: стратегии развития в XXI веке*. М., 2006.

6. Smith J. *Criminal law*. 10th ed. London, 2002.

7. Кибальник А.Г. *Преступление в уголовном праве США // Уголовное право*. 2007. № 4.

8. Флетчер Дж., Наумов А.В. *Основные концепции современного уголовного права*. М., 1998.

9. LaFave W.R., Scott A.W. *Criminal law*. West publishing, Minnesota, 1986.

1. Esakov G.A. *Anglo-American criminal law: evolution and modern status of General part*. M., 2007.

2. Kibalnik A.G. *Criminal action in doctrine and judicial practice of England // Criminal law*. 2006. № 2.

3. Kibalnik A.G. *Main propositions of criminal law's General part of foreign states*. M., 2008.

4. Williams G.L. *Criminal law: General part*. 2nd ed. London, 1961.

5. Esakov G.A. *A possibility of death's causality by person who was doing in necessary's situation: english experience // Criminal law: strategies of development in XXI century*. M., 2006.

6. Smith J. *Criminal law*. 10th ed. London, 2002.

7. Kibalnik A.G. *Crime in Criminal law of the USA // Criminal law*. 2007. № 4.

8. Fletcher G., Naumov A.V. *Main concepts of modern criminal law*. M., 1998.

9. LaFave W.R., Scott A.W. *Criminal law*. West publishing, Minnesota, 1986.

Саркисова Виктория Глебовна

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

О квалификации преступлений против безопасности объектов транспортной инфраструктуры

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на безопасность объектов транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: квалификация преступлений, транспортная безопасность, транспортная инфраструктура, коммуникации.

V.G. Sarkisova, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

About qualification of crimes against security of transport infrastructure's objects

Actual questions of using the criminal law norms about responsibility for offenses against security of transport infrastructure's objects are shown in this article.

Key words: qualification of crimes, transport security, transport infrastructure, communications.

Одним из основополагающих вопросов квалификации преступлений против безопасности объектов транспортной инфраструктуры является их отграничение от иных составов преступлений. Так, анализ материалов следственно-судебной практики позволяет утверждать, что нередко применение ст. 267 УК РФ связано с решением вопроса об отсутствии в конкретных случаях признаков состава умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества. По мнению И.В. Коришевой, уголовно-правовые нормы об ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения не находятся в отношении конкуренции общей и специальной норм. При наличии признаков данных норм содеянное подлежит квалификации по совокупности ст. 167 и 267 УК РФ [1, с. 119].

На наш взгляд, данное утверждение является не совсем верным. В первую очередь, следует заметить, что в таком случае автор предлагает квалифицировать содеянное как идеальную совокупность преступлений (ч. 2 ст. 17 УК РФ), когда одно действие (бездействие) содержит признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями УК РФ. Однако, как справедливо указывает В.Н. Кудрявцев, «идеальная совокупность преступлений будет лишь в том случае, когда различные наступившие преступные последствия не предусмотрены одной уголовно-правовой нормой и относятся

к различным непосредственным объектам, ни один из которых не подчинен другому и не является его частью» [2, с. 251].

Вместе с тем, в ситуации приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры общественно опасные последствия в виде имущественного ущерба едины как для преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ, так и для деяния, запрещенного ст. 267 УК РФ. При этом даже квалификация приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры по признаку причинения тяжкого вреда здоровью человека охватывает общественно опасные последствия в виде имущественного ущерба. Иначе и быть не может, т.к. признаки «разрушение» и «повреждение», безусловно, подразумевают вред имуществу.

Кроме того, необходимо учитывать, что транспортная безопасность как объект уголовно-правовой охраны предполагает такое состояние защищенности, которое включает в том числе и защищенность имущества. Поэтому с уверенностью можно утверждать, что причинение вреда собственности как объекту преступления охватывается более широким объектом транспортной безопасности.

В связи с этим имеются основания сделать вывод, что уголовно-правовые нормы об ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества и за приведение в негодность объектов транспортной инфраструктуры соотносятся между собой как общая и

специальная (ч. 3 ст. 17 УК РФ). Статьей 267 УК РФ поставлен под охрану более широкий по содержанию объект, при этом уточнены признаки предмета преступления – объекты транспортной инфраструктуры. Следовательно, применению в рассматриваемой ситуации подлежит только ст. 267 УК РФ, совокупность преступлений будет отсутствовать.

Необходимо отметить, что аналогичным образом соотносятся между собой другие преступления против безопасности объектов транспортной инфраструктуры и преступления в виде уничтожения и повреждения чужого имущества. Так, неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры, повлекшее по неосторожности причинение крупного ущерба, следует квалифицировать только по ст. 2631 УК РФ. Уголовно-правовая норма об ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ) в данном случае не применяется.

Таким образом, нормы уголовного закона о преступлениях против безопасности объектов транспортной инфраструктуры являются специальными нормами по отношению к предписаниям, устанавливающим уголовную ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества (ст. 167 и 168 УК РФ).

В свете того что относительно распространены случаи совершения транспортных преступлений специальными субъектами, в теории уголовного права высказываются предложения о необходимости квалификации деяний должностных лиц, допустивших разрушение или повреждение объектов транспортной инфраструктуры, как халатности [1, с. 82].

Вместе с тем, в современных условиях, когда российское уголовное законодательство предусматривает норму об ответственности за неисполнение требований по обеспечению транспортной безопасности на объектах транспортной инфраструктуры лицом, ответственным за обеспечение транспортной безопасности (ст. 2631 УК РФ), вопрос о применении в подобных ситуациях ст. 293 УК РФ представляется неактуальным. Приоритет здесь должен отдаваться не конкретизированным признакам субъекта – должностное лицо (ст. 293 УК РФ), а признакам объективной стороны, детальнее описанным в ст. 2631 УК РФ.

При квалификации фактов приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры правоприменителю нередко приходится сталкиваться с вопросом отграничения общественно опасного деяния, установленного ст. 267 УК РФ, от преступлений, предусмотренных ст. 214

УК РФ (Вандализм) и ст. 2152 УК РФ (Приведение в негодность объектов жизнеобеспечения).

Так, ст. 214 УК РФ установлена ответственность за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, в связи с чем возникает вопрос о квалификации фактов повреждения объектов транспортной инфраструктуры как порчи имущества. Главным образом стоит отметить, что для преступления, предусмотренного ст. 214 УК РФ, не требуется наступления общественно опасных последствий, указанных в ст. 267 УК РФ.

Кроме того, вандализм выражается, как правило, в весьма незначительном повреждении имущества, которое не ставит под угрозу транспортную безопасность на объектах транспортной инфраструктуры. То есть вследствие вандализма не нарушается объект преступления, закрепленного ст. 267 УК РФ. Различия наблюдаются и в объективной стороне анализируемых составов преступлений. Порча имущества при совершении вандализма не достигает уровня приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры.

Разграничительными критериями приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры и одноименного деяния в отношении объектов жизнеобеспечения являются объект и предмет преступления. Роднит данные преступления родовый объект – общественная безопасность. При этом на уровне непосредственного объекта рассматриваемые нормы ориентированы на охрану различных разновидностей общественной безопасности. Объектом состава приведения в негодность путей сообщения, средств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением безопасности объектов транспортной инфраструктуры. В свою очередь, преступление, предусмотренное ст. 2152 УК РФ, посягает на общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением безопасности объектов жизнеобеспечения человека. К числу последних уголовным законом отнесены объекты энергетики, электросвязи, жилищного и коммунального хозяйства, а также другие объекты жизнеобеспечения. При этом объекты транспортной инфраструктуры не отнесены законом в категорию объектов жизнеобеспечения.

В теории уголовного права поднимаются отдельные вопросы и относительно разграничения между собой некоторых преступлений против безопасности объектов транспортной инфраструктуры. Так, И.В. Коришева не исключает квалификации по совокупности норм об

ответственности за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения и за диверсию [1, с. 122].

Однако, на наш взгляд, совокупность преступлений, предусмотренных ст. 267 и 281 УК РФ, возможна только в случае их реальной совокупности, т.е. когда лицом совершены два или более преступления, ни за одно из которых оно не было осуждено. При совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи УК РФ (ч. 1 ст. 17 УК РФ). Идеальная совокупность в такой ситуации исключается, поскольку уголовно-правовая норма об ответственности за диверсию выступает специальной нормой. Это обусловлено тем, что состав диверсии детальнее характеризует способы приведения в негодность объектов транспортной инфраструктуры, а также цель таких действий.

Н.И. Пикуров обращает внимание на то, что общественно опасные последствия могут быть результатом одновременного нарушения правил

безопасности несколькими субъектами. Автор утверждает, что в случае совместного сопричинения вреда действия каждого из нарушителей квалифицируются по одной норме уголовного закона. При этом признаки нарушения правил у каждого из них могут быть неодинаковыми [3, с. 233–234].

Как свидетельствуют результаты проведенного нами исследования, такие ситуации не исключены на практике. Сложность и многоплановость правил транспортной безопасности, а также возможное множество лиц, обязанных соблюдать соответствующие правила, нередко определяют случаи, когда в результате нарушения несколькими лицами специальных правил безопасности по неосторожности причиняется вред. Безусловно, в подобных делах подлежит тщательному установлению причинно-следственная связь, и при ее констатации в деяниях двух и более лиц имеет место так называемое неосторожное сопричинение, не являющееся соучастием с позиции уголовного закона.

1. Коришева И.В. Уголовная ответственность за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2004.

2. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд. М., 2006.

3. Пикуров Н.И. Комментарий к судебной практике квалификации преступлений на примере норм с бланкетными диспозициями. М., 2009.

1. Korisheva I.V. Criminal responsibility for damaging of transport measures or communication ways: diss. ... Master of Law. M., 2004.

2. Kudryavtsev V.N. General theory of crimes' qualification. 2nd ed. M., 2006.

3. Pikurov N.I. Commentary for judicial practice of crimes' qualification on example of norms with blanquettes dispositions. M., 2009.

Аракелян Сергей Вагановичкандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Ереванского государственного университета
(e-mail: sarakelyan@ysu.am)

Общесоциальные причины насильственной преступности в Республике Армения

В статье рассматриваются общесоциальные причины насильственной преступности в Республике Армения. Отмечается, что в современном армянском обществе для многих стало привычным делом разрешать межличностные конфликты кратчайшим путем – применением насилия без обращения к соответствующим государственным органам (в частности правоохранительным) и предусмотренным законом процедурам.

Ключевые слова: насилие, насильственная преступность, общесоциальные причины, детерминация преступности, факторы.

S.V. Arakelyan, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law of the Yerevan State University; e-mail: sarakelyan@ysu.am

Common social reasons of violent crimes in Republic of Armenia

In the article the common social reasons of violent crimes in Republic of Armenia are considered. It is mentioned, that in current Armenian society the resolve of interpersonal conflicts in the shortest way – the use of violence, without recourse to the relevant authorities (in particular law enforcement) and the statutory procedures, became usual thing for many people.

Key words: violence, violent crimes, common social reasons, determination of crimes, factors.

Детерминация насильственных преступлений в Республике Армения отличается значительным разнообразием. Для выявления соответствующих факторов, способствующих их совершению, необходимо констатировать некоторые устойчивые для страны традиции, особенности армянского менталитета, черты национального характера, создающие как фон, так и благоприятную почву для применения криминального насилия. Однако суть состоит не в загадочной специфике армянской души, которой издавна присущи повышенная brutальность, вспыльчивость, чрезмерная эмоциональность, веками укоренившаяся ревнивость, завистливость, приверженность идущим из глубины веков национальным традициям, которые во многих случаях порождают групповой нарциссизм, мнительность, болезненное честолюбие, мстительность и т.п. Решающее значение здесь имеют, прежде всего, социальные условия и особенности последнего этапа исторического развития страны.

Мощными детерминантами насилия не только в современной Армении, но и практически во всех странах являются бедность и социально-

экономическое расслоение общества. Общеизвестно, что уровень насилия, как правило, выше в бедных и развивающихся странах. Не случайно преступное насилие довольно часто применяется в качестве способа добывания материальных благ. Кроме того, общество бедных бедно и духовно во всем многообразии этого явления, включая безнравственность и преступность (в том числе насильственную). Однако бедность сама по себе еще не является основным и главным фактором, детерминирующим насилие. В Армении, как и в других странах бывшего СССР, бедность выражена не самыми крайними своими проявлениями – голодом и всеобщей нищетой. Те, кто сейчас живут бедно, если они не стары, не больны, не обременены чересчур большой семьей, вполне могут устроить свою жизнь, проявив инициативу и предприимчивость. Однако очень многие из них, в основном в силу лени, пассивности и нежелания идти на риск перемен в своей жизни, ничего не предпринимают. Они ждут, когда для них что-нибудь сделают другие, которые предоставят им хорошо оплачиваемую, но не слишком утомительную работу и т.п. Не малое число

составляют те, кто предпочитает не работать и жить в бедности, поскольку предлагаемая им работа ниже их достоинств. Но это не бедняцкая гордость, а слишком повышенная самооценка. Кроме того, в сознании большинства армянских бедняков доминирует психологическая установка, скорее, на выживание, чем на успех и реализацию себя как личности. Они больше всего надеются на государство и сказочный поворот в судьбе, а не на жизненный успех в труде или творчестве [1, с. 256–257].

Гораздо большую криминогенную нагрузку имеет резкое социально-экономическое расслоение общества, которое в Армении в последние годы достигло небывалых размеров. Люди никак не могут приспособиться к мысли, что доходы отдельных социальных групп населения страны могут существенно отличаться. В результате в армянском обществе широкое распространение получили чувства материального неравенства и социальной несправедливости, обладающие мощной криминогенной силой, в том числе для различных проявлений преступного насилия.

В связи с этим особенно неблагоприятно положение молодых людей из необеспеченных или малообеспеченных семей, которым почти наглухо закрыт доступ к модной одежде и престижным предметам (автомобилю, драгоценным ювелирным изделиям и другим предметам роскоши, современным компьютерным технологиям и средствам сотовой связи и т.п.), обладающим в их глазах огромной притягательной силой. Между тем их информированность об этих земных благах, благодаря средствам массовой коммуникации (Интернету, телевидению, радио, печати и т.д.). И в конечном счете магазинным витринам, исключительно высока. Поэтому столь же значительны у них чувства зависти, ущемленности, выброшенности, которые могут их толкать (и часто толкают) на применение насилия с целью достижения указанных благ. Проявляемые при этом ожесточенность, агрессивность и вандализм служат своеобразными средствами психологической компенсации пережитых унижений [2, с. 272–273].

В последние годы Армения оказалась в условиях глубокого экономического, социального, политического и духовного кризиса, а также обострения существующих противоречий. Указанные обстоятельства сопровождаются увеличением социальной напряженности в межличностных отношениях, ухудшением условий жизнедеятельности людей и общества в целом, деформацией ценностной системы. В результате наблюдаются не только утрата традиционных для армян культурных, духовных и моральных ценностей, формирование неблагоприятного

морально-психологического микроклимата, но и резкое снижение уровня правосознания населения, дестабилизация общественных отношений, увеличение числа нарушений правопорядка.

Высокий уровень тревожности людей в современном армянском обществе обусловлен также существенным ослаблением компенсирующих возможностей семьи. Д.А. Шестаков к числу основных факторов, формирующих насильственную направленность личности в семье, относит следующие: внутрисемейную конфликтность; конфликтность семьи с окружением; «обучение» насилию; порожденные семейной конфликтностью аномия, жестокость, алкоголизм, наркомания, т.е. предоставление негативных стандартов поведения; непротиводействие семьи факторам агрессивности [3, с. 185].

Особое внимание необходимо обратить на те обстоятельства, которые влияют на формирование агрессивно-насильственной направленности личности в детстве. В частности, речь прежде всего идет о семейном неблагополучии ребенка, которое выражается в том, что члены семьи (в первую очередь мать и отец) не заботятся о нем, не проявляют эмоционального тепла и ласки. В результате ребенок психологически отчуждается, у него возникает ощущение незащищенности и беспокойства. Отчуждение от матери и отца ведет к его дальнейшей дезадаптации. Если в дальнейшем ситуация развития ребенка не изменится в лучшую сторону, подобные ощущения способны прогрессировать, находя выражение в постоянной неуверенности и тревожности. Не случайно многие из психологически отчужденных детей уходят из дома, некоторые из них становятся жертвами преступников, вовлекаются в преступную деятельность, другие вскоре превращаются в бродяг, попрошайек, проституток, алкоголиков и наркоманов. Понятно, что если человек был не нужен даже родителям и постоянно ощущал это, если его никогда не любили и не заботились о нем, то трудно рассчитывать на то, что он будет любить этот мир, признавать его ценности, заботиться о других [4, с. 107–124].

Исследования показывают также, что многие из детей, которые росли в подобных условиях и часто становились очевидцами домашнего насилия, в последствии в собственных семьях для решения различных проблем, как правило, тоже прибегали к насилию. Кроме того, более 90% несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, до совершения преступного деяния становились жертвами насильственного, а иногда даже жестокого обращения со стороны родителей [5, с. 20].

В ряду факторов, способствующих насильственной преступности, следует выделить также беспрецедентный рост уровня безработицы, которая в последние годы достигла угрожающих размеров. Из-за отсутствия рабочих мест растет также уровень миграции. Указанные обстоятельства приводят к утрате многими людьми личной перспективы, краху их надежд. Сопровождающие миграцию неблагоприятные материальные и жилищные условия, постоянное состояние тревоги и безысходности провоцируют агрессивную «разрядку», которая нередко проявляется в агрессивно-насильственном поведении [6, с. 118].

Насильственной преступности в Армении способствуют также неблагоприятные тенденции урбанизации. Армянское село фактически разрушено, а в городах идет процесс активной миграции. Основная трудоспособная мужская часть сельского населения страны в поисках заработков вынужденно покинула места своего постоянного жительства. Одни из них направились в столицу или иные города Армении, другие – в страны ближнего и дальнего зарубежья (в основном в Россию и Украину). В результате многие потеряли свои привычные социальные связи, начался процесс укрупнения городов (на сегодняшний день городское население Армении составляет более 70%), что, в свою очередь, привело к развалу существующей системы социального контроля, увеличению анонимности жизни индивидов, их отчуждению от социальной среды, формированию у них чувств тревожности и страха за свое существование, а также безразличия к судьбам других. Отсюда – повышенная распространенность среди отдельных групп населения стереотипов агрессивно-насильственного поведения в конфликтных ситуациях.

Распространению насилия в Армении способствуют также определенные культурные факторы. В частности, с приобретением независимости в стране начался и по сей день продолжается процесс распространения культа западного образа жизни и связанного с этим раскрепощения нравов. По данным некоторых этнопсихологических исследований, число этнических маргиналов в нынешнем армянском обществе достаточно велико [7, с. 63]. Если же учесть, что подобные лица одновременно переживают бурные внутренние конфликты, способствующие обострению у них множества отрицательных субъективных качеств, то станет очевидным мощное криминогенное значение внедрения стандартов западной культуры [6, с. 119].

В современном армянском обществе наблюдается также уменьшение значения и роли различных духовных ценностей. В то время как их положительное воздействие на формирование

в обществе нормальной морально-психологической атмосферы и социально-приемлемых взаимоотношений между людьми неопровержимо. Именно в духовной культуре, как справедливо отмечает Ю.М. Антонян, человек может и должен черпать силу и уверенность, находить точку опоры, возможности духовного роста и нравственных решений [2, с. 270]. Однако довольно большая часть населения Армении сегодня в основном озабочена тем, как добыть хлеб насущный, прокормить, одеть, обуть себя и семью, иметь крышу над головой и т.п., что лишает человека возможности думать о духовных и культурных ценностях. В результате люди еще больше грубеют, становятся непримиримыми, агрессивными и жестокими, а общество со временем деморализуется и утрачивает способность противодействовать распространению негативных явлений (в том числе насильственных преступлений).

Серьезным негативным изменениям моральных основ и принципов, существующих в армянском обществе, во многом способствовали также средства массовой коммуникации, особенно телевидение и Интернет, которые переполнены сценами насилия и жестокости, а также материалами порнографического характера. Указанные обстоятельства, как известно, особое негативное влияние оказывают на психологическое состояние подрастающего поколения, молодежи и лиц с неустойчивой психикой. Именно телевидение и Интернет зачастую являются для них основным источником получения знаний об окружающем мире, создавая в сознании определенный стереотип поведения. Постоянная демонстрация телеканалами сцен насилия, жестокости, идеологизация образа жизни и личности преступника, дискредитация образа сотрудников правоохранительных органов, идея самосуда, вседозволенности в популярных фильмах, передачах и молодежных сериалах приводят к тому, что, стараясь подражать любимым героям, подростки начинают совершать, по их мнению, «героические» поступки [8, с. 52–53]. То есть постепенно происходит процесс научения насилию, в результате чего формируются факторы, наличие которых зачастую приводит к совершению насильственных преступлений.

Иными словами, наличие в средствах массовой коммуникации культа насилия и вседозволенности сексуальных отношений способствует формированию в человеке внутренней готовности к проявлению подобного поведения. Наблюдая по телевидению и в других средствах массовой коммуникации сцены насилия и разврата, люди постепенно начинают спокойно и толерантно относиться к подобным явлениям

и даже стараются воспроизвести увиденное в реальной жизни. Кроме того, герои различных телесериалов и сетевых компьютерных игр представляются как борцы за справедливость, с целью восстановления которой можно прибегать к насилию и даже жестокости. Это, в свою очередь, определенным образом способствует уменьшению внутренней напряженности, тревожности многих телезрителей и пользователей иных средств массовой коммуникации. Они, хоть и только внутренне, но ощущают удовлетворенность от мысли, что есть хотя бы кто-нибудь, кто может бороться за справедливость.

В современной Армении имеются также проблемы, связанные с воспитанием и обучением подрастающего поколения. Просчеты и упущения здесь оборачиваются не только общественным неблагополучием, огромными экономическими потерями, но и, главное, падением нравов, искалеченными судьбами, трагедиями и даже пролитой кровью [2, с. 276].

Воспитание детей является главной обязанностью родителей, особенно матери, и нет более важной обязанности, чем эта. Человек, личность которого сформировалась в неблагоприятной семье, отличается повышенной тревожностью, неуверенностью, беспокойством и отчужденностью, т.е. свойствами, криминогенность которых общеизвестна [9, с. 74]. В то же время семья, которая едва сводит концы с концами, каждодневно борется за выживание, при этом использует для этого морально далеко не безупречные, а порой и откровенно противоправные средства, перестает быть инструментом социализации [10, с. 374].

Объективное снижение воспитательного потенциала семьи в настоящее время необходимо компенсировать системой общественного воспитания, которая должна дать подросткам возможность нормального межличностного общения, преодоления отчуждения от общества. Однако школа и иные учебные учреждения, призванные наряду с семьей играть важную роль в социализации индивида, на сегодняшний день в Армении также свои функции выполняют, мягко говоря, недостаточно хорошо. Дефекты образовательной системы, будь они в школе, вузе или специализированном учебном заведении, способствуют формированию антиобщественных и антигосударственных взглядов и убеждений, усиливают отрицательное воздействие других сфер микросреды (семьи, референтных групп и т.д.), способствуя тем самым формированию личности преступника (в том числе насильственного). Кроме того, в учебных заведениях страны фактически не проводится ранняя профилак-

тическая работа, в том числе по разобщению и переориентации групп несовершеннолетних с отклоняющимся поведением [11, с. 58–59; 12, с. 94–95].

Неудовлетворенная потребность в общении, отсутствие положительных связей в малых социальных группах толкают подростков в уличные компании. Безусловно, «уход» несовершеннолетнего в уличную компанию сверстников еще не означает, что он обязательно совершит преступление. Однако известно, что криминогенные группы сверстников являются базой формирования антиобщественных взглядов и установок, взаимного «обогащения» негативными привычками и навыками, служат психологической опорой для самооправдания при совершении преступлений (по принципу «как все»), непосредственно вовлекают в антиобщественное поведение. Насилие в этих группах обычно является поощряемым способом поведения, если оно служит на пользу группе [13, с. 45].

Существенными факторами насильственной преступности в Армении являются также пьянство и вызванные им изменения в психике, способствующие ослаблению или потере самоконтроля, проявлению вспыльчивости, грубости и агрессивности, а также обострению всех отрицательных качеств данного индивида. Не случайно значительное число тяжких насильственных преступлений против человека и хулиганств в Армении совершаются в состоянии алкогольного (намного реже – наркотического) опьянения. В связи с этим особую озабоченность вызывает пагубное воздействие алкоголизации и наркотизации представителей молодежи. Для молодых людей, в силу их возрастных особенностей, характерны повышенная эмоциональная возбудимость, недостаточные навыки социального торможения, стремление показать себя, продемонстрировать храбрость, которые в купе с употреблением спиртных напитков и наркотических средств нередко являются факторами, способствующими совершению насильственных преступлений [12, с. 92–93].

Несомненным криминогенным фактором насильственной преступности в Армении является также уровень вооруженности населения страны, речь идет не только о незаконном обороте огнестрельного и холодного оружия. Смягчение требований для законного хранения и ношения оружия (в том числе нарезного огнестрельного) привело к тому, что сравнительно легкий доступ к нему получили также те, кому ни в коем случае его нельзя доверять. Во многих случаях насильственных преступлений, совершенных с применением оружия в Армении, можно было

избежать тяжких последствий, если бы к моменту преступного деяния у соответствующих лиц не оказалось подобных орудий.

Учитывая вышеперечисленные обстоятельства, можно говорить о значительном увеличении в жизни современного армянского общества поводов для применения насилия. Стоит отме-

тить, что в нынешних условиях для многих стало привычным делом разрешать межличностные конфликты кратчайшим путем – применением насилия без обращения к соответствующим государственным органам (в частности правоохранительным) и предусмотренным законом процедурам.

1. Антонян Ю.М. *Криминология. Избранные лекции.* М., 2004.

2. Антонян Ю.М. *Жестокость в нашей жизни.* М., 1995.

3. Шестаков Д.А. *Семейная криминология: Криминофамилистика.* СПб., 2003.

4. Антонян Ю.М. *Насилие. Человек. Общество.* М., 2001.

5. Зайко Т.М. *Система мер предупреждения преступности несовершеннолетних в условиях специализированных учреждений: автореф. дис... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002.*

6. Габузян А.А. *Проблемы преступности в Республике Армения в переходный период.* Ереван, 2007.

7. Налчаджян К. *Этническое самосознание (на арм. яз.).* Ереван, 2003.

8. Есина Л.А. *Роль средств массовой информации в формировании личности насильственного преступника // Информационная безопасность регионов. Саратов, 2009, № 2(5).*

9. *Совершенствование системы мер предупреждения правонарушений несовершеннолетних по месту жительства: сб. науч. тр. М., 1985.*

10. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. *Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы.* М., 2001.

11. Писаревская Е.А. *К вопросу о социально-психологических детерминантах насильственной преступности несовершеннолетних // Вестник ТГПУ, 2006. Вып. 11(62).*

12. Симонян Т.В. *Молодежная преступность в Республике Армения / под ред. А.А. Габузяна.* Ереван, 2011.

13. *Насильственная преступность / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова.* М., 1997.

1. Antonyan Yu.M. *Criminology. Selected lectures.* M., 2004.

2. Antonyan Yu.M. *Cruelty in our life.* M., 1995.

3. Shestakov D.A. *Family criminology: Criminofamilistics.* SPb., 2003.

4. Antonyan Yu.M. *Violence. Human being. Society.* M., 2001.

5. Zaiko T.M. *System of the measures of prevention of under age minors' crimes in circumstances of special institutions: auth. abstr. ... Dr of Law. Ekaterinburg, 2002.*

6. Gabuzyan A.A. *Problems of criminality in the Republic of Armenia in transition period.* Erevan, 2007.

7. Nalchajyan K. *Ethnic self-awareness (in armenian).* Erevan, 2003.

8. Esina L.A. *Role of mass media in formation of personality violent criminal // Informational safety of regions. Saratov, 2009. № 2(5).*

9. *Improvement of the system of measures of prevention of under age minors' offences by place of residence: coll. of sci. works. M., 1985.*

10. Alekseev A.I., Gerasimov S.I., Sukharev A. Ya. *Criminological prophylaxis: theory, experience, problems.* M., 2001.

11. Pisarevskaya E.A. *To the question about social psychological determinants of violent crimes of minors // Bulletin of TGPU, 2006. Issue 11(62).*

12. Simonyan T.V. *Criminality of youth in the Republic of Armenia / ed. by A.A. Gabuzyan.* Erevan, 2011.

13. *Violent criminality / ed. by V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov.* M., 1997.

Сазин Сергей Тихонович

кандидат юридических наук,
руководитель следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Орловской области
(e-mail: sledkomorel@yandex.ru)

Меры по защите прав и свобод граждан от общественно опасных деяний, совершаемых лицами, страдающими психическими заболеваниями

Статья посвящена вопросам, связанным с эффективностью мер по работе с лицами, страдающими психическими заболеваниями и склонными к совершению преступлений. Автор указывает на необходимость совершенствования действующего законодательства, связанного с принудительным лечением лиц, относящихся к категории психологического риска.

Ключевые слова: права и свободы граждан, защита, принудительные меры.

S.T. Sazin, Master of Law, Head of Orlovsky Department of Investigating Committee of the Russian Federation; e-mail: sledkomorel@yandex.ru

Measures to defense rights and freedoms of nationals against antisocial actions committed by persons suffering from mental diseases

The article is devoted to questions related to improving the measures on work with persons suffering from mental illnesses and prone to commit crimes. The author points to the need for improvement of the current legislation concerning compulsory treatment of persons belonging to the category of psychological risk.

Key words: rights and freedoms of citizens, protection, enforcement measures.

Статья 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации [1]; указанная конституционная норма находится в неразрывной правовой связи со ст. 2 Конституции РФ, которая устанавливает, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Государство признается основным гарантом прав и свобод человека и гражданина, защита которых осуществляется всеми государственными органами.

С начала 2000 г. и по настоящее время количество преступлений, совершенных лицами, страдающими психическими заболеваниями, увеличилось в два раза, в большинстве случаев данной категорией лиц совершаются преступления против личности. Например, в 2011–2012 гг. только в Орловской области каждое шестое убийство совершено гражданами в состоянии невменяемости [2].

Проведенный анализ статистики совершенных преступлений за указанный период показывает, что особенно широкий общественный резонанс имеют общественно опасные деяния,

подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ [3], совершенные лицами, страдающими психическими заболеваниями. Представляется, что это связано с тем, что жертвами психически больных обычно становятся незащищенные слои населения, такие как малолетние дети, инвалиды и пожилые граждане. Одним из ярких примеров необъяснимого поведения является преступление, совершенное весной 2013 г. в Московской области, когда женщина в состоянии психоза выбросила с 15-го этажа многоквартирного жилого дома двоих детей – семи и четырех лет [10]. В Орловской области судом назначены принудительные меры медицинского характера нескольким женщинам, совершившим или покушавшимся на убийства собственных детей: жительнице г. Орла, поместившей своего новорожденного ребенка в холодильник, а затем пытавшейся похитить двух малолетних детей с попыткой убийства матери одного из них; жительнице г. Мценска, пытавшейся покончить жизнь самоубийством и убить свою дочь; жительнице Ливенского района, вынесшей своего двухмесячного ребенка на снег, в результате чего он умер.

Все вышеперечисленное доказывает, что на сегодняшний день усиленного внимания требует вопрос законодательного регулирования профилактики преступности среди лиц, страдающих психическими заболеваниями. Для предотвращения преступлений, совершаемых вышеуказанной категорией лиц, необходим должный контроль со стороны участкового психиатра, участкового уполномоченного полиции за поведением психически больных граждан в быту и в целом за состоянием их здоровья путем внесения соответствующих изменений в Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5].

Правоприменительная практика показывает, что граждане, страдающие психическими отклонениями, нередко перед совершением преступлений обращаются в различные инстанции с письменными жалобами о личной неприязни к конкретным лицам. Из текста таких обращений, из стилия их написания и оформления возможно предусмотреть, что их писал психически больной человек, который может представлять реальную угрозу для жизни и здоровья окружающих его людей, однако практика работы должностных лиц организаций при рассмотрении необычных обращений граждан не предусматривает их последующей проверки на вменяемость. В данном случае для решения сложившейся проблемы, по нашему мнению, необходимо разработать межведомственную Инструкцию по обмену информацией между организациями и учреждениями при рассмотрении обращений, заявлений и писем граждан, в которых явно и однозначно усматриваются признаки отклонений, с целью их дальнейшей проверки соответствующим лечебным учреждением для рассмотрения вопроса о постановке на учет к психиатру и осуществлении соответствующего лечения.

Рассматривая вопрос о принудительном лечении психически больных лиц, необходимо обратиться к недавнему прошлому. Так, ст. 59 УК РСФСР предусматривала принудительное лечение психически больных в психиатрическом стационаре [6, с. 497], назначение психиатрического обследования относилось к исключительной компетенции суда по решению органов следствия в отношении тех лиц, психическое состояние которых они считали не соответствующим норме. Данные меры в СССР носили массовый характер, отличались особой жестокостью и имели своей основной целью борьбу с инакомыслием. В случае признания политического инакомыслящего невменяемым он, согласно решению суда, помещался в психи-

атрическую больницу на бессрочное – до полного «выздоровления» – лечение, обвиняемые не имели права на обжалование, родственники или другие заинтересованные граждане не имели права привлечь других психиатров для участия в процессе, поскольку психиатры, привлекавшиеся для участия в процессе государством, считались в равной мере «независимыми» и заслуживающими доверия перед законом [7, с. 249]. Вышеуказанная норма носила двойкий характер: с одной стороны, она являлась неправомерной, использовалась исключительно в политических целях, в нарушение основных прав и свобод человека и гражданина, а с другой стороны, была средством предотвращения и снижения уровня преступности психически больных лиц.

Действующий Закон РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» (ч. 1 ст. 4) установил добровольный характер оказания психиатрической помощи при обращении лица и при наличии его информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство. Вместе с тем, согласно ч. 1 ст. 97 УК РФ принудительные меры медицинского характера могут быть назначены судом преимущественно гражданам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части УК РФ, а также лицам, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания. Таким образом, принудительное лечение психически неуравновешенных граждан, склонных к совершению преступлений, возникает непосредственно после совершения ими уголовно наказуемого деяния, что и является основным фактором роста преступности среди категории граждан, относящихся к группе психологического риска.

Данные нормы являются проявлением недостаточной эффективности действующего механизма изоляции опасных психически больных людей от окружающего их общества.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется (ч. 1 ст. 45 Конституции РФ), в целях наиболее полной реализации указанного конституционного принципа представляется необходимым внесение изменений в законодательство Российской Федерации, а именно:

дополнить ч. 2 ст. 12 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» словами: «По истечении трех суток лицо, отказавшееся от лечения, обязано прибыть в психиатрическое учреждение для освидетельствования. В случаях, когда такая

обязанность не может быть исполнена, исполнение обязанности обеспечивается законным представителем»;

дополнить ч. 2 ст. 23 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» после слов: «Психиатрическое освидетельствование, а также профилактические осмотры проводятся по просьбе или с согласия обследуемого» словами: «Психиатрическое освидетельствование может также проводиться по письменному заявлению граждан, ставших субъектами посягательств психически больных лиц, на основании решения суда»;

внести изменение в ч. 1 ст. 97 УК РФ, согласно которому судебно-психиатрическая экспертиза, а также принудительные меры медицинского характера для психически больных лиц могут быть назначены по решению суда в течение двадцати четырех часов с момента обращения граждан в полицию с заявлением о попытке совершения в отношении их общественно опасного деяния.

Ввиду сложной криминалистической обстановки в Российской Федерации необходимо при отказе от лечения психически больного лица либо его законных представителей назначать комиссию врачей-психиатров для дачи заключения о возможности его освобождения от назначенного лечения. Представляется целесообразным также введение повсеместного учета психически больных, представляющих общественную опасность, ведение соответствующих картотек по направлениям их психического расстройства, например их склонности к сексуальным преступлениям, поджогам, преступлениям против личности. За указанным контингентом больных необходимо осуществлять активное наблюдение с периодическим осмотром не реже одного раза в месяц. Надзор за больными, состоящими на специальном учете, необходимо осуществлять совместно с органами полиции, которые должны информировать участкового психиатра об изменении состояния больного. Сотрудникам органов внутренних дел следует ежемесячно проводить профилактические действия, направленные на общение с лицами,

страдающими психическими заболеваниями, а также лицами, окружающими их, с целью выявления признаков улучшения или ухудшения состояния лица. Для проведения такого вида работ считаем допустимым закрепить предлагаемую норму в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [8], согласно которой в каждом отделе полиции ввести должность штатного сотрудника, обладающего знаниями по психологии и психиатрии, ответственного за работу со специальным контингентом граждан, относящихся к психологической группе риска.

Снижению уровня преступности может способствовать также усиление надзора со стороны органов прокуратуры за действиями органов внутренних дел и специализированных медицинских учреждений, а также иными органами, работающими с данной категорией граждан.

Часть 1 ст. 128 УК РФ предусматривает ответственность за незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Однако отдельной статьи, предусматривающей ответственность комиссии врачей, составляющей заключение о возможности освобождения лица из специализированного учреждения, УК РФ не предусмотрено. Так, в случае врачебной ошибки при составлении комиссией врачей-психиатров заключения о возможности освобождения лица данные действия квалифицируются как «халатность» в соответствии со ст. 293 УК РФ. Иными словами, необходима отдельная норма УК РФ, предусматривающая ответственность комиссии врачей либо лечащего врача, принявшего решение о возможности проживания психически больного человека в обществе, повлекшее причинение смерти либо вреда здоровью человеку, а также причинение значительного ущерба гражданину.

Подводя итоги вышеизложенного, предположим, что предложенные выше изменения и дополнения в действующее законодательство Российской Федерации позволят полностью активизировать меры, предпринимаемые для снижения уровня преступности в России.

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Рос. газ. 2009. 21 янв.

2. URL: <http://orel.sledcom.ru/>

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

1. Constitution of the Russian Federation: accepted by voting of Dec. 12, 1993 (included changes of 30.12.2008 № 6-FCL, 30.12.2008 № 7-FCL) // Rus. newsp. 2009. Jan. 21.

2. URL: <http://orel.sledcom.ru/>

3. Criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996 № 63-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

4. URL: <http://www.interfax.ru/>

4. URL: <http://www.interfax.ru/>
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: закон РФ от 2 июля 1992 № 3185-1 // Ведомости съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.
6. Уголовный кодекс РСФСР: утв. Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 // Свод законов РСФСР. Т. 8.
7. Черепанов М. Жертвы принудительного лечения // Казанские ведомости. 2004.
8. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
5. About psychological treatment and guarantees of citizen rights in its provision: law of the Russian Federation of July 2, 1992 № 3185-1 // Bull. of the Congress deputies public and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. № 33. Art. 1913.
6. Criminal code of USSR: accepted by the Supreme Council of the RSFSR of Oct. 27, 1960 // Statute-book of RSFSR. Vol. 8.
7. Cherepanov M. Victims of forced treatment // Kazan statements. 2004.
8. About police: fed. law of Febr. 7. 2011 № 3-FL // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.

Рубачева Елена Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

Мартirosян Марина Владимировна

аспирант кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

Причины и условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних

В работе рассмотрены условия, детерминирующие делинквентность и преступность несовершеннолетних, приведены статистические данные преступности несовершеннолетних по Ставропольскому краю. Определены отличительные признаки причин преступности несовершеннолетних от таких же преступлений взрослых.

Ключевые слова: преступность несовершеннолетних, делинквентность, детерминанты делинквентности несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений, мотивы преступлений.

E.L. Rubacheva, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University;

M.V. Martirosyan, Post-graduate of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

Reasons and conditions determining delinquency and criminality of minors

The article discusses the conditions determining delinquency and juvenile delinquency, the statistical data on juvenile delinquency in the Stavropol region are given. Features causes of juvenile delinquency from the same crimes adults are defined.

Key words: juvenile delinquency, delinquency, determinants of minors delinquency, involvement of minors in criminal activity, crimes motives.

Изучение актуальных и наиболее значимых во все времена проблем российского общества позволяет утверждать, что вопрос о делинквентности является сферой междисциплинарных исследований. Рост преступности несовершеннолетних говорит о том, что этот процесс уже вышел далеко за пределы компетенции только правоохранительных органов и является общественной проблемой, решить которую можно только взаимодействием государства и общества. В научной литературе понятие «делинквентность» очень расплывчато, в нашем же исследовании мы под этим термином будем понимать девиацию, сопряженную с нарушением правовых норм.

Многие авторы, которые исследовали данную проблематику (И.П. Башкатов, В.Н. Кудрявцев, Ю.М. Антонян, А.П. Михайлов, Я.И. Гилинский и т.д.), доказали, что причина девиантного поведения несовершеннолетних тесно связана с

психологическими, экономическими и социальными процессами.

Следует обратить внимание на то, что делинквентное поведение несовершеннолетних отличается от такого же поведения взрослых во многих аспектах.

Во-первых, причиной различий является мотивация. Огромное значение имеет анализ мотивов поведения подростков в определенной жизненной ситуации, их потребностей, интересов и ориентации, т.к. прежде чем включиться в социальные общности, группы, слои, подросток начинает с осознания окружающей реальности, с попыток превращения его (осознания) в реальные поступки в условиях определенной среды. В ходе изучения уголовных дел мы пришли к выводу, что у несовершеннолетних мотивом выступает часто желание показать, что «я могу», «я лучше», «я способен это сделать».

Мотивом часто выступает потребность в агрессии, склонность к уничтожению. Также анализ показал, что есть и лица, подверженные к подчинению, действуют по принципу «мне сказали, я сделал», и неважно, был ли это взрослый или сверстник, рассматриваемому типу личности важен руководитель.

Выделяется также мотив корысти по схеме: «почему у него есть, а у меня нет». Если в полной семье ребенка воспитывают как мама, так и папа, то в неполной этим занимается лишь один из родителей. Экономическое положение семьи, когда ребенку чего-то не хватает и при этом еще недостает внимания со стороны родителей, тоже приводит к подобным преступлениям.

Можно выделить преступления, совершенные с мотивом «очищения расы», которые часто наблюдались 5–6 лет назад, в тот период времени, когда в обществе выделялась такая группа, как «скинхеды». Если рассматривать Кавказ, то здесь еще встречаются мотивы кровной мести и самосуда. В то время как существуют еще и политические, корыстные, насильственно-эгоистические, анархистско-индивидуалистические, легкомысленно-безответственные, трусливо-малодушные мотивы поведения.

Во-вторых, преступления несовершеннолетних очень часто совершаются в группе. Так, например, в 2010 г. удельный вес преступлений несовершеннолетних, совершенных в группе в Ставропольском крае, составил 32,4%. Это связано с тем, что подростковый возраст отличается психофизиологическими особенностями, для которого характерна склонность к объединению. Если говорить о смешанных группах, где присутствуют как подростки, так и взрослые, то важную роль играет недостаток внимания, общения со стороны взрослых в семье. Следовательно, таких детей легко вовлечь в преступную группу более опытными лицами.

В случае когда в группе только несовершеннолетние, есть «доминанты», которые утверждают свою власть, совершая преступления, и есть подростки, которые хотят доказать первым, что «я могу», идя при этом на преступления.

Еще одна характерная черта рассматриваемых преступлений – ювенальная латентность. Очень часто правонарушения, преступления несовершеннолетних просто не выявлены, не зарегистрированы, либо не заявлены. Такими преступлениями являются следующие: кражи (в случае, если сумма незначительная, либо преступления совершены родственниками и т.д.), хулиганство, проституция и т.п. Латентность опасна тем, что подростки, не чувствуя ответ-

ственности, совершают новое преступление, в результате вытекает еще одна характерная черта ювенальной преступности – рецидив.

Как уже говорилось, семья играет важную роль в преступности несовершеннолетних. Одним из немаловажных факторов, способствующих совершению преступления, является жестокое обращение в семье либо же криминальная атмосфера и иные аномальные явления в семье. В большинстве случаев, вырастая, дети повторяют поведение своих родителей. Это объясняется как наследственностью, так и незнанием иного, т.е. если в семье насилие – норма, то и у ребенка будет склонность к насилию. Кроме того, насилие в семье приводит к беспризорности, т.к. очень часто дети не выдерживают подобного обращения с ними.

Конечным итогом данного факта является появление либо уличных преступных групп, либо преступлений, совершенных в состоянии наркотического и алкогольного опьянения. Важно отметить, что к этому приводит не только беспризорность несовершеннолетних, но и большое количество свободного времени у несовершеннолетних в связи с дороговизной культурно-развлекательных, спортивных и других мероприятий, секций.

Важную роль играет наличие архетипа, т.е. коллективного бессознательного. Известно, что большинство подростков повторяют за своими кумирами. А чаще всего кумирами являются артисты как российского, так и иностранного кино. Если сравнивать Россию и СССР, то разница очевидна: в СССР имела строгая цензура и считалось, что отрицательное воздействие экрана в плане пропаганды насилия допустимо только в капиталистическом обществе. В то время также существовало мнение, что западные фильмы негативно влияют на детей.

В современной же России увеличивается число телесериалов, основанных на насилии, среди молодежи очень популярны такие фильмы и сериалы, как «Рембо», «Убойная сила», «Улицы разбитых фонарей», «Звездные войны», «300 Спартанцев», «Бригада» и т.д, главные герои которых чаще всего – это члены незаконных группировок, мафии либо лица, которые достигают справедливость только с помощью насилия. В итоге имеется высокий удельный вес насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними (в 2010 г. в Ставропольском крае – 16,2%).

Анализ статистических данных приводит к неутешительным данным, но необходимо помнить, что дети не рождаются ворами, убийцами

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

или насильниками, их такими делает общество, в котором они находятся. Каждый из нас прежде всего может задуматься о последствиях данной проблемы и о том, какой вклад он внес для ее нейтрализации.

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы:

1. Делинквентное поведение несовершеннолетних отличается от такого же поведения взрослых мотивацией, высокой латентностью,

рецидивом, а также тем, что большинство преступлений совершаются в группе.

2. К наиболее важным причинам и условиям, детерминирующим делинквентность и преступность несовершеннолетних, относятся отношение старшего поколения в семье к несовершеннолетнему, состав семьи, досуг несовершеннолетних, вовлечение несовершеннолетних в преступления, архетип самого несовершеннолетнего.

Мармута Иван Львович

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права, криминалистики
и уголовно-исполнительного права Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России;
доцент кафедры уголовного права и процесса
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +79187960476)

К вопросу о преступности в сфере образования

Образование является одним из первоочередных государственных интересов. От состояния образовательной системы зависит будущее Российского государства и общества, их экономическое и социально-политическое развитие. Некоторые вопросы преступности в сфере образования рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: образовательная система России, преступность в сфере образования, преступления против личности, коррупционные преступления.

I.L. Marmuta, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Criminal Law, Criminalistics and Criminal Executive Law of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; Assistant Professor of a Chair of Criminal Law and Procedure of the North-Caucasian Federal University; tel.: +79187960476.

To the question about criminality in educational sphere

The education is one of primary interests of state. The future of Russian state and society and its economical and social-political development are depended from the situation with educational system. Some questions about criminality in educational sphere are shown in this article.

Key words: russian educational system, criminality in educational sphere, crimes against person, corruption crimes.

С образованием связываются надежды на модернизацию экономики и увеличение темпов экономического роста, т.к. в связке с наукой образование представляет собой одну из наиболее существенных гарантий национальной, региональной и международной безопасности. Как справедливо заметил П.Н. Панченко, процессы морально-нравственной деградации, нарастающие в нашем обществе, затронули те слои населения, которые ранее рассматривались как предмет особой гордости, считались «совестью нации»: врачей, учителей, преподавателей профессиональных образовательных учреждений, ученых, государственных служащих, сотрудников правоохранительных органов, офицерский корпус [1, с. 52].

Данная проблема особенно обострилась в отношении работников образовательных учреждений, т.к. негативные черты их поведения легко прививаются обучаемым, воспроизводятся в них во все более опасных формах и умножаются во все увеличивающихся масштабах.

Вопреки устоявшемуся мнению работниками образовательных учреждений совершаются не только коррупционные преступления, но и преступления против жизни и здоровья, против собственности, а также половой свободы и неприкосновенности личности.

Согласно данным Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации указанному факту способствует ряд причин. Нередко к работе в образовательных учреждениях допускаются лица, ранее судимые, применяющие физическое и моральное насилие по отношению к детям. Так, в Волгоградской области и Ставропольском крае возбуждены уголовные дела по фактам доведения детей учителями школ до попытки самоубийства, а в Республике Коми, Липецкой и Орловской областях по фактам нанесения учителями побоев и оскорбления детей.

Например, в Рязанской области направлено в суд уголовное дело в отношении педагога, который в течение полутора лет двадцать пять раз совершал развратные действия в отношении шести малолетних. Ранее он был неоднократно

судим за аналогичные преступления. Классный руководитель, директор школы и начальник управления образования знали о совершаемых в отношении малолетней ученицы насильственных действиях сексуального характера. При этом никто из них в правоохранительные органы не обратился.

И все-таки доминирующее количество преступлений в сфере образования относится к преступлениям коррупционной направленности. В настоящее время поборы в образовательных учреждениях получили настолько широкое распространение, что приобрели характер одного из наиболее опасных коррупционных явлений, вызывающих тревогу не только правоохранительных органов, но и широких слоев населения.

К коррупционным преступлениям в сфере образования мы относим в первую очередь получение взятки. Безусловно, одной из причин этого является крайне низкая зарплата работников образовательных учреждений. Кроме того, это объясняется и появлением в обществе класса состоятельных людей, которые могут под прикрытием спонсорской помощи вкладывать в своих или чужих детей большие деньги, оплачивая посредством подкупа как поступление на учебу, так и дальнейшее продвижение учащегося по семестровым и курсовым рубежам учебного процесса.

Так, согласно приговору Ленинского районного суда г. Ставрополя по уголовному делу № 101120110020 заведующий кафедрой Ставропольского государственного аграрного университета Н., являясь должностным лицом, осужден за получение взятки от студента в сумме 29000 руб.

Наряду с получением взятки за деяния, сопряженные с образовательной деятельностью, иногда должностные лица образовательных учреждений получают незаконные вознаграждения за иные деяния, не связанные с процессом образования. Например, по приговору Предгорного районного суда Ставропольского края (уголовное дело № 26060) директор МОУ СОМ № 6 пос. Неженского Предгорного района Ставропольского края Х. признана виновной в получении взятки от гражданина Ц. в сумме 6000 руб. за предоставление в аренду спортивного зала.

Наряду с получением взятки в сфере образования совершаются также преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 204 УК РФ. Согласно действующему законодательству коммерческий подкуп – это незаконное получение лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, денег, ценных бумаг, иного имущества, а равно незаконное пользование услугами имущественного харак-

тера или другими имущественными правами за совершение действий (бездействие) в интересах дающего взятку в связи с занимаемым этим лицом служебным положением. Данное преступление характерно для негосударственных учебных заведений. Например, доцент кафедры экономики Белгородского университета кооперации Е., являясь лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, получила от студента С. в качестве коммерческого подкупа деньги в сумме 1000 руб. (приговор Октябрьского районного суда г. Ставрополя по уголовному делу № 135120100033).

Следующим распространенным коррупционным преступлением в сфере образования является служебный подлог. Как показывает анализ судебной практики, в образовательной сфере взятки зачастую сопровождаются незаконным информационным оборотом, в частности, изготовлением документов при приеме в дошкольное, среднее, высшее образовательное учреждение либо при внесении записей в зачетные книжки, ведомости, дипломы, свидетельства.

Например, согласно приговору Арзгирского районного суда Ставропольского края по уголовному делу № 91070 К., являясь заведующей учебной частью МОУ СОШ № 11 аула Башанта Арзгирского района Ставропольского края, внесла ложные сведения в аттестат о среднем образовании на имя П., тем самым совершила служебный подлог.

Кроме указанных преступлений в сфере образования также совершаются такие общественно опасные деяния, как мошенничество и присвоение или растрата. Так, М., используя свое должностное положение, находясь в должности замдиректора по хозяйственной части МОУ СОШ № 7 г. Изобильный Ставропольского края, мошенническим путем завладела денежными средствами в сумме 214641,25 руб. (приговор Изобильненского районного суда Ставропольского края по уголовному делу № 95542).

Другой пример: директор ГОУ СПО «Кисловодский медицинский колледж» М., используя служебное положение, получил от студента М. денежные средства за обучение, которые впоследствии похитил путем присвоения (приговор Кисловодского городского суда Ставропольского края по уголовному делу № 113123000107).

Также в образовательных учреждениях установлены факты злоупотребления должностными полномочиями и их превышения. Например, в рамках сопровождения реализации национального проекта «Образование» в Самарской области выявлен факт нецелевого использования бюджетных средств должностными лицами

детского дома-школы г. Отрадного Самарской области в размере 5,5 млн руб. Финансирование, выделенное на содержание воспитанников, было израсходовано на приобретение ГСМ, заработную плату и медицинское обслуживание работников учреждения. По данному факту возбуждено уголовное дело по ст. 285.1 УК РФ (нецелевое расходование бюджетных средств).

Таким образом, анализ преступлений в сфере образования позволяет их дифференцировать на три группы:

1. Преступления, совершаемые работниками указанной сферы в ходе их профессиональной де-

ятельности из корыстных побуждений: получение взятки, коммерческий подкуп, служебный подлог, злоупотребление должностными полномочиями.

2. Преступления, совершаемые работниками сферы образования из иных побуждений: превышение должностных полномочий, нецелевое расходование бюджетных средств.

3. Насильственные преступления, совершаемые работниками сферы образования: побои, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, доведение до самоубийства и преступления против половой свободы и неприкосновенности и другие.

1. Панченко П. Коррупция в образовательных учреждениях: составы преступлений и соотношение с некриминальными деяниями // Уголовное право. 2005. № 2.

1. Panchenko P. Corruption in educational establishments: corpus delicti and its correlation to non-criminal actions // Criminal law. 2005. № 2.

Морозов Николай Александрович

кандидат юридических наук, доцент,
докторант кафедры уголовного права
Московского государственного университета
(e-mail: nmorozov@me.com)

Геронтологический аспект преступности в Японии

В статье рассматриваются криминологические проблемы преступности пожилых лиц, связанные с развитием демографических процессов; показаны особенности практики назначения и исполнения наказания в отношении данной категории правонарушителей.

Ключевые слова: геронтология, преступность, лица пожилого возраста, кража, присвоение чужого имущества, наказание.

N.A. Morozov, Master of Law, Assistant Professor, Doctoral Candidate of a Chair of Criminal Law of the Moscow State University; e-mail: nmorozov@me.com

Gerontological aspect of crime in Japan

The article considers the criminological problems of older persons crime associated with the development of demographic processes; the features of the practice of the appointment and the execution of punishment in respect of this category of offenders are shown.

Key words: gerontology, crime, elderly, theft, embezzlement of another's property, punishment.

В последние годы исследования различных последствий развития демографических процессов в разных странах, в том числе геронтологического аспекта преступности, привлекают пристальное внимание социологов, криминологов, психологов и специалистов других отраслей научного знания. Всплеск такого интереса связан с изменениями общей демографической ситуации в мире и ее влиянием на экономику, социальное и культурное развитие, тем более что большая часть последствий таких изменений формирует негативные и в перспективе еще более тревожные тенденции. Одна из них, как показывает анализ мировых демографических процессов, – общая тенденция к старению населения, причем эта тенденция с каждым годом усиливается. В результате, по прогнозам ООН, к 2050 г. общая численность пожилых людей превысит пятую часть мирового населения, а в наиболее развитых странах составит 33% населения. Вполне возможно, эти прогнозы сбудутся еще раньше, поскольку речь идет о категории лиц, растущей наиболее быстрыми темпами.

Для Японии – страны долгожителей – эти тенденции имеют особое значение, ибо, во-первых, доля людей пожилого возраста среди населения страны весьма значительна и, кроме того, она постоянно растет. За 1990–2011 гг. доля лиц в возрастной группе от 50 до 64 лет среди

населения выросла в 2 раза, а в группе от 65 лет и старше – почти в 4 раза.

Проблема старения населения оказывает весьма серьезное влияние на приоритеты социального, экономического и научно-технического развития любой страны. Японское общество, действительно, стареет очень быстро: в 1970 г. доля лиц в возрасте старше 65 лет превысила 7% населения; в 1990 г. – 12%; к 2010 г. она достигла 22,7%, а к 2015 г. составит более 30 млн человек, или четверть населения страны. Как отмечают аналитики Deutsche Bank, уже к 2020 г. 20% населения Японии составят престарелые, возраст которых будет выше 70 лет. По прогнозам японских ученых, к 2050 г. население страны сократится до 100 млн человек, а каждому третьему жителю будет больше 65 лет.

Эта категория населения испытывает наибольшие трудности адаптации к изменившимся социально-экономическим условиям; она особенно остро ощущает последствия охватившего страну финансового кризиса, катализирующего процесс дезинтеграции института семьи (особенно в сельской местности). В последние 20 лет традиционная для японского общества «трехпоколенная» структура семьи изменилась: молодежь уезжает искать работу в города, а старики остаются в изоляции, предоставленными сами себе. Оказавшись в социальной изоляции, без работы, без материальной и моральной поддержки близких, значительная часть этой

категории людей зачастую вынуждена решать проблемы своего выживания противоправным путем. В средствах массовой информации все чаще стали появляться сообщения о том, что часть одиноких престарелых людей специально совершает такие преступления, как кража вещей и продуктов из магазина, чтобы попасть в тюрьму, где им не надо будет заботиться о себе и где они будут обеспечены кровом и питанием.

Преступность как явление социальное напрямую зависит от изменения социальных условий жизни общества, в том числе от изменений демографической ситуации. Среди наиболее известных в мировой криминологии коррелятов преступности видный японский философ и культуролог Ф. Фукуяма особо выделяет демографические факторы. Изменение возрастной структуры населения в связи с ростом продолжительности жизни вполне может создать основу для роста социальных конфликтов, поскольку исчезает или сильно модифицируется ставшая привычной смена поколений [1, с. 96; 2]. Во-вторых, к числу таких факторов относятся модернизация общества и связанные с ней феномены урбанизации и увеличения плотности населения. В-третьих, обостряются проблемы социализации личности в условиях семьи. Это означает, что ухудшение условий семейной жизни в значительной степени ответственно за рост уровня преступности, что распад семьи часто оказывается промежуточным звеном между бедностью и преступностью.

В 1980 г. в общем числе лиц, совершивших преступления, доля возрастной группы старше 60 лет составляла в Японии всего 3,2%; в 2007 г. этот показатель вырос до 13%; число арестов пожилых людей, совершивших кражи из магазинов, за 1997–2007 гг. выросло в 4 раза. В последующие годы экономического кризиса эти показатели продолжили свой рост. В целом за последние 30 лет доля указанной возрастной группы выросла в 7 раз и сегодня составляет 22%; при этом наибольшая часть виновных в кражах (14,4%) приходится на долю тех, кому 65 лет и больше.

Здесь важно отметить два момента. Во-первых, в последние два десятилетия кражи товаров и продуктов из магазинов (shoplifting) вообще стали в Японии большой и самостоятельной проблемой, в которую привносят остроту две полярные социальные группы – одинокие престарелые люди и несовершеннолетние. К тому же владельцы магазинов всячески экономят на мерах безопасности и зачастую закладывают потенциальные убытки от краж в стоимость товаров. Второе обстоятельство связано с тем,

что рост числа людей пожилого возраста, совершивших кражи и другие подобные преступления, с каждым годом все больше превышает рост общей численности и доли этой возрастной группы среди населения.

В отличие от вялотекущей полемики в российской литературе, посвященной геронтологическому аспекту преступности (где до сих пор нет единообразного понимания основных понятий и критериев для деления возрастных групп), в Японии в основу выделения преступности пожилых лиц как самостоятельной криминологической категории положены единые возрастные границы; речь идет о возрастной группе от 65 лет и старше без дифференциации этих лиц по полу. Именно эта возрастная группа в течение последних 25 лет выделяется и анализируется в уголовной статистике, именно ей все большее внимание уделяется в практике правоприменительных органов, и именно о ней и будет идти речь. Заметим, что здесь, как и в японских источниках, термины «пожилые лица» и «престарелые» приводятся как синонимы.

Отмеченный выше рост преступности среди престарелых лиц в этой стране идет особенно быстрыми темпами, когда дело касается виновных в совершении двух статистически наиболее значимых видов преступлений – краж вещей и продуктов из магазинов и присвоений утерянных вещей (embezzlement of lost property). Заметим, что в Японии, в отличие от других стран, присвоение утерянных вещей (имущества) является преступлением и преследуется уголовным законом; при этом оно влечет довольно серьезное наказание. Но дело не только и не столько в угрозе наказания, сколько в менталитете людей этой уникальной страны: не зря Японию называют «честным обществом». Ежедневно тысячи утерянных или забытых в метро и других общественных местах ноутбуков, сотовых телефонов, других вещей – от драгоценных украшений до зонтиков – нашедшие их люди доставляют в местные пункты находок. В Токио, например, в 2010 г. из 1,6 млн утерянных вещей 72% были возвращены их владельцам. В Японии действует специальный закон, согласно которому утерянные предметы могут стать собственностью того, кто сдал их в пункт находок, если потерявший их владелец не обратился в течение 6,5 месяцев; кроме того, нашедший утерянные ценности может претендовать на получение от 5 до 20% их стоимости, но даже в годы тяжелейшего экономического кризиса такого рода обращения за вознаграждением единичны.

Из общего числа пожилых людей, привлеченных к ответственности, виновные в краже в 2010 г., например, составили 65,5%, а виновные в присвоении утерянных вещей – 17,3%. Таким образом, только на эти два вида преступлений приходится 82,8% всех деяний, совершенных указанной категорией лиц.

Рост распространенности преступного поведения людей пожилого возраста касается различных преступлений и продолжается уже более 20 лет. За эти годы число пожилых людей, привлеченных к ответственности за кражи, выросло в 7 раз, а за присвоение утерянного имущества – почти в 12 раз. При этом речь не о кражах вообще, а о кражах, специфичных и наиболее распространенных именно среди пожилых японцев, – воровстве продуктов и вещей из магазинов. Виновные в таких деяниях составляют большую часть всех привлеченных к ответственности за кражи. По данным Национального агентства полиции, к началу 2010 г., например, за кражи из магазинов было арестовано свыше 27 тыс. пожилых людей, что составляет более 26% от общего числа лиц, совершивших такие преступления. Здесь надо отметить две параллельные тенденции – рост магазинных краж, совершенных пожилыми людьми, и старение виновных в таких деяниях. В 1986 г., когда полиция только начинала вести статистику преступности лиц пожилого возраста, за кражи из магазинов было арестовано 4918 таких лиц, т.е. в 5,5 раз меньше, чем сегодня. С тех пор число пожилых людей, совершающих кражи из магазинов, как отмечалось, растет. Отметка в 10 тыс. была преодолена в 1999 г., в 20 тыс. – в 2004 г. и свыше 27 тыс. – к 2010 г.

Среди престарелых мужчин за кражи в целом привлечено 54,1%; среди женщин – почти в два раза больше (89,6%). При этом среди мужчин доля привлеченных к ответственности за кражи из магазинов (44%) в два раза меньше, чем среди женщин (81,1%). Что же касается привлеченных к ответственности за присвоение утерянных вещей, то здесь картина кардинально меняется: доля пожилых мужчин (22,6%) почти в четыре раза выше, чем женщин (6%).

Из общего числа престарелых, привлеченных к ответственности (48 тыс.), лишь 2100 человек, или только 4,4%, были осуждены на наказание в виде лишения свободы и поступили в тюремные учреждения; остальным было назначено наказание в виде штрафа или предоставлена отсрочка исполнения приговора. Как видно, применение лишения свободы к таким лицам оказалось для суда исключительно редкой мерой наказания.

Кто же из привлеченных к уголовной ответственности и за какие именно преступления

оказался в местах лишения свободы? Как показывает анализ, 50,4% составили лица, совершившие кражи; 10,8% – виновные в мошенничестве; 7,5% – за сбыт наркотиков; 2,2% – за присвоение чужого (утраченного) имущества. При этом среди осужденных за кражи женщин оказалось в 1,6 раза больше, чем мужчин (что в целом соответствует их распределению среди всех привлеченных к уголовной ответственности). В России ситуация иная. Здесь на долю женщин пожилого возраста, отбывающих наказание за кражу, приходится 5,7%. В процентном отношении это почти в 10 раз меньше, чем в Японии, но в абсолютном выражении, наоборот, намного больше. Если же говорить о судебной практике в динамике, то нужно отметить, что в последние 20 лет применение лишения свободы к рассматриваемой категории лиц пожилого возраста последовательно нарастало и к 2010 г. общая численность таких лиц, прошедших через тюремные учреждения, составила более 28 тыс. человек; причем наиболее быстрыми темпами растет число ранее неоднократно судимых, особенно среди судимых шесть и более раз. Поэтому можно достаточно обоснованно предполагать, что и выбор меры наказания в виде лишения свободы для престарелых лиц, виновных в кражах, прежде всего, был связан именно с наличием предшествующих судимостей за такие же преступления.

Приведенные данные о распространенности преступности среди людей пожилого возраста и выявленные тенденции в практике привлечения их к ответственности и наказания свидетельствуют о последовательном ухудшении социально-экономического положения этих лиц. Не случайно осознание нарастающей критической ситуации в этой возрастной группе заставило Национальное агентство полиции выделить преступность этих лиц в самостоятельный раздел статистики и предмет анализа.

Остроту ситуации подтверждают и организационные проблемы исполнения наказания в пенитенциарных учреждениях, где отбывают наказание лица пожилого возраста, в том числе проблемы практики досрочного освобождения таких лиц, передачи досрочно освобожденных под надзор органов пробации и, конечно, сложности решения проблемы ресоциализации этой категории освобожденных.

Отметим, что в целом контингент японских тюрем стареет вместе с населением страны; таким образом, все более осязаемый процесс старения тюремного населения сам по себе становится самостоятельной и достаточно серьезной проблемой. ООН, другие международные учреждения, а также национальные и международные

правозащитные организации давно и весьма остро критикуют суровые условия отбывания наказания в пенитенциарных учреждениях Японии. Вынужденные считаться с такой критикой и изменившимися социальными условиями, в том числе с процессом быстрого старения населения тюрем, власти страны предприняли ряд мер по строительству новых тюрем, рассчитанных не только на приток осужденных, но и на создание более цивилизованных условий отбывания наказания и для тюремного контингента в целом, и для быстро растущего числа престарелых осужденных (меняются условия их размещения, для них оборудуются пандусы и поручни, повышается качество питания, принимаются, несмотря на экономический кризис, меры по улучшению медицинского обслуживания и т.д.). В некоторых тюрьмах Японии, например в Опомичи, организуются специальные отделения для содержания пожилых осужденных; в них вводится заметное облегчение режимных требований, обеспечивается более низкое содержание натрия в продуктах питания, повышена норма риза, предусмотрены праздничные угощения, налаживается работа по оказанию медицинской помощи.

Медицинское обслуживание вообще является основной «головной болью» и наиболее тяжелым бременем для системы пенитенциарных учреждений. Тем не менее в некоторых тюрьмах (например в Хиросиме и Кобе) для поддержания физического состояния пожилых осужденных специально нанимают физиотерапевтов, а приглашенные терапевты занимаются с ними облегченной трудотерапией.

Тюремная статистика последнего десятилетия весьма красноречиво указывает на изменение возрастной структуры контингента, вызванное ранее невиданным ростом числа осужденных пожилого возраста. Так, только за первые пять лет нового века (с 2000 по 2006 гг.) число осужденных старше 60 лет выросло почти на 20% и в итоге в 2006 г. составило 59,3% общей численности. Как показывают исследования, проведенные в системе Министерства юстиции, большинство престарелых осужденных после освобождения очень быстро возвра-

щаются в тюрьму после совершения мелких краж, поскольку у них нет ни работы, ни жилья, ни родственников или гарантов-поручителей.

По данным Министерства юстиции, общая численность тюремного населения страны к началу 2012 г. составила свыше 61 осужденных и по сравнению с предшествующими годами заметно сократилась. Однако число престарелых осужденных, наоборот, продолжает расти. Так, число осужденных в возрастной группе старше 70 лет за период с 2001 по 2011 гг. выросло в 3 раза и к началу 2012 г. составило более 2500 человек. В тюрьмах в настоящее время содержится 765 тяжело больных осужденных, 37% из них – лица старше 65 лет, многие неоднократно судимы.

За последние 10 лет число престарелых лиц, освобожденных досрочно и переданных под надзор службы пробации, ежегодно растет, однако в целом масштабы этой практики (49–57%) значительно меньше, чем среди осужденных из всех других возрастных групп. Ибо большинству таких осужденных после освобождения из тюрьмы, как уже отмечалось, идти было практически некуда.

Крайне ограниченная практика применения строгих мер репрессии к правонарушителям пожилого возраста исходит не только из общих гуманистических установок уголовной политики и соображений милосердия при рассмотрении конкретных уголовных дел. Поэтому следует согласиться с Ф. Фукуямой в том, что для понимания всплеска преступности, скорее, имеет значение не уровень наказания, а изменения в таких общественных институтах, как семья, отношения с близкими и т.п.; суть этих изменений – в падении уровня общественного доверия, в растущей разобщенности и уменьшении способности людей к совместным действиям [3, с. 52–54].

Таким образом, сегодня Япония стоит перед серьезной социальной проблемой: как в условиях текущего экономического кризиса и быстрых темпов старения населения снизить уровень бедности и тем самым повысить качество жизни людей из самых старших возрастных групп, чаще всего отчужденных от семьи и общества и потому вынужденных искать источники существования противоправным путем.

1. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции* / пер. с яп. М., 2004.

2. Пудовочкин Ю.Е. *Криминологические проблемы в современной социально-политической и философской литературе*. М., 2011.

3. Фукуяма Ф. *Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию* / пер. с яп. М., 2004.

1. Fukuyama F. *Our Posthuman future. Consequences of the biotechnology revolution* / transl. from Jap. M., 2004.

2. Pudovochkin Yu.E. *Criminological problems in the contemporary socio-political and philosophical literature*. M., 2011.

3. Fukuyama F. *The trust. The social virtues and the path to prosperity* / transl. from Jap. M., 2004.

Юрпалова Диана Николаевна
 адъюнкт кафедры криминологии
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612585106)

Виктимологический анализ дорожно-транспортных преступлений, совершаемых водителями-женщинами

Исследуя такие понятия, как «жертва преступления», «виктимность», «виктимизация», «виктимное поведение», автор статьи дает виктимологический анализ дорожно-транспортных преступлений, совершаемых водителями-женщинами.

Ключевые слова: виктимология, потерпевший, жертва преступления, виктимность, виктимизация, виктимогенная ситуация, дорожно-транспортное происшествие, дорожно-транспортное преступление.

D.N. Yurpalova, Adjunct of a Chair of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612585106.

Victimological analysis of road traffic offences committed by women drivers

Exploring such concepts as «victim of a crime», «victimity», «victimization», «victim behavior», author gives victimological analysis of traffic offenses committed by women drivers.

Key words: victimology, victim, victim of crime, victimity, victimization, victimogenic situation, traffic accident, road traffic offense.

Виктимология буквально означает «учение о жертве». В широком смысле это учение не только о жертве преступления, но и природных катастроф, эпидемий, войн и т.д. В узком смысле речь идет о криминальной виктимологии, изучающей потерпевших от преступлений, их поведение и роль в совершении общественно опасного деяния.

В юридической литературе изучению различных аспектов поведения личности потерпевших от преступлений уделялось достаточно внимания, но разработка этой проблематики, формирование виктимологии как самостоятельной научной дисциплины связаны с исследованиями Л.В. Франка [1]. Большой вклад в развитие отечественной доктрины внес В.И. Полубинский [2] и другие ученые.

Виктимологический анализ дорожно-транспортных преступлений, совершаемых женщинами, целесообразно начинать с уточнения понятийного аппарата. Для обозначения лиц, которым причинен вред в результате совершения общественно опасного деяния, принято употреблять такие термины, как «жертва преступления», «потерпевший», «пострадавший» [3, с. 17].

Законодательное определение жертвы преступления отсутствует. Этимологически слово «жертва» означает «пострадавший от насилия,

от какого-нибудь несчастного случая, неудачи и т.д.» [4, с. 165]. Длительное время в юридической литературе существуют различные взгляды на это понятие. По мнению отдельных авторов, жертвой преступления является физическое лицо, которому непосредственно преступлением причинен физический, материальный и моральный вред [5, с. 16]. Большинство ученых считают, что жертвой преступления может быть как отдельный человек, так и общность людей в любой форме их интеграции, которым преступлением прямо или косвенно причинен физический, моральный или материальный вред [6, с. 6; 7, с. 10].

Действующее законодательство в ст. 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8] определяет, что потерпевшим является лицо, которому преступлением причинен моральный, физический, имущественный вред. Помимо этого, в качестве потерпевшего названо и юридическое лицо, которому причинен материальный вред либо вред деловой репутации. Следует заметить, что круг таких лиц достаточно широк, к ним можно отнести, например, родственников потерпевшего, погибшего в результате дорожно-транспортного преступления.

В виктимологии термин «потерпевший» относится только к непосредственным жертвам преступления. В дорожно-транспортном про-

исшествии ими могут стать лишь лица, участвующие в дорожном движении, которых можно разделить на три группы:

водитель – лицо, управляющее транспортным средством либо обучающееся вождению;

пассажир – лицо, которое, кроме водителя, находится в транспортном средстве (на нем) либо входит в транспортное средство (садится в него) или выходит из него (сходит с него);

пешеход – лицо, находящееся вне транспортного средства на дороге и не производящее на ней работу [9, с. 13, 30, 33].

Далее необходимо рассмотреть такие понятия, как «виктимность потерпевших» и их «виктимизация». Под виктимностью обычно понимается объективная возможность или способность любого лица, в том числе юридического, стать жертвой преступления, включая и дорожно-транспортное. В современной доктрине принято выделять два ее вида: индивидуальную и массовую. Индивидуальная означает способность человека стать жертвой преступления в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств, связанных с психологическими особенностями личности (интересами, мотивами, характером) [10, с. 156]. Массовая виктимность представляет собой совокупность личностных и ситуативных факторов, сложившихся в определенное множество, которая выражается в различных видах. Первым из них называют групповую виктимность, т.е. виктимность отдельных групп населения, категорий людей. Другим видом является объектно-видовая виктимность или предпосылка и следствие различных видов преступлений. Третий вид – субъективно-видовая виктимность, которая означает предпосылку и следствие преступлений, совершаемых различными категориями преступников [11, с. 81].

Индивидуальную виктимность также принято подразделять на виктимность-патологию, возрастную виктимность и виктимогенную деформацию личности [12, с. 27]. Виктимность-патология может выражаться в наличии у потерпевшего каких-либо физиологических недостатков: постоянных (плохое зрение, слух либо их отсутствие) и временных (перелом ноги, руки и т.д.). Возрастная виктимность характерна, прежде всего, для лиц пожилого возраста и малолетних детей. Виктимогенная деформация выражается в эмоциональной неустойчивости, сниженной способности к абстрактному мышлению. В самом общем виде ее можно определить как «низкую культуру общения».

Выделяют и такой вид виктимности, как стрессовая, когда душевное состояние лица повлияло на его способность быстро принимать

необходимые меры для предотвращения дорожно-транспортного преступления либо не дает ему возможности адекватно и в полном объеме оценивать возникшую ситуацию. Изменения могут носить как стойкий и долговременный характер (различные психические заболевания), так и кратковременный (душевные переживания, стресс, ссора с близкими людьми, неприятности на работе и т.д.) [3, с. 23, 24].

Стоит также учитывать, что виктимность не является обязательным признаком любой жертвы дорожно-транспортного преступления, а перечисленные виды виктимности у разных типов потерпевших проявляются в различной степени. Например, выявлять виктимность у потерпевших-пассажиров нецелесообразно, поскольку жертвами они становятся, как правило, в результате действий третьих лиц, их возможность повлиять на развитие аварийной ситуации крайне минимальна. Важным в этом случае может являться момент посадки пассажира в транспортное средство или высадки из него. Виктимное поведение потерпевшего может проявляться в действиях, когда он садится в транспортное средство с водителем, находящимся в состоянии алкогольного опьянения, на необорудованные для провоза людей места либо сам находится в состоянии алкогольного опьянения.

Помимо виктимности, в криминологической литературе выделяют такую категорию, как виктимизация. По мнению Л.В. Франка, она означает процесс превращения в жертву преступления и результат этого процесса как на единичном, так и на массовом уровнях [1, с. 107, 108]. Некоторые ученые полагают, что один термин неприемлем для двух явлений – процесса и результата. Д.В. Ривман рассматривает виктимизацию только как процесс становления жертвой преступления или злоупотребления властью, т.е. процесс реализации потенциальной виктимности в физический, материальный и моральный вред, который по объективным причинам неразрывно связан с преступностью [13, с. 155].

В процессе изучения виктимизации в сфере дорожного движения ученые отмечают роль конкретной жизненной ситуации и необходимость изучения конкретных психологических черт поведения потерпевших от совершения преступления. В юридической литературе в свое время ситуация определялась как комплекс объективных конкретных обстоятельств или более общих факторов, являющихся единым объектом индивидуальной оценки и оказывающих прямое и целостное влияние на возникновение, форму и динамику поведения [14, с. 31].

В сфере безопасности дорожного движения ситуация имеет особое значение при изучении причин и условий ДТП, совершаемых водителями-женщинами. Одним из элементов содержания ситуации может выступать личность и поведение потерпевшего. При этом вероятность стать жертвой ДТП повышается или снижается не только от этого, но и от объективных внешних обстоятельств (времени, места, положения, в котором он оказался, и т.д.). Однако доминирующим компонентом названной ситуации является все-таки сама жертва (потерпевший).

А.П. Царакова определяет виктимогенную ситуацию в области дорожного движения как конкретно сложившуюся по «воле» потерпевшего дорожную обстановку, создающую опасность возникновения ДТП и причинения вреда. Это состояние системы «водитель–автомобиль–пешеход–пассажир–дорога». Оно характеризуется отклонением одного, а иногда и нескольких элементов данной системы от предусмотренных норм и правил, а также свойствами отдельных лиц или групп, реализованных в конкретном поведении. Для него характерны объективные ситуативные обстоятельства, которые непосредственно способствуют наступлению виктимальных последствий [11, с. 88].

Таким образом, специфика виктимогенной ситуации в области дорожного движения состоит в сложности взаимодействия объективных и субъективных факторов, связанных с личностью и поведением водителя-женщины, с поведением других участников (пешехода, пассажира), характеристикой транспортного средства и дорожных условий.

В России безопасность дорожного движения в настоящее время превратилась в проблему первостепенной важности. В Концепции Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 гг.» отмечается, что ежегодно в Российской Федерации в результате дорожно-транспортных происшествий погибают и получают ранения свыше 270 тыс. человек.

Данные официальной статистики, научные исследования свидетельствуют о том, что многие противоправные деяния в сфере безопасности дорожного движения обусловлены поведением самой жертвы:

1) особенностями ситуационного состояния, состоянием здоровья, особым психическим настроением, связанным с неадекватными действиями в обычной ситуации;

2) небрежным отношением к безопасности своей личности, чести, достоинству и сохранности имущества;

3) легкомысленным отношением к правилам, охраняющим общественный порядок и безопасность [11, с. 88].

Если говорить о виктимном поведении женщин-водителей, то для них характерны склонность к необоснованному риску, безразличие к безопасности (своей и окружающих), беспечность, легкомыслие, излишняя самоуверенность, неумение правильно оценить ситуацию, высокая импульсивность. Можно выделить повышенную эмоциональность, которая обуславливает обостренную реакцию на конкретную жизненную ситуацию. Им свойственны состояние беспокойства, неуверенности, тревожности [15, с. 176]. Женщины менее устойчивы к стрессу, чем мужчины. Это проявляется, например, в слабой способности к принятию решения в экстремальной ситуации, потребности в более длительном восстановлении после стрессового воздействия [16, с. 117, 118] и т.д.

Обращаясь к данным о совершенных ДТП женщинами-водителями в Крымском районе Краснодарского края с 2006 по 2012 гг., можно констатировать следующее: общее количество жертв составило 106 человек, из них 42 водителя, 64 пассажира и пешехода. Как видим, наиболее многочисленной и уязвимой группой являются пассажиры и пешеходы. Следует также отметить возрастную виктимность у пешеходов, поскольку 72% потерпевших – это лица в возрасте старше 60 лет.

Подводя итог, можно сказать, что в настоящее время борьба с дорожно-транспортными преступлениями превратилась в национальную проблему. Изучение вопросов виктимного поведения потерпевшего представляется важным для предупреждения подобной категории деяний, поскольку позволяет выявить группы лиц, которые чаще других становятся объектами преступных посягательств.

1. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

2. Полубинский В.И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979.

3. Таюрская Е.А. Виктимологическая характеристика и профилактика дорожно-тран-

1. Frank L.V. Victims of crime and the problems of the soviet victimology. Dushanbe, 1977.

2. Polubinsky V.I. Legal basis of the doctrine of victim of crime. Gorky, 1979.

3. Tayurskaya E.A. Victim characteristics and prevention of road traffic offenses: diss. ... Master of Law. Irkutsk, 2006.

портных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.

4. Ожегов С.И. Толковый словарь. М., 1987.
5. Ривман В.Д. О некоторых понятиях криминальной виктимологии // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982.
6. Коновалов В.П. Изучение потерпевшего с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1982.
7. Минская В.С., Чечель Г.И. Виктимологические факторы и механизм преступного поведения. Иркутск, 1988.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ) // Собр. законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; 2013. № 27. Ст. 3442.
9. Комментарий к Правилам дорожного движения и другим правовым актам / под общ. ред. С.И. Гирько. М., 2004.
10. Устинов В.С. Криминалистическая виктимология // Криминология: учеб. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунева. М., 2004.
11. Царакова А.П. Виктимологические аспекты предупреждения дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
12. Коновалов В.П. Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сб. науч. тр. Иркутск, 1982.
13. Криминология: учеб. / под ред. В.Н. Булакова, В.П. Сальникова. СПб., 1998.
14. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.
15. Нартова-Бочавер С.К. Дифференциальная психология: учеб. пособие. М., 2008.
16. Минстер М.В. Психофизические особенности женщин, осужденных к лишению свободы // Вестн. Том. гос. ун-та. 2009. № 319.

4. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary. M., 1987.

5. Rivman V.D. About some concepts of criminal victimology // Victimization problems of combating crime. Irkutsk, 1982.
6. Konovalov V.P. Study of the victim in order to improve prevention. M., 1982.
7. Minskaya V.S., Chechel G.I. Victimization factors and mechanism of pre-criminal behavior. Irkutsk, 1988.
8. Criminal Procedure code of the Russian Federation from Dec. 18, 2001. № 174-FL (as amended from July 2, 2013. № 150-FL) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2001. № 52 (Part 1). Art. 4921, 2013. № 27. Art. 3442.
9. Commentary to Rules of the road and other legal acts / ed. by S.I. Girko. M., 2004.
10. Ustinov V.S. Criminalistic victimology // Criminology: textbook / ed. by N.F. Kuznetsova, V.V. Lunev. M., 2004.
11. Tsarakova A.P. Victimization aspects of the prevention of road traffic offenses: diss. ... Master of Law. M., 2009.
12. Konovalov V.P. Victimization and its prevention // Victim of the problem of struggle against crime: coll. of sci. works. Irkutsk, 1982.
13. Criminology: textbook / ed. by V.N. Burlakov, V.P. Salnikov. SPb., 1998.
14. Kudryavtsev V.N. The objective side of the offense. M., 1960.
15. Nartova-Bochaver S.K. Differential psychology: study aid. M., 2008.
16. Minster M.V. Psychophysical features of women sentenced to imprisonment // Bulletin of the Tomsk State University. 2009. № 319.

Бородинова Татьяна Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия
(e-mail: borodinovatg@mail.ru)

Формирование принципиальной основы института пересмотра приговоров в современном российском уголовно-процессуальном праве

В данной статье автор, обращаясь к системе и классификации принципов уголовно судопроизводства, предпринимает попытку обоснования теоретической возможности выделения в этой системе институциональных принципов пересмотра приговоров в современном уголовно-процессуальном праве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальное право, уголовное судопроизводство, институт права, принципы права, пересмотр приговоров.

T.G. Borodina, Master of Law, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminal and Procedure Law of the North-Caucasian branch of the Russian Academy of Justice; e-mail: borodinovatg@mail.ru

Formation of fundamental principles of Institute of review of sentences in modern Russian criminal procedure law

In this article the author, referring to the system of classification and principles of criminal proceedings, attempts to substantiate the theoretical possibility of allocation in the system of institutional principles of the revision of sentences in modern criminal procedure law.

Key words: criminal procedural law, criminal proceedings, institute of law, principles of law, judgement's revision.

В основе любой деятельности находятся базовые идеи, которые изначально определяют цель, задачи, средства их достижения и решения, способы и методы. Для уголовно-процессуальной деятельности характерна правовая (законодательная) регламентация, особенность которой заключается в императивном предписании правил ее осуществления. «Жесткость» нормативного регулирования опирается на достаточно обширную совокупность основных начал уголовно-процессуальной деятельности [1, 2, 3].

Сущность и значение принципов, обуславливающих уголовно-процессуальную деятельность, имеют дискуссионный характер. Многие спорные обстоятельства основываются на общетеоретической неопределенности понятия «принцип» и возможности его адекватного восприятия в такой специфической правовой деятельности, как уголовно-процессуальная.

Каждая правовая отрасль обладает своими, присущими только ей юридическими признаками, к их числу принято относить предмет, метод и

механизм правового регулирования, отраслевой режим, правовой статус субъектов и др. Наряду с этими признаками, полагаем, немаловажную роль в установлении специфики правового регулирования правоотношений играет совокупность отраслевых принципов.

На примере уголовно-процессуального права можно наглядно продемонстрировать разнородный характер принципов, обладающих основополагающим значением для формирования всей отрасли права.

Теоретически обоснованной представляется позиция, в соответствии с которой общеправовые (общие) принципы присущи всем отраслям права. Они отражают природу, качественное своеобразие права в целом. К таковым относятся принципы гуманизма, равенства граждан перед законом, демократизма, законности и справедливости [4, с. 134–137].

Наряду с общими принципами основу уголовного судопроизводства образуют отраслевые принципы. М.С. Строгович, определяя понятие принципов, в свое время писал, что

это уголовно-процессуальные нормы общего и определяющего характера в отношении других уголовно-процессуальных норм, «они получают конкретизацию и детализацию в более частных процессуальных нормах, относящихся к отдельным институтам уголовного процесса и к отдельным его стадиям» [5, с. 54]. Данное определение основывается не только на таких характерных понятиях, как «общность», «определяющий характер», но также его содержание включает свойства «конкретизация» и «детализация».

Данное определение стало хрестоматийным, именно оно лежит в основе определений принципов уголовного судопроизводства, которые дают современные ученые. Например, преемственность очевидна в следующем определении: «Принципы уголовного судопроизводства, – пишет О.В. Качалова, – общие руководящие, исходные положения, определяющие наиболее существенные стороны уголовно-процессуальной деятельности, построение всех стадий уголовного судопроизводства, содержание всех его форм и институтов, обеспечивающее достижение задач уголовного процесса» [6, с. 106].

Наряду с вопросом о понятии принципа в уголовном судопроизводстве, полагаем, немаловажное значение имеет вопрос о способах выражения основополагающей идеи. Уголовное судопроизводство имеет императивный характер правового регулирования, и его метод не позволяет использовать в уголовно-процессуальной деятельности положения, не закрепленные нормативно.

Вопрос о нормативном закреплении принципов и способах их выражения в законодательстве имеет существенную значимость, поскольку именно принципы определяют содержание уголовно-процессуального регулирования, выступают основой для выделения специфического направления в уголовном судопроизводстве.

Одним из существенных признаков выступают границы распространения действия определенного принципа, связываемые с моментами начала и окончания процессуальной деятельности.

Данная мысль, имеющая достаточно широкое распространение в науке уголовного процесса, в настоящее время нам представляется не вполне верной. Развитие современного уголовного судопроизводства осуществляется в основном за счет расширения дифференцированных форм отдельных процессуальных действий, а также путем введения в уголовное судопроизводство новых процессуальных форм. Например, введена сокращенная форма дознания, появилось досудебное соглашение о сотрудничестве, качественно изменилась процессуальная форма

всех этапов пересмотра судебных решений и т.д. В связи с этим считаем, что принцип в уголовном судопроизводстве может иметь основополагающее значение не для всего уголовного судопроизводства, а для отдельных его этапов или форм. Аргументировать это можно следующим.

1. Не все принципы, которые в настоящее время указаны в гл. 2 УПК РФ, распространяют свое действие на все этапы уголовного судопроизводства. Например, презумпция невиновности действует только до вступления приговора в законную силу. В стадиях пересмотра приговора, вступившего в законную силу (кассационного и надзорного производства), исполнения приговора этот принцип не действует. Но можно привести примеры и тех процессуальных этапов, которые, находясь в пределах действия презумпции невиновности, тем не менее исключают возможность рассмотрения этой идеи как принципа. Например, досудебное соглашение о сотрудничестве предполагает признание подозреваемым, обвиняемым вины в совершении преступления и содействие в раскрытии преступления, изобличении иных соучастников в его совершении, розыске похищенного имущества. На практике это означает, что в досудебном соглашении указываются такие условия, как правдивые показания, добровольное участие в следственных действиях, в том числе в очных ставках и т.д. Получается, что еще задолго до вынесения приговора и вступления его в законную силу происходит фактический отказ лица (отметим, что добровольный) от всех условий презумпции невиновности. Таким образом, не все существующие принципы отличаются универсальным характером.

2. Универсальность принципов обуславливается возможностью выделить в содержании всех без исключения этапов уголовного судопроизводства элементы, которые основываются на соответствующей идее. Например, назначение уголовного судопроизводства, раскрываемое в самом общем виде как защита прав его участников, в равной степени имеет свое выражение и в стадии возбуждения уголовного дела, и в стадии надзорного пересмотра судебных решений. Так, в стадии возбуждения уголовного дела следователь обязан принимать меры к защите прав участников путем разъяснения этих прав, обеспечения возможности их осуществления. Аналогичной обязанностью наделена и надзорная инстанция. Назначение уголовного судопроизводства также не изменяет своего содержания и характера в зависимости от применяемой формы процессуального действия, т.е. дифференциация процедуры не приводит к

изменению ее (процедуры) назначения. Таким образом, признак универсальности определяется в зависимости от наличия специального процессуального регулирования, находящегося в причинно-следственной связи с определенной идеей.

3. Если есть свойство, которым обладают некоторые, а не все принципы, то, следовательно, появляется возможность их классификации. Из числа принципов, указанных в гл. 2 УПК РФ, универсальными идеями следует рассматривать следующие: назначение уголовного судопроизводства, разумный срок уголовного судопроизводства, законность при производстве по уголовному делу, уважение чести и достоинства личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, тайна переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту, свобода оценки доказательств, язык уголовного судопроизводства, право на обжалование процессуальных действий и решений. Перечисленные идеи имеют свое логическое продолжение и нормативное выражение в процессуальных нормах во всех без исключения стадиях и этапах, а также особых производствах и дифференцированных процессуальных формах.

В теории права выделяются общеправовые, межотраслевые принципы, принципы правовых институтов [7, с. 187–188].

Предпринимаются попытки различных классификаций принципов. Так, О.Е. Суркова, выделяет «общеправовые, межотраслевые, отраслевые принципы, принципы отраслей законодательства, комплексов юридических норм... принципы отдельных институтов» [8, с. 7]. Возможность проведения такой классификации поддерживает В.В. Ершов, который разграничивает принципы российского права по сферам общественных отношений на «общие (основополагающие), межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных отраслевых институтов» [9, с. 99].

В приведенных позициях отметим важное обстоятельство: ученые выделяют и обосновывают существование локальных принципов, определяющих содержание не всей системы, а только ее отдельных элементов. Применительно к уголовно-процессуальному праву такой способ классификации принципов позволяет выделять идеи, создающие основу регулирования относительно самостоятельной группы правовых отношений. Этот фактор является дополнительным аргументом в обосновании нашей позиции о возможности выделения группы идей,

имеющих характер принципов уголовного судопроизводства, применимых для регулирования не всей совокупности уголовно-процессуальных правоотношений, а только отдельной их группы, обладающей свойствами однородности и относительной самостоятельности.

Иными словами, на современном уровне развития уголовно-процессуального права существует практическая целесообразность и теоретическая возможность выделения принципов, создающих основу для формирования и развития отдельных уголовно-процессуальных институтов. Таким образом, мы приходим к закономерному выводу о возможности существования принципов института пересмотра приговора суда. Наличие принципов, создающих основу данного института, позволяет, во-первых, выдвинуть дополнительное основание в пользу формирования отдельного процессуального института, регулирующего уголовно-процессуальные отношения, возникающие, развивающиеся и изменяющиеся в связи с пересмотром приговоров суда, во-вторых, определить особенности правового регулирования указанных уголовно-процессуальных правоотношений, в-третьих, создать заверченный, отличающийся единой направленностью, самостоятельностью комплекс нормативного регулирования пересмотра приговоров суда.

Вопрос о выделении принципов отдельных правовых институтов в теории уголовного процесса относится к категории дискуссионных.

Так, Б.Г. Бардамов придерживается позиции, в соответствии с которой «наличие общих принципов уголовного процесса исключает возможность конструирования принципов для отдельных стадий» [10, с. 81]. В.Д. Потапов также «категорически против выделения “принципов”, которые действуют исключительно на одной или нескольких стадиях и неизвестно как взаимодействуют с принципами в целом процесса, нашедшими свое отражение в нормах гл. 2 УПК РФ» [11, с. 33].

Вместе с тем, еще в 1985 г. выделена и убедительно обоснована совокупность принципов отдельных институтов в работе Г.А. Свердлык [12]. Д.А. Степаненко, исследуя принципы криминалистики, приходит к выводу о существовании принципов различных отраслей и направлений, в частности принципов института криминалистической идентификации [13, с. 35].

В теории уголовно-процессуального права А.В. Смирнов высказывает мнение, согласно которому принципы состязательного судопроизводства «взаимосвязаны и составляют единую иерархическую систему... Однако именно потому,

что они составляют систему, не все принципы абсолютно равнозначны» [14, с. 62]. Далее он отмечает, что есть «принципы меньшей степени общности, которые производны от начал-максим. Сфера их приложения относительно ограничена – они управляют не всеми институтами судопроизводства, а только теми, которые к ним непосредственно относятся. Их поэтому можно охарактеризовать как институциональные принципы судопроизводства» [14, с. 62].

По нашему мнению, в гл. 2 УПК РФ должны закрепляться общеправовые и отраслевые принципы. Принципы же отдельных правовых институтов (институциональные, внутриотраслевые) заслуживают своего отдельного места. Представляется, что вполне логичным было бы закреплять их нормативно в начале соответствующего раздела УПК РФ, содержащего нормативное регулирование определенной сферы уголовно-процессуальных правоотношений.

Процесс нормативного закрепления и законодательного выражения принципов уголовного судопроизводства должен иметь свое продолжение. В качестве одного из основных его направлений, по нашему мнению, следует рассматривать разработку принципов отдельных процессуальных институтов. Институциональные принципы необходимы для решения многих теоретических вопросов и практических проблем.

Пересмотр приговоров базируется на тех же основных принципах, на которых строится весь уголовный процесс: законности, справедливости, состязательности, равноправия сторон и др. Вместе с тем, в условиях производства по пересмотру приговоров, представленного в виде системы судебных стадий, общеправовые и отраслевые принципы наполняются особым содержанием, изменяется их значение и процес-

суальная роль. На первый план выходят такие ранее практически не работающие принципы, как инстанционность, авторитетность состоявшегося судебного решения, недопущение повторного рассмотрения одного и того же спора дважды и др.

Подводя некоторые итоги, отметим основные положения.

1. В основе уголовного судопроизводства находится совокупность принципов, отличающихся сферой действия. По этому критерию можно выделить общеправовые и отраслевые принципы, распространяющие свое действие на все этапы уголовно-процессуальной деятельности и обладающие универсальностью применения. Особую группу образуют институциональные принципы, распространяющие свое действие в рамках отдельных процессуальных институтов.

2. Наличие институциональных принципов составляет предпосылку формирования соответствующего процессуального института.

3. Наличие или отсутствие буквального нормативного выражения принципа в тексте уголовно-процессуального закона не свидетельствует о его большей или меньшей степени развитости. Буквальное нормативное закрепление свидетельствует о придаваемой принципу значимости с точки зрения законодателя и в этом отношении представляется оценочной категорией с преобладающим субъективным фактором.

4. Возможность выделения идей и формирования их системы, выражающей особенности осуществления процессуальных действий и принятия процессуальных решений применительно к такой сфере, как пересмотр приговоров, свидетельствует о возможности, целесообразности и необходимости выделения соответствующего нормативного регулирования в отдельный самостоятельный процессуальный институт.

1. Михайловский И.В. Основные принципы организации уголовного суда. Томск, 1905.

2. Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям. Петроград, 1916.

3. Потапов В.А. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства России. М., 2012.

4. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 2000.

5. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968.

1. Mikhailovsky I.V. Basic principles of criminal court organization. Tomsk, 1905.

2. Rozin N.N. Criminal justice: guide to the lectures. Petrograd, 1916.

3. Potapov V.A. The basic principles of inspection judgments in control and validation stages of the criminal proceedings and industries of Russia. M., 2012.

4. General theory of state and law / ed. by V.V. Lazarev. M., 2000.

5. Strogovich M.S. Course of soviet criminal procedure: in 2 vol. Vol. 1. Main points of the soviet science of criminal proceedings. M., 1968.

6. Качалова О.В. Принципы уголовного процесса // Уголовно-процессуальное право: учеб. / под общ. ред. В.М. Лебедева. М., 2012.
7. Кожевников С.Н. Проблемы теории права: понятие, сущность, система, правотворчество и правовое регулирование: курс лекций. Н. Новгород, 2004.
8. Суркова О.Е. Факторы формирования и реализации принципов права: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2004.
9. Ершов В.В. Юридическая природа общих и гражданско-правовых принципов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
10. Бардамов Б.Г. Сущность, содержание и значение кассационного производства в Российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2006.
11. Потапов В.Д. Основные начала проверки судебных решений в контрольно-проверочных стадиях и производствах уголовного судопроизводства. М., 2012.
12. Свердлык Г.А. Принципы советского гражданского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1985.
13. Степаненко Д.А. Криминалистическая идентификация. Понятие. Принципы. Технологии. Иркутск, 2005.
14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учеб. 3-е изд. М., 2007.
6. Kachalova O.V. Principles of due process // Criminal law: textbook / ed. by V.M. Lebedev. M., 2012.
7. Kozhevnikov S.N. Problems of the theory of law: concept, essence of the system, lawmaking and regulation right: course of lectures. N. Novgorod, 2004.
8. Surkov O.E. Factors of formation and implementation of the principles of law: dis. ... Master of Law. Samara, 2004.
9. Ershov V.V. Legal nature of the common and civil law principles: diss. ... Dr of Law. M., 2009.
10. Bardamov B.G. Essence, content and meaning of the appeal proceedings in russian criminal trial: diss. ... Master of Law. Irkutsk, 2006.
11. Potapov V.D. The basic principles of inspection judgments in control and validation and production stages of criminal proceedings. M., 2012.
12. Sverdlyk G.A. Principles of soviet civil law: diss. ... Master of Law. Sverdlovsk, 1985.
13. Stepanenko D.A. Criminological identification. Concept. Principles. Technology. Irkutsk, 2005.
14. Smirnov A.V., Kalinowski K.B. Criminal procedure: textbook. 3rd ed. M., 2007.

Салпагаров Сослан Исламович
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583757)

Прекращение уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием как компромиссные процедуры в судопроизводстве (история становления и развития российского уголовно-процессуального законодательства)

В статье проведен краткий исторический анализ становления и развития компромиссных процедур при прекращении уголовного дела и уголовного преследования в российском уголовно-процессуальном законодательстве. Автором сравниваются ранее существовавшие институты прекращения уголовного дела и уголовного преследования при примирении сторон и деятельном раскаянии на основе компромисса с современными институтами прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Анализируется новый процессуальный институт прекращения уголовного преследования при совершении налоговых преступлений. Рассмотрены условия, способствующие дальнейшему развитию компромиссных процедур в современном уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: компромиссные процедуры, прекращение уголовного дела (преследования), примирение сторон, деятельное раскаяние, налоговые преступления, уголовный процесс.

S.I. Salpagarov, Adjunct of a Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583757.

Termination of criminal proceedings (persecution) in connection with reconciliation of the parties and active repentance as a compromise procedure in proceedings (history of formation and development of russian criminal procedural legislation)

The article provides a brief historical analysis of the formation and development of the compromise of the procedures for the termination of the criminal in russian criminal procedure legislation. The article gives a comparison of pre-existing institutions termination of the criminal case and the criminal prosecution in case of reconciliation of the parties and the active repentance on the basis of a compromise with modern institutions termination of the criminal proceedings and criminal prosecution. New procedural institute of termination of criminal prosecution when committing tax crimes is analyzed. Conditions to further development of trade-off procedures in the modern criminal proceedings are considered.

Key words: compromise procedures, termination of criminal proceedings (persecution), reconciliation, active repentance, tax crimes, criminal process.

Компромиссные процедуры уголовного судопроизводства в современном российском уголовном процессе сформировались в результате длительного исторического процесса дифференциации его форм.

Как известно, древнерусский процесс имел явно выраженный частно-исковой характер. Уголовное дело могло быть начато только по жалобе либо самого потерпевшего от преступного деяния, либо его семьи [1, с. 68]. В Псковской

судной грамоте (1397 г.) устанавливалась возможность примирения потерпевшего и виновного до обращения в суд. При этом они могли вступить в соглашение как непосредственно, так и через посредника. Условием примирения являлось возмещение вреда и просьба о прощении. Судебник 1550 г. также допускал возможность мирного разрешения уголовно-правового конфликта путем примирения после обращения в суд [2].

Следующий период в истории российского уголовного процесса, продолжавшийся с конца XIV в. и до середины XIX в., характеризуется усилением, а впоследствии и доминированием розыскного начала в уголовном судопроизводстве. На этом этапе участие частных лиц в качестве обвинителей устраняется, уголовное дело рассматривается без участия потерпевшего, примирение с потерпевшим в большинстве случаев запрещается, но в то же время, будучи разрешенным по резко ограниченному кругу дел, примирение играет роль обстоятельства, влекущего освобождение от наказания или смягчающего его.

С введением в действие в 1864 г. Устава Уголовных Судопроизводств (далее – УСС) в российском уголовном процессе произошли существенные изменения. Так, в соответствии с УУС 1864 г. органы государственного обвинения не осуществляли уголовное преследование по делам частного обвинения; дела частного обвинения возбуждались только вследствие жалобы потерпевшего и прекращались примирением. При этом примирение не было обусловлено возмещением вреда [2].

Согласно ст. 155, 157 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. примирение сторон рассматривалось как одно из обстоятельств, «погашающих наказание», определенное приговором. При этом примирение влекло обязательную отмену судом наказания, которое было назначено виновному [2].

Как отмечает Ю.В. Кувалдина, в первые годы после революции в уголовно-процессуальном законодательстве также предусматривалась возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим. Так, ст. 4 УПК РСФСР 1922 г. устанавливала возможность прекращения дела, возбуждаемого не иначе как по жалобе потерпевшего, за примирением обвиняемого с потерпевшим до вступления приговора в законную силу [3, с. 41].

Таким образом, рассмотренные нами разные исторические периоды показали, что институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон всегда рассматривался законодателем как один из возможных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов до передачи дела в суд. Главным фактором, сближающим ранее действовавшие институты с современными, является то, что их применение основывалось на согласии сторон. В связи с этим данные институты могут рассматриваться в качестве исторических предпосылок для возникновения в современном уголовно-процессуальном законодательстве

подобных компромиссных процедур. В то же время необходимо отметить, что согласно ст. 25 УПК РФ волеизъявление потерпевшего или его законного представителя о примирении не обуславливает обязанность органов, осуществляющих уголовное преследование, или суда прекратить уголовное дело.

Как показал проведенный анализ, в рассматриваемых институтах имеются и определенные различия: во-первых, институт примирения в дореволюционном законодательстве был рассчитан на дела о преступлениях, возбуждаемых не иначе как по жалобе потерпевшего, т.е. на дела частного и частно-публичного обвинения, в советском уголовном процессе он распространялся только на дела частного обвинения, в современном российском уголовном процессе действие института прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон распространяется на дела частного, частно-публичного и публичного обвинения, если они относятся к преступлениям небольшой и средней тяжести; во-вторых, ранее существовавшее законодательство, в отличие от действующего УПК РФ не предусматривало в качестве обязательного условия прекращения дела в связи с примирением сторон совершение преступления впервые; в-третьих, если в современном уголовном процессе юридическое значение имеет лишь примирение, которое достигнуто сторонами до постановления приговора, то примирение по дореволюционному законодательству и первым советским кодексам возможно было до вступления приговора в законную силу.

В первых советских УПК и УК примирение по делам частного обвинения не связывалось с условием возмещения вреда, причиненного преступлением. Возложение обязанности загладить такой вред рассматривалось в качестве самостоятельного вида наказания. Можно полностью согласиться с мнением Ю.В. Кувалдиной, считающей, что указанные положения с определенными доработками можно было вернуть в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации [3, с. 43].

В советский период УПК РСФСР 1960 г. также были предусмотрены определенные компромиссные процедуры по досудебному прекращению уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Так, например, прекращение уголовного дела по ст. 7–9 УПК РСФСР [4] применялось в случаях, когда преступное деяние и лицо, его совершившее, не являлись общественно опасными, а цель исправления могла быть достигнута без назначения наказания, т.е. речь шла о малозначительности деяния, которое

в силу этого не является преступлением. Таким образом, в советском уголовном процессе это были первые институты прекращения уголовного дела на основе компромисса.

Рассматриваемые компромиссные процедуры, предусмотренные УПК РСФСР 1960 г., имеют определенное сходство с современными основаниями прекращения дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25 и 28 УПК РФ. В частности, похожей является такая реакция государства на преступление, как отказ от привлечения к уголовной ответственности, возможный лишь при доказанности факта совершения преступления конкретным лицом. Статьи 6.1–9 УПК РСФСР предоставляли лицу, совершившему преступление, право возражать против прекращения уголовного дела и обжаловать соответствующее постановление.

Вместе с тем, между рассматриваемыми институтами есть и значительные различия. Различия эти касаются, прежде всего, оснований прекращения дела.

В ст. 6.1–9 УПК РСФСР основания прекращения дела определялись несколько упрощенно: утрата преступным деянием или лицом общественной опасности, возможность исправления и перевоспитания лица без применения мер уголовного наказания.

В ст. 25 и 28 УПК РФ законодателем предельно четко и конкретно определены основания прекращения уголовного дела (преследования). В соответствии с данными статьями виновное лицо должно совершить положительные посткриминальные действия до того, как органами уголовного преследования или судом будет принято решение о прекращении дела или уголовного преследования. В ранее действовавших институтах если и предполагалось совершение таких действий, то ни основанием, ни условием прекращения дела это не являлось. Прекращение уголовного дела с передачей лица на поруки допускалось также при условии, что лицо признало свою вину в совершении преступления. Статьи 25 и 28 УПК РФ прямо такого условия прекращения уголовного дела (преследования) не предусматривают.

Предпринятый ретроспективный анализ истории развития отечественного уголовного процесса дает основания сделать вывод о том, что в нем, как в досоветский, так и в советский периоды, предусматривались компромиссные процедуры, направленные на прекращение уголовного дела (преследования) без передачи дела в суд.

В ходе проведения судебно-правовой реформы в 1996 г. был принят новый УК РФ, на

основе положения которого было продолжено совершенствование компромиссных процедур в уголовном процессе на стадиях предварительного расследования. Это выразилось, прежде всего, в полном пересмотре всего института прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям. Так, Законом от 21 декабря 1996 г. № 160-ФЗ были исключены нормы, устанавливающие возможность прекращения уголовных дел с применением к виновным мер административного и общественного воздействия, как это было в УПК РСФСР. В то же время были введены новые виды прекращения дел по нереабилитирующим основаниям: в связи с деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим (ст. 7, 9 УПК РСФСР). Изменив редакцию ст. 7 УПК РСФСР и приведя ее в соответствие со ст. 76 УК РФ, законодатель закрепил условия, при которых раскаяние можно считать деятельным, отнеся к ним явку с повинной, помощь в раскрытии преступления, возмещение ущерба или иное заглаживание вреда.

Представляется, что возможность освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, а также гарантии смягчения наказания, предусмотренные п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, которые предусматривают активное содействие раскрытию и расследованию преступления, изобличение и уголовное преследование других соучастников преступления в обмен на прекращение уголовного дела, позволяют считать данный институт, который закреплялся ст. 7 УПК РСФСР, компромиссным.

В то же время совершенствование УПК РСФСР, проводимое путем внесения в него многочисленных изменений, не могло удовлетворить законодателя. Требовался совершенно новый уголовно-процессуальный закон, который бы в полной мере основывался на Конституции РФ, общепризнанных принципах и нормах международного права, новом УК РФ (1996 г).

Исходя из этого, в действующем УПК РФ законодателем одновременно с обычной предусмотрены и дифференцированные уголовно-процессуальные формы. При этом реакция государства на некоторые преступления вследствие достигнутого сторонами компромисса при уголовно-правовом конфликте отличается от традиционной [3, с. 77]. Речь идет об институтах прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренных ст. 25, 28, 28.1 УПК РФ.

Новый уголовно-процессуальный закон, принятый в результате проводимой судебно-правовой реформы, внес некоторые новые элементы в развитие российского уголовно-процессуаль-

ного законодательства на основе компромисса. К таким элементам можно отнести, прежде всего, изменения в институтах прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием.

Статья 25 УПК РФ предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, а не с потерпевшим, как это имело место в ст. 9 УПК РСФСР. Представляется, что данное название статьи более точно отражает суть примирения как двустороннего акта, т.е. соглашения между обвиняемым и потерпевшим. Бесспорно и то, что инициатива примирения должна исходить от обвиняемого, но именно от потерпевшего зависит, изменит ли он свое отношение к обвиняемому и совершенному им преступному деянию. Статья 9 УПК РСФСР определяла, что право обратиться с заявлением о прекращении дела имеет только потерпевший [5]. В настоящее время в ст. 25 УПК РФ это право предоставлено и его законному представителю.

Статьи 7 и 9 УПК РСФСР, ст. 25 и 28 УПК РФ в редакции ФЗ № 174-ФЗ от 18 декабря 2001 г. называли одним из условий прекращения уголовного дела (уголовного преследования) совершение преступления лицом впервые, однако Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ эта формулировка была исключена из ст. 25 и 28 УПК РФ, но в то же время в данных статьях появилась ссылка на ст. 75 и 76 УК РФ, которые данное условие предусматривают и в настоящее время. Особо необходимо отметить и такое изменение, осуществленное законодателем, как разграничение оснований прекращения уголовного дела (ст. 25 УПК РФ) и оснований прекращения уголовного преследования (ст. 28 и 28.1 УПК РФ).

В то же время можно констатировать, что с принятием УПК РФ судебно-правовая реформа в части, касающейся развития компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве, получила свое продолжение. Именно успешное применение, ранее закрепленных в УПК РФ компромиссных процедур, обусловило принятие законодателем некоторых новых процессуальных форм прекращения уголовного преследования.

Так, в 2009 г. в УПК РФ законодателем введен новый процессуальный институт – прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ч. 1. ст. 28.1). Поправки в УПК РФ, внесенные Законом от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ, вызвали неоднозначную реакцию со стороны отдельных теоретиков [6, с. 97].

В связи с этим необходимо рассмотреть новый институт прекращения уголовного преследо-

вания по делам, связанным с экономической деятельностью, в том числе с нарушением законодательства о налогах и сборах, и его место в системе компромиссных моделей судопроизводства, получающих все большее развитие в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

Прекращение уголовного преследования в случае, предусмотренном ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ, поставлено законодателем в зависимость от характера посткриминальных действий лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 198–199.1 УК РФ.

Реакция государства на налоговые преступления отличается своими особенностями, т.к. виновному лицу предлагается в полном объеме возместить ущерб, причиненный бюджетной системе РФ. Так, в случае уплаты подозреваемым или обвиняемым недоимки в размере, установленном налоговым органом в решении о привлечении к ответственности, вступившем в силу, соответствующих пеней и штрафов и его согласии на прекращение уголовного преследования уголовная ответственность не наступает, уголовное преследование в отношении такого лица прекращается по нереабилитирующему основанию. При этом лицо не может быть принуждено к совершению поощряемых государством действий и достижению определенных им результатов. Такие действия могут быть лишь добровольными.

Вышесказанное свидетельствует о том, что, во-первых, налицо компромиссный характер процедуры, описанной в ст. 28.1 УПК РФ, во-вторых, данная статья имеет явное сходство с институтами, предусмотренными ст. 25 и 28 УПК РФ. Для прекращения уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ требуется признание вины и возмещение ущерба, причиненного российской бюджетной системе, т.е. это возмещение определяется законодателем несколько иначе, чем в институтах, урегулированных ст. 25 и 28 УПК РФ.

В то же время необходимо отметить, что законодателем необоснованно ограничено прекращение уголовного преследования по ст. 28.1 УПК РФ по сфере действия по стадиям: оно может быть прекращено только на досудебных стадиях уголовного процесса. Так, согласно ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ возмещение ущерба, причиненного в результате преступления, признается основанием для прекращения уголовного преследования только тогда, когда оно состоялось до окончания предварительного следствия.

И.Н. Соловьев подчеркивает, что это правило вступает в противоречие с примечаниями к

ст. 198, 199 УК РФ, подобного ограничения не устанавливающих. Статьи 25 и 28 УПК РФ также допускают прекращение уголовного дела (уголовного преследования) в связи с примирением сторон или деятельным раскаянием как в досудебном, так и в судебном производстве [7, с. 41].

В связи с этим необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении № 19 от 27 июня 2013 г. «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [8] дал следующее разъяснение рассматриваемой ситуации: «частичное возмещение ущерба, равно как и полное возмещение ущерба, произведенное после назначения судом первой инстанции судебного заседания, может быть учтено в качестве обстоятельства, смягчающего наказание».

Кроме того, как отметил Пленум Верховного Суда РФ, «В случае совершения преступления небольшой или средней тяжести в сфере экономической деятельности выполнение не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, препятствует освобождению лица от уголовной ответственности по правилам не только указанной нормы, но и статей 75 и 76 УК РФ» [8].

Представляется необходимым отметить и то обстоятельство, что законодателем по-разному осуществлено правовое регулирование и значение волеизъявления обвиняемого на прекращение уголовного дела. Так, в соответствии со ст. 25, 28 УПК РФ, если стороны примирились или лицо деятельно раскаялось в совершении преступления, прекращение в отношении него уголовного дела или уголовного преследования осуществляется по усмотрению суда, следователя, дознавателя с согласия прокурора. В то же время, если лицо возместило в полном объеме вред, причиненный налоговым преступлением, прекращение уголовного преследования является их обязанностью (ч. 1 ст. 28.1 УПК РФ). Логично было бы то, что законодателю именно норму ст. 28.1 УПК об обязательном прекращении уголовного преследования можно использовать при осуществлении дальнейшей работы над нормами, закрепленными ст. 25 и 28 УПК РФ, соблюдая при этом все иные условия, установленные этими статьями, в том числе получение

согласия потерпевшего на прекращение дела по нереабилитирующему основанию.

При прекращении уголовного преследования по делу о налоговом преступлении нет фигуры потерпевшего. Государство проявляет снисхождение к недобросовестному плательщику налогов и прощает его в обмен на самостоятельное добровольное возмещение лицом вменяемых сумм сокрытого налога.

Лицу, впервые совершившему налоговое преступление, законодатель дает возможность достойно выйти из уголовно-правового конфликта, ресоциализации субъекта без применения к нему уголовной репрессии и поощряет добровольное возмещение причиненного преступным деянием вреда. Именно эти меры практически полностью свойственны и институту деятельного раскаяния.

Таким образом, проведенный анализ истории становления и развития компромиссных процедур в российском уголовно-процессуальном законодательстве позволяет прийти к выводу о том, что такие компромиссные процедуры, как прекращение уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон и деятельным раскаянием, представляют собой дифференцированные формы уголовного судопроизводства, в которых уголовно-правовой конфликт разрешается на условиях, удовлетворяющих интересы как обвиняемого, так и потерпевшего, что исключает необходимость прохождения дела по всем стадиям уголовного процесса или проведение отдельных его этапов.

В истории развития отечественного уголовного процесса и ранее существовали основанные на компромиссе процедуры. Так, традиционным является институт прекращения дела в связи с примирением сторон, смягчающими наказание обстоятельствами признавались действия лица, образующие в современном понимании деятельное раскаяние.

С учетом отечественного исторического опыта, вносимых в УПК РФ в последнее время изменений, появляется возможность дальнейшего совершенствования и расширения возможностей использования компромиссных процедур в уголовном судопроизводстве как одного из способов прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

1. Максудов Р.Г. Институт примирения в уголовном процессе: необходимость и условия развития // Уголовное право. 1998. № 1.

1. Maksudov R.G. Institute of reconciliation in criminal proceedings: necessity and conditions development // Criminal law. 1998. № 1.

2. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М., 1995.

3. Кувалдина Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2011.

4. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. URL: // <http://www.base.consultant.ru>

5. Лянго Л.Н. Проблемы прекращения уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

6. Александров А. Прекращение уголовного преследования по делам, связанным с нарушением законодательства о налогах и сборах (ст. 28.1 УПК) // Уголовное право. 2010. № 2.

7. Соловьев И.Н. Новые веяния по декриминализации противоправных действий в сфере налогообложения // Финансовое право. 2010. № 1.

8. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27 июня 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

2. Russian legislation X–XX centuries: in 9 vol. / ed. by O.I. Chistyakov. M., 1995.

3. Kuvaldina Yu.V. Prerequisites and prospects of development of compromise ways to resolve criminal conflicts in Russia: diss. ... Master of Law. Samara, 2011.

4. Code of criminal procedure of RSFSR 1960. URL: // <http://www.base.consultant.ru>

5. Lango L.N. Problems of termination of criminal case in connection with reconciliation with the victim: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2000.

6. Aleksandrov A. Termination of criminal prosecution of cases relating to violation of legislation on taxes and fees (art. 28.1 CPC) // Criminal Law. 2010. № 2.

7. Soloviev I.N. New trends on the decriminalization of illegal activities in the sphere of taxation // Financial law. № 1.

8. About application by courts of legislation regulating the grounds and procedure of exemption from criminal liability: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 of June 27, 2013 // HLC «ConsultantPlus».

Горбунов Денис Владимировичсоискатель кафедры уголовного процесса
Кубанского государственного аграрного университета
(e-mail: denkom.poc@mail.ru)

Оценка показаний потерпевшего в уголовном процессе

В статье рассматриваются проблемные вопросы сущности, понятия и значения оценки показаний потерпевшего в уголовном процессе.

Ключевые слова: показания потерпевшего, доказательства в уголовном процессе, оценка показаний потерпевшего, оценка доказательств.

D.V. Gorbunov, Competitor of a Chair of Criminal Procedure of the Kuban State Agrarian University;
e-mail: denkom.poc@mail.ru

Assessment of a victim's evidences in criminal procedure

The problematic questions of nature, concept and meanings of a victim's evidences in criminal procedure are considered in the article.

Key words: victim's evidences, evidences in criminal procedure, assessment of a victim's evidences, assessment of evidences.

Оценка показаний потерпевшего при производстве по уголовным делам должна быть направлена на определение их относимости, допустимости, достоверности и в совокупности со всеми доказательствами – достаточности для разрешения уголовного дела.

В п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ содержится запрет на использование в качестве допустимых доказательств показаний потерпевшего, свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе, а также показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности. Совершенно очевидно, что основаниями данных положений являются, во-первых, вывод о том, что доказательством могут служить лишь сведения о конкретных обстоятельствах уголовного дела, но не предположения и догадки, и, во-вторых, что сведения, основанные на слухах или полученные из неизвестных источников, весьма ненадежны, а их проверка часто бывает крайне затруднительна. В таком случае не вызывает сомнений, что указанные основания не имеют связи с допустимостью доказательств, т.е. с требованием соблюдения процессуальной формы их получения. В п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ речь идет о требованиях, предъявляемых к содержанию уголовно-процессуальных доказательств, а именно к их достоверности и относимости. Значит, рассматриваемые положения должны быть исключены из ст. 75 УПК РФ. Их логичнее всего поместить в норму, посвященную правилам оценки доказательств. Формулировка же

п. 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ предусматривает, что к недопустимым доказательствам относятся иные доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ. Законодательная неопределенность в вопросе того, какие нарушения процессуальных предписаний влекут недопустимость полученных сведений в качестве доказательств, обусловлена объективными причинами, в частности невозможностью предусмотреть все нарушения процессуальной формы, влияющие на признание полученных доказательств недопустимыми. Насколько бы детально ни регламентировалось в уголовно-процессуальном законе производство по уголовным делам, он объективно не способен предусмотреть все жизненные ситуации, которые могут повлечь невозможность использования сведений в качестве доказательств. Вместе с тем, отсутствие в УПК РФ указаний на исчерпывающий перечень условий, при которых доказательства должны признаваться не имеющими юридической силы, вызывает сложности при использовании правовых предписаний и не способствует их единообразному применению на практике. Поэтому следует обращать внимание на имеющие место в науке уголовного процесса рекомендации о таких нарушениях уголовно-процессуальной формы, которые влекут признание полученной информации недопустимой для использования в качестве доказательств.

Оценка показаний потерпевшего по вопросу относимости касается их содержания. Так, некоторые авторы считают, что относимость доказа-

тельств – это способность доказательств своим содержанием служить средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела [1, с. 85–88; 2, с. 122; 3, с. 40; 4, с. 20]. В частности, Л.В. Клейман указывает, что относимость доказательств – это обязательное правовое свойство, отражающее способность доказательства прямо или косвенно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, в силу объективных связей между ними [5, с. 11]. Другие ученые определяют относимость доказательств как признак, указывающий на наличие искомой связи между доказательственной информацией и обстоятельствами, подлежащими доказыванию [6, с. 104; 7, с. 6; 8, с. 148; 9, с. 46; 10, с. 121–123]. Причем нередко подчеркивается объективный характер этой связи [11, с. 434–436; 12, с. 325]. Например, Н.А. Громов и С.А. Зайцева утверждают, что относимость доказательств – внутренне присущее свойство доказательств, выражающее объективную связь фактических данных с обстоятельствами исследуемого конкретного уголовного дела, которые были приобретены их носителем в результате взаимодействия с выясняемым по делу фактом и обладают в силу этого способностью указывать на этот факт [13, с. 64].

На наш взгляд, доводы сторонников такой позиции более последовательны, поскольку при определении относимости доказательств через способность своим содержанием служить средством познания фактов прошлого нет четкого разграничения указанной категории от другого элемента оценки доказательств – их достаточности. Выявление возможностей того или иного доказательства быть средством установления обстоятельств осуществляется в процессе оценки всех собранных доказательств при решении вопроса об их достаточности для правильного разрешения уголовного дела [14, с. 15–43]. Поэтому не совсем логично относимость доказательств считать способностью их содержания устанавливать искомые факты, т.к. эту роль выполняет достаточность доказательств. В связи с этим и оценка относимости доказательств должна означать только наличие связи (отношения) между их содержанием и обстоятельствами, подлежащими доказыванию по уголовному делу.

При оценке относимости показаний потерпевшего необходимо обратить внимание на то, что содержание данного доказательства должно находиться в объективной связи с определенными обстоятельствами уголовного дела. Это следует из прямого законодательного предписания, содержащегося в ст. 74, 73 УПК РФ, закрепля-

ющего, соответственно, понятия доказательств и содержание предмета доказывания.

Переходя к рассмотрению проблемы оценки показаний потерпевшего с позиций их достоверности, необходимо отметить, что в процессе доказывания по уголовному делу оценка каждого доказательства с точки зрения его достоверности имеет большое значение. Именно в результате такой оценки происходит определение того, соответствует ли действительности то или иное доказательство. Признание же доказательства достоверным является одним из условий, позволяющих установить виновность или невиновность лица в совершении преступления, а также другие обстоятельства совершенного преступления.

Определение достоверности показаний потерпевшего необходимо связывать с достижением такого результата их проверки и оценки, при котором возможно сделать единственно правильный вывод о соответствии полученных сведений объективной действительности.

При этом не следует отождествлять оценку достоверности с оценкой достаточности доказательств. Различие названных элементов заключается в целях, которые стремятся достичь органы судопроизводства. При оценке достоверности доказательств решается вопрос об их соответствии фактам объективной действительности. При оценке достаточности доказательств достоверно устанавливаются обстоятельства предмета доказывания [12, с. 47–48].

Важным фактором оценки и проверки достоверности показаний потерпевшего является условие признания последних допустимыми и относимыми доказательствами, поскольку недопустимые либо неотносимые показания потерпевшего являются одновременно и недостоверными доказательствами.

Довольно часто ценность показаний потерпевшего обусловлена тем, что в них содержатся сведения, не противоречащие материалам уголовного дела. Данное обстоятельство должно заставлять органы уголовного судопроизводства более внимательно и критично относиться к проверке и оценке полученной информации.

Оценка достоверности показаний потерпевшего – это явление не кратковременное, она представляет собой длящийся во времени процесс, в течение которого проверяются, анализируются и сопоставляются доказательства. С учетом изложенного можно выделить две стадии проверки и оценки достоверности показаний потерпевшего:

проверку и оценку достоверности показаний потерпевшего в ходе его допроса;

проверку и оценку достоверности показаний потерпевшего после его допроса.

Также, по нашему мнению, проверка и оценка достоверности показаний потерпевшего должна включать в себя следующие действия:

анализ самих показаний с точки зрения их согласованности и непротиворечивости;

учет условий восприятия, сохранения в памяти и воспроизведения воспринятого в ходе дачи показаний;

последовательное рассмотрение и анализ прежних (если они были) и новых показаний, данных при допросе на предварительном расследовании и в суде;

сопоставление показаний с иными имеющимися в деле доказательствами;

проверку источников получения доказательств;

получение новых доказательств, необходимых для проверки имеющихся показаний.

Анализ ст. 88 УПК РФ показывает, что закон разграничивает оценку допустимости, относимости, достоверности отдельных доказательств и оценку всех собранных доказательств в совокупности с точки зрения их достаточности.

Как видно, законодатель, хотя и предусматривает оценку всех собранных доказательств в их совокупности, однако не разъясняет, что понимать под оценкой достаточности доказательств. Ссылаться же на то обстоятельство, что оценка достаточности необходима только для разрешения дела, будет не совсем точно. Вопрос о достаточности доказательств для установления конкретных обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, возникает не только при разрешении дела, но и в моменты, например, привлечения в качестве обвиняемого, окончания предварительного расследования составлением обвинительного заключения.

На наш взгляд, для надлежащей оценки показаний потерпевшего в УПК РФ необходимо более четко формулировать правила оценки достаточности доказательств. В первую очередь важно подчеркнуть в законе, что оценка достаточности доказательств осуществляется тогда, когда определяемая по внутреннему убеждению суда, прокурора, следователя, дознавателя совокупность собранных доказательств приводит к несомненному выводу о наличии конкретных обстоятельств предмета доказывания, являющихся основой принимаемых по уголовному делу решений. При этом данный вывод было бы неверно сводить лишь к разрешению уголовного дела по существу при постановлении приговора либо при прекращении производства по делу. Указанный вывод применительно к

установлению лишь определенных обстоятельств предмета доказывания необходим и на других, предшествующих этапах. Поэтому следует предусмотреть в законе при оценке достаточности доказательств, во-первых, обстоятельства предмета доказывания, являющиеся основанием для принятия тех или иных решений по уголовному делу, и во-вторых, обязательность подтверждения обстоятельств предмета доказывания достаточными доказательствами. Добиться получения достаточных доказательств для построения достоверных выводов по уголовному делу возможно, если всесторонне и полно будут исследованы как обстоятельства, так и доказательства [15, с. 12].

Всесторонне и объективно исследованным уголовное дело может считаться только тогда, когда в ходе дознания, предварительного или судебного следствия осуществлены следующие мероприятия: а) выяснены все обстоятельства, подлежащие доказыванию по данному делу; б) собраны и оценены все необходимые для этого доказательства, которыми достоверно устанавливаются указанные обстоятельства.

От правильной оценки доказательств, в том числе показаний потерпевшего, и надлежащего рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности зависит не только правильное решение вопроса о достаточности доказательств, но и все существо уголовного дела.

В результате всестороннего, полного и объективного исследования показания потерпевшего приобретают признаки относимости, допустимости, достоверности. Результатом аналогичного исследования всей совокупности собранных доказательств должен стать ответ на вопрос о достаточности доказательств для достоверного установления обстоятельств предмета доказывания. Поэтому нельзя согласиться с А.А. Давлетовым по поводу того, что лишь всесторонность исследования совокупности доказательств, необходимых по делу, есть их достаточность [16, с. 105]. Всесторонность, по словам А.А. Давлетова, означает качество изучаемого явления [16, с. 104]. Следовательно, доказательства в их совокупности, признанные достаточными, должны обладать целостной характеристикой как качественное явление. Однако надлежащее качество явления еще не свидетельствует о способности данного явления быть средством достоверного установления других предметов и явлений. Помимо всесторонности исследования, совокупность доказательств надлежит исследовать с точки зрения полноты и объективности. А.А. Давлетов не отрицает этого, однако рассматривает полноту в уголовном процессе как привлечение необходимого количества и

качества доказательств, а также обстоятельств, не делая акцента на сочетании всесторонности и полноты исследования применительно к доказательствам в их совокупности. Поэтому, на наш взгляд, всесторонность только в сочетании с полнотой исследования всех доказательств в их совокупности создают необходимые условия для формирования достаточности доказательств.

Достаточность доказательств в уголовном судопроизводстве есть требование, выражающееся в наличии такой системы относимых, допустимых, достоверных доказательств, которая получена в результате всестороннего, полного

и объективного исследования обстоятельств уголовного дела и всей совокупности собранных по нему доказательств и которая достоверно устанавливает все обстоятельства, образующие предмет доказывания, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Итог признания допустимых, относимых и достоверных доказательств достаточными означает реализацию их как средств установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

1. Давлетов А.А. *Основы уголовно-процессуального познания*. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 1997.

2. Зинатуллин З.З. *Уголовно-процессуальное доказывание*. Ижевск, 1993.

3. Орлов Ю.К. *Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие*. М., 2000.

4. Ульянова Л.Т. *Оценка доказательств судом первой инстанции*. М., 1959.

5. Клейман Л.В. *Установление относимости доказательств при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Омск, 2001.

6. Арсеньев В.Д. *Вопросы общей теории судебных доказательств*. М., 1964.

7. Бризицкий А., Зажицкий В. *Относимость и достоверность доказательств в уголовном судопроизводстве // Советская юстиция*. 1982. № 3.

8. Громов Н.А. *Уголовный процесс России: учеб. пособие*. М., 1998.

9. Карнеева Л.М. *Доказательства в советском уголовном процессе*. Волгоград, 1988.

10. Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. *Уголовный процесс: доказательства и доказывание*. Воронеж, 1995.

11. Петрухин И.Л. *Понятие и содержание оценки доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973.

12. Якупов Р.Х. *Доказывание в уголовном процессе // Уголовный процесс*. М., 1991.

13. Громов Н.А., Зайцева С.А. *Оценка доказательств в уголовном процессе*. М., 2002.

14. Кудин Ф.М., Костенко Р.В. *Достаточность доказательств в уголовном процессе*. Краснодар, 2000.

15. Давлетов А.А. *Односторонность или неполнота уголовно-процессуального исследования как основание пересмотра приговора: автореф. дис. ... канд. юрид. наук*. Свердловск, 1980.

16. Давлетов А.А. *Основы уголовно-процессуального познания*. Свердловск, 1991.

1. Davletov A.A. *Bases of criminal-procedural cognition*. 2nd ed., corr. and add. Ekaterinburg, 1997.

2. Zinatullin Z.Z. *Criminal-procedural proving*. Izhevsk, 1993.

3. Orlov Yu.K. *Bases of the theory of proving in criminal procedure: sci.-pract. manual*. M., 2000.

4. Uliyanova L.T. *Assessment of evidences by the lower courts*. M., 1959.

5. Kleiman L.V. *Establishment of evidence relevance at crime investigation: auth. abstr. ... Master of Law*. Omsk, 2001.

6. Arseniev V.D. *Problems of common theory of cases*. M., 1964.

7. Brizitsky A., Zazhitsky V. *Relevance and reliability of evidences in criminal procedure // Soviet justice*. 1982. № 3.

8. Gromov N.A. *Criminal procedure of Russia: study aid*. M., 1998.

9. Karneeva L.M. *Evidences in Soviet criminal procedure*. Volgograd, 1988.

10. Kokorev L.D., Kuznetsov N.P. *Criminal procedure: evidences and proving*. Voronezh, 1995.

11. Petrukhin I.L. *Concept and content of evidence assessment // Theory of evidences in Soviet criminal procedure*. M., 1973.

12. Yakupov R.Kh. *Proving in criminal procedure // Criminal procedure*. M., 1991.

13. Gromov N.A., Zaitseva S.A. *Assessment of evidences in criminal procedure*. M., 2002.

14. Kudin F.M., Kostenko R.V. *Sufficiency of evidences in criminal procedure*. Krasnodar, 2000.

15. Davletov A.A. *Limitedness or incompleteness of criminal-procedural research as a basis of reconsideration: auth. abstr. ... Master of law*. Sverdlovsk, 1980.

16. Davletov A.A. *Bases of criminal-procedural cognition*. Sverdlovsk, 1991.

Садыков Абу Увайсовичдоктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583268)

К вопросу о взаимодействии при выявлении незаконной добычи водных биоресурсов

В статье рассматриваются вопросы взаимодействия при выявлении незаконной добычи водных биоресурсов.

Ключевые слова: субъекты взаимодействия, формы взаимодействия, тактические комбинации, противодействие расследованию, общественные формирования.

A.U. Sadykov, Doctor of Law, Professor, Professor of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583268.

To the question about the interaction at revealing illegal extraction of water bioresources

The article considers the issues of cooperation in detecting illegal extraction of water bioresources.

Key words: subjects of interaction, forms of interaction, tactical combination, counteraction to investigation, public entities.

Организация выявления и задержания браконьеров, скупщиков и реализаторов водных биоресурсов и продуктов из них с поличным – весьма сложная деятельность, результаты которой зависят от качества ее подготовки, опыта и профессионального мастерства взаимодействующих между собой участников.

Несмотря на достаточно подробную регламентацию рыболовства, Закон о рыболовстве не содержит ясных положений о системе федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный контроль в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов, тем более о взаимодействии между ними. Следственно-судебная практика, опережая науку в этом направлении, разрабатывает собственные формы взаимодействия. Наиболее часто в процессе выявления этого преступления ОВД осуществляют взаимодействие со следующими субъектами.

1. С работниками инспекций рыбоохраны Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору, которые наделены правами по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений законодательства в сфере охраны водных биологических ресурсов; изъятию у лиц, нарушивших законодательство Российской Федерации в сфере охраны водных биологических ресурсов, находящихся при них орудий и предметов браконьерства, а также

незаконно добытой продукции лова с оформлением изъятия соответствующими документами [1, с. 21].

В инспекциях рыбоохраны полицейские предварительно могут получить данные о местах нереста ценных видов рыб, а также информацию о контроле над ее выловом. Работники этих органов надзирают: за соблюдением законодательства в области рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов; за использованием водных биологических ресурсов в промышленных и научно-исследовательских целях, в целях любительского и спортивного рыболовства; за соблюдением установленных сроков промысла и других ограничений по периодам и районам лова и т.п.

Работники инспекций рыбоохраны ведут учет выявленных административных правонарушений и представляют сведения по государственному статистическому наблюдению в Федеральную службу по ветеринарному и фитосанитарному надзору [2]; проверяют у юридических лиц и граждан документы на пользование водными биологическими ресурсами, а также разрешения органов внутренних дел на хранение и ношение огнестрельного оружия, находящееся на особо охраняемой природной территории (акватории) в установленном порядке. Кроме того, в связи с предоставленными полномочиями работники инспекций рыбоохраны осведомлены о крупных организованных группах браконьеров,

действующих в конкретном районе, о том, как налажен незаконный промысел, кому сбываются незаконно добытые биоресурсы. Используя эту информацию, ОВД намечают проведение комбинаций по задержанию правонарушителей в определенном месте. Таким образом, цель и задачи, стоящие перед ОВД в противодействии рыбному браконьерству, можно решить лишь во взаимодействии с сотрудниками этого ведомства.

2. С работниками ФСБ России и входящими в ее состав государственными морскими инспекциями пограничных управлений, которые на территориях Азово-Черноморского водного бассейна имеют весьма существенные полномочия в этой сфере. Ведь ФСБ России осуществляет государственный контроль: за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере охраны водных биологических ресурсов; за соблюдением пользователями условий лицензий (разрешений) на добычу (вылов) водных биологических ресурсов; за выполнением международных договоров в сфере охраны водных биологических ресурсов [3]; за охрану за пределами исключительной экономической зоны Российской Федерации запасов анадромных видов рыб, образующихся в ее реках [4].

В настоящее время в состав Пограничной службы ФСБ России входят отделы, отделения, службы и иные подразделения Государственной морской инспекции, должностные лица которой, как и всех пограничных органов ФСБ России, при выполнении своих служебных обязанностей имеют право: 1) останавливать и осматривать российские и иностранные суда и иные плавучие средства, осуществляющие разведку и промысел морских живых ресурсов; 2) проверять документы на рыболовцевских судах; 3) в случаях, предусмотренных федеральными законами и международными договорами Российской Федерации: задерживать нарушителей федеральных законов и международных договоров Российской Федерации и изымать у них орудия лова, оборудование, инструменты, установки и другие предметы, а также документы и все незаконно добытое; преследовать и задерживать суда-нарушители, осуществляющие указанную деятельность; приостанавливать проведение ресурсных и морских научных исследований в случае обнаружения при их осуществлении правонарушений; 4) производить дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 256 УК РФ, в части, касающейся незаконной добычи водных биоресурсов, обнаруженных ФСБ России.

3. С общественными формированиями (самодельные организации, представители

казачества, граждане), взаимодействующими с ОВД, что является одним из факторов, способствующих повышению эффективности борьбы с преступностью и с браконьерством в частности. Государственная система обеспечения общественного порядка и безопасности не может успешно функционировать без содействия общественных объединений и граждан, на добровольной основе участвующих в реализации этой важной государственной функции [5, с. 65; 6, с. 6; 7]. Специализированные группы общественности могут эффективно участвовать в выявлении преступлений в населенных пунктах, где нет ни патрульно-постовой службы, ни других подразделений полиции, а один участковый уполномоченный полиции обслуживает ряд населенных пунктов.

Федеральный закон «О полиции» предоставляет ее работникам право привлекать граждан с их согласия к сотрудничеству, поэтому необходимо учитывать и использовать исторический опыт и отечественные традиции по организации и функционированию различных форм участия граждан в выявлении данных преступлений, обеспечении привлечения браконьеров к установленной ответственности. Весьма эффективно в 80-х – 90-х гг. XX в. осуществлялось совместное проведение рейдовых мероприятий ОВД и представителей добровольных народных дружин. Добровольные народные дружины по охране общественного порядка (далее – ДНД) – объединения, создаваемые в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях» [8, с. 24], уставные цели которых предусматривают оказание содействия правоохранительным органам.

Уже в 1995 г. в Краснодарском крае действовало 270 казачьих дружин общей численностью 4612 человек. ОВД края совместно с казаками было проведено 3085 мероприятий, выявлено 42 факта рыбного браконьерства [9]. По этому пути пошла и Ростовская область. В период проведения комплексной операции «Путина-2006» были задействованы более 500 сотрудников муниципальных казачьих дружин. Только за первую неделю операции к ответственности привлечены более 50 человек, промышлявших незаконной ловлей рыбы, в отношении 12 из них возбуждены уголовные дела. У браконьеров изъято 350 кг рыбы, 26 сетей и 3 самоходных плавающих средства [7].

4. С сотрудниками Федерального агентства по рыболовству, находящегося в ведении Минсельхоза России и выполняющего функции осуществления государственного мониторинга состояния водных биологических ресурсов. Ими обеспечиваются работа отраслевой системы

мониторинга водных биологических ресурсов и наблюдение за деятельностью рыбопромысловых судов. Собираемые территориальным органом Агентства сведения для организации и проведения специальных мероприятий по выявлению рыбного браконьерства весьма ценны. Затребовав и получив их, субъект выявления рыбного браконьерства имеет возможность планировать поисковые действия, проведение тактических операций по лицам, склонным к совершению данных преступлений.

5. С работниками администраций всех уровней (субъектов Российской Федерации, районов и населенных пунктов), которые привлекают к участию в проведении операции общественность и местные органы исполнительной власти. Они координируют усилия федеральных и местных природоохранительных органов и организаций, активно обмениваются информацией, представляющей оперативный интерес, с органами, занимающимися выявлением рыбного браконьерства. Так, в соответствии с распоряжением главы администрации Краснодарского края от 26 февраля 2007 г. № 130-р «О проведении мероприятий по усилению охраны нерестовой рыбы, мигрирующих и нерестящихся видов охотничьей орнитофауны» Управлению Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору по Краснодарскому краю и Республике Адыгея, Черноморско-Азовскому пограничному управлению береговой охраны ФСБ России в период с 15 марта по 15 апреля рекомендуется принимать меры по обеспечению беспрепятственного прохода ценных промысловых видов рыб к местам нереста. Этим же распоряжением главам муниципальных образований Краснодарского края поручено совместно

с вышеуказанными органами разработать и осуществить мероприятия по усилению охраны нерестовой рыбы, согласовав при этом сроки и виды мероприятий

Весьма значительна роль представителей администрации и в выявлении смежных с рыбным браконьерством преступлений, связанных с перевозкой и реализацией незаконно добытой рыбы и продуктов из нее. Существенным является число преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, выявленных при осуществлении контрольных (надзорных) мероприятий, проводимых на товарных рынках населенных пунктов регионов.

Работники административных комиссий, выявляя соответствующие административные правонарушения, передают информацию о более общественно опасных деяниях, связанных с реализацией рыбной продукции в ОВД. Так, в канун Нового года работниками Департамента экономической безопасности при МВД России от представителей администрации Москвы была получена информация о поступлении в крупный торговый центр столицы около 314 кг черной икры, добытой браконьерским способом. При проведении следственных действий после изъятия незаконно реализуемой икры установлено, что водным биоресурсам страны причинен вред, составляющий порядка 12 млн рублей [10].

Для достижения наилучших показателей при решении поставленных задач действия всех взаимодействующих органов должны быть максимально рациональными, слаженными и согласованными. Только тогда максимальный результат достигается при наименьших затратах сил и средств, что возможно лишь при должной научной организации деятельности [7].

1. Русин С.Н. О разграничении функций федеральных органов исполнительной власти при осуществлении охраны морских биологических ресурсов // Экологическое право. 2005. № 4.

2. Об утверждении Положения о Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору: постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 327 (в ред. от 20 нояб. 2006 г.) // Рос. газ. 2004. 15 июля.

3. О Федеральной службе безопасности: федер. закон от 3 апр. 1995 г. // Рос. газ. 1995. 12 апр. (с изм., внесенными Федеральным законом от 30 июня 2003 г.).

4. Вопросы Федеральной службы безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 авг. 2003 г. № 960 // Собр. законодательства РФ. 2003. № 33. Ст. 3254.

1. Rusin S.N. About the delimitation of functions of the Federal bodies of Executive authority in the exercise of protection of sea biological resources // Environmental law. 2005. № 4.

2. On approval of the Regulations on the Federal service for veterinary and phytosanitary surveillance: resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2004 № 327 (in ed. of Nov. 20, 2006) // Rus. newsp. 2004. July 15.

3. About the federal security service: fed. law of Apr. 3, 1995 // Rus. newsp. 1995. Apr. 12 (as amended by Federal law of June 30, 2003).

4. Issues of the Federal security service of the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of Aug. 11, 2003 № 960 // Coll. of legislation of the Russian Federation. 2003. № 33. Art. 3254.

5. *Управление деятельностью служб общественной безопасности: учеб. / под ред. Ю.Н. Ольховникова, Ф.Е. Колонтаевского. М., 2000.*

6. *Озолин В.А. Научная организация управления органами внутренних дел. Волгоград, 1980.*

7. *Щуров Е.А. Выявление и первоначальный этап расследования незаконной добычи рыбы (по материалам Азово-Черноморского водного бассейна): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008.*

8. *Остапенко П.И. Опыт работы ОВД по воссозданию добровольных народных дружин в Краснодарском крае: метод. пособие. Краснодар, 2003.*

9. *Бондаренко М. Казачье войско бросили на браконьеров // Независимая газ. 2006. 10 апр.*

10. *Пилипчук А. Торговцам не дали отмыть черную икру // Щит и меч. 2008. № 2.*

5. *Public safety services activity management: textbook/ed. by Yu.N. Olkhovnikov, F.E. Kolontaevsky. M., 2000.*

6. *Ozolin V.A. Scientific organization of the management of bodies of internal affairs. Volgograd, 1980.*

7. *Schurov E.A. Identification and initial stage of investigation of illegal extraction of fish (according to the materials of the Azov-black sea basin): diss. ... Master of Law. Krasnodar, 2008.*

8. *Ostapenko P.I. The experience of the organs of internal affairs on the reconstruction of voluntary people and apos guard in Krasnodar region: manual. Krasnodar, 2003.*

9. *Bondarenko M. Cossack army was thrown on the poachers // Independent newsp. 2006. Apr. 10.*

10. *Pilipchuk A. Traders gave legalization of black caviar // Shield and sword. 2008. № 2.*

Абаканова Вероника Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного процесса
Российского государственного педагогического
университета им. А.И. Герцена
(e-mail: bivadim1@yandex.ru)

Сущность и значение программирования расследования преступлений

В статье представлены различные точки зрения на программирование расследования, даны основные классификации криминалистических программ, рассмотрена технология создания типовых криминалистических программ.

Ключевые слова: криминалистическое программирование, алгоритм, расследование преступлений, типовые криминалистические программы.

V.A. Abakanova, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Criminal Procedure of the Herzen State Pedagogical University of Russia; e-mail: bivadim1@yandex.ru

Essence and value of programming at investigation of crimes

The various points of view on investigation programming are presented in this article, the main classifications of criminalistic programs are given, the technology of creation of standard criminalistic programs is presented.

Key words: criminalistic programming, algorithm, investigation of crimes, standard criminalistic programs.

Идея криминалистического программирования преступлений в криминалистике не нова. «Впервые попытка программирования расследования была сделана еще видным русским криминалистом И.Н. Якимовым. Это была попытка разработать формализованные типовые схемы действий следователя по преступлениям отдельных видов» [1, с. 158]. Однако в то время его идеи не нашли должной поддержки и так и не были реализованы.

В начале 70-х гг. прошлого века постепенно стали получать распространение методические пособия и инструктивные предписания программного типа. Проблемами программирования расследования вплотную заинтересовались ученые-криминалисты и практики. Теоретическая разработка криминалистического программирования была вызвана в первую очередь необходимостью решения проблем низкой научной и информационной вооруженности следователя.

Мысль о необходимости программирования процесса расследования преступлений на новом, более высоком, чем раньше, теоретическом уровне была высказана И.Л. Петрухиным. Он писал: «В принципе возможно представить себе процедуру введения в память ЭВМ карточки из доказательственных «прецедентов», например, по вопросу достаточности доказа-

тельств (определенное сочетание доказательств по разрешенному делу с учетом факторов и критериев допустимости доказательств); постепенное накопление этих «прецедентов», а затем «идентификация» (сначала родовая, групповая, а затем «индивидуальная») доказательственной ситуации по данному и уже разрешенным делам» [2, с. 433–434].

Большая исследовательская работа по разработке криминалистического программирования расследования была проведена Л.Г. Видоновым, который, изучая закономерные связи между личностью потерпевшего, преступника, обстановкой и способом совершения преступления, пришел к выводу об их обусловленности «универсальным законом материальных процессов, происходящих в объективной действительности...» [3, с. 10].

Однако, несмотря на безусловный интерес к этой теме, понятие «программирование расследования» в криминалистике до сих пор строго не определено.

Слово «программа» (от греч. программа – объявление, предписание) означает план деятельности, работ и т.п. [4, с. 526]. Наверное, исходя из этого толкования, некоторые ученые определяют программирование расследования как использование в предварительном следствии заранее разработанных программ расследования отдельных видов преступлений

и видят в нем один из ведущих методов планирования. Так, Е.П. Ищенко рассматривает программирование как «один из ведущих методов планирования расследования, а программу как предварительный план следственной деятельности» [5, с. 42]. Однако представляется, что нельзя ограничиваться только этим и видеть в программировании некие типовые планы по видам преступлений. Программа расследования коренным образом должна отличаться от плана.

Программирование следует, по нашему мнению, определять с позиций кибернетики как науки об информации и управлении динамическими системами. Исходя из данного подхода определение программирования соответствует его кибернетическому понятию как процессу подготовки задач для решения их на ЭВМ [6, с. 1065].

В криминалистической литературе известны различные по содержанию классификации криминалистических программ расследования преступлений.

Так, Г.Л. Грановский [7, с. 32–35] делит криминалистические программы расследования в зависимости от видов криминалистических задач на стандартные и нестандартные (эвристические). Стандартные задачи содержат исходную информацию, достаточную для ее решения. Эвристические задачи предполагают поиск форм и методов, которые выходят за рамки традиционных типовых программ.

И.А. Возгрин [8, с. 69–70] классифицировал криминалистические программы расследования по нескольким основаниям.

По содержанию решаемых задач программы расследования им разделены:

на программы с первоочередной программой розыска;

на программы исследования доказательств в целях изобличения преступника;

на комплексные программы расследования.

По структуре – на одногрупповые и сложные.

По объему – на краткие и объемные.

По месту в процессе расследования – на программы первоначального этапа, дальнейшего расследования и заключительного этапа.

По уровню обобщения – типовые программы на уровне разработки принципов криминалистической методики, методик отдельных видов преступлений, методик расследования отдельных групп уголовных дел.

А.С. Шаталов [9, с. 138–143] предложил классифицировать все программы расследования в зависимости от исходных следственных ситуаций. По данному основанию выделяются следующие разновидности программ расследования:

предназначенные для доследственных ситуаций, т.е. содержащие совокупность практических рекомендаций по осуществлению проверочных действий;

предназначенные для исходных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования;

предназначенные для следственных ситуаций, характерных для последующего и заключительного этапов расследования;

предназначенные для осуществления отдельных тактических операций (комбинаций) в типичных следственных ситуациях.

Далее программы расследования, по аналогии со следственными ситуациями, предлагается разделить на две группы, предназначенные для благоприятных и неблагоприятных ситуаций, а также в зависимости от разновидности следственных действий, в ходе которых они реализуются. Следующим основанием классификации являются задачи, для решения которых могут быть использованы программы расследования.

Наиболее развернутая, по нашему мнению, классификация криминалистических программ дана в работах Г.А. Густова [10, с. 8–19]. Согласно его классификации все программы целесообразно различать по объекту, на который они направлены, и по структуре, что важно для их разработки и использования на практике.

По объекту, на который ориентированы криминалистические программы, различаются:

программы, направленные на организацию расследования дела в целом;

программы решения отдельных задач расследования (программы раскрытия преступления, возмещения ущерба, предупреждения преступления, проверки определенных версий, исследования отдельных обстоятельств и т.д.);

программы выполнения отдельных следственных действий, мероприятий (программа осмотра места происшествия, поиска свидетелей, и т.д.);

программа описания отдельных объектов (следов, предметов).

По структуре Г.А. Густов все программы расследования делит на краткие и развернутые.

Под краткими программами понимаются системы логически упорядоченных типовых задач, рекомендуемых для исследования определенного объекта познания. К этой группе программ относятся программы, включающие в себя только основные типовые задачи, рекомендуемые для достижения цели программы; программы, включающие, наряду с основными, промежуточные и частные типовые задачи; про-

граммы, в которых типовые задачи (основные, промежуточные, частные) сформулированы применительно к определенной ситуации.

Развернутые программы представлены автором как логически упорядоченные системы не только типовых задач расследования, но также их типичных решений, рекомендуемых в отношении определенных объектов познания. Развернутые программы, в свою очередь, делятся на две подгруппы: непрогностические, в которых перечисляются типовые задачи и рекомендуемые для их решения следственные действия, мероприятия, методы, приемы; прогностические, в которых наряду с типовыми задачами и типовыми решениями называются возможные результаты действий следователя, указываются типовые направления дальнейшей работы с полученными данными.

Приведенная классификация, на наш взгляд, является наиболее полной и позволяет облегчить разработку типовых программ и их использование на практике.

В то же время криминалистическая программа, ее применение – это еще не программирование расследования. Под программированием расследования в криминалистической литературе понимается «целенаправленная деятельность по систематизации криминалистических алгоритмов и иной необходимой информации в целях эффективного управления следственной ситуацией при расследовании преступлений отдельных групп, видов и разновидностей» [9, с. 77].

Программирование – сложный процесс, состоящий из совокупности последовательных операций.

Основными чертами программы расследования являются ее изменчивость и многовариантность. Эти свойства программ позволяют следователю сравнивать, искать альтернативы, находить наиболее приемлемые решения и средства их реализации. Другим важным признаком криминалистических программ является их целенаправленность.

Анализ имеющихся позиций и результаты собственного исследования позволяют прийти к выводу о том, что этапы создания компьютерной технологии по расследованию преступлений можно разделить на три больших блока: криминалистическое обеспечение программы, составление алгоритма работы с собранными данными и трансляция программы с языка программирования на машинный язык. В целом составление программ расследования начинается с момента получения следователем первичной информации и обнаружения признаков преступления.

Используя разработки А. Шаталова [9, с. 101–135], можно представить процесс криминалистического программирования в виде последовательных блоков операций. Первый блок операций, составляющий непосредственно криминалистическое обеспечение программирования, в свою очередь, представляет собой сложную систему операций, состоящую из нескольких этапов. На первом этапе принимается решение о криминалистическом программировании, обобщается практический опыт расследования вида (группы) преступлений с учетом объективных закономерностей изучаемых объектов, в том числе закономерностей криминалистической структуры преступления, обстановки, в которой совершается преступление, определяются система общих, частных и промежуточных задач расследования и пределы криминалистического программирования, анализируется информация о сложившейся следственной ситуации и т.д.

Второй блок представляет собой подготовительную деятельность по составлению алгоритма работы с собранными ранее данными, описание алгоритма на языке программирования. Эта работа проводится, как правило, совместно с профессиональным программистом. Вводимые в компьютер данные криминалистического обеспечения должны быть надлежащим образом описаны. В криминалистической литературе разработаны специальные требования к описанию вводимых в компьютер материалов криминалистического обеспечения. Такое описание должно отвечать следующим требованиям: понятности; точности; однозначности; исключать различные толкования; емкости; наглядности; показывать структуру объекта, его элементы, связи и закономерности; облегчать понимание и анализ сложных структур.

Последний блок представляет собой собственно введение в компьютер полученных алгоритмов. Эта деятельность осуществляется непосредственно программистами, и в данной работе рассматриваться не будет.

Большое значение для всестороннего рассмотрения проблем криминалистического программирования имеет программно-целевой метод организации расследования.

Программно-целевой метод представляет собой один из методов организации и управления процессом расследования. В криминалистической литературе под ним понимаются «научный анализ, организация расследования и получение по уголовному делу новых знаний с помощью заранее разработанных типовых криминалистических программ» [11, с. 7].

В отличие от субъективного подхода, опирающегося на личный опыт и здравый смысл, при использовании программно-целевого метода по типовой программе применяются все предусмотренные в ней обстоятельства, после оценки которых выдвигаются необходимые версии, определяются задачи расследования, средства и способы их решения.

Для использования программно-целевого метода расследования необходимы, во-первых, доброкачественные типовые программы, во-вторых, технология их применения.

С помощью типовых криминалистических программ достигается наиболее оптимальное использование имеющейся по делу информации, а также целенаправленный поиск недостающих данных. Типовые программы помогают правильно определить, что следует выяснить по конкретному делу, какие следственные действия необходимо провести и каким образом их нужно выполнить в целях расследования. Используя типовые криминалистические программы, следователь сможет выдвинуть обоснованные версии, упростить процедуру планирования, эффективно управлять следственной ситуацией, своевременно принимать оптимальные решения. Таким образом, можно констатировать, что в результате использования

программно-целевого метода происходит углубление знаний, полученных при расследовании.

В криминалистической литературе технология разработки типовых программ расследования описана следующим образом.

1. Выделяются наиболее важные для целей расследования структурные элементы рассматриваемого объекта, и формулируются общие задачи поэтапного исследования объекта.

2. Общие задачи изучения объекта конкретизируются и разделяются на промежуточные и частные, которые представляются в виде иерархической системы задач.

3. При необходимости выделяются типовые ситуации, с которыми приходится встречаться при изучении данного объекта, и увязываются с ними задачи его исследования.

4. Разрабатываются типовые решения частных задач исследования объекта и увязываются с ситуациями и решаемыми задачами.

5. Надлежащим образом программы описываются (формализуются); при необходимости строится общая схема (модель) исследуемого объекта.

Разработка криминалистических программ расследования остается одной из актуальных задач современной криминалистики и по сей день. В основе ее решения лежат закономерности познания всеобщей связи предметов и явлений.

1. Крылов И.Ф. *Очерки истории криминалистики и криминалистической экспертизы*. Л., 1975.

2. Петрухин И.Л. *Понятие и содержание оценки доказательств. Теория доказательств в советском уголовном процессе*. М., 1973.

3. Видонов Л.Г. *Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев*. Горький, 1978.

4. Ожегов С.И. *Словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова*. М., 2007.

5. Ищенко Е.П. *Проблемы первоначального этапа расследования преступлений*. Красноярск, 1987.

6. *Большой энциклопедический словарь*. М., 1993.

7. Грановский Г.Л. *Алгоритмические и эвристические методы решения экспертных задач // Экспертные задачи и пути их решения в свете НТР: сб. науч. тр. ВНИИ судебных экспертиз*. М., 1980. Вып. 42.

8. Возгрин И.А. *Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в системе частных методик расследования. // Следственная ситуация*. М., 1985.

1. Krylov I.F. *Sketches of history of criminalistics and criminalistic examination*. L., 1975.

2. Petrukhin I.L. *Concept and contents of an assessment of proofs. Theory of proofs in the Soviet criminal trial*. M., 1973.

3. Vidonov L.G. *Criminalistic characteristics of murders and system of standard versions about the persons who have committed murder without eyewitnesses*. Gorky, 1978.

4. Ozhegov S.I. *Dictionary of the Russian language / gen. ed. by L.I. Skvortsov*. M., 2007.

5. Ishchenko E.P. *Problems of an initial stage of investigation of crimes*. Krasnoyarsk, 1987.

6. *Big encyclopedic dictionary*. M., 1993.

7. Granovsky G.L. *Algorithmic and heuristic methods of the solution of expert tasks // Expert tasks and ways of their decision in the light of a scientific and technological revolution: col. of sci. papers of All-union research institute of Judicial examinations*. M., 1980. Vol. 42.

8. Vozgrin I.A. *Criminalistic characteristics of crimes and investigative situations in system of private techniques of investigation // Investigative situation*. M., 1985.

9. Shatalov A. *Criminalistic algorithms and investigation programs*. M., 2000.

9. Шаталов А. Криминалистические алгоритмы и программы расследования. М., 2000.

10. Густов Г.А. Разработка и использование типовых криминалистических программ в работе по уголовному делу: метод. рекомендации. Л., 1989.

11. Густов Г.А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств. СПб., 1993.

10. Gustov G.A. Development and use of standard criminalistic programs in work on criminal case: methodical recommendations. L., 1989.

11. Gustov G.A. Program-targeted method of organization reveal the murders. SPb., 1993.

Горбунов Алексей Николаевич

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России (e-mail: alex9171977@mail.ru)

Калюжный Константин Юрьевич

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности в органах внутренних дел Краснодарского университета МВД России (e-mail: iuzhnyi1974@mail.ru)

Проблемы предупреждения и раскрытия краж и угонов автотранспортных средств и пути их решения

В статье рассматриваются проблемы краж и угонов автотранспортных средств и пути их решения.

Ключевые слова: автотранспортное средство, кража, Уголовный кодекс Российской Федерации, угон, организованная преступная группа.

A.N. Gorbunov, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alex9171977@mail.ru;

K.Yu. Kalyuzhniy, Senior Teacher of a Chair of Operative and Detective Activity in Law-enforcement Bodies of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: iuzhnyi1974@mail.ru

Problems of theft and hijacking and their solutions

In the article the problems of theft and hijacking and their solutions are considered.

Key words: carrier, theft, Criminal code of the Russian Federation, hijacking, organized criminal group.

Кражи и угоны автотранспорта на сегодня являются одной из наиболее острых проблем в противодействии имущественным преступлениям в Российской Федерации. В системе МВД России проводится комплексное исследование проблем, связанных с кражами и неправомерными завладениями (угонами) автотранспорта. Количество преступлений, связанных с преступными посягательствами на автотранспорт, ежегодно растет. Правоохранительными органами России ведется неуклонная работа по предупреждению, раскрытию и расследованию краж и угонов автотранспортных средств. Однако раскрываемость данных преступлений остается, мягко говоря, на недостаточном уровне.

В ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] указано, что кража – тайное хищение чужого имущества. Одной из разновидностей незаконной деятельности являются кражи автотранспортных средств. Стоимость автотранспортных средств достаточно высока, поэтому их кражи наносят огромный материальный ущерб и моральный вред владельцам. Цель подобных преступлений – получение материальной выгоды посредством реализации похищенного автотранспорта. Согласно ст. 166 Уголовного

кодекса Российской Федерации, угон – неправомерное завладение транспортным средством без цели хищения.

Сегодня в России раскрываемость данного вида преступлений находится на среднем уровне, в пределах 10–15%. Кражи автотранспортного средства стали (если данный термин здесь применим) экономически выгодными для преступников.

Иными словами, страх преступника перед возможным наказанием меньше, чем ожидаемая прибыль от совершения данных преступлений, т.е. заказчик ставит угонщику задачу угнать автомобиль конкретной марки и привезти его в определенное место. В зависимости от квалификации и навыков преступника для выполнения этой задачи ему потребуется от нескольких минут до пары часов [2].

Ответственность за совершение преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ (т.е. за кражу – тайное хищение имущества, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину), наказывается штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев либо обязательными работами на срок до четырехсот

восемьдесят часов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового, либо лишением свободы на срок до пяти лет с ограничением свободы на срок до одного года или без такового [3].

В России преступления, связанные с незаконным завладением транспортными средствами, в большей степени становятся сферой деятельности организованных преступных группировок, причем доля их совершения организованными преступными группами достигает до 70% от общего числа краж. Характерной особенностью таких криминальных формирований является четкое распределение ролей между их членами: от изучения спроса и предложений на автомобильном рынке до непосредственной кражи и перегона похищенных автомашин, их сокрытия, изготовления поддельных регистрационных и иных документов, легализации похищенных транспортных средств и их сбыта или демонтажа и продажи в качестве запасных частей или отдельных узлов и агрегатов. Масштабы этой преступной деятельности весьма значительны.

Сотрудниками правоохранительных органов в целях более эффективного розыска украденных машин ежемесячно проводится анализ краж и угонов, модернизируются информационно-поисковые системы, применяются новейшие приборы для выявления транспортных средств с измененной маркировкой, осуществляется работа со страховыми и прочими организациями, заинтересованными в пресечении краж и угонов автомобилей.

В настоящий момент ситуация требует кардинального изменения, поскольку влияет коренным образом на доверие к государству со стороны граждан в целом и на уровень легитимности правоохранительных органов.

В средствах массовой информации, в сети Интернет есть достаточно много информации, направленной на предупреждение данных преступлений и принятие мер к сохранности движимого имущества.

В России обязанность сохранности своего движимого имущества возложена на автовладельцев, поскольку в большинстве цивилизованных стран действует система обязательного страхования транспортных средств от кражи и угона. В России данный вид страхования является добровольным. Думается, что предложение ввести обязательное государственное страхование транспортного средства от кражи и угона по примеру ОСАГО на данный момент ничего, кроме раздражения автовладельцев, не

вызовет. Опыт применения на практике того же Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» у многих автолюбителей весьма негативный в силу различных причин.

По нашему мнению, обычный гражданин не обязан знать, что у покупаемого автотранспортного средства поддельные документы. Более того, в некоторых случаях эксперты, обладающие специальными знаниями в этой области, имеющие в своем распоряжении технико-криминалистические средства для обнаружения признаков изменения маркировки двигателя (кузова), затрудняются ответить на вопросы подлинности первоначального маркировочного обозначения или подлинности документов. На наш взгляд, именно государство должно стоять на страже личных интересов своих граждан, в том числе и в вопросах легального приобретения собственности, к тому же не дешевой.

Возникает вопрос, может ли подделка документов на транспортное средство быть выявлена уже на этапе покупки, и если да, то кем. Обнаружение признаков подделки документов и внесенных изменений в номера агрегатов и кузова ТС может быть выполнено только специалистами, обладающими специальными знаниями в этих областях.

Для обнаружения признаков подделки в документах проводится технико-криминалистическая экспертиза документов, а для обнаружения признаков внесенных изменений в номера кузова (двигателя) – транспортно-трасологическая экспертиза, и все это осуществляется с применением сложных и дорогостоящих технико-криминалистических средств. Возникает вопрос, сможет ли это все сделать обычный покупатель на авторынке. Представляется, что ответ очевиден. Хотя существуют различные рекомендации о том, что нужно знать, покупая автомашину [4].

В прессе, интернет-изданиях достаточно много информации на тему, как не попасть в неприятную ситуацию, что нужно знать и на что обратить внимание при покупке автотранспортного средства.

Для борьбы с кражами и угонами автомобилей правоохранительными органами используются автоматизированные информационно-поисковые системы, широко применяются автоматизированные учеты угнанного и похищенного автотранспорта. Расширяется взаимодействие с правоохранительными органами европейских государств, страховыми и прочими организациями, заинтересованными в пресечении краж транспортных средств. Однако, к сожалению, наша страна превратилась в огромную черную

дыру для всего остального мира, куда везут ворованные в Европе (и не только) автотранспортные средства.

В нашей стране почти нет международно-правовых соглашений со странами Европы, СНГ, странами Балтии, в которых бы четко был прописан механизм взаимодействия подразделений и служб. Нет единых баз данных учета похищенных автотранспортных средств, не говоря уже о том, что в случае обнаружения в России похищенного, например в Германии, автомобиля он не истребуется из чужого незаконного владения, поскольку за техническое средство собственнику выплачена страховка. Как не парадоксально, это экономически не выгодно для страховой компании, но автотранспортное средство попросту «забывают» в России.

Отметим, что нового владельца суд признает в лучшем случае добросовестным покупателем, и он будет владеть своей собственностью, но не сможет его поставить на учет и использовать по прямому назначению в силу приказа МВД России «О порядке регистрации транспортных средств» от 24 ноября 2008 г. № 1001 (вместе с «Правилами регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Административным регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним») [5].

Для решения правовой проблемы краж и угонов автотранспортных средств необходимы анализ и исследование в рассматриваемой области, кроме того, важно в полном объеме использовать все возможности при решении данной проблемы, а именно возможности логического осмысления, конкретизации и систематизации проблемных вопросов, возникающих в процессе уголовно-правовой регламентации ответственности за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством [6].

Возможные пути решения правовых проблем, связанных с преступным посягательством на автотранспорт, могут выглядеть следующим образом.

1. Необходимо обеспечить возможность быстрого и полного получения сведений по запросу граждан об интересующем автомобиле (предыдущие регистрации, данные прежних собственников, нахождение в залоге, аресте, номера узлов и агрегатов и т.п.), т.е. следует попытаться сделать историю этого транспортного средства максимально прозрачной для потенциального

покупателя. Как это сделано в учреждениях юстиции, осуществляющих регистрацию сделок с недвижимостью, когда любой желающий может получить любые сведения о покупаемой недвижимости. Для этих целей могут быть использованы и электронные терминалы.

2. Надо предоставить возможность по месту приобретения автомобиля (например, рядом с территорией организованного авторынка) использовать на возмездной основе услуги специалистов-криминалистов для проведения специальных исследований для определения признаков внесения изменений в узлы и агрегаты, а также в документы (справка-счет, паспорт транспортного средства).

3. Международное сотрудничество в борьбе с кражами автотранспортных средств, совершаемых организованными преступными группами, имеет большое значение и требует проведения следующих мероприятий:

дополнительной правовой регламентации (международных договоров и соглашений);

налаживания международных контактов для обмена информацией о похищенных автомобилях, организованных преступных группах и т.д.;

обеспечения органов внутренних дел Российской Федерации международной информационной базой о похищенных автомобилях.

4. Все транспортные средства, ввозимые через государственную границу Российской Федерации для постановки на учет, должны быть осмотрены не только с целью проверки соответствия фактических данных об автомобилях с документами, но и осмотрены экспертами с целью установления признаков изменения в маркировочных данных транспортного средства и для выявления признаков подделки документов. Для этого при таможнях должны быть созданы специальные экспертные подразделения, которые будут заниматься только транспортными средствами. Граница в данном случае, действительно, окажется на замке, и если преступники будут знать, что провезти в Россию транспортное средство с измененными маркировками и поддельными документами нельзя, то и проблема решится сама собой.

5. Необходимо исключить из Уголовного кодекса Российской Федерации ст. 166, предусматривающую уголовную ответственность за неправомерное завладение транспортным средством (угон), а все посягательства, связанные с тайным хищением автотранспортного средства, квалифицировать как кражу, т.е. по ст. 158 УК РФ.

Приходится констатировать, что на современном этапе одним из приоритетных направлений в сфере краж и угонов автомобилей является, на

наш взгляд, ликвидация экономической составляющей, присущей большинству преступлений корыстной направленности.

Полагаем необходимым проанализировать действующее законодательство Российской Федерации, а также нормы международного права, уголовное законодательство зарубежных стран, материалы судебно-следственной практики, регулирующие общественные отношения в сфере обеспечения неприкосновенности права владения, пользования и распоряжения автомобильными и иными транспортными средствами, а также в сфере обеспечения прав и свобод личности.

С нашей точки зрения, анализ и освещение проблем правового регулирования краж и угонов автотранспортных средств внесет определенный вклад в развитие уголовно-правовых средств противодействия данному виду преступлений, а следовательно, и в развитие российской уголовно-правовой науки в целом.

Результаты подобного рода исследований позволят выявить недостатки правовой регламентации ответственности и уголовной наказуемости за кражу и угон автотранспортного средства, а также сформулировать и обосновать предложения по их устранению.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013) // *Собр. законодательства РФ*. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Шурухов Н.Г. *Расследование краж: практ. пособие*. М., 2012.

3. *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный)* / Т.К. Агузаров, А.А. Ашин, П.В. Головненков и др.; под ред. А.И. Чучаева. испр., доп., перераб. М., 2013.

4. Корма В.Д. *Проблемные вопросы уголовно-правовой и криминалистической характеристик угона и кражи транспортных средств // Транспортное право*. 2010. № 1.

5. *О порядке регистрации транспортных средств: приказ МВД России от 24 нояб. 2008 г. № 1001 (ред. от 29.08.2011) (вместе с «Правилами регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации», «Административным регламентом Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по регистрации автотранспортных средств и прицепов к ним»)* // *Рос. газ.* 2009. № 5.

6. Жулев В.И., Баяхчев В.Г. *Расследование дел об угонах и кражах автотранспорта*. М., 2012.

1. *Criminal code of the Russian Federation of June 13, 1996. № 63-FL (ed. of 23.07.2013) (with amended additional of 1.09.2013) // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 1996. № 25. Art. 2954.

2. Shuruhov N.G. *Investigation of thefts: practical guide*. M., 2012.

3. *Commentary to the Criminal code of the Russian Federation (article by article)* / T.K. Aguzarov, A.A. Ashin, P.V. Golovnenkov and others; ed. by A.I. Chuchaeva. corr., add, rev. M., 2013.

4. Korma V.D. *Problematic issues of criminal law and criminological characteristics of theft and hijacking // Transport*. 2010. № 1.

5. *About the procedure of registration of transport vehicles: order of the Ministry of the Interior of Russia of Nov. 24, 2008 № 1001 (amended on 29.08.2011) (together with «Rules of registration of motor vehicles and trailers in the State traffic safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation», «Administrative regulation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation execution of state functions on registration of motor vehicles and their trailers»)* // *Rus. newsp.* 2009. № 5.

6. Zhulev V.I., Bayahchev V.G. *Investigation of the cases of theft and hijacking*. M., 2012.

Данильян Александр Сергеевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181303143)

Следственная ситуация как основа принятия тактического решения по установлению места нахождения похищенного имущества

В статье рассматриваются понятие следственной ситуации, типичные следственные ситуации, возникающие при установлении места нахождения похищенного имущества.

Ключевые слова: следственная ситуация, решение, имущество, криминалистическая методика, тактическая комбинация, типичные ситуации, алгоритм действий.

A.S. Danilyan, Master of Law, Senior Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181303143.

Investigative situation as a basis of tactical decision acceptance on the establishment of the stolen property location

The present article considers the conception of the investigative situation, typical investigative situations, appearing during the establishment of the stolen property location.

Key words: investigative situation, decision, property, criminalistics technique, tactical combination, typical situations, programme.

Решение задачи установления местонахождения похищенного имущества непосредственно связано со следственными ситуациями, возникающими при расследовании преступлений.

Следственная ситуация – это обстановка, сложившаяся к началу или в ходе расследования, условия, в которых предстоит вести или ведется расследование преступления [1, с. 88–103]. Автор полностью разделяет данную точку зрения.

Вопросы, касающиеся следственной ситуации, в ходе исследования криминалистических источников разрешаются неоднозначно. Каждый автор в части своего видения и представления о следственной ситуации в чем-то прав, хотя некоторые высказанные положения спорны и продолжают оставаться дискуссионными.

Исследования мнений практических работников также определили неоднозначность их представления о следственной ситуации, и это еще раз свидетельствует о необходимости дальнейшей разработки вопросов содержательной стороны следственной ситуации. Из опрошенных следственных работников 60% указали, что следственная ситуация представляет собой простую совокупность доказательств по делу, 30% – полную характеристику состояния

расследования, 5% – внешнюю по отношению к процессу расследования обстановку, а 5% затруднились ответить.

В основном следователь сталкивается с типичными следственными ситуациями, ставшими неотъемлемой частью криминалистической методики и требующими проверки, когда:

- а) преступник задержан с поличным;
- б) преступник не задержан, но о его личности есть определенная информация;
- в) о преступнике нет или почти нет сведений [2, с. 171].

Проверка возникших следственных ситуаций осуществляется путем производства следственных действий – осмотра места происшествия, допроса, проверки показаний на месте, обыска (выемки) и прослушивания телефонных переговоров для установления места нахождения похищенного имущества.

Это основные и неотложные следственные действия, с помощью которых следователь получает определенную информацию о преступлении, лицах, его совершивших, месте нахождения и сокрытия искомых объектов, об их изъятии и т.п. и только после этого намечает план дальнейших действий.

В отечественной криминалистической литературе определены следующие типичные

ситуации, в которых возникает необходимость проведения проверки показаний на месте для нахождения искомых объектов:

1) когда в показаниях допрошенного лица есть данные о значимом для дела месте или маршруте, которые он не смог назвать или описать так, чтобы следователь получил о них полное представление;

2) когда в показаниях допрошенного лица содержатся сведения о местонахождении каких-либо следов преступления или предметов, которые могут служить вещественными доказательствами по делу;

3) когда нужно сопоставить показания двух или более лиц относительно события, произошедшего в определенном месте, или маршрута следования к этому месту;

4) когда в показаниях допрошенного лица содержатся сведения об обстановке места, где произошло расследуемое событие; в таких случаях при проверке показаний на месте иногда удается восстановить эту обстановку и тем самым проверить осведомленность лица относительно обстоятельств произошедшего события [3, с. 628–629; 4, с. 16–17].

Указанные типичные ситуации могут возникнуть в случае задержания подозреваемого и установления круга свидетелей, дающих показания. Если о преступнике нет или почти нет никаких сведений, установить местонахождение похищенного имущества несколько сложнее. Обусловлено это тем обстоятельством, что преступник, завладев похищенным имуществом, успел им распорядиться по своему усмотрению, т.е. спрятал в заранее намеченных тайниках, передал родственникам, продал неизвестным лицам, уничтожил и т.д.

Следственные ситуации, возникающие в процессе расследования преступлений, могут быть как простыми, так и очень сложными, сочетающими различные существенные трудности. Это те самые трудности, связанные с типичными следственными ситуациями, когда преступник не задержан, но о его личности есть определенная информация, и о преступнике нет никаких сведений.

В результате воздействия субъектов и участников расследования следственные ситуации могут изменяться как позитивно, так и негативно, т.е. под влиянием новых факторов они могут перейти из сложных в простые, и наоборот.

Достижение следователем определенных результатов должно начинаться с оценки следственной ситуации и целеопределения, а также принятия мер по изменению ее в благоприятную сторону.

Целеопределение – это процесс определения общих и частных целей расследования и их конкретизации. Под целеопределением М.В. Головин понимает процесс умственной деятельности и действия следователя по формированию и осознанию целей [5, с. 35].

«Наиболее эффективное средство такого воздействия на следственную ситуацию, – подчеркнул Р.С. Белкин, – тактическая комбинация» [6, с. 75].

Тактическая комбинация – определенное сочетание тактических приемов или следственных и иных действий, объединенных единым замыслом и обусловленных конкретной следственной ситуацией [7, с. 219].

Именно направленность решения тактических задач определяет содержание информации, выделяемой и используемой следователем. Также и разработка тактических приемов создает условия для более целенаправленного исследования ситуаций, складывающихся при решении задач по установлению места нахождения похищенных объектов.

На наш взгляд, тактические задачи – не обособленный элемент процесса расследования, а центральное звено этой горизонтали, т.к. они определяют перечень и последовательность следственных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на их решение. Эти задачи проявляются на первоначальном этапе расследования преступлений.

А.А. Закатов совершенно справедливо определяет задачи на первоначальном этапе расследования как «обеспечивающие безотлагательное обнаружение и фиксацию доказательств, установление, розыск, задержание лиц, совершивших преступление, создание информационной базы, достаточной для проверки версий и оптимальной организации расследования, формирование условий для предотвращения вредных последствий преступного деяния, возмещение материального ущерба и установление обстоятельств, способствующих совершению преступлений» [8, с. 48].

Иная обстановка складывается в случаях, когда следствие «сталкивается с острым недостатком информации о событии преступления, личности преступников, мотивах, способах и других существенных обстоятельствах деяния» [9, с. 4]. Такие ситуации неслучайно именуются проблемными, они дифференцируются по различным основаниям. Нас интересует их разграничение по степени общности. И по этому основанию проблемные ситуации подразделяются на типичные (обобщенные) и специфические (конкретные).

Мы согласны с Л.Я. Драпкиным в том, что «специфические проблемные ситуации – это конкретные модели реальных ситуаций, которые отражаются в сознании следователя при расследовании уголовных дел... и являются... информационной базой для построения типовых проблемных ситуаций... а типичные ситуации характеризуются стереотипностью, повторяемостью, общими групповыми признаками» [10, с. 56].

Проблемные ситуации требуют комплексного использования имеющихся сил и средств в виде тактических приемов, и ведущая роль отводится поисковой направленности следственных действий и оперативных мероприятий по сбору доказательственной и тактической информации о местонахождении искомых объектов.

Таким образом, следственная ситуация является основой в выборе направлений и принятии тактического решения задачи установления места нахождения похищенного имущества, связанной с проведением тактического приема.

Следственная ситуация включает в себя такие разнородные элементы, как доказательственная и ориентирующая информация, имеющаяся у следователя; психологические характеристики участников; обстоятельство организационно-технического плана и другие элементы, важные для принятия решения по проведению тактического приема для установления места нахождения похищенного имущества, от которых зависит дальнейший ход расследования. Это подтвердилось и результатами опроса практических работников. Большинство из них (60% опрошенных) подтвердило, что оценка информационных компонентов следственной ситуации – главное. Далее указана психологическая характеристика сложившейся ситуации (32%) и ее организационно-техническая сторона (8%).

С учетом полученных результатов опроса практических работников можно сделать вывод, что ни в коем случае нельзя преуменьшать роль оценки каких-то компонентов ситуации при разработке направлений тактического приема для решения задачи установления места нахождения искомого, а наоборот, нужно говорить о необходимости оценки всей следственной ситуации в целом, т.к. она является средством познания и должна показать важность и значение каждого элемента существующей ситуации для выбора того или иного тактического приема.

Конкретное и целесообразное решение о применении тактического приема для установления места нахождения похищенного имущества основывается на сложившейся ситуации.

Рассмотрим особенности следственных ситуаций, которые в основном аналогичны при расследовании многих видов преступлений.

Первая ситуация. Преступник задержан с поличным на месте преступления или после его совершения. Если лицо задержано с поличным на месте преступления и признает свою вину, то установить все обстоятельства дела и изъять у подозреваемого искомые объекты не представляет больших трудностей. В данном случае потерпевшему возвращается все похищенное имущество, если оно в целостности и со стороны потерпевшего не заявлен иск о возмещении материального ущерба. Следователь, как правило, ограничивается обязательными процессуальными действиями и передает дело в суд.

Иначе обстоит дело с подозреваемым, задержанным вне места преступления после его совершения, если у подозреваемого не обнаружено похищенное имущество, т.е. он имел возможность распорядиться им по своему усмотрению. Такая ситуация несколько осложняет работу следователя и требует серьезного подхода к поиску направлений и выбору тактических приемов для установления места нахождения похищенного имущества.

Вторая ситуация. Преступник не задержан, но о его личности и местонахождении похищенного имущества есть определенная информация. В этой ситуации лицо, подозреваемое в совершении преступления, по поручению следователя должно быть установлено оперативными работниками в ходе оперативно-розыскных мероприятий и доставлено к следователю для установления обстоятельств по делу. В ходе допроса, несмотря на наличие даже достаточных улик, подозреваемый, как правило, отрицает сам факт совершения им преступления. В данном случае положительно сказываются на ходе расследования преступления и его раскрытия результаты установления места нахождения похищенного имущества и его изъятия как вещественного доказательства.

Третья ситуация. О преступнике и местонахождении похищенного имущества нет или почти нет сведений. Такая ситуация относится к ряду проблемных, требующих больших усилий и приемов для установления лица, совершившего преступление, производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в целях расследования и раскрытия преступления. Конечный результат такой ситуации – приостановление предварительного следствия при наличии оснований, предусмотренных ст. 208 УПК РФ.

С учетом двух последних типичных ситуаций следственная практика выдвигает ряд следственных и розыскных версий, направленных на их проверку. Разработка следственных и розыскных версий способствует быстрому и планомерному установлению истинных обсто-

ятельств расследуемого преступления, т.к. она является средством для определения целей расследования.

Типичные следственные ситуации как основа алгоритма расследования преступлений позволяют:

правильно определить возможное местонахождение похищенного имущества;

выдвинуть обоснованные версии о лицах, причастных к похищенному имуществу, и мотивах их действий;

скоординировать процесс взаимодействия следователя с органом дознания по розыску похищенного имущества;

определить первоначальные следственные действия, направленные на розыск имущества;

установить специфику тактического решения, направленного на розыск похищенного имущества, в конкретной ситуации [11, с. 25].

Соглашаясь с высказыванием Д.М. Филина, мы считаем, что расследование должно начинаться в первую очередь с оценки следственной ситуации, и далее следует использовать весь алгоритм вышеуказанных действий.

Анализ уголовных дел показал, что двигаться к установлению места нахождения похищенного имущества можно как от преступника (первая и вторая вышеуказанные ситуации, когда преступник задержан после совершения преступления) к искомому объекту (75%), так и от похищенного объекта (третья ситуация, в основном это краденый автотранспорт, обнаруженный на платных стоянках и улицах города) к преступнику (25%).

Рассмотрим более подробно данные типичные ситуации и действия следователя по установлению места нахождения похищенного имущества.

1. Преступник задержан после совершения преступления, и похищенное имущество при нем не обнаружено.

Следователю в данной ситуации необходимо: осмотреть место происшествия; допросить потерпевшего; установить и допросить свидетелей – очевидцев происшествия; допросить подозреваемого о событии преступления, о похищенном имуществе и др.; предъявить для опознания подозреваемого (в случае, если его видели свидетели-очевидцы); при необходимости провести очную ставку между свидетелем-очевидцем и подозреваемым; провести обыск по месту жительства и работы подозреваемого; проверить по дактилоскопическому учету отпечатки пальцев рук подозреваемого и обнаруженные на месте происшествия следы пальцев рук; проверить ломбарды, комиссионные магазины, вещевые и другие стихийно возникшие рынки;

поручить оперативному работнику установление лиц, которым было продано похищенное имущество; при их установлении провести допросы этих лиц; изъять похищенные вещи; предъявить для опознания потерпевшим изъятые вещи; предъявить лицам, купившим у подозреваемого похищенные вещи, для опознания подозреваемого; назначить необходимые судебные экспертизы по объектам, изъатым с места происшествия.

2. Лицо, совершившее кражу чужого имущества, не задержано, но обнаружено само похищенное имущество – в ломбарде, комиссионном магазине или, например, автотранспорт, стоящий на платной автостоянке или одной из улиц города, и др. Необходимо отметить, что данная ситуация встречается на практике намного чаще. Однако при обнаружении похищенной автомашины лицо, совершившее преступление, устанавливается крайне редко, что говорит о сложности такой ситуации для практических работников.

Следователю в данной ситуации необходимо: допросить потерпевшего о событии преступления, о похищенном имуществе и нанесенном ему ущербе; осмотреть место происшествия (если это связано с автотранспортом, то необходимо осмотреть как место, откуда было похищено ТС, так и место его обнаружения); установить и допросить свидетелей – очевидцев происшествия; предъявить свидетелям-очевидцам фотоальбом лиц, состоящих на учете в органе внутренних дел, для установления и опознания подозреваемого; назначить экспертизы по объектам, изъатым с места происшествия; проверить по дактилоскопическому учету обнаруженные следы пальцев рук; проверить ломбарды, комиссионные магазины, вещевые и другие стихийно возникшие рынки; установить лиц, которым было продано похищенное имущество; допросить этих лиц; изъять похищенные вещи; предъявить для опознания потерпевшим изъятые вещи; предъявить лицам, купившим похищенные вещи, фотоальбом лиц, состоящих на учете в органе внутренних дел, для установления и опознания подозреваемого.

3. Преступник не задержан, о нем нет никаких сведений, и похищенное имущество не обнаружено.

Следователю в данной ситуации необходимо: осмотреть место происшествия; допросить потерпевшего; установить и допросить свидетелей – очевидцев происшествия; проверить по дактилоскопическому учету обнаруженные на месте происшествия следы пальцев рук; дать задание проверить ломбарды, комиссионные магазины,

вещевые и другие стихийно возникшие рынки; поручить оперативному работнику производство оперативно-розыскных мероприятий для установления лица, совершившего данное преступление, и местонахождения похищенного имущества; при установлении лица провести допросы; изъять похищенные вещи; предъявить для опознания потерпевшим изъятые вещи; предъявить лицам, у которых обнаружены похищенные вещи, фотоальбом лиц, состоящих на учете в органе внутренних дел, для установления и опознания подозреваемого; назначить необходимые судебные экспертизы по объектам, изъятым с места происшествия.

Перечень данных следственных и розыскных действий, осуществляемых следователем, может изменяться с учетом планируемых дальнейших мероприятий во взаимодействии с оперативным работником.

В ходе расследования перед следователем стоит одна цель – раскрытие преступления, т.е. установление подозреваемого лица и его задержание, а также установление места нахождения похищенного имущества и его изъятие.

Кроме того, можно выделить две ситуации, с которыми сталкивается следователь при расследовании преступлений:

когда установлено местонахождение искомого объекта, а обнаруженное имущество, изъятое у лица, его хранящего, находится в целостности и сохранности;

когда имущество не обнаружено или его уже нет у преступника в связи с продажей неустановленному лицу, уничтожением, растратой (деньги, валюта, облигации и др.).

При первом случае обнаружения похищенного имущества следователь выполняет все необходимые следственные действия, связанные с имуществом, и может передать его потерпевшему на хранение до суда, тем самым восстанавливая конституционные права, предусмотренные ст. 52 Конституции РФ.

Во втором случае, когда имущество не обнаружено или его уже нет у преступника в связи с продажей неустановленному лицу, уничтожением, растратой (деньги, валюта, облигации и др.), а потерпевший предъявил требование о возмещении имущественного вреда, следователь своим постановлением признает потерпевшего гражданским истцом (ст. 44 УПК РФ) по делу.

Следственная ситуация, возникающая на первоначальном этапе расследования, является основой в выборе направлений и в принятии конкретного тактического решения задачи установления места нахождения похищенного имущества, связанной с проведением тактического приема. Эти и другие следственные ситуации, которые могут быть выдвинуты, в последующем являются также и основой алгоритма расследования преступления.

1. Белкин Р.С. *Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике.* М., 1988.

2. *Криминалистика: учеб. пособие в схемах / под ред. А.Г. Филиппова.* 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.

3. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. *Криминалистика.* М., 1999.

4. Соя-Серко Л.А. *Проверка показаний на месте.* М., 1966.

5. Головин М.В. *Проблемы целеопределения в расследовании.* Краснодар, 2004.

6. Белкин Р.С. *Очерки криминалистической тактики.* Волгоград, 1993.

7. Белкин Р.С. *Криминалистическая энциклопедия.* М., 2000.

8. Закатов А.А. *О производстве первоначальных неотложных следственных действий // Актуальные проблемы следственной деятельности.* Свердловск, 1990.

9. Глазырин Ф.В. *Расследование преступлений, совершаемых в условиях неочевидности,*

1. Belkin R.S. *Criminalistics: problems, tendencies, perspectives. From theories to practice.* M., 1988.

2. *Criminalistics: study aid in schemes / ed. by A.G. Philippov.* 2nd ed., rev. and add. M., 1999.

3. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.P. *Criminalistics.* M., 1999.

4. Soya-Serko L.A. *Testimony examination at the scene of action.* M., 1966.

5. Golovin M.V. *Problems of aimedetermination in investigation.* Krasnodar, 2004.

6. Belkin R.S. *Essays of criminalistics tactics.* Volgograd, 1993.

7. Belkin R.S. *Criminalistics encyclopedia.* M., 2000.

8. Zakatov A.A. *About production of primary urgent investigative actions // Actual problems of investigative activity.* Sverdlovsk, 1990.

9. Glazyrin F.V. *Crime investigation, committed in unobvious conditions as a problem of criminalistics science and practice.* Volgograd, 1989.

10. Drapkin L.Ya. *Basis of investigation situations theory.* Sverdlovsk, 1987.

как проблема криминалистической науки и практики. Волгоград, 1989.

10. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск, 1987.

11. Филлин Д.М. Особенности расследования краж скота. Волгоград, 2006.

11. *Philin D.M. Peculiarities of cattle larceny investigation. Volgograd, 2006.*

Литвинов Михаил Васильевич

преподаватель кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583268)

Нормативно-правовые основы взаимодействия следователя с сотрудниками ФНС России в механизме противодействия налоговой преступности

В статье раскрываются основные организационные и правовые условия, которые представляют собой совокупность нормативно закрепленных правил поведения субъектов взаимодействия в ходе выявления и расследования преступлений налоговой направленности.

Ключевые слова: сущность налоговых преступлений, межведомственное взаимодействие, правовые условия.

M.V. Litvinov, Teacher of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583268.

Normative legal basis of interaction between an investigator with the officers of tax service of Russia in the mechanism of counteraction to the tax crime

The main organizational and legal conditions which represent the whole set of normative-attached rules of interactive subject's behavior in the course of detection and investigation of tax crimes are disclosed in this article.

Key words: main point of tax crimes, interdepartmental interaction, legal conditions.

В литературе отмечалось, что осуществление контрольной деятельности государства за налоговой сферой предполагает взаимодействие как специальных контрольных [1, с. 6], так и правоохранительных органов, в компетенцию которых входят различные контрольные полномочия [2, с. 80].

Очевидно, что процесс выявления, раскрытия и расследования налоговых преступлений наиболее успешно осуществляется в случае умелого соединения усилий оперативных аппаратов и следователя с подключением специалистов экспертного подразделения, а также взаимодействия различных ведомств [3, с. 192–220].

Известно, что под налоговым преступлением законодатель понимает уклонение от уплаты: а) налога путем непредставления декларации о доходах в случаях, когда подача декларации является обязательной, либо путем включения в декларацию заведомо искаженных данных о доходах и расходах, либо иным способом, а равно в случаях уклонения от уплаты страхового взноса в государственные внебюджетные фонды (применительно к физическим лицам); б) налогов с организаций путем включения в бухгалтерские документы заведомо искаженных данных о доходах или расходах либо иным спо-

собом, а равно недоплаты страховых взносов в государственные внебюджетные фонды (применительно к юридическим лицам); в) таможенных платежей (применительно ко всем налоговым субъектам), совершенное в крупном или особо крупном размере.

Таким образом, сущность налоговых преступлений заключается в неправомерном сокрытии доходов (прибыли) от налогообложения.

Известно, что более чем в 80% случаев инициатива совершения налоговых преступлений исходила от руководителей, которые зачастую являлись и владельцами предприятий. При совершении преступлений руководитель предприятия обычно не ставит в известность бухгалтера о совершенных им финансово-хозяйственных операциях.

В отличие от руководителей бухгалтерские работники часто исполняют свои обязанности в организациях на основе трудовых договоров или договоров подряда, т.е. не участвуют в распределении прибыли предприятия, а следовательно, в значительно меньшей степени заинтересованы в сокрытии объектов налогообложения (по изученным уголовным делам в 5% случаев преступления совершались именно бухгалтерами).

В этих случаях бухгалтер, реализуя преступный умысел, обычно использует некомпетентность руководителя в вопросах финансово-хозяйственной деятельности. Тем не менее при совершении преступлений бухгалтеры чаще все-таки выступают в роли соучастников. Основная часть преступлений, заключающихся в уклонении от уплаты налогов с физического лица, совершается гражданами, осуществляющими предпринимательскую деятельность без образования юридического лица (индивидуальными предпринимателями). Иными физическими лицами, обязанными уплачивать налоги, совершается относительно небольшое число налоговых преступлений. Преимущественно это связано с нарушением порядка декларирования доходов и уплаты налога на доходы физических лиц [4 с. 16].

Проведенные представителями различных правоохранительных ведомств исследования [5; 6] показывают, что для повышения эффективности проводимых мероприятий по декриминализации объектов и территорий, а также создания условий невозможности восстановления преступной деятельности и связанных с ней угроз недостаточно усилий одних только органов внутренних дел, органов расследования и суда, поскольку средства, которые должны при этом использоваться, находятся в компетенции других министерств и ведомств России.

Для решения этих задач необходима единовременная проработка криминогенной проблемы (разработка организованных преступных групп, криминальной сферы, оздоровление социально-экономической обстановки) по всем направлениям с привлечением сил и средств других правоохранительных органов (ФСБ России, ФНС России, ФТС России), иных федеральных министерств и ведомств [7].

Применительно к раскрытию и расследованию налоговых преступлений в качестве весьма значимого основания классификации взаимодействия может выступать ведомственная принадлежность участников взаимодействия. В зависимости от отношений субъектов к национальной системе противодействия преступности и правонарушаемости такое взаимодействие можно рассматривать как ведомственное (внутрисистемное) и межведомственное (межсистемное) [8, с. 79–84]. Первое затрагивает организацию совместной деятельности субъектов, относящихся к органам внутренних дел, существующих в структуре МВД России либо при ней: это системное взаимодействие, определяемое внутренними (МВД России) нормативными правовыми актами. Второе,

напротив, направлено на координацию усилий двух и более относительно самостоятельных органов исполнительной власти, имеющих сходные задачи и (или) функции. Во втором случае взаимодействие определяется законодательно или путем соглашений на межведомственном уровне и может рассматриваться в широком и узком смысле.

В общегосударственном, широком смысле межведомственное (межсистемное) взаимодействие – это деловое сотрудничество нескольких государственных органов в обеспечении экономической безопасности в пределах конкретной территории. Такое взаимодействие осуществляется путем разработки и принятия совместных документов (приказов, инструкций, комплексных и целевых программ, договоров, соглашений, планов), которыми определяются приоритетные направления, формы, методы, сроки совместных действий; проведения межведомственных совещаний, семинаров; осуществления согласованных мер по повышению деловой квалификации сотрудников; обмена положительным опытом работы; проведения совместных рейдов, проверок и т.д.

Под межведомственным (межсистемным) взаимодействием в узком смысле понимается взаимодействие, организация управления и координация действий подразделений внутренних дел, следователя с работниками налоговых инспекций, подразделений ФСБ, прокурором в конкретных эпизодах противодействия экономическим (налоговым) преступлениям в процессе их выявления, предупреждение раскрытия и расследования.

С точки зрения науки управления и теории организации расследования преступлений, в наиболее общей форме взаимодействие следователя с сотрудниками Федеральной налоговой службы РФ – это основанное на законе, согласованное по месту, целям и времени направление деятельности следователя по решению стоящих перед ними задач в области расследования налоговых преступлений.

Федеральная налоговая служба России была преобразована из Министерства РФ по налогам и сборам Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти». Необходимая законодательная основа для проведения преобразования создана Федеральным законом от 29 июня 2004 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с осуществлением мер по

совершенствованию государственного управления». Данным законом внесены изменения в отдельные акты, в том числе в Закон РФ от 31 марта 1991 г. № 944-1 «О налоговых органах Российской Федерации», в части первую и вторую Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ).

Функции ФНС РФ как участника налоговых правоотношений и ее территориальных подразделений по налоговому администрированию и именно налоговому контролю систематизированы в НК РФ, постановлении Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506 «Об утверждении Положения о Федеральной налоговой службе» и приказе ФНС России от 21 июня 2004 г. № САЭ – 3-15/3822 «Об утверждении положения об Управлениях ФНС России по субъекту РФ».

Согласно новой редакции п. 1 ст. 30 НК РФ налоговые органы составляют единую централизованную систему контроля за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет иных обязательных платежей. В систему налоговых органов входят федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный по контролю и надзору в области налогов и сборов, являющийся единственным органом налогового контроля, и его территориальные органы.

Однако являясь органом налогового контроля (реализуя администрирование и фискальные функции), ФНС России не имеет правоохранительных функций. Правоохрана в этой сфере отнесена к ведению других правоохранительных органов. Так, в ст. 36 НК РФ содержится обязанность полиции – органа МВД России, прямо уполномоченного на защиту прав, участвовать в налоговых проверках. Заметим, что официально такая инициатива может исходить только от сотрудников инспекции и только в отношении выездных проверок. Также указанная статья определяет обязанность сотрудников полиции передать в течение десяти дней имеющиеся сведения о нарушении налогового законодательства в территориальный орган ФНС РФ для принятия соответствующих мер. Согласно п. 3 ст. 32 НК РФ ФНС России в течение десяти дней передает сведения в МВД России об организациях, сумма задолженности у которых позволяет предполагать факт, содержащий признаки преступления (нарушения законодательства о налогах и сборах), а также о предприятиях, не уплативших налоги в течение двух месяцев со

дня истечения срока исполнения требования (см.: письмо ФНС от 23 июля 2007 г. № ШТ-6-06/5912).

На основании ст. 5. Закона РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 «О налоговых органах Российской Федерации» органы внутренних дел Российской Федерации обязаны оказывать практическую помощь работникам налоговых органов при исполнении ими служебных обязанностей, обеспечивая принятие предусмотренных Законом мер по привлечению к ответственности лиц, насильственным образом препятствующих выполнению работниками налоговых органов своих должностных функций [9].

Таким образом, Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России), в отличие от ФНС России, не являясь участником налоговых правоотношений (ст. 9 НК РФ) и не будучи субъектом налогового контроля, уполномочено лишь содействовать его осуществлению. Кроме этого, обязано выявлять, а в последствии, содействуя расследованию, раскрывать и осуществлять оперативное сопровождение предварительного расследования налоговых преступлений, предусмотренных ст. 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ.

Обращаясь к ретроспективе государственного регулирования в рассматриваемой сфере, можно отметить, что Указом Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 306 Федеральная служба налоговой полиции (далее – ФСНП), с 1 июля 2003 г. исполнявшая ранее сходные с МВД России функции, была упразднена. Со вступлением с 1 июля 2003 г. в силу Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 86-ФЗ в НК РФ были внесены изменения, в соответствии с которыми часть полномочий упраздненной налоговой полиции перешла к ОВД (разд. III НК РФ). Вследствие такой реорганизации возможности ОВД по выявлению налоговых правонарушений, по сравнению с возможностями упраздненной налоговой полиции с 1 июля 2003 г., оказались значительно ограничены. Будучи исключенными из числа участников налоговых правоотношений, органы внутренних дел утратили доступ к базам данных и информации, так необходимой для выявления налоговых преступлений – деяний более опасных, чем налоговые правонарушения, отраженные в НК РФ [10, с. 10].

Указом Президента РФ от 11 марта 2003 г. основные функции упраздненной с 1 июля 2003 г. налоговой полиции возложены на Федеральную службу по экономическим и налоговым преступлениям МВД России [11], в 2005 г. преобразованную в Департамент экономической безопасности МВД России, в структуре

которого было создано Главное управление по налоговым преступлениям (ГУНП). Департамент экономической безопасности (далее – ДЭБ) МВД России, являвшийся самостоятельным структурным подразделением МВД России, обеспечивающим и осуществляющим функции министерства по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в области экономической безопасности государства, выполнял функции головного оперативного подразделения в системе МВД России по организации борьбы с экономическими преступлениями. В 2011 г. ДЭБ в связи с проводимой реформой МВД России был переименован в Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции (ГУЭБиПК).

Анализируя полный перечень функций ГУЭБиПК МВД России, можно отметить, что ему переданы лишь те функции, которые ФСНП России выполняла по выявлению, предупреждению и пресечению налоговых преступлений и правонарушений. Кроме того, как уже указывалось выше, работники территориальных подразделений по линии экономической безопасности участвуют также в совместных с налоговыми органами выездных налоговых проверках.

Проверки, осуществляемые сотрудниками МВД России, в соответствии с НК РФ не являются налоговыми. По результатам налоговой проверки сотрудники полиции, являясь представителями органа дознания, уполномочены принять решения в порядке ст. 145 УПК РФ о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела и о направлении материалов в налоговые органы при наличии налогового правонарушения [12, с. 96–98].

Взаимодействие между ФНС России и ОВД необходимо усовершенствовать путем:

создания новых специальных программ (алгоритмов) совместных проверок (62%);

создания новых форм проведения проверок (30%);

упрощения в целом инструктивного порядка взаимодействия (3,4%);

открытия для ОВД данных финансового мониторинга (2%);

получения оперативными подразделениями ЭБиПК ОВД от подразделений ФНС России годового графика налоговых проверок предприятий с последующим оперативным обеспечением такой проверочной деятельности (2,6%).

Следственный комитет Российской Федерации (далее – Следственный комитет, СК РФ), являясь федеральным государственным

органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства, уполномочен оперативно и качественно расследовать налоговые преступления в соответствии с подследственностью, установленной уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, организовывать и осуществлять в пределах своих полномочий выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, принятие мер по устранению таких обстоятельств [13].

Подследственность следственного комитета по ст. 198, 199, 199¹ и 199² УК РФ определяется действующей редакцией ст. 150 УПК РФ.

Таким образом, на сегодняшний день сложилось межведомственное взаимодействие в сфере противодействия налоговой преступности и правонарушаемости, характеризующееся общей сферой заинтересованности государственных контролирующих и правоохранительных органов, основная общая цель которых разделена согласно их компетенция по нормативным правовым актам, регламентирующим их деятельность.

В настоящий момент не существует общего нормативного правового акта, который бы оговаривал совместную деятельность данных органов или хотя бы устанавливал совместную общую цель их деятельности. Имеется и ряд других нерешенных вопросов: 1) несовершенство законодательства об ответственности за налоговые преступления; 2) необходимость создания оперативных подразделений в рамках одного органа или межведомственной структуры, осуществляющей оперативное обеспечение расследования налоговых преступлений; 3) потребность в специалистах с глубокими специальными познаниями; 4) отсутствие правовых механизмов взаимодействия (в том числе и межведомственных соглашений о сотрудничестве) Следственного комитета РФ с органами, осуществляющими функции регулирования и контроля, в том числе и с Федеральной налоговой службой РФ [14; 15].

В отечественном законодательстве, УПК РФ отсутствует норма о взаимодействии следователя Следственного комитета РФ и представителей контролирующих органов вообще и Федеральной налоговой службы РФ в частности, о необходимости которого постоянно говорят при рассмотрении вопросов улучшения противодействия преступности.

Эффективность взаимодействия между следователем и представителями ФНС России

напрямую связана с правовыми условиями, которые представляют собой совокупность нормативно закреплённых правил поведения субъектов взаимодействия, обеспечивающих более четкую его организацию, создание благоприятной обстановки для его осуществления. К ним следует отнести:

1) наличие полноценной правовой базы, конкретизирующей на ведомственном и межведомственном уровне порядок и процессуальные формы взаимодействия;

2) персональную ответственность субъектов взаимодействия за общий результат совместной деятельности и за реализацию своего направления.

Говоря о полноценной правовой базе взаимодействия, мы имеем в виду не только внесение дополнений в УПК РФ, но и развитие именно ведомственного и межведомственного регулирования, значение которого еще более

повысится в случае создания единой правовой основы в виде совместного нормативного акта. Она должна закреплять:

1) уголовно-процессуальные основы взаимодействия, которые целесообразно было бы сформировать в качестве самостоятельного института, организационно представленного в виде самостоятельных норм (раздела, главы УПК РФ);

2) организационно-правовые основы взаимодействия, зафиксированные в межведомственных соглашениях о взаимодействии федеральных органов государственной власти, органа налогового контроля и правоохранительного органа, наделенных полномочиями по реализации.

Подобный подход позволит более четко организовать взаимодействие следователя и представителя соответствующих подразделений ФНС России.

1. Розенблюм Р.И. Правовое регулирование государственного финансового контроля в СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1952.

2. Грачева Е.Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля. М., 2000.

3. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. / под ред. С.В. Степашина. СПб., 1999.

4. Кучеров И.И. Налоговые преступления (теория и практика расследования). М., 2010.

5. Назаров С.Д. Взаимодействие аппаратов по борьбе с организованной преступностью с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 1997.

6. Ивасенко В.Б. Пути повышения эффективности взаимодействия оперативных органов ФПС России с другими субъектами оперативно-розыскной деятельности в борьбе с контрабандой наркотиков: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

7. Мордовец А.П. О состоянии и мерах борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации // Оперативно-розыскная работа. 1999. № 1.

8. Герасимов И.Ф. Формы взаимодействия органов предварительного следствия и дознания // Криминалистика: учеб. для вузов. М., 2000.

9. О налоговых органах Российской Федерации: закон РФ от 21 марта 1991 г. № 943-1 (ред. от 28.06.2013) // Бюл. нормативных актов. 1992. № 1.

10. Латышев В.И. Налоговые правонарушения: поиск и выявление. М., 2006.

1. Rozenblum R.I. Legal regulation of state financial control in the USSR: auth. abstr. ... Master of Law. L., 1952.

2. Gracheva E.Yu. Problems of legal coordination of the state financial control. M., 2000.

3. Fundamentals of operative detective activity: textbook / ed. by S.V. Stepashin. SPb., 1999.

4. Kuchеров I.I. Tax crimes (theory and practice of investigation). M., 2010.

5. Nazarov S.D. Apparatus interaction in the fight against organized crime with the other subjects of operative detective activity: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 1997.

6. Ivashenko V.B. Ways of increasing the effectiveness of interaction between FTS operative organs of Russia and other subjects of operative detective activity in the fight against drugs smuggling: auth. abstr. ... Master of Law. M., 2000.

7. Mordovets A.P. About the state and methods in the fight with organized crime in the Russian Federation // Operative detective activity. 1999. № 1.

8. Gerasimov I.F. The forms of interaction between preliminary investigation and inquiry organs // Kriminalistics: textbook for universities. M., 2000.

9. About tax organs of the Russian Federation: law of the Russian Federation of March, 21 1991. № 943-1 (ed. of 28.06.2013) // Bull. of normative acts. 1992. № 1.

10. Latishev V.I. Tax offences: search and detection. M., 2006.

11. Matters of Improvement the Governance in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of March 11, 2003 № 306 (ed. of 27.10.2011) // Rus. newsp. 2003. № 55.

11. Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 марта 2003 г. № 306 (ред. от 27.10.2011) // Рос. газ. 2003. № 55.

12. Красницкий В.А. Налоговый контроль в системе налогового администрирования М., 2008.

13. О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 403-ФЗ (ред. от 02.07.2013) // Рос. газ. 2010. № 296.

14. Козлова Н. Александр Бастрыкин о реформе уголовного преследования за экономические преступления // Рос. газ. Федер. вып. 2010. № 5093(14).

15. Казьмин Д., Костенко Н., Никольский А. Следственный комитет хочет возбуждать дела за неуплату налогов без обязательной налоговой проверки. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/7031851/nalogoviki_ne_nuzhny

12. Krasnitskiy V.A. Tax control in the system of tax administration. М., 2008.

13. About Investigational Committee of the Russian Federation: fed. law of Dec. 28, 2010 № 403-FL (ed. of 02.07.20130) // Rus. newsp. 2010. № 296.

14. Kozlova N. Alexander BASTRIKIN about the reform of criminal prosecution for economic crimes // Rus. newsp. Fed. iss. 2010. № 5093(14).

15. Kazmin D., Kostenko N., Nikolskii A. Investigational committee wants to institute legal proceedings for tax nonpayment without obligatory tax inspection. URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/7031851/nalogoviki_ne_nuzhny

Кольчурин Андрей Геннадьевич

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: kag63@list.ru)

Чирва Снежанна Владимировна

адъюнкт кафедры предварительного расследования
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: dubininasnega@mail.ru)

К вопросу о ювенальной юстиции

Статья посвящена спорам, связанным с созданием ювенальной юстиции в России. Особое внимание уделяется сравнению действующего законодательства, касающегося несовершеннолетних, с проектом Закона «О системе ювенальной юстиции в Российской Федерации».

Ключевые слова: ювенальная юстиция, проект Закона «О системе ювенальной юстиции в Российской Федерации», преступления несовершеннолетних, уголовная ответственность несовершеннолетних, обстоятельства, подлежащие установлению.

A.G. Kolchurin, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kag63@list.ru;

S.V. Chirva, Adjunct of a Chair of Preliminary Investigation of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: dubininasnega@mail.ru

To the question about juvenile justice

The article is devoted to the debate over the creation of juvenile justice in Russia. Particular attention is paid to comparison of current legislation relating to minors, the project of Law «On the system of juvenile justice in the Russian Federation».

Key words: juvenile justice, project of Law «On the system of juvenile justice in the Russian Federation», juvenile crime, criminal responsibility of minors, circumstances for establishment.

Споры о создании ювенальной юстиции в России, которые начались в конце XX в., не утихают до настоящего времени. И это не удивительно. Законодательное внедрение этой системы так и осталось на уровне проектов. Проект Федерального закона «О ювенальной юстиции в Российской Федерации», разработанный Э.Б. Мельниковой и Г.Н. Ветровой (1996 г.), и проект Федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» Н.Л. Хананашвили и А.С. Автономова (2005 г.) прошли два чтения в Государственной думе РФ, но статуса закона так и не получили. При этом внедрение технологий ювенальной юстиции проходит в различных регионах страны (Ростовская область – 2001 г.; Пермский край – 2006 г.; Липецкая область – 2008 г.; Тюменская область – 2010 г.; Хабаровский край – 2011 г. и т.д.). Экспериментальный режим, в котором действует несколько специализированных судебных составов в Ростовской области и некоторых других регионах России, с одной стороны, демонстрирует явно выраженные по-

ложительные результаты, с другой – не может продолжаться вечно и должен обрести соответствующую устойчивую правовую основу в виде законов [1, с. 3–6].

Одним из главных негативных моментов ювенальной юстиции ее противники считают вмешательство государства в лице различных органов в дела семьи. Но такие ситуации существуют и без создания ювенальной юстиции. В настоящий момент в России имеется законная основа для разрешения вопросов, касающихся несовершеннолетних, например: Указ Президиума ВС РСФСР от 3 июня 1967 г. (ред. от 25 февраля 1993 г.) «Об утверждении Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних» [2], Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ [3], Федеральный закон «Об основах профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ [4], Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г., в который Федеральным законом от 24 апреля 2008 г. № 49-ФЗ была

введена гл. 22 «Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5], постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» от 1 февраля 2011 г. № 1 [6]. Кроме того, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ имеется гл. 50 «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних», в Уголовном кодексе РФ – разд. V «Уголовная ответственность несовершеннолетних». Объединение всего этого законодательства в одну систему и есть, на наш взгляд, шаг к созданию ювенальной юстиции.

В споре между защитниками и противниками ювенальной юстиции сложно принять чью-либо сторону, т.к. и сторонники, и их оппоненты имеют веские доводы. Невозможно не согласиться с мнением Ю. Белановского о том, что «трудно понять, откуда возникла мысль, что смысл детского правосудия в том, что кто-то желает отбирать детей у родителей. Скорее всего, это реакция народного сознания на примеры неоправданно детского поведения определенных социальных работников, чиновников и представителей правоохранительных органов на Западе и в России... выражая недовольство введением ювенальной юстиции, общественность тем самым говорит о своих опасениях по отношению к тому правовому беспределу, что сейчас творится в нашей стране» [7, с. 15–17]. Таким образом, общественность выступает против ювенальной юстиции, которая юридически не существует.

Чтобы разобраться в том, что понимается под такой юстицией, следует обратиться к понятию ювенальной юстиции, которое предлагают авторы законопроекта: «Ювенальная юстиция представляет собой судебную систему, осуществляющую правосудие по делам о несовершеннолетних и имеющую задачи судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетних и судебного разбирательства дел о правонарушениях и преступлениях несовершеннолетних» [8]. Суд, входящий в систему ювенальной юстиции, имеет ряд особенностей, которые также отражены в законопроекте: «...данный суд, будучи судом уголовным, может, в рамках рассмотрения дел о правонарушениях или преступлениях несовершеннолетних, рассматривать связанные с правонарушением или преступлением вопросы, касающиеся опеки и попечительства над несовершеннолетними правонарушителями, о злоупотреблениях родителями их родительскими правами или пре-

небрежении родителями их родительскими обязанностями в отношении несовершеннолетних и принимать по этим вопросам соответствующие решения. Комплексность юрисдикции суда по делам о несовершеннолетних выражается и в том, что данный суд может действовать как суд гражданской юрисдикции, рассматривая гражданские дела по искам несовершеннолетних и их законных представителей о посягательстве на имущественные, личные неимущественные, трудовые права несовершеннолетних и иные дела гражданской юрисдикции, касающиеся несовершеннолетних. Комплексная юрисдикция суда по делам о несовершеннолетних включает также рассмотрение единоличным судьей по делам о несовершеннолетних дел об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также рассмотрение вопросов о назначении несовершеннолетним, совершившим правонарушения, мер воспитательного воздействия и принятия по ним соответствующих решений» [8].

И если гражданская составляющая ювенального суда (при том, что он все-таки уголовный суд) широко обсуждается в обществе (с приведением примеров «вопиющих» фактов изъятия детей из семей), то вопросы уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних остаются без должного внимания. Согласно законопроекту уголовное судопроизводство в отношении несовершеннолетних должно нести больше воспитательный характер, нежели карательный. С этим можно было бы согласиться, если бы к уголовной ответственности не привлекались несовершеннолетние, уже имеющие судимости, или те, в отношении которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с достижением возраста уголовного преследования. Поэтому нельзя не согласиться и с опасением Н.М. Хромовой о том, что: «...в рамках предлагаемых проектов настойчиво предлагалось максимально освободить детей от уголовной ответственности, от принудительного заключения в трудовую колонию – мол, надо просто принимать меры воспитательного характера. Нетрудно представить себе результат, когда ребенок регулярно совершает преступление, когда вокруг него собирается группировка, а семья не может его контролировать, поскольку неблагополучна, когда не помогли ни предупреждения, ни условные наказания, ни какие-либо иные меры перевоспитания. Он знает, что ему никогда не вынесут наказание, связанное с лишением свободы, и остановить его преступную деятельность практически невозможно. Единственным способом пресечения правонарушения после

множества неудачных попыток вразумления остается реальное принудительное наказание. Попытка освободить детей от уголовного преследования чревата безответственностью и безнаказанностью. Мало того, это меняет всю нашу пенитенциарную систему» [9, с. 11–12]. Сторонник ювенальной юстиции М.А. Агафонов высказывается по этому поводу иначе: «Можно говорить с полной уверенностью, что детям тюрьма абсолютно противопоказана, да и вся система наказаний за правонарушение для подростков должна быть пересмотрена с учетом их возрастных особенностей. Этот пересмотр как раз и должна осуществить ювенальная юстиция» [10, с. 13–17]. На наш взгляд, для несовершеннолетних в некоторых случаях избрание меры пресечения в виде заключения под стражу может повлиять на перевоспитание (находясь в следственном изоляторе, нарушитель на какой-то период времени прекратит преступную деятельность, выйдет из-под влияния криминально настроенных сверстников, осознает неотвратимость наказания т.п.). Не надо недооценивать несовершеннолетних преступников, именно преступников («нормы ювенальной юстиции запрещают применять к несовершеннолетним термины “преступление” и “преступник” во избежание стигматизации» [10, с. 13–17]).

Конечно, каждое уголовное дело в отношении несовершеннолетнего правонарушителя должно рассматриваться индивидуально (не по шаблону), с учетом личностных характеристик последнего. Для этого авторы законопроекта предусмотрели необходимость исследования личности несовершеннолетнего, условий его жизни и воспитания. Так, при расследовании и рассмотрении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего необходимо установить следующую информацию: «точный возраст несовершеннолетнего, число, месяц, год рождения; состояние физического и психического здоровья; уровень интеллектуального, волевого и нравственного развития, особенности характера и темперамента, потребности и интересы, иные социально-психологические черты личности несовершеннолетнего, имеющие значение для индивидуализации ответственности и выбора средства воспитательного воздействия; обстановку и взаимоотношения в семье: состав семьи, материальные условия жизни, образовательный уровень ее членов, взаимоотношения между взрослыми членами семьи, взаимоотношения взрослых и детей, наличие конфликтных ситуаций, формы проведения

досуга в семье; обстановку и психологический климат в учебном заведении, предприятии, фирме или организации, где учится или работает несовершеннолетний, его отношение к учебе или работе, взаимоотношения в коллективе, круг друзей; обстоятельства, характеризующие связи и времяпрепровождение несовершеннолетнего вне дома или работы: вхождение в различные формальные и неформальные группы и объединения, характер общения в этих группах, формы проведения свободного времени» [11].

Этот перечень значительно шире, чем перечень обстоятельств, подлежащих установлению, указанных в ч. 1 ст. 421 УПК РФ (возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения; условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности личности; влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц). Помимо содержания обстоятельств, подлежащих установлению при расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, различия имеются и в субъекте сбора информации о несовершеннолетнем.

В настоящее время изучение личности несовершеннолетнего осуществляется как на стадии предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Обстоятельства, предусмотренные ч. 1 ст. 421 УПК РФ, устанавливает лицо, производящее предварительное расследование, кроме того, по поручению следователя изучением личности несовершеннолетнего занимается специальная комиссия по делам несовершеннолетних. В судебных стадиях исследованием личности несовершеннолетнего занимается помощник судьи, который наделен функциями социального работника. Несмотря на некоторое различие в объеме перечня обстоятельств, подлежащих установлению, объект исследования остается тот же. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразней оставить функцию по изучению личности несовершеннолетнего одному из исполнителей. С учетом того что основные данные о личности несовершеннолетнего правонарушителя необходимо устанавливать на стадии предварительного расследования, логичней было бы расширить перечень обстоятельств, подлежащих установлению, и ограничиться сбором такой информации на стадии предварительного расследования.

В завершение можно констатировать следующее.

С одной стороны, введение ювенальной юстиции, которая предполагает узкую специализацию судей, их подготовленность к рассмотрению

дел в отношении несовершеннолетних, участие в процессе иных органов системы ювенальной юстиции, будет способствовать качественному процессу защиты прав и законных интересов несовершеннолетних.

С другой стороны, как верно подметил К.С. Миловидов, «нужно заставить работать уже существующий закон, для этого не обязательно создавать какую-то новую структуру. Пока что он работает плохо, а в новой системе будут те

же лица, только с еще большими полномочиями: те же судьи, которые плохо работают сейчас, те же дамы из опеки с милицейским прошлым, те же специалисты, окончившие двухмесячные курсы психологов. Даже существующие формы работы органов опеки зачастую противоречат Конституции, которая гласит, что никто не имеет права вмешиваться в жизнь семьи. Что же будет, если объединить их вокруг суда и дать им еще большие полномочия?» [12, с. 17–20].

1. Хананашвили Н.Л. Ювенальная юстиция – «против» и «за» // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 4.

2. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc;base=LAW;n=10547>

3. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc;base=LAW;n=12647>

4. URL: <http://base.garant.ru/12116087/>

5. URL: http://www.consultant.ru/popular/family/20_27.htm#p1330

6. Рос. газ. 2011. 11 февр.

7. Белановский Ю. Православие и ювенальная юстиция. Точки над «i» // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 4.

8. Проект закона «О ювенальной юстиции в Российской Федерации». URL: <http://juvenjust.org/txt/index.ppx/t311.html>.

9. Хромова Н.М. Ювенальный суд: да или все же нет? // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 6.

10. Агафонов М.А. Что за зверь на букву «ю»? // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 6.

11. О ювенальной юстиции в Российской Федерации: проект федер. закона. URL: <http://juvenjust.org/txt/index.ppx/t311.html>.

12. Миловидов К.С. Вор должен сидеть... в семье // Вопросы ювенальной юстиции. 2010. № 1.

1. Khananashvili N.L. Juvenile justice – «against» and «for» // Juvenile justice issues. 2010. № 4.

2. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc;base=LAW;n=10547>

3. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc;base=LAW;n=12647>

4. URL: <http://base.garant.ru/12116087/>

5. URL: http://www.consultant.ru/popular/family/20_27.htm#p1330

6. Rus. newsp. 2011. Febr. 11.

7. Belanovsky Yu. Orthodoxy and the juvenile justice system. Points above «i» // Juvenile justice issues. 2010. № 4.

8. The project of Law «On the system of juvenile justice in the Russian Federation». URL: <http://juvenjust.org/txt/index.ppx/t311.html>.

9. Chromova N.M. Juvenile Court: yes or no? // Juvenile justice issues. 2009. № 6.

10. Agafonov M.A. What kind is animal with the letter «u»? // Juvenile justice issues. 2009. № 6.

11. On the system of juvenile justice in the Russian Federation: project of Law. URL: <http://juvenjust.org/txt/index.ppx/t311.html>

12. Milovidov K.S. Thief should be... in the family // Juvenile justice issues. 2010. № 1.

Долгополов Александр Александрович

доктор юридических наук, профессор,
начальник филиала ВНИИ МВД России по Южному федеральному округу
(e-mail: vnii-kk@mail.ru)

О теоретических основах правового регулирования отношений в сфере оборота оружия

Исследуются проблемы правового регулирования оборота оружия. Осуществляется анализ нормативных правовых актов, регулирующих деятельность органов внутренних дел в сфере контроля за оборотом оружия. Обосновывается необходимость применения режимного административно-правового регулирования в сфере оборота оружия.

Ключевые слова: административно-правовой режим, информационные технологии, оборот оружия, правовое регулирование, правовая норма.

A.A. Dolgoplov, Doctor of Law, Professor, Head of the branch of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia of the Southern Federal District; e-mail: vnii-kk@mail.ru

About some problems of control improvement behind a weapon turn

Problems of legal regulation of a turn of the weapon are investigated. The analysis of the regulating activity of law-enforcement bodies in the sphere of control of a turn of the weapon is carried out. The necessity of application of regime administrative and legal regulation for the sphere of a turn of the weapon is proved.

Key words: administrative legal regime, information technologies, weapon turn, legal regulation, rule of law.

Теоретические и прикладные проблемы, связанные с формированием и реализацией административно-правовых режимов оборота оружия, всегда находились в сфере научных интересов представителей административно-правовой науки и других областей научных знаний и требуют теоретически обоснованной научной концепции процесса их формирования и реализации. Необходимо проведение исследований, которые бы выявили и предложили системный подход в решении указанных проблем, синтезировали бы имеющиеся знания и привнесли в административно-правовую науку новые теоретические представления о формировании и реализации административно-правовых режимов оборота оружия.

В сфере оборота оружия государство путем правового регулирования общественных отношений обязано не допустить наступление вредных последствий, для чего требуется императивное, властно-приказное упорядочение организации этой деятельности, формирование устойчивого правового порядка функционирования субъектов правоотношений. Однако форма правового регулирования отношений, которая допускает правомерное или неправомерное (хотя и под угрозой привлечения к ответствен-

ности) поведение по усмотрению субъектов правоотношений, не может быть признана приемлемой. Поэтому для решения таких социально значимых задач, целью которых является неотвратимость реализации правовых норм, регулирующих поведение субъектов правоотношений в сфере оборота оружия, должны образовываться соответствующие юридические конструкции административно-правовых режимов, охватывающие все уровни административно-правовых отношений, устанавливающие соответствующие запреты, дозволения, ответственность, стимулы, позволяющие объединить совокупность правовых норм, направленных на обеспечение гарантированного достижения поставленной юридической цели – правомерного поведения субъектов правоотношений. В этих целях необходимо образование досконально проработанных юридических конструкций административно-правовых режимов оборота оружия, определяющих допустимые пределы правомерного поведения субъектов и функционирование объектов правового регулирования, которые позволяют достаточно точно учесть и реализовать правовые статусы множества субъектов правоотношений. Целенаправленно выстраивая комплекс правоотношений по по-

воду оборота оружия, применяя как инструмент воздействия на участников отношений систему прав, обязанностей, ответственности, гарантий, учитывая всевозможные юридические факты, юридические конструкции административно-правовых режимов наиболее эффективным образом позволяют добиться социально значимого результата – обеспечения безопасности общества в процессе оборота оружия.

Административно-правовой статус субъектов и объектов правоотношений, регулируемых административно-правовыми режимами, должен определять права, обязанности, подконтрольность, систему взаимодействия субъектов и объектов правоотношений. Доскональная проработка и определение правового статуса государственных органов, осуществляющих лицензирующие, контрольные функции, принимающих решения о возможности функционирования субъектов и объектов правоотношений по поводу оборота оружия, имеет важное значение в обеспечении эффективности функционирования административно-правовых режимов. Основным критерием оценки способности той или иной юридической конструкции административно-правовых режимов продуктивно регулировать общественные отношения в сфере оборота оружия является, прежде всего, наличие в ней в достаточной степени эффективных правовых средств на всех уровнях правового регулирования правоотношений по поводу оружия, обеспечивающих гарантированно безопасное их хранение и использование.

В структуре юридической конструкции административно-правовых режимов оборота оружия наряду с режимными правилами особое место занимают правовые, организационные, информационные, материально-технические гарантии, которые при помощи различных правовых средств должны обеспечивать возможность реализации режимов, создание таких правовых условий, при которых неисполнение режимных правил неотвратимо влечет невозможность осуществления оборота оружия, его изъятие, привлечение виновных должностных лиц к соответствующей ответственности (дисциплинарной, административной, уголовной). Правовые гарантии, как и любые иные, должны формироваться нормами права и наделяют административно-правовые режимы возможностью выявлять и предупреждать правонарушения в сфере оборота оружия, принимать меры по пресечению нарушений режимных правил, устанавливать юридическую ответственность за нарушение режимных правил. Организационные, информационные, материально-технические гарантии должны определять порядок управ-

ленческой деятельности, обеспечивающей соблюдение режимных правил, устанавливать систему, порядок наделения соответствующих должностных лиц необходимыми полномочиями, обязанностями, в том числе функциональными, для обеспечения соблюдения режимных правил, вводят материально-технические меры защиты режимных правил, устанавливают систему информационного обеспечения должностных лиц, ответственных за соблюдение режимных правил.

Разработке юридических конструкций административно-правовых режимов в сфере оборота оружия должна предшествовать тщательная аналитическая проработка всей структуры юридических конструкций, которая должна строиться исходя из социальной цели, определенной для достижения образуемыми административно-правовыми режимами. Путем правового, формально-логического анализа должен быть определен набор правовых средств, которые будут применяться для достижения цели. В юридической конструкции должны быть установлены: методы поддержания постоянного функционирования административно-правового режима; система взаимодействия субъектов режимного обеспечения; обмен между ними информацией об устойчивом функционировании административно-правового режима; их контрольные функции в отношении объектов правового регулирования. В результате должна быть выработана схема прав, обязанностей, ответственности как субъектов правового регулирования, так и объектов правового регулирования.

Юридические конструкции административно-правовых режимов в сфере оборота оружия – эффективный инструмент социального регулирования, что является главным предназначением права. Планомерный, поэтапный выбор правовых средств, их согласованность между собой – неотъемлемое условие для создания эффективных, функциональных юридических конструкций административно-правовых режимов в сфере оборота оружия. Совершенство самого административно-правового режима будет зависеть не только от основного его правового регулятора – федерального закона, но и от проработанности последующих по уровню нормативных правовых актов – постановлений Правительства Российской Федерации, ведомственных нормативных правовых актов, которые должны обеспечить комплексное правовое регулирование общественных отношений по поводу оборота оружия.

Для построения юридических конструкций административно-правовых режимов оборота оружия, оказывающих регулирующее воздействие на общественные отношения, необходимо,

чтобы базовый нормативный правовой акт, устанавливающий тот или иной административно-правовой режим, определял последовательность иерархического построения последующего нормативно-правового материала, детализирующего регулятивную функцию административно-правового режима, органически связанного с базовым нормативно-правовым актом, а также призванного выполнить охранительную функцию по отношению к регулятивной части административно-правового режима. Базовый нормативно-правовой акт, устанавливающий административно-правовой режим, должен образовывать структуру административно-правового режима: режимные правила; административно-правовые статусы субъектов и объектов правоотношений, регулируемых административно-правовым режимом; юридические, организационные, информационные, материально-технические гарантии функционирования административно-правового режима. Базовым нормативно-правовым актом должен быть федеральный закон в том случае, когда административно-правовой режим призван обеспечить правовое регулирование общественных отношений в сфере прав, обязанностей граждан, других конституционных установлений. Системное построение правового материала юридических конструкций административно-правовых режимов в процессе правового регулирования оборота оружия позволяет образовать единое правовое пространство в этой сфере социальной деятельности, обеспечить его эффективность, сбалансировать нормативные правовые акты всех уровней, создать правовую основу для издания иных нормативных правовых актов.

Регулирующее воздействие нормативных правовых актов, устанавливающих режимные правоотношения, режимные правила и режимные гарантии в сфере оборота оружия, должно быть направлено на решение следующих основных задач:

определение издаваемыми нормативными правовыми актами органов исполнительной власти, уполномоченных обеспечивать устойчивое функционирование административно-правового режима, а в случае наличия целесообразности также образование новых органов исполнительной власти;

регламентация административно-правовыми нормами правил поведения субъектов правоотношений, регулируемых административно-правовым режимом, установление запретов, дозволений, позитивных обязываний, стимулирования;

установление порядка деятельности органов исполнительной власти в сфере государственного управления в условиях функционирования административно-правового режима;

установление правового статуса субъектов и объектов правоотношений в структуре административно-правового режимного регулирования, в том числе усиление прав органов исполнительной власти, а также возложение дополнительных обязанностей и ограничение прав других субъектов правоотношений;

установление режимных правил, формирование системы организационных, юридических, информационных, материально-технических гарантий, обеспечивающих устойчивое функционирование административно-правового режима;

определение системы контроля со стороны органов исполнительной власти за соблюдением режимных правил;

установление ответственности за нарушение режимных правил (административной, уголовной, дисциплинарной и т.п.);

установление порядка реализации режимных правил в целях обеспечения возможности функционирования объекта режимного регулирования (получение различного рода разрешений, лицензий, сертификатов, установление порядка регистрации на различные виды деятельности).

Регулятивные возможности юридических конструкций позволяют обуславливать свое образование как практическими потребностями в правовом регулировании отношений в сфере оборота оружия, так и возможностью проектирования моделей правомерного поведения субъектов правоотношений посредством построения соответствующего правового материала. Такой подход в образовании юридических конструкций административно-правовых режимов позволяет расширить их регулятивные возможности в зависимости от юридической цели, выстраивать схемы применения соответствующих правовых средств, реализовывать правовые статусы субъектов правоотношений, добиться социально значимого результата, установленного правотворческим органом.

Для реализации фундаментальных административно-правовых режимов, регулирующих социальные правоотношения в сфере оборота оружия, должны быть образованы обеспечивающие административно-правовые режимы, направленные на неотвратимое исполнение правовых норм, образующих фундаментальные административно-правовые режимы. В процессе реализации фундаментальных административно-правовых режимов оборота оружия

могут образовываться административно-правовые режимы, регулирующие организацию управленческой деятельности государственных органов исполнительной власти, выполняющих функции лицензирования, надзора, контроля и т.п. Деятельность таких органов должна быть строго регламентирована таким образом, чтобы фундаментальный административно-правовой режим был неотвратимо реализован. Субъекты управленческих правоотношений должны неукоснительно следовать режимным правилам, сформулированным в виде обязываний, запретов, дозволений, неотвратимость исполнения таких правил должна быть обеспечена организационными, юридическими, материально-техническими, информационными гарантиями. Существование таких административно-правовых режимов возможно только в случае их соответствующего нормативно-правового обеспечения, т.е. издания формирующих эти режимы нормативных правовых актов.

Правовой статус субъектов, реализующих административно-правовые режимы оборота оружия, должен представлять собой закрепленную в административно-правовых нормах компетенцию, полномочия, функции, необходимые для достижения установленной управленческой, организационно-правовой цели, во имя которой соответствующими нормативными правовыми актами образованы сами административно-правовые режимы. Правовой статус субъектов, обеспечивающих реализацию административно-правовых режимов, является одним из основных компонентов в структуре юридической конструкции административно-правового режима, должен формироваться комплексом нормативных правовых актов с учетом правового положения всех участников правоотношений, включать в себя комплекс статусных полномочий, необходимых для реализации административно-правовых режимов. Правовой статус субъектов правоотношений, реализующих административно-правовые режимы, по своим основным параметрам должен быть согласован с другими составляющими частями юридической конструкции административно-правового режима: режимными правилами, юридическими, организационными, материально-техническими, информационными гарантиями устойчивого функционирования правового режима. Правовой статус субъектов правоотношений, реализующих административно-правовые режимы, должен соответствовать юридическим свойствам подконтрольных объектов правоотношений, по отношению к которым у субъектов правоотношений должны быть установлены соответствующие права и обязанности.

В комплекс нормативных правовых актов, осуществляющих правовое регулирование режимных отношений в сфере оборота оружия, должны быть включены нормы, регулирующие деятельность объектов правоотношений. От юридических свойств подконтрольных объектов во многом зависят функции органов внутренних дел, их внутриорганизационная структура, характер и интенсивность информации, необходимой для реализации административно-правовых режимов, необходимый и достаточный набор юридических норм, которые могут и должны применять органы внутренних дел для обеспечения функционирования объектов контроля в заданных нормотворческим органом параметрах.

Для обеспечения жизнеспособности такой сложной правовой конструкции, которая, с одной стороны, обеспечила бы достижение правовой цели в сфере оборота оружия, а с другой – была бы проста и эффективна в реализации, необходимо дифференцировать режимное правовое регулирование по следующим основным направлениям: внутриорганизационное административно-правовое режимное регулирование деятельности органов внутренних дел; административно-правовое режимное регулирование взаимодействия органов внутренних дел иными органами исполнительной власти в организации правового воздействия на подконтрольные объекты; административно-правовое режимное регулирование воздействия органов внутренних дел на подконтрольные объекты; административно-правовое режимное регулирование деятельности подконтрольных объектов. Таким образом, правовая цель достигается образованием комплекса административно-правовых режимов, согласованных между собой по основным целям, предмету, способам, формам правового воздействия. Соответственно должны выстраиваться правовой статус, компетенция, функции органов внутренних дел, которые должны строго соответствовать правовым целям, заложенным в нормативных правовых актах, формирующих административно-правовые режимы оборота оружия. В результате образуется система правовых норм, обеспечивающих реализацию органами внутренних дел административно-правовых режимов оборота оружия, формируется их компетенция в этой области.

Реализация административно-правовых режимов в обеспечении контроля за оборотом оружия может быть осуществлена в полной мере только при образовании внутриорганизационных административно-правовых режимов деятельности органов внутренних дел в этой

сфере, которые по своим основным параметрам: режимным правилам; режимным гарантиям – должны быть согласованы с административно-правовыми режимами оборота оружия, т.е. необходимо образование комплексных административно-правовых режимов.

Таким образом, можно полагать, что комплексное, режимное административно-правовое регулирование отношений в сфере оборота оружия является концептуальным положением и должно, несомненно, учитываться при издании соответствующих нормативных правовых актов.

Костюк Иван Иванович

начальник Отдела МВД России по Темрюкскому району
(e-mail: ivan.kostyuk@omvd-temryuk.ru)

О некоторых аспектах административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел

В статье исследуются проблемы административно-правового регулирования информационного обеспечения деятельности органов внутренних дел. Определяются субъекты и объекты административно-правового регулирования, раскрывается его механизм.

Ключевые слова: административно-правовое регулирование, информация, механизм правового регулирования, цель.

I.I. Kostyuk, Chief of the Department of the Ministry of the Interior of Russia by Temryuk District; e-mail: ivan.kostyuk@omvd-temryuk.ru

About some aspects of the administrative and legal regulation of information support activities of bodies of internal affairs

In the article problems of administrative and legal regulation of information support activities of bodies of internal affairs are investigated. Subjects and objects of administrative and legal regulation are defined, its mechanism is revealed.

Key words: administrative and legal regulation, information, mechanism of legal regulation, target.

В процессе своего функционирования государство постоянно посредством правовых норм должно устанавливать общие правила поведения физических и юридических лиц, осуществляя корректировку законодательства с учетом изменения определенных социальных условий. Таким образом осуществляется основа правового регулирования общественных отношений. Разновидность государственного регулирования определяется в зависимости от сферы общественных отношений, в которых государство осуществляет правовое регулирование. В сфере государственного управления осуществляется административно-правовое регулирование. Следует отметить, что административно-правовое регулирование как феномен, обуславливающий реализацию правовых норм в сфере государственного управления, неотделимо от механизма административно-правового регулирования. Иными словами, издание административно-правовых норм еще не гарантирует их воздействие на общественные отношения и не обеспечивает само по себе претворение их в жизнь. В теории права сформировалось понятие механизма правового регулирования, которое раскрывает сущность

воздействия правовых норм на управленческие отношения.

Административно-правовое регулирование, его механизм есть форма юридического опосредствования отношений, в которых одна сторона выступает в роли управляющего, а другая – управляемого. Такого рода отношения всегда предполагают известное подчинение воли управляемых единой управляющей воле, выразителем которой является тот или иной субъект исполнительной власти. Следовательно, административно-правовое регулирование рассчитано преимущественно на такие общественные отношения, в которых исключается юридическое равенство их участников.

Административно-правовое регулирование осуществляется путем:

- а) упорядочения, закрепления, совершенствования существующих общественных отношений;
- б) конструирования новых общественных отношений, соответствующих требованиям объективных законов развития общества, положениям Конституции РФ;
- в) охраны урегулированных нормами административного и других отраслей права общественных отношений;

г) вытеснения из сферы государственного управления общественных отношений, не соответствующих интересам граждан, общества и государства [1, с. 1–2].

Административное право как наука должно концентрироваться на изучении правового регулирования в сфере государственного управления. Государственное управление – это целенаправленная организующая, подзаконная, исполнительно-распорядительная и регулирующая деятельность системы органов государственной исполнительной власти, осуществляющих функции государственного управления (обусловленные функциями государства) на основе и во исполнение законов в различных отраслях и сферах социально-культурного, хозяйственного и административно-политического строительства [2, с. 30–31].

Поскольку информационное обеспечение деятельности органов внутренних дел носит системный характер, на наш взгляд, следует исследовать информацию как объект правового регулирования во взаимодействии с другими элементами этой системы – субъектами правоотношений, а также соотношение субъективных прав и объективных обязанностей. Правовым каркасом, объединяющим все элементы правовой системы, является механизм правового регулирования, поэтому следует раскрыть данное понятие более подробно.

Как полагает Ю.А. Тихомиров, «информационные отношения как предмет правового регулирования включают в себя субъекты информационно-правовых отношений, правовой режим получения, передачи, хранения и использования информации, юридические режимы информации разного содержания, пользование бланками и базами данных, информационные правоотношения, ответственность» [3, с. 339–340].

В.В. Лазарев, С.В. Липень отмечают, что правовое регулирование всегда направлено на достижение определенного результата в социальной сфере и неотделимо от понятия механизма правового регулирования [4, с. 370].

Такой же точки зрения придерживается и С.С. Алексеев, который пишет, что правовое регулирование – это не просто несколько иной словесный вариант выражения «право-регулятор», а особая категория, основательная и «теоретически насыщенная», возглавляющая специфический понятийный ряд. В него, этот понятийный ряд, входят еще такие понятия, как «механизм правового регулирования», «тип регулирования», «правовой режим», «метод регулирования», другие динамические структуры.

Отличительная черта правового регулирования состоит в том, что оно имеет свой специфический механизм. Наиболее общим образом механизм правового регулирования может быть определен как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения [5, с. 263].

С точки зрения функционирования механизм правового регулирования – это процесс, имеющий определенные стадии.

1. Стадия регламентации общественных отношений, формирования и общего действия права. На этой стадии осуществляется правотворческая деятельность компетентных государственных органов, формулируются и закрепляются в нормативных актах правовые нормы.

2. Стадия возникновения у адресатов правовых норм субъективных прав и обязанностей. Здесь происходит переход от общего к конкретному, от общих предписаний к конкретной модели поведения. Необходимое условие возникновения прав и обязанностей, т.е. правоотношений – наличие юридических фактов (фактического состава).

3. Стадия реализации субъективных прав и обязанностей в правомерном поведении субъектов права. Правовое регулирование достигает своей цели, упорядочивая общественные отношения.

Указанным выше стадиям соответствуют следующие элементы механизма правового регулирования.

1. Важная роль отводится нормам права, они должны указать общее правило, масштаб поведения. Правовыми нормами определяется круг субъектов, их правовое положение, взаимные права и обязанности, меры ответственности за противоправное поведение. Правовая норма является моделью правоотношений. В гипотезе указаны юридические факты, которые необходимы для возникновения субъективных прав и обязанностей, содержащихся в диспозиции или санкции.

2. Юридические факты «включают» весь механизм правового регулирования. Юридическими фактами могут являться и акты применения права. На основе правовых норм и при наличии юридических фактов возникает правовое отношение: связь между субъектами права, содержание которой составляют взаимные субъективные права и обязанности.

3. Акты реализации прав и обязанностей – фактическое поведение участников правовых

отношений в виде соблюдения, исполнения и использования права. Здесь заканчивается действие механизма правового регулирования, достигается упорядоченность общественных отношений, т.е. устанавливается правопорядок [4, с. 369–370].

При анализе структурного строения механизма правового регулирования необходимо отметить, что данный механизм не есть какая-то искусственная, застывшая конструкция, случайный набор правовых инструментов. Напротив, главная отличительная черта механизма правового регулирования – это его функциональная, динамическая сущность. Механизм правового регулирования есть механизм поэтапного «развертывания» объективного права вовне, в область реальных общественных отношений. В правовой системе общества он играет роль своеобразного постоянно действующего «привода», «регулятивной цепи», связывающей право (должное) и жизнь (сущее), идеальные модели и реальные процессы и явления. Каждое звено данной цепи занимает в ней свое особенное место, выполняет специфические задачи и функции и в то же время, включаясь в общую систему, способствует достижению целей механизма в целом.

Довольно разноплановые по своей природе и функциям юридические средства, объединяясь в механизм правового регулирования, образуют целостный организм, единую, внутренне согласованную, непротиворечивую комбинацию элементов, назначение которой заключается в постоянном действии, в непрерывном «прокручивании» правовой энергии [6, с. 98].

Главным содержательным признаком механизма правового регулирования, объясняющим его сущность и значение, является то, что он гарантирует практическую реализацию поставленных законодателем целей, достижение запланированного в праве результата и в конечном счете обеспечивает практическую реализацию интересов субъектов правовых отношений. Механизм правового регулирования специфический – юридический канал, соединяющий интересы субъектов с ценностями и обеспечивающий доведение процесса управления до определенного логического результата [7, с. 57].

Важную роль в обеспечении существования и эффективной работы механизма правового регулирования играет юридическая цель. В механизме правового регулирования цель может выступать либо как цель механизма в целом, либо как цель каждого отдельного его элемента (нормы права, правоотношения, акта реализации прав и т.п.).

Значение целей в механизме правового регулирования наиболее выпукло видится при

анализе тех функций, которые данные феномены выполняют в процессе правового регулирования: коммуникативной, мотивационной, оценивающей, прогностической, побудительной и регулятивной [7, с. 95].

Целью правового регулирования в сфере информационного обеспечения деятельности в органах внутренних дел является правовое обеспечение функционирования информационных потоков, генерирующих деятельность этого органа исполнительной власти, что является предметом административного права. М.Ю. Тихомиров отмечает, что «именно административное право регулирует организацию и деятельность специального аппарата – органов власти, собственно управленческую деятельность. И в то же время административное право в функциональном смысле охватывает и управление обществом, и управление государством, поскольку его нормы создают правовые режимы функционального назначения. В орбиту этих режимов технологически единообразной деятельности неизбежно включается широкий круг субъектов права. Иначе невозможно обеспечить постоянное, оперативное и специализированное осуществление и охрану публичных интересов» [8, с. 38].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что информационное обеспечение деятельности в органах внутренних дел должно быть подвергнуто административно-правовому регулированию для установления правоотношений, связанных с формированием, передачей, обработкой, использованием, хранением информационных ресурсов в органах внутренних дел.

В действующем законодательстве отмечается, что правовое регулирование отношений, возникающих в сфере информации, информационных технологий и защиты информации, основывается на следующих принципах:

- 1) свобода поиска, получения, передачи, производства и распространения информации любым законным способом;
- 2) установление ограничений доступа к информации только федеральными законами;
- 3) открытость информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и свободный доступ к такой информации, кроме случаев, установленных федеральными законами;
- 4) равноправие языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации;
- 5) обеспечение безопасности Российской Федерации при создании информационных систем,

их эксплуатации и защите содержащейся в них информации;

б) достоверность информации и своевременность ее предоставления;

7) неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия;

8) недопустимость установления нормативными правовыми актами каких-либо преимуществ применения одних информационных технологий перед другими, если только обязательность применения определенных информационных технологий для создания и эксплуатации государственных информационных систем не установлена федеральными законами.

1. Бахрах Д.Н. *Административно право. Часть общая: учеб.* М., 1993.

2. Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Стариков Ю.Н. *Административное право.* М., 2004.

3. Тихомиров Ю.А. *Публичное право.* М., 1995.

4. Лазарев В.В., Липень С.В. *Теория государства и права: учеб. для вузов.* М., 1998.

5. Алексеев С.С. *Восхождение к праву. Поиск и решения.* М., 2002.

6. Малько А.В., Шундигов К.В. *Цели и средства в праве и правовой политике.* Саратов, 2003.

7. Малько А.В. *Механизм правового регулирования // Правоведение.* 1996. № 3.

8. Тихомиров Ю.А. *Административное право и процесс: полный курс.* М., 2005.

1. Bachrach D.N. *Administrative law. General Part: textbook.* М., 1993.

2. Bachrach D.N., Rossinsky B.V., Starilov Yu.N. *Administrative law.* М., 2004.

3. Tikhomirov Yu.A. *Public law.* М., 1995.

4. Lazarev V.V., Lipen S.V. *State and right theory: textbook for higher education institutions.* М., 1998.

5. Alekseev S.S. *Ascent to the law. Searches and solutions.* М., 2002.

6. Malko A.V., Shundikov K.V. *The purposes and means in law and legal policy.* Saratov, 2003.

7. Malko A.V. *Mechanism of administrative and legal regulation // Jurisprudence.* 1996. № 3.

8. Tikhomirov Yu.A. *Administrative law and process: full course.* М., 2005.

Соколов Александр Юрьевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой
административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии
(тел.: +78452299033)

Конституционные основы мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях

Исследуются конституционные принципы института мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Автором выявляется предусмотренная Конституцией РФ возможность ограничения законодателем основных принципов в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Ключевые слова: конституционные принципы, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, ограничение прав и свобод человека и гражданина.

A.Yu. Sokolov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Administrative and Municipal Law of the Saratov State Law Academy; tel.: +78452299033.

Constitutional bases of measures of providing of production on cases about administrative crimes

The constitutional principles of institute of provision procedure measures of administrative offences cases are investigated. The author comes to light provided by the Constitution of the Russian Federation the legislator's possibility of restriction of the basic principles with a view of protection of bases of the constitutional system, moral, health, the rights and legitimate interests of other persons, ensuring defense of the country and safety of the state.

Key words: constitutional principles, Russian Code on Administrative Offences, provision procedure measures of administrative offences cases, restriction of rights and freedoms of the person and the citizen.

В соответствии со ст. 1.1 КоАП РФ законодательство об административных правонарушениях, включающее в себя КоАП РФ и законы субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, основывается на Конституции РФ. В соответствии с подп. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ административное и административно-процессуальное законодательство отнесено к сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Вместе с тем, основополагающими в данном случае выступают положения, закрепленные п. «в» ст. 71 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, относящие регулирование, ограничение и защиту прав и свобод человека и гражданина к федеральному ведению. С рассмотренным установлением корреспондируется правило, закрепленное ч. 2 и 5 ст. 76 Конституции РФ, устанавливающее

невозможность противоречия законодательства субъектов Российской Федерации федеральному по предметам совместного ведения. Такой подход, воспроизведенный ч. 1 ст. 1.1 КоАП РФ, легитимизирует исключительность установления мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях законодателем Российской Федерации (п. 4 ч. 1 ст. 1.3 КоАП РФ).

Современная Конституция РФ отражает классические либеральные взгляды на индивидуальную свободу, личные права, равенство, собственность, политический плюрализм, представительную демократию и одновременно закрепляет достаточно широкие возможности государства в регулировании различных сфер общественных отношений, т.е. является вариантом либерально-элитарной конституционной модели [1, с. 14–26]. Основные права и свободы являются объективным пра-

вом, обязательным для всех государственных органов. В соответствии с ч. 2 ст. 55 Конституции РФ в России не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем, наличие основных прав и свобод не следует отождествлять с набором дозволений и неограниченным волюнтаризмом в поведении [2, с. 157]. Каждой из регламентированных правом свобод корреспондирует обязанность, которая может быть выражена в различных формах.

Конституция РФ допускает ограничение основных принципов законодателем в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). В соответствии с позицией Конституционного Суда РФ правовые ограничения прав и свобод могут быть оправданы только в случаях, если: а) такие ограничения вызваны исключительно необходимостью защиты социальных ценностей, перечисленных в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, и иными средствами защитить указанные ценности невозможно; б) они адекватны социально необходимому результату: цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод.

Несколько шире трактуются цели ограничения права в правовой литературе. Ими могут быть запрет всего общественно вредного, исключаящего злоупотребление свободой [3, с. 30], защита общества, прав и свобод (интересов) других лиц от произвола правопользователя, необходимость уважения прав и свобод других людей и нормальное функционирование общества и государства [4, с. 134], сдерживание противозаконного деяния в целях защиты общественных отношений [5, с. 91] и др.

Подобные ограничения выступают специфическим индикатором, позволяющим определить степень свободы и защищенности личности, характеризуют взаимоотношения между государством и человеком и позволяют отделить законность от произвола. Являясь негативным явлением, принудительно уменьшая объем прав личности, правовые ограничения направлены в итоге на охрану общественных отношений, включая защиту индивидуальной и коллективной свободы. По мнению известного немецкого государствоведа К. Штерна, «все основные права, даже если они исходят из естественных прав человека, имеют предпосылкой своего существования, с одной стороны, наличие государства, которое их гарантирует и защищает, с

другой – противостояние именно этого государства основным правам» [6, с. 185].

Конституционную основу применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях как неотъемлемой части мер административного принуждения составляют следующие важнейшие, носящие универсальный характер, определяющие правовой статус личности и условия его ограничения конституционные принципы: 1) соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым интересам и целям; 2) ясности и определенности правовых норм, касающихся возможных ограничений прав и свобод; 3) равенства всех перед законом и судом; 4) запрета придания обратной силы закону, ухудшающему положение граждан; 5) гарантии честного административного процесса; 6) всеобщности и гарантированности судебной защиты.

Принцип соразмерности ограничения прав и свобод граждан конституционно значимым интересам и целям выражается в поддержании необходимого баланса интересов человека, общества и государства. То есть государственные органы в рамках своей деятельности обязаны проводить соизмерение значимости как того общественного интереса, который обуславливает достижение ими определенных задач, так и степени ограничений при этом интересов отдельных физических и юридических лиц, а причиняемый такими ограничениями вред должен быть меньшим, чем предотвращаемый. В связи с этим ограничение принципиальной свободы действий гражданина сверх необходимой меры идет вразрез с рассматриваемым тезисом. Таким образом, при наличии возможности решения поставленной задачи при помощи меры, причиняющей наименьшие, минимальные правоограничения, реализовываться должна именно она.

Отправным моментом в этом случае следует признать социальную ценность безопасности государства, вытекающую из обеспечения безопасности общества и личности, из которого следует, что: а) ограничения прав и свобод могут быть оправданы, поскольку «помогают государству обеспечить безопасность остальных граждан и общества в целом» [7, с. 35]; б) правомерное осуществление гражданином своих конституционных прав и свобод не может влечь для него неправомерные последствия.

Принцип соразмерности требует также установления законодателем четких и разумных временных рамок допускаемых ограничений прав и свобод. Такие ограничения, по мнению Конституционного суда РФ, не могут сохранять-

ся неопределенно длительный срок. Всякое ограничение права может допускаться лишь как временная мера. В противном случае оно является не чем иным, как отменой права, которая недопустима в силу ч. 2 ст. 55 Конституции РФ.

Принцип ясности и определенности правовых норм, касающихся возможных ограничений прав и свобод, предполагает четкость и понятность правовой нормы, устанавливающей подобные ограничения, любому гражданину и должностному лицу. Данный принцип неоднократно был выражен в позициях Конституционного суда как необходимое условие недопущения произвола при применении закона. В соответствии с его позицией норма не должна допускать произвольного толкования, ясно устанавливать пределы ограничений и степень усмотрения исполнительных органов. Двусмысленность правовой нормы, закрепляющей меру административного принуждения, может привести к ее дискриминационному применению государственными органами административной юрисдикции и их должностными лицами и в результате к нарушению принципа верховенства закона (ст. 76, ч. 3 ст. 90, ч. 3 ст. 115 Конституции РФ).

Конституционную основу мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях составляет принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный ч. 1 ст. 19 Конституции РФ. Данный принцип в правовой литературе рассматривается в качестве как базового принципа осуществления прав и свобод, так и «функционирования самой государственности» [8, с. 61].

Отраслевое проявление данного принципа в административно-деликтном праве заключается в применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: 1) к физическим лицам независимо от их пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств; 2) к юридическим лицам независимо от места нахождения, организационно-правовых форм, подчиненности, а также других обстоятельств.

Исключением из данного принципа служат установленные Конституцией РФ особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (Президента, членов Совета Федерации и депутатов Государственной думы, судей, прокуроров и иных лиц). Указанные исключения не являются спецификой админи-

стративно-деликтного законодательства [5, с. 16–23]. Одной из основных целей правовых иммунитетов выступает обеспечение выполнения международных, государственных и общественных функций, служебных официальных обязанностей [9, с. 23].

Принцип запрета придания обратной силы закону, ухудшающему положение граждан, призван исключить ситуацию уменьшения, умаления или ухудшения правового положения граждан в какой-либо форме. Частью 1 ст. 54 Конституции РФ установлен общий запрет придания обратной силы закону, устанавливающему или отягчающему ответственность. Вместе с тем, практика Конституционного суда РФ распространяется также и на установление ограничений или ухудшений прав и свобод личности, допускающее их обратное действие, включая и применение мер административного принуждения, не связанных с ответственностью.

Придание обратной силы закону, ухудшающему положение граждан и означающему по существу отмену для этих лиц права, приобретенного ими в соответствии с ранее действовавшим законодательством и реализуемого ими в конкретных правоотношениях, признается Конституционным судом РФ несовместимым с положениями ч. 1 ст. 1, ст. 2, 18, ч. 1 ст. 54, ч. 2 ст. 55 и ст. 57 Конституции РФ.

Принцип гарантии честного административного процесса, как и любого другого процесса, связан с требованием уважения человеческого достоинства. В соответствии с ч. 1 ст. 45 Конституции РФ в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина.

Вместе с тем, в любом государстве, независимо от его организационно-правовой формы, существуют возможности превышения должностными лицами своих прав или злоупотребления полномочиями. В связи с этим законодателю следует идти по пути детальной регламентации процедур применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях именно на уровне законодательных, а не подзаконных актов, оставляя лишь необходимый минимум на ведомственное усмотрение. Само применение правовых норм, затрагивающих права и свободы конкретной личности, должно применяться в строгом соответствии с компетенцией соответствующего должностного лица или государственного органа.

Конституционную основу мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях составляет также принцип всеобщности и гарантированности судебной защиты.

Специфика рассматриваемого принципа в административно-деликтном законодательстве обусловлена реализацией мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как правило, не судом, в отличие от уголовного судопроизводства, а органами государственной исполнительной власти и их должностными лицами.

Проявление принципа всеобщности и гарантированности судебной защиты выражается в двух направлениях. С одной стороны, в последнее время имеет место последовательное расширение законодателем полномочий судебных органов в данной сфере. Так, залог за арестованное судно применяется исключительно по решению суда. Кроме того, суд может быть инициатором применения и таких мер, как привод и помещение в специальные учреждения иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы Российской Федерации.

С другой стороны, в случае несогласия лица, в отношении которого осуществляется производство по делу об административном правонарушении, с примененными к нему мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях оно может обратиться с жалобой в судебные органы. Суд, установив при рассмотрении дела несоответствие закону акта государственного органа по вопросам применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, принимает решение в соответствии с законом (ч. 2 ст. 120 Конституции РФ).

Таким образом, правовой институт мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях испытывает на себе в полной мере весь напор правового воздействия конституционных принципов применения мер административного принуждения, что в итоге самым непосредственным образом влияет на его содержание.

1. Малько А.В. Правовые ограничения: от отраслевого понимания к теоретическому // Правоведение. 1993. № 5.

2. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2003.

3. Лассаль Ф. О сущности Конституции. СПб., 1906.

4. Ледях И.А. Защита прав и свобод человека и гражданина – функция российской системы конституционного контроля // Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996.

5. Малько А.В., Суменков С.Ю. Правовой иммунитет: теоретический и практический аспекты // Журнал российского права. 2002. № 2.

6. Штерн К. Государственное право Федеративной Республики Германия. Мюнхен, 1984. Т. 2.

7. Конституция РФ: проблемный комментарий / отв. ред. В.А. Четвернин. М., 1997.

8. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Часть Общая / отв. ред. Б.А. Страшун. М., 2000. Т.1–2.

9. Тиунова Л.Б. Проблема общесоциальной безопасности и правовая государственность // Правоведение. 1991. № 5.

1. Malko A.V. Legal of restriction: from branch understanding to theoretical one // Jurisprudence. 1993. № 5.

2. Malko A.V. Stimulus and restrictions in law. M., 2003.

3. Lassal F. About essence of the Constitution. SPb., 1906.

4. Ledyah I.A. Protection of the rights and freedom of the person and the citizen is the function of the russian system of the constitutional control // General theory of human rights / resp. ed. E.A. Lukashva. M., 1996.

5. Malko A.V., Sumenkov S.Yu. Legal immunity: theoretical and practical aspects // Magazine of Russian Law. 2002. № 2.

6. Stern K. State Law of Federal Republic of Germany. Munich, 1984. Vol. 2.

7. The Constitution of the Russian Federation: problem comment. / resp. ed. V.A. Chetvernin. M., 1997.

8. Constitutional (state) law of foreign countries. General Part / resp. ed. B.A. Strashun. M., 2000. Vol. 1–2.

9. Tiunova L.B. Problem of a social security and legal statehood // Jurisprudence. 1991. № 5.

Александров Артур Гайрович

аспирант кафедры конституционного и административного права
Краснодарского университета культуры и искусств
(e-mail: AlexandrovArtur@mail.ru)

Понятие и место административного производства в системе российского административного процесса

В статье анализируется соотношение понятий «административный процесс», «административное производство» и «административная процедура». Определяется место административного производства в российском административном процессе, предлагается авторское видение системы административных производств в российском административном процессе.

Ключевые слова: административный процесс, административное производство, административная процедура, функции управления, административное дело, юридический процесс.

A.G. Alexandrov, Post-graduate of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of Culture and Arts; e-mail: AlexandrovArtur@mail.ru

Concept and place of production in the system of russian administrative process

The article analyses the correlation of concepts of «administrative process», «administrative proceedings» and «administrative procedure». The place of administrative proceedings in Russian administrative process is determined, the author's vision of the administrative proceedings in Russian administrative process is given.

Key words: administrative process, administrative proceeding, administrative procedure, management function, administrative case, legal process.

Развитие отечественного административного права основывается на целом ряде теоретических концепций, возникших в административно-правовой и теоретической науке. Данные научные знания оказывают существенное влияние на развитие научных представлений об административно-правовых производствах осуществления государственного контроля и административного надзора, являющегося весьма значимым институтом современного административного права, не получившего, к сожалению, должной научной разработки в современной юридической науке.

Формирование современных институтов административных производств в системе российского административного права порождает необходимость в научном обосновании понятия юридического производства, позволяющего эффективно упорядочивать управленческую деятельность органов исполнительной власти, в том числе в сфере осуществления государственного контроля. Это обстоятельство требует изучения места и соотношения административного производства с правовой (юридической) процедурой и юридическим процессом.

В середине 70-х гг. XX в. проблему содержания административного процесса изложил И.А. Галаган [1, с. 5–8], который отмечал, что сформировались два основных подхода к пониманию юридического процесса. Представители широкого подхода признавали, что процедурно-процессуальные нормы регламентируют все стороны деятельности и отношения не только в области юрисдикционной, но и в области рассмотрения и разрешения различными государственными органами и должностными лицами многообразных индивидуальных дел положительного характера [2, с. 8; 3]. Так, Г.И. Петров, рассматривая административный процесс в широком смысле, отмечал, что процесс есть исполнительная и распорядительная деятельность органов государственного управления [4, с. 30]. Приведенный подход к пониманию административного процесса приобрел в юридической науке наибольшее распространение, хотя отмечались и некоторые особенности. Еще И.А. Галаган писал: «По нашему мнению, расширенное понимание процесса как правовой формы опосредования любой правоприменительной деятельности является серьезным достижением»

правовой теории, придающим новые импульсы к совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. Строгая процедурно-процессуальная регламентация разрешения индивидуально-конкретных дел будет способствовать дальнейшему усилению начал законности, четкости в деятельности всех звеньев государственного аппарата» [1, с. 7]. Достаточно подробно указанную идею обосновывает и В.А. Юсупов, который справедливо отмечает, что правоприменительная деятельность органов государственного управления осуществляется для реализации норм материального права, что невозможно сделать при отсутствии системы процессуальных норм, которые с ними неразрывно связаны [5, с. 496–498]. В свою очередь, Ю.М. Козлов в конце 90-х гг. XX в. указывал, что в узком смысле административный процесс следует понимать «как деятельность полномочных исполнительных органов (должностных лиц) по реализации санкций материальных норм административного права» [6, с. 381], определяя данный процесс как юрисдикционный. В итоге данный ученый сводит административный процесс к двум основным группам: а) юрисдикционное производство; б) процедурное производство [6, с. 381].

Другой подход, наоборот, разводит юридический процесс и юридическую процедуру, считая их различными по сущности правовыми явлениями. Так, А.М. Васильев писал: «Нет достаточных оснований, чтобы согласиться со стремлением любую процедуру принятия юридически значимого решения государственными органами, даже если нет ее полной регламентации, рассматривать как процессуальную форму» [7, с. 184]. С.С. Алексеев еще более сужает роль юридического процесса, отмечая, что его назначение заключается в регламентации принуждения в области гражданского и уголовного правосудия и ее отсутствие в сфере административной деятельности органов государственного управления [8, с. 120]. Позже С.С. Алексеев немного изменил свое мнение на правовую процедуру, которую он определял как всякую урегулированную правом процедуру совершения юридических действий, понимаемых как юридический процесс [9, с. 122–123]. Данные научные мнения формируют так называемый узкий подход к пониманию юридического процесса, где он воспринимается как процесс осуществления судопроизводства по уголовным, гражданским и в некоторых случаях административным делам. Что касается юридических процедур, то они характерны для позитивной управленческой деятельности органов государства и юридическим процессом не являются.

В.Д. Сорокин и Д.Н. Бахрах выделяют и третий подход к определению административного процесса, характеризуя его не только как процессуальную правоприменительную деятельность, но и как правотворческую [10, с. 71–72; 11, с. 122–123]. Приведенный подход достаточно сходен с первым, указанным нами, но выделяет, кроме юрисдикционного и процедурного производства, еще и правотворческое производство.

Соглашаясь с подходом, определяющим юридический процесс в широком смысле, приведем собственные аргументы в пользу данной точки зрения. Во-первых, данное понимание юридического процесса способствует лучшему уяснению сущности многообразных форм деятельности органов государства, его должностных лиц, граждан и иных субъектов права. Во-вторых, по справедливому замечанию Д.Н. Бахраха, данный подход позволяет избежать излишней юридизации терминов правовой науки, обосновывает успешное использование в современном законодательстве терминов «бюджетный, законодательный, налоговый, таможенный процессы» [11, с. 122–123]. В-третьих, административный процесс есть форма деятельности уполномоченного субъекта, выраженная в юридическом предписании. Так, В.М. Горшенев определяет процессуальную форму как «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата» [2, с. 13]. В-четвертых, все отрасли права, включая, прежде всего, отрасль административного права, кроме материальных норм, обладают в обязательном порядке правовыми нормами процессуального характера, необходимыми для разрешения конкретного юридического дела. В-пятых, как справедливо отмечал Б.М. Лазарев, юридический процесс представляет собой процессуальную форму, включающую стадии юридического процесса, их цели, последовательность, конкретные действия на каждой стадии процесса, основание совершения и взаимосвязь этих действий, а также способы их оформления и процессуальной фиксации [12, с. 5].

В настоящее время в юридической науке остается дискуссионным вопрос о соотношении категорий «процесс», «производство» и «процедура». В современной теоретико-правовой науке уделяется определенное внимание данной проблеме, при этом отмечается определенная социальная значимость данного явления для правового регулирования общественных отношений. Так, В.Н. Протасов данную процедуру рассматривает как систему общественных отношений, во-первых, характеризующихся ори-

ентированностью на достижение конкретного социально полезного результата; во-вторых, состоящую из последовательно сменяющихся актов человеческого поведения; в-третьих, обладающей определенной моделью своего развития, установленной на нормативном и индивидуальном уровнях; в-четвертых, иерархичностью построения; в-пятых, постоянным развитием; в-шестых, выполнением служебного характера как средства реализации общественных отношений [13, с. 29–30; 14, с. 435–436]. В заключение приведенный автор дает следующее определение юридической процедуры: это структурированная «правовыми отношениями система актов поведения, обладающая нормативной или индивидуальной моделью своего развития и служащая средством реализации основного, главного для нее правового отношения» [13, с. 436–437]. В свою очередь, И.М. Зайцев исходит из того, что юридический процесс понимается как «нормативно установленные формы упорядочения юридической деятельности» [15, с. 399]. Как видно из приведенных положений, теоретическая наука исходит из различной содержательной интерпретации данных категорий. Если юридическая процедура есть система актов поведения субъектов правоотношений, то юридический процесс есть «форма однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса» [2, с. 13], т.е. упорядочения юридической деятельности участников процесса. Подобное мнение применительно к административному процессу и процедуре высказывал и П.И. Кононов [16, с. 30]. Существует и обратная точка зрения, согласно которой административная процедура есть порядок осуществления определенной деятельности, а не сама эта деятельность [17, с. 4; 18, с. 7]. Высказывается также мнение о тождественности административного процесса и административной процедуры [13, с. 436–437]. В административно-правовой науке высказывается точка зрения о том, что соотношение юридической процедуры и юридического процесса заключается в том, что юридическая процедура является составной частью юридического процесса, определяющей его объем и содержание, служащей для реализации материальных правоотношений [19, с. 6]. Ю.Н. Стариков в общетеоретическом плане структуру юридического процесса определяет «как совокупность производств и (или) процедур позитивного и негативного (юрисдикционного) содержания» [20, с. 600]. Кроме того, автор отмечает, что «правовая процедура представляет собой урегулированный нормами права порядок со-

вершения определенного действия (нескольких взаимосвязанных действий), направленного на достижение конкретного правового результата. Совокупность последовательных однопорядковых процедур, объединенных общим содержанием и конечной целью, представляет собой производство» [20, с. 600]. Следовательно, исходя из предложенной точки зрения, можно сделать вывод, что административный процесс в общетеоретическом плане складывается из административных процедур, которые объединяются (могут объединяться) в административные производства. Сходный подход к соотношению «процесса» и «процедуры» высказывали С.Н. Махина [21, с. 73–89] и И.В. Панова [22, с. 53–55]. Так, И.В. Панова считает, что административное производство является элементом административного процесса, выделяемым по характеру индивидуально-конкретного дела и особенностям процессуальной формы. Кроме указанного элемента, в структуре административного процесса автор выделяет принципы административного процесса, средства и способы их реализации и реально сложившихся гарантий [22, с. 55].

Точку зрения, отличную высказанной, предложил Р.С. Тихий, который отмечает, что при соотношении юридической процедуры и юридического процесса процедура имеет материальное и процессуальное содержание. На его взгляд, «материальную процедуру необходимо рассматривать в отличие от процессуальной, которая связана с реализацией правовых санкций и применением мер принуждения. Назначение материальной процедуры состоит в реализации материальных прав и обязанностей посредством нормативной регламентации правовой деятельности» [23, с. 20–21]. По мнению исследователя, процесс характерен для применения мер государственного принуждения, а процедура осуществляется во время реализации норм материального права, т.е. реализации субъективных прав и юридических обязанностей. В данном подходе имеется определенная логическая неточность, которая заключается в том, что автор признает административный процесс в широком смысле, но впоследствии дифференцирует его на юридическое производство и юридический процесс. Кроме того, автор не достаточно аргументированно обосновывает принципиальную разницу между административной процедурой и процессом.

Анализ приведенных подходов к соотношению административного процесса, производства и процедуры свидетельствует о том, что в современной административно-правовой науке

нет единства мнений по указанной проблеме, высказываются весьма многообразные точки зрения по указанной проблеме. Представляется, что термины «процесс», «производство», «процедура» следует рассматривать как общее, частное и единичное, опосредованное юридической формой деятельности субъектов общественных отношений. Административная процедура представляет собой урегулированный процессуальными нормами административного права порядок совершения определенного действия (нескольких взаимосвязанных действий, объединенных единой задачей), направленного на достижение конкретного юридически значимого результата. В связи с этим административная процедура – это не непосредственное действие субъекта отношения, а лишь требуемый порядок таких действий. Действия субъекта могут противоречить установленной процедуре, что является нарушением процессуального порядка действия субъектов. Административное производство – это совокупность административных процедур, посредством которых решаются стоящие перед субъектом задачи, направленные на достижение единой цели упорядочения общественных отношений по конкретному административному делу, объединенные единой процессуальной формой. В свою очередь, совокупность административных производств, установленных в процессуальных нормах, образует административный процесс, под которым понимается установленный порядок разрешения индивидуально-конкретных дел в области государственного управления, осуществляемый органами государственного управления и судом при решении любых вопросов, отнесенных законом к их компетенции. Приведенный подход к соотношению указанных явлений позволяет в общетеоретическом плане строить структуру административного процесса, может стать теоретической основой для классификации видов административных производств.

Проблема классификации административных процедур была предметом активной дискуссии в отечественной административно-правовой науке. Однако в этих исследованиях наблюдается многообразная терминологическая путаница, свидетельствующая об отсутствии единства в данном вопросе. В частности, отмечалось, что административный процесс делится на юрисдикционный и материальный (управленческий) процессы (по нашему мнению, производства). Юрисдикционный процесс включает в себя отношения по применению мер административного наказания и осуществления судебного контроля за деятельностью исполнительной власти, т.е.

административного правосудия. Материальный (управленческий) процесс представляет собой отношения по принятию нормативно-правовых актов и по порядку их применения в рамках позитивного процесса, а также частично рассмотрению споров в сфере управления органами государственного управления и наложения административного наказания органами исполнительной власти [24, с. 7]. Другие авторы отмечают, что административный процесс складывается из: а) позитивного управленческого процесса или административно-процедурной деятельности (управленческого процесса); б) административно-юрисдикционного (административно-деликтного) процесса; в) административного судопроизводства [20, с. 602]. Представляется, что приведенная структура административного процесса наиболее полно отражает внутреннее содержание данного вида деятельности, но при одном замечании: выделенные элементы структуры административного процесса все же целесообразно определить как виды административных производств.

В административно-правовой науке попытка классификации видов административных производств была впервые предпринята Н.Г. Салищевой [25, с. 13–14]. Предложенная классификация административных производств была подвергнута критике В.Д. Сорокиным и другими российскими учеными-административистами. В частности, В.Д. Сорокин отмечал, что автор смешивает критерии классификации [2, с. 144]. В свою очередь, названный ученый предложил выделять виды административных производств по критерию однородности индивидуально-конкретного дела, составляющему предмет соответствующего вида административного производства, т.е. характер индивидуально-конкретного дела, под которым он понимал комплекс наиболее существенных свойств, присущих данной группе дел и требующих в связи с этим административно-процессуального их разрешения [2, с. 149]. На основании отмеченного критерия В.Д. Сорокин предложил выделить следующие административные производства: «1) производство по принятию нормативных актов государственного управления; 2) производство по предложениям и заявлениям граждан и обращениям социалистических организаций о реализации принадлежащих им прав в сфере советского государственного управления; 3) производство по административно-правовым жалобам и спорам; 4) производство по организационным делам в аппарате советского государственного управления; 5) производство по делам о поощрениях в сфере советского

государственного управления; 6) производство по делам о применении принудительных мер в сфере советского государственного управления» [2, с. 149–150; 26, с. 124]. Данный критерий классификации административных производств использовали и другие ученые, в частности Ю.М. Козлов [27, с. 94], А.Б. Пешков [28, с. 123], В.А. Лория [29, с. 123], А.Е. Лунев [30, с. 304]. Приведенные подходы к классификации административных процедур длительное время были господствующими в административно-правовой науке и практике правотворческой деятельности. Вместе с тем, развитие общественных отношений, а также происходящая в стране достаточно продолжительное время административная реформа, требуют дальнейшего развития теории классификации административных производств. В последнее время данной проблеме в административной науке уделяется достаточно пристальное внимание, порождающее весьма неоднозначные подходы к их решению.

С.Н. Махина, исследуя перспективы развития правового регулирования административного процесса, выделяет в системе управленческого процесса следующие производства: 1) основные производства – производство по изданию правовых актов управления и административно-договорное производство (т.е. в качестве основных производств у отмеченного автора выделяются по своей сущности административно-нормотворческие производства); 2) специальные производства – лицензионное производство, регистрационное производство, разрешительное производство, кадровое (служебное, производство по делам о поощрениях и т.п.); данные производства относятся к числу основных административно-правоприменительных производств; 3) особые производства – производство по обращению граждан [21, с. 73–89]. И.В. Панова высказывает достаточно сходный, но имеющий определенные особенности подход к определению видов административных производств [31, с. 8–9]. П.И. Кононов делит административный процесс как бы на два подвида: административно-распорядительный и административно-охранительный [32, с. 67–134]. В данном подходе нет ничего нового, т.к. в административно-правовой науке еще в 70–80-х гг. XX в. высказывалось мнение о делении административного процесса на юрисдикционный и административно-управленческий процессы. Критикуя приведенные подходы, В.Д. Сорокин отмечает, что нет разницы, например, между лицензионным производством и производством по разрешению жалоб. При этом он пишет: «Пер-

вое, – говорят некоторые авторы, – это процедура, а второе – процесс, поскольку жалоба-де, это всегда спор... А разве в лицензионном и других производствах исключены спорные правоотношения?» [26, с. 122]. Из-за неразрешенности вопроса о соотношении терминов «процесс», «производство» и «процедура» и возникают указанные казусы. Недостатки приведенных подходов заключаются, по нашему мнению, во-первых, в неопределенности критериев дифференциации видов административных производств, во-вторых, авторы обоснованно выстраивают лишь виды административно-юрисдикционных производств. В основе такой классификации лежит процесс осуществления юридической ответственности (административной и дисциплинарной) и применения иных мер административного принуждения, т.е. осуществления материальных охранительных административно-правовых отношений. Что касается управленческих производств, то следует признать неоднозначность критериев и выделяемых его видов. В-третьих, приведенное многообразие подходов к классификации административных производств позволяет признать, что «порой приходится сталкиваться с известным, подчас в некоторой степени нарочитым усложнением предлагаемых конструкций, связанных с административным процессом» [26, с. 121]. Данное обстоятельство не может быть эффективным для дальнейшего развития законодательного регулирования административного процесса и его кодификации.

И.М. Машаров предлагает следующие критерии выделения административных производств: а) «предмет индивидуального административного дела, т.е. специфический вопрос, возникающий в отношении физического или юридического лица и подлежащий разрешению административным в процессе осуществления им в пределах своей компетенции внешней административно-публичной деятельности» [33, с. 172]; б) метод административно-правового воздействия, который используется для разрешения предмета индивидуального административного дела; в) специальная, установленная административно-процессуальными нормами юридическая процедура разрешения посредством методов определенных вопросов, образующих предмет административного дела [33, с. 172–173]. Здесь следует признать, что приведенные критерии дифференциации административных производств не были использованы автором для такой классификации. Отмеченный ученый предлагает лишь классификацию видов административных процедур

внешней административно-публичной деятельности. Предложенные критерии классификации административных производств, на наш взгляд, имеют отдельные недостатки. Первый критерий выделения административных производств ранее предлагался в науке В.Д. Сорокиным. Второй критерий вряд ли позволит разграничить целый ряд административных производств, например производство по делам об административных правонарушениях и дисциплинарное производство. Критерий административных процедур также вряд ли может служить критерием выделения видов административных производств, т.к. отдельные административные процедуры в различных производствах могут совпадать.

Нам представляется, что основным критерием дифференциации административного процесса на производстве являются функции, реализуемые посредством процессуальных норм. Данную закономерность высказывал В.А. Юсупов, который, исследуя правоприменительный процесс как ключевую составляющую административного процесса, отмечал, что «содержание советского государственного управления имеет функциональную структуру, а функции по своему содержанию неодинаковы... Процессуальные связи «привязаны» к материальным, и, следовательно, функции управления на них тоже оказывают влияние. Поэтому целесообразно, по нашему мнению, в качестве критерия классификации административных производств брать характер функций управления, которые обеспечиваются отдельным видом производства, а затем уже искать то общее, что объединяет ту или иную категорию дел» [5, с. 493–494, 504]. В связи с этим административный процесс, исходя из двух основных функций, осуществляемых органами исполнительной власти, следует разделить на охранительные (юрисдикционные) производства и управленческие производства. К числу охранительных (юрисдикционных) производств следует отнести: производство по обжалованию законности действий (решений) органов государственного управления и иные административно-судебные

производства, возникающие из публичных правоотношений; исполнительное производство; производство по применению мер административного принуждения; производство по делам об административных правонарушениях; дисциплинарное производство. Управленческие производства, в свою очередь, по функциональному назначению следует разделить на: а) административно-нормотворческое производство [34, с. 5–9] (производство по принятию правового акта управления и производство по заключению административных договоров); б) внешнеуправленческие административные производства; в) внутриуправленческие административные производства. Данные производства лежат в основе всех управленческих производств, в рамках которых осуществляются правотворческая функция государственного управления, а также направленность осуществления функций вовнутрь системы государственного управления или вовне указанной системы. Внешнеуправленческие административные производства складываются из: а) производства по осуществлению оперативной деятельности органов государственного управления (лицензионно-разрешительные, экспертно-удостоверительные, экзаменационные и т.п.); б) правопредоставительного производства в государственном управлении; в) регистрационных производств; г) контрольного или надзорного производства; д) государственно-поощрительного производства. Внутри управленческие административные производства делятся на: а) учредительные производства; б) производство по выработке актов планирования; в) административно-служебное производство; г) поощрительно-служебное производство; д) конкурсные производства.

Таким образом, контрольное производство представляет собой вид внешнеуправленческих административных производств, под которым понимается установленный нормами административно-процессуального права порядок осуществления деятельности уполномоченных органов государственного управления по реализации контрольной функции государственного управления, отнесенной законом к их компетенции.

1. Галаган И.А. *Административная ответственность в СССР. Процессуальное регулирование.* Воронеж, 1976.

2. *Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под общ. ред. П.Е. Недбайло, В.М. Горшенева.* М., 1976.

3. Стариков Ю.Н. *Административная юстиция. Теория, история, перспективы.* М., 2001.

1. Galagan I.A. *Administrative responsibility in the USSR. Procedural regulation.* Voronezh, 1976.

2. *Legal procedural form: theory and practice / gen. ed. by P.E. Nedbaylo, V.M. Gorshenev.* M., 1976.

3. Starilov Yu.N. *Administration of justice. Theory, history, perspective.* M., 2001.

4. Petrov G.I. *About the codification of the Soviet administrative law // Soviet state and law.* 1962. № 5.

4. Петров Г.И. О кодификации советского административного права // Советское государство и право. 1962. № 5.
5. Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления // Труды по административному праву. М., 2011.
6. Административное право: учеб. / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М., 1999.
7. Васильев А.М. Правовые категории и их место среди категорий обществоведения // Труды ВЮЗИ. 1973. Т. 32.
8. Алексеев С.С. Право в нашей жизни. Свердловск, 1975. С. 120.
9. Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
10. Сорокин В.Д. Проблемы административного процесса. М., 1968.
11. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР: учеб. пособие. Свердловск, 1989.
12. Управленческие процедуры / под ред. Б.М. Лазарева. М., 1988.
13. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
14. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. М., 2010.
15. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.
16. Кононов П.И. Административно-процессуальное законодательство и проблемы его кодификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001.
17. Тихомиров Ю.А., Таланина Э.В. Административные процедуры и право // Журнал российского права. 2002. № 4.
18. Яковенко О.В. Правовая процедура: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999.
19. Ткач А.Н. Юридические процедуры: от теории к практике // Юрист. 2002. № 1.
20. Общее административное право: учеб. / под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2007.
21. Махина С.Н. Административный процесс: проблемы теории, перспективы правового регулирования. Воронеж, 1999.
22. Панова И.В. Административно-процессуальное право России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
23. Тихий Р.С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации (регионально-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2005.
24. Административно-процессуальное право: курс лекций / под ред. И.Ш. Киляшанова. М., 2004.
25. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. М., 1964.
5. Yusupov V.A. Law enforcement authorities // Works on administrative law. M., 2011.
6. Administrative law: textbook / ed. by Yu.M. Kozlov, L.L. Popov. M., 1999.
7. Vasiliev A.M. Legal categories and their place among the categories of social science // Works of AUEIL. 1973. Vol. 32.
8. Alekseev S.S. Right in our live. Sverdlovsk, 1975.
9. Alekseev S.S. Social value of law in soviet society. M., 1971.
10. Sorokin V.D. Problems of administrative process. M., 1968.
11. Bachrach D.N. Administrative responsibility of citizens in the USSR: study aid. Ekaterinburg, 1989.
12. Management procedures / ed. by B.M. Lazarev. M., 1988.
13. Protasov V.N. Basics of common law procedural theory. M., 1991.
14. Protasov V.N., Protasova N.V. Lectures on the general theory of law and state theory. M., 2010.
15. Theory of state and law: course of lectures / ed. by N.I. Matuzov, A.V. Malko. M., 1997.
16. Kononov P.I. Administrative procedural law and its codification problems: diss. ... Dr of Law. M., 2001.
17. Tikhomirov Yu.A., Talanina E.V. Administrative procedures and law // Journal of Russian law. 2002. № 4.
18. Yakovenko O.V. Legal procedure: auth. abstr. ... Master of Law. Saratov, 1999.
19. Tkach A.N. Legal procedures: from theory to practice // Lawyer. 2002. № 1.
20. General administrative law: textbook / ed. by Yu.N. Starilov. Voronezh, 2007.
21. Mahina S.N. Administrative process: problems of theory, perspectives of legal regulation. Voronezh, 1999.
22. Panova I.V. Administrative procedural law of Russia. 2nd ed., rev. and add. M., 2007.
23. Tichiy R.S. Issues of legal regulation of administrative procedures in the Russian Federation (regional and legal aspects): diss. ... Master of Law. Tumen, 2005.
24. Administrative and procedural law: course of lectures / ed. by I.S. Kilashanov. M., 2004.
25. Salishcheva N.G. Administrative process in the USSR. M., 1964.
26. Sorokin V.D. Administrative process and administrative procedure law. SPb., 2002.
27. Kozlov Yu.M. Subject of soviet administrative law. M., 1967.
28. Peshkov A.B. Problems of administrative legal method of regulating the soviet public relations. Irkutsk, 1974.

26. Сорокин В.Д. *Административный процесс и административно-процессуальное право*. СПб., 2002.
27. Козлов Ю.М. *Предмет советского административного права*. М., 1967.
28. Пешков А.Б. *Проблемы административно-правового метода регулирования советских общественных отношений*. Иркутск, 1974.
29. Лория В.А. *Административно-процессуальная деятельность и виды административных производств // Советское государство и право*. 1978. № 1.
30. *Административное право. Методы и формы государственного управления / рук. авт. кол. А.Е. Лунев*. М., 1977.
31. Панова И.В. *Актуальные проблемы административного процесса в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук*. Екатеринбург, 2000.
32. Кононов П.И. *Административный процесс в России: проблемы теории и законодательного регулирования*. Киров, 2000.
33. Машаров И.М. *Административно-публичная деятельность в России. Проблемы правового регулирования*. М., 2009.
34. Дегтярева Е.А. *Нормотворческие административные процедуры // Очерки новейшей камералистики*. 2007. № 3.
29. Loria V.A. *Administrative and procedural activities and administrative productions // Soviet state and law*. 1978. № 1.
30. *Administrative law. Methods and forms of public administration management / Lead author A.E. Lunev*. M., 1977.
31. Panova I.V. *Actual problems of administrative procedure in the Russian Federation: auth. abstr. ... Dr of Law*. Ekaterinburg, 2000.
32. Kononov P.I. *Administrative process in Russia: problems of theory and legislation*. Kirov, 2000.
33. Masharov I.M. *Administration and public activities in Russia. Problems of legal regulation*. M., 2009.
34. Degtyareva E.A. *Normative administrative procedures // Essays of modern cameralistic*. 2007. № 3.

Масалов Александр Александрович

аспирант кафедры экономики и финансов
Северо-Кавказского гуманитарно-технического института
(e-mail: a_a_masalov@inbox.ru)

Предпосылки и факторы формирования в Российской Федерации правовых основ банковских операций с драгоценными металлами

В статье рассмотрен генезис правовых основ операций, осуществляемых банками России с использованием драгоценных металлов, описаны правовые нормы, регламентирующие наиболее распространенные в практике операции и услуги банков, предоставляемые клиентам с использованием драгоценных металлов, в физических и обезличенных металлах, металлических счетах.

Ключевые слова: законодательство Российской Федерации в сфере банковской деятельности, драгоценные металлы, банковские операции с драгоценными металлами, обезличенные металлы, металлические счета, биржи драгоценных металлов и драгоценных камней.

A.A. Masalov, Post-graduate of a Chair of Economics and Finances of the North Caucasus Humanitarian Technical Institute; e-mail: a_a_masalov@inbox.ru

Preconditions and factors of forming in the Russian Federation legal framework of banking operations with precious metals

The article describes the genesis of the legal foundations of operations carried out by banks of Russia with the use of precious metals, describes the legal rules governing the most common in practice transactions and banking services provided to clients with the use of precious metals in physical and unallocated metals, metallic accounts.

Key words: legislation of the Russian Federation in the field of banking activities, precious metals, banking operations with precious metals, impersonal metals, metal accounts, exchange of precious metals and precious stones.

В связи с переходом экономики России в 1990-х гг. на принципы рыночного регулирования получила развитие сеть коммерческих банков, являющихся неотъемлемой частью современной экономики и оказывавших сильное влияние на все сферы общественной жизни, вследствие чего потребовалось формирование принципиально новой для Российской Федерации законодательной базы банковской деятельности [1]. Ее предпосылки и факторы государство создает согласно ст. 71 Конституции РФ, в которой указано, что в ведении Российской Федерации находятся установление основ федеральной политики и правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки; федеральный бюджет; федеральные налоги и сборы; внешнеэкономические отношения и др. [2].

В условиях глобального экономического кризиса и спада доверия к мировым валютам большое влияние на финансово-экономическую систему страны и международную экономику оказывают драгоценные металлы. Согласно Федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ к драгоценным металлам отнесены золото, серебро, платина, металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений, осмий) в любом виде, за исключением ювелирных и бытовых изделий, лома из них [3]. Драгоценные металлы являются высоколиквидным финансово-экономическим ресурсом и важным инструментом денежно-кредитной политики, поэтому государство уделяет особое внимание регламентированию банковских операций с драгоценными металлами. В законодательстве России в сфере банковской деятельности выделяются федеральные законы, указы Президента РФ,

постановления Правительства РФ, нормативные документы соответствующих министерств и ведомств РФ, а также инструктивные и директивные документы Центрального банка РФ (Банка России) и корпоративные нормы коммерческих банков. В этой правовой системе доминируют государственно-правовые акты.

При формировании правовых основ банковских операций законодатели учитывают международные принципы и традиции рынка драгоценных металлов, согласно которым для эффективного использования драгметаллов в экономике необходимо выполнять следующие условия:

предоставлять юридическим и физическим лицам права на свободное участие в операциях с драгметаллами на внутреннем и мировом рынках;

сформировать систему бирж и банков, предоставляющих клиентам разнообразные услуги с использованием драгоценных металлов, для свободного формирования цены на драгметаллы и предложения на них;

организовать государственное лицензирование деятельности участников рынка и государственный пробирный надзор за качеством драгметаллов.

Политико-правовые предпосылки организации в Российской Федерации рынка драгоценных металлов в начале 1990-х гг. создавали Указ Президента России «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории РСФСР» от 15 ноября 1991 г. № 214 [4] и постановление Правительства РФ «О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением» от 4 января 1992 г. № 10 [5]. В указанном постановлении Правительства РФ ставился вопрос о создании биржи драгоценных металлов, драгоценных камней и изделий из них, а Закон РФ «О валютном регулировании и валютном контроле» от 9 октября 1992 г. № 3615-1 определял принципы осуществления валютных операций в Российской Федерации, полномочия и функции органов валютного регулирования и валютного контроля, права и обязанности юридических и физических лиц по владению, пользованию и распоряжению валютными ценностями, ответственность за нарушение валютного законодательства, а также гарантировал гражданам и юридическим лицам возможность иметь в собственности валютные ценности [6]. Но фактически сохранялась государственная монополия на закупку и реализацию добытых на территории России драгметаллов. Факторы,

препятствовавшие становлению российского рынка драгметаллов, преодолевались Указом Президента РФ «О развитии рынка драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации» от 16 декабря 1993 г. № 2148, который регулировал процесс создания бирж драгоценных металлов и драгоценных камней, предоставлял коммерческим банкам права на совершение сделок с драгметаллами [7]. Согласно этому указу Комитет РФ по драгоценным металлам и драгоценным камням в 1993–1994 гг. выдавал из Госфонда России Центральному банку РФ (Банку России) для реализации уполномоченным банкам 15 т золота, 10 т платины и 1000 т серебра, что обеспечивало натуральными ресурсами российский рынок драгоценных металлов. С тех пор коммерческие банки России осуществляют операции с драгметаллами на внутреннем и международных рынках. Основными маркетмейкерами российского рынка драгметаллов являлись 10 банков: Сбербанк России, Внешторгбанк, Газпромбанк, банк «Уралсиб», Росбанк, Банк Москвы, Уральский банк реконструкции и развития, Номос-Банк, Барс-Банк, Экспобанк. Бесспорное лидерство в таком секторе банковской деятельности принадлежит Сбербанку, что обусловлено наиболее развитой сетью его филиалов, предоставляющих клиентам многочисленные услуги на розничном и корпоративном сегментах рынка драгметаллов. Объемы ресурсов, активов и пассивов Сбербанка в драгметаллах превышают аналогичные показатели других банков в три раза. Российские банки сотрудничают с мировыми центрами торговли драгметаллами. В настоящее время действуют более 50 мировых центров торговли золотом, в том числе 11 – в Западной Европе, 14 – в Азии, 14 – в Америке, 8 – в Африке. Среди них лидирует Лондонский рынок «спот», являющийся наличным рынком с поставкой товара на второй банковский день после заключения сделки [8, с. 401].

Единый порядок определения цен на драгметаллы в России регламентирован указанием Банка России «О порядке установления Банком России учетных цен на аффинированные драгоценные металлы» от 28 мая 2003 г. № 1283-У, согласно которому учетные цены на драгоценные металлы рассчитываются исходя из действующих на момент расчета цен, зафиксированных на Лондонской бирже при стандартных процедурах установления цен рынка, уменьшенных на дисконт, равный среднему значению расходов на их поставку на международный рынок. Так, при определении цены золота Банк России принимает в расчет вечернюю цену одной тройской унции золота на торгах Лондонской биржи

в предшествующий день, т.к. из-за различия временных поясов информация об утреннем фиксинге «спот» поступает в Москву во второй половине рабочего дня и ее использование для определения котировок в России неприемлемо.

Становление российского рынка драгметаллов связано с организацией специализированной биржи драгоценных металлов и драгоценных камней, а также с развитием банковских операций и услуг по физическому перемещению слитковых драгоценных металлов, их учету, хранению и реализации. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1994 г. № 756 утверждено Положение о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации [9], определившее порядок банковских операций со слитковым золотом и монетами, а во исполнение Указа Президента России от 5 сентября 1995 г. № 899 начат выпуск государственных облигаций, обеспеченных золотом, и разрешен их свободный обмен на драгоценные металлы [10].

Согласно Положению Банка России «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций» Банк России определяет лимиты открытой позиции операций с драгметаллами, а также котировки цен на них, покупает у банков драгметаллы по заранее установленным ценам [11].

Банки используют драгметаллы для получения прибыли от спекулятивных операций и предоставляемых клиентам услуг по покупке-продаже драгметаллов за свой счет и за счет клиентов по договорам комиссии и поручения; купле-продаже драгметаллов с их поставкой в физической форме или с отражением на счетах; спекулятивные сделки (опционы, фьючерсы, свопы).

Для совершения всех разрешенных законодательством операций с драгметаллами банк должен получить лицензию от Банка России в соответствии с Федеральным законом «О банках и банковской деятельности» от 2 декабря 1990 г. [1], письмом Банка России «О порядке выдачи лицензии на осуществление операций с драгоценными металлами» от 3 декабря 1996 г. № 367 [12] и Инструкцией Банка России «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» от 2 апреля 2010 г. №135-и [13].

Биржевые сделки проводятся с реальными драгметаллами и с ценными бумагами, обеспеченными драгметаллами, в четырех видах операций: торговля драгметаллами и ценными бумагами, хеджирование, фьючерсные контракты.

В Российской Федерации действуют биржи драгоценных металлов и драгоценных камней, предоставляющие юридическим и физическим лицам услуги по совершению сделок по обращению стандартных и мерных слитков аффинированных драгметаллов, необработанных драгоценных камней, прошедших сортировку, а также обработанных сертифицированных драгоценных камней; самородков драгметаллов; изделий из драгметаллов и драгоценных камней, за исключением ювелирных и бытовых изделий; полуфабрикатов, содержащих драгметаллы; монет, изготовленных из драгоценных металлов.

Операции с драгметаллами на бирже регламентирует Правительство РФ на основании Закона РФ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26 марта 1994 г. № 41-ФЗ [3], Закона РФ «О товарных биржах и биржевой торговле» от 20 февраля 1992 г. № 2383-1 [14], а с 1 января 2014 г. эти отношения будут регулировать нормы Федерального закона «О регулировании деятельности по проведению организованных торгов» от 21 ноября 2011 г. № 327-ФЗ [15].

Порядок импорта-экспорта золота определен Положением о порядке ввоза в Российскую Федерацию и вывоза из Российской Федерации драгоценных металлов и камней, которое утверждено Указом Президента РФ от 21 июня 2001 г. № 742. Оно устанавливает, что юридические и физические лица могут ввозить драгметаллы на территорию России без ограничений, а вывоз осуществлять на основании лицензий, выдаваемых Минэкономразвития РФ; недропользователи и производители экспортируют драгметаллы после выполнения договора их поставки в Госфонд РФ [16].

В России сложились некоторые особенности лицензирования операций с драгоценными металлами и драгоценными камнями. Так, банк может получать разные разрешительные документы на осуществление операций с драгметаллами. Первый из них – дополнение к валютной лицензии «Разрешение на совершение операций с драгоценными металлами», которое Банк России выдавал по согласованию с Минфином РФ с 20 мая 1994 г. С учетом изменений российского законодательства Банк России обновляет порядок лицензирования операций с драгметаллами, согласно которому имеющий устойчивое финансовое положение банк может указанное Разрешение заменить на лицензию.

Для получения лицензии коммерческий банк, функционирующий не менее года, должен обратиться в Банк России с заявкой на получение лицензии на операции в иностранной валюте и представить необходимые документы.

Рассмотрев заявку коммерческого банка, Банк России принимает решение о выдаче лицензии или об отказе в ее выдаче.

Выдаваемые Банком России лицензии имеют несколько видов: разовые (разрешают конкретные операции в иностранной валюте); внутренние (дают право открывать счета в иностранной валюте и корреспондентские счета для резидентов российских банков в России); расширенные, предоставляющие коммерческим банкам право открывать корреспондентские счета в иностранной валюте с ограниченным числом зарубежных банков и обслуживать нерезидентов; генеральные, предоставляющие банкам право совершать все банковские операции в иностранной валюте на территории России и за ее пределами. Банк может открывать неограниченное количество корреспондентских счетов.

Банк, получивший лицензию на совершение операций в иностранной валюте, именуется уполномоченным банком и выполняет функции агента валютного контроля за валютными операциями своих клиентов.

Имеющие лицензию банки могут проводить следующие операции:

привлекать вклады (депозиты) и предоставлять кредиты заемщикам;

осуществлять расчеты по поручению клиентов банков-корреспондентов и их кассовое обслуживание;

открывать и вести счета клиентов и банков-корреспондентов;

финансировать капитальные вложения по поручению владельцев или распорядителей инвестируемых средств и за счет собственных средств банка;

выпускать, покупать, продавать и хранить платежные документы и ценные бумаги (чеки, аккредитивы, векселя, акции, облигации и другие документы), осуществлять иные операции с ними;

выдавать поручительства, гарантии и иные обязательства за третьих лиц, предусматривающие их исполнение в денежной форме;

приобретать права требования по поставке товаров и инкассировать их (форфейтинг), а также выполнять эти операции с дополнительным контролем за движением товаров (факторинг);

покупать у российских и иностранных клиентов и продавать им наличную иностранную валюту и валюту, находящуюся на счетах и во вкладах;

покупать и продавать в России и за ее пределами драгоценные металлы, камни, изделия из них;

привлекать и размещать драгметаллы во вклады, осуществлять иные операции с ценностями согласно международной банковской практике;

привлекать и размещать средства и управлять ценными бумагами по поручению клиентов (доверительные трастовые операции);

оказывать брокерские и консультационные услуги, осуществлять лизинговые операции;

производить другие операции и сделки по решению Банка России, выдаваемому в пределах его компетенции.

Все перечисленные операции производятся в рублях и в иностранной валюте при наличии генеральной лицензии. Действующий банк получает лицензию на привлечение во вклады и размещение драгметаллов при наличии или одновременно с лицензией на операции в рублях и иностранной валюте.

Новая кредитная организация может получить лицензию на операции с драгметаллами одновременно с лицензией на осуществление операций со средствами в рублях и иностранной валюте (без права привлечения во вклады средств физических лиц). В этом случае банк предоставляет в территориальное учреждение Банка России документы, предусмотренные Инструкцией Банка России № 135-И [13] и письмом № 367 [12].

Банк готовит специалистов для операций с драгметаллами, а единоличный исполнительный орган банка (управляющий) несет персональную ответственность за их соответствие квалификационным требованиям.

Уполномоченные банки могут осуществлять операции по купле-продаже драгметаллов, мерных слитков и монет из них, экспортировать из Российской Федерации аффинированное золото и серебро, совершать другие сделки.

Письмо Банка России от 29 сентября 1997 г. № 524 устанавливает порядок получения кредитными организациями лицензии либо разрешения Банка России на совершение операций купли-продажи монет из драгметаллов [17].

Получение лицензий или разрешений Банка России необходимо банкам для совершения сделок купли-продажи мерных слитков драгметаллов. Так, порядок лицензирования экспорта аффинированного золота и серебра определен Указом Президента РФ «О некоторых мерах по либерализации экспорта из Российской Федерации аффинированного золота и серебра» от 23 июля 1997 г. № 767 [18]. Банки, не имеющие лицензий, совершают с драгметаллами только залоговые операции, а предметы залога реализуют через уполномоченные банки.

Согласно Федеральному закону «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» юридические лица, совершающие операции с драгметаллами, ставятся на учет в государственной инспекции пробирного надзора [3].

Банк России осуществляет контроль за деятельностью банков по следующим направлениям их работы с драгоценными металлами:

соблюдение порядка регулирования открытой позиции, установленного Банком России для рублевой оценки драгметаллов, используемых в сделках;

операции с драгметаллами с применением обезличенных металлических счетов при наличии лимита открытой позиции по операциям с драгметаллами;

выполнение установленного порядка приема, хранения и выдачи драгметаллов, единых правил ведения бухгалтерского учета операций с ними, порядка переоценки счетов учета драгметаллов, форм отчетности, порядка и сроков ее представления, иных нормативов совершения операций с драгметаллами.

Коммерческий банк, уполномоченный Банком России на совершение операций с драгметаллами, получает статус уполномоченного банка.

К банку, нарушившему установленные требования, Банк России применяет меры, предусмотренные ст. 75 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: отзывает лицензии (разрешения) на операции с драгметаллами [19]. Кроме того, лицензия банка аннулируется в случаях обнаружения недостоверных сведений, на основании которых выдавалась лицензия; предоставления банком недостоверных отчетных данных; нарушений банком требований антимонопольного законодательства России; признания банка не-

платежеспособным. Отзыву лицензии должны предшествовать предупредительные меры, обеспечивающие устранение указанных нарушений.

Таким образом, операции банков и других кредитных организаций в России регламентированы федеральным законодательством и нормативными документами Банка России. При наличии лицензии на совершение операций с драгоценными металлами банкам предоставлено право привлекать драгметаллы во вклады (до востребования и на определенный срок) от физических и юридических лиц; размещать драгоценные металлы от своего имени и за свой счет на депозитные счета, открытые в других банках; предоставлять и получать займы в драгметаллах либо под их залог; осуществлять различные виды сделок как за свой счет, так и за счет клиента; проводить экспортно-импортные операции.

Независимо от наличия лицензии на совершение операций с драгоценными металлами банки вправе принимать драгоценные металлы в качестве обеспечения обязательств юридических и физических лиц (резидентов и нерезидентов), предоставлять им услуги хранения и транспортировки драгметаллов.

Банки, нарушающие установленный государством порядок проведения операций с драгметаллами, лишаются лицензии, а за нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов, их незаконный оборот предусмотрена уголовная ответственность согласно ст. 181, 191, 192 Уголовного кодекса РФ.

1. О банках и банковской деятельности: федер. закон от 2 дек. 1990 г. № 395-1. URL: <http://www.zakonprost.ru/zakony/o-bankah>.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. // Рос. газ. 2009. 21 янв. Федер. вып. № 4831.

3. О драгоценных металлах и драгоценных камнях: закон РФ от 26 марта 1994 г. № 41-ФЗ. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132238>.

4. О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории РСФСР: указ Президента РФ от 15 нояб. 1991 г. № 214 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1613.

5. О добыче и использовании драгоценных металлов и алмазов на территории Российской Федерации и усилении государственного контроля за их производством и потреблением: постановление Правительства РФ от

1. About banks and banking activity: fed. law of Dec. 2, 1990 № 395-1. URL: <http://www.zakonprost.ru/zakony/o-bankah>.

2. Constitution of the Russian Federation: adopted by the popular vote on Dec. 12, 1993 // Rus. newsp. 2009. Jan. 21. Fed. iss. № 4831.

3. About Precious Metals and Precious Stones: law of the Russian Federation of March 26, 1994 № 41-FL. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=132238>.

4. About the production and use of precious metals and diamonds in the RSFSR: decree of the President of the Russian Federation of Nov. 15, 1991 № 214 // Bull. of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. № 47. Art. 1613.

5. About the production and use of precious metals and diamonds in Russia and the strengthening of state control over their production and consumption: decree of the Government of the Russian Federation of Jan. 4, 1992 № 10 //

4 янв. 1992 г. №10 // Собр. законодательства РФ. 1997. № 27. Ст. 3232.

6. О валютном регулировании и валютном контроле: закон РФ от 9 окт. 1992 г. // Рос. газ. 1992. 4 нояб.

7. О развитии рынка драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации: указ Президента РФ от 16 дек. 1993 г. № 2148. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9029368>.

8. Метод валютного кредитования и финансирование отношений / под ред. Л.Н. Красавиной. М., 1994.

9. Об утверждении положения о совершении сделок с драгоценными металлами на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 1994 г. № 756 // Рос. газ. 1994. № 128.

10. О выпуске государственных облигаций, обеспеченных золотом: указ Президента РФ от 5 сент. 1995 г. № 899. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=7687>.

11. О введении в действие Положения «О совершении кредитными организациями операций с драгоценными металлами на территории Российской Федерации и порядке проведения банковских операций с драгоценными металлами»: приказ Банка России от 1 нояб. 1996 г. № 02-400. URL: <http://www.orioncom.ru/nalogi/spsndoc/02-400.htm>.

12. О порядке выдачи лицензии на осуществление операций с драгоценными металлами: письмо Банка России от 3 дек. 1996 г. № 367 // Вестн. Банка России. 1996. № 67. 11 дек.

13. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций: инструкция Банка России от 2 апр. 2010 г. № 135-у. URL: <http://base.garant.ru/590359>.

14. О товарных биржах и биржевой торговле: закон РФ от 20 февр. 1992 г. № 2383-1. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149785>.

15. О регулировании деятельности по проведению организованных торгов: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 327-ФЗ // Рос. газ. 2011. 26 нояб. Федер. вып. № 5642.

16. Об утверждении Положения о порядке ввоза в Российской Федерации и вывоза из Российской Федерации драгоценных металлов и драгоценных камней: указ Президента РФ от 21 июня 2001 г. № 742. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12078860>.

Coll. of legislation of the Russian Federation 1997. № 27. Art. 3232.

6. On Currency Regulation and Currency Control: law of the Russian Federation of Oct. 9, 1992 // Rus. newsp. 1992. Nov. 4.

7. About the development of the market of precious metals and precious stones in the Russian Federation: decree of the President of the Russian Federation of Dec. 16, 1993 № 2148. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9029368.0>

8. Method of foreign currency lending and financing relations / ed. by L.N. Krasavina. M., 1994.

9. About approval by the provisions on transactions with precious metals in the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 1994 № 756 // Rus. newsp. 1994. № 128.

10. On the issue of state bonds backed by gold: decree of the President of the Russian Federation of Sept. 5, 1995 № 899. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=7687>.

11. About introduction of the Regulation «About the commission of credit institutions in precious metals in the territory of the Russian Federation and the right to conduct banking operations with precious metals»: order of the Bank of Russia of Nov. 1, 1996 № 02-400. URL: <http://www.Orioncom.ru/nalogi/spsndoc/02-400.htm>.

12. About the Procedure for issuance of a license to conduct operations with precious metals: letter of the Bank of Russia of Dec. 3, 1996 № 367 // Bull. of the Bank of Russia. 1996. № 67.

13. About the order of the Bank of Russia on the State Register of Credit Institutions and licenses to conduct banking transactions: instruction of the Bank of Russia of Apr. 2, 2010 №135-i. URL: <http://base.garant.ru/590359>.

14. About Commodity Exchanges and Exchange Trade: law of the Russian Federation of Febr. 20, 1992 № 2383-1. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=149785>.

15. About regulation of activities by organized trade in: fed. law of Nov. 21, 2011 № 327-FL // Rus. newsp. 2011. Nov. 26. Fed. iss. № 5642.

16. On approval of the Regulations on the import into and export from the Russian Federation Russian precious metals and precious stones: decree of the President of the Russian Federation of June 21, 2001 № 742. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12078860>.

17. About making credit institutions of purchase and sale of precious metal coins: letter of the Central Bank of the Russian Federation of Sept. 29, 1997 № 524. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_Docum_ID_53429.html.

17. О совершении кредитными организациями операций купли-продажи монет из драгоценных металлов: письмо Центрального банка РФ от 29 сент. 1997 г. № 524. URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_Docum ID_ 53429.html.

18. О некоторых мерах по либерализации экспорта из Российской Федерации аффинированного золота и серебра: указ Президента РФ от 23 июля 1997 г. № 767. URL: <http://www.referent.ru/1/23789>.

19. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Рос. газ. 2002. 13 июля. Федер. вып. № 2995.

18. *About some measures to liberalize the export of Russian refined gold and silver: decree of the President of the Russian Federation of July 23, 1997 № 767. URL: <http://www.referent.ru/1/>.*

19. *About the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia): fed. law of July 10, 2002 № 86-FL // Rus. newsp. 2002. July 13. Fed. iss. № 2995.*

Черкасова Инна Викторовна

соискатель кафедры конституционного и административного права
Волгоградского института экономики, социологии и права
(тел.: +79184900368)

Современные проблемы административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия в Российской Федерации

В работе исследуются современные проблемы административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия, предлагаются пути совершенствования правового регулирования государственного управления данными объектами.

Ключевые слова: культурное наследие, административные режимы, объект культурного наследия, памятники культуры, административно-правовое регулирование.

I.V. Cherkasova, Competitor of a Chair of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Economics, Sociology and Law; tel.: +79184900368.

Modern problems of administrative legal regulation of the conservation, protection, use and popularization of the cultural heritage sites in the Russian Federation

In the article modern problems of administrative legal regulation of preservation, protection, use and popularization of objects of a cultural heritage are investigated, ways from legal regulation of the government by the given objects are offered.

Key words: cultural heritage, administrative modes, object of cultural heritage, culture monuments, administrative legal regulation.

Культурное наследие – важный фактор сплочения и сохранения национальной самобытности и идентичности народов России в целом, средство объединения в периоды кризисов и социальных потрясений. В этом смысле объекты культурного наследия представляют собой совокупность лучших достижений национальных культур различных народов, населяющих территорию нашего государства. Эти положения свидетельствуют о необходимости охраны, сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия, что невозможно полноценно осуществить без надлежащей правовой их охраны и защиты. Отмеченные аспекты актуализируют исследование указанных проблем в уголовно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-процессуальной науках. Наиболее важным с юридической точки зрения следует признать исследование проблем административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия,

т.к. именно этот аспект правового регулирования является ключевым в деятельности государства по охране, сохранению, использованию и популяризации объектов культурного наследия, что в настоящее время в полной мере недооценено. Действующий Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ (с изм. от 27 февраля 2003 г., 22 августа, 29 декабря 2004 г., 3 июня, 31 декабря 2005 г., 18, 29 декабря 2006 г., 26 июня, 18 октября, 8 ноября 2007 г., 13 мая, 14, 23 июля 2008 г., 17 декабря 2009 г., 13 декабря 2010 г., 18 июля 2011 г., 6 ноября 2011 г., 16 ноября 2011 г., 28 ноября 2011 г., 30 ноября 2011 г., 12 ноября 2012 г., 3 декабря 2012 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [1] не в полной мере регулирует данные аспекты деятельности органов государственного управления культурой, отсылая порой к подзаконному регулированию важные, нуждающиеся в законодательной регламентации вопросы управления объектами

культурного наследия для целей их сохранения, охраны, использования и популяризации в интересах народов Российской Федерации.

Проблемы правового регулирования управления объектами культурного наследия и правовых режимов, в рамках которых данные объекты могут функционировать эффективно, нуждаются в изучении и выработке рекомендаций, направленных на их преодоление и разрешение. Именно деятельность органов управления объектами культурного наследия позволяет полноценно обеспечивать охрану, сохранение, использование и популяризацию этих объектов. Сформированные в настоящее время законодательные основы административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия лежат в основе развития и реализации гражданско-правовых режимов оборота данных объектов. К сожалению, современная административно-правовая наука не уделяла достаточно внимания указанным аспектам функционирования объектов культурного наследия, что позволяет отметить практическое отсутствие научных разработок рассматриваемых проблем в административно-правовой науке.

Действующее законодательство в области объектов культурного наследия не решает целый ряд принципиально важных проблем, к числу которых можно отнести проблему понятия объекта культурного наследия и его соотношение со смежными категориями, не выделяет режимы управления указанными объектами, не регламентирует необходимые аспекты содержания административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия, не предотвращает конфликт публичного и частного интересов, возникающих при реализации конституционных прав граждан на доступ к объектам культурного наследия. Эти негативные тенденции действующего законодательства нуждаются в правовом разрешении.

Анализ законодательства субъектов Российской Федерации об объектах культурного наследия вскрыл целый ряд проблем, связанных с функционированием объектов культурного наследия регионального и местного (муниципального) значения. Эти проблемы лежат в плоскости отсутствия системного подхода к построению региональных актов об объектах культурного наследия, основанных на административно-правовых концепциях правового регулирования управления данными объектами. В то же время необходимо признать, что именно региональное законодательство об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) в значительной мере восполняет существующие

пробелы в федеральном законодательстве, что является весьма положительным моментом при характеристике региональных аспектов управления объектами культурного наследия.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что проблемы административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия являются актуальными с точки зрения теории административного права и правоприменительной практики деятельности федеральных и региональных органов государственного управления культурой, а также исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления.

Анализ действующего российского законодательства, законодательства бывшего СССР и международно-правовых актов о культурном наследии, а также имеющихся научно-теоретических подходов к определению понятия «объект культурного наследия» позволяет сформировать определение данного объекта как недвижимого или движимого имущественного комплекса или отдельного объекта, связанного с определенной территорией, имеющей нормативно определенные границы функционирования, материальную и духовную ценность для народов Российской Федерации и зарубежных стран, обладающего определенными временными характеристиками и нуждающегося в административно-правовом регулировании, охране, сохранении, использовании и популяризации, а также признанного уполномоченным государственным органом в качестве такового.

Многообразие видов объектов культурного наследия требует разработки научно обоснованной их классификации. Предлагаем следующую классификацию видов объектов культурного наследия, уместную для целей нормативно-правового их закрепления. В зависимости от вида объекта культурного наследия следует выделить: памятники, ансамбли, достопримечательные места. В зависимости от уровня административно-правового регулирования охраны объекта культурного наследия выделяются: объекты культурного наследия федерального значения, объекты культурного наследия регионального значения, объекты культурного наследия местного (муниципального) значения. В зависимости от характера зон охраны объектов культурного наследия следует выделить: охранную зону, зону регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зону охраняемого природного ландшафта. В зависимости от характера режимных правил использования объектов культурного наследия: объект культурного наследия полного использования; объект культурного наследия

ограниченного использования; объект культурного наследия особого порядка использования. В зависимости от характера режимных правил охраны объектов культурного наследия: объекты культурного наследия, находящиеся под общей охраной; объекты культурного наследия, находящиеся под особой охраной.

Изучение эволюции административно-правового регулирования режимов управления объектами культурного наследия позволяет признать наличие определенных закономерностей, обусловленных процессами повышения роли государства в управлении делами общества. Так, возникновение административно-правового регулирования охраны объектов культурного наследия было обусловлено формированием абсолютизма в России; развитие административно-правового регулирования объектов культурного наследия характеризовалось расширением участия государства в данных процессах и выражалось в поэтапном правовом регулировании охраны, сохранения, использования, учета и популяризации объектов культурного наследия; поэтапном переходе от подзаконного правового регулирования объектов культурного наследия к законодательной их регламентации; в расширении участия общества в процессах охраны, сохранения, использования, учета и популяризации объектов культурного наследия.

Исследование проблем государственного управления объектами культурного наследия позволяет признать, что ранее в административно-правовой науке не высказывалось мнение о необходимости административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия путем формирования системы административно-правовых режимов. Элементами содержания таких административно-правовых режимов являются, по нашему мнению, следующие: нормативная основа режима, правила деятельности субъекта управления, прием функционирования субъектов в рамках конкретно определенного административно-правового режима (административная процедура), круг субъектов административно-правового режима, объект административно-правового режима, цель административно-правового режима.

Содержание административно-правовых режимов всесторонне раскрывается в их классификации. В связи с этим предлагаются следующие критерии классификации административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия: 1) вид объекта культурного наследия; 2) вид нормативного правового акта, закрепляющего административно-

правовой режим; 3) уровень регламентации административно-правового режима управления объектами культурного наследия; 4) характер правил деятельности лиц, вовлеченных в сферу функционирования административно-правового режима; 5) характер охранных зон, предусмотренных режимом для охраны объектов культурного наследия.

Предложенные критерии классификации дают возможность выделить основные группы административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия: а) группу административно-правовых режимов, предопределяемых управляемым объектом культурного наследия; б) группу административно-правовых режимов, предопределяемых характером нормативно-правовой основы режима; в) группу административно-правовых режимов, предопределяемых территориальной сферой их осуществления; г) группу административно-правовых режимов, предопределяемых характером режимных правил управления объектом культурного наследия; д) группу административно-правовых режимов, предопределяемых спецификой охранной зоны, на которой размещен управляемый объект культурного наследия.

На основе анализа действующего федерального и регионального законодательства об объектах культурного наследия предлагается конструкция содержания административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия, предопределяемых видом объекта культурного наследия, территориальной сферой их действия и спецификой зон охраны объекта культурного наследия, что позволяет выявить как пробелы правового регулирования данных групп режимов, так и недостатки такого регулирования.

Изучение проблем административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия позволяет внести предложения по совершенствованию структуры и дополнению Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». Необходимо осуществить следующие действия: 1) выделить четыре основных раздела закона: а) общие положения; б) административно-правовое регулирование управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения; в) гражданско-правовое регулирование использования объектов культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения; г) заключительные и

переходные положения; 2) глава первая раздела «Общие положения» «Предмет регулирования настоящего Закона»; 3) вторая глава «Полномочия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия»; 4) третья глава должна содержать нормы о финансировании мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия всех трех видов назначения и называться «Финансирование мероприятий по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия»; 5) ключевым разделом проекта Федерального закона об объектах культурного наследия должен стать раздел об административно-правовом регулировании управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) зна-

чения; в данный раздел следует включить главы, закрепляющие общие положения об административно-правовых режимах, а далее выделить следующие главы: а) «Административно-правовые режимы управления отдельными видами объектов культурного наследия»; б) «Административно-правовые режимы управления объектами культурного наследия федерального, регионального и местного (муниципального) значения»; в) «Административно-правовые режимы управления специфическими зонами охраны объектов культурного наследия».

Изложенные предложения, направленные на совершенствование административно-правового регулирования сохранения, охраны, использования и популяризации объектов культурного наследия народов Российской Федерации, позволят, по нашему мнению, усовершенствовать законодательное закрепление административно-правовых режимов управления объектами культурного наследия и повысят эффективность деятельности органов государственного управления в данной сфере.

1. Собр. законодательства РФ. 2002. № 26. Ст. 2519; 2003. № 9. Ст. 805; 2004. № 52, ч. 1. Ст. 5276; 2006. № 52, ч. 1. Ст. 5498; 2007. № 1, ч. 1. Ст. 21; № 27. Ст. 3213; № 46. Ст. 5554; 2008. № 20. Ст. 2251; № 29, ч. 1. Ст. 3418; № 30, ч. 2. Ст. 3616; 2009. № 51. Ст. 6150; Рос. газ. 2010. 17 дек.; Собр. законодательства РФ. 2011. № 30, ч. 1. Ст. 4563; № 45. Ст. 6331; № 47. Ст. 6606; № 49, ч. 1. Ст. 7015; Ст. 7026; 2012. № 31. Ст. 4322; № 47. Ст. 6390; № 50, ч. 5. Ст. 6960.

1. Coll. of legislation of the Russian Federation. 2002. № 26. Art. 2519; 2003. № 9. Art. 805; 2004. № 52, pt. 1. Art. 5276; 2006. № 52, pt. 1. Art. 5498; 2007. № 1, pt. 1. Art. 21; № 27. Art. 3213; № 46. Art. 5554; 2008. № 20. Art. 2251; № 29, pt. 1. Art. 3418; № 30, pt. 2. Art. 3616; 2009. № 51. Art. 6150; Rus. newsp. 2010. Dec. 17; Coll. of legislation of the Russian Federation. 2011. № 30, pt. 1. Art. 4563; № 45. Art. 6331; № 47. Art. 6606; № 49, pt. 1. Art. 7015; Art. 7026; 2012. № 31. Art. 4322; № 47. Art. 6390; № 50, pt. 5. Art. 6960.

Чудин Юрий Григорьевич

соискатель кафедры экологического, земельного и трудового права
Северо-Кавказского федерального университета
(тел.: +78652354446)

К вопросу об административной ответственности за нарушение законодательства об охоте

В статье содержится критический анализ изменений, внесенных в Кодекс РФ об административных правонарушениях, в части установления административной ответственности за нарушение правил охоты.

Ключевые слова: административная ответственность, экологические правонарушения, животный мир, правила охоты.

Yu.G. Chudin, Competitor of a Chair of Ecological, Land and Labor Law of the North-Caucasian Federal University; tel.: +78652354446.

To the question about administrative responsibility for interruption the hunting legislature

This article contains the critical analysis the changes which were adopted to Russian Code on Administrative Offences and were devoted to setting the administrative responsibility for interruption the hunting rules.

Key words: administrative responsibility, ecological offences, fauna, hunting rules.

Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации” и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 201-ФЗ в июле 2013 г. были внесены существенные изменения в статьи КоАП РФ, регламентирующие экологические правонарушения, связанные с охотой.

Диспозиция ст. 8.37 до введения изменений была сформулирована законодателем весьма лаконично, как нарушения правил охоты. В настоящее же время статья дополнилась тремя частями, содержащими квалифицирующие составы. Но надо отметить, что нововведения страдают рядом существенных недостатков, что, скорее всего, не упростит правоприменительную практику.

Часть первая рассматриваемой статьи по-прежнему устанавливает ответственность за нарушения правил охоты. На наш взгляд, формулировка неудачная. Как известно, Правила охоты установлены приказом Минприроды России от 16 ноября 2010 г. № 512 «Об утверждении Правил охоты», однако Правила являются не единственным нормативным актом, регулирующим данный вид деятельности человека. Существуют, к примеру, приказ Минприроды России от 30 апреля 2010 г. № 138 «Об утверждении

нормативов допустимого изъятия охотничьих ресурсов и нормативов численности охотничьих ресурсов в охотничьих угодьях», приказ Минприроды РФ от 30 июня 2011 г. № 568 «Об утверждении Требований охотничьего минимума», а также Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Таким образом, нарушение норм данных нормативно-правовых актов (т.е. нарушение норм экологического законодательства) не влечет наступления ответственности, тогда как ст. 57 Федерального закона «Об охоте» устанавливает, что лица, виновные в нарушении законодательства в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов, несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. При буквальном толковании нормы можно сделать вывод, что нарушения законодательства в области охоты и сохранения охотничьих ресурсов остаются административно не наказуемыми, что, безусловно, неверно.

Уголовная ответственность по ст. 258 УК РФ, как представляется, должна наступать в случаях, если имеются квалифицирующие признаки, такие как: причинение крупного ущерба; применение механического транспортного средства или воздушного судна, взрывчатых веществ, газов или иных способов массового

уничтожения птиц и зверей; противоправные действия в отношении птиц и зверей, охота на которых полностью запрещена; на особо охраняемой природной территории либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации. Если такие признаки отсутствуют, субъект привлекается к административной ответственности.

Разграничение незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и нарушений правил охоты (ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ) проводится по квалифицирующим признакам и в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». Однако из анализа обеих норм видно, что КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение Правил охоты, а Уголовный кодекс использует более широкое понятие «незаконная охота», т.е. охота с нарушением норм законодательства. При буквальном подходе Правила охоты даже не являются законодательным актом, следовательно, можно сделать вывод о том, что в случаях нарушения именно Правил должна применяться административная ответственность, а в случаях нарушения иного законодательства об охоте – нормы УК РФ.

Как представляется, следует внести изменения в ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ и заменить формулировку «нарушение правил охоты» на «нарушение правил законодательства об охоте».

Часть 1.2 ст. 8.37 КоАП РФ, которая является июльским нововведением, устанавливает ответственность за осуществление охоты с нарушением установленных правилами охоты сроков охоты, за исключением случаев, если допускается осуществление охоты вне установленных сроков, либо за осуществление охоты недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты.

Совершенно непонятен смысл введения этой нормы. Устанавливается ответственность за нарушение сроков охоты, а также ответственность за осуществление охоты недопустимыми для использования орудиями охоты или способами охоты, которые уже закреплены Правилами охоты.

Почему законодатель устанавливает за нарушение именно этих пунктов Правил более строгое наказание, не ясно, ведь, например, отлов охотничьих животных в большем количестве, чем это дозволено, является не менее опасным общественным деянием.

Вызывает аналогичные вопросы и введение ч. 1.3 в ст. 8.37 КоАП РФ. Сформулирована она следующим образом: непредъявление по требо-

ванию должностных лиц органов, уполномоченных в области охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира (в том числе отнесенных к охотничьим ресурсам) и среды их обитания, органов, осуществляющих функции по контролю в области организации и функционирования особо охраняемых природных территорий федерального значения, государственных учреждений, находящихся в ведении органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственный охотничий надзор, функции по охране, контролю и регулированию использования объектов животного мира и среды их обитания, других уполномоченных в соответствии с законодательством Российской Федерации должностных лиц, производственных охотничьих инспекторов охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием.

Эта норма также повторяет п. 3.3 Правил охоты, правда, формулировки несколько разнятся. Правилами охоты также предусмотрена обязанность охотника предъявлять по требованию работника юридического лица или индивидуального предпринимателя, заключившего охотхозяйственное соглашение, уполномоченного осуществлять производственный охотничий контроль, разрешение на добычу охотничьих ресурсов, выданное в установленном порядке, и путевку.

Из анализа ч. 1.3 ст. 8.37 КоАП РФ не совсем понятно, установлена ли ответственность за непредъявление названных документов работникам юридического лица или индивидуального предпринимателя, ведь в ч. 1.3 названы должностные лица органов, уполномоченных в области охраны, контроля и регулирования использования объектов животного мира, а в Правилах охоты речь идет о лицах, заключивших охотхозяйственные соглашения, которые в силу этого уполномочены осуществлять производственный охотничий контроль. По сути, речь идет о квалификации деяния либо по ч. 1 ст. 8.37 КоАП РФ, либо по ч. 1.3.

Вызывает вопросы и качество юридической техники, используемой в данном пункте анализируемой статьи КоАП РФ. Субъект правонарушения несет административную ответственность, если он не предъявит уполномоченному лицу охотничий билет, разрешение на добычу охотничьих ресурсов, путевку либо разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим

огнестрельным и (или) пневматическим оружием. Применение предлога «либо» явно некорректно в данной ситуации. Из логики законодателя следует, что охотник должен предъявить либо разрешение на охоту, либо разрешение на оружие. Как представляется, часть данной нормы должна быть сформулирована следующим образом: «...охотничьего билета, разрешения на добычу охотничьих ресурсов, путевки, а также разрешения на хранение и ношение охотничьего оружия в случае осуществления охоты с охотничьим огнестрельным и (или) пневматическим оружием».

Части 2 и 3 ст. 8.37 КоАП РФ устанавливают ответственность за нарушение правил добычи (вылова) водных биологических ресурсов и иных правил, регламентирующих осуществление промышленного рыболовства, прибрежного рыболовства и других видов рыболовства, а также нарушение правил пользования объектами животного мира. На наш взгляд, с точки зрения юридической техники и здравого смысла эти составы следовало выделить в отдельные статьи Кодекса.

В июле 2013 г. изменения были внесены и в ст. 7.11 КоАП РФ. «Пользование объектами животного мира и водными биологическими ресурсами без разрешения». Часть 1 данной статьи запрещает пользование объектами животного мира или водными биологическими ресурсами без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением, а равно самовольную уступку права пользования объектами животного мира или права на добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Возникает вопрос, чем данная статья отличается от ч. 3 ст. 8.37 КоАП РФ, сформулированной как нарушение правил пользования объектами животного мира. На это обстоятельство уже обращали внимание некоторые авторы. Так, в одном из комментариев к КоАП РФ (ст. 7.11) указывается, что «объектом правонарушений являются общественные отношения, возникающие при реализации права государственной собственности на животный мир, в том числе при осуществлении полномочий по владению, пользованию и распоряжению животным миром».

Объективная сторона пользования животным миром без разрешения, если такое разрешение обязательно, состоит в незаконной охоте,

рыболовстве, осуществлении иных видов пользования животным миром. Нарушение условий, предусмотренных разрешением, может заключаться в добыче объектов животного мира в не указанных в ней местах, не в том количестве и т.п. Здесь возникает конкуренция со ст. 8.37» [1].

Если объективная сторона данного правонарушения состоит в незаконной охоте, то данное деяние никак не может быть квалифицировано по ст. 7.11.

Возможно, эту коллизию можно разрешить, указав в статье, что речь идет об объектах животного мира, не отнесенных к объектам охоты, а ч. 3 ст. 8.37 следует исключить, т.к. правила пользования объектами животного мира не регулируются законодательством об охоте.

Вызывает научный интерес и ч. 2 анализируемой статьи. Под угрозой административной ответственности запрещается добыча копытных животных и медведей, относящихся к охотничьим ресурсам, без разрешения, если разрешение обязательно, либо с нарушением условий, предусмотренных разрешением. Добыча животных является одним из способов охоты, т.е. объектом правонарушения признаются общественные отношения в области охраны и использования животного мира. Предметом посягательства является животный мир, следовательно, данное правонарушение должно квалифицироваться по статье, предусматривающей наказание за нарушения законодательства об охоте. Возможно, помещая данную норму в гл. 7 КоАП, защищающую интересы государства в области охраны собственности, законодатель хотел подчеркнуть особую ценность таких объектов животного мира, как медведи и копытные животные, однако некоторые иные виды животных могут иметь не меньшую, если не большую, хозяйственную или биологическую ценность. Как представляется, данную норму можно поместить в ст. 8.37 КоАП в качестве одного из квалифицирующих признаков нарушения законодательства об охоте.

В целом следует отметить, что правовое регулирование ответственности, в частности административной, за нарушение законодательства об охоте страдает рядом существенных недостатков, которые невозможно устранить, не внося изменений в действующее законодательство.

1. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях / под общ. ред. Н.Г. Салищевой. 7-е изд. М., 2011 // СПС «КонсультантПлюс».

1. *Commentary of Russian Code on Administrative Offences / gen. ed. by N.G. Salishcheva. 7th ed. M., 2011 // HLS «ConsultantPlus».*

Касевич Екатерина Викторовнакандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета**Станкевич Галина Викторовна**кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного и финансового права
Северо-Кавказского федерального университета

(тел.: +78652354446)

Правовое регулирование организации и деятельности Контрольно-счетной палаты Ставропольского края

В статье рассматриваются теоретические и практические проблемы правового регулирования организации деятельности Контрольно-счетной палаты Ставропольского края. Осуществлена попытка осмысления последних новелл федерального и регионального законодательства, устанавливающего правовое положение региональных контрольно-счетных палат.

Ключевые слова: финансовый контроль, контрольно-счетные палаты, финансовый аудит, Ставропольский край.

E.V. Kasevich, Master of History, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Administrative and Financial Law of the North-Caucasian Federal University;

G.V. Stankevich, Master of Law, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Administrative and Financial Law of the North-Caucasian Federal University; tel.:+78652354446.

Law regulation of organization and activity of Control audit chamber of Stavropol region

Theoretical and practical problems of law regulation for organization and activity of Control audit chamber of Stavropol region are shown in this article. Authors have tried to rethink last novels of federal and regional legislature which had set the law status of regional control audit chambers.

Key words: financial control, control audit chambers, financial audit, Stavropol region.

Региональные счетные палаты, наряду со Счетной палатой РФ, являются центральным звеном системы Государственного финансового контроля (далее – ГФК) в России. 7 февраля 2011 г. принят Федеральный закон № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований», который знаменует новый этап правового регулирования институционального механизма финансового контроля в России.

Согласно принятому Закону контрольно-счетные органы (далее – КСО) являются постоянно действующим органом внешнего финансового контроля, образуются, соответственно, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, представительным органом муниципального образования, обладают функциональ-

ной независимостью и самостоятельностью. Деятельность контрольно-счетных органов не может быть приостановлена, в том числе в связи с досрочным прекращением полномочий законодательного (представительного) органа.

Таким образом, разрешен длившийся 15 лет вопрос о степени обособленности счетных палат от региональных органов законодательной власти. Законодатель пошел по пути отделения органов государственного аудита от законодательных (представительных) органов. Поэтому в тех субъектах, где контрольно-счетные органы являются обособленными структурными подразделениями законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и подотчетны им в своей деятельности, будет необходимо изменить подход к формированию и статусу КСО. Создание организационно и функционально независимых контрольно-счетных органов регионов, по нашему мнению,

будет способствовать более последовательной реализации принципа независимости органов ГФК, что поможет с большей степенью эффективности проводить контрольные мероприятия в бюджетной сфере.

Определены состав и структура контрольно-счетных органов (ст. 5). Контрольно-счетные органы образуются в составе председателя, его заместителя (если это предусмотрено соответствующим законодательным (нормативным правовым) актом субъекта Российской Федерации (муниципального образования)), аудиторов (должности аудиторов в КСО муниципального образования могут предусматриваться соответствующим нормативным правовым актом) и аппарата. В КСО может быть образован коллегиальный орган, к компетенции которого отнесено рассмотрение наиболее важных вопросов деятельности (п. 10 ст. 5).

Определены порядок назначения на должности председателя, его заместителя и аудиторов, требования к кандидатурам. Так, устанавливаются единые требования к процедуре назначения на должность председателя КСО. Предложения о кандидатурах на должность председателя могут вноситься в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации председателем законодательного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, не менее чем одной третью от установленного числа депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации, а также комитетами и комиссиями законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, если это определено законом субъекта. В то время как предложения о кандидатурах на должности заместителя председателя и аудиторов контрольно-счетного органа субъекта Российской Федерации вносятся в законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Российской Федерации в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации (п. 4 ст. 6), т.е. могут иметь региональные отличия.

Для должностных лиц контрольно-счетных органов устанавливаются гарантии их статуса, предусматривающие, в том числе, недопустимость воздействия в какой-либо форме на указанных лиц, а также их государственную защиту.

В Законе подробно прописаны основные полномочия контрольно-счетных органов (контроль за исполнением бюджета, за управлением и распоряжением имущества, участие в меро-

приятиях, направленных на противодействие коррупции, и т.д.). Отчасти произошло уточнение и детализация полномочий в связи с основными направлениями деятельности КСО, обозначенными руководством Счетной палаты РФ. Перед органами государственного контроля стоят следующие задачи, которые нашли отражение в полномочиях КСО:

- обеспечение единства принципов и стандартов работы всех контрольно-счетных органов;

- обеспечение высокого качества государственного управления в целом, в том числе за счет широкого внедрения методов аудита эффективности, контроля за тем, насколько точно органы государственной власти следуют принципам управления, насколько эффективно они реализуют свои полномочия;

- усиление борьбы с коррупцией;

- создание более благоприятных условий для предпринимательской деятельности и снижение контрольной нагрузки на проверяемые предприятия, прежде всего за счет широкого внедрения современных методов государственного аудита, в том числе проведения систематических проверок эффективности внутренних систем финансового контроля у бюджетополучателей;

- усиление контроля за эффективностью управлением госсобственностью;

- проведение анализа эффективности использования государственных ресурсов, выделяемых на стабилизацию национальной финансовой системы, в том числе средств, выделяемых крупным хозяйствующим субъектам на перекредитование внешних заимствований и субординированные кредиты;

- активное изучение и адаптация к российским реалиям современных международных стандартов контрольной деятельности и творческое использование лучших образцов зарубежного опыта.

С учетом широких полномочий контрольно-счетных органов Законом устанавливаются гарантии прав проверяемых органов и организаций (ст. 17). Однако из формулировки статьи следует, что основным способом защиты нарушенных прав проверяемых органов и организаций становится административный порядок обжалования действий (бездействий) контрольно-счетных органов в законодательных (представительных) органах. Судебный порядок защиты нарушенных прав в ст. 17 не упоминается, но это, как представляется, не является препятствием отстаивания своих прав в суде.

Во исполнение Федерального закона № 6-ФЗ был принят Закон Ставропольского края (далее – Закон СК) от 28 декабря 2011 г. № 102-кз «О Контрольно-счетной палате Ставропольского

края», в котором указано, что Контрольно-счетная палата Ставропольского края (далее – КСП СК) является постоянно действующим органом внешнего государственного финансового контроля, образуемым Думой СК и подотчетным ей.

В соответствии со ст. 3 деятельность КСП СК основывается на принципах законности, объективности, эффективности, независимости и гласности. Данные принципы раскрываются в отдельных нормах закона, однако следует признать, что региональный законодатель в отдельных случаях даже не меняет формулировки Федерального закона. Например, пп. 4, 5 ст. 3 Федерального закона № 6-ФЗ и пп. 2, 3 ст. 1 Закона СК № 102-кз. Прямое копирование статей Федерального закона для разработчиков регионального законодательства стало делом привычным, т.к., вероятно, понятие соответствия норм закона субъекта Российской Федерации нормам Федерального закона они трактуют буквально. Тем не менее хотелось бы видеть совершенствование законодательной техники не только на федеральном, но и на региональном уровне.

Вместе с тем, приведенные выше положения Федерального закона № 6-ФЗ нашли отражение в отдельных статьях Закона СК № 102-кз. Особенности функционирования КСО регионов в соответствии с новым законом мы уже определили, что полностью соответствует статусу КСП СК.

Статья 5 Закона СК № 102-кз закрепляет порядок назначения на должность председателя КСП СК, заместителя председателя КСП СК и ее аудиторов. В старом законе этой процедуре были посвящены три статьи (5–7). Также Законом СК № 102-кз в ст. 6 устанавливаются общие требования к кандидатурам на все должности в КСО СК, что является крайне положительным моментом, поскольку до этого прозрачности в данном вопросе не наблюдалось.

Что касается полномочий КСО, то они не изменились – контрольно-счетный орган Ставропольского края в основном осуществляет три вида деятельности, как и Счетная палата РФ: контрольно-ревизионную (контрольную), экспертно-аналитическую и информационную.

В Законе СК предусмотрено, что в рамках контрольно-ревизионной деятельности КСП СК осуществляет контроль за исполнением соответствующего бюджета. В процессе исполнения краевого бюджета и после завершения очередного финансового года КСП СК выполняет следующие действия: контролирует полноту и своевременность, а также отсутствие нарушений в ходе поступлений финансовых средств в доходную часть краевого бюджета, осуществ-

ляет проверки законности и эффективности расходования бюджетных ассигнований по всем статьям краевого бюджета, включая расходы на содержание органов государственной власти края, выявляет отклонения от законодательно утвержденных показателей бюджета, проводит их анализ, вносит предложения по их устранению. КСП СК ежеквартально по установленной форме представляет Думе СК отчет о ходе исполнения краевого бюджета, где приводятся фактические данные о формировании доходов и произведенных расходах в сравнении с показателями, утвержденными на текущий год. Данные оперативного контроля используются при планировании контрольных мероприятий.

Экспертно-аналитическая деятельность заключается, прежде всего, в экспертизе проектов бюджета СК, целевых программ, предусмотренных к финансированию из бюджета СК, законов и иных нормативных правовых актов СК, затрагивающих финансовые ресурсы регионального бюджета, бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов СК, анализе нарушений и отклонений в бюджетном процессе, подготовке и внесении в представительный (законодательный) орган предложений по их устранению, а также по совершенствованию бюджетного законодательства в целом.

Третьим видом деятельности контрольно-счетных палат является информационная деятельность. В Законе СК № 102-кз информационной деятельности КСП СК посвящена ст. 21, в соответствии с которой в целях обеспечения доступа к информации о своей деятельности она размещает на своем официальном сайте в сети Интернет и публикует в бюллетене КСП СК информацию о проведенных контрольных и экспертно-аналитических мероприятиях, о выявленных при их проведении нарушениях, о внесенных представлениях и предписаниях, а также о принятых по ним решениях и мерах. Кроме того, она ежегодно подготавливает отчеты о своей деятельности и представляет их на рассмотрение в Думу СК, а также представляет информацию по ежегодному отчету Губернатору СК, которые подлежат опубликованию в газете «Ставропольская правда» или размещению на официальном сайте КСП СК в сети Интернет после их рассмотрения Думой СК.

Несмотря на многие положительные моменты в правовом регулировании организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации, по-прежнему остается нерешенным ряд важных вопросов.

Во-первых, необходимо провести нормативную унификацию терминологии, законодательно

закрепить термины, определяющие формы контрольных мероприятий: финансовый аудит, аудит эффективности и стратегический аудит.

Во-вторых, необходимо создать законодательные предпосылки для единой системы стандартов и классификации выявляемых недостатков, нарушений и их последствий; ответственность за неисполнение законных требований

сотрудников КСО должна быть закреплена нормами административного законодательства.

В-третьих, следует законодательно закрепить особый статус КСО в информационном взаимодействии с органами власти и целесообразно предоставить КСО право непосредственного доступа к государственным информационным ресурсам субъектов Российской Федерации.

Долгополова Екатерина Александровна
преподаватель кафедры административного и финансового права
Кубанского государственного университета
(e-mail: e.a.dolgopolova@bk.ru)

К вопросу о правовом регулировании в сфере финансов

Исследуются проблемы правового регулирования в сфере финансов. Осуществляется анализ экономических предпосылок к развитию финансового законодательства.

Ключевые слова: государство, законодательство, подзаконные акты, правовое регулирование, финансовое право.

E.A. Dolgopolova, Teacher of a Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State University;
e-mail: e.a.dolgopolova@bk.ru

To the question of legal regulation in the sphere of finance

The problems of legal regulation in the sphere of finance are investigated. The analysis of economic prerequisites for the development of financial legislation is carried out.

Key words: state, legislation, bylaws, legal regulation, financial law.

Система законодательства складывается не только для упорядоченности, стабильности самого законодательства, но и для потребителей социального управления. Она нужна и для того, чтобы соответствующие субъекты управления могли эффективно пользоваться правовыми нормами, могли их находить, исполнять, применять [1, с. 444, 447]. Основу законодательства образуют, прежде всего, законы. Развитие законодательства может осуществляться в процессе развития самих законов, развитие же подзаконных нормативных актов может происходить только в пределах правового поля закона, на основе закона и в части, не противоречащей закону.

Российское административное, а также финансовое законодательство служит предпосылкой и основой для нормального и эффективного функционирования хозяйственного механизма в условиях становления рыночных отношений. Это одно из его основных назначений, главный путь реформирования, поскольку рыночные реформы не могут осуществляться без достаточно развитой, научно обоснованной и эффективной нормативно-правовой базы.

Возрастание роли законодательства в сфере хозяйственных отношений достаточно хорошо просматривается на динамике законодательной деятельности. Ныне принято несравненно больше законов и иных нормативных актов по хозяйственным вопросам, нежели раньше, и именно они составляют основную часть правотворческих решений. Так, Государственная дума

за последние годы приняла по гражданскому праву и предпринимательству, финансам и кредиту законов больше, чем в какой-либо иной отрасли федерального законодательства. Это объясняется тем, что в данной сфере значительно расширен круг регулируемых отношений и созданы новые правовые институты (малого предпринимательства, ценных бумаг и др).

Аналогичная картина в региональных нормативных массивах. На долю нормативных актов, регулирующих вопросы предпринимательской деятельности, промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, приходится почти 30%, а вопросы финансов и кредита занимают 21% всего массива регионального законодательства, что в целом составляет половину нормативного массива субъектов Российской Федерации [2, с. 13].

Отдельно, на наш взгляд, следует остановиться на роли подзаконных нормативных правовых актов в развитии законодательства. Поскольку юридическая сила таких актов не может выходить за правовые рамки формирующих их законов, то это значит, что развивать законодательную систему они не в состоянии. Речь может идти только о совершенствовании правотворческой деятельности правотворческого органа, стоящего на последующей иерархической ступени после законодательного органа. Другими словами, целью незаконотворчества не может быть развитие системы законодательства в целом, такой целью может быть только повышение

эффективности правового регулирования. В то же время повышение эффективности правового регулирования может осуществляться и на законодательном уровне. В.М. Сырых определяет, что «эффективность правового регулирования бывает двух видов: социальной и юридической» [3, с. 270], что является выражением общих целей правового регулирования – социальной и юридической. При этом эффективность правового регулирования имеет различные аспекты своего понимания и исследования:

научную обоснованность, обеспечивающую текущее и стратегическое соответствие правового регулирования объективным социальным и экономическим, политическим и нравственно-духовным потребностям и закономерностям развития государственно-организованного общества;

своевременность (оперативность) правового регулирования;

организационное обеспечение, связанное с разработкой, закреплением и наличием четких организационных механизмов и иных условий правотворчества, правореализации и правозащиты в соответствии с принципами и целями, задачами правового регулирования;

соответствие требованиям (правилам) правотворческой (в том числе законодательной) техники;

наличие надлежащего кадрового обеспечения правотворчества, правоприменения и правоохранительной деятельности;

прогнозирование эффективности правового регулирования;

определение пределов правового регулирования (в юриспруденции с этим связано выражение «право есть мера возможного и должного»); выход за объективные пределы чего-либо диалектически означает либо его разрушение, либо его трансформацию во что-то иное, а нередко и в противоположное ему, например свободы – в анархию и произвол либо в тиранию (диктатуру) и удушение регламентацией [4, с. 221–223].

Из изложенного становится понятным, что повышение эффективности правового регулирования не тождественно понятию «развитие законодательства». Ведь с философской точки зрения развитие – это характеристика качественных изменений объектов, появление новых форм бытия, инноваций и нововведений и сопряженных с преобразованием и внутренних, и внешних связей. С позиции права процесс более совершенного закономерного изменения, перехода законодательства из одного состояния в другое могут обеспечить только законы, понуждающие изменяться и подзакон-

ные акты, а следовательно, развиваться всю систему законодательства, влекущую за собой совершенствование всей системы правового регулирования.

Концепции развития (в широком смысле) тесно связаны с пониманием процессуальности и исторической изменчивости систем и явлений [5, с. 847]. В особенности этот тезис присущ праву, поскольку именно исторические преобразования побуждают к развитию систему законодательства; а реализовать историческую потребность общества в развитии законодательства способны только законы с последующим правотворчеством органов исполнительной власти.

Описывая этапы становления финансового законодательства в России, И.Ю. Поплавский отмечал, что наше финансовое законодательство, как и в Западной Европе, развивалось исторически; оно изменялось и дополнялось в отдельных частях сообразно требованиям времени и обстоятельств [6, с. 20].

Вместе с тем, определенные исторические условия в нашем государстве «диктовали» расширительное понимание законодательства вне законодательного процесса. К этим периодам можно отнести советский период Российской Федерации, в котором преобладали нормативные акты органов исполнительной власти, а также «так называемое “указное” правотворчество, которое бурно развивалось, начиная с 1991 г., когда впервые была установлена должность Президента Российской Федерации. Сейчас остаются действующими почти 1150 нормативных указов. После принятия Конституции Российской Федерации наступила определенная стабилизация в этой сфере, хотя общее число указов было и остается довольно значительным». Поэтому в процессе исследования тенденций развития финансового законодательства в определенный исторический период следует изучать, при отсутствии законов, иные нормативные правовые акты, стоявшие на высшей иерархической ступени и формировавшие систему финансового законодательства. Таким образом, тенденции развития финансового законодательства можно определить только во взаимосвязи состояния правового регулирования отношений в сфере финансов с конкретными историческими условиями, в которых принимались соответствующие нормативные правовые акты.

Познание права предполагает в первую очередь определение того, как оно возникло в тех или иных условиях исторической эпохи, какие основные этапы прошло в своем развитии и

как изменилось в процессе этого развития, чем стало в момент своего исследования и, наконец, каковы тенденции его движения. Вне исторического контекста, связывающего явления и процессы современности с теми явлениями и процессами, которые им предшествовали, равно как и с теми, которые возникнут на их основе в более или менее отдаленной перспективе, невозможно познать саму современность. И это вполне естественно, поскольку в обществе всегда имеются остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Любое современное явление или процесс имеет свои корни в прошлом, которое через отражение в настоящем устремлено в будущее. Поэтому научное исследование правовых явлений и процессов не может ограничить себя их состоянием на данный момент существования, поскольку будет устранена причинно-следственная связь в историческом развитии права. Как уже отмечалось, историко-правовое исследование вовсе не сводится к простой регистрации норм, фактов и событий, имевших место в развитии правовой системы; в ходе воспроизведения ее истории отбирают лишь те из них, которые имеют существенное значение для характеристики этой системы и выявления присущих ей закономерностей. Задача ее в полном объеме состоит в том, чтобы органически объединить исследование генетических связей и зависимостей компонентов правовой системы и ее исторического развития с исследованием функционирования элементов этой системы, а также с познанием ее организации и действия в качестве целостного образования, включая его социальное предназначение, эффективность действия, совершенствование и преобразование [7, с. 111–119].

Финансовое право как самостоятельная отрасль права востребовано, прежде всего, экономическими отношениями в государстве, поэтому его развитие во многом зависит от социальной потребности общества в урегулировании экономических правоотношений; решающую роль в облике финансового права играет государственная политика в сфере финансов.

На наш взгляд, можно определить следующие экономические предпосылки к развитию финансового законодательства:

увеличение инвестиционного потенциала за счет целевых государственных программ, субсидирования отдельных отраслей или групп предприятий реального сектора, проводящих активную фондовую политику, направленную на мобилизацию и привлечение частных капиталов;

создание системы гарантий частных инвестиций; переход от эмиссии государственных цен-

ных бумаг к госбумагам, выпущенным под конкретные инвестиционные проекты [8, с. 124–125];

осуществление государственных программ по созданию дополнительных элементов рыночной инфраструктуры и привлечению инвестиционных ресурсов в отдельные отрасли хозяйства (по примеру проведения государственной программы жилищного кредитования и создания рынка ипотечных ценных бумаг);

повышение эффективности управления пакетами ценных бумаг, находящихся в государственной (муниципальной) собственности;

проведение более лояльной налоговой политики за счет снижения и корреляции ставок налогов на прибыль и на потребление, взимаемых с дохода от операций с ценными бумагами и дивидендов (процентов) по ним;

установление обязательной минимальной доли вложений финансовых организаций в инструменты фондового рынка;

завершение формирования всероссийской информационной системы, позволяющей проводить финансовый, инвестиционный и прогнозный мониторинг в масштабах Российской Федерации и отдельных регионов;

содействие развитию региональных рынков ценных бумаг путем оказания финансовой поддержки тем регионам, которые реализуют крупные инновационные проекты в приоритетных отраслях экономики, а также проводят мероприятия по развитию инфраструктуры и финансовых инструментов фондового рынка, включая венчурное инвестирование [9, с. 31].

Связь финансов и экономики, гибкость и оборотоспособность данной части имущества и связанная с этим возможность злоупотреблений требуют, чтобы государственные финансы регламентировались специальными государственными нормами. Эти нормы дают возможность: 1) распоряжаться средствами в достаточном количестве (правила, регулирующие доходы); 2) точно учитывать движение средств (казначейские правила); 3) обеспечивать их использование в соответствии с волей народа и в общих интересах (бюджетные правила) [10, с. 41]. Государство в глобальном смысле определяет, какие отношения в обществе должны считать предметом правового регулирования, поэтому и финансовое законодательство на разных исторических этапах имело различную форму.

Несомненно, финансы генетически связаны с государством как исторически, так и, если можно так сказать, технологически. Только государство способно придать тем или иным экономическим отношениям финансовую форму, обеспечить их возникновение и протекание организационными средствами, наконец, гарантировать

бесперебойное функционирование финансовых институтов политически. И главное, финансы возникают и существуют в интересах государства [11, с. 9]. Из всего этого, как правило, делается вывод о том, что «самой главной отличительной особенностью финансовых отношений является обязательное участие в них государства» [12, с. 2].

Важнейшие черты отношений, составляющие предмет финансового права, заключаются в том, что они:

1) складываются в сфере финансовой деятельности в целях образования необходимых обществу денежных доходов, т.е. имеют организационный характер;

2) в этих отношениях участвуют уполномоченные органы, организации, наделенные соответствующими властными полномочиями по отношению к иным субъектам данных отношений, т.е. они носят властный характер;

3) объектом этих отношений всегда являются деньги или денежные обязательства, связанные с образованием или использованием денежных фондов, т.е. эти отношения имеют имущественный характер.

Такие отношения возникают:

между высшими, региональными и местными представительными органами государственной власти по поводу разграничения компетенции в области финансов, распределения доходов и расходов между отдельными видами бюджетов, порядка их формирования и использования;

между высшими, региональными и местными исполнительными органами власти;

между финансово-кредитными органами, предприятиями, учреждениями, организациями, министерствами, ведомствами, физическими лицами в связи с уплатой налогов, иных платежей, их перечислением в бюджет и т.п.;

внутри единой системы исполнительных органов в области финансов и кредита (например, между Министерством финансов РФ и Федеральной налоговой службой) в связи с

реализацией функциональных обязанностей названных органов [13, с. 15].

В науке финансового права отдельная группа однородных по формам и методам аккумуляции (собрания) или распределения фондов денежных средств, экономических отношений получила название «финансовый институт» [14, с. 6]. По мнению большинства ученых, занимающихся проблемами финансового права, совокупность финансовых институтов, о которых шла речь выше, образует единую финансовую систему страны, которая является экономической категорией. Приведем высказывания некоторых ученых, занимающихся вопросами финансового права. Так, Н.И. Химичева считает, что финансовая система в экономическом аспекте – внутреннее строение финансов, совокупность входящих в них взаимосвязанных звеньев (институтов), каждое из которых представляет специфическую группу финансовых отношений [15, с. 23], подчеркивая объективную обусловленность структуры финансов как целостной экономической категории.

Наука финансового права, как правильно утверждал С.Д. Ципкин, должна пользоваться готовыми экономическими положениями, разрабатываемыми наукой о финансах, не превращаясь в «экономико-правовую науку» [16, с. 5]. Эти слова можно отнести и к определению содержания структуры финансовой системы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что тенденции развития финансового права являются только в исторической ретроспективе, исходя из особенностей экономического развития Российского государства на определенном историческом этапе, востребованности осуществления правового регулирования соответствующих финансовых отношений государством, с учетом их основных признаков и особенностей, на основе анализа предмета и метода правового регулирования, а также эволюции субъектов и объектов финансовых правоотношений.

1. Венгеров А.Б. *Теория государства и права*. М., 2009.

2. *Система законодательства в Российской Федерации* / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003.

3. Сырых В.М. *Логические основания общей теории права. Т. 2: Логика правового исследования*. М., 2004.

4. Сырых В.М. *Проблемы теории государства и права*. М., 2008.

5. Грицанов А.А. *Всемирная энциклопедия: Философия*. М., 2001.

6. Поплавский И.Ю. *Курс финансового права*. Одесса, 1985.

1. Vengerov A.B. *Theory of state and law*. M., 2009.

2. *Legislative system in the Russian Federation* / ed. by A.S. Pigolkin. SPb., 2003.

3. Syryh V.M. *Logical foundations of a general theory of law. T. 2: The logic of legal research*. M., 2004.

4. Syryh V.M. *Problems in the theory of state and law*. M., 2008.

5. Gritsanov A.A. *World encyclopedia: Philosophy*. M., 2001.

6. Poplawski I.Yu. *Rates of financial law*. Odessa, 1985.

7. Керимов Д.А. *Методология права: предмет, функции, проблемы философии права.* М., 2009.

8. *Фондовый рынок – перспективы устойчивого развития / под ред. В.Ю. Наливайского.* Ростов н/Д., 2000.

9. Руквишникова И.В. *Метод финансового права.* М., 2006.

10. Годуме П.М. *Финансовое право.* М., 1978.

11. Запольский С.В. *Дискуссионные вопросы теории финансового права.* М., 2008.

12. Крохина Ю.А. *Финансовое право России.* М., 2004.

13. *Финансовое право: учеб. / А.Ю. Ильин и др.; под ред. И.И. Кучерова.* М., 2011.

14. Грачева Е.Ю., Куфакина Н.А., Пепелаев С.Г. *Финансовое право России: учеб.* М., 1995.

15. *Финансовое право: учеб. / отв. ред. Н.И. Химичева.* 3-е изд. М., 2002.

16. Цыпкин С.Д. *Финансово-правовые институты, их роль в совершенствовании финансовой деятельности Советского государства.* М., 1983.

7. Kerimov D.A. *Methodology of law: object, function, problems in the philosophy of law.* M., 2009.

8. *Stock market – the prospects for sustainable development / ed. by V.Yu. Nalivaisky.* Rostov-on-Don, 2000.

9. Rukovishnikova I.V. *Method of financial law.* M., 2006.

10. Godume P.M. *Financial law.* M., 1978.

11. Zapolsky S.V. *Discussion questions in the theory of financial law.* M., 2008.

12. Krokhina Yu.A. *Russian financial law.* M., 2004.

13. *Financial law: textbook / A.Yu. Ilyin, etc; ed. by I.I. Kucherov.* M., 2011.

14. Gracheva E.Yu., Kufakina N.A., Pepelaev S.G. *Russian financial law: textbook.* M., 1995.

15. *Financial Law: textbook / resp. ed. N.I. Himicheva.* 3rd ed. M., 2002.

16. Zipkin S.D. *Financial and legal institutions and their role in improving the financial performance of the Soviet state.* M., 1983.

Краснова Антонина Анатольевнаспециалист-эксперт Управления Федеральной миграционной службы России по Саратовской области
(тел.: +79172003430)

Принципы налогового законодательства субъектов Российской Федерации

Статья посвящена исследованию принципов законотворчества субъектов России в налоговой сфере. Приводится классификация принципов налогового законотворчества на общие (общеправовые) и специальные. Автором рассмотрен каждый принцип отдельно и во взаимодействии с остальными.

Ключевые слова: принцип, законотворчество, налог, техническое совершенство, федерализм, научность.

A.A. Krasnova, Specialist-expert of Management of Russian Federal Migration Service in Saratov region; tel. +79172003430.

Principles of tax legislature of the Russian Federation subjects

The article is devoted to research of the principles of law-making of subjects of Russia in the tax sphere. Classification of the principles of tax lawmaking on the general (all-legal) and special is given in article. The author considered each principle separately and in interaction with the others.

Key words: principle, law-making, tax, technical perfection, federalism, scientific character.

Одним из важных аспектов налогового законотворчества субъектов Российской Федерации является вопрос о его принципах. Данные принципы, как и в любой другой отрасли права, представляют собой основополагающие начала, которые отражают сущность, содержание и характерные особенности законотворчества именно в налоговой сфере. Основные принципы законотворчества имеют объективное значение, их содержание зависит в конечном итоге от экономических общественных отношений, от объективных закономерностей развития общества. Основные принципы законотворческой деятельности не есть произвольные веления тех или иных органов или должностных лиц [1, с. 15].

Принципы налогового законотворчества должны отражать в себе и учитывать объективные факторы, влияющие на законодательное регулирование общественных отношений в России, т.е. социально-экономическую и политическую обстановку в стране и т.д., а также различные факторы общественного сознания, уровень культуры народа, правосознание граждан и т.п. [2, с. 128].

Налоговое законотворчество субъектов Российской Федерации как особый вид государственной деятельности должно строиться на совокупности как общих, универсальных принципов, соблюдение которых является важным условием эффективности правового регулирования

общественных отношений, в том числе и в сфере налогообложения, так и специальных принципов, обусловленных спецификой именно налогового законотворческого процесса субъектов Российской Федерации. Но не все принципы налогового законотворческого процесса регионов России нашли четкое законодательное закрепление, они лишь отражены в различных налоговых актах.

К общим (общеправовым) принципам законотворчества в целом относятся: демократизм, гласность, обязательность обнародования нормативных актов, справедливость, законность (верховенство закона). Большинство данных принципов присущи законотворческой деятельности в целом, независимо от территориального (федерального или регионального) и отраслевого уровней, т.к. законотворческая деятельность является важнейшей составной частью процесса правообразования в России.

К специальным принципам налогового законотворчества относятся следующие принципы: федерализм, научность (профессионализм), принцип технического совершенства, своевременность (оперативность).

Принцип демократизма присущ не только налоговому законотворчеству, но и налоговому праву в целом как отрасли. Данный принцип в законотворчестве проявляется в гласности обсуждения проекта закона в законодательном органе, его свободной критике и рассмотрении альтернативных вариантов проекта и пр. Демо-

кратизм позволяет наиболее полно и эффективно выявлять истинные цели законодателя и волю населения, выраженную в нормативном содержании налогового закона.

Наиболее ярко указанный принцип проявляется в принятии законодательного акта на референдуме. В соответствии с законодательством Российской Федерации на референдум субъекта Российской Федерации (региональный референдум) могут выноситься только вопросы, находящиеся в ведении субъекта Российской Федерации или в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов, если указанные вопросы не урегулированы Конституцией РФ и федеральным законом. Вопросы установления общих принципов налогообложения и сборов в России, отнесенные в ст. 72 Конституции РФ к совместной компетенции Российской Федерации и ее субъектов, урегулированы в НК РФ и, таким образом, не могут быть вынесены на региональный референдум.

К вопросам, находящимся в ведении регионов, относятся вопросы, находящиеся вне пределов ведения России и ее полномочий по предметам совместного ведения (ст. 73 Конституции РФ). Применительно к налоговой сфере полномочия регионального законодателя детально конкретизированы в НК РФ. Это определение порядка и пределов, отдельных элементов налогообложения на уровне субъекта Российской Федерации (налоговых ставок, сроков уплаты налогов), установление налоговых льгот по региональным налогам, оснований и порядка их применения (п. 3 ст. 12 НК РФ).

Таким образом, данные полномочия региональных властей в сфере налогообложения не отнесены к числу вопросов, которые не могут выноситься на региональные референдумы (п. 8 ст. 12 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»); они могут стать предметом регулирования именно через проведение референдума, если только в законодательстве субъекта Российской Федерации о референдумах не установлено иное. Вопрос референдума должен быть сформулирован таким образом, чтобы исключалась возможность его множественного толкования, т.е. чтобы на него можно было дать только однозначный ответ, а также чтобы исключалась неопределенность правовых последствий принятого на референдуме решения [3, с. 7].

Принцип демократизма налогового законодательства характеризуется также практикой широкого и гласного обсуждения законопроекта. Для этого в СМИ публикуются тексты законопро-

ектов и статьи, в которых содержится подробный анализ данных налоговых норм, разъяснения специалистов относительно последствий реформирования налогового законодательства и т.п. [3, с. 7–8].

Принцип гласности законотворческого процесса тесным образом связан с принципом демократизма процедуры принятия актов законодательства о налогах и сборах. Выполнение данного принципа способствует реализации права человека и гражданина на получение информации законным путем (ст. 29 Конституции РФ). Значение налогов и налогового регулирования предполагает обеспечение максимальной гласности на всех этапах процесса принятия актов законодательства о налогах и сборах. Принцип гласности применительно к законотворчеству в налоговой сфере означает прозрачность процедуры обсуждения и утверждения законов, а также обязательное их опубликование.

Принцип гласности обеспечивает информированность граждан обо всех деталях и нюансах обсуждения и утверждения актов налогового законодательства их региона. До общественности доводится информация обо всех разногласиях и спорах по вопросам налогообложения, возникающим как внутри законодательных (представительных) органов власти, так и внутри исполнительных органов государственной власти.

Справедливость на уровне налогового законотворческого процесса регионов России проявляется как публичный принцип и отражает определенную закономерность, в соответствии с которой должна быть учтена и такая функция налогов, как возможность обеспечивать социальную поддержку малообеспеченных слоев населения с одновременным применением дифференцированного и прогрессивного налогообложения граждан, получающих высокие доходы.

Принцип законности. Под законностью в законотворчестве понимается то, что вся законотворческая работа по подготовке, принятию и опубликованию законов должна осуществляться в рамках законов и Конституции РФ. Как показывает анализ законотворческой деятельности, в том числе и в сфере налогообложения, одной из причин аморфности единого правового пространства страны является несоблюдение принципа приоритета норм Конституции РФ над иными правовыми нормами, федеральных налоговых норм над налоговыми нормами субъектов России.

Применительно к принятию актов законодательства о налогах и сборах в субъектах Российской Федерации данный принцип проявляется в нескольких аспектах. В первую очередь, любой законодательный (представительный) орган,

принимающий закон (нормативный правовой акт), должен действовать в рамках компетенции, строго очерченной в Конституции РФ, НК РФ и иных федеральных законах, а именно в конституциях (уставах) и законах субъекта Российской Федерации. Следует особо обратить внимание в данном случае на ст. 12 НК РФ, в которой закрепляются все полномочия законодательных (представительных) органов субъектов Федерации.

Законность проявляется и в определенной иерархии законодательных актов. Каждый вновь принятый законодательный акт должен согласовываться с ранее принятыми нормами законов либо вносить в них соответствующие изменения. Закон субъекта Российской Федерации о налогах не должен противоречить федеральному налоговому закону.

Одним из самых главных и основных специальных принципов законоотворчества, в том числе и налогового, является принцип федерализма (налогового федерализма). Все субъекты Российской Федерации имеют право на собственное законоотворчество, соответственно, и в сфере налогов. Это связано с тем, что федерализм как принцип государственного устройства является фактором, обуславливающим двухуровневое законодательство – законодательство Российской Федерации и законодательство субъектов Российской Федерации.

Именно принцип федерализма является фундаментом региональной законотворческой деятельности в налоговой сфере. Принцип федерализма, во-первых, предопределяет приоритет федеральных законов, принятых по предметам ведения Российской Федерации, а также по установлению общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации; во-вторых, приоритет законов субъектов Российской Федерации, принятых вне пределов ведения Российской Федерации, и вопросов установления общих принципов налогообложения и сборов в России; в-третьих, совместное (субъектов России и федерального центра) обеспечение соответствия регионального бюджетного и налогового законодательства Конституции и законам РФ.

При регулировании налоговых отношений регионального уровня соответствующие законодательные органы власти могут использовать три механизма законоотворчества: 1) дублирование норм федеральных законов; 2) расширение содержания норм федеральных законов; 3) установление новых норм права.

Возможен и следующий пример сотрудничества субъектов Российской Федерации в сфере

налогового законоотворчества – заимствование «понравившихся» правовых налоговых норм одного субъекта у другого. При этом «списывающий» субъект должен учитывать сложившуюся у «соседа» практику применения и судебную историю той или иной налоговой нормы [4, с. 17].

Наиболее актуальным юридико-техническим приемом регионального налогового законоотворчества является создание новелл налогового права. Новеллами учредительных документов субъектов Российской Федерации (конституций и уставов) следует считать наличие отдельной главы, посвященной финансовым основам деятельности соответствующего региона. В состав подобных глав входят нормы о финансовых ресурсах субъекта, налогах, сборах и других обязательных платежах на территории, бюджетной системе и пр. Заслуживает одобрения наличие законодательно установленного особого порядка внесения бюджетных законопроектов в представительный орган субъекта Российской Федерации. На уровне основных законов многие субъекты Российской Федерации установили, что законопроекты о введении или отмене налогов, освобождении от их уплаты и т.п. могут быть внесены в представительный (законодательный) орган субъекта Российской Федерации только при наличии заключения. Более детальную регламентацию названные основы региональной налоговой деятельности смогут получить, по мнению Ю.А. Крохиной, в функциональных (тематических) нормативно-правовых актах соответствующего субъекта [5, с. 75–76].

Если обратиться к проблеме специальных принципов налогового законоотворчества субъектов России, то можно указать следующее. В Конституции РФ в ст. 57 связывается обязанность уплаты налога с его законным установлением и порождается вопрос о легитимности положений ряда норм НК РФ, предусматривающего возникновение налоговых правоотношений и при введении налога. Таким образом, в Конституции РФ не освящен вопрос о сущности и целях налогов в России, их назначении, общих принципах налогообложения, тем самым снижен уровень значимости данных принципов для правового регулирования [6]. Модель общих принципов налогообложения может быть представлена следующим образом:

Принципы, обеспечивающие эффективное государственное регулирование экономической результативности деятельности фискально обязанных лиц: принцип приоритета финансовой цели взимания налогов и сборов; принцип соответствия условий налогообложения требованиям рыночной экономики; принцип учета воз-

возможностей налогоплательщиков при принятии региональных законов (принцип справедливости именно в налоговом законодательстве).

Принципы, обеспечивающие реализацию и соблюдение основ конституционного строя, определяющих Россию как демократическое, правовое и социальное государство: принцип публичной цели взимания налогов и сборов; принцип верховенства представительных органов субъектов Российской Федерации при установлении и отмене налогов; принцип соответствия актов региональных налоговых законов Конституции РФ и федеральным законам (принцип законности); принцип возникновения налогового обязательства лишь на основе

законно установленного и введенного налога; принцип установления всех элементов налога непосредственно в актах законодательства о налогах; принцип соблюдения конституционных прав граждан при установлении налогов (принцип демократизма); принцип всеобщности налогообложения; принцип соблюдения баланса публичных и частных интересов и др.

Принципы, обеспечивающие реализацию и соблюдение основ конституционного строя, определяющих Россию как федеративное государство: принцип налогового федерализма; принцип единства налоговой политики; принцип единства системы налогов; принцип налоговой централизации [7, с. 53].

1. Борсова Ж.П. К вопросу о принципах законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 12.

2. Смирнов Д.А. Правовые презумпции и принципы налогового права как средства ограничения негативного усмотрения в налоговом правоприменении // Современное право. 2010. № 9.

3. Козырин А.Н. Принципы законодательства в сфере публичных финансов // Финансовое право. 2008. № 2.

4. Четвертакова Е.С. Способы разрешения юридических коллизий в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 7.

5. Крохина Ю.А. Правотворчество субъектов Российской Федерации в бюджетной сфере // Журнал российского права. 2001. № 5.

6. Авдеенкова М.П. Проблемы развития налогового законодательства в соответствии с принципами налогового федерализма // СПС «КонсультантПлюс».

7. Смирнов Д.А. О понятии принципов налогового права // Правоведение. 2009. № 5.

1. Borsova Zh.P. To a question about principles of law-making // Constitutional and municipal law. 2008. № 12.

2. Smirnov D.A. Law presumption and principles of tax law as measures for limitation of negative discretion in tax law-application // Modern law. 2010. № 9.

3. Kozyrin A.N. Principles of law-making in public finances' sphere // Financial law. 2008. № 2.

4. Chetvertakova E.S. Ways of juridical collisions' solution in normative-law acts of the Russian Federation subjects // Constitutional and municipal law. 2009. № 7.

5. Krohina Yu.A. Law-making of the Russian Federation's subjects in budget sphere // Magazine of Russian law. 2001. № 5.

6. Avdeenkova M.P. Problems of development of tax legislature according to principles of tax federalism // HLS «ConsultantPlus».

7. Smirnov D.A. About definition of tax law's principles // Jurisprudence. 2009. № 5.

Зотов Сергей Александровичаспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права
Саратовской государственной юридической академии
(тел.: +78452299034)

О некоторых особенностях правового статуса налогоплательщика

В статье раскрывается понятие материальных и процессуальных прав, которые определяют в совокупности основное содержание статуса налогоплательщика. Автор рассматривает материальные и процессуальные права в качестве взаимосвязанных элементов, находящихся свое развитие в Налоговом кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: налоговое правоотношение, права, обязанности, статус, налогоплательщик.

S.A. Zotov, Post-graduate of a Chair of Financial, Bank and Custom Law of the Saratov State Law Academy; tel.: +78452299034.

About some features of legal status of taxpayer

The article reveals the notion of substantive and procedural rights, which determine the substance together, the status of the taxpayer. The author examines the material and procedural law, as interrelated elements, as elaborated in Russian Tax code.

Key words: tax relations, rights, duties, status, taxpayer.

Современное правовое государство характеризуется, помимо всего прочего, усилением правового регулирования различных групп общественных отношений, разрастанием законодательного массива и правоприменительной практики. Однако при одновременном расширении сфер правового регулирования, обусловленном, в том числе, необходимостью урегулирования новых, неизвестных практике ранее групп общественных отношений, что особенно характерно для финансово-правовой сферы, наблюдается увеличение неудовлетворенности субъектов общественных отношений качеством регулирования и эффективностью законодательства.

В мировой практике критериями оценки эффективности реализации правовых статусов служат рейтинги экономической и инвестиционной привлекательности государств, составляемые международными организациями и авторитетными рейтинговыми агентствами. Так, например, в ежегодном рейтинге «Doing Business – 2012» («Ведение бизнеса – 2012»), подготовленном Всемирным банком и Международной финансовой корпорацией на основе исследования норм регулирования, способствующих или препятствующих развитию бизнеса, Россия заняла 120 место и соседствует с Республикой Кабо-Верде (119 место) и Коста-Рикой (121 место). В свою очередь, в рейтинге вовлеченности стран в международную торговлю,

рассчитываемом Всемирным экономическим форумом, в 2012 г. Россия заняла 112 место из 132 [1].

Достаточно слабые позиции отечественной экономики обусловили постановку Президентом РФ В.В. Путиным в феврале 2012 г. задачи вхождения нашего государства в двадцатку самых комфортных для ведения бизнеса стран. Реализация поставленной задачи потребует выработки целого комплекса реформ, модернизации законодательства, в том числе налогового.

Налоговые отношения как разновидность финансовых связаны, с одной стороны, с отчуждением принадлежащих гражданам и организациям на праве собственности хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, а с другой – с необходимостью формирования доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, т.е. обеспечением финансовой деятельности государства и муниципальных образований, что обусловлено, прежде всего, сущностью принципов налогового права [2, с. 128–131].

При подобном двуедином характере налоговых отношений в них наиболее остро сталкиваются частные и публичные интересы, что, безусловно, не может не оказывать влияния на формирование и реализацию правового статуса налогоплательщиков.

Другим фактором, на который необходимо обратить внимание, является взаимообусловленность правовых статусов налогоплатель-

щиков со смежными отраслевыми правовыми статусами в финансовых, коммерческих, трудовых и иных отношениях. Так, правовой статус налогоплательщика по налогу на доходы физических лиц формируется при наличии правового статуса работника в трудовых отношениях либо правового статуса подрядчика в гражданско-правовых отношениях, в рамках которых может быть получен налогооблагаемый доход.

Взаимообусловленность названных отраслевых правовых статусов наиболее наглядно может быть продемонстрирована через регулируемую функцию налогообложения. Так, общеизвестно, что увеличение совокупной налоговой нагрузки на работодателей неизбежно влечет за собой уменьшение уровня заработной платы работников, уход работодателей «в тень» и выплату так называемых премий в конвертах. Определяя ставку по налогу на доходы физических лиц, государство не только формирует определенные доходные статьи бюджета, но и опосредованно регулирует доходы населения.

Другой пример: по налогу на добавленную стоимость законодатель установил целый ряд льгот. Указанные льготы предоставляются либо в отношении отдельных объектов налогообложения, либо определенным субъектам налоговых отношений. Например, организации и индивидуальные предприниматели имеют право на освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика, связанных с исчислением и уплатой налога, если за три предшествующих последовательных календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) этих организаций или индивидуальных предпринимателей без учета налога не превысила в совокупности 2 млн рублей. Таким образом, субъект коммерческих отношений, имеющий статус индивидуального предпринимателя или юридического лица с совокупной выручкой, не превышающей за последние три месяца 2 млн рублей, приобретает льготный статус налогоплательщика по налогу на добавленную стоимость.

Вышеизложенное дает основание полагать, что статус налогоплательщика всегда будет вторичным по отношению к какому-либо другому, уже имеющемуся у субъекта статусу (индивидуальный предприниматель, работодатель, работник и пр.), однако указанный вывод нуждается в верификации и более глубоком научном обосновании.

Традиционно в теории права выделяют следующие виды правового статуса субъекта: общий, специальный, индивидуальный, отраслевой. Системный анализ положений налогового зако-

нодательства позволяет исследовать использование термина «статус» в различных контекстах. Например, в п. 3 ч. 2 ст. 45 Налогового кодекса РФ отмечается, что в случае неуплаты или неполной уплаты налога его взыскание производится в судебном порядке с организации или индивидуального предпринимателя, если их обязанность по уплате налога основана на изменении налоговым органом статуса и характера деятельности налогоплательщика. В данном случае речь идет о перекалфикации статуса налогоплательщика для целей налогообложения, однако Налоговый кодекс не содержит дефиниции и классификации подобных статусов.

Названный пробел в законодательстве отчасти восполняется судебной практикой. В частности, в постановлении Федерального арбитражного суда Уральского округа от 6 мая 2003 г. № Ф09-1244/03-АК отмечается, что под перекалфикацией статуса и характера деятельности налогоплательщика необходимо понимать возникновение у него обязанности формировать новую налоговую базу на основе иных объектов обложения налогами. В постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16 декабря 2008 г. № А33-5544/2008-Ф02-6227/2008 уточняется, что изменение статуса налогоплательщика влечет и изменение характера его деятельности, поскольку при общей системе налогообложения деятельность налогоплательщика становится облагаемой иными налогами, что предполагает иной характер деятельности, иные формы отражения такой деятельности. Правовой статус налогоплательщика, по мнению суда, складывается из прав и обязанностей, закрепленных в нормах права и присущих всем категориям налогоплательщиков в зависимости от того, какие конкретно налоги они уплачивают.

Можно подытожить, что законодатель связывает изменение налогового статуса со сменой режима налогообложения, наличием или отсутствием налогооблагаемого дохода, имущества или деятельности, при этом судебное взыскание недоимок, пени и штрафов налоговым органом требует и одновременной перекалфикации характера деятельности налогоплательщика.

Для целей налогообложения имеет значение целый ряд специальных статусов, которые может иметь налогоплательщик, среди них: статус участника проекта по осуществлению исследований, разработок и коммерциализации их результатов в соответствии с Федеральным законом от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ «Об инновационном центре «Сколково»», статус учебного заведения, статус

налогового резидента Российской Федерации, статус резидента промышленно-производственной, технико-внедренческой или туристско-рекреационной особой экономической зоны и др.

Таким образом, статус налогоплательщика рассматривается в законодательстве неединообразно: с одной стороны, как определенный режим налогообложения, а с другой – как статус, который приобретает налогоплательщиком вне налоговых отношений (например, резидента особой экономической зоны), но оказывает непосредственное влияние на порядок налогообложения. Очевидно, что отсутствие законодательного определения понятия «правовой статус» не служит единообразному использованию юридической терминологии. Подобное понятие должно быть введено как в текст Гражданского кодекса РФ, так и в другие отраслевые законодательные акты, в том числе Налоговый кодекс РФ.

Итак, правовой статус налогоплательщика представляет собой совокупность законодательно установленных прав и обязанностей организации, физического лица или индивидуального предпринимателя, определяющих их положение как участников налоговых отношений и оказывающих влияние на порядок налогообложения.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о необходимости разграничения непосредственно правовых статусов налогоплательщиков и плательщиков сборов, которые, в свою очередь, предлагается систематизировать в зависимости от наличия у лица обязанности по уплате конкретного федерального, регионального или местного налога (сбора) (например, статус плательщика единого социального налога или водного налога); в зависимости от наличия общего или специального режима налогообложения (например, статус плательщика единого сельскохозяйственного налога) и правовые статусы иных участников налоговых отношений: налоговых органов, налоговых агентов, экспертов, специалистов, переводчиков, понятых и других лиц.

Думается, что в отдельную группу необходимо выделять специальные комплексные статусы налогоплательщиков – взаимозависимых лиц и консолидированных групп налогоплательщиков. Особого рассмотрения требуют значимые для целей налогообложения неналоговые правовые статусы, сформированные нормами иных отраслей права: гражданского (юридическое лицо, индивидуальный предприниматель); семейного (супруг и налогоплательщик, не состоящий в браке); права социального обеспечения (малоимущие граждане) и т.д.

Каждый правовой статус как динамичное явление подвержен влиянию различных внешних факторов, в первую очередь правового регули-

рования, через которое на него опосредованно оказывают влияние финансово-правовая политика государства, различные макро- и микроэкономические факторы. Поэтому рассмотрение динамики статуса налогоплательщика как правового явления требует учета различных факторов, оказывающих влияние на право: экономических, социальных, политических, международных и др.

Стоит согласиться с мнением Ю.А. Тихомирова о том, что только подобный комплексный подход к правовым явлениям позволяет обнаружить подвижное соотношение разных факторов и их разновекторное влияние на развитие права. Без этого трудно моделировать, создавать и реализовывать правовые нормы и механизмы [3, с. 15–22].

Так, на эффективность реализации прав и обязанностей налогоплательщика в рамках того или иного правового статуса будут оказывать непосредственное воздействие такие внешние факторы, как качество и доступность административных процедур (регистрация организаций налогоплательщиков, получение разного рода разрешительной документации, лицензий); государственные гарантии и уровень защиты инвестиций (страхование инвестиций, защита инвестиций от экспроприации или национализации, независимая судебная система, признание международно-правовых механизмов разрешения инвестиционных споров, принятие антимонопольных мер); различные налоговые стимулы (установление специальных налоговых режимов, предоставление льгот).

Лишь подобный комплексный подход к оценке эффективности реализации прав и исполнения обязанностей налогоплательщиков в рамках налогово-правовых статусов будет показателен. И тут особое внимание следует уделить такому инструменту повышения уровня правового регулирования, как правовой мониторинг законодательства и правоприменительной практики.

Актуальность вопросов мониторинга правоприменения подтверждается принятым Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации», которым федеральным органам исполнительной власти и региональным властям в целях ликвидации противоречий между нормативно-правовыми актами, устранения коррупциогенных факторов и совершенствования правовой системы было поручено осуществлять мониторинг правоприменения. С принятием данного документа правовой мониторинг следует рассматривать как один из видов государственной деятельности, функцию органов государственной власти.

Однако Положением о Федеральной налоговой службе, утвержденным постановлением Правительства РФ от 30 сентября 2004 г. № 506, данная функция к компетенции налоговых органов не отнесена, соответственно, не выработаны и механизмы правового мониторинга в налоговой сфере. По этой причине в качестве меры по совершенствованию правового регулирования налоговых отношений необходимо предложить закрепить за налоговыми органами функцию осуществления мониторинга правоприменения (на федеральном, региональном и местном уровнях), а также выработки методик его осуществления с учетом необходимости оценки эффективности реализации прав и обязанностей налогоплательщиков в рамках различных налоговых статусов, выявления соот-

ветствия результатов правоприменения запланированным целям правового регулирования.

Думается, что в качестве методов такого мониторинга могут быть использованы следующие: сбор, обобщение и анализ информации о состоянии налогового законодательства, судебной и арбитражной практики, проведение социологических исследований, правовых экспертиз законопроектов, научно-методическое обеспечение правоприменительной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. Для реализации функции налогового правового мониторинга могут быть привлечены специалисты научно-исследовательских центров и институтов, в том числе созданных в структуре Министерства финансов РФ.

1. Резникова А., Рудаков В. Страна проиграла всем странам БРИК в рейтинге возлеженности в мировую торговлю // РБК daily. 2012. 24 мая.

2. Смирнов Д.А. Правовые презумпции и принципы налогового права как средства ограничения негативного усмотрения в налоговом правоприменении // Современное право. 2010. № 9.

3. Тихомиров Ю.А. Циклы правового развития // Журнал российского права. 2008. № 10.

1. Reznikova A., Rudakov V. Country lost to all BRIC-countries in world trade involving competition // RBK daily. 2012. May 24.

2. Smirnov D.A. Law presumption and principles of tax law as measures for limitation of negative discretion in tax law-application // Modern law. 2010. № 9.

3. Tihomirov Yu.A. Circles of law development // Magazine of Russian law. 2008. № 10.

Карабаш Дмитрий Васильевич

кандидат педагогических наук,
начальник кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583754)

Щуров Евгений Андреевич

кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583181)

Ценности и ценностные ориентации в профессиональном саморазвитии курсантов вузов МВД России

В статье рассматриваются ценности и ценностные ориентации курсантов в профессиональном саморазвитии в вузе МВД России.

Ключевые слова: профессиональное саморазвитие, ценности, ценностные ориентации, практико-ориентированная подготовка, правовая культура, профессиональная деятельность.

D.V. Karabash, Master of Pedagogics, Head of a Chair of Activity of Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583754;

E.A. Schurov, Master of Law, Assistant Professor, Deputy Head of a Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.:+78612583181.

Values and value orientations in professional self-development of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia

In the article values and value orientations of professional self-development of cadets in higher education institution of the Ministry of the Interior of Russia are considered.

Key words: professional self-development, values, value orientations, practice-oriented preparation, legal culture, professional activity.

Проблема профессиональной зрелости сотрудников полиции – важнейший аспект практико-ориентированной подготовки специалистов вузов МВД России, особенно учитывая то, что сегодняшние курсанты являются свидетелями кардинальной смены ценностей и ориентиров жизни. В условиях модернизации системы подготовки кадров в ведомственных вузах представляется необходимым по-новому взглянуть на процесс, закладывающий ценностные установки в сознание обучаемых, ориентированных на постоянный профессиональный рост и саморазвитие.

В процессе подготовки курсантов вузов МВД России важно осознание ими того, что стать успешным человеком в условиях быстро меняющейся экономической, политической обстановки, требований рынка труда к сотрудникам полиции сможет тот, кто имеет хорошую профессиональную подготовку, владеет навыками

саморазвития как личностного, так и профессионального, навыками самостоятельной работы и общения, обладает способностью адаптироваться к новым условиям, быть мобильным специалистом. В связи с этим возникает проблема совершенствования теоретической и практической подготовки курсантов, способных продуктивно решать задачи, связанные с социализацией, адаптацией к современным реалиям жизни в обществе, имеющих четкие ценностные ориентации. Профессиональное саморазвитие сотрудников полиции предполагает наличие у них сформированной профессиональной направленности на осуществление данного вида деятельности, способности к профессиональному саморазвитию и сформированных ценностных ориентаций.

Проблема профессионального саморазвития курсантов вузов МВД России на основе формирования ценностных ориентаций не была

предметом специального исследования, однако в философии, психологии и педагогике накоплен определенный опыт для более глубокого ее изучения. Основы процесса развития человека, дающие подходы к пониманию саморазвития, отражены в трудах отечественных ученых [1]. Исследования развития личности в процессе получения высшего образования представлены в работах А.А. Вербицкого [2], Е.Л. Горбатюк [3], Т.Л. Журавлевой [4] и др. Ученые сходятся в том, что под развитием понимается «процесс и результат целенаправленного изменения системы, наиболее общей закономерностью которого является ее переход из состояния развития в саморазвитие» [5, с. 35].

Одним из направлений профессионального саморазвития в вузе является формирование ценностных ориентаций. Реализуемость ценностей правовой культуры находит отражение в правовом сознании и представлениях о праве. Без этого оставались бы в стороне такие важные проблемы, как роль сознания человека в правовой сфере, межличностные отношения, а также связь между правом и моралью. «Ценность дается сознанию вместе с ее носителями, она переживается как особое свойство предмета. Закон, например, сам по себе не ценность культуры, но он может выступать в качестве носителя тех или иных ценностей» [6, с. 23]. Если бы право не ориентировалось на эти ценности, то и само оно бы не являлось таковым.

Уже в процессе обучения курсанты вузов системы МВД России должны уяснить, что в сфере правовых отношений, где основными участниками являются личность, общество и государство, ценности можно рассматривать как субъектно-субъектные связи, а формирование ценностных ориентаций – основа профессионального саморазвития, т.к. разрушение межсубъектных отношений и превращение одного из субъектов ценностного отношения в объект приводит к нарушению культурно-ценностных связей, создает отчуждение, антикультуру, основанную на антиценностях.

Профессиональное саморазвитие курсантов ориентировано на то, что ценности не сводятся к одному основанию: к целям или идеалу. Ценность обладает сложной многоуровневой структурой, сущность которой заключается в единстве значимого и должного, средства и цели, сущего и идеала. Так, в концепции Н.О. Лосского в состав и структуру ценности включены бытие и идеал, иерархично расположенные, а эволюция сущего к «абсолютной полноте жизни» [7, с. 287] и определяет ценность в качестве основания, ядра саморазвития.

Профессиональное саморазвитие немислимо без сохранения уникальности ценностей каждой личности. Курсанты, как будущие специалисты правоохранительной деятельности, должны четко представлять, что право обладает такими свойствами, благодаря которым возможно ввести в социальную жизнь всеобщую, стабильную, строго определенную по содержанию, гарантированную государством систему типовых масштабов поведения, функционирующую постоянно и непрерывно во времени. И потому в цивилизованном обществе именно право является одним из главных инструментов, способных обеспечить организованность общественной жизни, дисциплины, нормальное функционирование всего общественного организма, действенность социального управления. Иными словами, право в идеале – это ценность упорядоченной социальной свободы, справедливости, консенсуса. В этом своем качестве право может предоставлять простор для свободы, для активности в поведении, для саморазвития и самореализации.

Право является уникальной социальной ценностью, поскольку оно воплощает цельный сплав фундаментальных устоев цивилизованной организации жизни общества, их нормативных требований, причем таких, которые, казалось бы, отличаются известной несовместимостью или, во всяком случае, разнородностью, отдаленностью друг от друга [8, 9, 10, 11]. Положение о том, что право обладает собственной ценностью, имеет важное научное и практическое значение в профессиональном саморазвитии курсантов вузов МВД. Это положение направлено на то, чтобы в условиях прогрессивного социально-политического строя, все более утверждающегося гражданского общества социально-политические институты ориентировались на правовые основы. Формулирование правовых основ фиксируется в основополагающих демократических правовых принципах (ответственность за вину, презумпция невиновности и др.), являющихся принципами и профессионального саморазвития.

Профессиональная деятельность сотрудников полиции системы МВД состоит, в том числе, и в целенаправленном формировании гуманистического сознания индивида, группы и общества на основе индивидуальной системы ценностей. По мнению ряда ученых, индивидуальная система ценностей представляет собой определяющий фактор жизненных устремлений человека, направленных на профессиональное саморазвитие [1]. Деформация или разрушение моральных принципов, нравственных норм,

ценностных ориентиров ведут в конечном счете к дезинтеграции. Отсюда то огромное значение, которое приобретает исследование проблемы формирования индивидуальной системы ценностей личности в профессиональном саморазвитии, ибо она связана с фундаментальными вопросами человеческого бытия, поскольку все предметы и явления окружающего мира способствуют или препятствуют достижению поставленных целей. Человек не просто познает предметы и явления действительности, но и оценивает их с точки зрения своих стремлений, своих потребностей и интересов. В зависимости от оценок, от имеющихся представлений постепенно формируется определенная направленность интересов, а следовательно, и деятельность личности. Наряду со сказанным, большинство исследователей выступают за радикальность необходимых изменений в системе образования, исходя из того, что они (изменения) должны затронуть содержание образования, его целевую ориентацию. К.К. Колин [12] предлагает три основополагающие цели новой философии образования, которая ориентирована на личностное и профессиональное становление и развитие обучаемых:

формирование целостного миропонимания и нового научного мировоззрения людей будущего, которое было бы адекватным последним достижениям фундаментальной науки;

формирование у людей научных представлений об основных тенденциях и закономерностях стремительного изменения современного мира, а также развитие у них способностей прогнозировать будущее и принимать решения в условиях неопределенности;

воспитание у людей такого уровня духовности и нравственности, который мог бы стать основой стратегии дальнейшего безопасного развития цивилизации в условиях продолжающегося роста населения планеты, истощения природных ресурсов, нарастания экологических проблем, появления новых видов оружия массового поражения и опасных технологий.

Ряд авторов включают саморазвитие в понятие «личностная зрелость», которая, как считают Н.В. Бордовская и А.А. Реан [13, с. 167], основана на следующих базовых составляющих, вокруг которых группируются множество других:

ответственность, терпимость, саморазвитие, положительное мышление, положительное отношение к миру (этот компонент присутствует во всех предыдущих).

Практика свидетельствует, что саморазвитие не может носить негативный характер, поскольку всегда направлено на достижение перспективной личностной цели – самореализации. Рассматривая профессиональные стратегии саморазвития сотрудников полиции, которые формируются и развиваются в процессе практико-ориентированной подготовки в вузе МВД, можно предположить, что к ним применимы характеристики молодого профессионала, который определяет персональные пути саморазвития. Сюда следует отнести стремление изучить самого себя, свои профессиональные возможности, желание соответствовать вызовам сложной современной действительности; овладение арсеналом знаний, умений, навыков и способностей, которые на основе саморазвития будут способствовать конкурентоспособности и профессиональному росту. Различные стратегии саморазвития, характерные для курсантов вузов МВД, отражают не только вышеназванные параметры, но и базируются, в первую очередь, на личностных особенностях профессионального «Я», уже приобретенном профессиональном опыте, который отражается в индивидуальных эффективных профессиональных моделях поведения сотрудников полиции, в их ценностных ориентациях. Исследователи отмечают, что «актуальная потребность в саморазвитии, стремление к самосовершенствованию и самореализации представляют огромную ценность сами по себе. Они – показатель личностной зрелости и одновременно условие ее достижения... С выраженным стремлением к саморазвитию связаны и профессиональные успехи, достижение профессионального «акме», а также и его профессиональное долголетие...» [11, с. 173].

Таким образом, на передний план при рассмотрении проблем формирования ценностных ориентаций в профессиональном саморазвитии курсантов вузов МВД России выдвигается развитие личности, ее жизненно важных интересов, т.е. совокупности потребностей, удовлетворение которых обеспечивает существование и возможности прогрессивного ее саморазвития.

1. Карабаш Д.В. Модель формирования ценностно-мировоззренческой культуры личности курсантов вузов МВД России // *Общество и право*. 2011. № 5.

2. Вербицкий А.А. *Активное обучение в высшей школе: контекстный подход*. М., 1991.

1. Karabash D.V. *The model of formation of value-ideological, cultural identity students of universities of the Ministry of the Interior of Russia* // *Society and law*. 2011. № 5.

2. Verbitsky A.A. *Active learning in higher school: the contextual approach*. M., 1991.

3. Горбатюк Е.Л. *Возможности личностного саморазвития студента технического вуза в поисковых подходах к обучению: автореф. дис. ... канд. пед. наук.* Хабаровск, 1999.
3. Gorbatyuk E.L. *The possibilities for personal development of a student of a technical university in search approaches to teaching: auth. abstr. ... Master of Pedagogics.* Khabarovsk, 1999.
4. Журавлева Т.Л. *Активизация профессионального саморазвития слушателей вузов МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук.* СПб., 1998.
4. Zhuravleva T.L. *Activation of professional self-development listeners universities of the Ministry of the Interior of Russia: auth. abstr. ... Master of Pedagogics.* SPb., 1998.
5. Андреев В.И. *Педагогика: учеб. курс для творческого саморазвития.* Казань, 2000.
5. Andreev V.I. *Pedagogy: study course for creative self-development.* Kazan, 2000.
6. Ковалева И.В. *Ценности правовой культуры в представлениях российского общества конца XIX – начала XX веков.* Великий Новгород, 2002.
6. Kovaleva I.V. *The values of legal culture in the views of the Russian society of the late XIX – early XX centuries.* Velikiy Novgorod, 2002.
7. Лосский Н.О. *Ценность и бытие.* М., 1994.
7. Lossky N.O. *Value and genesis.* M., 1994.
8. Горлинский И.В. *Технология педагогического процесса в образовательных учреждениях МВД России.* М., 1997.
8. Gorlinsky I.V. *Technology of educational process in educational universities of the Ministry of the Interior of Russia.* M., 1997.
9. Даничев Н.В. *Формирование правовой культуры офицера: на материале военного института ВВ МВД России: дис. ... канд. пед. наук.* Новосибирск, 2005.
9. Danichev N.V. *Formation of legal culture of the officer on the materials of the military Institute of the Ministry of the Interior of Russia: auth. abstr. ... Master of Pedagogics.* Novosibirsk, 2005.
10. Дутов Ю.И. *Формирование правовой культуры курсантов образовательных учреждений МВД России: дис. ... канд. пед. наук.* Воронеж, 2006.
10. Dutov Yu.I. *Formation of legal culture of cadets of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia: auth. abstr. ... Master of Pedagogics.* Voronezh, 2006.
11. Канунникова Н.Г. *Правовое воспитание сотрудников органов внутренних дел в условиях реорганизации МВД России: дис. ... канд. юрид. наук.* М., 1999.
11. Kanunnikova N.G. *Legal education of employees of internal Affairs bodies in the conditions of the reorganization of the Ministry of the Interior of Russia: diss. ... Master of Law.* M., 1999.
12. Колин К.К. *Философия образования на пороге века: новые приоритеты // Международное сотрудничество.* 1999.
12. Kolin K.K. *Philosophy of education on the threshold of the century: new priorities // International cooperation.* 1999.
13. Бордовская Н.В., Реан А.А. *Педагогика: учеб. для вузов.* СПб., 2000.
13. Bordovskaya N.V., Rean A.A. *Pedagogy: textbook for universities.* SPb., 2000.

Кирьянова Анна Александровна

преподаватель кафедры русского и иностранных языков

Краснодарского университета МВД России

(e-mail: kiryanova.anna@inbox.ru)

Реализация идей реформаторской педагогики в экспериментальных школах Англии, основанных С. Редди и Д. Бэдли

В статье рассматривается реализация идей реформаторской педагогики в «новых» школах Англии. Большое внимание уделяется учебно-воспитательной работе экспериментальных школ, созданных С. Редди и Д. Бэдли.

Ключевые слова: экспериментальные школы, реформаторская педагогика, самоуправление, трудовое и эстетическое воспитание, гармоничная личность.

A.A. Kiryanova, Teacher of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kiryanova.anna@inbox.ru

Realization of ideas of reformatory pedagogics at the experimental schools of England founded by S. Reddi and J. Bedli

Realization of ideas of reformatory pedagogics at the «new» schools of England is considered in this article. Much attention is paid to teaching and educational work of «experimental» English schools, founded by S. Reddi and J. Bedli.

Key words: experimental schools, reformatory pedagogics, autonomous power, labor and aesthetic education, self-consistent personality.

Абботсхольмская школа рассматривалась С. Редди как лаборатория, в которой он экспериментировал, опытным путем проверяя на практике свои педагогические идеи и находки. Основные теоретические положения, на которых строилось воспитание и обучение в данной школе, Редди изложил в книге «Абботсхольм» (1900 г.). Главное, чего хотел достичь С. Редди, – это «воплотить принцип свободы в практику воспитания» [1, с. 10].

В статье рассматриваются педагогические концепции С. Редди и Д. Бэдли, а также основные особенности «новых» школ Англии, которым насчитывается уже более 100 лет, успешная работа педагогов и учебно-воспитательный процесс которых не вызывают сомнений.

С. Редди резко критиковал существовавшую в Англии систему образования за формализм, отрыв от реальной жизни и запросов детей. В своем докладе на одном из заседаний Международной Лиги свободного воспитания он отмечал: «Вместо воспитания сердца мы навязали детям чисто технические сведения, причем в областях, для жизни не имеющих большого значения. Контакт с вещами в их доме мы заменили символами вещей, которые мало о чем детям говорят и никак не связаны с их домом, трудом и игрой. наших детей надо учить жить и любить, презирать ложь и воровство» [2, с. 112].

Школа провозгласила программу «гармонического развития всех сил ребенка – по существу, подготовки его к жизни». Содержание образования было значительно расширено и приближено к современным условиям, большое внимание уделялось естественнонаучным дисциплинам. Важной особенностью школы С. Редди стало деление школьного дня на время занятий до обеда и свободной активной деятельности после обеда, предназначенной для занятий спортом, экскурсий, художественной деятельности, различных видов практической работы [3, с. 87].

С. Редди выступал в защиту введения в школе такого курса обучения, в котором естественнонаучное образование гармонически сочеталось бы с гуманитарным, что было совершенно новым для того времени направлением.

Особое значение С. Редди придавал эстетическому воспитанию, исходя из того, что «морали нельзя учить с помощью уроков и проповедей, как любой другой отрасли знания», т.к. сформированность моральных принципов нравственного воспитания является показателем организации всей школьной жизни. Большое место при этом он отводил школьному самоуправлению. Редди добивался того, чтобы через широко развитую систему префектуры

его воспитанники формировали чувство ответственности перед коллективом и за коллектив. Учащиеся пользовались в школе большой свободой, но эта свобода направлялась и контролировалась учителем. При этом одной из основных составляющих нравственного воспитания Редди считал изучение религии.

Так, духовной сердцевиной школьного дня в Абботсхольме, объединявшей различные виды деятельности детей, была часовня, медиативная обстановка которой была пронизана духом христианства. С. Редди не считал, что религиозное влияние на личность воспитанников должно ограничиваться только временем богослужения в капелле, ибо его нельзя низвести до молитвы; оно должно наполнять всю повседневную жизнь человека, стать частью его сущности. Таким образом, за 25 лет своей деятельности Редди превратил капеллу в духовный форум, расширяющий рамки религиозно-литературных знаний воспитанников, формирующих основы их мировоззрения и поведения. Редди ставил целью своей деятельности при этом «опустить на землю философию неба» [4, с. 89].

Исключительно важное значение, как отмечалось выше, в Абботсхольме придавалось развитию ученического самоуправления. Признавая школу своеобразным государством, С. Редди ввел в нее устав, отличавшийся строгой иерархией, установил отношения ответственной зависимости между всеми членами общества. Парламент, ученические комитеты, управления, объединения, школьный суд чести были призваны, по его твердому убеждению, воспитать у детей самостоятельность, навыки управления, умение регулировать межличностные конфликты в ученической среде, превращать деструктивные конфликтные ситуации в конструктивные. В центре системы стоял институт префектов, наделенный широкими полномочиями. Участие школьников в решении школьных проблем способствовало их нравственному воспитанию, формированию инициативы, самостоятельности и твердости духа. В каждом классе были свои лидеры – капитан и его заместители [5, с. 122].

Мы полагаем, что позитивным аспектом деятельности «новых школ» было стремление преодолеть недостатки книжно-вербального обучения. В каждой из них проводилась широкая опытно-экспериментальная активизация учебного процесса. С. Редди писал, что для гармоничного развития всех сил ребенка необходимо, чтобы школа не была искусственной средой, в которой соприкосновение с жизнью возможно только через книги, но была бы маленьким реальным, практическим миром, как можно ближе знакомя-

щим детей с действительной сущностью вещей: «Нужно изучать, – подчеркивал он, – не только теорию явлений, но также их практику». Именно поэтому детям в Абботсхольме, предлагался широкий круг учебных предметов, имевших ярко выраженную практическую направленность. Здесь отказались от домашних заданий, от зубрежки [6, с. 38].

По нашему мнению, С. Редди не был радикальным реформатором. Отдавая должное старой школе за «ее золотую середину в воспитании и стройность учебных программ», он, вместе с тем, пытался заменить «зубрежку основ орфографии и чисто технических сведений» объяснением ребенку сути жизни и окружающей его среды, воспитанием у него воли к добру и презрения ко лжи и воровству. Слова «дисциплина» и «любовь» стали главным принципом деятельности Абботсхольма [7, с. 49].

К началу XX в. прогрессивно-педагогические идеи С. Редди завоевали широкое признание, под их влиянием педагоги других стран приступили к организации школ подобного типа, но с учетом национальных, экономических и политических особенностей развития своих стран. Всего к началу XX в. таких школ насчитывалось около 60.

Вторая «новая» школа в Англии была открыта в 1893 г. по инициативе бывшего учителя Абботсхольма доктора Д. Бэдли, который был известен как один из замечательных педагогов конца XIX – начала XX в. Именно благодаря ему в 1898 г. в Англии впервые было введено совместное обучение мальчиков и девочек в школах интернатного типа [8, с. 33].

Д. Бэдли приобрел 60 акров земли недалеко от города, чтобы можно было легко поддерживать с ним постоянную связь. Так он стремился организовать позитивное влияние и на деятельность других школ. Природное окружение школы позволяло учащимся и педагогам почувствовать атмосферу свободы, единства с природой и уединенности деревенской жизни. Главной задачей своей школы он считал «учить учиться», создавать условия для индивидуального саморазвития и воспитывать детей в духе общинности [9, с. 67].

Основное острие критики педагогов-реформаторов конца XIX в. было направлено против «старой школы», которая, по мнению представителей данного движения, нуждалась не в косметическом ремонте, а в полном демонтаже. В качестве основных педагогических задач руководители школы выдвигали разностороннее развитие воспитанников: умственное, физическое и нравственное. Д. Бэдли считал,

что школа призвана обеспечить всестороннее и полное развитие способностей и интересов учащихся, дать им необходимые для жизни знания, выработать основные навыки трудовой деятельности, пробудить желание трудиться на благо общества, привить воспитанникам основы норм социальной жизни в обществе.

В отличие от традиционных английских школ в «новых школах» основное внимание уделялось дисциплинам естественно-математического цикла в их современной для того времени трактовке. В учебный план Бидельской школы входили такие предметы, как родной и иностранные языки, история, литература, математика, физика, химия, естествознание, ручной труд [10, с. 71].

В школе Д. Бэдли практиковалось разделение в учебном процессе всех учащихся по их способностям: в выпускном классе они могли специализироваться либо в области классических языков, либо в естественнонаучных дисциплинах. В соответствии со специализацией распределялось и учебное время: одни учащиеся посвящали себя в основном гуманитарным наукам, другие изучали преимущественно естествознание и физико-математические дисциплины.

Рабочий день в Бидельской школе имел три составляющих: умственную работу – утром, физический труд, рисование, игры, спорт – после обеда, хоровое пение, гимнастику и другие занятия – вечером. Вся деятельность Бидельского воспитательного дома характеризовалась доброжелательной атмосферой, свободной от страха и принуждения.

Итак, опыт первых «новых» школ С. Редди и Д. Бэдли был активно использован другими «новыми» школами Англии и Западной Европы. По примеру Абботсхольмской и Бидельской школ А. Дервин в 1896 г. открыл в Англии еще одну «новую» школу в Клейсморе и воспитательный дом имени короля Альфреда в Хамстце. Для исследований, касающихся основных проблем по возрастной педагогике и «антицивилизационной» педагогике данного периода, были созданы Молтинг Хаус в Кембридже и Бекон Хилл в Хэмпшире, являвшиеся экспериментальными

площадками для апробации реформаторских идей «новых школ».

Следует отметить, что европейские «новые» школы, выросшие под влиянием английских образцов, были, прежде всего, учреждениями для воспитания сильных духом и телом личностей, творческих, инициативных, способных к самореализации в любой деятельности, которой они занимались.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что на рубеже XIX–XX вв. традиционная школа Англии не отвечала требованиям развития государства. Поиск путей реформирования школ имел своей задачей обновление содержания, форм и методов обучения и воспитания. Именно поэтому в эти годы и появились первые новые школы, экспериментальные учебно-воспитательные учреждения, в основу которых были положены идеи гуманного развития ребенка.

Педагогики-реформаторы С. Редди и Д. Бэдли, как об этом было сказано выше, разработали и реализовали модели «новых школ», которые и в настоящее время являются наиболее известными «новыми школами» Европы, хотя и менее всего изученными. Они занимают особое место не только среди интернатных школ данного типа в мире, но и среди школ современной Англии.

Исходя из анализа литературы по зарубежной педагогике большого внимания ученых и педагогов-практиков заслуживает учебно-воспитательная работа «новых школ», направленных на формирование здорового, выносливого и физически развитого человека, чему способствовали местоположение школ, распорядок дня учеников, занятия спортом и физической культурой. Особое место в этих школах отводилось трудовому воспитанию. Ученики школ принимали активное участие в обслуживании школьного хозяйства, работали в разного рода ремесленных мастерских. Одним из основных отличий данной школы от государственных учебно-воспитательных учреждений Англии начала XX в. было ученическое самоуправление как орган влияния воспитанников на организацию жизни школы.

1. Певзнер М.Н. Реформаторское движение в педагогике Западной Европы конца XIX – начала XX в. Новгород, 1996.

2. Актуальные проблемы истории педагогики Запада (1871–1917): сб. науч. тр. / под ред. С.Л. Мендлиной. М., 1981.

3. Стомпель Е.М., Петелина Ю.Н. Образование в Великобритании: учеб.-метод. пособие. Астрахань, 2008.

1. Pevzner M.N. The reform movement in pedagogy of Western Europe in the late XIX – early XX century. Novgorod, 1996.

2. Actual problems of Western history of education (1871–1917): coll. of sci. papers / ed. by S.L. Mendlina. M., 1981.

3. Stompel E.M., Petelina Yu.N. Education in the UK: guidance manual. Astrakhan, 2008.

4. Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня / под ред. Н.Л. Селивановой. М., 1998.
 5. Петрова Е.Д. Бидельская школа в Англии. Новочеркасск, 1913.
 6. Поляк Г.Б. Новая школа на Западе. М., 1981.
 7. Джурицкий А.Н. Западная школа: история и современность: учеб. пособие. М., 1992.
 8. Развитие экспериментальных учебно-воспитательных учреждений в СССР и за рубежом / под ред. А.И. Пискунова М., 1977.
 9. Ферьер А. Из опыта создания новой школы Запада (Школы действия) / пер. с франц. М., 1926.
 10. Образцова Л.В. Альтернативные школы. Марбург, 2003.
4. *Humanistic educational system yesterday and today / ed. by N.L. Selivanova. M., 1998.*
 5. *Petrova E.D. Bidelskaya school in England. Novocherkassk, 1913.*
 6. *Polyak G.B. New school in the West. M., 1981.*
 7. *Dzhurinsky A.N. West School: history and modernity: study aid. M., 1992.*
 8. *Development of experimental educational institutions in the USSR and abroad / ed. by A.I. Piskunov. M., 1977.*
 9. *Ferrier A. From the experience of creating a new school of the West (School of action) / transl. from French. M., 1926.*
 10. *Obraztsova L.V. Alternative schools. Marburg, 2003.*

Молчанова Екатерина Юрьевна

адъюнкт кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: molchanova_ekaterina@rambler.ru)

Акмеологические аспекты профессиональной деятельности сотрудников ОВД

Статья посвящена специфике деятельности сотрудников полиции, критериям профессиональной надежности, подготовленности и высокой социальной значимости деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: акмеология, профессионализация, профессиональная надежность, прaxis, гнозис.

E.Yu. Molchanova, Adjunct of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: molchanova_ekaterina@rambler.ru

Acmeologic aspects of professional activity of staff of Department of Internal Affairs

The article is devoted to the specific activity of the police, the criteria of professional reliability, readiness and the high social importance of the internal affairs bodies.

Key words: acmeology, professionalism, professional reliability, praxis, gnosis.

Акмеология изучает профессионализм зрелых людей, личность человека в период ее расцвета, многовершинность процессов восхождения к профессионализму и зрелости.

Акмеология рассматривает закономерности достижения вершин зрелости как профессионалом, так и личностью. В качестве стержневых качеств личности выделяют способность к саморазвитию, самостоятельному выбору, ответственность за его последствия, способность к смысловому творчеству, самовосстановление и сохранение своих мотивационных установок в ситуациях социальных перемен, помехоустойчивость и др. (А.Н. Рыбников, Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, А.А. Деркач).

Системообразующим и регулирующим фактором активности личности, выражающейся в делах и поступках, является самосознание. Самосознание как результат самопознания и самоотношения можно назвать достаточно устойчивым комплексом представлений и суждений человека о самом себе, своих способностях и возможностях. В структуре самосознания как самообъективированном личностном опыте можно выделить образ «Я», ценности, идеалы, цели, уровень притязаний, представления о способах самооценивания и порождения личностных смыслов и т.п. Интегрирующим фактором самосознания является образ «Я». Структуру образа «Я» образуют следующие компоненты:

«Я» прошлое, «Я» реальное, «Я» будущее, «Я» идеальное. Другие элементы самосознания выполняют регуляторную функцию в процессе взаимодействия образа «Я» с этими элементами.

По мнению В.Г. Зазыкина и А.П. Чернышева, в акмеологическом исследовании, рассматривающем пути движения личности к зрелости, необходимо учитывать многоуровневый характер процесса социализации, возможность неоднократного «рождения» личности в процессе жизни по мере возникновения обновленной системы ценностей и изменения мировосприятия и мировоззрения, нового индивидуального выбора способа жизнедеятельности. Все это лежит в основе многовершинности личностной зрелости [1].

Так, выбирая профессию, требующую формирования особых черт и свойств личности, человек делает важнейший шаг на пути к своей зрелости. К таким профессиям, несомненно, относится и деятельность сотрудников ОВД.

Специфика профессиональной деятельности ОВД заключается в том, что реализация служебных задач нередко происходит в ситуациях с непредсказуемым исходом, сопряжена с повышенной ответственностью сотрудников за принятые решения, необходимостью общаться с различным контингентом, воздействием психических и физических перегрузок, требует от сотрудников решительных действий, способности пойти на риск и т.д. В критериях професси-

ональной надежности сотрудника ОВД можно выделить четыре взаимосвязанных компонента: профессионально-нравственную надежность, профессионально-интеллектуальную надежность, профессиональную эмоционально-волевою надежность, профессиональную подготовленность [2].

Профессионально-нравственная надежность выражается в наличии комплекса нравственных качеств, необходимых сотруднику (чувство профессионального долга, честность, принципиальность и т.д.). Несомненно, это не исчерпывает комплекс профессионально значимых качеств, но нравственный критерий здесь играет чрезвычайно важную роль, т.к. гражданственность, строгое соблюдение законности возможны лишь тогда, когда они приобретают для сотрудника смысл нравственных норм. Иными словами – когда сотрудник осознает нравственный смысл своей профессии. В противном случае это будет только комплекс знаний, а не руководство к действию.

Профессионально-интеллектуальная надежность сотрудника выражается в первую очередь в его способности самостоятельно принимать и реализовывать верные профессиональные решения, в особенности в новой для него или экстремальной ситуации. Важнейшая составляющая профессионально-интеллектуальной надежности – способность самостоятельно учиться, анализировать свой собственный опыт, опыт коллег и деятельности всей системы МВД России.

Профессиональная эмоционально-волевая надежность проявляется в психологической устойчивости сотрудника, его способности к самоконтролю и эмоционально-психологической саморегуляции, наличии у него необходимых для данного вида профессиональной деятельности психологических качеств и характеристик.

Под профессиональной подготовленностью Е.А. Климов подразумевает наличие у сотрудника способности к самостоятельным профессиональным действиям, а также комплекса знаний, умений, навыков и осмысленного профессионального опыта, необходимых для результативного решения служебных задач. Естественно, что для представителей различных направлений деятельности органов внутренних дел конкретные характеристики профессиональной надежности будут различаться в зависимости от специфики решаемых профессиональных задач [3].

Высокая социальная значимость деятельности органов внутренних дел предъявляет повышенные требования к уровню их профессионализма и психологическим качествам личности.

М.Р. Гинзбург считает, что профессионализм является не только неким высшим уровнем умений и знаний человека в конкретной области деятельности, он представляет собой системную организацию сознания, психики человека, включающую следующие компоненты.

1. Свойства человека как целого (личности, субъекта деятельности):

направленность на социально ориентированные и деятельностно ориентированные мотивы; отношение к внешнему миру, людям, деятельности;

отношение к себе, особенности саморегуляции;

креативность (творчество), особенности ее проявления;

интеллектуальные и операторные черты индивидуальности;

эмоциональность, ее особенности и проявления;

сочетания личных качеств и способностей, ожидаемые в данной общности у профессионала;

представление о своем месте в профессиональной общности.

2. Праксис профессионала: моторика (движения, координация движений, статика), организационно-производственные, коммуникативные и социальные умения, навыки, действия.

3. Гнозис: специфика внимания, ощущения и восприятия, прием и переработка информации, принятие решений, представления, гностические умения, навыки, действия.

4. Информированность, знания, опыт, культура профессионала.

5. Психодинамика работника, психологические трудности, нагрузки в данной профессиональной области.

6. Физические качества, здоровье, противопоказания к труду в данной области [4].

Таким образом, объектами профессионального развития личности являются ее интегральные характеристики: социально-профессиональная направленность, компетентность, профессионально важные качества и психофизиологические свойства.

Профессионализация, подобно социализации, имеет несколько сторон: усвоение человеком социальных норм профессиональной деятельности, выработанных в предыдущем опыте; формирование индивидуальной профессиональной деятельности и в ходе этого выработка собственных установок, целей, способов деятельности (эту фазу профессионализации психологи (В.Д. Шадриков) обозначают как «распредмечивание» человеком

нормативно одобренного способа деятельности и превращение его в индивидуальный способ деятельности); активное воздействие человека на профессию, уточнение способа организации деятельности в зависимости от возможностей человека; преобразование за счет творческого вклада человека в профессию; осознанная работа человека по созиданию себя как профессионала. Объективными показателями профессионализации психологи считают показатели соответствия личности требованиям профессии (прежде всего, производительность труда), субъективными показателями – проявления соответствия профессиональной деятельности требованиям личности (степень удовлетворенности трудом – субъективное отношение к содержанию, к условиям работы, к самому себе; отношение к себе как к профессионалу, степень принятия себя как профессионала). Профессионализация – это не только овладение операциональной стороной профессии (действиями,

операциями), но и совершенствование мотивационной сферы. В целом профессионализация может быть рассмотрена как развертывание, усложнение профессиональной деятельности и профессионального общения, становление личности профессионала [1].

Общая направленность личности сотрудника ОВД адекватна отношению личности к действительности, которое проявляется в форме осознаваемой готовности к профессиональной деятельности. Для реализации этой готовности сотруднику необходимо знать социально-психологические механизмы и закономерности его ролевой деятельности. Ролевая позиция сотрудника ОВД также связана с уровнем его социальной компетентности, т.к. последняя, реализуемая в конкретной профессиональной деятельности, соотносится с существующими в служебном коллективе отношениями и характеризуется определенным уровнем адаптации сотрудника к заданной социальной роли.

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001.

2. Борисова С.Е. Профессиональные стереотипы как предпосылка и проявление профессиональной деформации сотрудников милиции // Профессионал. 2001. № 2.

3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М., 2004.

4. Гинзбург М.Р. Психологическое содержание личностного самоопределения // Вопросы психологии. 1994. № 3.

1. Bodrov V.A. Psychology of professional suitability. M., 2001.

2. Borisova S.E. Professional stereotypes as precondition and manifestation of professional deformation of police officers // Professional. 2001. № 2.

3. Klimov E.A. Psychology of professional self-determination. M., 2004.

4. Ginzburg M.R. Psychological content of personal selfdetermination // Psychology questions. 1994. № 3.

Нарыков Николай Владимирович
 доктор философских наук, профессор,
 профессор кафедры философии и социологии
 Краснодарского университета МВД России
 (тел.: +78612583516)

Социокультурный подход к национальной идее, отечеству, патриотизму

В статье рассматриваются понятия «национальная идея», «Родина», «Отечество», «патриотизм», особенности их определения с позиции социокультурного подхода.

Ключевые слова: Родина, Отечество, государство, патриотизм, общенациональная идея, социокультурный подход.

N.V. Narykov, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Sociocultural approach to national idea, the fatherland, patriotism

In the article the concepts «national idea», «Homeland», «Fatherland», «patriotism», features of their definition from a position of sociocultural approach are considered.

Key words: Homeland, Fatherland, state, patriotism, national idea, sociocultural approach.

Суть социокультурного подхода состоит в том, что национальная идея не рассматривается как чисто духовный феномен. Она одновременно принадлежит к различным областям жизни общества. Поэтому социокультурная опосредованность средств ее осмысления должна соответствовать сложности содержания интеграционных социокультурных механизмов, представленных в национальной идее. Непонимание этого привело к большой разноголосице в толковании сущности и содержания национальной идеи.

Социокультурный подход к национальной идее не позволяет свести источники ее возникновения только к результатам научного поиска или духовного подвижничества, историческим свершениям в жизни народа. Совершенно очевидно, что импульсы возникновения и утверждения объединительных идей всегда разнонаправленны. Об этом свидетельствуют публикации по тематике «русская идея», «национальная идея» [1].

Среди них можно встретить убеждение в том, что спасение наше в немедленном принятии национальной идеи. Но существуют и прямо противоположные мнения. Так, по мнению академика Д. Лихачева, «общенациональная идея в качестве панацеи от всех бед – это не просто глупость, это крайне опасная глупость. Не все могут вписаться в общенациональную идею.

Что с ними делать? Нетерпимость обязательно приведет к террору. Единomyслие – это искусственность. Естественно многомыслие, многоидейность» [2, с. 13].

Социокультурная точка зрения дает возможность избежать однозначности в трактовке осмысления и формирования национальной идеи. Она предполагает, что все аспекты национальной идеи необходимо рассматривать с трех позиций: во-первых, науки; во-вторых, духовной культуры, различных проявлений общественного сознания; в-третьих, практики обоснования и реализации общественных потребностей, интересов и ценностей. Разнообразие предметного содержания национальной идеи вытекает из того, что как феномен науки она представляет собой совокупность определенных знаний, концепций и теорий. Как совокупность явлений духовной жизни человека и общества национальная идея включает духовные ценности, явления индивидуального и общественного сознания. В практическом отношении национальную идею образуют действия различных субъектов общества, направленные на достижение общественно значимых целей, создание и обеспечение устойчивых механизмов саморегуляции и развития всех сфер общественной жизни.

В функциональном аспекте национальная идея представляет реализуемый ее создателями и носителями способ отношений к общест-

венному целому, к его воспроизводству и упрочению в процессе общественно-исторической практики. Наука дает возможность выразить и легитимизировать национальную идею в общезначимой, логически непротиворечивой форме. Культура позволяет выявить основополагающие ценности и смыслы национальной идеи. Практика формируется в терминах целеполагания, нормирования, обоснования путей развития соответствующих проектов и программ.

Неоднозначны формирование и трактовка национальной идеи. Ее социокультурная опосредованность предполагает комплексное использование разных методологических подходов: логико-гносеологического (методы и процедуры науки), аксиологического (методы и подходы, используемые в социально-гуманитарном познании), праксиологического (нормы действий, критериев и их процессуальные коррекции). Реализация разных методологических подходов предполагает многообразие форм деятельности по уяснению национальной идеи, специфику языка описания соответствующих ей процессов.

Социокультурный подход связан с многомерным взглядом на развитие общества, согласно которому общественно-исторический процесс рассматривается не просто как смена общественно-экономических формаций, развивающихся по восходящей, а как сосуществование цивилизаций и культур, в основе которых лежат культурные традиции, ценности, нормы, обычаи, менталитет, психология народов, наций и этносов [3; 4].

Россию, несомненно, можно рассматривать как социокультурную систему с богатым прошлым. Она впитала все богатство культуры евразийского геополитического пространства. В свою очередь, Россия оказала огромное влияние на развитие других культур и цивилизаций. Этот факт несомненен. Сейчас надо четко указать, что общенациональная идея не должна быть только с православной окраской. Толерантность в отношении других конфессий стала нормой жизни. Иная позиция, несомненно, будет нарушать единое духовное пространство страны, а следовательно, неизбежны будут сепаратистские тенденции.

Национальная идея, будучи сформированной, может составить синтезирующую основу духовных ценностей личности и общества, а следовательно, системы воспитания, морально-психологического обеспечения российских военнослужащих. По своей сущности и содержанию выполняемой роли в обществе национальная идея должна быть надпартийной, надклассовой. Она не должна насильственно навязываться гражданам, поскольку они имеют право выбора своих идейно-нравственных позиций.

В состав национальной идеи обязательно должны входить понятия «Родина», «Отечество», «патриотизм». Каково содержание этих понятий? Суждения философов, писателей, политических и военных деятелей как прошлого, так и настоящего по данным вопросам во многом разнятся, а порой и противоречат друг другу. Совершенно очевидно, что разные исторические ситуации, характер тенденций общественного развития, мировоззренческие позиции человека обуславливают разные ответы. Поэтому можно утверждать, что сущность этих понятий эволюционирует, наполняется разным содержанием.

В справочной литературе понятие «Родина» трактуется как тождественное понятиям «Отечество», «Отчизна». Под ним понимается исторически принадлежащая данному народу территория. В более узком понимании это место рождения кого-либо, а любовь к Родине обозначается термином «патриотизм». Есть более широкое толкование понятия «Родина» – как Отечество, страна, в которой человек родился, как исторически принадлежащая данному народу территория с ее природой, населением, особенностями исторического развития, языка, культуры, быта и нравов, как чье-либо место рождения, место возникновения, открытия или изобретения чего-либо. Как видим, в этом толковании понятия «Родина» уже появляются социально-политические моменты. Думается, что это оправдано. Мыслить Родину, Отечество без них невозможно, поскольку любой человек – общественное существо и вне общества немислим. И это самое главное для человека. Социально-политическая, духовная составляющая понятий «Родина», «Отечество» подвижна, изменчива. В реальной жизни она играет важное значение, ибо определяет содержание понятий «Родина», «Отечество», т.к. эти понятия социальные, а не этнические. С изменением экономической, социально-политической и духовной ситуации в стране необходимы поиск, определение новых социально-политических и духовных основ понятий «Родина», «Отечество», «патриотизм». Ими должны стать, по нашему мнению, гражданственно-государственные ценности, закрепленные в основном законе страны – Конституции Российской Федерации, традиционное российское понимание воинской службы с ее морально-этическими понятиями чести, долга, присяги, верности знамени.

Содержание понятий «Родина», «Отечество», «патриотизм» в значительной мере определяется общенациональной идеей. Поэтому так опасны духовный хаос и беспредел. Общенациональная идея выражает наш духовный менталитет и своеобразный темперамент. В ней нет места

политической конъюнктуре или узкокорпоративным интересам. Либерально-демократические ценности и идеалы западного мира, упорно навязываемые народу и армии России правящей верхушкой реформаторов, все более противоречат традиционной ментальности российского народа. По-прежнему человек неинтересен государству как человек. Он для него по-прежнему средство достижения цели. Поэтому в народе растет глухое раздражение реформаторами, народы России требуют от государства и «власть предержащих» уважения и внимания к своим нуждам. Необходимо менять национальную генетику России, в первую очередь через общенациональную идею.

Опыт погони России за «демократией» показывает, что, во-первых, сама «демократия» идеологией быть не может, т.к. является лишь «процедурой», стилем и образом жизни и может быть «надобной» для чего-то большего. Во-вторых, идеологическая пустота остается пустотой, т.к. тот идеологический либерально-рыночный, демократический, вестернизированный мусор назвать идеологией нельзя. В-третьих, несостоятельную идеологию можно заменить только более «интересной» обществу, человеку идеологией. Не стоит забывать мысль К. Маркса о том, что «идея» неизбежно посрамляла себя, как только отделялась от «интереса». Государственная идея может стать «материальной силой», если она будет верно отражать интересы, отвечать «осознанным потребностям человека и общества».

Национальная идея должна содержать в себе базовые ценности как цели нашего личного и национального (государственного) бытия, отражать коренные интересы личности, народа, государства, быть понятной народу и миру, быть неконфронтационной и объединяющей, иметь понятную стратегию и механизмы ее программного воплощения, являться единой координационной платформой практической деятельности всех органов власти. Национальная идея должна четко отвечать на ряд вопросов. Во-первых, что Россия должна дать человеку, гражданину? Во-вторых, чем Россия должна стать и чем быть для себя и своих соседей как страна, как государство? В-третьих, что Россия может предложить миру, какова ее цивилизационная миссия? Ответы на эти вопросы должны стать предметом нашей национальной гордости. В этих ответах понятия «Родина», «Отечество», «патриотизм» должны принять конкретные очертания, и только тогда наше государство вернет себе право быть их символом. Пока же государство само по себе, а народ сам по себе. У каждого свое понимание Родины, Отечества, патриотизма.

Патриотизм – это социальное чувство, это любовь к Родине и постоянная готовность к защите Отечества. До тех пор пока Россия шла своим самобытным путем, патриотизм для ее народа всегда был одним из высших проявлений духовности народа. Российский патриотизм традиционно был иррациональным и предметно-содержательным. В западных странах патриотизм всегда прагматичен. Отсюда и разное отношение народов к войне, к защите Отечества. В современных условиях, когда «демократы» переориентировались на Запад, когда исконно российские ценности целенаправленно размываются, встает вопрос о новом понимании патриотизма, Родины, Отечества. Российский человек привык любить свою Родину не за материальное вознаграждение, а потому, что он здесь родился, вырос, обрел дорогих сердцу людей и родные просторы. Россия всегда была общинной страной с высоким рейтингом моральных ценностей. Общецивилизационные тенденции в развитии России вызывают изменения в понимании патриотизма. Как показывают социологические исследования, он становится все более рациональным и требует социального и материального наполнения. Новый общественный строй все дальше уводит народ и армию от духовно-романтического патриотизма. Понятие патриотизма все более коммерциализируется. И как тут не вспомнить Бисмарка, который применительно к немецкому пониманию патриотизма заметил, что если народ не хочет кормить свою армию, то он будет кормить чужую. Нам постоянно напоминают, что за все надо платить полную цену, но почему-то реформаторы это относят только к своим интересам. Никто из них ни разу не сказал, что народу за его труд тоже надо платить полную цену. Разве нормально, когда плата за все бытовые услуги составляет более половины зарплаты, а некоторые пенсионеры за это платят большую часть пенсии? Когда труд профессора, врача, педагога оплачивается так, что они вынуждены работать на 2–3 работах, чтобы хотя бы свести концы с концами?

История нашей страны свидетельствует о том, что во все времена патриотизм был одним из основных факторов, обеспечивающих сплоченность общества. На протяжении всей истории России патриотизм является характерной чертой менталитета русского народа. Своими корнями он уходит в борьбу с многочисленными иноземными захватчиками. Эта борьба постоянно ускоряла формирование и накопление в народе патриотической силы и энергии, развивала необходимость национального объединения. Личностный патриотизм соединялся с идеей

национального единства и постепенно приобрел общенациональное и социальное значение, становился государственным патриотизмом. Поэтому современное понимание патриотизма связано с осознанием человеком себя как гражданина, у которого есть определенные права и обязанности.

Со времени Петра I социально-политическое понимание патриотизма становится самой высокой ценностью и добродетелью, является неперенным условием получения чинов, наград, званий. «Устав ратных и пушечных дел» закрепляет патриотизм как военно-профессиональное качество и норму поведения воинов. По мнению одного из классиков русской философской мысли В.С. Соловьева, добродетель патриотизма образуют две основные составляющие: «ясное сознание своих обязанностей по отношению к Отечеству и верное их исполнение» [5, с. 37]. И как тут не вспомнить В.Г. Белинского, утверждавшего, что «...не всякий знает, что патриоты разделяются на два разряда. Одни получают имя патриотов за свои заслуги от общества и истории, как получили его Минин и Пожарский, Сусанин и другие... Другие сами себя провозглашают патриотами, потому что громче других говорят о любви и ревности ко всему отечественному» [6, с. 374]. Совершенно очевидно, что патриотизм нельзя мыслить без активного выполнения своего гражданского долга. Ведь патриотизм, по мнению Н.А. Бердяева, «есть гражданское достоинство. Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для Родины час» [7, с. 96].

В России сегодня сложилась уникальная ситуация, когда часть населения, являясь ее гражданами, Родиной считают место рождения, которое лежит за пределами нашей страны. Невольно возникает вопрос: являются ли они патриотами России? Для страны и армии это не простой вопрос.

Таким образом, социокультурный подход к национальной идее, Родине, Отечеству, патриотизму позволяет правильно выстроить ценностные ориентиры в воспитании граждан России, личного состава органов внутренних дел. Формирование общероссийской национальной идеи позволит консолидировать на ее основе весь спектр социальных сил, национально-этнических общностей, представителей различных религиозных конфессий. Главной в понимании Родины, Отечества, патриотизма является ориентация на гражданственно-государственные ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации. Эти ценности имеют императивно-нормативную значимость для всех граждан страны независимо от их социально-профессиональной, национальной и конфессиональной принадлежности [8]. Известно, что идеи только тогда становятся материальной силой, когда они овладевают массами. Для этого надо разработать систему внедрения идей в сознание, наполнить идеи реальным содержанием, только тогда могут совпадать по содержанию понятия «Родина», «Отечество», «государство», «патриотизм». Пока же существующее государство в России не является Родиной для большинства народов страны.

1. Русская идея: в кругу писателей и мыслителей русского Зарубежья. М., 1994.

2. Ориентир. 1997. № 3.

3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.

4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

5. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. Т. XXIII.

6. Белинский В.Г. Собр. соч.: в 8 т. М., 1995. Т. 6.

7. Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт психологии войны и национальности. М., 1918.

8. Нарыков Н.В. Права и обязанности человека в системе социальных норм // Общество и право. 2012. № 2(39).

1. Russian idea: in a circle of writers and thinkers of the Russian Abroad. M., 1994.

2. Orientation. 1997. № 3.

3. Berdyayev N.A. Sense of history. M., 1990.

4. Sorokin P.A. Person. Civilization. Society. M., 1992.

5. Encyclopedic dictionary. SPb., 1898. Vol. XXIII.

6. Belinsky V.G. Coll. of works: in 8 vol. M., 1995. Vol. 6.

7. Berdyayev N.A. Destiny of Russia: Experiences of psychology of war and nationality. M., 1918.

8. Narykov N.V. The rights and duties of the person in system of social norms // Society and law. 2012. № 2(39).

Тимофеева Наталья Ивановнаадъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183514872)**Каплин Виктор Юрьевич**соискатель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79183660010)

Понятие и основные виды социальной онтологии

Статья посвящена анализу понятия социальной онтологии и определению основных видов социально-онтологических учений. Специфика авторского подхода к решению данных проблем заключается в установлении взаимосвязи между основными парадигмами социального познания и онтологическими картинами социальной жизни. В статье подробно рассматриваются три основных парадигмы социального познания и соответствующие им картины социальной жизни: метафизика, модерн и постмодерн.

Ключевые слова: социальная философия, социальная онтология, парадигмы социального познания, виды социальной онтологии, метафизика, историцизм, трансцендентализм, феноменология, постмодернизм.

N.I. Timofeeva, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183514872;

V.Yu. Kaplin, Competitor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79183660010.

The concept and main types of social ontology

The article is devoted to analysis of concept of social ontology and definition of principal types of social and ontology doctrines. Establishment of relationship between main paradigms of social cognition and ontology images of social life is particularity of author's point of view. In the article three basic paradigms of social cognition and three images of social life are considered: metaphysics, modern and postmodern.

Key words: social philosophy, social ontology, paradigms of social cognition, types of social ontology, metaphysics, historicism, transcendentalism, phenomenology, postmodern.

Если попытаться определить специфику философского отношения к предметности, то можно сказать, что она заключается в осмыслении любого рода предметов, процессов и явлений. Специфика осмысления заключается в его принципиальной вторичности, в зависимости от исследуемой идеальной, природной, психологической, социальной, культурной, духовной или иной реальности. Зависимость от предметности приводит к тому, что философствование разнообразно по своему содержанию и динамично по характеру. Динамичность философствования заключается, в частности, в том, что оно выбором своей предметности отвечает на изменения социокультурной ситуации и тем самым становится способным отвечать на так называемые «вызовы эпохи». С другой

стороны, отношения к предметности, характерные для философии, – осмысление или рефлексия – несмотря на сложную эволюцию, сохраняют свою самотождественность. Во все эпохи философы выявляли сущность предметности, исследовали способы ее познания, определяли ее значимость для субъекта и степень зависимости от него, подвергали анализу само познающее сознание. Внутренняя устойчивость философствования в сочетании с динамичностью исследуемой им предметности и социальных условий позволяет признать философию древним и одновременно вечно молодым видом познавательной деятельности, направленной на раскрытие предельно общих закономерностей бытия и познания [1].

Двойственность характера философии оказывает прямое воздействие на характер

философских проблем. В каждой философской проблеме присутствует как момент традиционности, так и моменты оригинальности и своевременности. Данное утверждение справедливо по отношению и к философии в целом, и к составляющим ее дисциплинам. Рассматриваемая в настоящем исследовании проблема также может быть одновременно отнесена как к вечным, так и к современным.

Традиционность проблемы единства теоретической методологии социального познания заключается в том что, во-первых, исследование различных видов познавательной деятельности является одной из важнейших задач философии практически с самого момента ее возникновения. Во-вторых, социальное познание, будучи областью, представляющей интерес для различных видов познания, с неизбежностью ставит вопрос о соотношении философии и науки начиная с эпохи Нового времени. В-третьих, рассмотрение различных картин социальной реальности, создаваемых философским и научным теоретическим мышлением, позволяет сформировать рациональное восприятие социальных образований, явлений и процессов. Таким образом, постановка традиционных для философии вопросов о сущности, специфике и границах социального познания позволяет социальной философии реализовать свои гносеологическую, демаркационную и мировоззренческую функции, благодаря чему проблема единства методологии социального познания позволяет поставить вопрос о смысле научных и философских исследований общества как в функциональном, так и в экзистенциальном значении.

Современность данной проблемы заключается в том, что от ее решения зависят доказательства межвидового характера социального познания, предполагающего признание философского знания важнейшей составляющей; обнаружение единства методологических приемов различных школ и направлений современного обществознания; раскрытие логической связи между основными типами научной рациональности в области исследования общества. Отсюда следует, что в процессе решения проблемы единства теоретической методологии социального познания реализуются интегративная, методологическая и образовательная функции социального познания.

Необходимость доказательства сосуществования целостного социального познания, включающего в себя социальную философию, объясняется тем, что на настоящий момент времени в области обществознания накопи-

но огромное количество знания о социальных предметах и процессах, но при этом не ставится вопрос о смысле социального бытия. Социальная философия, в отличие от других социальных дисциплин, на основе осмысления эмпирического и теоретического материала, накопленного как ею самой, так и другими науками об обществе, имеет методологические возможности для постановки такого вопроса. Однако для того, чтобы ответы, даваемые социальной философией на социокультурные и экзистенциально важные вопросы, имели значимость для общественных наук, необходимо подтверждение ее методологической способности. Особенность современного рационального исследования общества заключается в том, что оно нуждается не столько в создании новых методов, сколько в разработке теоретико-методологических конструкций, способных осмыслить уже имеющиеся достижения и обнаружить точки соприкосновения между противоположными по целям и характеру средствами познания социальной реальности. По этой причине работа, посвященная обнаружению общих закономерностей теоретического исследования социальных предметов, процессов и явлений, может быть признана актуальной и своевременной.

Выделение социального познания в самостоятельную сферу научно-философских исследований предполагает доказательство его принципиального отличия как от естественных, так и от гуманитарных наук. В отличие от естественных наук социальное познание имеет дело, во-первых, не просто с объектом, но с объектом, способным выразить свое отношение к протекающим процессам, т.е. с объектом-субъектом. Во-вторых, субъект социального познания, в отличие от субъекта естествознания, имеет более сложную структуру и предполагает наличие не только вневременного, сверхличностного, но и личностного, а также коллективного субъекта. Социальное познание, в отличие от естественнонаучного, в большей степени осознает свою социокультурную обусловленность и потому способно постоянно обновлять свою теоретико-методологическую базу. По этой причине проекция естественнонаучного понимания субъекта и объекта на обществознание не только искажает характер исследуемой предметности, но и способствует стагнации развития методов ее познания. В отличие от гуманитарных наук социальное познание характеризуется, во-первых, доминированием коллективного субъекта над личностным, а во-вторых, интересом к общему в социуме и культуре. Вместе с тем,

доминирование в социальном познании коллективного субъекта над всеобщим и личностным субъектами не означает их исключения из процесса исследования социальной реальности, общественного сознания и познавательной деятельности. Так же как и естественные науки, обществознание стремится к формированию универсальных истин, но рассматривает их постижение в качестве идеала. Подобно гуманитарным наукам, социальное познание проявляет интерес к индивидуальному началу, но в отличие от них рассматривает его в контексте общих структур, тенденций и закономерностей развития социума. Включение философского знания в структуру обществознания позволяет ему ставить вопросы о специфике социального бытия и целях его развития, что позволяет социальным группам и индивидам ответить на вопрос о смысле человеческого существования. Но, в отличие от собственно философского знания, телеологизм социального познания не играет определяющей роли. Таким образом, обществознание представляет собой самостоятельную отрасль рационального познания действительности, соединяющую в себе формы философского и научного отношения к действительности и раскрывающую универсальные и единичные формы социального бытия.

Одной из специфических черт социального познания следует признать полипарадигмальность, которая противостоит, с одной стороны, отсутствию парадигм в гуманитарных науках, а с другой – наличию одной общеобязательной парадигмы в естествознании. Сущность полипарадигмальности заключается в том, что она предполагает сосуществование нескольких парадигм, а не доминирование какой-нибудь одной парадигмы в научном познании. Характер парадигм социального познания также отличается от парадигм естествознания и заключается в их социокультурном характере. Это означает, что парадигмы не просто методологическая конструкция, выделяющая общие черты в различных социальных концепциях и теориях, и не определенная научная теория, мировоззренческая конструкция или идеология, добившаяся на длительный срок теоретической и социальной гегемонии в научном сообществе. Парадигма социального познания – это сложный социокультурный феномен, имеющий социально-онтологический статус и претерпевающий три основных стадии развития. На первой, доисторической стадии происходит формирование идей, предполагающих переустройство социальной жизни и социального познания. На второй, исторической стадии

происходит реализация этих идей в социальной практике и детализация в научных теориях. На третьей, постисторической стадии осуществляются смена уклада социальной жизни и потеря актуальности соответствующего способа социально-теоретического мышления, который, тем не менее, продолжает свое существование.

Одной из особенностей теоретического познания в области общественных наук является борьба натуралистической и антинатуралистической программ их развития. Так, натуралистическая программа предполагает индуктивный образ социальной теории, согласно которому идеальные конструкты, составляющие ее содержание, формируются путем обобщения эмпирического материала. Подлинную научность социальная теория, согласно индуктивной модели, приобретает на основе обработки эмпирических данных методами математики. В противоположность этому антинатуралистическая программа отстаивает дедуктивную модель социальной теории, которая стремится к выведению сложных идеальных моделей из ограниченного числа элементов, данных в интеллектуальной интуиции. Общими для обеих моделей теории социального познания следует признать их фундаментализм, ограниченность применения описания макро- и микропроцессов без указания их значимости для индивида. Преодолеть фундаментализм в области социального познания и, вместе с тем, сохранить его важнейшие достижения возможно путем осуществления теоретического моделирования в рамках определенных философских конструктов, которые проясняли бы цель существования социума и давали оценку конкретным социальным ситуациям, процессам и тенденциям. Данный синтез концептуального и теоретического способов мышления предполагает использование философии в качестве теоретико-методологической базы социологии и других общественных наук. Подтверждением действенности философского знания для исследования общества служат социологические концепции М. Вебера, Э. Дюркгейма, П.А. Сорокина, А. Шюца, Т. Парсонса, находившихся под прямым влиянием различных философских направлений.

Метафизическая парадигма социального познания характеризуется объективистской установкой, признающей существование социальной реальности. В задачу этой установки входят определение сущности социальных явлений и процессов, а также определение универсальных закономерностей развития общества в целом. Основными интерпрета-

циями метафизической парадигмы являются натуралистическая, материалистическая, психологическая и объективно-идеалистическая. Общими принципами метафизического способа мышления являются: редукционизм – сведение многообразия социальной реальности к какому-либо одному началу; онтологизм – признание приоритета социального бытия над сознанием; номологизм – объяснение социальных явлений путем обнаружения обуславливающих их закономерностей; социальный реализм – признание в социальном бытии доминирования общего над единичным. В структурном плане метафизическая парадигма предполагает следование теоретической мысли от абстрактного к конкретному: от метода формализации, устанавливающего общие законы развития общества, через метод теоретического моделирования, раскрывающего частные закономерности функционирования социальных систем и процессов, к идеализации, фиксирующей их простейшие элементы. Теории, созданные в рамках метафизического способа мышления, имеют дедуктивный характер и чаще всего предполагают детализацию историчистских концепций. В социокультурном плане метафизическая парадигма предполагает связь с классическим типом научной рациональности и эпохой Нового времени (модернити). В настоящее время метафизическая парадигма находится на постисторической стадии своего развития и сохраняет свое влияние на развитие социально-философской и социологической мысли.

Модерн как парадигма социального познания базируется на субъективной установке, предполагающей нацеленность теоретического мышления на объяснение закономерностей функционирования структур человеческого сознания, всеобщность которых рассматривается как причина возникновения социальной реальности. Важнейшими интерпретациями модернистской парадигмы следует признать нормативно-аксиологическую, феноменологическую и системно-функциональную [2]. Основными чертами модернистского способа мышления являются: трансцендентализм, признающий первичность сознания перед социальным бытием; функционализм – обращенность к обнаружению не сущности, а логики существования социальных предметов, процессов и явлений; экзистенциальный телеологизм – стремление к раскрытию значимости социальных отношений для индивида. Структура данной парадигмы предполагает доминирование метода теоретического моделирования, по отношению к которому идеализация

и формализация играют вспомогательную роль. В гносеологическом отношении модерн чаще всего стоит на позициях идеалистического номинализма, признающего производность общих идеальных конструкций от единичных фактов, событий и явлений. Модернистские теории и концепции находятся в зависимости от неклассической рациональности, институализация которой приходится на конец XIX – первую половину XX в.

Парадигма постмодерна рассматривает критическое отношение к социальной реальности и социальному познанию в качестве исходной, ее теоретическая конкретизация привела к возникновению особой методологической программы, получившей наименование деконструкции. В настоящее время постмодернистская парадигма находится в состоянии формирования как в теоретико-методологическом, так и в социокультурном аспектах. Данное обстоятельство позволяет выделить лишь одну четко оформившуюся интерпретацию постмодернистской парадигмы – постструктурализм. Важнейшими характерными чертами постструктуралистского мышления следует признать определенный иррационализм, предполагающий спонтанную, не подчиняющуюся национальным схемам природу социальной реальности; децентризм – нацеленность исследования на рассмотрение второстепенных сторон изучаемого явления в качестве приоритетных; текстологизм, признающий, что социальная реальность представляет собой текст, через который коллективное бессознательное выражает свои желания. Структура постмодернистской парадигмы социального познания предполагает доминирование метода идеальных типов. Это означает, что постмодернистское мышление интересуется прежде всего единичным, экспериментирует прежде всего над ним, и уже на основе такого рода «экспериментаций» создаются теоретические модели конкретных социальных процессов. При этом предельно общие закономерности развития общества, вытекающие из наблюдений за функционированием теоретических моделей, выражаются с помощью идеальных типов, таких как «дерево», «ризома», «номады» и т.д., что доказывает вторичность формализации для данной парадигмы социального познания. Вместе с тем, попытку постмодерна преодолеть классический и неклассический способы теоретического мышления следует признать неудавшейся, поскольку он, несмотря на специфический язык выражения своих идей, находится в рамках

трех основных общетеоретических методов: идеализации, теоретического моделирования и формализации. Независимость постмодерна в

социальном отношении выражается в попытке создания особого варианта постиндустриального общества.

1. Самойлов С.Ф. Онтологические установки сознания как форма духовной культуры: опыт рефлексии // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 11.

2. Самойлов С.Ф., Фатальникова Е.В. Проблема смыслонадевающей инстанции и ценностный характер философского знания // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.

1. Samoylov S.F. Ontological arrangement of consciousness as pattern of spiritual life: reflection experience // Social and humanitarian knowledge. 2006. № 11.

2. Samoylov S.F., Fatalnikova E.V. Problem of sense vesting instance and value character of philosophical knowledge // Social and humanitarian knowledge. 2008. № 4.

Кубякин Евгений Олегович

доктор социологических наук,
начальник кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: tspopz@yandex.ru)

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук, доцент,
доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом
Кубанского государственного технологического университета
(e-mail: emirtu@yandex.ru)

Теоретические подходы к анализу международных отношений

В статье рассмотрены основные подходы к пониманию сложившейся системы международных отношений в современном мире.

Ключевые слова: глобализация, геополитика, биполярный мир, многополярный мир, конфликт цивилизаций, диалог культур.

E.O. Kubyakin, Doctor of Sociology, Head of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: tspopz@yandex.ru;

E.N. Tuzhba, Doctor of Sociology, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Sociology, Jurisprudence and Work with Stuff of the Kuban State Technological University; e-mail: emirtu@yandex.ru

Theoretical approaches to the analysis of international relations

The paper describes the main approaches to understanding of the current system of international relations in the modern world.

Key words: globalization, geopolitics, bipolar world, multipolar world, conflict of civilizations, dialogue of cultures.

В современной структуре международных отношений просматриваются три четких подхода. Первый подход признает однополярность, означающую конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира, который связывается с доминированием Запада во главе с США. Это идеология современных лидеров североамериканской и западноевропейской цивилизаций, желающих таким образом закрепить на будущий век господство западной цивилизации. Критики однополюсной модели полагают, что США просто не имеют необходимых ресурсов для выполнения функций мирового лидера. Современный мир слишком сложен, чтобы с позиций какой-либо одной идеологии им можно было управлять. Второй подход отстаивает идею биполярности как наиболее устойчивую структуру международных отношений, означающую раздел мира на две части по культурному признаку. Биполярный подход также не идеален, т.к. мир слишком сложен, чтобы его можно было разделить в экономическом плане на Север и

Юг и в культурном – на Восток и Запад. Третий подход основан на идеях многополярности, его сторонники настаивают на том, чтобы США признали необоснованность своих претензий на мировое лидерство и начали партнерский диалог с другими центрами силы. В свою очередь, противники многополярности подчеркивают, что подобная модель не принесет стабильности в международных отношениях, т.к. она исходит из видения системы международных отношений как поля вечной конкуренции между крупными державами, что неизбежно приведет к конфликтам и постоянным переделам сфер влияния.

Можно предположить, что биполярный мир, трансформировавшийся в однополярный, должен, в конечном счете, преобразоваться в многополярный, и для этого существуют определенные основания. Конец XX в. характеризуется усилением политического самосознания локальных цивилизаций. Различия между этими крупными цивилизациями порождены их многовековой культурой, историей и религией. Они более глубоки, чем различия политических идеологий.

Сама идея столкновения цивилизаций (С. Хантингтон) [1] связывается с экспансией Запада, которая приобрела в настоящий момент беспрецедентный характер. В современном мире поднимается мощная волна антизападных настроений, при этом главным водоразделом будет борьба между западной и незападными цивилизациями. И для этого существуют объективные основания: после 1945 г. США более 300 раз прибегали к силе или угрозе ее применения, в том числе 200 раз совершали прямую вооруженную агрессию на территории других стран.

Это давление Запада и выступает сегодня основным индикатором конфликта цивилизаций, но не его причиной. Причиной является та объективно сложившаяся ситуация, порожденная глобализацией, которая сталкивает внутри единого общемирового социокультурного пространства различные, зачастую несовместимые элементы культурного и цивилизационного многообразия. Основным условием конфликта цивилизаций у С. Хантингтона выступает противостояние традиционных ценностей на пути процессов глобализации, столкновение ценностей, мировоззренческих идей. Из-за этого утверждения автор подвергается критике теми, кто само наличие конфликта признает, однако в основу его вместо ценностей и идей выставляет политические и экономические интересы государств. В связи с этим уместно привести высказывание В.М. Межуева: «Нынешние конфликты, в том числе и военные, порождены не разностью цивилизаций, а противоречиями мирокапиталистической системы. Война в Ираке – не столкновение цивилизаций, а борьба центра системы с периферией за обладание мировыми ресурсами. Терроризм тоже не война цивилизаций, а ответная реакция отставшей в своем развитии периферии на гегемонистские притязания центра. Если цивилизации и сталкиваются сегодня между собой, то в качестве неравноправных частей мировой капиталистической системы, позволяющей одним странам обогащаться за счет других» [2, с. 38].

В.А. Авксентьев полагает, что теория американского мыслителя действительно не приемлема для анализа прошлого, когда мир еще не был глобальным. Однако для анализа настоящего и будущего данная теория вполне операциональна. Чем интенсивнее будут развиваться процессы глобализации, тем более ожесточенные и бескомпромиссные формы будет принимать конфликт цивилизаций, тем острее будет стоять проблема обеспечения региональной безопасности. Что касается

оснований конфликта цивилизаций, то на данном этапе его протекания «реалистические» интересы, на самом деле, преобладают над аксиологическими, однако существует тенденция постепенной «аксиологизации» конфликта. Если сегодня «конфликт ценностей» нередко служит по преимуществу риторическим прикрытием для «конфликта интересов», причем в первую очередь это касается западной цивилизации, то завтра ситуация вполне может измениться, и «конфликт ценностей» перестанет быть поводом и превратится в подлинную, глубинную, фундаментальную причину глобального столкновения цивилизаций [3, с. 34].

Итак, на геополитической арене, которая переживает трансформацию, все более просматривается борьба двух взаимоисключающих моделей: монополярного атлантизма и многополярной модели. Можно сказать, вопрос о возможности глобального мира и в его теоретических моделях, и в реально практикуемых жизненных программах рассматривается вокруг доминирования западноевропейских ценностей и диалога культур, ориентированного на национально-культурное разнообразие.

Установка на диалог культур, по-видимому, является тактикой, которая диктуется политико-экономической слабостью, за нее выступают те, у кого нет возможности доминировать. Полицентричность не приведет человечество к гармоничному и непротиворечивому состоянию. Теоретически «многополярность» может быть устойчивой при равных возможностях центров сил, при их балансе. Но такая идеальная ситуация противоречит закону неравномерного развития государств. В реальности непременно какое-то государство или группа государств вырвутся вперед. Этот новый центр силы, достигнув экономической и военной мощи, равной или превосходящей потенциал ведущих государств мира, начинает претендовать на соответствующий статус, означающий передел сфер мирового влияния. Все предпринимавшиеся когда-либо попытки осуществить универсализацию мира, включая современные попытки США и их союзников, несостоятельны и преходящи.

Помимо трех подходов, существует и глобальная (утопичная) модель, согласно которой международная безопасность может быть по-настоящему обеспечена лишь только на глобальном уровне, когда все члены мирового сообщества принимают участие в ее создании. В одном варианте создание этой модели возможно только тогда, когда все страны и народы будут разделять минимум общечеловеческих

ценностей и возникнет глобальное гражданское общество с единой системой управления. В другом варианте подобная модель явится результатом постепенной эволюции уже существующей системы режимов международной безопасности и организации при ведущей роли ООН. Противники этой модели подвергают критике ее за отсутствие продуманного механизма создания подобной системы безопасности.

Существуют и другие подходы. Например, Э.Н. Баталов определяет современный мир как «бесполюсный», понимая под полюсами мощные контрарные мировые подсистемы, образующие крайние точки глобальной оси, на которой держится (вращается) миротсистема. Полюса представляют разные цивилизации, социальные, политические и экономические системы; они – воплощение разных, вплоть до взаимоисключающих, идейных и ценностных ориентаций. Полюса симметричны и соизмеримы по силам и оперативному потенциалу, что позволяет им уравновешивать друг друга, выступая одновременно в качестве гарантов мирового порядка и законодателей правил политической игры, которых вынуждены придерживаться все или почти все акторы, выступающие на мировой политической арене. Отношения между полюсами строятся по принципу взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Они нуждаются друг в друге для поддержания внутреннего и внешнего статус-кво и стремятся устранить друг друга как соперника. Но с уничтожением одного полюса автоматически исчезает и другой, а вместе с ними и весь старый миропорядок, что случилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [4, с. 4–13].

О том, что уже существует новая биполярная система со сложными полюсами, пишет А.Г. Яковлев, утверждающий, что на смену идеологической биполярной системе пришла новая биполярная система, в которой существуют два полюса: Запад, мыслящий себя и уже фактически являющийся достаточно монолитным, и весь остальной мир – весьма рыхлый, состоящий из автономных компонентов, из самостоятельных, независимых, пока еще не спаянных четким пониманием высшей приоритетности общих интересов и строгими организационными формами центров силы, или полюсов местного значения, хотя некоторые из них (Россия, Китай, Индия) реально и потенциально являются влиятельными факторами в системе международных отношений в целом [5].

Интересны доводы В.Б. Тихомирова против «однополярности». Ученый полагает, что «однополярности» не может быть по определению,

поскольку о наличии полюсов принято говорить при условии, если имеются «противоположности». С этих позиций тем более ни о каком многополярном мире речи быть не может, поскольку даже у Земли всего два полюса. Следовательно, «на глобальном уровне мировая общественная система всегда была и остается в первом приближении биполярной, что проявляется в ее структуре-инварианте» [6, с. 212].

А.Н. Косолапов, соглашаясь с идеей биполярности, называет современную систему международных отношений «постсоветской», характеризуя ее как зародышево-авторитарную в политическом отношении при бесспорном доминировании Запада. Проявлением нарастающего авторитаризма он называет усиление роли НАТО и все более откровенное стремление США поставить Североатлантический альянс выше международного права, ООН и Совета Безопасности [7]. Такая биполярность отношений «центра» и «периферии» будет постепенно трансформироваться в иной, «трехмерный» тип отношений, что будет вызвано развитием процессов глобализации. Критическим, по мнению автора, окажется отрезок с 2012 до 2025 г.

Свой вариант аналитического расчленения общей геополитической ситуации на несколько относительно независимых областей с последующим выявлением распределения сил в рамках каждой из них предлагает В.Л. Цымбурский, акцентирующий внимание на том обстоятельстве, что современный миропорядок существенно отличается от идеала традиционной геополитики. И основное отличие состоит в том, что в Северном полушарии в силу ряда исторических оснований произошло формирование не единого, а «многосоставного» баланса мощи и влияния. Фактически к концу XX в. возникли и оформились два относительно независимых друг от друга расклада мощи и влияния – военно-политического и хозяйственного. «Сейчас можно говорить об оборонных и хозяйственных больших пространствах, но комплексные гроссраумы пребывают пока только в наметках, навеянных классической геополитикой» [8, с. 147].

Среди различных подходов в вопросах внешней политики России сформировалось несколько направлений. Первое направление, связанное с традицией «западников», исходящих из центрального положения Европы, играло особую роль в начале 90-х гг., когда преобладали идеи о совместной общеевропейской безопасности. Привлекательными для этого направления выступают активность промышленности и демократичность Запада. Они отдают предпочтение прозападной ориентации, утверждая,

что исторически Россия принадлежит западной (христианской) цивилизации и, следовательно, российская дипломатия должна ориентироваться, главным образом, на Запад.

Второе направление исходит из того, что Россия не связана серьезно с Западом, и никогда не ориентировалась длительное время исключительно на европейскую культуру. Е.М. Примаков, сторонник многополярного мира, полагает, что России необходимо избегать крайних, опасных для ее будущего концепций русского национализма, неоевразийства и западничества. Следует ориентироваться на геополитическую самостоятельность страны, реализм и прагматизм внешней политики, эффективно использовать имеющиеся у нее возможности влияния на глобальную геополитическую ситуацию. Это направление учитывает многочисленные неевропейские народы, народности и культуры, которые проживают на территории современной России, образуя относительно гармоничное равновесие между европейской и азиатской частью. Автор видит стратегическую задачу в том, чтобы стать центром самостоятельного полюса в международном силовом поле, а не ставить в качестве стратегической цели интеграцию в существующие евроатлантические структуры, потому что при этом возникает опасность быть включенными в определяемый Западом однополюсный мир. Политика в отношении Запада и политика в отношении Востока должны находиться в сбалансированном состоянии, чтобы не появлялось односторонней зависимости [9].

Свое видение российских внешнеполитических приоритетов предлагает К.С. Гаджиев. Автор предлагает переформулировать само понятие геополитического пространства и рассматривать, наряду с территориальным пространством, «пространства экономическое, культурно-цивилизационное, информационное и т.д.» [10, с. 41–42]. Ученый рассматривает Россию в качестве ключевого государства центрально-евразийского местоположения и не связывает культурную идентичность России исключительно с Европой и Западом. К. Гаджиев выступает за понимание Евразии не только как геоэкономического, но и независимого политического и культурного пространства. Роль России состоит не только в создании транспортного или коммерческого «моста» между Европой и Азией, но и в соединении и умиротворении европейской и азиатской цивилизаций, а также в поддержании хрупкого этнического равновесия в регионе. Евразия должна стать пространством взаимообогащающего диалога и экономического

и политического сотрудничества. Иными словами, К. Гаджиев видит Евразию как открытое, но, вместе с тем, независимое политическое, экономическое и культурное пространство. При этом он указывает на необходимость для России сотрудничать как с Западом, так и с Китаем, Индией, Кореей и другими крупными государствами региона, ставя вопрос о формировании системы коллективной безопасности в Евразии и за ее пределами.

Третье направление, представители которого отказываются соглашаться с распадом советской империи, исходит из необходимости восстановления национального величия России, апеллируя к ее духовно-культурной миссии в мире. Сторонники этой концепции склоняются к мысли, что конфигурация системы международных отношений определяется фундаментальным дуализмом, противостоянием отличных друг от друга геополитически детерминированных сил (сухопутных и морских), четко локализуемых географически.

В связи с этим Г.Г. Почепцов отмечает, что основные параметры традиционной геополитики были сформулированы в рамках географического детерминизма. Власть прошлого реализовалась именно по этим параметрам. «Цивилизация моря строится на внешних индикаторах управления, цивилизация Суши – на внутренних. Отсюда стремление к универсальным требованиям – в первом случае, и тенденция держаться за свое – во втором. В качестве обоснованности этого подхода, автор приводит в пример постепенную трансформацию религиозных систем, которую прошел Запад. В свою очередь, Россия как Восток сохранила в неизменности свою религиозную систему православия» [11, с. 155].

Российский геополитик А.Г. Дугин акцентирует внимание на уникальной исторической территории Российского государства, его цивилизационной миссии и самодостаточности его политической целостности. Потеря территорий и отказ России от политики «собираания Империи» непременно будут замечены мировым сообществом. Континентальную миссию Heartland начнут брать на себя новые державы или блоки государств. В таком случае просторы России будут основной стратегической целью для тех сил, которые объявят себя новой «цитаделью Евразии» [12, с. 172]. Статус «региональной державы», навязываемый сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству и отказу от идентичности России, имперской в своей основе. Потеря империи для А. Дугина означает провал участия России в мире, поражение ее духовной и куль-

турной системы ценностей, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод [12, с. 193–213]. Взгляды А. Дугина нельзя признать полностью. Однако, как справедливо отмечает А.Д. Богатуров, «сколько бы ни подчеркивались общие и параллельные интересы Москвы и Вашингтона, США принципиально заинтересованы в “геополитическом разукрупнении России”» [13, с. 91].

Стратегическая задача США – заставить мир принять однополярную диктатуру. Следовательно, для того чтобы побудить известную часть человечества принять американскую диктатуру, его необходимо напугать и одновременно пообещать гарантии от этой угрозы. В этом американская однополярная стратегия получает свою конкретизацию.

В идеях А.С. Панарина «Евразийский проект предполагает решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление духовного тонаса нации» [14, с. 66]. Перед Россией, по мнению ученого, встала чрезвычайно жесткая дилемма: восстановить утраченное «большое пространство», причем в новом духовном, моральном и экономико-технологическом качестве, или скатиться в «третий мир», окончательно утратив всякие перспективы. Проблемы восстановления Союза видятся единственно возможным рецептом выхода из крайне неблагоприятной внешнеполитической ситуации. Между тем противостояние суши и моря является определяющим и для его концептуальных построений. При этом суша становится средоточием всего «настоящего» (почти в буквальном смысле слова – «земная твердь мира – прибежище всего реального и обеспеченного наличностью, в отличие от океанических хлябей, породивших виртуальную экономику и прочие виртуальные псевдореальности»), в то время как морские цивилизации и державы определяются не иначе как «глобальные пираты» [15, с. 372–402]. Центральным для А. Панарина становится трансформация возникшего на руинах биполярного мира однополярного миропорядка в нечто иное – в торжество многополярности, в новую биполярную структуру мира. Принципиальным является восстановление системы сдержек и противовесов в мировом масштабе, недопущение выстраивания откровенно гегемонистской модели мироустройства. Суть проекта для России состоит в развитии всесторонних контактов с Индией, Китаем, мусульманскими странами. Только в единении и сотрудничестве с ними Россия сможет создать подобие альтер-

нативного полюса притяжения и будет способна противостоять проискам Запада.

Рассуждая о будущем России, С.Н. Бабурин соглашается с невозможностью возврата к старому порядку, но то, что должно занять его место, «связано с исторической миссией России». Псевдозападные реформы должны быть заменены на «русский путь» хозяйствования, который соответствует российским потребностям: функции управления, как и распределение материальных благ, переходят к государству. Возвращение потерянного положения мировой державы, необходимость реинтеграции страны в объеме Советского Союза (включая Прибалтику) и отказе от западной культуры для него – ключевая цель [16, с. 17].

Помимо неоевразийских, достаточно широкое распространение получили «популистские» интерпретации геополитики. Они оказались наиболее влиятельны в политическом плане и представляли собой весьма эклектическое, ситуативно обусловленное сочетание элементов традиционной геополитики, неоевразийства, этноцентризма, а также предвыборной риторики тех или иных политических лидеров [17, с. 267]. Яркий пример тому – лидер ЛДПР В.В. Жириновский, то отмечавший в качестве основы геополитического процесса позаимствованную у С. Хантингтона идею борьбы основных цивилизаций [18, с. 231–236], то видевший основное направление противостояния на современном этапе развития человечества по линии Север – Юг (и, соответственно, предлагавший «меридианальную» структуру передела мира) [19, с. 20–21]. Ядро внешнеполитической идеологии этой партии составляет возрождение величия России как империи. Это, в свою очередь, предполагает: восстановление роли России как военной сверхдержавы через щедрые вливания в ВПК и агрессивную внешнюю политику, расширение территории в границах СССР или царской России, демонтаж федерации в пользу унитарного устройства, предпочтение авторитарного правления демократическому.

Существенное внимание геополитическим вопросам уделяется в работах лидера КПРФ Г.А. Зюганова. По мнению Э.Г. Соловьева, российские коммунисты начали с попыток переложить на понятный для их собственного электората язык основные положения предложенной А. Дугиным версии евразийства [17, с. 267].

В центре коммунистической геополитики оказываются понятия «державность», «социализм» и «российская государственность». Лучший и наименее конфликтный сценарий развития

ситуации в современных условиях – это многополярный мир с несколькими центрами силы, которые юридически закрепляют существующий баланс сил и принимают общие правила игры, обязательные для всех. Взаимоотношения России и Запада рассматриваются как изначально конфликтные. Каждый раз, когда Россия пыталась отстаивать собственные национальные интересы, она сталкивалась с враждебной коалицией европейских держав.

В качестве основного приоритета Москвы коммунисты видят СНГ и «ближнее зарубежье». Они утверждают, что распад Советского Союза не имел под собой легальной основы, и даже пытались способствовать воссоединению бывших Советских республик. Они отвергают возможность использования силы для восстановления Советского Союза. Восстановление СССР может быть осуществлено только на «добровольной основе». Предлагают восстановить российские связи с «традиционными друзьями и союзниками», такими как Ирак, Ливия, Северная Корея и Куба, с целью предотвращения американского неоспоримого мирового лидерства и обеспечения России дополнительными рынками для ее находящейся в кризисе военной политики [20, с. 86].

Итак, в основе международного политического процесса лежит традиционный геополитический постулат о контроле над пространством. Климат, ландшафт, особенности транспортных коммуникаций, и главное, пространственное местоположение определяют основные цели внешней политики государств и возможности их осуществления. Государство рассматривается в качестве своего рода географического или пространственно-территориального организма, обладающего особыми физико-географическими, климатическими, ресурсными и иными параметрами и свойствами и руководствующегося собственной волей и интересами. Поэтому любая осуществляемая государством геостратегия понимается всецело в терминах контроля (военного и политического) над соответствующими территориями. С целью сохранения, укрепления или создания баланса сил они вступают друг с другом в союзы, направленные на уравнивание силы наиболее могущественного государства. Следовательно, в основе международных отношений лежат национальные интересы государств, а их регулятором выступают сила и баланс сил между большими державами. Малые государства не способны самостоятельно защитить свои национальные интересы и целиком зависят от воли больших держав, от соотношения сил между ними и от их интересов.

С окончания холодной войны мировая политика испытывает влияние новых процессов, которые развиваются в современном мире, прежде всего глобализации, демократизации, научно-технической революции. На смену противостоянию двух мировых систем пришло иное противоборство, в том числе локальных цивилизаций, выдвигающих заведомо взаимоисключающие требования, претензии, доктрины. На всем мировом пространстве произошло массовое вторжение нетрадиционных акторов в сферу мировой политики, возникло новое поколение конфликтов. Значительную роль в мировой политике стали играть цивилизационные, культурные, религиозные факторы. Наряду с государствами как главными акторами мировой политики, приходят цивилизации – культурные сообщества, различающиеся историей, языком, традициями, религией. Взаимоотношения цивилизаций остаются конфликтными, поскольку в основе цивилизационных различий лежат ценности и убеждения, которые примирить гораздо сложнее, чем экономические и политические интересы. Активизация цивилизаций, возможно, связана с тем, что достигнуты определенные пределы их выживаемости, обусловленные не сокращением их территорий, а в результате потери своего места в виртуальном пространстве, что в конечном счете может привести к постепенному сокращению их физической реализации в будущем.

Для подобных опасений существуют определенные основания. К примеру, по данным доклада Программы развития ООН, подготовленного в 2002 г., общий совокупный продукт 22 арабских стран меньше, чем валовой внутренний продукт Бельгии. При крайне низких темпах роста экономики (0,5% за год) производительность труда здесь фактически сокращается. Меньше одного процента населения имеет доступ к Интернету. Сегодня население региона составляет около 300 млн человек, к 2020 г., по прогнозам, оно вырастет до 500 млн человек. Безработица колеблется на уровне 15%. Регион «лидирует» среди других регионов мира по уровню политической несвободы [21, с. 242]. Касаясь этого же вопроса, А.Н. Данилов пишет: «Если бы любой район мира пожелал сейчас поднять производство, чтобы обеспечить населению такой же уровень потребления, как в странах Европы и США, мир, наверняка погубил бы себя в экологических конвульсиях» [22, с. 41].

Таким образом, стратегии перехода к тем или иным вариантам развития мира работают на множестве полей, их интересуют гораздо

большее число факторов, чем только факторы геополитического порядка. Однако геополитические факторы являются важным ресурсом, задающим определенные стабилизаторы картины мира. Различия в обладании властью и борьба за военные, экономические и институциональные ресурсы, как и прежде, будут основной

движущей силой мировой политики. Именно поэтому характер новой системы международной безопасности в значительной степени будет зависеть от того, насколько успешно ведущие державы мира выстроят военно-политические отношения, насколько им удастся не допустить угроз военного соперничества друг с другом.

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
2. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // Вестн. Моск. гос. ун-та культуры и искусств. 2004. № 1.
3. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа / отв. ред. Г.Г. Матишков, В.А. Авксентьев. Ростов н/Д, 2008.
4. Баталов Э.Я. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль. 2001. № 1.
5. Яковлев А.Г. И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. 2000. № 4.
6. Арин О.А. Мир без России. М., 2002.
7. Косолапов А.Н. Контуры нового мирового порядка // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1: Общие проблемы постиндустриальной эпохи. М., 1999.
8. Цимбурский В.Л. Геополитика для евразийства Атлантиды // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
9. Независимая газ. 1996. 22 окт.
10. Гаджиев К.С. Введение в геополитику: учеб. М., 2000.
11. Почепцов Г.Г. Стратегический анализ. Киев, 2004.
12. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М., 1999.
13. Суверенитет: сб. / сост. Н. Гараджа. М., 2006.
14. Панарин А.С. Евразийский проект в мирсистемном контексте // Восток. 1995. № 2.
15. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003.
16. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации / под ред. В.В. Афанасьева. М., 2006.
17. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М., 2005.
18. Жириновский В.В. Геополитика // Политическая классика. М., 1996.
19. Жириновский В.В. Последний бросок на Юг. М., 2007.
20. Зюганов Г.А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997.

1. Huntington S. Clash of Civilizations. M., 2003.
2. Mezhujev V.M. Dialogue among civilizations as a philosophical problem // Bull. of the Moscow State University of Culture and Arts. 2004 № 1.
3. Regional conflicts and security problems of the North Caucasus / resp. ed. G.G. Matishkov, V.A. Avksentiev. Rostov-on-Don, 2008.
4. Batalov E.Ya. New era – new world // Free thought. 2001. № 1.
5. Yakovlev A.G. Nevertheless on the horizon there is bipolar world // Problems of the Far East. 2000. № 4.
6. Arin O.A. World without Russia. M., 2002.
7. Kosolapov A.N. Contours of a new world order // Post-industrial world: the center, the periphery, Russia. Coll. 1: Common problems of post-industrial era. M., 1999.
8. Tsimbursky V.L. Eurasian geopolitics for Atlantis // Pro et Contra. 1999. Vol. 4. № 4.
9. Independent newsp. 1996. Oct. 22.
10. Gadziev K.S. Introduction to Geopolitics: textbook. M., 2000.
11. Pocheptsov G.G. Strategic analysis. Kiev, 2004.
12. Dugin A.G. Foundations of Geopolitics. Geopolitical future of Russia. Thinking Space. M., 1999.
13. Sovereignty: coll. / comp. by N. Garadzha. M., 2006.
14. Panarin A.S. Eurasian project in the context of the world-system // East. 1995. № 2.
15. Panarin A.S. Strategic instability in the XXI century. M., 2003.
16. Russia and Europe: nations in the era of globalization / ed. by V.V. Afanasyev. M., 2006.
17. Russian Science International Relations: new directions / ed. by A.P. Tsygankov, P.A. Tsygankov. M., 2005.
18. Zhirinovskiy V.V. Geopolitics // Political classic. M., 1996.
19. Zhirinovskiy V.V. Last Thrust to the South. M., 2007.
20. Zyuganov G.A. Geography of Victory: Basics of Russian geopolitics. M., 1997.

21. *Международная безопасность: учеб. пособие для студентов вузов / В.М. Кулагин М., 2006.*

22. *Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Минск, 1998.*

21. *International Security: study aid for students / V.M. Kulagin M., 2006.*

22. *Danilov A.N. Transition Society: Issues of systemic transformation. Minsk, 1998.*

Куликов Евгений Михайлович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79882480682)

Виртуализация слухов как социальная проблема

В обществе начала XXI в. все отчетливее проявляются процессы виртуализации, охватившие различные стороны социальной реальности. Наиболее заметны данные процессы в коммуникационной системе. В результате социум сталкивается с новыми проблемами, обусловленными прогрессом информационно-компьютерных технологий, решение которых пока не найдено ни в научной литературе, ни в управленческой практике.

Ключевые слова: слухи, Интернет, информационно-компьютерные технологии, виртуализация, опосредованное общение, социокоммуникативная реальность.

E.M. Kulikov, Master of Sociology, Assistant Professor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79882480682.

Virtualization rumors as a social problem

In the society of the XXI century all the more pronounced virtualization processes, covering various aspects of social reality. Most clearly, these processes visible in the communication system. In the result, the society is facing new challenges due to the progress of information and computer technologies, solutions are not found yet neither the scientific literature, nor in the management practice.

Key words: rumors, Internet, information and computer technologies, virtualization, mediated communication, social communicative reality.

В начале XXI в. по мере формирования глобального информационного общества происходит изменение института массовой коммуникации, характера и направленности коммуникативных потоков. На первый план выходят сверхскоростные электронные коммуникационные структуры. В этой ситуации даже такой традиционный элемент социальной коммуникации, как слух, существенным образом меняет свой облик. Становится очевидным, что слухи успешно приспособляются к условиям электронных информационных структур, а отнюдь не вытесняются этими структурами с коммуникативного поля социума. В системе средств массовой коммуникации возникает своеобразная «гремучая смесь», когда слухи виртуализируются, покидают сферу межличностной и групповой коммуникации и посредством компьютерных информационно-коммуникационных технологий с высокой скоростью распространяются на большие расстояния, в течение нескольких часов охватывая миллионы человек. Еще каких-нибудь сто лет назад такое представить было практически невозможно, разве что распространение

слухов в толпе в момент революций, бунтов, военных действий, однако такие ситуации по определению достаточно редки, по-своему уникальны. В начале же XXI в. практически ежегодно только в России фиксируются случаи массового, молниеносного распространения слухов среди численно больших географически рассредоточенных аудиторий.

Изменившиеся условия социальной реальности привели к трансформациям слухов как коммуникативного и социокультурного феномена общества. Прежде всего, к таковым условиям следует отнести произошедшее соединение возможностей компьютера и мобильной связи, выпуск сотовых телефонов последних поколений («смартфонов» – в переводе с английского «умный телефон», т.е. мобильный телефон, сравнимый с карманным персональным компьютером (или КПК); также для обозначения некоторых устройств, совмещающих функциональность мобильного телефона и КПК, часто используется термин «коммуникатор». В настоящее время не существует четкого разграничения между смартфонами и коммуникаторами, поскольку функциональность обоих классов устройств примерно одинакова) [1].

Это создает благоприятные условия для интенсивного общения людей и обмена аудио-визуальной информацией. Вообще развитие информационно-коммуникационных технологий и микропроцессорной техники привело к тому, что выход в глобальную сеть Интернет можно осуществлять практически в любом месте, а не только дома и/или в офисе, компьютерном клубе, естественно, с использованием «традиционного» персонального компьютера или ноутбука, как это было еще несколько лет тому назад. Первоначально смартфоны и коммуникаторы отличались от мобильных телефонов наличием достаточно развитой операционной системы, возможностью устанавливать различные дополнительные приложения, улучшающие функциональность смартфонов и коммуникаторов. Однако в последнее время граница между «обычными» мобильными телефонами и смартфонами все больше стирается, новые телефоны (за исключением самых дешевых моделей) приобрели функциональность, некогда присущую только смартфонам, например электронная почта и HTML-браузер [1].

Также стоит учитывать все возрастающую активность непрофессиональных коммуникаторов, которые часами находятся в сети Интернет и транслируют свои мысли, чувства, эмоции на интернет-аудиторию. Речь идет не только о блоггерах, но и о завсегдатаях форумов, чатов, «комментаторах» интернет-СМИ. Именно специфика Интернета позволила новостным он-лайн заметкам достичь той интерактивности, которой не могли добиться профессиональные журналисты в традиционных СМИ на протяжении десятилетий. Никакие письма в редакцию, телефонное голосование во время теле- или радиозэфира и прочие попытки придания традиционным СМИ интерактивности не способны конкурировать с практически мгновенно появляющимися сотнями и даже тысячами комментариев интернет-пользователей в ответ на новостные сообщения интернет-СМИ. Однако, помимо очевидных позитивных моментов, связанных с достижением СМИ интерактивности, происходит потеря вещательной инициативы, меняются оценки событий, например, когда большинство людей придерживаются противоположной точки зрения, нежели интернет-СМИ.

Стоит также учитывать, что тон и направленность комментариев непрофессиональных коммуникаторов в корне противоположны официальному сообщению. Фактически в Интернете такие официальные сообщения власть нередко размещает себе во вред, они скорее имеют негативный, чем позитивный эффект.

Отрицательное отношение к власти многих интернет-пользователей приводит к изменению вектора коммуникативного воздействия: в данном случае – с позитивного на негативный по отношению к власти Краснодарского края. Такова специфика интернет-пространства в современном глобализирующемся информационном обществе. Именно так возникают слухи, как «шлейф» от официальных информационных сообщений.

Стоит отметить, что в последние годы в Интернете появляются условия, в которых межличностное и групповое общение, благодаря глобальной компьютерной сети, становится массовым. Происходит коренное изменение функций и признаков межличностной и групповой коммуникации. Существовавшие веками в довольно стабильном состоянии, они в начале XXI в., подвергнувшись технологической «правке», обрели новые, ранее неизвестные черты. Социальная система на протяжении тысячелетий отличалась стабильными межличностными и групповыми коммуникативными процессами, и остается немало сомнений в том, что нынешние изменения этих видов коммуникации, их виртуализация и приобретение ими характера и признаков массовой коммуникации будут носить функциональный, а не дисфункциональный характер в социальной системе.

Возникающий в начале XXI в. новый вид коммуникации – компьютерной – обладает характеристиками, присущими и другим видам коммуникации. Компьютерная коммуникация находит свое воплощение в глобальной сети Интернет. Как справедливо отмечает К.В. Овчарова, «с точки зрения масштабности, компьютерное общение имеет в себе черты массовой (общение со всем миром), внутриличностной (общение между пользователем и компьютером) и групповой коммуникации. Учитывая временной фактор, а именно длительность коммуникативного процесса, компьютерное общение может быть как кратким (получение электронной почты), так и не ограниченным во времени (участие в интернет-конференциях). По форме компьютерная коммуникация разделяется на устную (при наличии голосового модема) и письменную (текстовая и графическая). Под графической формой понимается передача картинок, схем и т.д., но не букв. По способу контакта компьютерное общение представляет собой опосредованную коммуникацию, так как осуществляется с помощью технического средства. По каналу передачи и восприятия информации компьютерная коммуникация делится на актуальную (общение с реальными людьми) и виртуальную

(общение с неизвестными, воображаемыми собеседниками)» [2, с. 9].

Целесообразно подчеркнуть, что возникновение и развитие контактных и массово-контактных сообществ в Интернете создало благоприятные условия для изменения характера межличностной и групповой коммуникации в электронных информационных структурах. Благодаря контактным и массово-контактным сообществам в глобальной сети увеличиваются интенсивность и пространственно-временной охват межличностной и групповой коммуникации, чего не наблюдалось в условиях индустриального общества. Однако в условиях глобального информационного общества межличностный и групповой уровни коммуникации отличаются все возрастающей интенсивностью общения, и фактически происходит стирание пространственно-временных барьеров общения.

Есть и еще один аспект проблемы, связанный с изменением характера и направленности межличностной и групповой коммуникации в глобальной сети Интернет. Речь идет об информационном экстремизме – опасном антисоциальном явлении, основывающемся на технико-технологических инновациях начала XXI в. Используя изменяющуюся коммуникативную среду, информационные экстремисты используют межличностный и групповой уровни коммуникации в Интернете для оказания информационно-психологического воздействия на аудиторию, в том числе посредством использования спонтанных и/или создания искусственных слухов.

По мнению Е.О. Кубякина, «благодаря информационно-коммуникационным технологиям (прежде всего, Интернету), экстремистская деятельность расширяется в масштабах страны. Сотовая связь, мультимедиа, компьютерные технологии трансформировали межличностную и групповую коммуникацию до масштабов массовой (форумы, чаты, блоги и прочие стали достоянием широких слоев интернет-аудитории). В итоге члены экстремистских движений и групп получили возможность распространять свою идеологию, убеждения в интернет-ресурсах, где численность аудитории может колебаться от нескольких десятков до сотен тысяч человек» [3, с. 3–4].

«Виртуализации» слухов также способствует изменение характера и направленности межличностной и групповой коммуникации, приобретающих в условиях Интернета характер массовой. В результате резко расширяется аудитория межличностной и групповой коммуникации: если раньше разговор двух или нескольких человек

был достаточно приватен, то сейчас его вольными или невольными «свидетелями» могут стать сотни или тысячи интернет-пользователей. Поскольку именно межличностный и групповой уровни коммуникации издавна являются местом первичной генерации и распространения слухов, неудивительно, что они успешно адаптируются к условиям виртуальной среды.

Необходимо принимать во внимание и техническую составляющую: доступ в виртуальные «дискуссионные площадки» до предела облегчили современные гаджеты, фактически устранившие различия между телефоном и компьютером, соединив функциональные возможности этих двух технических устройств воедино. И если несколько лет назад человеку необходимо было выделять часть личного времени, чтобы дома и/или на работе (учебе) подключиться к Интернету, то сейчас подключение упростилось: фактически в любой точке пространства в любое время суток человек может получить доступ к глобальной сети Интернет. Поэтому неудивительна активизация межличностной и групповой коммуникации в Интернете: раньше на эти цели человек был вынужден тратить часть времени работы (учебы), досуга, сейчас «просто пообщаться» можно как бы «между делом».

Научно-технический прогресс, облегчивший до предела процесс межличностной и групповой коммуникации в Интернете, создал условия для роста численности контактных и массово-контактных интернет-сообществ. В их среде процесс межличностной и групповой коммуникации выступает неким центральным, связующим звеном. Вполне закономерно, что слухи в последние годы резко увеличили численность своей аудитории и скорость распространения. Сейчас миллионы людей проводят много часов в сутки в он-лайн среде, они постоянно находятся в активном коммуникативном статусе, в результате чего сразу же включаются в процесс обсуждения какой-либо информации, в том числе непроверенной, провокационной. Происходит и активизация непрофессиональных коммуникаторов, транслирующих свою точку зрения в блогах, на форумах, в чатах, в твиттере, посредством комментариев новостных сообщений интернет-СМИ.

Безусловно, сложившуюся ситуацию с межличностной и групповой коммуникацией в Интернете используют информационные экстремисты. Для злоумышленников создана благоприятная среда, в которую выгодно внедрять различного рода слухи для достижения антисоциальных целей, дестабилизации обстановки в отдельно взятом населенном пункте, регионе, стране.

Во всяком случае, есть немало оснований считать события 2007–2010 гг., когда в разных регионах России происходило массовое распространение тревожных, панических слухов в Интернете, отнюдь не случайными.

Кроме того, в качестве «помогающих» факторов успешной адаптации слухов к условиям интернет-пространства можно рассматривать слабые возможности социального контроля и управления сетью Интернет. Учитывая глобальный характер Интернета, обычными ограничениями (отключениями пользователей от Интернета), как в Египте, Китае, проблему не решить.

В Интернете человек чувствует пусть в ряде случаев и иллюзорную, но практически полную свободу. Однако у него есть и реальные основания ощущения свободы и безнаказанности. Поиск человека по IP-адресу его персонального компьютера, как это сейчас практикуют правоохранительные органы, практически потерял всякую эффективность. Учитывая то, что существует немало современных средств доступа к Интернету, возникает проблема обнаружения IP-устройства, например коммуникатора (смартфона) и прочих современных устройств доступа в Интернет. Ясно, что, если отправитель сообщения предпринимает ряд мер предосторожности, использует данные устройства лишь в редких случаях, в местах массового скопления людей для осуществления, например, экстремистской деятельности, возможности правоохранительных органов весьма ограничены. Не говоря уже о том, что выход в Интернет можно осуществлять из-за границы, – здесь вообще налицо определенная безнаказанность коммуникаторов. Правоохранительные органы ведущих мировых держав не идут на сотрудничество со своими коллегами из России в данном вопросе, мотивируя это защитой свободы слова в Интернете. Именно поэтому у части интернет-аудитории возникает самоощущение свободы, особенно в таких аспектах, как запуск слухов, провокационные заявления, угрозы убийства и насилия и т.п.

Успешной адаптации слухов к условиям виртуальной среды также способствует ряд нерешенных системных социальных проблем, резкое расслоение российского общества (в том числе, отсутствие действенных механизмов вли-

яния людей на СМИ, как следствие – неучастие в политической и социальной жизни). Многие россияне не могут найти социальной справедливости, ощущают отказ ведущих российских СМИ от обсуждения проблем, волнующих «простых» людей. Вкупе с возникающим устойчивым недоверием власти как таковой, ее институтам это приводит к негативному отношению к современной российской действительности, к проявлению активности в неформальной, альтернативной системе коммуникаций – глобальной сети Интернет. По аналогии с тем, как крепостные крестьяне Российской империи бежали на Дон за волей («С Дона выдачи нет!»), современные россияне удовлетворяют свои информационные потребности только в Интернете (т.к. в системе традиционных СМИ это сделать практически невозможно вследствие их ангажированности).

Необходимо отметить значимое влияние виртуальной коммуникации и слухов на процессы включения молодежи в политические практики. По мнению А.Н. Сафронова, в современной России имеет место все более увеличивающаяся степень вовлеченности молодежи в политический процесс современной России посредством институализации практик участия в политике. Особую роль на данном этапе приобретают социологический и политологический анализ включенности молодых индивидов в политические практики посредством различных институтов, динамика и структура политической активности молодежи, роль и место молодежи в современном политическом процессе [4, с. 72–74].

Таким образом, процессу «виртуализации» слухов способствует изменение характера и направленности межличностной и групповой коммуникации, приобретающих в условиях Интернета характер массовой. В результате резко расширяется аудитория межличностной и групповой коммуникации: если раньше разговор двух или нескольких человек был достаточно приватен, то сейчас его «свидетелями» могут стать сотни или тысячи интернет-пользователей. Поскольку именно межличностный и групповой уровни коммуникации издавна являются местом первичной генерации и распространения слухов, неудивительно, что они успешно адаптируются к условиям виртуальной среды.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Смартфон> (дата обращения: 16.09.2011).

2. Овчарова К.В. Компьютерные чаты в Интернет-коммуникации: содержание и особенности функционирования: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2008.

1. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Smartphone> (address date: 16.09.2011).

2. Ovcharova K.V. Computer chat rooms in the Internet-communication: content and features of operation: auth. abstr. ... Master of Philology. Krasnodar, 2008.

3. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни: дис. ... д-ра социол. наук. Краснодар, 2012.

4. Сафронов А.Н. Молодежь России в современном политическом процессе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4.

3. Kubyakin E.O. Youth extremism in the conditions of globalization of the information and communication environment of public life: diss. ... Dr of Sociology. Krasnodar, 2012.

4. Safronov A.N. Youth of Russia in modern political process // Theory and practice of social development. 2011. № 4.

Кибак Иван Алексеевич

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии и педагогики
Академии МВД Республики Беларусь
(e-mail: ivankibak@list.ru)

Участие социолога в реализации принятого закона и изучении его эффективности

В статье раскрывается участие социолога в реализации социологического контроля принятого закона и изучении его эффективности, а также обозначены основные причины неэффективности законов, кризисного положения дел с его реализацией. Рассматриваются мероприятия по контролю принятого закона и изучению его эффективности.

Ключевые слова: социолог, общественное мнение, контроль, парламент, законопроект, эффективность, реализация, депутат.

I.A. Kibak, Master of Psychology, Assistant Professor, Assistant Professor of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Academy of the Ministry of the Interior of Republic of Belarus; e-mail: ivankibak@list.ru

Participation of the sociologist in implementation of the adopted law and study of its efficiency

Participation of the sociologist in implementation of sociological control of the adopted law and study of its efficiency is described, the main reasons of inefficiency of laws, of crisis situation with its implementation are designated. Some actions on control of the adopted law and study of its efficiency are examined.

Key words: sociologist, public opinion, control, parliament, bill, efficiency, realization, deputy.

Эффективность законодательства как регулятора общественных отношений зависит, как известно, в первую очередь от законодателя. Очевидным достижением последних 15 лет работы Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь (далее – Палата представителей) стало принятие большого числа законов, необходимых для закрепления проводимых социально-экономических и политических реформ. И хотя количеством принятых законов нельзя измерять качество и эффективность работы Парламента, все же для Беларуси с ее многочисленными психолого-правовыми ошибками, пробелами в законодательстве рост количества законов, безусловно, положительный фактор. Между тем по-прежнему слабо используется научная психосоциотехнология законодательства.

Существенное значение для настоящего исследования имели идеи, различные точки зрения ученых в области социопсихотехнологии законодательства: Ю.Г. Арзамасова, Е.П. Гуйда, А.В. Зиновьева, В.Г. Карнаушенко, В.В. Красинского, И.Н. Кузнецова, В.В. Лапаевой, Л.О. Мурашко, С.В. Полениной, В.М. Сырых, Ю.А. Тихомирова и др. [1; 2, с. 156–159; 3, с. 47–52; 4, с. 4–15; 5, с. 90–95; 6, с. 95–101; 7, с. 45–54; 8, с. 27–35; 9, с. 107–109; 10; 11] – относительно того, каковы

основные направления повышения качества и эффективности действующего закона. В работе также обосновывается собственная авторская позиция по данному вопросу.

После принятия закона задача социолога заключается в выявлении типичных форм нарушения законов, анализе их социальных причин и детерминирующих факторов, поиске социальных помех и слежении за правоприменительной практикой его реализации и эффективностью его действия. Развитие и совершенствование законодательства не может не подчиняться достижению его доступности. Так, В.В. Мицкевич отмечает, что необходимо обеспечить понятность и доступность законов каждому гражданину [12, с. 2–4]. Суть доступности фактически зиждется на философских, психологических, социологических, политологических представлениях о праве. Доступность – это совокупность идей, ценностей и представлений о законодательстве, которые обусловлены интересами и устремлениями участников правоотношений иметь дело с известными (гласными) правовыми нормами, актуальными, понятными, удобными в применении, а также согласованными, эффективными.

Законодательство будет доступным, когда оценки его доступности со стороны государства и участников правоотношений совпадут.

С одной стороны, доступность – это ясность и простота языка изложения правовой нормы, закона в целом, а с другой – система элементов, наличие которых позволяет определить степень соответствия законодательства «правовому закону». Поэтому широкое понимание доступности включает, помимо простоты языка закона, гласность законотворческой и правоприменительной деятельности, систематизацию законодательства, оглашение закона, официальное толкование законов, разъяснение их содержания, а также все те меры, которые обеспечивают достойное существование права, «легализованного в законодательстве», в общеправовом пространстве.

Изучение эффективности законотворчества является одним из наиболее развитых исследовательских направлений в российской социологии прав. В связи с этим закономерен вопрос о том, от каких именно факторов зависит эффективность права (закона), на что должен быть ориентирован законодатель при издании законов, чтобы быть уверенным в их удачном воплощении в жизнь общества. Критерии эффективности закона и в целом права еще мало изучены в современной науке, хотя данная проблема может исследоваться сразу четырьмя смежными с теорией права научными дисциплинами, а именно: социологией права, психологией законотворчества (права) или юридической психологией, а также философией права. У каждой из данных наук есть собственный предмет исследования: психология и социология права занимаются процессом реализации норм права в психолого-правовых отношениях; основным предметом исследования, например, юридической психологии являются взаимодействие личности и права, психологические причины правонарушений, проблемы девиантного поведения, исправительно-трудовая психология; философия права изучает проблемы справедливости права, возникновение правовых институтов, а также создает правовые идеалы.

Любая правовая норма более эффективна в том обществе, где подавляющее большинство населения привыкло уважать закон и руководствоваться им в своей практической жизни, знает и правильно понимает свои собственные права в их соотношении с обязанностями.

От компетентности работников государственных органов, их неподкупности и честности, добросовестности и внимательного отношения к людям зависит, в частности, обратное отношение граждан к этим органам, уважение к ним, желание сотрудничать и помогать или,

наоборот, восприятие правоохранительных органов как потенциального врага и нарушителя их собственных личных прав. Недостатки и злоупотребления в работе правоохранительных органов способствуют росту негативного отношения к ним, недоверия и враждебности и, следовательно, стремлению искать помощи в случае необходимости где-то в другом месте, не опираясь на право.

Зачастую принятые Палатой представителей законы, в которых, как казалось до их принятия, общество остро нуждается, на практике вдруг оказываются неэффективными. Основная причина неэффективности законов, кризисного положения дел с реализацией принятого закона связана не только с отсутствием должного контроля высших органов власти за реализацией своих решений, слабостью исполнительной власти, противоречием между законодательной и исполнительной ветвями власти и т.п., но и в не меньшей мере с низким качеством самого законотворчества, с его неадекватностью существующим и формирующимся социальным реалиям, с дисбалансом между темпами обновления законодательства и мерой обновления общества, с отставанием процессов становления гражданского общества от реформ в социально-экономической сфере, в области государственного управления и т.п. Особенно уязвима практика, связанная с развитием рыночной экономики, иногда даже законы противоречат друг другу в различных своих частях, некоторые остаются бездействующими, а предприниматели на практике с легкостью находят способы благополучно их обходить.

Возникает проблема, актуальная как для законотворчества, так и для правоприменения, – проблема правовых циклов, которая заключается в смене периодов усиления и ослабления внимания отдельных государственных органов и общественности к тому или иному правовому вопросу, массиву НПА, регулирующих определенную сферу общественных отношений. Итак, О.А. Иванюк выделяет «пять типов «плохих» законов: законы, принимаемые вне реальных публичных интересов; законы, в которых происходит путаница в использовании демократических принципов (особенно это заметно на примере избирательного законодательства); «скупые» законы, вносящие мало нового в регулирование общественных отношений и практически не действующие; законы, принятие которых искусственно опережает появление тех или иных социальных условий; «краткие» законы, оставляющие «пустоты» в психолого-правовом регулировании» [13, с. 16–28].

Кроме того, следует отметить, что один из крупнейших российских исследователей право- и законотворчества В.М. Баранов выдвинул три следующих взаимосвязанных и в определенной степени парадоксальных тезиса по отношению к закону: «Первый – теоретически неоправданно полагать, что качественный закон может деформировать и сделать неэффективным его “плохое” применение. Второй – практически вредно считать, что после разработки и принятия закона можно создать высокоэффективный механизм его реализации. Третий – социально опасно утверждать, что лучше иметь некачественный, “сырой” закон, нежели не иметь никакой правовой регламентации в той или иной сфере деятельности» [14, с. 34–39]. Эти тезисы субъекты права (депутаты) в законотворческой практике должны учитывать, чтобы иметь положительный эффект от разрабатываемого законопроекта.

Содействие психолога (социолога) в решении указанных вопросов может быть представлено сочетанием разных видов социопсихологической помощи: путем периодических статистических исследований и опросов общественного мнения, позволяющих выявить масштабы неприменения существующих законов и обратить на них внимание общественного мнения и парламента, а в случае необходимости при помощи проведения лабораторного и иного эксперимента.

Основными мероприятиями по реализации социологического и психологического контроля принятого закона и изучению его эффективности, на наш взгляд, на этапе введения закона в действие могут быть следующие.

1. Поддержали ли граждане принятый закон: одобряют, поддерживают правовые нормы и подчиняются им в силу согласия с их содержанием; не одобряют, но подчиняются; не одобряют и не подчиняются; согласны с содержанием правовых норм, но не подчиняются им; игнорируют; придерживаются только в жизненных ситуациях; приспособляются или пытаются изменить правовую норму; собираются в своей практической жизни следовать правовым нормам; утрачивают доверие к законодательной власти; снижается уровень авторитета законодательной власти и власти авторитета; возникает атмосфера массового психического беспокойства, эмоционального возбуждения; личность объективизирует и осознает свои действия и нравственные качества в сфере правовых норм общества и т.п.

1.1. Отношение лиц, которые будут применять новый закон, к его содержанию и юридической форме: одобрительное; отрицательное; нейтральное.

1.2. Оценка и отношение к отдельным положениям и всему закону: одобрительное; отрицательное; нейтральное.

1.3. Степень реального мотивирующего и регулирующего влияния: будет выполняться; не будет; трудно сказать.

2. Перспективы его действия и предполагаемая эффективность действия принятого закона: социальная; моральная; финансовая; приносит обществу пользу; повышается уровень жизни людей; улучшается деятельность правоприменительных и иных институтов; побуждает человека следовать определенным нормам поведения и др.

2.1. Эффективность правопонимания (независимо от того, какие законы изданы в государстве): становятся «живым», т.е. действующим правом; остаются «книжным», т.е. существующим только на бумаге (остаются на практике недействующими, их предписания регулярно нарушаются гражданами, вследствие чего государственное правовое регулирование не может в полной мере функционировать).

2.2. Эффективность принятого закона: содержание самого закона соответствует реальной социально-политической и правовой ситуации в обществе (надуманный по содержанию закон, не отражающий объективных обстоятельств, реальных социальных потребностей, обречен оставаться мертворожденным, поскольку не сможет оказать никакого влияния на правовые отношения); соответствует общий уровень правовой культуры граждан и их правосознания; качественно выполняют деятельность правоохранительные и правоприменительные органы.

3. Степень сложности принятого закона для восприятия, осмысления и понимания гражданами (исполнителями): понимаем для «среднестатистического» гражданина; закон понимаем гражданами, нормы права совпадают с тем содержанием, которое вложил в них законодатель; постигаем гражданами, но нормы права не всегда совпадают с тем содержанием, которое вложил в них законодатель; вызывает трудности для осмысления; понимаем с большими трудностями не только рядовыми гражданами, но и юристами и др.

4. Готовность к выполнению закона государственных и других структур, созданных для реализации норм права, уровень выполнения закона гражданами, должностными лицами, государственными органами и организациями: подготовлены в полном объеме; подготовлены частично; не подготовлены.

5. Эффективность и авторитетность институтов и госструктур, осуществляющих реализацию закона: эффективны и авторитетны; неэффективны и

неавторитетны; непоколебимое доверие граждан к госструктурам и готовность обращаться к юридической процедуре в своих личных и деловых отношениях.

6. Мера реализации посредством правовой нормы тех или иных ожиданий, интересов, потребностей граждан: обеспечение благосостояния граждан и процветания государства; в полном объеме; частично; не удалось реализовать ожидания и потребности граждан.

7. Долговечность данного закона (прогноз): на период экономического кризиса; до принятия закона; краткосрочный; долгосрочный.

8. Реакция (оценка и суждения граждан) общественного мнения на принятый закон: положительная; нейтральная; в основном удовлетворительная; негативная (недовольство и благодушие); в основном неудовлетворительная; реакция общественного мнения осталась на прежнем уровне; граждане не располагают информацией о принятии данного закона; закон (правовая норма) совпал с общественным мнением; поступают предложения по улучшению закона; растет недовольство людей состоянием законотворчества и качеством принятого закона, отставанием законотворческой деятельности от потребностей жизни общества и граждан, оторванностью государственных органов от народа, проявлением правовой неосведомленности, правового нигилизма, возникают чувства правовой незащищенности, неверия в гарантированность предоставляемых прав, безнаказанности правонарушителей и т.п.

9. Изменение экономического, социального и иного положения семьи с принятым законом: остается стабильным; ситуация постепенно улучшается; ситуация в семье ухудшается; ситуация постепенно ухудшается; возможен социальный взрыв; возможно увеличение числа митингов, забастовок, демонстраций и т.п.

10. Ожидаемые правовые последствия при возникновении противоречий с принятым законом: законопослушность; уголовная ответственность; административная ответственность; моральная и иная ответственность.

11. Побуждение у населения (части общества) к принятому закону: правомерное (нормы закона сформированы так, что заинтересованные лица могут соотносить с ним свое поведение); игнорирующее; протестующее; противоправное и иное.

12. Низкий уровень принятого закона, поспешное изменение и даже отмена ведут к потере престижа закона в обществе, появляются негативные явления: сопротивление закону; неповиновение ему.

13. Влияние общественного мнения на правоприменителя зависит от следующих факторов: уровня политической, правовой культуры субъекта правоприменительной практики; особенностей микроклимата органа и удельного веса позитивного отношения к общественному мнению; социальной ценности и полезности информации, ее объема и характера, содержащегося в общественном мнении; меры соответствия общественного мнения социальным ожиданиям самого гражданина; системы учета общественного мнения, характера обработки информации.

14. Позитивные особенности воздействия общественного мнения на правоприменительную практику: общественное мнение способно побудить субъектов правоприменительной деятельности принять то или иное решение в интересах социальных групп и общностей; оно может выступать источником важнейшей социальной информации, которая может существенно повлиять как на юридическую деятельность, так и на подготовку и принятие правового решения; может способствовать корректировке или даже отмене принятого правового решения, выбрать оптимальное из возможных вариантов (к примеру при индивидуализации наказания); ускорить, облегчить принятие и реализацию решения либо наоборот, если действия субъекта необоснованны или направлены на прямое нарушение законодательства, воспрепятствовать их осуществлению; нацелить правоприменителя на проявление инициативы, самостоятельности и независимости при реализации своих полномочий.

15. Деформированное общественное мнение к принятому закону вызывает: разрастание юридических конфликтов; правовой беспредел; расхождение между требованиями законов и ожиданиями членов гражданского общества.

16. Основные требования правомерного поведения, предъявляемые к гражданину, принятому закону: знать закон и его требования; быть убежденным в необходимости правомерного поведения; обладать желанием вести себя правомерно; быть способным постоянно и везде соблюдать правовые требования; обладать непоколебимой устойчивостью к криминальным соблазнам и др.

17. Информирование о результатах проведения мониторинга законов включает: публикацию результатов мониторинга законов в печатных СМИ; проведение телевизионных передач в прямом эфире о мониторинге социально важных законов с ответами на вопросы

телезрителей, при этом возможна организация интерактивного голосования по вопросам совершенствования закона, результаты которого помогут учесть общественное мнение при разработке предложений по внесению изменений в данный закон; издание брошюр с материалами мониторинга законов, выводами и предложениями, направление их в госорганы власти, органы местного самоуправления; размещение соответствующей информации о результатах мониторинга законов на официальных сайтах в Интернете.

18. Система информирования по данному закону: налажена система обратной связи, выявляющая интересы населения; высокая оперативность официальных сообщений; высокая достоверность передаваемой населению информации через СМИ, способствующая сохранению доверия к официальным источникам; отсутствует официальная и достоверная информация и др.

19. Степень правовой осведомленности граждан по принятому закону: идеальная правовая осведомленность; умение ориентироваться при принятии решений по вопросам собственной жизни и практической деятельности; знание закона группой и ее членами; информация доводится компетентными людьми и с характерной достоверностью; по принципу «испорченного телефона»; граждане в большинстве своем не информированы и др.

20. Исследование данных контроля над исполнением закона: определение участников отношений, деятельность которых регулируется изучаемым законом; определение перечня показателей деятельности участников отношений, зависящих от применения изучаемого закона; изучение заключений, отчетности, материалов служебных проверок федеральных органов исполнительной власти, данных правоохранительных органов, прокурорской статистики, судебной практики.

21. Участие населения в процессе принятия решения по законопроекту (закону) и общественный контроль за их исполнением: открытые встречи с гражданами по законопроекту; общественные слушания; общественные экспертизы, например экологические или гендерные экспертизы законов, законопроектов и социально-экономических программ и др.; совместные рабочие группы по отдельным правовым нормам, законопроектам; регулярно действующие круглые столы, общественные советы; организация попечительских и наблюдательных советов при государственных учреждениях; развитие сети гражданских правовых консультаций, обеспечение свободы доступа граждан к информации и т.д.

22. Сбор, обобщение и анализ правоприменительной практики закона: получение информации от представителей органов исполнительной власти по вопросам применения и исполнения закона; изучение практики применения закона с выездом на места, проведение встреч и совещаний; определение степени исполнения правоприменителями правовых норм; определение соответствия полученной по запросам информации фактическому положению дел в исполнении закона; выявление и анализ проблем, возникающих у правоприменителей в ходе исполнения закона, и путей решения этих проблем; своевременная подготовка проектов законов о корректировке закона; отсутствие правовой пропаганды, обучения, комментариев и т.п.; отсутствие анализа последствий применения разработанного закона; отсутствие мониторинга правоприменительной практики закона.

23. Комплексная мониторинговая оценка принятого закона, в ходе которой оценивается эффективность реализации закона: изучается практика применения закона (отчеты, отзывы, доклады исполнительных органов, материалы прокурорских проверок, судебные акты и т.д.); изучаются материалы в прессе, имеющиеся мнения ученых, юристов, практиков, экспертов и иных специалистов, письма граждан, предложения по теме принятого закона; проводятся социологические опросы, анкетирование правоприменителей; проводятся статистические исследования (синхронные и диахронические статистические сравнения, составление диаграмм о применении закона, сопоставление текстов и т.д.); проводятся конференции, заседания «круглых столов», экспертно-консультативных советов с привлечением представителей заинтересованных министерств, ведомств и комитетов, а также ученых соответствующего профиля (следует привлекать ученых к мониторингу закона с самого начала – на уровне подготовки предварительных материалов, справок, дачи развернутых заключений по тем или иным вопросам); проводится изучение и анализ зарубежного опыта законодательного регулирования в соответствующей сфере.

24. Сколько времени прошло, когда приняли всю систему подзаконных нормативных актов: в течение месяца; более месяца; более года.

25. Оценка эффективности законотворческой работы после вступления закона в действие: определено достаточно ресурсов; предусмотрена адекватная инфраструктура, использованная при подготовке законопроекта; рабочая группа успешно мобилизовала все возможности, необходимые для поддержки про-

екта закона; успешно работала рабочая группа с иными участниками законотворческого процесса, прежде всего с субъектами права (депутатами), исполнительной властью; было запланировано успешное планирование работы рабочей группы (команды) и управление ею.

Обобщая результаты исследования мероприятий по реализации психосоциологического контроля принятого закона и изучению его эффективности, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, проведенные психосоциологические исследования подтверждают, что отдельные принятые законы чрезмерно активизируют подзаконное нормотворчество, искажающее сущность исходного закона. Многие законы, принимаемые законодательным органом, не имеют должного механизма их реализации, носят отсылочный, декларативный и просветительский характер, создающий лишь иллюзию правовой регуляции. Нормы закона, принимаемые без достаточного социально-психологического обоснования, становятся юридическим балластом, порождая нигилистическое отношение к закону.

Во-вторых, важен правильный выбор формы акта на различных иерархических уровнях. Разумной должна быть и корреляция НПА между собой: если в определенной сфере отношений ослабевает роль государственного регулирования, то должна усиливаться роль локального регулирования; если наблюдается сильная децентрализация, то следует уменьшать роль централизации, в этом случае не обязательно принимать НПА в форме законов, постановлений и т.д. Нередко НПА «пропадают» под обширным массивом направленных на их реализацию правовых документов различного характера.

В-третьих, необходим правильный порядок выработки правовых решений. Закон должен восприниматься как результат нормативного разрешения определенной психолого-социаль-

ной проблемы. Однако практика показывает, что эти проблемы остаются.

В-четвертых, необходимо предвидеть психолого-правовые последствия принятия закона (их действий), т.е. обязательны четкие расчеты и достоверная экспериментальная, статистическая и иная информация. Следует возобновить интерес науки к социальной, социологической и психологической информации, это позволит наполнить правовые нормы конкретным жизненным и психологическим содержанием, предвидеть риски и возможные социальные отклонения, которые может вызвать принятие того или иного законопроекта.

В-пятых, основными путями совершенствования социопсихотехнологии законотворческого процесса, на наш взгляд, являются: принятие закона о социопсихотехнологии законотворчества, где должен быть предусмотрен порядок создания электронной копии законопроекта, что позволит обеспечить его оперативное распространение и внесение замечаний и дополнений в законопроекты, а также строгая последовательность, продуманность и выверенность всех этапов законотворческого процесса (от идеи создания закона до введения его в действие); последовательное проведение курса на интеграцию компьютерных сетевых технологий и законотворческого процесса; наличие у государственного органа своего портала в Интернете, на котором в обязательном порядке должны быть представлены тексты всех принятых им законов и особенно анализ правоприменительной практики; разработка методики совместного использования приемов герменевтики и компьютерных технологий в целях получения в ходе проведения частичного автоматизированного анализа правовых текстов информации об имеющихся коллизиях правовых норм.

1. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. *Мониторинг в правотворчестве: теория и методология*. М., 2009.

2. Брычева Л.И. *Психологические аспекты законотворческого процесса: современный взгляд* // Журнал российского права. 2007. № 4.

3. Гуйда Е.П. *К вопросу об эффективности законодательной деятельности* // *Нормативная основа правовой системы Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Гродно, 28–29 апр. 2006 г.* / под ред. Н.В. Сильченко и др. Гродно, 2006.

1. Arzamasov Yu.G., Nakonechny Ya.E. *Monitoring in lawmaking: theory and methodology*. M., 2009.

2. Brycheva L.I. *Psychological aspects in lawmaking process: modern view* // *Journ. of rus. law*. 2007. № 4.

3. Guida E.P. *On question of efficiency of legislative activity* // *Normative basis of legal system in Republic of Belarus: proc. of sci.-pract. conf., Grodno, Apr. 28-29, 2006* / ed. by N.V. Silchenko, etc. Grodno, 2006.

4. Zinoviev A.V. *Main directions in improvement of law quality in Russia: helpful hints for deputies*

4. Зиновьев А.В. Основные направления повышения качества законов в России: полезные советы депутатам четвертого созыва Государственной Думы // Известия высш. учеб. заведений. Сер. Правоведение. 2004. № 4.
5. Карнаушенко В.Г., Чернолевский А.Ю. Реализация законов Республики Беларусь // Право Беларуси. 2004. № 14.
6. Красинский В.В. Качество российских законов // Право и политика. 2005. № 5.
7. Кузнецов И.Н. Эффективность закона: как организовать ее изучение // Соц. законность. 1984. № 7.
8. Лапаева В.В. Общественное мнение и законодательство // Соц. исследования. 1997. № 9.
9. Мурашко Л.О. Работающий закон: проблемы законотворческой эффективности // Актуальные проблемы совершенствования законодательства Республики Беларусь на современном этапе: материалы науч.-практ. конф., Минск, 2 дек. 2005 г. Минск, 2005.
10. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.
11. Эффективность закона: методология и конкретные исследования / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Тихомиров. М., 1997.
12. Мицкевич В.В. Обеспечить понятность и доступность законов каждому гражданину // Судовы веснік. 2006. № 2.
13. Иванюк О.А. Качество закона и проблемы юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2.
14. Баранов В.М. Прогнозирование вариантов противодействия закону как необходимое условие его качества (технико-юридический аспект) // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. науч. ст. М.; Н. Новгород, 2007.
- of 4th convocation in State Duma // News of high educ. establ. Ser. Jurisprudence. 2004. № 4.
5. Karnaushenko V.G., Chernolevsky A.Yu. Realisation of laws in Republic of Belarus // Law in Belarus. 2004. № 14.
6. Krasinsky V.V. Quality of Russian laws // Law and politics. 2005. № 5.
7. Kuznetsov I.N. Efficiency of law: how to organize its education // Soc. legality. 1984. № 7.
8. Lapaeva V.V. Social opinion and legislation // Soc. research. 1997. № 9.
9. Murashko L.O. Working law: problems of legislative efficiency // Actual problems of legislation perfection in republic of Belarus in present-day time; proc. of sci.-pract. conf., Minsk, Dec. 2, 2005. Minsk 2005.
10. Polenina C.V. Quality of law and efficiency of legislation. M., 1993.
11. Efficiency of law: methodology and specific research / resp. ed. V.M. Syryh, Yu.A. Tihomirov. M., 1997.
12. Mitzkevitch V.V. To ensure intelligibility and accessibility of laws to every citizen // Judicial vesnik. 2006. № 2.
13. Ivanyk O.A. Quality of law and problems of legal technique // Journ. of rus. law. 2008. № 2.
14. Baranov V.M. Prediction of variants of law resistance as a necessary condition of its quality (technical-jurisdictional aspect) // Lawmaking and technical-jurisdictional problems of formation of the Russian system of legislation in conditions of globalization: coll. of sci. papers. M.; N. Novgorod, 2007.

Нестерович Владимир Федорович

кандидат юридических наук,

доцент кафедры конституционного и международного права

Луганского государственного университета внутренних дел

им. Э.А. Дидоренко

(e-mail: wnester@ukr.net)

Институционализация влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов в Украине

В статье раскрывается институциональное оформление влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов как фактор развития гражданского общества в Украине. Констатируется, что современная модель взаимодействия органов публичной власти и общественности должна обеспечивать удовлетворение прав и интересов различных социальных групп и способствовать реализации эффективной государственной политики, учитывая потребность баланса интересов национального, группового и индивидуального уровней.

Ключевые слова: институционализация, влияние, общественность, принятие нормативно-правовых актов, Украина.

V.F. Nesterovych, Master of Law, Assistant Professor of a Chair of Constitutional and International Law of the Lugansk State University of Internal Affairs name after E.A. Didorenko; e-mail: wnester@ukr.net

Institutionalization of public influence on the adoption of legal acts of Ukraine

The article reveals the institutionalization of public influence on the adoption of legal acts of Ukraine. It is stated that the current model of the interaction of the public authorities and the public to provide for the rights and interests of different social groups and promote the implementation of effective public policies, taking into account the need to balance the interests of national, group and individual levels.

Key words: institutionalization, influence, public, adoption of legal acts, Ukraine.

Развитие современной демократии неразрывно связано с вопросом институционального оформления влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов. Все больше нормативно-правовых актов принимается при непосредственной инициативе общественности, ее участии и с учетом общественного мнения. На сегодня оказание влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов обусловлено прежде всего необходимостью изменения объекта и предмета правового регулирования тех или иных общественных отношений. Это связано с пониманием того, что оптимальным решением конкретной проблемы будет не поиск новых форм в рамках уже существующих правоотношений, а изменение самих правовых норм, регулирующих эти общественные отношения. Не вызывает сомнения мысль, что законодательство в настоящее время уже воспринимается не как нечто данное и аксиоматическое, а как живой и чутко реаги-

рующий на потребности механизм, в котором могут присутствовать коллизии, пробелы и другие недостатки, вызванные несвоевременным принятием необходимых нормативно-правовых актов или, наоборот, внесением деструктивных изменений в действующее законодательство [1, р. 148–149].

В то же время в украинской науке конституционного права сложилось так, что в основном учеными внимание уделяется преимущественно традиционным и устойчивым институтам непосредственной и представительной демократии. При этом в западной юридической науке насущные и важные для настоящего вопросы, в частности институциональное оформление консультативной демократии и демократии участия, уже давно являются предметом широкого экспертного обсуждения, в то время как данная проблематика, к сожалению, остается без внимания основательных комплексных научных исследований украинских ученых.

В связи с этим целью данной статьи является раскрытие институционального оформления влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов в Украине. Вне всякого сомнения, в условиях становления гражданского общества в Украине является крайне важным и актуальным формирование новой парадигмы взаимоотношений между органами публичной власти и общественностью, заключающееся в выработке принципиально новых подходов, которые обеспечат переход от конфронтации и конкуренции к равноправному диалогу и взаимовыгодному сотрудничеству между ними.

Усиление роли общественности в принятии нормативно-правовых актов можно объяснить двумя факторами. Во-первых, сейчас в большинстве ведущих демократических стран мира получила практическое воплощение концепция «надлежащего управления» («good governance»), в том числе через развитие государственной политики в сфере обеспечения «демократии участия» («participatory democracy»). Ее определяющей основой является создание надлежащих условий для оказания общественностью влияния на принятие нормативно-правовых актов путем обеспечения принципов открытости, участия, ответственности, эффективности и последовательности в нормопроектной деятельности органов публичной власти. Во-вторых, необходимость привлечения граждан к принятию решений, как справедливо отмечают эксперты Лаборатории законодательных инициатив, – это в некотором роде ответ общества на кризис традиционных институтов представительной демократии в Европе и необходимость усиления легитимности и эффективности в процессе разработки законодательных решений [2, с. 3].

Поэтому современная модель взаимодействия органов публичной власти и общественности должна обеспечивать удовлетворение прав и интересов различных социальных групп и реализацию эффективной государственной политики, учитывая потребность балансирования интересов национального, группового и индивидуального уровней. Украинский ученый И. Жаровская указывает, что при исследовании демократических процессов необходимо учитывать мнение общественности о государственной власти, иначе эта власть будет считаться нелегитимной [3, с. 24]. К вышеуказанной мысли другой украинский ученый В. Артеменко с сожалением добавляет, что сегодня процесс усовершенствования действующего законодательства Украины в направлении нормализации обязательных для органов публичной власти и их должностных лиц процедур и механизмов, обеспечивающих

влияние общественности на соответствующих этапах принятия нормативно-правовых актов, является неоправданно медленным [4, с. 7].

Итак, состояние развития общественных отношений и отсутствие фундаментальных комплексных научных исследований в этой области в Украине свидетельствует о недооценке возможностей и потенциала установления равноправных партнерских отношений между властью и общественностью, в частности при принятии нормативно-правовых актов. Анализ развития гражданского общества в Украине, как отмечается в Указе Президента Украины «О Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества в Украине и первоочередные мероприятия по ее реализации» от 24 марта 2012 г. № 212/2012, свидетельствует о наличии комплекса проблем, актуальных и для общества, и для государства. В итоге положительные примеры налаживания эффективного сотрудничества между органами исполнительной власти, органами местного самоуправления и институтами гражданского общества являются единичными фактами, а не системной практикой. Уровень взаимного доверия между властью, предпринимательскими кругами и институтами гражданского общества низок, что проявляется в отчужденности вместо солидарной ответственности за состояние общественного развития [5].

Похожего мнения придерживается и Комиссия по вопросам осуществления народовластия Конституционной Ассамблеи, которая в своем докладе о понимании и реализации конституционных положений «власть народа» отмечает, что соотношение идеального и реального в осуществлении народовластия в Украине свидетельствует об имеющейся ограниченности форм волеизъявления граждан, угрожающей отчужденностью главного субъекта – украинского народа – от решения государственной властью, органами местного самоуправления общественно значимых вопросов развития страны [6]. Поэтому одним из главных вызовов, которые стоят на повестке дня демократического реформирования политической системы Украины, является, прежде всего, необходимость более полной реализации конституционного права граждан участвовать в управлении государственными и общественными делами, в частности через создание институциональных условий для общественности оказывать влияние на принятие нормативно-правовых актов.

Как отмечается в ежегодном Послании Президента Украины к Верховной Раде Украины «О внутреннем и внешнем положении Украины в 2013 году», от выборов до выборов уменьшается

количество граждан, которые принимают в них участие. В значительной степени такая ситуация обусловлена ростом у граждан чувства ограниченности возможностей влиять на разработку и принятие органами власти решений. Так, более трети общества (31%) считают, что наименьшее влияние на выработку государственной политики в Украине имеют граждане Украины. Зато наибольшее влияние, по мнению граждан, осуществляют Президент Украины (44,2%), Кабинет министров Украины (30,6%), Верховная Рада Украины (27,9%) и большой украинский бизнес (26,4%) [7, с. 197].

Таким образом, несмотря на большую актуальность и важность для современного демократического развития проблематики конституционно-правовых основ влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов, она так и не нашла должного отражения на уровне комплексных научных исследований в украинской юридической науке. Это, в свою очередь, привело к искаженному пониманию категории «влияние общественности на принятие нормативно-правовых актов», которая воспринимается в основном в негативном контексте, как внеправовая деятельность.

В частности, в распоряжении Кабинета министров Украины «Об одобрении Концепции проекта Закона Украины «О влиянии общественности на принятие нормативно-правовых актов»» от 22 апреля 2009 г. № 448-р отмечается, что отсутствие в Украине нормированных механизмов влияния общественности на принятие органами государственной власти решений создает предпосылки для существования такого явления, как квазилоббирование, что усиливает существующие в обществе и государстве коррупционные риски и угрозы. Это обуславливает возникновение ряда проблем в сфере правового регулирования отношений граждан, институтов гражданского общества, субъектов хозяйствования и органов государственной власти, их должностных и служебных лиц, требующих неотложного решения, а именно [8, с. 5]:

1. Отсутствие нормативно-правового регулирования методов лоббирования способствует развитию таких форм воздействия на принятие решений и нормативно-правовых актов органами государственной власти, их должностными и служебными лицами, имеются признаки коррупции и коррупционных деяний, преступлений в сфере служебной деятельности. В результате нелегитимного характера лоббирования, отсутствия взаимного контроля заинтересованных лиц факты соответствующих деяний имеют латентный характер и не могут быть доказаны.

2. Отсутствие прозрачности принятия органами государственной власти, их должностными и служебными лицами решений и нормативно-правовых актов не позволяет гражданам четко определить круг лиц, заинтересованных в принятии таких актов, выяснить, каким образом и на каких субъектах осуществляется соответствующее влияние, узнать объем финансовых затрат, направленных на их реализацию.

3. Распространение внеправовых форм воздействия заинтересованных лиц на судебные и правоохранительные органы, что является недопустимым.

4. Деформация общественного мнения о лоббировании как внеправовом явлении негативно сказывается на правосознании граждан.

В распоряжении Кабинета министров Украины «Об одобрении Концепции проекта Закона Украины «О влиянии общественности на принятие нормативно-правовых актов»» от 22 апреля 2009 г. № 448-р отмечается, что урегулирование правовых основ обеспечения влияния общественности на принятие органами государственной власти нормативно-правовых актов и порядка осуществления лоббистской деятельности позволит: 1) оптимизировать диалог между обществом и государством, обеспечить учет при принятии нормативно-правовых актов интересов граждан, институтов гражданского общества и субъектов хозяйствования; 2) обеспечить равные права граждан, институтов гражданского общества и субъектов хозяйствования относительно влияния на органы государственной власти, их должностных и служебных лиц при принятии (участии в принятии) ими нормативно-правовых актов; 3) усилить прозрачность и эффективность деятельности органов государственной власти, их должностных и служебных лиц, активизировать взаимодействие указанных органов с гражданами, институтами гражданского общества и субъектами хозяйствования; 4) минимизировать количество правонарушений, имеющих признаки коррупции, коррупционных деяний и преступлений в сфере служебной деятельности путем внедрения комплексного механизма осуществления контроля за лоббистской деятельностью.

Вместе с тем, несмотря на реформаторский потенциал указанных нормативно-правовых положений действующего законодательства Украины, которые предоставляют общественности возможность осуществлять влияние на нормопроектную деятельность органов публичной власти, эти правовые положения зачастую носят декларативный характер и, к сожалению, не обеспечены механизмом их реализации. Вследствие этого задекларированные в вышеуказанных

правовых актах соответствующие меры носят несистемный и эпизодический характер, что отнюдь не способствует становлению партнерских отношений между властью и общественностью в Украине.

Общеизвестно, что гражданин как индивидуальный участник общественных отношений не может эффективно противостоять государству в лице организованных и структурированных государственно-властных институтов. Для этого интересы граждан также должны иметь сплоченный, оформленный и конституционно гарантированный характер. Поэтому от полноты определения общественности в конституционном праве, которая является направляющей силой оказания воздействия на принятие нормативно-правовых актов, в целом зависит инициативность и действенность общественности в процессе разработки и принятия нормативно-правовых актов.

Важной предпосылкой для утверждения общественности как субъекта конституционного правотворчества стало принятие Закона Украины «Об основах внутренней и внешней политики Украины» от 1 июля 2010 г. № 2411-VI. В этом Законе в ст. 5 указывается, что основными принципами внутренней политики в сфере формирования институтов гражданского общества являются следующие: утверждение гражданского общества как гарантии демократического развития государства; завершение политической реформы, усиление взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления и объединений граждан, введение общественного контроля за деятельностью власти, обеспечение независимой деятельности объединений граждан, усиление их влияния на принятие общественно важных решений, повышение роли и ответственности политических партий, содействие политической структуризации общества на принципах многопартийности, создание условий для обеспечения широкого представительства интересов граждан в представительных органах власти, проведение регулярных консультаций с общественностью по важным вопросам жизни общества и государства, проведение всеукраинских и местных референдумов как эффективных форм народного волеизъявления, участия народа в принятии общественно важных решений [9].

Во исполнение вышеуказанных законодательных положений Президентом Украины был издан Указ «О Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества в Украине и первоочередные мероприятия по ее реализации» от 24 марта 2012 г. № 212/2012. Стратегия направлена на утверждение граждан-

ского общества как гарантии демократического развития государства, введение общественного контроля за деятельностью власти, обеспечение независимой деятельности институтов гражданского общества, усиление их влияния на принятие общественно важных решений, создание условий для обеспечения широкого представительства интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления, проведение регулярных консультаций с общественностью по важным вопросам жизни общества и государства [5].

Дальнейшее утверждение в Украине общественности как субъекта конституционного правотворчества осуществлена в ряде последующих подзаконных правовых актов:

1) актах Президента Украины: Указе Президента Украины «Вопросы содействия развитию гражданского общества в Украине» от 25 января 2012 г. № 32/2012 [10], Указе Президента Украины «О Положении о Координационном совете по вопросам развития гражданского общества» от 25 января 2012 г. № 32/2012 [11], Указе Президента Украины «О Плане мероприятий по реализации в 2013 году Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества в Украине» от 25 июня 2013 г. № 342/2013 [12];

2) актах Кабинета министров Украины: постановлении Кабинета министров Украины «О порядке содействия проведению общественной экспертизы деятельности органов исполнительной власти» от 5 ноября 2008 г. № 976 [13], постановлении Кабинета министров Украины «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 3 ноября 2010 г. № 996 [14], постановлении Кабинета министров Украины «Об утверждении Порядка проведения общественных слушаний относительно учета общественных интересов при разработке проектов градостроительной документации на местном уровне» от 25 мая 2011 г. № 555 [15], постановлении Кабинета министров Украины «Об утверждении Порядка привлечения общественности к обсуждению вопросов по принятию решений, которые могут влиять на состояние окружающей среды» от 29 июня 2011 г. № 771 [16], распоряжении Кабинета министров Украины «Об одобрении Концепции проекта Закона Украины «О влиянии общественности на принятие нормативно-правовых актов»» от 22 апреля 2009 г. № 448-р;

3) приказе Министерства охраны окружающей природной среды Украины «Об утверждении Положения об участии общественности в принятии решений в сфере охраны окружающей среды» от 18 декабря 2003 г. № 168 [17].

Следовательно, понятие «общественность» активно вошло в официальное пространство Украины и достаточно широко используется в актах действующего законодательства. Вместе с тем, системности и единства в понимании этого понятия в национальных нормативно-правовых актах пока нет. Вышеприведенные подзаконные правовые акты Украины раскрывают, как правило, общие положения по обеспечению участия общественности в формировании и реализации государственной политики, порядка содействия проведению общественной экспертизы деятельности органов исполнительной власти, возможности общественности участвовать в обсуждении принятия решений органами государственной власти, порядка проведения общественных слушаний относительно учета общественных интересов при разработке проектов правовых актов и т.п. Учитывая вышеизложенное, при проведении дальнейших научных исследований

видим целесообразным исследовать категорию «общественность» и установить ее дефиницию.

Таким образом, осуществление влияния общественности на принятие нормативно-правовых актов возможно только при условии налаживания равноправного диалога между общественностью и властью. При этом, с одной стороны, необходимо создать, а не только задекларировать, надлежащие конституционно-правовые условия, в частности путем обеспечения принципов открытости нормопроектной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, свободного доступа граждан к информации и наличия эффективных процедур привлечения. С другой стороны, крайне необходимо способствовать развитию активной и инициативной общественности, способной представлять и отстаивать свои интересы и участвовать в принятии нормативно-правовых актов.

1. Seckler-Hudson C. *Our Constitution and Government*. Washington, D.C., 1978.

2. *Участие общественности в законодательном процессе: проблемы и пути повышения эффективности* // Лаборатория законодательных инициатив. Киев, 2009.

3. Жаровська И.М. *Институт народной инициативы – путь формирования открытой власти* // Науч. вестн. Львовского гос. уни-та внутренних дел. 2010. № 3.

4. *Формы и методы привлечения общественности: учеб. пособие / Институт гражданского общества; под общ. ред. В. Артеменко. М., 2007.*

5. *О Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества в Украине и первоочередные мероприятия по ее реализации: указ Президента Украины от 24 марта 2012 г. № 212/2012 // Официальный вестник Президента Украины. 2012. № 13. Ст. 322.*

6. *Доклад Комиссии по вопросам осуществления народовластия Конституционной Ассамблеи относительно понимания и реализации конституционных положений «власть народа».* URL: <http://www.president.gov.ua/news/25762.html>.

7. *О внутреннем и внешнем положении Украины в 2013 году: ежегодное Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины.* Киев, 2013.

8. *Об одобрении Концепции проекта Закона Украины «О влиянии общественности на принятие нормативно-правовых актов»: распоряжение Кабинета министров Украины от 22 апр. 2009 г. № 448-р // Правительственный курьер. 2009. № 84.*

1. Seckler-Hudson C. *Our Constitution and Government*. Washington, D.C., 1978.

2. *Public participation in the legislative process: problems and ways to improve* // Laboratory for Legislative Initiatives. Kyiv, 2009.

3. Zharovska I.M. *Institute for People's Initiative – a way of forming open government* // Sci. bull. of Lviv State University of Internal Affairs. 2010. № 3.

4. *Forms and methods of public involvement: study aid / Civil Society Institute; ed. by B.V. Artemenko. М., 2007.*

5. *About the strategy of public policy to promote civil society in Ukraine and priority measures for its implementation: order of the President of Ukraine of March 24, 2012 № 212/2012 // Official Bulletin of the President of Ukraine. 2012. № 13. Art. 322.*

6. *Report of the Commission on the implementation of democracy Constitutional Assembly on the understanding and implementation of the constitutional provisions of the «people power».* URL: <http://www.president.gov.ua/news/25762.html>

7. *About the internal and external situation of Ukraine in 2013: annual Message of the President of Ukraine to the Verkhovna Rada of Ukraine.* Kiev, 2013.

8. *About approval of the Concept of the Law of Ukraine «About the influence of the public on the adoption of legal acts»: order of Cabinet of ministers of Ukraine of Apr. 22, 2009 № 448-p // Government Courier. 2009. № 84.*

9. *About Domestic and foreign policy: law of Ukraine of July 1, 2010 № 2411-VI // Official Bulletin of Ukraine. 2010. № 55. Art. 1840.*

9. Об основах внутренней и внешней политики: закон Украины от 1 июля 2010 г. № 2411-VI // *Официальный вестник Украины*. 2010. № 55. Ст. 1840.

10. Вопросы содействия развитию гражданского общества в Украине: указ Президента Украины от 25 янв. 2012 г. № 32/2012 // *Официальный вестник Президента Украины*. 2012. № 4. Ст. 114.

11. Положение о Координационном совете по вопросам развития гражданского общества: утв. Указом Президента Украины от 25 янв. 2012 г. № 32/2012 // *Официальный вестник Президента Украины*. 2012. № 4. Ст. 114.

12. О Плане мероприятий по реализации в 2013 году Стратегии государственной политики содействия развитию гражданского общества в Украине: указ Президента Украины от 25 июня 2013 г. № 342/2013 // *Официальный вестник Президента Украины*. 2013. № 17. Ст. 548.

13. Об утверждении Порядка содействия проведению общественной экспертизы деятельности органов исполнительной власти: постановление Кабинета министров Украины от 5 нояб. 2008 г. № 976 // *Официальный вестник Украины*. 2008. № 86. Ст. 100.

14. Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики: постановление Кабинета министров Украины от 3 нояб. 2010 г. № 996 // *Официальный вестник Украины*. 2010. № 84. Ст. 2945.

15. Об утверждении Порядка проведения общественных слушаний относительно учета общественных интересов при разработке проектов градостроительной документации на местном уровне: постановление Кабинета министров Украины от 25 мая 2011 г. № 555 // *Официальный вестник Украины*. 2011. № 41. Ст. 1669.

16. Об утверждении Порядка привлечения общественности к обсуждению вопросов по принятию решений, которые могут влиять на состояние окружающей среды: постановление Кабинета министров Украины от 29 июня 2011 г. № 771 // *Официальный вестник Украины*. 2011. № 55. Ст. 2210.

17. Об утверждении Положения об участии общественности в принятии решений в сфере охраны окружающей среды: приказ Министерства охраны окружающей природной среды Украины от 18 дек. 2003 г. № 168 // *Официальный вестник Украины*. 2004. № 6. Ст. 357.

10. *Questions for Civil Society Development in Ukraine: decree of the President of Ukraine of Jan. 25, 2012 № 32/2012 // Official Bulletin of the President of Ukraine*. 2012. № 4. Art. 114.

11. *Regulations of the Coordination Council for Development of Civil Society: appr. by the Decree of the President of Ukraine of Jan. 25, 2012 № 32/2012 // Official Bulletin of the President of Ukraine*. 2012. № 4. Art. 114.

12. *About the Plan of Implementation of the 2013 State Policy Strategies for Civil Society Development in Ukraine: decree of the President of Ukraine of June 25, 2013 № 342/2013 // Official Bulletin of the President of Ukraine*. 2013. № 17. Art. 548.

13. *About approval of Order of encouraging public assessment of the Authorities: resolution of Cabinet of ministers of Ukraine of Nov. 5, 2008 № 976 // Official Bulletin of Ukraine*. 2008. № 86. Art. 100.

14. *About public participation in the formulation and implementation of public policy: resolution of Cabinet of ministers of Ukraine of Nov. 3, 2010 № 996 // Official Bulletin of Ukraine*. 2010. № 84. Art. 2945.

15. *About approval of the public hearings on the consideration of the public interest in the drafting of urban planning at the local level: resolution of Cabinet of ministers of Ukraine of May 25, 2011 № 555 // Official Bulletin of Ukraine*. 2011. № 41. Art. 1669.

16. *About approval of public involvement in the discussion of the decisions that may impact on the environment: resolution of Cabinet of ministers of Ukraine of June 29, 2011 № 771 // Official Bulletin of Ukraine*. 2011. № 55. Art. 2210.

17. *About approval of public participation in decision-making in environmental protection: order of the Ministry of Environmental Protection of Ukraine from Dec. 18, 2003 № 168 // Official Bulletin of Ukraine*. 2004. № 6. Art. 357.

Шевченко Андрей Ивановичдокторант кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

К вопросу об организационно-правовом обеспечении трудовой занятости людей с ограниченными возможностями

В статье анализируются основы политики по решению проблем трудовой занятости инвалидов, опыт, проблемы и возможности их решения в мире и современной России. Автор рассматривает основные проблемы реализации права на труд людей с ограниченными возможностями в современном обществе.

Ключевые слова: инвалид, социальное положение, социальная политика, государство, трудовая занятость, права и достоинство людей с ограниченными возможностями.

A.I. Shevchenko, Doctoral Candidate of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

To the question about legal employment of people with disabilities

In the article policy bases according to the solution of problems of labor employment of disabled people, experience, problems and possibilities of its decision in the world and modern Russia are analyzed. The author considers the main problems of realization of the right to work of people with limited opportunities in modern society.

Key words: disabled person, social status, social policy, state, labor employment, rights and dignity of people with limited opportunities.

В настоящее время особо остро встал вопрос о том, как реализовать в России положения Конституции, провозглашающие наше государство социальным. Соблюдение предоставляемых гражданам гарантий признается одной из основных задач нашей страны. Одним из основных прав каждого жителя нашего государства является право на труд. Его имеют все граждане Российской Федерации, в том числе и люди с инвалидностью. К сожалению, данные официальной статистики свидетельствуют о том, что количество последних неуклонно растет.

Трудовая деятельность для человека является не только способом экономически обеспечить свое существование, но и фактом реализации способностей (в том числе и творческих), приобщением к общественным ценностям. Работа позволяет каждому гражданину уважать себя, осознавать свою индивидуальность, быть полноценной частью современного общества.

На сегодняшний день в сознании людей еще жив стереотип о том, что человек с ограниченными возможностями не может и не желает трудиться, что он живет на попечении близких родственников и государства. Однако среди инвалидов есть те, кто желает трудиться и быть

независимым. В силу ограниченности возможностей такие люди испытывают определенные трудности в поиске работы и в связи с этим нуждаются в поддержке со стороны государства.

Анализ развития проблемы инвалидности как социального явления свидетельствует о том, что, пройдя путь от идеи изоляции «неполноценных» членов общества до концепций привлечения их к труду, человечество подошло к пониманию необходимости интеграции лиц с физическими дефектами, физиологическими, психическими нарушениями во все общественные институты.

В связи с этим возникает необходимость отвергнуть классический подход к проблеме инвалидности как к проблеме «неполноценных людей» и представить ее как проблему, затрагивающую общество в совокупности.

В настоящее время основной массив научных работ, касающихся освещения проблем занятости и трудоустройства инвалидов, содержит рекомендации по трудоустройству, описание возможных способов устройства на работу. Есть и научные статьи, затрагивающие правовые аспекты трудоустройства и занятости лиц с ограниченными возможностями. Но в них лишь перечисляются основные нормативные

правовые акты и не содержится их критический анализ. Таким образом, до настоящего времени в полном объеме не раскрыт вопрос самих проблем, с которыми сталкиваются инвалиды при попытках включиться в процесс занятости и трудоустройства, не дана надлежащая правовая и правоприменительная оценка действующего законодательства, регулирующая занятость и трудоустройство лиц с ограниченными возможностями.

Обеспечение занятости инвалидов регулирует ст. 20 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». В соответствии с ней инвалидам предоставляются гарантии трудовой занятости федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации путем проведения следующих специальных мероприятий, способствующих повышению их конкурентоспособности на рынке труда:

1) установления в организациях независимо от организационно-правовых форм и форм собственности квоты для приема на работу инвалидов и минимального количества специальных рабочих мест для инвалидов;

2) резервирования рабочих мест по профессиям, наиболее подходящим для трудоустройства инвалидов;

3) стимулирования создания предприятиями, учреждениями, организациями дополнительных рабочих мест (в том числе специальных) для трудоустройства инвалидов;

4) создания инвалидам условий труда в соответствии с индивидуальными программами реабилитации инвалидов;

5) создания условий для предпринимательской деятельности инвалидов;

6) организации обучения инвалидов новым профессиям.

Организациям, численность работников которых составляет более 100 человек, законодательством субъекта Российской Федерации устанавливается квота для приема на работу инвалидов в процентах к среднесписочной численности работников (но не менее 2% и не более 4%). Данная мера, безусловно, должна способствовать облегчению поиска работы инвалидами.

Следует заметить, что практика квотирования рабочих мест для инвалидов, подобно внедряемой в нашей стране, применяется и за рубежом. Так, в Германии, Франции и Венгрии под законы о квотировании подпадают организации с более чем 20 сотрудниками, в Австрии и Польше – 25 сотрудниками. В Испании минимальное число

сотрудников – 50. Квота для людей с инвалидностью в Германии составляет 5%, во Франции – 6%. В Люксембурге квота варьируется от 2% до 5% в зависимости от формы собственности и от количества сотрудников предприятия. В Испании и Ирландии квота составляет 3%. В Японии квота составляет от 1,6% до 2% [1, с. 221].

В некоторых странах за «незаполнение» квот организации выплачивают специальные взносы в целевые фонды, средства которых распределяются на создание рабочих мест для инвалидов и адаптацию существующих рабочих мест к нуждам людей с ограниченными возможностями. Некоторые государства стимулируют работодателей принимать на работу людей с тяжелыми формами инвалидности. Например, принимая на работу человека, пользующегося инвалидной коляской, работодатель заполняет не одно, а два или даже три места в счет установленной квоты. Также подобное стимулирование применяется при приеме на работу инвалида, не имеющего опыта работы. Следует отметить, что работодатель должен стремиться создать необходимые специальные условия для людей с инвалидностью, которые работают в организации [2].

Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов в нашей стране создаются за счет средств федерального бюджета, средств бюджетов субъектов Российской Федерации, за исключением рабочих мест тех инвалидов, которые получили трудовое увечье или профессиональное заболевание. Специальные рабочие места для трудоустройства инвалидов, получивших заболевание или увечье при исполнении своих обязанностей по военной службе или в результате стихийных бедствий и международных конфликтов, создаются за счет средств федерального бюджета. Специальные рабочие места для лиц, ставших инвалидами вследствие несчастных случаев на производстве или профессиональных заболеваний, создаются за счет средств работодателей – причинителей вреда [3].

Говоря о ситуации с трудоустройством в стране, можно привести следующие цифры: работающие инвалиды составляют менее 10% их общей численности, занятость среди инвалидов трудоспособного возраста не превышает 15%, особенно она низка среди инвалидов I и II группы (8%). Для сравнения: в США из 54 млн инвалидов трудоустроено 29%, в Великобритании из 5 млн 40%, в Китае из 60 млн инвалидов трудоустроено 80% [4, с. 9].

Сейчас за рубежом идет перевод государственных программ трудоустройства инвалидов

от создания специализированных предприятий к индивидуальным программам адаптации типового рабочего места обыкновенного предприятия под конкретного инвалида. Государству невыгодно содержать специализированные предприятия, гораздо эффективнее вкладывать финансовые средства в программы индивидуальной поддержки, позволяющие инвалиду самостоятельно решать свои экономические проблемы.

Федеральная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы» предусматривает финансирование в размере около 2147 млн рублей [5]. Но очень важно, чтобы эти достаточно большие деньги были успешно освоены и принесли реальную помощь инвалидам, а не были большей частью просто разворованы чиновниками, отвечающими за их использование.

Если задачи, заложенные в целевой программе, будут успешно решены, то ежегодно в России будут возвращаться к активной жизни примерно 150–160 тыс. инвалидов. Это не только снизит нагрузку на бюджет страны, но и даст государству дополнительные рабочие руки.

На уровне регионов власти тоже иногда пытаются реализовать различные инициативы, направленные на привлечение к труду и занятости инвалидов. Например, в Воронежской области принят Закон «О квотировании рабочих мест для инвалидов», который предусматривает более широкий круг гарантий инвалидов в сфере занятости и трудоустройства, чем это предусмотрено федеральным законодательством; в Мурманской области принята специальная программа «ПрофорIENTATION детей-инвалидов».

Однако отечественная правоприменительная практика далека от того, что установлено законом, а установленные им гарантии соблюдаются далеко не всегда.

К недостаткам современного законодательства можно отнести и то, что государственные социальные выплаты (пенсии и компенсации за отмененные льготы) поставлены в зависимость от такого критерия инвалидности, как группы ограничения способности к трудовой деятельности. Этим шагом государство отняло право распоряжаться своим трудом у большого количества инвалидов, т.к. I группа стала, по сути, означать понятие «нетрудоспособен».

Вместе с тем, люди с инвалидностью практически лишились стимула к труду. Разница в размере выплат между разными группами получилась весьма значительной (почти 1000 рублей), и, конечно, большинство людей с инвалидностью предпочитают всяческими

способами добиваться I группы и иметь более высокую пенсию, чем потерять в выплатах за небольшую вероятность трудоустройства как на открытом рынке труда, так и через госструктуры. Государство всячески стремится сэкономить на затратах, и отдельные проявления этого могут проявляться в том, что органы медико-социальной экспертизы, которые и устанавливают группу инвалидности, могут умышленно занижать ее, уменьшая тем самым размер компенсационных выплат инвалидам.

Кроме того, необходимо менять саму психологию наших сограждан. Важно, чтобы они видели в инвалидах людей, равных с ними в правах, не считали их ущербными и неполноценными. Этому должны способствовать, в частности, социальная реклама, пропаганда в обществе уважительного отношения людей к инвалидам. Это, в свою очередь, непосредственно скажется на том, что случаев дискриминации инвалидов, в том числе и в сфере занятости и трудоустройства, станет значительно меньше и проблема потеряет ту остроту, которую она имеет сейчас. Для Российского государства необходима последовательная социальная политика в отношении людей с инвалидностью, которая должна быть построена на общих принципах и единых социальных стандартах для всех групп граждан, проживающих на территории Российской Федерации. Здесь же встает и проблема демократии в целом, потому что «только общество, основанное на соревновании и сотрудничестве свободных людей, может быть эффективным и конкурентоспособным» [5].

Правительство не только не развивает программы по трудоустройству, но и сворачивает те небольшие гарантии для инвалидов, которые были до этого. Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» утверждены положения, которые полностью исключают весь малый бизнес из-под действия норм квотирования рабочих мест для инвалидов. В соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации субъектами малого предпринимательства считаются организации, численность сотрудников в которых не превышает 35 человек [6], а квотирование рабочих мест устанавливается в организациях, численность работников в которой превышает 100 человек.

Установление специальных антидискриминационных законодательных актов, в том числе препятствующих ущемлению прав и созданию неравных условий по сравнению с другими гражданами при трудоустройстве, будет благоприятно воздействовать на дальнейшую работу людей с инвалидностью. Необходимы

активное отслеживание прокуратурой, органами внутренних дел и общественными объединениями нарушений в этой сфере, с дальнейшим преследованием виновных в административном и уголовном порядке, развитие Правительством новых государственных программ по решению проблем именно трудоустройства инвалидов с обязательным привлечением к их реализации и разработке общественных организаций инвалидов.

Образование влияет на возможность трудоустройства и на полноценную интеграцию в общественную жизнь. Во время обучения человек приобретает социальные навыки, учится общаться с окружающими, входит в коллектив, добиваться поставленных целей. Причем значение имеет не только качество полученного образования, но и его форма, поэтому, наряду с вопросами занятости, следует уделять внимание и образованию инвалидов, которое будет способствовать их наиболее полному и плодотворному вхождению в общественное разделение труда.

Здесь следует сказать о том, что инвалиды с детства (например, с ДЦП) практически полностью лишены возможности получать образование в общеобразовательных школах, вузах. То есть большое число инвалидов с детства заранее ограничены в правах по трудоустройству ввиду их недостаточной квалификации и образования в целом [7, с. 79].

Таким образом, обеспечение трудовой занятости людей с инвалидностью на открытом рынке труда требует системного подхода. Такой подход должен предусматривать создание необходимых правовых условий и механизмов их реализации, в том числе организационных и управленческих, которые стимулируют трудоустройство и занятость инвалидов. Конечной целью совместных усилий государства, общества и бизнеса является обеспечение достойного уровня жизни людей с инвалидностью, что будет способствовать снижению нагрузки на экономически активную часть общества.

1. Киселев И.Я. *Сравнительное и международное трудовое право: учеб. для вузов.* М., 1999.

2. Денисов В.В. *Обзор законодательства других стран в сфере трудоустройства инвалидов.* URL: http://rabota.perspektiva-inva.ru/index.php?id=113&from=search&search_terms=&p=2

3. Агапов А. *Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Расширенный, с использованием материалов судебной практики [Электронный ресурс].* М., 2004. CD-ROM «КонсультантПлюс: Высшая школа». Вып. 8.

4. Котов В.С., Присецкая Н.И. *Трудоустройство людей с инвалидностью.* М, 2009.

5. *О федеральной целевой программе «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы»:* постановление Правительства РФ от 19 дек. 2005 г. № 832 // *Собр. законодательства РФ.* 2006. № 2. Ст. 199.

6. *Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. на 25 нояб. 2009 г.)* // *Рос. газ.* 2001. 31 дек.

7. Нарыков Н.В., Шевченко А.И. *Социальная адаптация и интеграция людей с ограниченными возможностями.* Краснодар, 2013.

1. Kiselev I.Ya. *Comparative and international labor law: textbook for higher education institutions.* M., 1999.

2. Denisov V.V. *The review of the legislation of other countries in the sphere of employment of disabled people.* URL: http://rabota.perspektiva-inva.ru/index.php?id=113&from=search&search_terms=&p=2

3. Agapov A. *The itemized comment to the Code of the Russian Federation about administrative offenses. Expanded, with use of materials of jurisprudence [Electronic resource].* M., 2004. CD-ROM «ConsultantPlus: The higher school». Iss. 8.

4. Kotov V.S., Prisetzkaya N.I. *Employment of people with disabilities.* M., 2009.

5. *About the federal target program «Social support of disabled people for 2006–2010»:* resolution of the Government of the Russian Federation of Dec. 19, 2005 № 832 // *Coll. of legislation of the Russian Federation.* 2006. № 2. Art. 199.

6. *The Labor code of the Russian Federation of Dec. 30, 2001 № 197-FL (as amended of Nov. 25, 2009)* // *Rus. newsp.* 2001. Dec. 31.

7. Narykov N.V., Shevchenko A.I. *Social adaptation and integration of people with limited opportunities.* Krasnodar, 2013.

Бритикова Елена Александровна

ассистент кафедры менеджмента

Кубанского государственного аграрного университета

(тел.: +79094559510)

Модернизация и глобализация: перспективы и противоречия

В статье рассматриваются социальный феномен модернизации, национальные особенности модернизационных процессов в контексте глобализма, специфика российской модернизации на современном этапе.

Ключевые слова: модернизация, глобализация, органическая модернизация, догоняющая модернизация, традиция.

E.A. Britikova, Assistant of a Chair of Management of the Kuban State Agrarian University; tel.: +79094559510.

Modernization and globalization: prospects and contradictions

Social phenomenon of modernization, national peculiarities of modernized processes in the context of globalism, specifics of russian modernization on modern stage are considered in the article.

Key words: modernization, globalization, organic modernization, overtaking modernization, tradition.

Модернизация как теоретический феномен имеет свойство изменяться. Об этом можно судить по многочисленным работам, посвященным названному явлению, написанным за последние полвека. В самом упрощенном виде модернизация означает «осовременивание». Однако подобная трактовка может приобретать различный смысл, причем как под воздействием объективных изменений, так и в силу идеологических предпочтений. Основной задачей настоящей статьи является рассмотрение наиболее известных интерпретаций модернизации с целью соотнести их с глобальным контекстом и в некотором роде с российскими условиями.

В развитии теории модернизации принято выделять несколько этапов (П. Штомпка, С.А. Ермаханова, И.В. Побережников), уложившихся в последние полстолетия. Первый этап (середина 1950-х – середина 1960-х гг.) предполагает возникновение и быстрый рост теорий модернизации. Именно тогда заявили о себе классические концепции модернизации. Второй этап (конец 1960-х гг. – 1970-е гг.) характеризуется кризисом теорий модернизации, которые подвергаются ожесточенной критике со стороны теорий зависимого развития (А. Франк) и мир-системного анализа (И. Валлерстайн). Это время, когда обозначились результаты модернизационных проектов, во многом разочаровывающие. Третий этап охватывает 80-е гг. XX в. и обозначен как посткритический, когда «обнаружили себя тенденции конвергенции школ модернизации,

зависимости и мир-системного анализа» [1, с. 219]. Наконец, о четвертом этапе (конец 1980-х – 1990-е гг.) заявляют теории неомодернизации и постмодернизации, чему дали толчок грандиозные сдвиги в странах бывшего коммунистического блока и третьего мира.

Беглый взгляд на этапы динамики модернизационной теории выявляет ее четкую привязку к объективной ситуации. Можно полагать, что, скорее, теория менялась под воздействием практических сдвигов, а не наоборот, как, по всей видимости, полагали авторы модернизационных проектов. Что касается современности, а конкретно – российского социума, то следует предположить некую виртуализацию понятия модернизации и заявляемых ею задач.

Но что представляет собой модернизация? Данное понятие не имеет четко определенного содержания, хотя ряд более или менее общих устойчивых моментов существует. Во-первых, следует отметить доминирование эволюционной методологии, которая может представляться в линейной (классические концепции модернизма) или мультилинейной перспективах. Во-вторых, нельзя не обратить внимание на проблему взаимоотношений традиции и современности, что может представляться как в дихотомичном смысле, так и в плане взаимодействия и взаимопереплетения. В-третьих, концепции модернизации держат в поле зрения западные общества либо в качестве копируемого образца (вестернизация), либо в качестве комплекса неких целевых параметров («догнать и перегнать»).

Наиболее распространенным считается понятие модернизации, согласно которому Запад выступает в роли модели, образцового примера (Ш. Эйзенштадт, В. Мур, С. Гавров). Так, отечественный исследователь модернизации С. Гавров выделяет три периода модернизации. Первый период – конец XVIII – начало XX в., когда смысл модернизации заключался преимущественно во внутреннем развитии стран Западной Европы и Северной Америки. Второй период – 20–60-е гг. XX в. – время, когда заявляет о себе догоняющая модернизация, которую практикуют страны, «не относящиеся к странам первой группы, но стремящиеся их догнать». Наконец, третий период – 70–90-е гг. XX в., когда активизируются процессы эволюционного развития наиболее модернизированных обществ (Западная Европа и Северная Америка), определяющие их переход в постиндустриальную стадию [2, с. 16–18]. Ряд известных авторов (Э. Гидденс, Ю. Хабермас, С. Амин) полагают, что процессы модернизации не могут быть завершены в принципе.

Подобный подход в основных моментах приравнивает модернизацию к процессам индустриализации и постиндустриализации. Методологической основой в данном случае выступают эволюционизм и функционализм. Закономерно, что в качестве базовых здесь указываются четыре института: конкурентная демократия, рыночная экономика, государство всеобщего благоденствия и массовая коммуникация [2, с. 19]. В то же время своеобразным микросоциальным выражением модернизации выступает «индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации». Социально-антропологическим типом здесь выступает «трудоголик», постоянно готовый к жизненной гонке [3, с. 169].

При этом механизм модернизационных изменений имеет системный характер. Сторонники подобного подхода, как указывает И.В. Побережников, предпочитали линейную модель, в рамках которой модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связанное целое факторы и атрибуты модернизации, которые должны были появляться в кластерах, а не в изоляции. Изменения, вносимые в одну из сфер деятельности, неизбежно вызывают адекватные реакции в других сферах. «Линейная модель порождала представление о модернизации как глобальном процессе, который обеспечивался как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ» [1, с. 228].

Данный подход в целом господствовал в трактовках модернизационных процессов. Он и сейчас имеет немало сторонников, чему, вполне возможно, служат, в том числе, и политические причины. Как бы то ни было, западнцентристский уклон здесь представляется очевидным, что признают и умеренные западники (П. Штомпка).

Несколько по-иному трактуется модернизация в рамках релятивистского подхода (С. Чодак, Э. Тиракьян). Здесь модернизация означает «целенаправленные попытки, осуществляемые либо большинством населения, либо элитой для того, чтобы превзойти современные стандарты. Но эти стандарты могут варьировать. “Эпицентры” модернизации не закреплены в каких-то обществах раз и навсегда, напротив, они меняются» [4, с. 174].

В условиях усиления глобализационных процессов проблема модернизации получила новое звучание – как соотносить движение к более развитому во всех отношениях социуму с закреплением ряда стран в качестве «периферии» мировой системы. Следует отметить, что понятие глобализации (как и модернизации) не имеет четко определенного содержания. Так, авторы преимущественно либерального уклона видят здесь естественный процесс единения человечества, тогда как другие склоняются к тому, что главенствуют искусственные факторы, источником которых выступают транснациональные экономические акторы [5]. Можно предположить, что предпосылки глобализма с очевидным западным доминированием сложились достаточно давно. Как тонко подмечает отечественный социальный философ Валентина Федотова, до того как западные страны заявили о себе на мировой арене, народы мира развивались в значительной мере изолированно друг от друга. Но после Великих географических открытий происходит развитие торговых коммуникаций, что связывает мир. В результате народы стали осознавать некое единство, «их очевидные различия оказались в значительной мере стертыми их общими отличиями от Запада» [3, с. 158].

Этот же исследователь считает, что Запад бросил вызов остальному миру концепцией прогресса, создав условия превращения истории человечества во всемирную. Однако на реальные рубежи прогресса всегда выходила небольшая группа стран. Другие же страны могли лишь частично пользоваться плодами этого прогресса, не будучи его активными носителями. Однако совсем не стремиться к прогрессу они не могли, поскольку это означало бы для них «прогрессирующее отставание... потерю динамизма, неизбежную деградацию».

Так что, констатирует В. Федотова, уже с XVI в. ряд стран начинают своеобразную гонку за лидером [3, с. 159].

Но как происходила и происходит подобная гонка? У всех ли стран в принципе равные шансы, или дело обстоит далеко не так? Приверженцы либерального мировоззрения склоняются к первому ответу, хотя количество отрицающих это никак не меньше. Причем здесь мы видим представителей разных школ: неомарксизма (И. Валлерстайн, Д. Харви), информационного общества (М. Делягин) и даже умеренных либералов (Д. Роткопф). По их мнению, существует зависимость стран-аутсайдеров от стран-лидеров, которая со временем становится все теснее и жестче.

Как представляется, именно в подобном ракурсе следует рассматривать теории органичной (происходящей естественным образом) и неорганичной (навязываемой искусственно элитами) модернизации, которые выступают общим местом практически для всех школ с тем или иным идеологическим уклоном. Однако либерально ориентированные исследователи (С. Гавров, Л. Гринин) склонны считать глобализирующийся мир в целом благоприятным фактором для отстающих стран «догоняющей» модернизации, явно преуменьшая объективное значение мировой экономической структуры («технологическая пирамида» М. Делягина).

Между тем уже во второй половине XIX в., т.е. задолго до появления теорий собственно модернизации, представители школы «диффузионизма» (Ф. Ратцель, Л. Фробениус, Ф. Гребнер) делали ставку на взаимодействие между более развитыми и менее развитыми обществами, что, по их мнению, выступало решающим фактором динамики тех и других [2, с. 24]. В дальнейшем подобный подход развивался в теориях «зависимого развития» (А. Франк), мир-системного анализа (И. Валлерстайн), которые доказывали, что разрыв между лидерами и аутсайдерами во многом происходит в силу обогащения первых за счет вторых [5, с. 270–293].

По-видимому, неслучайно многие авторы весьма скептически настроены по поводу активного участия в модернизации стран-реципиентов. Так, Сергей Гавров определяет для адаптивного (догоняющего) вида модернизации два подвиды – модернизация как самовестернизация и модернизация под внешней опекой. Второй вариант представляет собой национальную трансформацию «при непосредственном или опосредованном участии со стороны государства или ряда государств, относящихся к западной цивилизации модерности». Указанный автор

выделяет два возможных типа модернизации под внешней опекой – модернизация в форме частичной ответственности и модернизация в форме системной вовлеченности [2, с. 26–27].

В первом случае речь идет о преобразованиях в рамках колониальной и полуколониальной политики: одна или несколько отраслей экономики зависимой страны обслуживают интересы хозяйства метрополии, в то время как другие хозяйственные сферы не получают значимого импульса к развитию. Здесь, как правило, модернизация не формулируется в виде политической задачи (британское владычество в Индии). Подчеркнем, что С. Гавров, по-видимому, не склонен видеть тесных связей между колониальной эпохой и современным глобализмом (как это делают, например, теоретики мир-системного анализа). Это дает ему право критиковать первое и приветствовать второе.

Второй случай предполагает, что одно или несколько государств «инициируют и берут на себя полноту ответственности за модернизационные процессы на опекаемых территориях» (Германия и Япония в поствоенный период).

Валентина Федотова склонна выделять две модели модернизации – вестернизацию и догоняющую модель (хотя, по большому счету, обе эти модели имеют «догоняющий» характер). Вестернизация означает переход к современности за счет «прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ» [3, с. 172]. Этот процесс имел очень и очень неоднозначные последствия. С одной стороны, действительно, заимствованные институты могли конструктивно заработать (например, рынок). Этот автор справедливо считает, что какое-то заимствование западных образцов при модернизации является неизбежным. В то же время вестернизация обычно «не могла обеспечить ни постепенности, ни ненасильственности перемен». Ее опорой служил узкий слой компрадоров, озабоченных собственными, а не национальными интересами, а ее результатом становилось обычно не столько прививание западных институтов, сколько разрушение своих традиционных национальных. Как считает цитируемый автор, именно вестернизация после крушения старой колониальной системы создала условия для появления новых форм колониализма, органично вписанных в глобализационный процесс.

Вторая модель, выделяемая названным исследователем, предполагает также движение к индустриальному обществу, современной культуре и повышению качества жизни современных институтов. В данном случае вестернизация выступает частью процесса, а не самодовлеющим

фактором, как в первой модели. То есть здесь обнаруживается почва для релятивистского подхода.

По мнению В. Федотовой, модернизация с активным участием заимствованных образцов имеет весьма существенные издержки, что касается как модели «чистой» вестернизации, так и более мягкого «догоняющего» варианта. Она обозначает следующие его пределы.

1. Высокая вероятность потери традиционной культуры без обретения новой современной. Другими словами, общество вполне может попасть в полосу ценностно-нормативного кризиса (аномизации).

2. Создаются лишь анклав жизни современного уровня в отсталых странах – мегаполисы в периферийных странах, резко отличающиеся в социальном плане от провинции. С одной стороны, эти центры работают на модернизационный процесс, но с другой – нарушают социальный баланс, поляризуют общество.

3. Догоняющая модернизация не способна в принципе решить поставленной задачи – догнать развитые страны, т.к. темпы развития последних значительно выше, и разрыв между ними все увеличивается [3, с. 180–181].

С. Гавров также не склонен оценивать целиком позитивно фактор восприятия инокультурных инноваций. Последние вступают во взаимодействие с традицией, что ведет к изменению обоих элементов. В итоге на выходе получаются «гибридные конструкции» с невысокой эффективностью в большинстве случаев [2, с. 27].

Тем самым традиция конкретного общества выступает серьезным обстоятельством, с которым необходимо считаться разработчикам модернизации. Ее игнорирование может не только не дать позитивных результатов, но и значительно ухудшить ситуацию в обществе, отбросив его назад. Именно это происходило со многими странами третьего мира в 1960–1970-е гг., в связи с чем сам термин «модернизация» оказался на какое-то время дискредитированным.

Однако более гибкий подход к роли традиционного фактора может поменять ситуацию. Если вместо противопоставления (как в классических теориях модернизации) попытаться найти конструктивный синтез традиции и инновации, модернизационный процесс может происходить намного успешнее. Именно это произошло в Японии, частично в Китае и СССР (хотя либерально ориентированные исследователи не склонны приветствовать советский вариант модернизации по вполне понятным причинам). Как представляется, здесь заслуживает внимания вывод современного российского исследователя

С.А. Ерамахановой, которая пишет следующее: «Успех модернизации зависит, таким образом, не от интенсивности реформ или заимствований, которые порой пересаживаются на традиционную почву, еще не готовую их воспринять, а от формирования структурированного синтеза смыслов, ценностей, норм и институтов, в котором возможно конструктивное взаимодействие традиционных и современных, эндогенных и заимствуемых ценностей» [6].

Кроме того, весьма противоречивую роль в модернизации играет глобализм. В случае со странами первого мира это фактор, стимулирующий дальнейшее развитие, но в отношении стран третьего мира глобализация выступает скорее условием, ограничивающим модернизационный процесс. Как указывает И.В. Побережников, группы ТНК, будучи основными потребителями и переработчиками сырья, берут под контроль международный рынок, что крайне затрудняет возможности «молодых наций» аккумулировать капиталы для инвестирования их в развитие собственной инфраструктуры [1, с. 230–231].

В этом плане обращает на себя внимание концепция парциальной (частичной) модернизации, разработанная еще в 70-х гг. Д. Рюшмейером. Он отмечал, что переплетение модернизированных и традиционных элементов создает причудливые структуры, которые затем могут сохраняться на протяжении многих поколений. Сохранение подобных «социальных несообразностей» может быть объяснено политическими причинами. Таким образом, «частичная модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур» [1, с. 234].

С позиции подобных соображений могут быть прояснены процессы отечественной модернизации. В соответствии с периферийным статусом, занимаемым нашей страной в рамках мир-системы (И. Валлерстайн, Б. Кагарлицкий), и оседанием на четвертом-пятом уровнях технологической пирамиды (М. Делягин) становится понятным парциальный характер модернизационных изменений. Последние активно происходят в добывающих отраслях, ориентированных на экспорт, и значительно медленнее (если вообще происходят) в других сферах [7, 8]. Довольно скептические оценки делаются и в отношении социокультурной модернизации. А.С. Панарин уже в первой половине 1990-х гг. отметил, что российский вариант вестерниза-

ции имеет явный уклон в субкультуру досуга, а не труда [3, с. 177]. Для того чтобы модель отечественной модернизации приняла более

конструктивный характер, она нуждается в основательном переосмыслении и соответствующих векторах политики.

1. Побережников И.В. Теория модернизации: основные этапы эволюции // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2001. Вып. 4.

2. Гавров С.Н. Модернизация России: пост-имперский транзит. М., 2010.

3. Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005.

4. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

5. Тамбиянц Ю.Г. Общественная динамика в современных социологических теориях: учеб. пособие. Краснодар, 2011.

6. Ермаханова С.А. Теория модернизации: история и современность. URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles.

7. Кива А.В. Многоликость российской модернизации // Общественные науки и современность. 2011. № 1.

8. Шкаратан О.И. Становление постсоветского неозакратизма // Общественные науки и современность. 2009. № 1.

1. Poberezhnikov I.V. The modernization theory: the basic stages of evolution // Problems of Russian history. Ekaterinburg, 2001. Iss. 4.

2. Gavrov S.N. Modernization of Russia: the post-Imperial transit. M., 2010.

3. Fedotova V.G. Good society. M., 2005.

4. Shtompka P. Sociology of social changes. M., 1996.

5. Tambiyants Yu.G. Social dynamics in contemporary sociological theories: study aid. Krasnodar, 2011.

6. Ermakhanova S.A. The modernization theory: history and modernity. URL: www.econom.nsc.ru/ieie/SMU/conference/articles.

7. Kiva A.V. The many faces of Russian modernization // Social sciences and present. 2011. № 1.

8. Schkaratan O.I. Formation of the post-Soviet neoetokratizm // Social sciences and present. 2009. № 1.

Еременко Сергей Леонидовичсоискатель кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Влияние этнической идентичности на экономическое поведение россиян

В статье рассматриваются вопросы влияния этнического фактора на экономическое поведение россиян. Автором представлена оригинальная концепция социологического исследования экономического поведения жителей современной России в ракурсе межэтнических отношений и этнокультурного аспекта.

Ключевые слова: межэтнические отношения, этническая идентичность, экономическое поведение.

S.L. Eremenko, Competitor of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Influence of ethnic identity on economic behavior of the Russians

In the article issues of influence of an ethnic factor on economic behavior of Russians are considered. The author presents the original concept of sociological research of economic behavior of inhabitants of modern Russia in a foreshortening of the interethnic relations and ethnocultural aspect.

Key words: interethnic relations, ethnic identity, economic behavior.

В современной глобально-информационной экономике, особое место внутри которой занимает Россия, происходят процессы повышения значимости взаимодействия между представителями различных стран и этносов. Этнические процессы, как позитивные, такие как межкультурное сотрудничество и взаимодействие, так и негативные, как, например, этнические конфликты, непосредственно влияют на экономическое поведение индивидов в социуме. Так, современная российская экономика характеризуется полиэтничностью и поликультурностью, большим количеством мигрантов из стран Средней Азии и Кавказа, особенно в крупных городах, которые имеют особый менталитет и традиции, что оказывает влияние на характер экономических отношений и рыночное хозяйство. С одной стороны, наличие множества этносов в российской экономической среде формирует колоритный хозяйственный уклад, многообразие особых товаров и услуг, конкурентную борьбу и занятие мигрантами пустующих и низкооплачиваемых трудовых секторов экономики, в которых не хотят работать коренные жители. С другой стороны, происходят замещение вымирающего коренного населения большим количеством мигрантов, инициация этнических конфликтов, связанных с наличием негативных этнохозяйственных стереотипов, мифов, зависти в отношении представителей других этносов, активизация межэтнической напряженности.

Базисом экономического поведения, по нашему мнению, является экономическая культура, корреспондирующая с менталитетом нации, в результате чего формируется экономическое мышление индивидов. На основе особых характеристик российского менталитета сложился оригинальный тип российского экономического мышления, который определяется как сочетание свойств Запада и Востока. По мнению О. Елкиной, в основе российского экономического мышления лежит государственное экономическое мышление, связанное с восточными цивилизациями и несущее такие черты, как прочная включенность индивидуального сознания в структуру сознания общественного, иерархичность, зависимость от государства, нетерпимость к отклонениям от принятых норм экономического поведения, пренебрежение правом и законностью [1].

Именно недостаточный учет особенностей экономического поведения россиян, привел, на наш взгляд, к провальным последствиям рыночных преобразований в 1990-е гг. Правящие круги, осуществлявшие реформаторскую деятельность, во многом игнорировали сформировавшиеся этнические аспекты экономических взаимодействий жителей постсоветской России в процессе переходного периода развития социума. В период преобразований и до настоящего времени экономическое поведение россиян характеризовалось не только легальными практиками, но и скрытыми, криминальными фор-

мами, носящими деструктивный характер для социума. В частности, это проявляется в таких правонарушениях, как наркобизнес, проституция, рэкет, незаконное прокручивание средств в банках и т.д. [2]. В целом формирование рыночной экономики в России значительно повлияло на повышение экономической активности людей, но это сопровождалось и ростом числа проявлений девиантного поведения. По словам Б.В. Ракитского, «фактический мораторий на правопорядок, ставший необходимым сопровождением форсированного первоначального накопления, придал повышению экономической и социальной активности криминальный уклон» [3].

Отечественные исследователи разрабатывали классификацию типов и стратегий экономического поведения по различным параметрам. Так, Н.М. Токарская и И.С. Карпикова разделили все виды поведения на рыночное, псевдорыночное и дорыночное. Дорыночное поведение характеризуется получением гарантированного дохода ценой минимума трудовых затрат или минимумом дохода при минимуме трудовых затрат, псевдорыночное – максимумом дохода при минимуме трудовых затрат [4]. На наш взгляд, именно псевдорыночное поведение до сих пор характеризует многих российских субъектов экономической среды, поскольку, как показывает практика, зачастую предприниматели в России не спешат увеличивать зарплаты персоналу, улучшать инфраструктуру, выжимая все возможное из имеющихся ресурсов.

Исследуя экономическое поведение россиян в 1990-х гг. в территориальном разрезе, отечественные ученые выделили три российские зоны: «валютную», «рублевую» и «натуральную» (продуктовую) [5]. «Валютная» зона функционирует в Москве, Санкт-Петербурге и на ближайшей к ним территории и характеризуется тем, что труд оплачивается, значительная часть денежно-кредитных операций осуществляется в долларах и другой валюте. «Рублевая» зона распространяется на значительную часть России, почти все остальные города, райцентры, крупные села. Зона «натурального обмена» характерна для периферийных сельских районов, части малых аграрных городов. Специфическими стратегиями этой зоны являются натуральный обмен результатами труда, высокая занятость в ЛПХ, миграция в «рублевую» зону [6].

Таким образом, разработка теоретических концепций отечественных социологов применительно к российским реалиям позволяет сформулировать методологическую базу для эмпирических исследований экономического поведения. За последние годы проводилось немало исследований экономической актив-

ности россиян. Так, для изучения особенностей экономического поведения населения агропромышленного региона в сфере доходов и занятости в период реформ сотрудниками Центра социально-экономических исследований совместно с сотрудниками Алтайской лаборатории Института экономики и ОПП СО РАН и Алтайского госуниверситета в 2001 г. были проведены выборочный опрос населения (800 человек) и ряд экспертных опросов руководителей региональных органов управления, объединений предпринимателей, краевого совета профсоюзов, директоров крупных и средних предприятий Алтайского края (60 человек). Анализ результатов исследования показал, что к наиболее популярным экономическим действиям жителей региона в годы реформ относятся, по их мнению, интенсификация труда, поиск основных и дополнительных рабочих мест, повышение образования и уровня квалификации, требования увеличения заработной платы и регулярности ее выплат [7].

Согласно концепции Е.О. Кубякина особенности исторического развития России сформировали в массовом сознании русского народа, как правило, негативные покровительственно-пренебрежительные представления и стереотипизированное отношение к «инородцам», а в сознании нерусских этносов – образ русских как «завоевателей». По мнению исследователя, межнациональная напряженность усилилась, а стереотипы активизировались именно в процессе распада СССР. Катализатором межэтнических противоречий выступила статусная асимметрия этносов, сформировавшаяся еще в советский период истории. Она же послужила барьером на пути развития территориальной системы федеративного устройства. В России существуют факторы как благоприятного гармоничного развития межнациональных отношений, так и обострения межэтнических противоречий. Выбор пути определяется действиями федеральной власти, региональных элит, интеллигенции [8].

Все это, на наш взгляд, оказывает непосредственное влияние на экономические взаимоотношения представителей различных этносов. Экономическое и статусное неравенство этносов, доминирование определенных этносов в отдельных секторах экономики, более активное предпринимательское сознание мигрантов с Кавказа – все это служит основанием для возникновения и протекания межэтнических конфликтов по поводу перераспределения собственности и конкуренции за более благоприятные экономические условия и ресурсы между этносами в современной России.

Одной из важнейших проблем современного российского общества является создание и деятельность криминальных группировок на этнической основе. Российская криминальная статистика фиксирует рост количества и активизацию таких группировок. Так, в 2000 г. в Москве в ходе операции «Вихрь-Антитеррор» была пресечена противоправная деятельность 893 членов преступных группировок, в числе которых 161 азербайджанец, 144 чеченца, 66 таджиков, 59 ингушей. В Чите была разгромлена банда, состоящая из китайцев и корейцев. На ее счету около 80 нападений на туристов и бизнесменов из Китая [9, с. 15].

Высокая дисциплина, сплоченность, замкнутость, использование для общения родного языка и запрет доступа для чужаков – все это делает борьбу с этническими преступными группировками чрезвычайно сложным процессом. Такие группы, как правило, генерируют взаимоотношения со своими диаспорами, а также с коренными этнотерриториальными общностями. Посредством таких группировок определенные этнические группы стремятся увеличить свое экономическое и политическое влияние в России, добиваясь контроля над целыми отраслями бизнеса. Специалисты отмечают также двустороннюю связь этнических преступных группировок с террористами, угрожающими целостности Российской Федерации [10, с. 40].

Более позитивно рассматривает роль этнического многообразия в развитии российской экономики В. Тишков. С его точки зрения, для рыночной экономики полезны полиэтничность, равноправие этносов, культурное разнообразие, которое способствует развитию инновационных возможностей общества и бизнеса, потому что каждая этническая и национальная культура содержит в себе что-то, чего нет в другой культуре, и тем самым они друг друга взаимообогащают. Это способствует диверсификации экономики, освоению новых резервов роста. То, что могут привнести в бизнес русские, татары, чуваша, азербайджанцы и т.д. все вместе, не может сравниться с усилиями одной этнической группы. Если доминирует только одна этническая группа, у нее мощной экономики не будет [11].

Оригинальное исследование, посвященное этническому аспекту российской экономики, осуществили О. Бредникова и О. Паченков. Ученые провели исследование жизненных стратегий и механизмов экономических мигрантов с Кавказа и Средней Азии, проживающих в Санкт-Петербурге менее трех лет, методом участвующего исследования. Так, они отмечают, что критерий этничности не в полной мере служит фактором,

способствующим созданию социальных сетей агентами, субъективно ориентированными на этническую принадлежность субъектов своих взаимодействий. В результате данного исследования ученые пришли к выводам, которые могут быть обобщены следующим образом: 1) социальные сети мигрантов с Кавказа в Петербурге, в частности те, что носят экономический характер, организованы не по критерию этничности, т.е. они не созданы сознательно социальными агентами, субъективно ориентирующимися в своих действиях на этническую принадлежность тех, с кем они взаимодействуют (co-ethnics); 2) мигранты строят свои экономические сети на основе таких принципов, как легкость и удобство, выгодность, доверие/контроль и др., нежели на факторах, связанных с этнической принадлежностью [12].

Значимым проявлением этнического фактора в экономической сфере является этническое предпринимательство. Многие исследователи определяют существование этнического разделения труда, ведущего к закреплению отдельных направлений хозяйства за представителями тех или иных национальностей. В данном случае возможен термин «этнопрофессионализм», выражающий традиционные отношения [13, с. 90].

Базовой предпосылкой развития этнического предпринимательства служит маргинальность этнических мигрантов, общепризнанная как фактор предпринимательства вообще. Отсутствие прочных социальных связей и аскриптивных статусов вынуждает мигрантов проявлять инициативу и предприимчивость.

Этническое предпринимательство в среде мигрантов проходит следующие стадии:

1) маргинализация, характеризующаяся максимальной сплоченностью и замкнутостью мигрантов в пределах своей этнической группы, слабыми связями с внешней средой;

2) расцвет, выражающийся в стремительном развитии скрытого ранее делового потенциала, бурная экспансия в отношении наименее защищенных рыночных ниш и проникновение в престижные сферы хозяйства;

3) стабилизация, в результате которой этническое предпринимательство становится привычным элементом экономического ландшафта [14, с. 75–77].

Обычно этнические предприниматели занимают на рынке страны пребывания следующие основные ниши:

1) поставка, производство и реализация традиционных потребительских товаров для внутренних нужд диаспор;

2) поставка экзотических товаров этнического происхождения коренному населению;

3) удовлетворение местных потребностей в услугах, необходимых в условиях переселения на новое место жительства;

4) заполнение непрестижных и слабо защищенных рыночных ниш (уборка мусора и т.п.) [15, с. 85].

Таким образом, мы можем отметить, что в современной России экономическое поведение граждан характеризуется переходной моделью рыночной экономики и поступательным движением к высокому уровню развития капиталистических отношений. Значимым аспектом в данных процессах выступает и этническая идентичность. Реформы последних десятилетий породили комплекс трансформаций в социально-экономических отношениях, что требует детального анализа влияния этнических взаимоотношений на новые процессы, явления, феномены экономической сферы российского социума. Необходимо переосмысление теоретических концепций и подходов к изучению

влияния этничности на занятость, рынок труда, безработицу, потребительское поведение граждан. Инновационный характер, который все больше приобретают экономики развитых стран мира, поставил новые вызовы конкурентоспособности российской экономики. Это приводит к активному использованию в процессах обмена товарами и услугами новых технологий, как, например, интернет-магазины, интернет-банкинг, денежные переводы, осуществляемые в сети Интернет. Современная глобализирующаяся экономика приобретает все больший сетевой и информационный характер, аккумулируя в виртуальном пространстве денежные средства и основные экономические операции индивидов и организаций. Эти изменения напрямую затрагивают и Россию, хотя и не так быстро и масштабно, как в развитых странах. Следовательно, необходимо социологическое изучение влияния этнической идентичности на экономическое поведение россиян в условиях глобализации и сетевой модели товарно-денежных отношений.

1. Елкина О.С. *Сущность и особенности формирования экономического поведения* // Вестн. Омского гос. ун-та. 1999. Вып. 3.

2. Старостенко В.К. *Распределение доходов в рыночной экономике: лекция*. М., 1998.

3. Ракитский Б.В. *Социальная политика, социальная защита, самозащита трудящихся*. Ч. 2: *Социальная защита, самозащита трудящихся* // Трудовая демократия. М., 1998. Вып. 10.

4. Токарская Н.М., Карпикова И.С. *Социология труда: учеб. пособие / под ред. М.А. Винокурова*. М., 2006.

5. Римашевская Н. *Как в России копят деньги и зачем?* // Известия. 1998. 18 февр.

6. *Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина*. Новосибирск, 1999.

7. *Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ: стратегии и механизмы формирования / под ред. А.М. Сергиенко, Л.В. Родионовой*. Барнаул, 2001.

8. Кубякин Е.О. *Социально-структурные предпосылки межэтнической напряженности: дис. ... канд. социол. наук*. Новочеркасск, 2005.

9. *Импортные гости* // Милиция. 2000. № 10.

10. Гриб В., Федотов А., Ныриков С. *Чечня – Москва, далее везде?* // Милиция. 2000. № 10.

11. Тишков В. *Рыночная экономика и этническая среда* // Общество и экономика. 2005. № 12.

12. Бредникова О., Паченков О. *Этничность «этнической экономики» и социальные*

1. Elkina O.S. *Essence and features of formation of economic behavior* // Bull. of Omsk State University. 1999. Iss. 3.

2. Starostenko V.K. *Distribution of the income in market economy: lecture*. M., 1998.

3. Rakitsky B.V. *Social policy, social protection, self-defense of workers*. Pt. 2: *Social protection, self-defense of workers* // Labour democracy. M., 1998. Iss. 10.

4. Tokarskaya N.M., Karpikova I.S. *Work sociology: study aid / ed. by M.A. Vinokurov*. M., 2006.

5. Rimashevskaya N. *How in Russia save money and why?* // News. 1998. Febr. 18.

6. *Social trajectory of the reformed Russia: Researches of Novosibirsk economical and sociological school / resp. ed. T.I. Zaslavskaya, Z.I. Kalugina*. Novosibirsk, 1999.

7. *Economic behavior of the population of the agro-industrial region in the years of reforms: strategy and formation mechanisms / ed. by A.M. Sergienko, L.V. Rodionova*. Barnaul, 2001.

8. Kubyakin E.O. *Social and structural preconditions of interethnic intensity: diss. ... Master of Sociology*. Novochoerkassk, 2005.

9. *Import guests* // Militia. 2000. № 10.

10. Grib V., Fedotov A., Nyrikov S. *Chechnya – Moscow, further everywhere?* // Militia. 2000. № 10.

11. Tishkov V. *Market economy and ethnic environment* // Society and economy. 2005. № 12.

12. Brednikova O., Pachenkov O. *Ethnicity of «ethnic economy» and social networks of migrants*. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm (address date: 27.09.2013).

сети мигрантов. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik8/8r_bred.htm (дата обращения: 27.09.2013).

13. Авксентьев В.А. Феномен этнопрофессионализма и этнические процессы на Северном Кавказе // Проблемы населения и рынки труда России и Кавказского региона. М.; Ставрополь, 1998.

14. Рязанцев С.В. Этническое предпринимательство как форма адаптации мигрантов // Общественные науки и современность. 2000. № 5.

15. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Политические исследования. 1993. № 5.

13. Avksentyev V.A. *Phenomenon of ethno professionalism and ethnic processes in the North Caucasus // Problems of the population and labor markets of Russia and the Caucasian region.* M.; Stavropol, 1998.

14. Ryazantsev S.V. *Ethnic business as form of adaptation of migrants // Social sciences and present.* 2000. № 5.

15. Radayev V.V. *Ethnic business: world experience and Russia // Political researches.* 1993. № 5.

Казakov Герасим Александрович

аспирант кафедры теории и истории государства и права

Кубанского государственного университета

(тел.: +79886232222)

О влиянии глобализации и модернизации на социальное регулирование в современной России

Статья посвящена исследованию в контексте развития современной России проблем влияния глобализации и модернизации на социальное и правовое регулирование.

Ключевые слова: право, регулирование, модернизация, современная Россия.

G.A. Kazakov, Post-graduate of a Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; tel.: +79886232222.

About influence of globalization and modernization on social regulation in modern Russia

The article is devoted to learning of the issues of influence globalization and modernization on social and legal regulation in modern Russia.

Key words: law, regulation, modernization, modern Russia.

Формирование и развитие права (от его примитивных до современных развитых форм) при всех особенностях национальных систем права, по сути, представляет собой историю его все большей универсализации и унификации, историю движения ко все более глобальному праву. История общесоциальной глобализации сопровождается универсализацией (и глобализацией) самого права, прогрессирующим развитием универсальных свойств, норм, форм и процедур правового типа социальной жизни и демонстрирует как социальную необходимость, так и способность права к упорядочению первоначально по преимуществу стихийных процессов общесоциальной глобализации в рамках всеобщего (общезначимого и универсального) правопорядка. И чем более социально-исторически развито право, тем более оно универсально (глобально) [1, с.40].

Особое значение правовых аспектов глобализации, правовой регуляции отношений различных субъектов глобальных процессов современности обусловлено спецификой правового типа и правовой формы регуляции социальных отношений, внутренне присущих праву как регулятору таких свойств и характеристик, как абстрактная всеобщность (универсальность), формализованность (формальная определенность), системность, общезначимая и общеобязательная конкретизированность и определенность и т.д. [1, с. 40]. Большинство исследователей сходится в том, что антиличностная направленность была и остается одной

из самых значимых черт российской социокультурной модели, она уже не раз становилась препятствием для каких-либо изменений [2, с. 5].

К сожалению, в современных модернизирующихся обществах происходит социальная метаморфоза человека – отказ от идеалов гражданского долга, социальной ответственности, социальной солидарности, взаимопомощи. По замечанию А.С. Панарина, современный либерализм так формулирует задачу модернизации: исключить «архаику» социальной и моральной ангажированности, расчистив место для тотальной экспансии экономических отношений [3, с. 78].

Итак, что представляет собой модернизация, и каковы ее последствия для социального, в частности правового, регулирования? В литературе отмечается, что постиндустриальная модернизация означает постепенное изменение технико-технологической базы производства, в результате которого решающую роль начинает играть применение информационных и биотехнологий, имеющих ярко выраженный ресурсосберегающий и экологически чистый характер. Этот переход обеспечивает повышение интеллектуализации труда, вследствие чего наука, культура, образование и здравоохранение утрачивают свое традиционное предназначение «непроизводственной сферы» и трансформируются в самостоятельную производительную силу, ориентированную на производство не только материальных благ, но и самого человека. В обществе складывается ситуация, когда

все большее число людей получает возможность осуществлять свободный выбор формы общественных отношений, сферы профессиональной деятельности в соответствии со своими устремлениями и интересами. В новых условиях занятие предпринимательством начинает превращаться из способа увеличения материального благосостояния в средство самореализации индивида [4, с. 60]. Место экономических достижений как высшего приоритета в настоящее время в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни. В значительной части мира нормы индустриального общества с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения. Мы приближаемся также к пределам развития иерархических бюрократических организаций, способствовавших созданию современного общества [5, с. 10].

Ценности постмодерна отдают самовыражению более высокий приоритет, чем экономической эффективности: люди менее готовы принять человеческие издержки, с которыми сопряжены бюрократия и жесткие социальные нормы. Общество постмодерна характеризуется упадком иерархических институтов и жестких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия [5, с. 11].

Модернизация и глобализация оказывают существенное влияние на ценностные ориентации россиян и, соответственно, формирование социальной, в частности правовой, идеологии. В литературе отмечается, что в современных индустриальных обществах осуществляется постепенный «сдвиг» от «материалистических» ценностей (когда упор делается прежде всего на экономической и физической безопасности) к ценностям «постматериальным» (когда на первый план выдвигаются самовыражение и качество жизни) [5, с. 8]. Все перечисленное относится и к современной России.

Усиление ощущения безопасности в условиях модернизации постмодерна снижает потребность в абсолютных правилах. В состоянии сильного стресса индивиды нуждаются в твердых предсказуемых правилах. Постматериалисты олицетворяют противоположную позицию: выросшие в условиях относительной безопасности, они могут терпимо отнестись к большей неопределенности; им вряд ли требуется надежность абсолютных твердых правил [5, с. 19].

Менее решающей становится роль семьи. Если когда-то семья была ключевой экономической единицей, то в передовом индустриальном обществе трудовая жизнь индивида в основном

осуществляется вне дома. Равным образом и воспитание ныне происходит большей частью вне семьи. Кроме того, государство благосостояния забрало у семьи и взяло на себя ответственность за выживание. Выживание детей прежде зависело от того, обеспечат ли их средствами к существованию родители; а выживание престаревших родителей зависело от детей. Сегодня, хотя семейные отношения все еще важны, это уже не те отношения, в которых решается вопрос жизни и смерти; роль семьи во многом взяло на себя государство благосостояния. Новое поколение способно выживать в случаях распада семьи или даже в случаях отсутствия обоих родителей. Неполные семьи и бездетные старики в современных условиях имеют лучшие шансы на выживание, чем когда-либо прежде [5, с. 19]. Однако представляется, что это не должно вести к разрушению и размыванию такого важнейшего социального института, как семья.

Налицо также постепенный сдвиг в мотивации людей к труду: с увеличения получаемого дохода и с обеспеченности работой акцент сдвигается в сторону более настоятельного запроса на интересную и осмысленную работу [5, с. 22]. Все это требует нового осмысления проблем правового регулирования трудовых отношений.

Модернизация имеет существенный ценностный аспект. Как показал Р. Инглхарт, опираясь на данные исследования ценностей в 43 странах мира, модернизация общества обязательно предшествует модернизация ценностей [6, с. 28]. Сегодня, по справедливому мнению ряда авторов, ценностные ориентации, свойственные российскому менталитету, духовно-нравственному характеру, вытесняются несвойственными, более прагматичными и материальными [7, с. 20]. С другой стороны, ряд авторов отмечает, что вестернизация несет разрушительные социокультурные последствия, поэтому высокие западные стандарты жизни не могут быть положены в основание духовного фундамента модернизации в таких странах, как Россия [8, с. 50].

Другой социально важный процесс, связанный с модернизацией, – урбанизация, сопровождающаяся ослаблением традиционного контроля соседской общины, усилением анонимности социального контроля.

Система ценностей современного российского общества по многим признакам движется в направлении к модернистской системе. Это выражается прежде всего в возрастании ценностей развития, свободы (в национальном понимании), индивидуализма, собственности [2, с. 74].

В связи с этим в российском переходном обществе необходима активизация не стаби-

лизирующей, а инновационной функции права. Большая роль в модернизации общества принадлежит таким социальным институтам, как общественные объединения по защите прав и свобод граждан (правозащитные организации, общества по защите прав потребителей, экологические движения и т.д.). Одна из главных задач этих институтов гражданского общества состоит в трансформации склонного к патернализму общественного сознания [2, с. 109].

В современной России происходит противоборство универсалистских и самобытных теорий модернизации. Оно идет на фоне продолжающейся эрозии системы социальных мотиваций основной части населения, «культурошока», в ходе которого большинство утвердившихся ранее ценностей, концепций, норм поведения и направлений мысли неожиданно становятся устаревшими и ненужными [2, с. 7]. Для модернизирующегося российского общества проблема укрепления правовых ценностей и правосознания усугубляется слабой представленностью начал формально-правового мышления и правовых ценностей в отечественной культурной традиции. Содержание институционально-правовых реформ в России предполагает, в сущности, создание качественно иного правового пространства, характер которого, наряду с обновленным законодательством, определяется массовой ориентацией населения в своей по-

вседневной деятельности на правовые ценности демократического общества и такой же ориентацией деятельности структур государственного управления [9, с. 4].

В.С. Нерсисянц справедливо отметил универсализацию в сфере права и государства как один из важных аспектов общей глобализации в современном мире и указал, что основная задача государственно-правовой политики России в этом направлении состоит в том, чтобы понять, овладеть, рационально управлять и упорядочить (в интересах сохранения и развития всей человеческой цивилизации и ее составных частей) стихийно развертывающиеся процессы современной глобализации, в которой пока что доминируют интересы наиболее мощных в финансово-экономическом, информационном, технологическом и военном отношениях так называемых постиндустриальных стран Запада и сформировавшихся в них гигантских транснациональных корпораций [1, с. 38–39]. Определение путей такого «рационального управления» – важная задача современной российской науки и практики.

Глобализация и модернизация – реальность нашего времени. И именно потому, что мы признаем эту реальность и воспринимаем ее всерьез, мы претендуем на то, чтобы в ней звучал и наш собственный голос, чтобы ее осуществление не прошло без нашего участия.

1. Нерсисянц В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующем мире // Государство и право. 2005. № 5.

2. Манченко А.П. Социальная модернизация в современной России. М., 2000.

3. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002.

4. Рябов А. Интегративная идеология и модернизация современной России // Свободная мысль. 1992. № 15.

5. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 7.

6. Пантич Д. Конфликты ценностей в странах транзиции // Социологические исследования. 1997. № 6.

7. Меняйло Д.В. Правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003.

8. Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. 1995. № 3.

9. Пшидаток В.Е. Трансформация правосознания и правовых ценностей в условиях становления демократии и гражданского общества в современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

1. Nersesyants V.S. Universalization processes of law and state in a globalizing world // State and law. 2005. № 5.

2. Manchenko A.P. Social modernization in contemporary Russia. M., 2000.

3. Panarin A.S. Orthodox civilization in a global world. M., 2002.

4. Ryabov A. Integrative ideology and modernization of the modern Russian // Free thought. 1992. № 15.

5. Inglehart R. Postmodern: changing values and changing societies // Polis. 1997. № 7.

6. Pantich D. Conflicts of values in the countries of transition // Sociological research. 1997. № 6.

7. Menyailo D.V. Legal mentality: auth. abstr. ... Master of Law. Volgograd, 2003.

8. Zarubina N.N. An original version of the modernization // Sociological research. 1995. № 3.

9. Pshidatok V.E. Transformation of justice and legal values in terms of democracy and civil society in contemporary Russia: auth abstr. ... Master of Law. Rostov-on-Don, 2007.

Тимченко Александр Андреевич
адъюнкт кафедры философии и социологии
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583516)

Молодежь в современном российском обществе: проблемы и перспективы

Рассматриваются проблемы молодежи начала XXI в., уделяется внимание как системным социальным проблемам, связанным с функционированием молодежи в процессе преемственности и смены поколений, так и относительно новым социальным противоречиям, детерминированным развитием информационно-компьютерных технологий и Интернета.

Ключевые слова: молодежь, социология молодежи, ювенология, информационно-компьютерные технологии, Интернет.

A.A. Timchenko, Adjunct of a Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583516.

Youth in the modern Russian society: problems and prospects

The problems of youth in the early XXI century are considered, the author pays attention to the system of social problems connected with the functioning of the youth in the process of succession and the change of generations, and relatively new social contradictions determined with development of information and computer technology and Internet.

Key words: youth, sociology of youth, juvenile studies, information and computer technology, Internet.

Молодежь играет важную роль в современном обществе. Вместе с тем, в переломные моменты существования социума именно молодежь оказывается самой незащищенной категорией населения, которая находится в своеобразном ценностном и духовном вакууме [1, с. 4]. В связи с этим не случайно выглядит тот факт, что молодежь и обусловленные ее существованием в обществе проблемы оказались настолько актуальны, что еще несколько десятилетий тому назад была создана специальная наука о молодежи – ювенология.

По мнению В.А. Лукова, появление ювенологии связывается как с внешними (геополитическими, экономическими, социальными), так и внутренними (внутринаучными) факторами. Ученый отмечает: «К внешним факторам относятся сложность и динамичность современных преобразований общественной жизни, будущее которой во многом определится качеством молодого поколения, “молодежным фактором”. Основным внутринаучным фактором становления ювенологии выступает диалектика познания. Современное познание в третьем тысячелетии вновь характеризуется интеграционными процессами, возвращением к целостности представлений о мире, но уже на новой научной основе – комплексном и междисциплинарном знании» [2, с. 70–71].

Л.Я. Аверьянов убежден, что молодежь по мере развития ювенологии стала позиционироваться не как часть классовой структуры, а в качестве самостоятельной социальной группы, имеющей собственное социальное качество. Стало понятно, что возраст – не единственная характеристика, отражающая социальную сущность молодежи. В качестве ее сущностных характеристик выделяются социальные особенности, социальный статус, особая субкультура, роль и место в общественном воспроизводстве [3, с. 155].

В.А. Луков обращает внимание на существование ряда проблем, на которые должна в первую очередь обратить внимание ювенология. Первая – следует различать проблематику молодости и проблематику молодежи, хотя нередко кажется, что между этими понятиями нет существенной дистанции и речь идет об одном и том же. Действительно, молодежь выделяется из других общностей людей именно на том основании, что ее характеризует молодость, и именно это обстоятельство позволяет строить междисциплинарность молодежных исследований с внедрением в области биологии и общей и возрастной психологии. Тем не менее, предмет исследования при обращении к тематике молодости и тематике молодежи совпадает лишь частично. Молодость – свойство индивида на

определенной жизненной стадии, в каком-то смысле также и некоторого сообщества, например организации, но здесь это скорее метафора. Молодежь – совокупность людей определенного возраста и соответствующего социального статуса; выделение этой группы и отношение к ней в обществе связано с культурными традициями и актуальной ситуацией (экономической, политической, социальной и т.д.) [2].

Вторая причина – разная степень необходимости теоретического оформления молодежных исследований в различных науках. Большое значение имеет теоретическое обоснование отдельных аспектов коллективного исторического действия, связанных с молодежью (например, молодежное движение, молодежная политика). Специфически рассматривает молодежный фактор демография, там само представление о молодежи, молодежном возрасте существенно расходится с видением социологии и психологии [2].

Одним из ключевых проблемных аспектов современной социологии молодежи выступает определение понятия молодежи и уточнение ее возрастных границ. В справочной литературе указывается, что молодежь – «социально-демографическая группа, выделяемая на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитания данного общества, современные возрастные границы от 14–16 до 25–30 лет, доля в составе населения до 20%» [4].

Один из классиков отечественной социологии молодежи В.Т. Лисовский определял молодежь как «поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции; в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет» [5, с. 8].

Необходимо отметить, что в настоящее время отсутствует научное определение молодежного возраста (и функциональное, и содержательное) как особого состояния, выступающего составной частью общей системы общества, не раскрыта его субстанциональная сущность. Не определена также общая система координат для выявления главных смыслов осуществляющихся здесь процессов: психофизиологического созревания, вхождения в социум, освоения социальных норм, ролей, позиций приобретения ценностных ориентаций и социальных установок, при активном развитии самосознания, творческой само-

реализации, постоянном личностном выборе в ходе утверждения и раскрытия собственного индивидуального жизненного пути. В результате отсутствует и общее видение молодежного социокультурного пространства (как состояния и среды, определяющей реальное развитие индивида), не вычленена общая тенденция, выступающая главной в развитии молодежи как обобщенного субъекта в системе отношений в социуме [6].

Молодежь, являясь сложным, самостоятельным организмом, представляет собой неотъемлемую часть общества, выступает как особый субъект многоплановых, разнохарактерных отношений, в которых она объективно ставит задачи и цели взаимодействия со взрослыми, определяя направления совместной деятельности, развивает свой общественно значимый мир. Главной, внутренне заложенной целью молодежного возраста в целом и каждого молодого человека в частности является взросление – освоение, присвоение, реализация взрослости. Ее суть состоит «в том, что общество отстраняет работоспособных и достигших половой зрелости молодых людей от общественной ответственности, чтобы дать им возможность повысить свой собственный потенциал» [6]. При определении возрастных границ понятия «молодежь» в качестве исходных следует принять широко распространенные взгляды, что началом молодости (концом детства) является момент, когда в организме человека завершаются физиологические и психические процессы, связанные с половой зрелостью (интервал от 12 до 16 лет), а также ряд социальных обстоятельств, а концом молодости – момент, когда молодой человек полностью вступает в положение взрослого, чему также соответствует ряд условий [6].

Ю.А. Зубок выделяет ряд признаков, необходимых для операционализации молодежи как базового понятия данной отрасли социологии. В качестве меры выступает способность молодого поколения унаследовать, воспроизводить на качественно новой основе и передавать (транслировать) следующим поколениям всю систему социальных отношений, обеспечивающих внутреннюю устойчивость и целостность общества. Таким образом, функционирование и развитие молодежи как социально-демографической группы отражает становление субъекта общественного производства и общественной жизни. Соответственно нарушение, дисфункция этого процесса лежит в основании социальных проблем молодежи [7].

А.В. Петров указывает на то, что типичной характеристикой молодежи является переходность как процесс овладения статусно-ролевыми позициями, эффективно помогающими ин-

тегрироваться в жизнедеятельность общества. Содержательная сторона переходности весьма неоднородна и подчеркивает уже сложившиеся социально-дифференцирующие основы статуса молодежи в обществе [8, с. 22–23].

Ю.Р. Вишневецкий и В.Т. Шапко полагают, что усиливающаяся дифференциация молодежи актуализирует проблему выявления интегрирующих факторов, признаков ее целостности. Среди факторов социологического определения «молодежь» исследователями устойчиво выделяются:

возрастные границы и социально-психологические особенности;

специфика социального статуса, ролевых функций, социокультурного поведения;

процесс социализации как единство социальной адаптации молодежи и индивидуализации [9].

В.Т. Лисовский справедливо отмечал, что «в любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу маргинальности ее социального положения. Сегодняшние молодые россияне поставлены во вдвойне экстремальные условия: переворот в социально-экономическом укладе общества сопровождается обвальным кризисом ценностного сознания. В отличие от старшего поколения молодым терять нечего, но и приобретать нечего, т.к. старшие, живущие в капитализирующемся обществе, ничем не могут им помочь. Молодым приходится самим решать, что важнее: быстрое обогащение любыми (вплоть до криминальных) способами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей способность адаптироваться к новым условиям; отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности; безграничная свобода межличностных (межполовых) взаимоотношений или семья – как оплот успешного существования» [10].

По мнению И.М. Ильинского, проблема социального положения молодежи состоит в том, что она зависима и живет как бы «в кредит», ее самостоятельность в принятии важных решений ограничена и в то же время перед ней всегда стоит проблема выбора работы, профессии, нравственного и социального самоопределения [11, с. 108–120].

В последние годы положение молодежи также осложняется тем, что бурное развитие информационно-компьютерных технологий продуцирует состояние риска и неопределенности, что еще больше усложняет вхождение молодежи во взрослую жизнь и способствует возникновению различного рода девиаций.

М.К. Горшков и Ф.Э. Шереги отмечают: роль массовой коммуникации в социальном взрослении молодежи, в формировании ее мировоззрения неоспорима, особенно в век всеобщей информатизации. В каждом государстве массовые коммуникации являются либо конструктивным, либо деструктивным средством формирования массового сознания, ценностных ориентаций, политических и общегражданских установок молодого поколения. В последнее десятилетие в России, как и во всем мире, интенсивное развитие электронной информационной технологии внесло существенные коррективы во влияние традиционных СМИ на молодежь:

в аспекте тематического содержания характер информационного воздействия на молодежь из массового превращается в индивидуализированный;

возможности традиционных СМИ директивно определять направленность и содержание информационного потока в адрес молодежи как пассивного объекта непосредственного воздействия уступают место избирательности, при которой характер коммуникации уже во многом определяется не источником, а потребителем, т.е. объект пассивного восприятия информации трансформируется в субъект активного выбора информации, а традиционные СМИ – в агента удовлетворения информационных запросов молодежи;

степень информационной свободы нового поколения увеличивается «семимильными шагами» за счет интенсивного развития и широкого распространения электронных технологий: компьютера, Интернета, мобильного телефона, мобильных электронных носителей информации;

в результате резко уменьшается потенциал государственных институтов в формировании массового сознания, мировоззрения молодого поколения [12, с. 112–113].

Особую роль в современном обществе играет Интернет. Сейчас в Интернете публикуется самая разнообразная информация, в том числе противоречащая правовым и моральным нормам поведения. Виртуальная среда предлагает много материалов, от которых следует ограждать несовершеннолетних, чего, к сожалению, на практике не происходит. Молодежь в наибольшей степени подвержена воздействию Интернета, потому что в этой среде особенно много любителей острых ощущений, бунтарей, одиноких, любопытных, доверчивых – таковы социально-возрастные особенности молодежи. Молодежь также отличает тяга ко всему новому и вообще романтизация новизны. Именно поэтому молодежь в числе пер-

вых реагирует и начинает использовать самые разнообразные культурные и коммуникативные стимулы, такие как Интернет.

Как справедливо указывает Е.М. Куликов, «коммуникация в Интернете выглядит более конфиденциальной, анонимной и безответственной, чем в реальной жизни, как с моральной, так и с юридической точки зрения. Глобальная сеть трудно поддается социальному контролю и управлению, об этом свидетельствует наличие в открытом доступе большого числа интернет-ресурсов антисоциальной, экстремистской направленности» [13, с. 81].

Молодежь в условиях прогресса информационно-компьютерных технологий «нуждается в повышенном внимании со стороны общественности, государственных управленческих структур, так как в силу своих социально-психологических и социально-возрастных особенностей может подвергаться влиянию криминального мира. Ситуация в молодежной среде осложняется тем, что группы криминальной направленности могут привлекать молодого человека своей альтернативностью, агрессивностью жизненного стиля. На начальном этапе молодой человек увлекается «внешним», символическим, романтизированным срезом криминальной культуры, усваивает и осваивает

лингвистический аппарат, символическую составляющую, элементы художественной культуры, воспеваящие криминальный мир (определенная музыка, произведения литературы, художественные фильмы и т.д.). Однако затем, попадая под влияние данных объединений, молодые люди серьезно включаются в криминальную культуру, совершают противоправные деяния, нередко подвергаясь юридическим санкциям. В результате происходит ломка личности молодого человека, а прогрессивному развитию общества наносится значительный урон» [14, с. 86–90].

Таким образом, существование современной молодежи связано с рядом проблем, которые, в свою очередь, детерминированы маргинальным, переходным статусом молодежи, ее специфическими социально-психологическими и социокультурными признаками. В ситуации прогресса информационно-компьютерных технологий и роста социальной значимости Интернета молодежь сталкивается с еще одной группой факторов риска, угрожающих дисфункцией процессов социализации и социального развития молодежи. В случае, если дисфункциональные аспекты указанных процессов не будут преодолены, общество может столкнуться с тенденцией увеличения молодежных девиаций.

1. Кубякин Е.О. Особенности формирования и проявления экстремизма в молодежной среде. Краснодар, 2011.

2. Луков В.А. Теория молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.

3. Аверьянов Л.Я. О проблемах молодежи и не только о них // Социол. исслед. 2008. № 10.

4. Белый О.И. Определение понятия «молодежь» // Теория и практика. 2012. № 12.

5. Лисовский В.Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1968.

6. Социальные практики современной молодежи: поиск новых идентичностей: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием. Барнаул, 21–22 мая 2009 г. / отв. ред. С.Г. Максимова. Барнаул, 2009.

7. Zubok Yu.A. Phenomenon of risk in sociology: Опыт исследования молодежи. М., 2007.

8. Петров А.В. Социальные практики молодежи: учеб. пособие. Краснодар, 2005.

9. Шапко В.Т. Актуальная культура российской молодежи: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург, 1997.

10. Лисовский В.Т. Социальные изменения в молодежной среде // CREDO NEW: Теоретический журнал. 2002. № 1.

1. Kubyakin E.O. Peculiarities of formation and manifestations of extremism in the youth environment. Krasnodar, 2011.

2. Lukov V.A. Theory of youth: the way of development // Knowledge. Understanding. Ability. 2007. № 3.

3. Averyanov L.Ya. About youth problems and not only about them // Sociological researches. 2008. № 10.

4. Bely O.I. Definition of concept «youth» // Theory and practice. 2012. № 12.

5. Lisovsky V.T. Methodology and methods of studying the ideals and life plans of youth: auth. abstr. ... Master of Philosophy. L., 1968.

6. Social practices of modern youth: search of new identities: proc. of all-Russian sci.-pract. conf. with intern. participation. Barnaul, May 21–22, 2009 / resp. ed. S.G. Maximova. Barnaul, 2009.

7. Zubok Yu.A. Phenomenon of risk in sociology: experience of youth studies. M., 2007.

8. Petrov A.V. Social practices of young people: study aid. Krasnodar, 2005.

9. Shapko V.T. Current culture of Russian youth: auth. abstr. ... Dr of Sociology. Ekaterinburg, 1997.

10. Lisovsky V.T. Social changes in the youth environment // CREDO NEW: Theoretical journal. 2002. № 1.

11. Ильинский И.М. и др. Молодежь и молодежная политика. М., 2001.

12. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.

13. Куликов Е.М. Слухи в российском сегменте Интернета: социальные и социально-инженерные аспекты // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 3.

14. Куликов Е.М., Куликова Н.А. Массовая культура как фактор генезиса экстремистских установок современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2.

11. Ilyinsky I.M. and others. Youth and youth policy. M., 2001.

12. Gorshkov M.K., Sheregy F.E. Youth of Russia: sociological portrait. M., 2010.

13. Kulikov E.M. Rumors in the Russian segment of the Internet: social and social engineering aspects // Historical and social educational thought. 2011. № 3.

14. Kulikov E.M., Kulikova N.A. Mass culture as a factor in the genesis of extremist installations of modern Russian youth // Society: sociology, psychology, pedagogics. 2011. № 1–2.

Авагян Грета Леоновна

доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой финансов и кредита Краснодарского филиала
Российского государственного торгово-экономического университета
(e-mail: avaguan273@yandex.ru)

Банковские и небанковские кредитные институты в национальной финансово-кредитной системе России

В статье рассматриваются перспективные направления эволюции отечественного кредитного рынка. Раскрываются роль и значение банковского и небанковского сектора на современном этапе.

Ключевые слова: кредитные ресурсы, банковские и небанковские кредитные организации.

G.L. Avagyan, Doctor of Economics, Professor, Head of a Chair of Finance and Credit of the Krasnodar Branch of the Russian State Trade and Economic University; e-mail: avaguan273@yandex.ru.

Banking and non-banking credit organizations in the national financial and credit system of Russia

The article discusses promising directions of the evolution of the domestic credit market. The role and importance of the banking and non-banking sector at present moment are examined.

Key words: loans, bank and non-bank credit organizations.

В условиях развития глобального финансового кризиса устойчивость функционирования национальных финансовых систем экономически развитых стран в значительной степени зависит от эффективности функционирования финансово-кредитных институтов.

На российском кредитном рынке в последнее время осуществляют деятельность множество банковских и небанковских кредитных организаций. В последние десятилетия наблюдается динамичное развитие кредитных организации небанковского сектора. Сегодня в Российской Федерации осуществляют деятельность 69 небанковских кредитных организаций, что составляет 6,13% от общей доли кредитных организаций.

Из Федерального закона «О банках и банковской деятельности» следует, что небанковские кредитные организаций отличаются от банковских лишь тем, что оказывают определенные, отдельные операции. Однако одинаковые условия формирования и функционирования не позволяют небанковским кредитным организациям в достаточной мере раскрыть свой потенциал и составить конкуренцию банковским институтам на финансово-кредитном рынке. В частности, к таким условиям относятся организационная структура, требования к управленческому аппарату и, что особо хотелось бы отметить, вопросы организации, ликвидации, реорганизации.

Вопросы организации, ликвидации, реорганизации регулируются прежде всего Гражданским кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О банках и банковской деятельности», положением ЦБ РФ «О реорганизации кредитных организаций в форме слияния и присоединения» от 4 июня 2003 г. № 230-П, Инструкцией Банка России «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [1, с. 98].

Существуют и значительные отличия, влияющие на привлекательность создания данных организаций, а именно уставный капитал, а также требования к резервному капиталу. Было бы ошибочным не упомянуть о том, что небанковские кредитные организации не были лишены лицензии и при накоплении достаточного капитала были преобразованы в банки, что напоминает практику строительных обществ Великобритании.

Все вышеизложенное позволяет говорить о востребованности и объективной необходимости рассмотрения и раскрытия роли небанковских кредитных организаций в кредитных отношениях национальной экономики страны.

Недостаток кредитных средств стал детерминантом возникновения большого количества небанковских кредитных организаций, оказывающих услуги на краткосрочный период: «Быстрые деньги», «Займ за час», «Быстрые

займы», «Кредит всем» и т.д., но они не решают в полной мере вопросы кредитного обеспечения общества. Существует целый ряд недостатков у перечисленных выше организаций.

Во-первых, организации выдают кредит на короткий период времени и при больших процентных ставках, используют аннуитетную систему.

Во-вторых, данные организации, как правило, не используют стандартный пакет методов и методик оценки заемщиков, что вызывает огромное количество судебных разбирательств.

В-третьих, занята определенная ниша, не включающая долгосрочное кредитование, что является на данный период времени государственным приоритетом, целями и задачами социального развития страны.

Следовательно, возникает целый ряд теоретико-практических вопросов, а именно:

- необходимость кредитных ресурсов;
- цели кредита;
- срок предоставления кредитных ресурсов;
- источник погашения кредита;
- стоимость кредитного продукта;
- залоговое обеспечение кредита;
- способы погашения кредита;
- возможность досрочного погашения;
- механизмы перекредитования клиентов;
- условия страхования рисков.

Это не целый ряд возникающих вопросов, однако он является, на наш взгляд, основным и позволяет поставить цель научного исследования и раскрыть роль небанковских кредитных организаций в национальной экономике государства.

В настоящее время кредитные ресурсы стали неотъемлемой частью жизни общества, их необходимость возникает, на наш взгляд, в соответствии с потребностями в улучшении жизнедеятельности населения, а также с социальной средой хозяйствования.

Цели приобретения краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного кредита выдвинуты обильными возможностями удовлетворения

потребностей общества в настоящее время и возникновением обязательства в последующее время.

Однако для приобретения гражданами услуг кредитования необходимо учитывать его источник погашения, и немаловажной является его стоимость, что порождает конкуренцию и на этой основе поднимает значимость небанковских кредитных организаций.

Как было отмечено выше, залоговое обеспечение является важной составляющей предоставления кредитных услуг (что, на наш взгляд, относится к финансовому менеджменту), рассматриваемой через призму эффективной методики оценки результативности заемщиков. Учитывая качественно-количественную характеристику небанковских кредитных организаций, основанных на определенной специализации, они становятся конкурентоспособным институциональным составом.

Способы погашения и возможности досрочного погашения многими банковскими институтами осуществляются приблизительно на одинаковых условиях, однако дифференцируемые платежи банками игнорируются, и они стараются использовать аннуитетные платежи, что является политикой краткосрочного кредитования и рождает целый ряд второстепенных вопросов, являющихся особо важными в современных условиях.

Следовательно, банки и небанковские кредитные организации занимают определенные ниши на рынке размещения ресурсов (кредитования), удовлетворяя нужды потребителей посредством предоставления заемных средств на разных условиях при разнообразных комбинациях базовых принципов кредитования. Однако необходимо совершенствование финансового механизма деятельности банковских и небанковских кредитных организаций, основанное на комплексном подходе к оценке эффективности их кредитной, инвестиционной и операционной деятельности.

1. Жуков Е.Ф., Эриашвили Н.Д., Литвиненко Л.Т., Маркова О.М., Мартыненко Н.Н. Банки и небанковские кредитные организации и их операции. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

1. Zhukov E.F., Eriashvili N.D., Litvinenko L.T., Markova O.M., Martynenko N.N. Banks and non-bank credit organizations and their operations. 4th ed., rev. and add. M., 2012.

Карташов Константин Аркадьевич

преподаватель кафедры экономики, бухгалтерского учета и аудита
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: economical@rambler.ru)

Современное представление о роли и значении конкурентной стратегии предприятия

В статье рассматриваются теоретико-методические представления о сущности конкуренции и конкурентной стратегии, раскрывается роль конкурентной стратегии предприятия в современных условиях хозяйствования. Сформирован комплекс задач, способствующих эффективному развитию конкурентной стратегии организации.

Ключевые слова: стратегия, конкуренция, конкурентная стратегия, конкурентное преимущество.

K.A. Kartashov, Teacher of a Chair of Economics, Accounting and Audit of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: economical@rambler.ru

The current view of the role and significance of competitive strategy

The article deals with theoretical and methodological understanding of the essence of competition and competitive strategy, explores the role of competitive strategy in the current economic conditions. Formed a set of tasks, contributing to the efficient development of the competitive strategy of the organization.

Key words: strategy, competition, competitive strategy, competitive advantage.

В последнее время стратегическому развитию предприятий, регионов, и страны в целом уделяется огромное внимание, о чем свидетельствуют многочисленные диссертационные исследования и значительное количество принятых нормативных актов. Следовательно, данная тема весьма актуальна как для теории, так и для практики. Хотя государством осуществляются различные проекты и программы по поддержанию национальных отраслевых предприятий, проблема остается нерешенной и требует дальнейшего теоретико-методического переосмысления.

Общеизвестно, что любая организация функционирует во взаимосвязи с внешней и внутренней средой, причем в постоянно изменяющихся рыночных условиях хозяйствования, поэтому субъекты экономики формируют свои конкурентные стратегии, чтобы эффективно осуществлять свою деятельность.

Прежде чем приступить к раскрытию роли и значения конкурентной стратегии предприятия в современных условиях, необходимо всесторонне рассмотреть такое многоаспектное понятие, как стратегия предприятия.

Многие ученые, такие как Р.Л. Акофф, И. Ансофф, Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Д. Лэмпел, Дж. Моклер, рассматривают стратегию как набор правил, способов достижения поставленных целей, как план, описывающий цели организации на перспективу (будущее видение, долгосрочные цели и планы), а также поведение и взаимодействие предприятий в конкурентной среде.

Придерживаясь данной методологической позиции, А.А. Томпсон и А.Дж. Стрикленд рассматривают стратегию компании как комплексный план управления, способствующий укреплению положения предприятия на рынке и обеспечивающий координацию усилий, направленных на привлечение и удовлетворение потребителей, успешную конкуренцию и достижение глобальных целей [1, с. 32]. О.С. Виханский, А.И. Наумов определяют стратегию как долгосрочную качественную составляющую («качественное» развитие организации), включающую сферы, средства и формы деятельности предприятия, а также системы эндогенных взаимоотношений внутри предприятия и позиции организации в экзогенной среде [2, с. 185–209]. Н.Н. Тренев представляет стратегию как качественную последовательность действий и состояний, используемых для достижения целей предприятия [3, с. 27–59].

Интересно определение понятия стратегии, данное Л.И. Евенко, который рассматривает ее как четкое (конкретное) направление развития организации, основанное на динамике экзогенной среды, путем формулирования долгосрочных целей [4, с. 19–24].

Г.Б. Клейнер раскрывает содержание стратегии на основе трех подходов: 1) стратегия как способ реализации целей; 2) стратегия как элемент целевого пространства, предшествующий постановке целей и задач; 3) достаточно полный и непротиворечивый комплекс отдельных, но

взаимосвязанных стратегических решений. При этом стратегическое решение представляет собой такое решение, которое имеет кардинальный смысл для функционирования бизнеса и влечет за собой долговременные и неотвратимые последствия. Причем решения в отношении использования имеющегося потенциала относятся к тактическим, в отношении формирования потенциала – к стратегическим, в отношении формирования потенциала развития воспроизводственной базы – к суперстратегическим [5, с. 346–349].

Наибольшим содержательным значением обладают дефиниции, предложенные Л.И. Евенко и Г.Б. Клейнером. В них стратегия рассматривается как процесс разработки и реализации имеющихся или поиска перспективных ресурсов, направленных на достижение эффективного развития организации. Ценность данных определений характеризуется не только тем, что они рассматривают стратегию как способ или процесс разработки и реализации потенциальных и будущих ресурсов, но и тем, что в них подчеркивается зависимость эффективности развития от стратегического решения. Следовательно, стратегия – это непрерывный процесс, связанный с эффективным использованием имеющихся и потенциальных ресурсов, основанный на непротиворечивом комплексе отдельных, но взаимосвязанных стратегических решений, с учетом динамики внешней среды.

Подчеркнем, что заслуга Г.Б. Клейнера в данной области исследования значительна. Именно он детализировал содержание стратегии предприятия, предусмотрев выделение при этом целого ряда стратегий:

1. Товарно-рыночная стратегия (товарная и рыночная стратегия (маркетинговая стратегия, конкурентная стратегия на товарном рынке, стратегия ценообразования)).
2. Ресурсно-рыночная стратегия.
3. Технологическая стратегия.
4. Интеграционная стратегия.
5. Финансово-инвестиционная стратегия.
6. Кадровая стратегия.
7. Стратегия формирования корпоративной культуры.
8. Стратегия формирования внутренней институциональной среды и управление ее взаимодействием с внешней институциональной средой.
9. Стратегия приобретения, создания, аккумуляции и хранения знаний.
10. Стратегия управления процессами имитации поведения других компаний и собственного поведения.
11. Стратегия управления событиями.
12. Стратегия управления.

13. Стратегия реструктуризации [5, с. 354–355].

Отметим, что конкурентная стратегия предприятия не только является частью товарно-рыночной стратегии, но и используется при реализации других стратегий.

Так, Д. Аакер при определении конкурентной стратегии выделяет такие ее направления, как стратегия товарно-рыночного инвестирования, предложение потребительской ценности, активы и компетенции, функциональные стратегии и программы [6, с. 21]. Считаем, что данное определение больше относится к общей стратегии предприятия, а не к конкурентной стратегии, поскольку в него включены и финансово-инвестиционная, и ресурсно-рыночная стратегии, и стратегия управления.

Е.И. Мазилкина, Т.Г. Паничкина отождествляют конкурентную стратегию с позиционированием бизнеса, способствующим увеличению его потенциала до максимума и являющимся его основным отличием от конкурентов. Далее определяется цель конкурентной стратегии, заключающаяся в этичности отношений между конкурентами, а также достижении конкурентного преимущества на рынке, что создает тем самым среду лояльных покупателей [7, с. 100–103].

Н.А. Савельева под конкурентной стратегией понимала комплекс научно разработанных методических и управленческих решений, предусматривающих оптимальное удовлетворение потенциальных потребителей за счет завоевания лидирующих позиций на целевом рынке. Все это обеспечивается благодаря сформированным значительным конкурентным преимуществам [8, с. 69]. Конкурентная стратегия – стратегия обеспечения долгосрочных конкурентных преимуществ стратегической единицы бизнеса [8, с. 71].

На наш взгляд, наиболее детально суть конкурентной стратегии раскрывают Ш.М. Валитов и А.Р. Сафиуллин, основывающиеся на конкурентном преимуществе и конкурентоспособности предприятия в рыночных условиях хозяйствования [9, с. 29–30].

При раскрытии конкурентных преимуществ проводится комплексный экономический анализ для выявления реальных и потенциальных факторов, обеспечивающих конкурентоспособность предприятия в условиях неопределенности (в рыночных условиях, в условиях конкуренции).

В целом для формирования и развития эффективной конкурентной стратегии предприятий необходимы разработка и реализация следующих задач.

Повышение результативности формирования и поддержания конкурентных преимуществ за счет внутренних и внешних источников предприятия.

Данная задача является логическим истоком решения следующей задачи, связанной с повышением качества бюджетирования тактических и стратегических программ в области конкуренции.

В последнее время в экономических исследованиях по данной проблематике тактические и стратегические программы раскрываются сквозь призму качественно-количественной составляющей, что требует от организации повышения четкости и точности программирования, прогнозирования и планирования результатов деятельности в условиях конкурентной среды.

Решение следующей задачи эффективной конкурентной стратегии, на наш взгляд, архиважно и объективно необходимо для повышения маркетинговой стратегии.

Эта задача обуславливает решение задач по повышению, формированию потребительской ценности выпускаемой продукции и созданию интенсивной составляющей конкурентоспособности предприятия. Считаем необходимым отметить, что конкурентоспособность предприятия не тождественна конкурентоспособности продукции предприятия, как предполагают многие молодые исследователи. Эффективность разработки и реализации одного товара не является показателем результативной деятельности предприятия в целом.

Из вышеизложенного вытекает следующая задача – разработка собственной методики оценки конкурентоспособности продукции и предприятия в целом, что вполне логично при всем имеющемся многообразии сфер деятельности и теоретико-методических подходов.

При повышении результативности предприятия на основе процессов демультипликации, слияний и поглощений, а также различных вариантов сотрудничества «стратегический провидец» должен учитывать все разнообразие рыночного механизма хозяйствования.

Следующая задача связана с повышением информационной безопасности и информационной эффективности предприятия и требует высококвалифицированных специалистов и информационной осведомленности организаций (применение последних инноваций в области техники и технологии). Отметим, что в некоторых сферах деятельности применение собственной методики оценки эффективности, конкурентоспособности и результативности деятельности предприятия и является инновацией.

Последняя из рассматриваемых, но не последняя по степени значимости задача – это задача формирования и развития добросовестной конкуренции на рынке.

Все вышеперечисленные задачи могут решаться как в комплексе, так и отдельно в зависимости от специфики деятельности предприятия. Но возникает объективный вопрос, связанный с предприятиями, выпускающими уникальную продукцию, а именно: необходимо ли решение данных задач предприятиям-монополистам, ведь они единственные? Ответ на этот вопрос очевиден: любое предприятие независимо от форм собственности, сфер и отраслей в процессе своей деятельности решает определенную часть представленных задач.

1. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. *Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа*. М., 2006.
2. Виханский О.С., Наумов А.И. *Менеджмент*. М., 2006.
3. Тренев Н.Н. *Стратегическое управление*. М., 2000.
4. Евенко Л.И. *Стратегия в акционерном обществе // Журнал для акционеров*. 1996. № 7.
5. Клейнер Г.Б. *Стратегия предприятия*. М., 2008.
6. Аакер Д. *Стратегическое рыночное управление*. СПб., 2011.
7. Мазилкина Е.И., Паничкина Т.Г. *Управление конкурентоспособностью*. М., 2009.
8. Савельева Н.А. *Управление конкурентоспособностью фирмы*. Ростов н/Д, 2009.
9. Валитов Ш.М., Сафиуллин А.Р. *Управление конкурентными преимуществами при проведении промышленной политики*. М., 2010.

1. Thompson A.A., Strickland A.J. *Strategic management: concepts and situation analysis*. М., 2006.
2. Vikhansky O.S., Naumov A.I. *Management*. М., 2006.
3. Trenev N.N. *Stewardship*. М., 2000.
4. Evenko L.I. *Strategy in the company // Journal for shareholders*. 1996. № 7.
5. Kleiner G.B. *Enterprise strategy*. М., 2008.
6. Aaker D. *Strategic market management*. SPb., 2011.
7. Mazilkina E.I., Panichkina T.G. *Management of competitiveness*. М., 2009.
8. Savelieva N.A. *Management of competitiveness of the company*. Rostov-on-Don, 2009.
9. Valitov S.M., Safiullin A.R. *Manage competitive advantages in conducting industrial policy*. М., 2010.

Шмачилина-Цибенко Светлана Витальевна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры психологии и педагогики
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79181289762)

Аутентичное оценивание образовательной деятельности курсантов в условиях компетентного подхода

В статье рассмотрены различные виды аутентичного оценивания курсантов, которые в обучении на основе компетентного подхода направлены на выявление уровней сформированности компетентностей.

Ключевые слова: компетентный подход, аутентичное оценивание, рейтинговая система, педагогическое тестирование, портфолио.

S.V. Shmachilina-Tsybenko, Doctor of Pedagogics, Professor of a Chair of Psychology and Pedagogics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79181289762.

Authentic assessment of educational activities of cadets in the competence approach

The article deals with various kinds of authentic assessment of cadets which are learning on the basis of competence approach aimed at identifying the level of development of competencies.

Key words: competence-based approach, authentic assessment, rating system, teacher testing, portfolio.

Традиционная система оценки в вузе в виде зачетов и экзаменов имеет значительные недостатки, заключающиеся в том, что она отражает в основном контроль качества конечного результата образования. Кроме того, в ней присутствует большая доля субъективизма, что часто порождает конфликтные ситуации, существенно снижает мотивацию обучения, вызывает ее смещение с мотивов достижения на мотивы избегания неудач; теряется педагогический потенциал оценки и др.

В условиях компетентного подхода современная система оценки учебных достижений курсантов должна отвечать на два основных вопроса: достигаются ли поставленные субъектами образовательного процесса цели, и соответствует ли это достижение внешним требованиям (стандартам, запросам общества, работодателей и проч.). Следовательно, необходимо ориентироваться на аутентичное оценивание. Аутентичное оценивание – это вид оценивания, применяющийся в практико-ориентированном образовании и предусматривающий оценивание сформированности умений и навыков обучающихся в условиях помещения их в ситуацию, максимально приближенную к реальной жизни – повседневной или профессиональной. В обучении на основе компетентного подхода аутентичное оценивание направлено на

выявление уровней сформированности компетентностей [1, с. 153].

Так, в практике практически всех высших учебных заведений МВД достаточно широко используется педагогическое тестирование. Наиболее активно применяются тесты обученности и тесты учебных достижений, которые диагностируют прошлый опыт, результат усвоения тех или иных дисциплин или их разделов. Гораздо реже используются широко ориентированные тесты, которые направлены на оценку отдельных умений и навыков, например навыков работы с учебником, тематическими таблицами, энциклопедиями и словарями.

Существуют также тесты, направленные на оценку влияния обучения на формирование логического мышления, способности рассуждать, строить выводы на основе анализа определенного круга данных и т.д. Эти тесты в наибольшей степени приближаются по своему содержанию к тестам интеллекта и высоко коррелируют с последними [2, с. 102–104].

Без всякого сомнения, тестирование как вид аутентичного оценивания имеет и положительные, и отрицательные качества, и не все образовательные результаты педагогического процесса можно оценить средствами тестирования. Это значит, что тестирование должно обязательно сочетаться с другими формами, средствами,

методами и технологиями оценивания, среди которых отметим рейтинговую систему оценки знаний, которая рассматривается как один из способов аутентичного оценивания.

Основными принципами системы рейтинговой оценки являются:

полнота представления, которая определяется введением обязательных и дополнительных баллов для определения рейтинга (обязательными баллами оцениваются выполнение самостоятельных и курсовых работ, сдача зачетов, решение задач и т.д.; дополнительные баллы рекомендуется использовать для поощрения обучающихся при выполнении ими творческих заданий (написании рефератов, участии в олимпиадах, конференциях, решении задач повышенной сложности), также дополнительными баллами целесообразно поощрять своевременное выполнение учебных и контрольных заданий, активное участие в практических и семинарских занятиях);

открытость, которая позволяет обучающемуся быть более активным в образовательной деятельности, уменьшает субъективизм педагога при оценке, стимулирует соревновательность в учебно-воспитательном процессе, что отражает объективно существующую конкуренцию, например, на рынке труда;

прозрачность – с помощью рейтинга всегда виден «статус-кво» данного обучающегося на фоне учебной группы и легко определить, как «близко» или «далеко» в данный момент времени до итоговой оценки, на которую он рассчитывает;

простота и доступность – рейтинговая система особенно хорошо работает в высшей школе, когда учебу студенты начинают рассматривать как способ проявить себя, выделиться, обратить на себя внимание.

В отечественной педагогике этот способ аутентичного оценивания завоевывает все большую популярность. Он позволяет получить объективную динамику усвоения знаний не только в течение учебного года, но и за все время обучения, дифференцировать значимость оценок, полученных курсантами за выполнение различных видов работ, а также отразить текущей и итоговой оценкой количество вложенного труда, тем самым повысить объективность оценки.

Кроме того, рейтинговая система – это система накопительного типа, в которой индивидуальный коэффициент обучаемого (рейтинг) определяется по результатам всех видов занятий и вариантов контроля. На сегодняшний день виды рейтинговой оценки могут быть внедрены в вузах МВД целиком или использоваться в

отдельных дисциплинах, в работе отдельных преподавателей.

В условиях компетентного подхода накопительные системы оценки должны предусматривать вариативность результатов образования и способствовать проявлению индивидуально-личностных особенностей курсантов. Следовательно, современные системы оценки учебных достижений студентов должны совмещать накопительную систему оценки (направленную на оценку результата) и формативную оценку (направленную на оценку процесса). Являясь также и количественной характеристикой качества учебной деятельности в высшей школе, рейтинговая система демонстрирует индивидуальный суммарный показатель уровня учебных достижений курсанта и его отношение к процессу обучения, устанавливаемый на каждом этапе текущего, рубежного и итогового контроля знаний. Она позволяет (по сравнению с традиционной зачетной системой) воспитывать у курсантов ответственность и самостоятельность в обучении, а также тех видов деятельности, в которых они могут наиболее полно реализоваться [3, с. 78].

В рейтинговых системах российских вузов используются различные виды рейтинга: входной (стартовый), текущий, теоретический, творческий, контрольный (рубежный), синтезирующий, индивидуальный, интегральный (комплексный, итоговый), рейтинги активности, рейтинги достижений, рейтинги посещаемости и др. Все виды рейтинга заносятся в технологическую карту, маршрутную книжку рейтинга студента, рейтинговые ведомости или подлежат другому способу фиксации.

Исходным моментом построения рейтинговой системы на любом уровне является установление максимального рейтингового балла (МБР) по каждой из преподаваемых дисциплин. В некотором смысле МБР представляет собой примерную оценку важности и трудоемкости соответствующего курса [4, с. 47]. В распределении баллов, отведенных на текущий рейтинг, хорошо просматриваются специфика изучаемой дисциплины или модуля, а также основные способы овладения этой дисциплиной.

Отведенные на текущий рейтинг баллы (как правило, это 60 баллов в 100-балльной рейтинговой системе) обычно распределяются на четыре части между основными элементами рейтинга: баллы, которые студент может получить на контрольных мероприятиях рубежных срезов (контрольных точек); за участие в учебном процессе (посещение лекций, ведение конспектов, работа на семинарах); за самостоятельную ра-

боту; за рефлексию образовательного процесса. Обязательное условие эффективности рейтинговой системы – ее прозрачность, предполагающая высокую информированность участников образовательного процесса.

Разнообразные технологии и приемы оценивания достижений курсантов предлагаются зарубежными коллегами [5, с. 67]. В качестве примера остановимся на фокусированном составлении списка основных проблем и прямом перефразировании. Так, первый вид работы представляет собой «скрытое» оценивание и может проводиться как до начала изучения темы, так и после. Устанавливается временной лимит (1–2 минуты) и лимит на количество пунктов (проблем), которые курсанты должны написать. Если их много, выбираются наиболее значимые из них. Далее обсуждаются и комментируются, в зависимости от наличия времени, либо все пункты, либо наиболее значимые. Преподаватель может добавить какие-то пункты, упущенные курсантами, но важные для решения проблемы.

Иногда данный вид работы изменяется. Предлагается составить список понятий, связанных с темой или проблемой, и дать их определение или толкование. К достоинствам метода следует отнести немедленную обратную связь, обучение причинно-следственным связям, логичность, выделение главного, подготовку курсантов к «мозговому штурму». В качестве недостатков выделим то, что коллективная работа затрудняет индивидуальное оценивание и дает возможность части курсантам «отсидеться».

Как показывает опыт, достаточно эффективным является и метод прямого перефразирования, который используется для передачи своими словами лекции, главы из книги, текста. Данный вид оценивания может быть как открытым, так и скрытым, как устным, так и письменным. Цель прямого перефразирования – установить степень понимания лекции, книги, текста, т.е. получить обратную связь. По педагогическим дисциплинам особенно хорошо использовать перефразирование после серии текстов или документов по одной проблеме. При написании желательно установить временной и пространственный лимит (количество слов или страниц). Задача преподавателя заключается в том, чтобы отобрать лучшие ответы и дать студентам в качестве примера или образца. Каждая работа должна оцениваться не только с отрицательных, но и с положительных позиций. Можно предложить курсантам обменяться перефразами, добавить что-то, если это возможно. Как видим,

данный метод не только дает возможность полного, точного оценивания качества знаний каждого курсанта, но и развивает навыки реферирования и аннотирования, учит самоанализу и самооценке. К недостаткам можно отнести то, что проверка письменных работ, подготовка вопросов или проблем отнимает у преподавателя достаточно много времени.

Российские ученые-педагоги продолжают активно работать в направлении аутентичного оценивания. Заслуживает внимания использование на практике таких методов, как аналитические докладные и составление опорной схемы-коллажа по материалам лекций [5, с. 34–35].

Аналитические докладные имеют своей целью описание содержания проблемы, средств ее реализации, предполагаемых трудностей, путей решения данной проблемы. Этот прием помогает оценить способность курсанта анализировать проблемы и факты, связанные с тематикой курса. Прежде чем преподаватель предложит тему или проблему, он должен проинструктировать курсантов, как писать докладные, и показать, как с ними работать, на конкретных примерах. Обычно на подготовку докладной дается неделя, задача курсантов – описать проблему и наметить пути ее преодоления. Докладные способствуют развитию научно-исследовательских навыков, формируют критическое мышление. Однако этот вид работы можно эффективно использовать только на старших курсах.

К достоинствам коллажа как формы оценивания следует отнести то, что он не занимает много времени, учит курсантов быстро анализировать текст, а затем интегрировать его в краткое сообщение через опорную схему. Составление коллажей помогает установить и осознать связи между целым и частями, общим и единым.

Общеизвестно, что коллаж – это схематически фиксированное отображение некоторой части предметного содержания, объединенное ключевым понятием или проблемой. Существуют различные типы коллажей: «солнечная система», в центре которой «ядро» с ключевым понятием и «лучами» – дополнительной информацией; «слепое пятно», где часть информации заполнена, а часть – нет; «вспышка», где заполняется как ядро, так и лучи, и некоторые другие элементы.

Задача курсанта – изучив материалы текста, главы книги или лекции, составить коллаж по какой-то определенной преподавателем теме.

Одной из разновидностей аутентичного оценивания образовательных достижений курсантов является методика «Сундук регалий».

«Сундук» составляют сами курсанты, помещая туда все свои достижения за предшествующие годы обучения, отмеченные какими-либо документами. «Сундук» могут наполнять: документы об образовании, свидетельства об окончании курсов или прослушанных курсах; характеристики, данные преподавателями, командиром взвода; характеристика «моя уникальность»; членские удостоверения учреждений и организаций; рекомендации, благодарственные письма, грамоты, дипломы; перечисление заслуг (например, диаграмма успеваемости); образцы заслуг (например, печатные работы, рефераты, проекты и т.д.); личные замечания и другие оценки; спортивные достижения и свидетельства; успехи в огневой, тактической и специальной подготовке. Список открыт, и каждый может его дополнить по своему усмотрению.

Анализ подобных материалов позволяет преподавателю увидеть сферу интересов курсантов, дает возможность оценить свои умения и навыки. В результате такого учета индивидуальности каждого курсанта можно проследить их личные победы и неудачи в усвоении учебного материала; увидеть работу каждого курсанта и преподавателя над формированием специальных компетенций, а также совместно с командирами взводов проследить динамику изменений в сфере интересов курсантов. Все это, в свою очередь, позволит внести соответствующие коррективы в учебные программы, разрабатывать разнообразные тестовые задания, соотносить данные педагогической и психологической диагностики с результатами наблюдений, сделанных в образовательном процессе.

Одним из эффективных видов оценивания и учета образовательных достижений курсантов является портфолио. На сегодняшний день в педагогике он рассматривается по-разному (как средство, форма, метод, технология), но однозначно признается видом аутентичного оценивания.

Особенностью портфолио, по сравнению с другими видами оценивания, является то, что обучающийся выступает активным участником процесса оценивания, а само оценивание направлено на отслеживание прогресса в образовании по результатам, приложенным усилиям, материализованным продуктам учебно-познавательной деятельности. Портфолио позволяет учитывать самые разнообразные результаты образовательной активности: собственно учебные, творческие, социальные, коммуникативные и др. [6, с. 23–24].

Как вид аутентичного оценивания портфолио нацелено на выявление положительных мотивов образовательной деятельности, ин-

тереса к изучаемой дисциплине, объективно существующего уровня владения умениями и навыками, уровня сформированности умений и их совершенствования путем внесения коррекции в образовательный процесс, пробелов в образовании, трудностей усвоения, развития мыслительной деятельности, критического отношения к образовательной деятельности и т.д. Кроме этого, портфолио способствует формированию культуры мышления, логики, умений анализировать, обобщать, систематизировать, классифицировать.

Анализ зарубежной и отечественной практики позволяет выделить общие принципы, которые лежат в основе портфолио как вида аутентичного оценивания:

1) изменение целеполагания обучения и оценивания, которые становятся ориентированными на достижение результата;

2) создание особой учебной среды, которая позволяет обучающимся конструировать собственное знание, развивать способности независимого мышления и действия, формировать особенности мыследеятельностной и поведенческой сфер;

3) участие в проектной деятельности как обязательной составляющей портфолио, поскольку она предполагает умение обучаемых организовать свое время, свои мысли; глубокое проникновение в процессы познания, критики и рефлексии относительно целого спектра тем и собственной деятельности.

Важная цель портфолио – представить отчет по процессу образования курсанта, увидеть «картину» значимых образовательных результатов в целом, обеспечить отслеживание индивидуального образовательного маршрута курсанта в широком образовательном контексте, продемонстрировать его способности практически применять приобретенные знания и умения.

В педагогической практике аутентичного оценивания существует различные виды (модели) портфолио, выбор которых зависит от целевых установок: дневник достижений (портфолио достижений), дневник-отчет (учебный портфолио), дневник-самооценка, портфолио отзывов и др.

Для того чтобы показать прогресс в обучении каждого курсанта и адъюнкта, мы в своей практической деятельности используем учебный портфолио. Учебный портфолио – это спланированная заранее индивидуальная подборка достижений курсантов за семестр (курс), которая оценивается с точки зрения соответствия учебной программе и стандартам обучения, он выступает в качестве рефлексии курсантом своего развития.

Основной единицей содержания «учебного портфеля» по педагогике является самостоятельная работа курсанта. В соответствии с учебными программами курсов преподавателем разрабатываются задания для самостоятельной работы. Задания делятся на четыре типа:

воспроизводящие – работы по образцу, решение типовых задач на воспроизведение знаний и умений; эти задания способствуют накоплению опорных фактов и способов деятельности, закрепляют умения;

реконструктивные – задания, требующие соотнесения решения с другими, известными, подобными заданиями, это частично самостоятельный поиск решения; в этих заданиях сообщается общая идея решения, но надо сделать обоснованный выбор одного решения из нескольких, выполнение этого типа самостоятельных работ актуализирует усвоенные ранее знания и умения;

эвристические – задания, связанные с поиском решения в частном случае и фрагментом общего задания, в них выполняется самостоятельный выбор действий для решения в конкретной ситуации; этот тип самостоятельной работы направлен на развитие проектных умений курсанта;

творческие – работы, в которых выявляются проблемы в незнакомой ситуации и осуществляется поиск нового способа решения для конкретных условий на основе нескольких известных; выполнение курсантом заданий этого

типа демонстрирует высокий уровень самостоятельности и познавательной активности.

Компетенции курсанта, требующиеся для выполнения этих заданий, являются критериями оценивания его прогресса в освоении дисциплины «Педагогика».

Оценка же тех или иных достижений (результатов), входящих в портфолио, а также всего портфолио в целом может быть как качественной, так и количественной.

Поэтому в вузах рекомендуется использовать следующие качественные критерии оценки учебного портфолио: уровень развития логического мышления, сформированность умения решать типичные задачи, сформированность прикладных умений, степень развития коммуникативных умений, умение четко и аргументированно излагать свою мысль, грамотность в оформлении текстов и решений задач, сформированность самоконтроля и самооценки. Для количественной оценки достижений курсанта применяется балльная система оценивания. Максимальная оценка за каждую работу дифференцируется в зависимости от типа задания [6, с. 99].

Таким образом, аутентичное оценивание курсантов в условиях компетентного подхода должно отвечать принципам правомерности, беспристрастности, надежности, прозрачности, соответствия результатам и многообразия методов оценивания, что в полной мере соответствует традициям обеспечения качества в российских вузах.

1. Новикова Т.Г. Зарубежный опыт использования портфолио // Народное образование. 2005. № 9.

2. Аллаhverдиева Д.Т. Опыт применения тестов для дидактической экспертизы обучения // Высшее образование в России. 1993.

3. Сергеева Е.В. Управление качеством профессионального образования // Сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 2008.

4. Бермус А.Г. Управление качеством профессионально-педагогического образования. Ростов н/Д, 2002.

5. Компетентный подход в педагогическом образовании: коллективная монография. СПб., 2005.

6. Зарипова Е.И., Котенко Е.Н. Аутентичное оценивание. Технология портфолио: учеб.-метод. пособие. Омск, 2006.

1. Novikova T.G. Foreign experience with portfolio // Education. 2005. № 9.

2. Allakhverdieva D.T. Experience in the use of tests for didactical examination training // Higher education in Russia. 1993.

3. Sergeeva E.V. Quality management of vocational education // Coll. of sci. papers on the results of the All-Russian sci.-pract. conf. Volgograd, 2008.

4. Bermus A.G. Quality management vocational teacher education. Rostov-on-Don, 2002.

5. Competent approach in teacher education: count. monograph. SPb., 2005.

6. Zaripova E.I., Kotenko E.N. Authentic assessment. The technology portfolio: guidance manual. Omsk, 2006.

Кузнецов Алексей Игоревич

кандидат социологических наук,
начальник кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: alieksei.kuznietsov.1971@mail.ru)

Ахметов Руслан Султанович

преподаватель кафедры специальной тактики
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: akhmetova01@mail.ru)

Чернышенко Константин Юрьевич

преподаватель кафедры физической подготовки и спорта
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: romanistabox@mail.ru)

Содержательно-технологические основы разработки систем педагогического контроля физической подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России

В статье представлены результаты теоретического анализа проблемы разработки систем педагогического контроля физической подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России. Изложены современные подходы к определению комплексов тестов, а также методов оценивания достижений курсантов в ходе физической подготовки.

Ключевые слова: педагогический контроль физической подготовленности, курсанты образовательных организаций МВД России, теория тестирования состояний человека.

A.I. Kuznietsov, Master of Sociology, Head of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alieksei.kuznietsov.1971@mail.ru;

R.S. Akhmetov, Teacher of a Chair of Special Tactics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: akhmetova01@mail.ru;

K.Yu. Chernyshenko, Teacher of a Chair of Physical Training and Sports of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: romanistabox@mail.ru

Content and technological basics of systems development of pedagogical control of physical fitness of cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia

Theoretical analysis results of a problem of systems development of pedagogical control of physical fitness of cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia are presented in the article. It is explained not only modern approaches to definition of set tests, but also methods of estimation of cadets' achievements during their physical training.

Key words: pedagogical control of physical fitness, cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia, testing theory of human state.

Одним из важнейших компонентов процесса профессиональной подготовки курсантов образовательных организаций МВД России являются технологии педагогического контроля, имеющие полифункциональное предназначение, включая следующие основные целевые установки:

а) объективную оценку изменений различных качественных характеристик обучающихся,

дифференцированную в зависимости от общих и частных задач физической подготовки;

б) учет возрастных особенностей контингента, для оценки состояний которого они сформированы;

в) воздействие на мотивационную сферу занимающихся в ходе сравнительного оценивания уровня их физической подготовленности;

г) возможность целенаправленной коррекции учебно-воспитательного процесса на основе по-

лученных объективных данных об абсолютных значениях и динамике параметров различных видов физической подготовленности курсантов;

д) создание баз данных, отражающих физическое состояние значительной по величине выборки испытуемых, с целью определения нормативных показателей, характеризующих граничные значения должных норм физической подготовленности обучающихся;

е) минимизацию количества используемых тестовых процедур с максимально возможным объемом и объективностью полученной измерительной информации.

Вышеперечисленные требования определяют необходимость использования в контексте разработки технологий педагогического контроля физической подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России положений теории тестов, являющейся специализированным направлением математической статистики, предназначенным для решения задач, связанных с определением состояния человека [1; 2, с. 83–87; 3]. По своей сути она представляет собой концепцию и совокупность конкретных приемов, позволяющих осуществлять обоснованный выбор тестов и оценивать результаты их выполнения.

Под термином «тест» понимают формализованное, стандартизированное и, как правило, ограниченное во времени испытание, предназначенное для установления в практических целях индивидуальных различий по различным личностным характеристикам испытуемых, выраженных в сравниваемых единицах изменения. При этом контрольные упражнения, в основе которых лежат двигательные действия, называются моторными.

Позитивное решение вопроса разработки эффективных технологий педагогического контроля любых состояний человека обусловлено реализацией двух основных задач:

1) комплектованием батареи контрольных упражнений, адекватно отражающих уровень развития физической подготовленности курсанта, в соответствии с основными целями проводимого тестирования;

2) обоснование соответствующих процедур оценивания результатов тестирования, дифференцированных также в соответствии с поставленными задачами.

В процессе выбора тестовых заданий используется достаточное количество научно-методических подходов, к основным из которых относятся:

1) системный анализ профессиональной деятельности и, в первую очередь, служебных двигательных действий, базирующийся на методах исследования, преимущественно используемых

в биомеханике, морфологии, физиологии, медицине и других науках, обеспечивающих научно-методическую помощь в процессе многолетней физической подготовки курсантов;

2) собственный педагогический опыт ведущих специалистов, позволяющий им конструировать оригинальные тестовые задания, как правило, глубоко и системно отражающие главные особенности служебных двигательных действий;

3) применение с целью разработки технологий педагогического контроля положений математической теории тестов, предполагающих использование целого ряда статистических методов.

Результаты анализа научно-методической литературы свидетельствуют о том, что наибольшее распространение в практике получил третий подход, который, по мнению многих ученых, более рентабелен и объективен.

В самом общем плане разработку технологий педагогического контроля различных видов физической подготовленности курсантов можно представить следующим алгоритмом.

Выбор адекватного задачам учебно-воспитательного процесса комплекса тестов, отражающих уровень развития основных физических качеств на основе изучения соответствия контрольных упражнений следующим требованиям математической теории тестирования [4]:

определение информативности, надежности и эквивалентности тестовых процедур;

разработка шкал относительной оценки результатов тестирования;

выявление информативности интегральных и суммарных показателей;

расчет граничных значений показателей с целью их представления в виде нормативных требований.

Анализ многочисленных публикаций позволяет выделить следующие основные подходы к определению информативности контрольных упражнений, которая позиционируется как степень точности, с которой измеряется качество, для оценки которого предназначено упражнение [1; 5, с. 26]:

а) анализ значений коэффициентов корреляции между параметрами тестирования и показателями, информативность которых сомнений не вызывает, например: параметры качества выполнения отдельных производственных операций и содержания деятельности по избранной специальности в ходе профессиональной подготовки [6, с. 14–17; 7]; основными требованиями к критериям информативности являются:

соотносимость его структуры и содержания с существенными характеристиками контрольного упражнения или с его важнейшими характеристиками;

независимость критерия от условий внешней среды и от индивидуальных особенностей исследователя, проводящего тестирование;

высокий уровень надежности как важнейшей детерминанты объективизации процесса отбора контрольных упражнений;

б) расчет составного критерия, например суммы ранговых мест по результатам, показанным испытуемыми в нескольких контрольных упражнениях;

в) проведение факторного и дисперсионного анализа, что является свидетельством определения эмпирической (опытной) валидности контрольных упражнений;

г) определение логической информативности, особенно в тех случаях, когда применение четкого критерия информативности не представляется возможным.

Вторым важнейшим критерием отбора контрольных упражнений является их надежность, идентифицируемая как воспроизводимость результатов в ходе повторных тестирований [8, с. 15–19].

С целью определения надежности контрольных упражнений целесообразно использовать многочисленные подходы, к основным из которых относятся: выявление внутригрупповой вариации, изменение средних значений и повторное тестирование. Необходимо отметить, что эти методы применяются исходя из предположения о нормальном распределении массива экспериментальных данных.

Внутригрупповая вариация выражается соответствующими коэффициентами между результатами попыток либо стандартным отклонением средней двух попыток.

По изменению средних значений между последовательными попытками можно судить о мотивации испытуемых, степени их утомления, также существенно влияющих на уровень надежности контрольных упражнений.

Коэффициент ретестовой корреляции характеризует постоянство занимаемого испытуемым места в процессе повторных тестирований.

Надежность контрольных упражнений, как важнейший критерий возможности его использования в ходе тестирования различного половозрастного контингента испытуемых, зависит от многих факторов, в том числе:

1) индивидуальной изменчивости состояния организма испытуемых, обусловленной уровнем их физической и функциональной подготовленности, психологическим и эмоциональным состоянием, мотивацией к выполнению тестовых заданий;

2) особенностей недостаточного уровня организации тестирования, включающих не подда-

ющиеся контролю флуктуации измерительных приборов, несоблюдение правил формализации условий проведения данного процесса;

3) использование заведомо недостаточно надежных контрольных упражнений, например связанных с требованием высокой точности выполнения некоторых моторных тестов;

4) кадровой составляющей процесса тестирования, обусловленной возможной недостаточной профессиональной и методической подготовленностью педагогов.

Высокий уровень надежности контрольных упражнений характеризуется значениями коэффициентов корреляции в диапазоне 0,95–0,99; хороший – 0,90–0,94; приемлемый – 0,80–0,89; плохой – 0,79–0,70; неудовлетворительный – 0,69 и ниже.

Необходимость определения эквивалентности контрольных упражнений обусловлена следующими обстоятельствами:

требованием минимизации количества используемых тестов, особенно в ходе массовых обследований испытуемых;

целесообразностью избегания ненужного дублирования, встречающегося в ходе оценки одного и того же качества с использованием нескольких контрольных упражнений;

повышением эффективности систем педагогического контроля на основе формирования состава тренирующих процедур за счет наиболее информативных контрольных упражнений.

Основной статистической операцией при определении эквивалентности тестов является расчет коэффициентов корреляции между результатами испытуемых в контрольных упражнениях, отражающих уровень развития одной и той же качественной характеристики индивида.

Важнейшей научно-методической задачей в ходе разработки технологий педагогического контроля является обоснование подходов к оценке результатов тестирования. При этом, как правило, рассчитываются соответствующие шкалы, позволяющие сопоставить достижения в тестах, представленные в различных единицах изменения (секунды, метры, килограммы и т.д.), на основе их перевода в относительные значения, как правило, в баллы.

По основанию оценки результатов тестирования шкалы в основном классифицируются на следующие виды:

а) пропорциональные, предполагающие начисление одинакового количества баллов за равный прирост результатов;

б) прогрессирующие, предполагающие начисление большего количества баллов за более высокие результаты в контрольных упражнениях;

в) регрессирующие, способствующие начислению меньшего количества баллов за более высокие результаты тестирования.

В ряде исследований доказана эффективность перцентильных шкал, основанных на разделении всего ряда показанных занимающимися результатов на 100 диапазонов, называемых перцентильями [9; 10].

Использование любой разновидности шкал позволяет вплотную подойти к решению важной научно-методической задачи – формированию интегральных и суммарных (обобщенных) показателей, отражающих уровень развития отдельных видов физической подготовленности курсантов. Применение в практике профессиональной и физической подготовки этих укрупненных показателей целесообразно по следующим причинам [11]:

1. Их информативность существенно выше по сравнению с результатами в отдельных контрольных упражнениях.

2. В ходе сопоставительного анализа уровня подготовленности значительного количества испытуемых исследователь оперирует одним показателем, комплексно отражающим различные стороны изучаемого качества.

3. На основе расчета интегральных и суммарных показателей можно создать многоуровневую технологию оценки состояния человека. Так, например, в ходе изучения физической подготовленности возможна оценка:

по результатам в контрольных упражнениях – уровня развития отдельных мышечных групп или различных проявлений координационных способностей или подвижности в суставах;

на основе составления интегральных показателей – уровня развития основных физических качеств (силы, гибкости, выносливости, ловкости, быстроты);

путем расчета суммарного показателя – общей физической подготовленности обследуемых.

Контрольно-учетные функции технологий педагогического контроля, как правило, предполагают формирование ее нормативной составляющей. При этом для определения степени развития изучаемых качеств и свойств личности целесообразно применять метод средних значений и стандартных отклонений, позволяющий рассчитать граничные значения пяти уровней: высокого, выше среднего, среднего, ниже среднего и низкого [12].

В ряде исследований обоснован подход к выявлению значений должных норм физической подготовленности на основе следующего алгоритма [13]:

1. Расчет средних значений интегральных и суммарных показателей.

2. Определение коэффициентов соотносительности интегральных и суммарных показателей.

3. Определение произведения от умножения коэффициента соотносительности и среднегрупповой величины интегрального показателя.

4. Определение частного от деления полученной в пункте 3 величины на 100.

5. Расчет произведения от умножения полученной в пункте 4 величины на количество тестовых заданий в каждом виде физической подготовленности.

В настоящее время в практику педагогического контроля введено и активно используется понятие «мониторинг», объединяющее систему мероприятий по наблюдению, изменению, анализу, оценке и прогнозу физического состояния человека. В связи с этим целесообразно подчеркнуть некоторые характеристики данного процесса:

1. Идеологическую составляющую, сутью которой является тотальная индивидуализация процесса оценивания качеств и свойств курсантов с дифференциацией в возрастном аспекте.

2. Воспитательную составляющую, включающую несколько аспектов:

выявление причинно-следственных связей, обуславливающих углубление тенденций ухудшения состояния здоровья, снижения уровня физической и двигательной подготовленности курсантов образовательных организаций МВД России;

приобщение обучающихся к освоению и реализации правил и ценностей здорового образа жизни, а также мотивации к их распространению в кругу друзей и близких;

формирование и развитие такого важнейшего феномена и регулятора развития человеческой сущности, как физическая культура курсантов, поддерживающая общее культурологическое формирование их личности.

Таким образом, представленные научные положения позволяют определить основные направления разработки и организации процесса построения технологий педагогического контроля оценки физической подготовленности курсантов образовательных организаций МВД.

1. Зацюрский В.М. Спортивная метрология. Педагогический контроль в трениро-

1. Zatsiorsky V.M. Sports metrology. Pedagogical control in training process (foundation of the theory

вочном процессе (основы теории тестов и оценок): учеб. пособие для студентов ин-тов физкультуры. М., 1978.

2. Ланда Б.Х. Физическая подготовленность и физическое развитие обучающихся в построении системы оценки качества образования // Теория и практика физической культуры. 2008. № 7.

3. Чернышенко Ю.К. Методы отбора юных гимнасток 7–10 лет на основе оценки двигательной подготовленности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1982.

4. Смирнов Ю.И., Полевщиков М.М. Спортивная метрология: учеб. для студентов пед. вузов. М., 2000.

5. Ланда Б.Х. Тестирование в физическом воспитании // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2005. № 2.

6. Ахметов Р.С. Информативность показателей профессионально-прикладной физической культуры курсантов вузов МВД России // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2012. № 4.

7. Шафран Л.М., Псядло Э.М. Теория и практика профессионального психофизиологического отбора моряков. Одесса, 2008.

8. Бондаревский Е.Я. Надежность тестов, используемых для характеристики моторики человека // Теория и практика физической культуры. 1970. № 5.

9. Виленская Т.Е. Объективные риски процесса физического воспитания и педагогические способы их минимизации (на примере физического воспитания младших школьников): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2012.

10. Ефремова Т.Г. Формирование физической культуры студентов медицинских колледжей на основе интенсификации самостоятельной работы: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Краснодар, 2011.

11. Баландин В.А. Научно-технологические основы обновления процесса физического воспитания в начальной школе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2001.

12. Губа В.П. Измерения и вычисления в спортивной практике: учеб. пособие для вузов физической культуры / В.П. Губа [и др.]. 2-е изд. М., 2006.

13. Баландин В.А. Педагогический контроль за специальной двигательной подготовленностью гимнасток 11–14 лет: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1986.

of tests and estimates): study aid for students of physical culture institutions. М., 1978.

2. Landa B.H. Physical readiness and physical development of being trained in creation quality assessment system in education // Theory and practice of physical culture. 2008. № 7.

3. Chernyshenko Yu.K. Methods of young gymnasts selection aged 7–10 basis of an assessment of motor readiness: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. М., 1982.

4. Smirnov Yu.I., Polevshchikov M.M. Sports metrology: textbook for students of pedagogical higher education institutions. М., 2000.

5. Landa B.H. Testing in physical training // Physical culture: upbringing, education, training. 2005. № 2.

6. Akhmetov R.S. Informativeness of indicators of professional and applied physical culture of cadets of higher education institutions of the Ministry of the Interior of Russia // Physical culture, sports – science and practice. 2012. № 4.

7. Shafran L.M., Psyadlo E.M. Theory and practice of professional psychophysiological selection of seamen. Odessa, 2008.

8. Bondarevsky E.Ya. Validity of tests used for the characteristic of human being motor skills person // Theory and practice of physical culture. 1970. № 5.

9. Vilenskaya T.E. Objective risks of physical training and pedagogical ways of their minimization (by an example of physical training in primary school children): auth. abstr. ... Dr of Pedagogics. Krasnodar, 2012.

10. Efremova T.G. Formation of physical culture with students of medical colleges based on the intensification of independent work: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. Krasnodar, 2011.

11. Balandin V.A. Scientific and technological bases of physical training process updating at elementary school: auth. abstr. ... Dr of Pedagogics. Krasnodar, 2001.

12. Guba V.P. Measurements and calculations in sports practice: study aid for higher education institutions of physical culture / V.P. Guba, etc. 2nd ed. М., 2006.

13. Balandin V.A. Pedagogical control of special motor readiness of gymnasts aged 11–14: auth. abstr. ... Master of Pedagogics. М., 1986.

Курин Алексей Александрович

кандидат технических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистической техники
учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: AAKurin@mail.ru)

Дронова Ольга Борисовна

кандидат юридических наук,
начальник научно-исследовательского отдела
Волгоградской академии МВД России
(e-mail: nio-va@rambler.ru)

Особенности преподавания дисциплины «Криминалистика» при подготовке специалистов для экспертно-криминалистических подразделений МВД России

Статья посвящена актуальной теме подготовки специалистов для экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Особое внимание при подготовке экспертов-криминалистов и следователей уделяется такой системообразующей дисциплине, как криминалистика.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, компетенции, особенности преподавания.

A.A. Kurin, Master of Technics, Assistant Professor, Head of a Chair of Criminalistic Technique of the Training and Scientific Complex of Expert Criminalistic Activities of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: AAKurin@mail.ru;

O.B. Dronova, Master of Law, Head of Research Department of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: nio-va@rambler.ru

Features of teaching of discipline «Criminalistics» at training of specialists for expert and criminalistic divisions of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to actual theme of preparation of specialists for expert-criminalistic departments of the Ministry of the Interior of Russia. Attention is making to preparation of expert-criminalists and investigators as a systemic discipline such as criminalistic.

Key words: higher education, competences, features of teaching.

Подготовка грамотных и компетентных специалистов является первоочередной задачей вузов системы МВД России. Подготовка специалистов для экспертно-криминалистических подразделений МВД России имеет свою особую специфику, которая обусловлена особенностью решаемых задач. В настоящее время требования, предъявляемые к молодым специалистам, возросли многократно. Выпускник должен обладать совокупностью уже сформированных компетенций, которые позволяют решать практические задачи сразу же после окончания вуза.

Системообразующей дисциплиной при подготовке экспертов-криминалистов и следовате-

лей является дисциплина «Криминалистика». В рамках дисциплины «Криминалистика» формируются базовые знания и навыки, необходимые для последующего изучения специальных дисциплин учебного плана. Именно она создает научно-теоретический и практический фундамент для дальнейшей подготовки эксперта. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования относит дисциплину «Криминалистика» к базовой части профессионального цикла подготовки по специальности «Судебная экспертиза». В настоящее время продолжается дискуссия о том, кто и как должен преподавать данную дисциплину: самостоятельные кафедры

криминалистики или специализированные кафедры с учетом особенностей специализации.

В период становления и развития криминалистика представляла собой практическую науку, рассчитанную на практических работников следствия и полиции [1, с. 435]. Работы большинства ученых в данной области носили сугубо практический характер, однако в них содержится бесценный опыт обобщения практических результатов работы полиции XIX – начала XX в. [2]. Как учебная дисциплина, криминалистика прошла тяжелый путь становления и развития. Она имела как сторонников, так и серьезных оппонентов ее преподавания в юридических вузах [1, с. 436]. Содержание дисциплины также трансформировалось по мере накопления практического опыта и теоретических знаний, сформированных на основе закономерностей развития преступности. Все эти особенности находили отражение в работах отечественных ученых-криминалистов, таких как Г.Ю. Маннс, Е.У. Зицер, А.И. Винберг, И.Н. Якимов, В.Я. Колдин, С.И. Митричев, В.П. Колмаков, Д.П. Рассейкин, Д.Я. Мирский и др.

В последующие годы процесс построения содержательной части криминалистики как учебной дисциплины всегда был тесно связан со специализацией подготовки по направлениям будущей практической деятельности. Так, в середине 1990-х гг. в вузах системы МВД России были образованы, наряду с самостоятельными кафедрами криминалистики, специализированные кафедры криминалистического обеспечения деятельности ОВД [1, с. 439, 450]. Такая организация образовательного процесса позволила существенно повысить педагогический ресурс и создать потенциал в совершенствовании учебной дисциплины за счет интеграции знаний из смежных с криминалистикой наук.

Появление новых специальных отраслей криминалистической науки потребовало применения углубленных знаний в каждой из них. Сегодня предметом изучения криминалистики является уже готовое знание, произведенное криминалистической наукой, которая представляет собой логически организованную систему частных криминалистических теорий, а не их простую совокупность. В современных условиях подготовка специалистов проводится с позиции их теоретической грамотности, практической самостоятельности, наличия навыков эвристического решения сложных практических задач, а также навыков научной деятельности. Следовательно, образовательный процесс представляет многоаспектную работу по подготовке молодых специалистов, формирование компетенций у

которых является многоступенчатым непрерывным процессом. В этот процесс интегрированы элементы алгоритмизации криминалистической деятельности, использования современных технологий и рациональных средств достижения целей повышения эффективности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

В настоящее время вузами системы МВД России проводится подготовка специалистов для экспертно-криминалистических, следственных и оперативных подразделений, которые решают различные задачи в пределах своей компетенции. Для подготовки квалифицированных специалистов в различных отраслях юридических наук применяется отработанная годами методика, имеющая адаптивный алгоритм с учетом инноваций, создаваемых фундаментальной и прикладной наукой, а также с учетом развития техники и технологий.

Особенности подготовки специалистов различного профиля определены в содержании федеральных государственных образовательных стандартов по специальностям «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности», которые четко разграничивают следственную и экспертную специализацию. Отличия охарактеризованы через совокупность компетенций, которые должны быть сформированы при подготовке специалистов.

Применительно к подготовке экспертов преподавание криминалистики должно создавать условия для приобретения необходимых практических навыков работы с материальными следами и объектами доказывания, а также формирования системы взглядов, убеждений и принципов, обеспечивающих сознательный, инициативный и творческий подход к решению практических задач. Среди компетенций, которыми должен обладать будущий эксперт, необходимо выделить сформированные навыки применения приемов, средств и методов работы с материальными следами при производстве процессуальных действий и ОРМ для получения розыскной и доказательственной информации. Специалист должен уметь осуществлять анализ и комплексную оценку следовой информации с целью установления алгоритма действий правонарушителя и сведений о его приметах, выявлять обстоятельства, способствующие совершению преступлений, планировать и осуществлять деятельность по профилактике преступлений и правонарушений.

Для формирования изложенных выше компетенций применяются подходы, направленные на будущую практическую деятельность спе-

циалиста. Ранее, при становлении и развитии программ обучения по дисциплине «Криминалистика», создавались криминалистические лаборатории, которые играли роль экспертных учреждений. Данный опыт целесообразно использовать при подготовке экспертов в современных условиях. Такая практика дает положительные результаты как в части профессиональной ориентации, так и в части формирования профессиональных и общекультурных компетенций. Взаимодействие с практическими экспертно-криминалистическими подразделениями создает условия для совместной работы обучаемых и профессорско-преподавательского состава при решении сложных практических задач. Такая лабораторная база сегодня реализована в виде лабораторий учебно-научных комплексов экспертно-криминалистической деятельности, а также узкоспециализированных лабораторий кафедр экспертного профиля. В таких лабораториях осуществляются как исследования в рамках научно-исследовательских работ курсантов и слушателей, так и совместные работы над инновационными продуктами. Работа на базе лабораторий позволяет пробудить интерес у обучаемых к будущей профессии, научить работе в составе малых групп и творческих коллективов, получить навыки постановки и решения научных проблем, оформлять результаты своей работы в виде заявок на изобретения, а также доводить результаты научных исследований до внедрения в экспертно-криминалистическую практику.

К числу основных задач, которые способен решать специалист, прошедший подготовку по специальности «Правовое обеспечение национальной безопасности», необходимо отнести способность реализовывать мероприятия по получению юридически значимой информации, анализировать, проверять и оценивать ее, использовать в интересах предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений, обеспечения безопасности личности, общества и государства. Основное внимание в подготовке следователя должно уделяться тактическим приемам производства следственных действий, формам организации и методике раскрытия и расследования отдельных видов и групп преступлений. Безусловно, следователь должен иметь представление и обладать навыками применения технико-криминалистических средств и методов обнаружения, фиксации и изъятия следов и вещественных доказательств, исследования, оценки и использования доказательств. Однако в работе следователя отчетливо прослеживается организационная составляющая при производстве процессуаль-

ных действий и организации предварительного расследования в целом.

Выявленные в результате сравнительного анализа отличия учитываются при организации образовательного процесса подготовки специалистов соответствующего профиля. Подготовка специалистов производится с учетом специфических особенностей их будущей работы в рамках полноценных дисциплин, пусть одноименных, но построенных с учетом криминалистической специализации каждого из направлений. Важно отметить, что специализация «должна осуществляться не на последних курсах, а на протяжении всего срока обучения, начиная с момента отбора кандидатов на учебу» [1, с. 450]. В чем же проявляются особенности преподавания дисциплины «Криминалистика» для специальностей «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности»?

По нашему мнению, теоретическая подготовка как для экспертов, так и для следователей должна проводиться в объеме, достаточном для успешного развития и формирования практических навыков работы с доказательствами, а также умения ориентироваться в потоке научной и практической информации. В период обучения у курсантов складывается представление о системе криминалистики и ее элементах – частных криминалистических теориях, которые составляют научную основу криминалистики. Без четкого представления данных положений сложно прогнозировать перспективы развития криминалистики и всей системы раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, что является важным для будущего специалиста. С другой стороны, преподавание криминалистики должно быть направлено на практическую составляющую обучения, привитие необходимых навыков и умений применения комплекса криминалистических средств и методов в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Только получив весь комплекс знаний и навыков, будущий специалист становится самостоятельным в постижении науки, проверке теоретических положений в практической деятельности.

Несомненно, однобокий практицизм не принесет должного результата без полноценной теоретической подготовки. Однако делать упор только на теоретический раздел также представляется не рациональным для специалистов экспертной направленности в силу необходимости углубленной технико-криминалистической подготовки. Поэтому необходимо сохранять баланс между привитием практических навыков,

знаний, компетенций и научно-теоретической подготовкой, которая должна стать элементом формирования мировоззрения специалиста в борьбе с преступностью. Теоретическая подготовка в курсе криминалистики представляется нам многоуровневой, при этом должна проследиваться вариационность в зависимости от уровня подготовки юристов средней или высшей квалификации.

Практическая подготовка также должна отражать аспект специализации в рамках изучения каждой темы учебного курса с последующим закреплением полученных навыков в совокупности применительно к условиям, приближенным к реальным. Такие условия могут быть созданы за счет использования интерактивных форм проведения практических занятий, например в форме деловой игры или учений. В этой части преподавание дисциплины «Криминалистика» будет существенно отличаться как по объему, так и по содержанию для специальностей «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности». В настоящее время ФГОС-3 предусматривает формирование общекультурных, профессиональных и специальных профессиональных компетенций.

Сотрудники практических органов характеризуют данную ситуацию следующим образом: поскольку подготовка проводится для практической деятельности, то и обучающие курсы необходимо строить с акцентом на решение практических задач. Необходимо обучать курсантов практическому следоведению, освоению криминалистических алгоритмов, технологий и средств достижения целей, рациональных форм реализации криминалистических достижений и возможностей. Необходимо исходить из решения задачи согласованности процесса формирования криминалистических знаний, навыков и умений с потребностями, структурой, логикой и содержанием практики поиска и познания в уголовном судопроизводстве. Практическая составляющая должна включать три компонента: освоение особенностей поисково-познавательной деятельности, тактику производства отдельных следственных действий и методику расследования отдельных видов преступлений. В подготовке экспертов приоритетными являются первые два компонента.

Программа подготовки экспертов-криминалистов предусматривает углубленное изучение криминалистической техники с учетом значительного объема инновационных разработок. Будущий эксперт должен знать не только возможности современных технологий, но и видеть перспективу их дальнейшего развития,

применения при решении как типовых, так и нестандартных задач. При подготовке специалистов экспертного профиля изучение дисциплины «Криминалистика» ориентировано на технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, формирование навыков обнаружения, фиксации и изъятия следов с применением технико-криминалистических методов и средств для получения криминалистически значимой информации. Углубленные знания по данному разделу криминалистики формируют основу для самостоятельного изучения и исследования документов, трасологии и баллистики, что формирует межпредметные и междисциплинарные связи.

Изучение таких разделов криминалистики, как криминалистическая тактика и криминалистическая методика, осуществляется через призму технико-криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Криминалистическая тактика для специалиста-криминалиста необходима в объеме, достаточном для освоения тактических приемов, обеспечивающих наиболее полное и эффективное применение технико-криминалистических средств для получения максимального возможного объема доказательственной информации, обнаружения и изъятия различных следовых групп.

Криминалистическая методика изучается курсантами факультета экспертов-криминалистов с позиции комплексного подхода к использованию информации о событии преступления и ее обработке с применением технико-криминалистических средств и методов, это обеспечивает высокую эффективность расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, что кардинально отличается от методики подготовки следователей и оперативных работников.

Общая теоретическая подготовка следователей направлена на формирование представления о пределах возможностей криминалистической техники, потенциал которой непрерывно наращивается за счет достижений научно-технического прогресса. При этом у обучаемых (в соответствии с ФГОС-3) закладываются компетенции, которые связаны с выработкой навыков использования современных возможностей криминалистической техники в повседневной практике. Однако основное внимание при подготовке следователей сосредоточено на криминалистической тактике и криминалистической методике и на получении юридически значимой информации. Для следователей изучение криминалистической техники предусмотрено в небольших объемах в рамках организации

следственных действий и определения круга специалистов, которых необходимо привлечь.

Проведенный анализ показывает наличие существенных содержательных различий в программе подготовки будущих экспертов и следователей. Преподавание дисциплины без специализации приведет к шаблонности и обезличенности дисциплины, что позволит в лучшем случае сформировать общекультурные компетенции без освоения специфики будущей профессии.

Матрица компетенций, которая разрабатывается индивидуально для каждой специальности, предусматривает последовательность приобретения знаний и умений, их практического применения на основе поэтапного прохождения дисциплин, в рамках которых идет непрерывное формирование профессиональных компетенций. Процесс создания учебной программы заключается в ее проектировании, составлении логических связей в системе обучения, создании новых курсов, которые будут содержать современные подходы как в преподавании, так и при решении практических задач.

Выделение из этого процесса дисциплины «Криминалистика», преподаваемой самостоятельной кафедрой криминалистики, неизбежно приведет к утрате части необходимых знаний, которые впоследствии придется восполнять на последних курсах обучения в рамках дисциплины «Участие специалиста в процессуальных действиях», что противоречит общей концепции непрерывности формирования компетенций и профилизации обучения.

В 2011 г. на базе Волгоградской академии был создан учебно-научный комплекс экспертно-криминалистической деятельности, в который вошла и кафедра криминалистической техники. Целью создания комплекса является организация и координация учебной, учебно-методической, научно-исследовательской работы кафедр экспертного профиля в целях подготовки будущих специалистов на высоком теоретическом, методическом и научном уровне. В ходе реализации поставленных задач осуществляется тесное взаимодействие по разработке и корректировке учебных планов, определению оптимальной последовательности прохождения дисциплин и содержания учебных курсов. В частности, при обсуждении рабочей программы по рассматриваемой дисциплине руководство комплекса поддержало точку зрения кафедры криминалистической техники о приоритетных тематиках изучаемого курса.

Особенности подготовки экспертов-криминалистов по курсу дисциплины с учетом крими-

налистической специализации и с акцентом на изучение раздела криминалистической техники оправдывают саму потребность их участия в расследовании преступлений в качестве специалистов и экспертов, что уже подразумевает узкую направленность, которая базируется на качественных преимуществах и в объеме знаний в области криминалистической техники. В противном случае участие такого субъекта в расследовании будет лишь соблюдением процессуальной формы, которая не допускает совмещения следователем его функций с функциями специалиста или эксперта. Помимо всего, следователь не в состоянии квалифицированно осуществлять деятельность по обнаружению, фиксации, изъятию и предварительному исследованию доказательств. Именно это обстоятельство является одной из причин неполноты и несвоевременности предоставления криминалистически значимой, важной для раскрытия и расследования преступлений информации. Указанное обстоятельство является причиной низкой эффективности работы системы криминалистической регистрации.

Опыт преподавания дисциплины «Криминалистика» на специализированной кафедре криминалистической техники Волгоградской академии МВД России накапливался десятилетиями, а у истоков ее создания стояли Ю.И. Краснобаев, П.П. Ищенко и многие другие известные криминалисты. Как нам представляется, оценка результативности работы может быть дана только по результатам практической деятельности. Ежегодно руководством кафедры проводится анкетирование руководителей экспертно-криминалистических подразделений и выпускников академии на предмет удовлетворенности качеством подготовки. Результаты анкетирования подлежат систематизации и сравнительному анализу. Расхождение результатов анкетирования не превышает 5% по профессиональным компетенциям и 10% по общекультурным компетенциям, что говорит об их объективности. Согласно отзывам руководителей экспертных подразделений ГУ МВД России по Волгоградской области и других субъектов Российской Федерации уровень подготовки оценивается как «выше среднего» и «высокий», что свидетельствует о правильности направлений подготовки молодых специалистов.

С учетом вышеизложенного подготовка высококвалифицированных компетентных специалистов в современных условиях, на наш взгляд, должна строиться на следующих принципах:

историческая и методическая преемственность;
практическая направленность обучения;

формирование профессиональных компетенций, развитие навыков нестандартного зрительского мышления в сложных практических ситуациях;

опережающее образование с учетом требований, предъявляемых заказчиком;

проектная (научно-исследовательская) составляющая при решении практических задач.

Образовательная система, призванная сформировать новую личность с широкими способностями и эффективной поведенческой моделью, должна подготовить будущего профессионала, способного грамотно ориентироваться в условиях постоянного многократного прироста информации и рационально ее использовать для решения возникающих задач и непрерывного самообразования. Поэтому подходы, которые используются нами при подготовке будущих экспертов, направлены на модернизацию и адаптацию образовательной модели к современным условиям. Модернизация становится обязательным компонентом современной системы образования, а ее реализация возможна только при условии надлежащего ресурсного обеспечения. Основу ресурсного обеспечения составляют высококвалифицированные кадры, обладающие специальными знаниями в области науки, техники, искусства, ремесла, а также практическим опытом экспертной рабо-

ты, достаточным объемом и глубиной знаний. Второй составляющей является надлежащее материально-техническое обеспечение образовательного процесса, включающее в себя современные образцы криминалистической техники. Последняя составляющая очень важна именно при подготовке экспертов.

Таким образом, ставить знак равенства между методиками преподавания дисциплины «Криминалистика» для подготовки по специальностям «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности» преждевременно и некорректно, поскольку различными являются подходы к формированию профессионального мышления и профессиональных компетенций, несмотря на общие научные основы самой дисциплины.

Преподавание дисциплины самостоятельными кафедрами, по нашему убеждению, создает условия для монополизации и снижения потенциала в направлении творческого развития криминалистики как учебной дисциплины и как науки. Современный подход к преподаванию дисциплины с учетом специфики профессионального ориентирования является наиболее рациональным, поскольку создает условия для дальнейшего взаимного методического обогащения дисциплины, преподаваемой для специальностей «Судебная экспертиза» и «Правовое обеспечение национальной безопасности».

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1997.

2. Гросс Г. Руководство к расследованию преступлений / Издательство Народного комиссариата внутренних дел РСФСР. М., 1930.

1. Belkin R.S. Cours of criminalistic: in 3 vol. Vol. 3: Criminalistic meanings, methods and recommendations. M., 1997.

2. Gross G. Leadership to investigation of crimes / Edition of National commissariat of the internal affairs of RSFSR. M., 1930.

Таран Александр Николаевич

преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612583934)

Бойков Александр Алексеевич

старший преподаватель кафедры деятельности ОВД в особых условиях
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +79184742349)

Психофизиологические особенности огневой подготовки курсантов в учебных заведениях МВД России

В статье представлен материал, содержащий сведения о психофизиологических особенностях огневой подготовки курсантов учебных заведений МВД России, психологической подготовке и совершенствовании методик обучения стрельбе. Рассматриваются теоретические концепции психофизиологического аспекта в процессе обучения огневой подготовке.

Ключевые слова: психофизиологические особенности, огневая подготовка, психологическая подготовка, методики обучения стрельбе.

A.N. Taran, Teacher of a Chair of Activity of Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612583934;

A.A. Boykov, Senior Teacher of a Chair of Activity of Department of Internal Affairs in Special Conditions of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +79184742349.

Psychophysiological features of firing training of cadets in educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia

In the article the material containing data about psychophysiological features of fire preparation of cadets of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia, psychological preparation and perfection of techniques of shooting training is presented.

Key words: psychophysiological features, fire preparation, psychological preparation, techniques of shooting training.

Важнейшим фактором успешной подготовки стрелка, на наш взгляд, является психофизиологическая подготовка, цель которой – формирование у стрелка такого психического состояния, которое будет способствовать достижению поставленной цели, т.е. способности переводить непроизвольные эмоциональные реакции в экстремальных ситуациях в сознательные, регулируемые; оказать помощь стрелку в овладении приемами самоуправления (аутогенной тренировки), самооценки своего состояния, переключения и отвлечения внимания, осмысления обстоятельств, вызвавших стрессовое состояние, самоконтроля за экспрессией и установления спокойного ритма дыхания.

Психофизиологическая подготовка дает возможность стрелку вырабатывать способность четко осознавать отдельные элементы техники

стрельбы, успешно анализировать возникающие при этом мышечно-двигательные, зрительные и другие ощущения, восприятие, внимание и быстроту реакции. Данный вид подготовки способствует приведению в готовность всего психофизического аппарата стрелка, приводит в оптимальное состояние функции нервных структур, ответственных за реализацию навыка стрельбы.

Особую значимость в процессе обучения огневой подготовке курсантов приобретает психофизиологический фактор стрельбы. «Традиционные формы и методы практических занятий по огневой подготовке не в полной мере способствуют развитию творческой личности, прикладного мышления, умения интегрировать знания в различных сферах профессиональной подготовки, так как в основном направлены на освоение правильных действий с оружием и техники меткого выстрела» [1, с. 3].

Недостаточный уровень владения огнестрельным оружием подтверждают данные исследования, проведенного кафедрой тактико-специальной подготовки Воронежского института МВД России, в ходе которого в соответствии с планом-заданием были проанализированы случаи применения и использования огнестрельного оружия сотрудниками ГУВД по Воронежской области за 2007 г. Исходным материалом при проведении исследования являлись рапорта сотрудников, применявших или использовавших оружие, заключения служебных проверок по фактам применения и использования оружия, а также беседы с сотрудниками, использовавшими табельное оружие на законных основаниях в различных ситуациях несения службы. В процессе сбора информации авторами исследования принимались во внимание случаи использования табельного оружия для обезвреживания опасных животных, угрожающих жизни и здоровью граждан или сотрудников. Описанные случаи представляют интерес, т.к. стрельба производилась после физических или психологических нагрузок и при непосредственном нападении животных (собак) на сотрудников полиции при выполнении ими своих функциональных обязанностей.

В результате исследования выявлено следующее:

обработано случаев применения и использования оружия – 41, в том числе использование ПМ – 37 случаев, использование автомата АКСУ-74 – 4 случая;

стрельба в 100% (41 случай) производилась в вечернее и ночное время суток, в условиях ограниченного времени и плохой видимости;

в 25% (10 случаев) стрельба производилась из движущегося автомобиля.

Всего в рассмотренных случаях произведено 182 выстрела:

ПМ – 149 выстрела, из них 46 – предупредительных, 102 – по цели (13 попаданий), 1 – непроизвольный;

АКСУ-74 – 33 выстрела, из них 4 – предупредительных, 29 – по цели (1 попадание).

Рассматривая и анализируя случаи использования оружия сотрудниками полиции различных подразделений, авторы отмечают ряд особенностей ведения огня:

огонь в большинстве случаев велся на дальность от 5 до 15 м, с одной руки, сидя;

режим огня – скоростная стрельба по движущейся цели.

Вместе с тем, необходимо отметить следующие недостатки в применении оружия:

низкий уровень обученности личного состава ведению стрельбы в темное время суток;

недостаточные навыки ведения скоростной стрельбы по движущимся целям;

психологическая неспособность сотрудников использовать оружие на законных основаниях.

Таким образом, состояние огневой выучки и психологической устойчивости, когда 90% выстрелов не достигает цели, вряд ли можно считать удовлетворительным для практики ОВД [2].

С нашей точки зрения, выявление недостаточной готовности сотрудников полиции к ситуациям, требующим высокого уровня применения огнестрельного оружия, связано с проблемами морально-психологической устойчивости в процессе огневой подготовки. Именно поэтому учебный процесс должен быть направлен на повышение внимания к психофизиологическим аспектам стрельбы обучаемых курсантов.

С точки зрения Е.И. Мещеряковой и М.А. Сибирко, к важнейшим психофизиологическим особенностям огневой подготовки курсантов, следует отнести:

1) существенное нервно-психическое напряжение, связанное с ожиданием возникновения критической ситуации, когда необходимо применить оружие, в котором появляются, а подчас становятся доминирующими отрицательные эмоции (страх, тревога, сомнение, неуверенность, постоянное ожидание нападения со стороны правонарушителей и др.);

2) необходимость действовать в условиях навязанного темпа, а также дефицита времени, когда исход поединка решается в доли секунды при активном сопротивлении правонарушителей;

3) необходимость сохранять постоянную и высокую степень готовности к действиям при неожиданном изменении оперативной обстановки, которая предъявляет особенно высокие требования к устойчивости и интенсивности внимания сотрудника ОВД;

4) потребность в своеобразном «раздвоении» мышления сотрудника ОВД, когда он должен проявить способность прогнозировать развитие обстановки противоборства, т.к. необходимо одновременно прогнозировать минимум два действия: свои и правонарушителей, свои и других сотрудников ОВД;

5) чувство ответственности за жизнь сотрудников ОВД, осуществляющих противодействие правонарушителям в условиях чрезвычайной ситуации террористического характера, а также всех тех, кто находится в месте проведения операции [3].

По мнению Н.Ю. Митюриной и Н.В. Бобкова, обучение стрельбе из пистолета связано не столько с физическими, сколько с психическими процессами (мышечной и двигательной

памятью, вниманием, мышлением, волей), а их развитие, происходящее в ходе тренировочных стрельб, благоприятным образом сказывается на всех сторонах подготовленности сотрудников, способствуя выполнению ими служебных обязанностей. Процесс формирования профессионализма сотрудника ОВД во многом определяется воспитательной направленностью, при этом происходит формирование сотрудника, обладающего профессиональной и морально-психологической готовностью к эффективному решению профессиональных задач, в том числе в экстремальных условиях [4, с. 19–22].

Таким образом, анализируя теоретические концепции психофизиологических особенностей огневой подготовки обучаемых, можно сделать вывод о том, что общим аспектом в них является определение значимости. С нашей точки зрения, достаточно подготовленным к действиям в экстремальных ситуациях может быть признан сотрудник, получивший необходимый уровень психологических и правовых знаний, умеющий их применять на практике, в экстремальных ситуациях, в условиях непосредственного контакта с лицами, способными оказать сопротивление, при угрозе или подавлении террористических действий и проявлений. Немаловажной является степень готовности сотрудника полиции к концентрации физических, психических и волевых способностей человека.

Одна из важнейших задач преподавателя – сформировать у обучающегося курсанта потребность в самовоспитании воли, необходимой для успешного преодоления трудностей в процессе обучения огневой подготовке. Будущий сотрудник должен уметь успешно оценивать ситуацию, осознавать содержание своих действий, понимать и чувствовать волевое состояние, направленное на решение возникшей проблемы. Академик И.М. Сеченов указывал: «Всякое волевое действие есть действие разученное. Ни один человек не может волевым образом выполнить действие, если он не знает, как его надо выполнять» [5].

С точки зрения В.Ф. Кобилецкого, подготовка сотрудника ОВД к применению и использованию огнестрельного оружия (огневая подготовка) состоит из двух частей: технической и психологической. В свою очередь, психологическая подготовка подразделяется на правовое обучение и непосредственное психологическое воздействие на обучаемого. Техническая часть огневой подготовки призвана привить устойчивые навыки гарантированного поражения цели в ограниченное время. Правовая подготовка определяет способность быстрой оценки ре-

альной обстановки и принятия решения на правомерность применения или неприменения оружия. Человек способен выстрелить в другого человека только в двух случаях: когда он панически опасается за свою жизнь либо уверен в правомерности своих действий [6].

По мнению М.А. Сибирко, формирование морально-психологической устойчивости курсантов на занятиях по огневой подготовке должно базироваться на дидактических принципах, подробно рассмотренных в научных и учебных трудах по военной и ведомственной педагогике и психологии. Одним из важнейших принципов обучения должен стать принцип «учить тому, что необходимо в условиях оперативно-служебной деятельности». Важное значение этого принципа определяется чрезвычайным ростом опасности для жизни сотрудников полиции, который наблюдается в связи с увеличением количества случаев применения преступниками огнестрельного оружия, существенным повышением психических, эмоциональных нагрузок в процессе выполнения сотрудниками полиции служебного долга.

М.А. Сибирко определяет четыре основные методические направления для организации занятий с курсантами по огневой подготовке:

1) формирование необходимых знаний и умений обращения с табельным огнестрельным оружием;

2) формирование устойчивых навыков применения табельного оружия в стандартных условиях стрельбы в тире;

3) формирование навыков стрельбы из табельного оружия в условиях применения различных по силе и характеру воздействия сбивающих факторов, моделирующих отдельные составные части условий экстремальной деятельности;

4) формирование навыков стрельбы из табельного оружия в условиях, максимально приближенных к условиям реальной служебной деятельности в экстремальных условиях противостояния с преступником [4, с. 19–22].

С нашей точки зрения, концепция морально-психологической устойчивости в момент экстремальной ситуации, в которую нередко попадают сотрудники полиции в процессе выполнения своих служебных обязанностей, приобретает особую значимость в связи с тем, что в этот момент требуется колоссальное напряжение психических и физических ресурсов организма. Непосредственный контакт с подозреваемым, преступником, террористом зачастую сопровождается угрозой жизни и здоровью, поэтому полицейскому необходимо умение быстро ори-

ентироваться в нужный момент с подключением возможностей моторики организма и успешным использованием огнестрельного оружия. Особенно важна морально-психологическая устойчивость при прохождении службы в «горячих точках», при выполнении служебного долга в контртеррористических операциях.

Как отмечает Л.М. Вайнштейн, уверенность в своих силах и возможностях появляется подсознательно, с ростом результатов и достижений, а также с приобретением устойчивых навыков в выполнении приемов стрельбы и доведения до автоматизма всех действий с оружием. Лучший тренажер – это само оружие. С ростом результатов у стрелка появится уверенность в своих возможностях и возникнет глубокий интерес к освоению тонкостей стрелковой науки, что, в свою очередь, снова даст рост результатов и дополнительную уверенность в своих силах. Если стрелок не уверен в себе, то вряд ли от него можно ожидать хороших результатов, а тем более точности в реальном бою. В армии есть закон: командующий, еще до начала сражения думающий, чем он будет объяснять свое поражение, не может быть командующим [7].

Проведению занятий должны предшествовать объяснение преподавателя и установка, на каких моментах стрелку необходимо сосредоточиться в ходе выполнения какого-то упражнения или действия. Иными словами, произвести внушение стрелку путем сильного впечатляющего словесного или эмоционального воздействия, создать словесным внушением состояние боевого воодушевления, уверенности и решительности. В процессе занятия преподаватель должен постоянно подбадривать и воодушевлять стрелка на проявление повышенных волевых усилий, помогая преодолевать стоящие перед ним трудности. Известно, что одним из доступных методов совершенствования своего организма служит идеомоторная (аутогенная) тренировка. Цель аутогенной тренировки состоит в том, чтобы научить спортсменов произвольной регуляции мышечного тонуса, совершенствованию отдельных элементов техники с целью повышения способности к саморегуляции, с помощью которой можно регулировать свое психическое состояние. В таких случаях используется ряд приемов, с помощью которых стрелок сам воздействует на себя, – самоубеждение, самоободрение, самоприказ, самоуспокоение и др. [8].

Для психологической подготовки стрелков необходимо использовать такие средства, как:

стрельба, выполняемая по заданию (определенное количество выстрелов на результат);

стрельба, которая производится на фоне физической нагрузки (бега, приседаний, сгибания-разгибания рук в упоре лежа и т.д.);

осознание правил идеомоторной, аутогенной тренировок;

мотивация, поощрение в ходе учебно-тренировочных занятий;

контрольная стрельба;

моделирование экстремальных ситуаций, характерных для деятельности стрелка (ответственные соревнования, шумовые, звуковые, световые эффекты и т.д.);

глубокие вдохи и медленные выдохи для снятия психологического напряжения, волнения на огневом рубеже, мысленное повторение техники производства выстрелов или ее отдельных элементов (изготовки, хвата, прицеливания, дыхания, обработки спуска).

Таким образом, проанализировав различные психофизиологические особенности огневой подготовки, можно сделать следующие выводы: высокая степень морально-психологической устойчивости, сформированная у курсантов в период обучения в образовательном учреждении МВД России, создает гарантии для умелого и эффективного применения огнестрельного оружия в необходимых и оправданных ситуациях. Достигнутая в процессе изучения дисциплины «Огневая подготовка» готовность к применению огнестрельного оружия, основанная на сформированной системе знаний по материальной части оружия, мерам безопасности при обращении с ним, приемам и правилам стрельбы из различных видов оружия, умений обращения с различными видами огнестрельного оружия, а также навыков стрельбы из основных видов оружия, состоящего на вооружении в ОВД, может быть должным образом реализована только в том случае, если сотрудник обладает достаточно высоким уровнем морально-психологической устойчивости в стрессовых ситуациях, требующих применения огнестрельного оружия. Высокая степень развития психологической подготовленности у работников полиции обеспечивает их более адекватное поведение и действия, создает предпосылки для задержания и обезвреживания преступников, особенно это важно в процессе выполнения служебных заданий в ходе контртеррористических операций.

В процессе занятий по боевой подготовке (тактической, огневой, физической) важно создавать такие ситуации, которые способствовали бы формированию у обучаемых курсантов смелости, решительности и уверенности в своих силах.

1. Белоусова Е.А. и др. Психолого-педагогическое проектирование комплексных занятий по огневой подготовке с курсантами образовательных учреждений МВД России. М., 2008.

2. Самороковский А.Ф., Горлов В.В. Аналитический обзор по теме «Основы личной безопасности сотрудников ОВД при выполнении служебных обязанностей по охране общественного порядка». Воронеж, 2008.

3. Мещерякова Е.И., Сибирко М.А. Огневая подготовка как условие формирования морально-психологической устойчивости // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 1(44).

4. Митюрин Н.Ю., Бобков Н.В. Формирование психологической готовности сотрудников ОВД к применению и использованию огнестрельного оружия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4.

5. Психологическая типология: хрестоматия / сост. К.В. Сельчонок. Минск; М., 2002.

6. Кобилецкий В.Ф. Методика огневой подготовки. М., 1985.

7. Вайнштейн Л.М. Оружие-пистолет: учеб.-метод. пособие по стрельбе из пистолета. М., 2002.

8. Вайнштейн Л.М. Стрелок и тренер. М., 1977.

1. Belousova E.A., etc. Psychology and pedagogical planning of complex class in fire preparation with cadets of educational institutions of the Ministry of the Interior of Russia. M., 2008.

2. Samorokovskiy A.F., Gorlov V.V. Analytical review on a subject «Bases of personal security of staff of law-enforcement bodies in performing official duties on protection of a public order». Voronezh, 2008.

3. Mescheryakova E.I., Sibirko M.A. Fire preparation as condition of forming of moral and psychological stability // Psychopedagogics in law-enforcement bodies. 2011. № 1(44).

4. Mityurina N.Yu., Bobkov N.V. Forming of psychological readiness of staff of law-enforcement bodies to practice and use of firearms // Psychopedagogics in law-enforcement bodies. 2008. № 4.

5. Psychological typology: reader / comp. by K.V. Selchonok. Minsk; M., 2002.

6. Kobiletskiy V.F. Technique of fire preparation. M., 1985.

7. Weinstein L.M. Weapon-gun: guidance manual on pistol shooting. M., 2002.

8. Weinstein L.M. Shooter and coach. M., 1977.

Михайлина Ольга Анатольевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: mixoa-70@yandex.ru)

Роль глаголов в коммуникативной организации текста

В статье затрагиваются вопросы коммуникативного строения текста через анализ его лексико-семантических и прагматических полевых структур.

Ключевые слова: текст, глагол, модальность, коммуникативная стратегия, валентность.

O.A. Mikhaylina, Master of Philology, Assistant Professor of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: mixoa-70@yandex.ru

Verbs in the text communicative structure

This article deals with the issues of text communicative structure through lexical-semantic and pragmatic field analysis.

Key words: text, verb, modality, communication strategy, valence.

В современной исследовательской парадигме текст рассматривается как одно из ключевых понятий, которое отражает общие процессы и тенденции коммуникативно-речевой деятельности человека. Коммуникативная функция языка тесно сопряжена с его ролью как средства выражения мысли. Текст, являясь единицей общения (сообщением), состоит из высказываний разного типа, объединенных сложными формально-содержательными отношениями. Одной из основных характеристик лингвистики связанного текста является ориентация на линейность, постепенно развертывающуюся в сущность текста.

А.Г. Баранов [1, с. 32–33] делит текстовую деятельность по степени подготовленности на спонтанную (межличностное общение) и подготовленную (письменные тексты). По степени алгоритмизации – на фиксированную (протоколы, формуляры, приказ об истребовании дела (*certiorari*)); полуфиксированную (ряд рутинных актов межличностного общения); нефиксированную, в которой варьирование охватывает не только соотношение действительности с фреймом, но и все стадии порождения текста. У социализированного индивида фрейм-сценарии текстовой деятельности формируются в виде стереотипных стратегий коммуникации и должны включаться в описание этой деятельности. Основная задача автора – обеспечить реципиенту наиболее благоприятные условия понимания текста, т.е. стремиться к «согласованию» частично рассогласованных когнитивных систем.

Поскольку текст рассматривается как единица общения, то возникает необходимость подойти к лингвистике текста с позиции теории коммуникативного акта. В каждом коммуникативном акте выделяется две фазы: первичная коммуникативная деятельность и вторичная коммуникативная деятельность. На первичном этапе говорящий/слушающий осуществляет актуализацию когнитивной функции языка в полном объеме через информирование и именование, при этом одновременно частично реализуется коммуникативная функция через установление контакта со слушающим/читающим и его информирование. Нам втором этапе слушающий/читающий реализует когнитивную функцию через интерпретацию и усвоение информации, это способствует актуализации коммуникативной функции также в полном объеме.

Используя методы дискурс-анализа и информационно-смыслового анализа, рассмотрим фиксированный вид текстовой деятельности *certiorari* – приказ об истребовании дела (из производства нижестоящего суда в вышестоящий суд). Поскольку любой социальный институт, в частности институт судопроизводства, представляет собой определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в типичных ситуациях, то следует вести речь о стандартизированных моделях речевого поведения при исполнении тех или иных социальных ролей [2, с. 235]. Дискурс судопроизводства, как мы полагаем, обладает набором системообразующих признаков: цель общения, участники об-

щения, способ общения, который представлен в основном институциональными формами [3, с. 33]. Прагмалингвистическая модель приказа об истребовании дела вырисовывается в виде определенной цели: найти истину в трудноразрешимом вопросе государственной важности. Примечательно, что истребование дела составляется группой авторов и представляет собой плод коллективного труда. Цель определяет стратегию порождения текста в ряду уже порожденных текстов. После выбора стратегии происходит перемещение в когнитивный базис, в котором хранится информация в виде фреймов, которые описывают возможные реализации будущего текста, предлагая имеющийся в наличии запас знаний о соответствующей предметной области. Коммуникативная стратегия учитывает объективные и субъективные факторы и условия, в которых протекает акт коммуникации и которые, в свою очередь, обуславливают и использование определенных языковых средств [4, с. 56]. Далее осуществляется контекстуализация предикативных единиц посредством определенных стратегий. Для нас представляют интерес глаголы, поскольку они называют признаки субъекта и объекта, отношения между ними и несут прообраз будущего несамостоятельного предложения (clause) [5, с. 450]. Например, *The United States filed a civil complaint in the United States District Court for the District of Columbia alleging that Microsoft corporation has engaged in an anticompetitive course of conduct in violation of sections 1 and 2 of the Sherman Act, 15 U.S.C. 1,2.* В этой фразе семантика глагола «to file» приводит к возникновению ряда связей, включающих в свой состав элементы близких с ним слов по наглядной ситуации, по прежнему опыту: участников действия (*The United States, the United States District Court, Microsoft*), место действия (*the District of Columbia*), объект действия и его характеристики (*a civil complaint*). Предикация (обозначение и категоризация) выступает как базовая смыслообразующая структура и составляет пропозициональное (субъект-предикатное) ядро предложения, вокруг которого формируется смысл высказывания [6, с. 69].

В дискурсе судопроизводства стороны рассматривают ситуацию во временной локализации: по отношению к настоящему, прошлому и будущему. В информационно-смысловой структуре текста, представленной фактуальным и модальным комплексами [1; 7], выделяется функционально-прагматическое поле времени. Это поле формируется соответствующими грамматическими формами глаголов: *if this court concludes, Microsoft is opposed to, the expediting*

act authorizes, the court held that Microsoft had violated, Microsoft has engaged in, is invoked under, it challenges the, которые конкретизируют действие по аспектам одновременности, предшествования и последовательности действий.

Цель – «найти истину» – предполагает состязание (агональность) разных точек зрения или идей, которые имеют противоположные взгляды на проблему. Агональность представлена стремлением участников завладеть коммуникативной инициативой [3, с. 44]. Поскольку нами рассматривается формализованный (письменный) вид текстовой деятельности, то коммуникативная инициатива может быть завоевана только средствами веской и продуманной аргументации, основанной на глубоком анализе вопроса. Глагол как языковая форма передает определенное мыслительное содержание, в котором фиксируются представление о мире и структуры знания. Широкий спектр категориальных значений глагола образует континуум, отражающий различные аспекты пропозиционализации обозначаемых событий. Это обеспечивает большие возможности осмысления событий посредством глагола [6, с. 84]. Функционально-прагматическое поле действий/состояний имеет сложную природу. В самом поле можно выделить четыре субполя [8, с. 96]. Субполе, объединяющее глагольные наименования, которые называют инактивный процессуальный признак субъекта (действие, состояние или свойство): *Microsoft is opposed to expedition of its appeals.* Субполе, в котором называется активный процессуальный признак семантического субъекта, действие, состояние или отношение, направленное на семантический объект или связанное с ним: *The Court entered a single final judgment, requiring Microsoft to submit a plan to reorganize itself into two separate corporate entities and comply with transitional injunctive provisions.* Субполе, в котором глагольные имена называют инактивный процессуальный признак семантического субъекта, осложненный адвербиальными характеристиками и проявляющийся как действие, состояние или свойство: *This court's rules provide that certiorari before judgment is available «upon a showing that the case is of such imperative public importance as to justify deviation from normal appellate practice and to require immediate determination in this court» sup.ct.r. 11 that standard us satisfied here.* 3. В последнем субполе называется процессуальный признак семантического субъекта, соотносительный с семой семантического субъекта и осложненный адвербиальными характеристиками: *The United States submits that Microsoft's appeal from the district court judgment, which grants the*

United States equitable relief under the Sherman act... Приведенное функционально-прагматическое поле помогает глубже понять сущность глагольной номинации, основная особенность которой заключается в том, что процесс называется в совокупности с его участниками и характеристиками [8, с. 15]. Возможность отразить многочисленные нюансы события заложена и в категориально-понятийной основе глагола, которая содержит широкий спектр категориальных значений. Актуализация категориального значения осуществляется в процессе построения предложения-высказывания и связана непосредственно с его предикативной функцией [6, с. 98].

Модальный информационно-смысловой комплекс представлен функционально-прагматическим полем модальности. Модальная информация выражена психологическими установками авторов текста, направленными на описание мира и его оценку с целью повлиять на интеллект реципиента (судьи и оппонента). Имея разные точки зрения на проблему, оппоненты (стороны) общаются в условиях отсутствия непосредственного контакта, каждый проводит свою линию в письменной форме. Состязание предполагает наличие не только соперников, не менее двух, но и наблюдателя (судьи), который вступает в общение и выполняет определенную коммуникативную роль. Все участники коммуникации выступают как представители определенного института и поэтому общаются в заданных рамках статусно-ролевых отношений [9, с. 6]. Под влиянием фактора «противоборствующих сторон» оппоненты выбирают такой план оптимальной реализации речевых намерений, в результате применения которого можно максимально уменьшить значимость статуса противоположной стороны, т.е. развенчать позиции противника и максимально увеличить значимость своего статуса. Наличие же «адресата-наблюдателя» (судьи) предполагает прозрачность и краткость изложения своей точки зрения. Каждая сторона стремится изложить свою точку зрения, представляя аргументы с учетом прошлого опыта и вероятное влияние решения суда на будущий опыт с позиции объективности [3, с. 45]: This Court's rules provide that certiorari before judgment is available «upon a showing that the case is of such imperative public importance as to justify deviation from normal appellate practice and to require immediate determination in this Court.» sup. ct. r. 11 that standard is satisfied. Для реализации своего коммуникативного намерения каждая сторона выбирает определенную тактику, например: анализ – «минус» [3, с. 46]. Эта тактика

основана на рассмотрении ситуации и разборе фактов, предполагает выражение несогласия с позицией оппонента: Among its objections, Microsoft argues that, even through the District Court consolidated the federal and state actions and entered a single judgment, the expediting act authorizes the court to accept jurisdiction over the appeal only insofar as it challenges the judgment on the United States' action. Microsoft contends that the States, consequently, are not entitled to participate as appellees in this court. j.s. 27. The United states and the states disagree.

Отношение содержания текста к действительности получает оформление в виде таких аспектов модальности, как реальность/нереальность: If the Court agrees that appeal meets the expediting act's criterion, but concludes that the expediting act does not permit the states to participate as appellees, the Court should review the judgment rendered on the states' complaint simultaneously through the mechanism of a writ of certiorari before judgment in the Court of appeals. See 28 U.S.C.1254(1), 2101(E); Noting that a petition for certiorari before judgment would have been «preferable» to obtain review of issues relating to declaratory relief that were «necessarily identical» issues raised on appeal of injunctive relief. Кроме того, модальный информационно-смысловой комплекс объединяет глагольные морфологические формы изъявительного наклонения, отражающие соотношение между описываемыми в тексте явлениями действительности и определяющие их как реальные: The judgment of the district court was entered on June 7, 2000., модальные глаголы и словосочетания (типа should allow, court would ensure), лексические единицы с модальным компонентом оценки (типа immediate determination, a matter of general public importance).

Способность языковых единиц сочетать в своем семасиологическом основании целый ряд семантических категорий объясняет взаимодействие функционально-прагматических полей в тексте. Это взаимодействие осуществляется через семантическую, лексическую и синтаксическую валентность используемых слов. Кроме того, взаимодействие категорий определяется соотношением субъектов, объектов и объектов через действие. Поскольку признак «действие/состояние» является абстрактным по своему существу и характеризуется многочисленными связями, допускает множество уточнений субстанционального и адвербиального порядка, то он способен сочетаться со словами, обозначающими субстанции и признаки [8, с. 18]. Таким образом, предикативная функция глагола

реализуется в предложении и является свойством всего предложения. Поэтому любой признак предиката – это признак всего предложения, глагол же играет роль носителя этого признака. Предикативный признак выступает в качестве объединяющего смыслового компонента, который

обеспечивает интеграцию всех элементов предложения в единое целое. Наличие в семантике глаголов таких признаков, как субъектно-объектная отнесенность, место и время, морфологические формы времени, способствует линейному, многослойному разворачиванию информации в тексте.

1. Баранов А.Г. *Функционально-прагматическая концепция текста*. Ростов н/Д, 1993.
2. Фролов С.С. *Социология: учеб.* М., 1996.
3. Михалёва О.Л. *Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия*. М., 2009.
4. Enquist N.E. *Stylistics. Text linguistics and composition // Nordic research in text linguistics and discourse analysis*. Trondheim, 1986.
5. Филмор Ч. *Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1981. Вып. 10.
6. Болдырев Н.Н. *Категориальное значение глагола: системный и функциональный аспекты*. 2-е. изд. М., 2009.
7. Калимуллина В.М. *Роль глагольных единиц в реализации номинативной функции языка в тексте*. Уфа, 1996.
8. Сентенберг И.В. *Лексическая семантика английского глагола*. М., 1984.
9. Карасик В.И. *О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. Волгоград, 2000.*

1. Baranov A.G. *Text functional-pragmatic conception*. Rostov-on-D, 1993.
2. Frolov S.S. *Sociology: textbook*. M., 1996.
3. Mikhailerva O.L. *Political discourse: Manipulative influence specificity*. M., 2009.
4. Enquist N.E. *Stylistics. Text linguistics and composition // nordic research in text linguistics and discourse analysis*. Trondheim, 1986.
5. Fillmor Ch. *Case for case // New in foreign linguistics*. M., 1981. Iss. 10.
6. Boldirev N.N. *Verb categorial meaning: systematic and functional aspects*. 2nd ed. M., 2009.
7. Kallimulina V.M. *Verb role in realization of the language nominative function in text*. Ufa, 1996.
8. Sentnberg I. V. *English verb lexical semantics*. M., 1984.
9. Karasik V.I. *About DiscoursTypes // Linguistic personality: institutional and personal discours: coll. of sci. papers*. Volgograd, 2000.

Кунина Мария Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского и иностранных языков
Краснодарского университета МВД России
(e-mail: J_kunina@mail.ru)

Проблема изучения институциональных дискурсов в современной науке

В статье раскрывается проблема изучения институциональных дискурсов в современной науке. Основное внимание в работе автор акцентирует на поиске когнитивных субстанций, которые подвергаются процедурам развертывания и конструирования как способам моделирования дискурсивной деятельности определенной предметной области.

Ключевые слова: антропоцентричность языка, языковое явление, дискурс, процесс коммуникации, когнитивные процессы, речевая культура, прототипическая последовательность.

M.N. Kunina, Master of Philology, Assistant Professor of a Chair of Russian and Foreign Languages of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: J_kunina@mail.ru

The problem of studying institutional discourse in modern science

The article reveals the problem of the study of institutional discourses in contemporary science. The author focuses on the search for cognitive substances that are subject to the procedures of deployment and design as a way of modeling discourse of a particular subject area.

Key words: anthropocentricity of language, linguistic phenomenon, discourse, process of communication, cognitive processes, speech culture, prototypical sequence.

В современной лингвистике ключевой идеей является антропоцентричность языка. Язык рассматривается в своей погруженности в жизнь, в отображении действительности. Все больше укрепляется мысль о том, что понять природу языка можно лишь исходя из человека и его мира в целом. В рамках антропоцентрического языкознания все более и более интенсивно развивается когнитивно-дискурсивная парадигма, в свете которой язык – это особая знаковая система, позволяющая человеку общаться с себе подобными в целях обмена информацией или других типов деятельности и служащая тому или иному изучению поведения людей. Методология этой парадигмы была сформулирована Е.С. Кубряковой: «Согласно теоретическим представлениям в этой новой парадигме, по сути своей, парадигме функциональной, при описании каждого языкового явления равно учитываются те две функции, которые они неизбежно выполняют: когнитивная (по их участию в процессах познания) и коммуникативная (по их участию в актах речевого общения). Соответственно, каждое языковое явление может считаться адекватно описанным и разъясненным только в тех случаях, если оно рассмотрено на перекрестке когниции и коммуникации» [1, с. 8].

Коммуникативная составляющая этой парадигмы тесно связана с исследованием дискурса. Понятие дискурса является одним из наиболее употребляемых в настоящее время, но при этом оно является размытым, не имеющим четкого определения. В настоящем исследовании за основу принята следующая его распространенная трактовка: дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах).

Дискурс рассматривается нами как лингвистическая единица общения, отражающая в себе дифференциальное многообразие картины мира, включающей: а) типизированные ситуации социального взаимодействия; б) участников социального взаимодействия; в) социальные нормы и конвенции; г) культурологические представления и формы.

Необходимо отметить чрезвычайную важность исследования дискурса с когнитивной точки зрения, тем более что по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее

дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с созданием новых знаний. Поскольку процесс коммуникации не может быть адекватно описан без понимания когнитивных процессов, имеющих место в сознании участников общения при порождении и восприятии речи, то становится очевидной необходимость изучения, помимо собственно лингвистических и релевантных внешних параметров коммуникации, их ментальных репрезентаций. А так как многие специфические особенности образов мира носителей разных языков не могут быть выявлены в рамках монокультурного описания, особое значение приобретает контрастивное и сопоставительное когнитивно-прагматическое изучение дискурса.

Изучение дискурсивной деятельности человека в условиях межкультурной коммуникации с когнитивной точки зрения дает возможность описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, а также их влияние на языковые стратегии дискурсивной деятельности, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Такой подход к анализу дискурса напрямую связан с решением задачи изучения языкового образа мира, поскольку позволяет рассматривать дискурсивную деятельность человека как отражение в формах коммуникативного поведения национальной картины мира, а используемые в процессе коммуникации языковые средства – как способ выражения системы культурно обусловленных значений, репрезентирующих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции, оценки и ценностные ориентации.

По мнению Д. Холланда и Н. Квинна, совокупность разделяемых членами социокультурного сообщества знаний организована в виде культурных когнитивных моделей, которые содержатся в сознании членов этого сообщества и которые могут сосуществовать с другими, личностными (идиосинкратическими) моделями опыта. Термин «модель» в интерпретации Д. Холланда и Н. Квинна обозначает прототипическую последовательность событий в упрощенном мире, а термин «схема» используется для обозначения совокупности вторично концептуализированных компонентов модели для решения отдельных когнитивных задач.

Чаще всего культурные когнитивные модели описываются в терминах фреймов, схем, скриптов или сценариев, концептов, в связи с чем непременно возникает проблема соотношения этих понятий, в частности терминов «концепт» и «фрейм». Ряд ученых (А.П. Бабушкин, З.Д. Попова, И.А. Стернин) рассматривает фрейм как тип концепта (наряду со схемами, инсайтами,

сценариями, логически конструируемыми концептами и мыслительными картинками), что, на наш взгляд, не вполне корректно. Дело в том, что типология, предложенная авторами, сводится фактически к различным типам ментальных репрезентаций: образным, пропозициональным, смешанным (гештальтам).

Мы согласны с И.А. Тарасовой, которая считает, что «корректнее трактовать фрейм не как концепт, а как когнитивную структуру более высокого уровня, тип взаимодействия между концептами, как способ (форму) организации ментального пространства».

В лингвистике появлялись и другие разноплановые трактовки фрейма, например:

1. Ч. Филлмора, данные им в разное время: фрейма как падежной рамки, понимаемой в этом контексте как структура сознания, отражающая языковое сознание говорящего [2, с. 52]; фрейма как системы выбора языковых средств, связанных с понятием сцены, – грамматических правил, лексических единиц, языковых категорий; фрейма как системы категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом и предстающего как набор понятий и одновременно как категоризация опыта.

2. Т.А. ван Дейка, который в вопросе об определении фрейма разделяет точку зрения М. Минского и полагает, что «знание организовано в концептуальные системы», которые «можно описывать в терминах фреймов» [3, с. 16; 4, с. 56]. В отличие от Ч. Филлмора, Т.А. ван Дейк не склонен считать фрейм структурой, способной раскрыть связь между текстами и их пониманием, т.к. он содержит общую, а не специфическую информацию о стереотипной, а не конкретной ситуации. Фреймы оторваны от контекста, являются элементами социальной памяти и содержат основную, типическую и потенциально возможную информацию, ассоциированную с тем или иным концептом.

3. Психологической трактовки, где фрейм представляется как схема смысловых опор, абстрагированная от действий отдельной личности и материализующаяся в тексте. Фрейм в данном случае не имеет ограничений на сложность и может быть построен как для отдельного предложения, так и для целого текста [5, с. 87].

Несмотря на разнообразные толкования фрейма, можно выделить ряд пунктов, по которым ученые едины в своих воззрениях на его природу:

а) практически во всех определениях делается акцент на фрейм как структуру для представления стереотипных ситуаций;

б) фрейм представляется как когнитивная область, ассоциируемая с данной лингвистической единицей.

Иными словами, фрейм связан, с одной стороны, с вербальным инструментарием языка и, с другой стороны, с когнитивной областью сознания, где имеется схематизированный образ-представление опытного знания человека, активизирующегося посредством языковых структур.

Фреймы отражают знания об определенной предметной области и представляют ее в виде организованной определенным образом структуры. Соответственно, одним из ключевых в контексте нашего исследования выступает понятие предметной области, являющейся неким фрагментом знания или жизненного опыта индивида, группы людей, сообщества. Когнитивное содержание предметной области опирается на массив текстов как способ конденсации, фиксации и трансляции социокультурного опыта. Предметная область – понятие когнитивно-прагматического аспекта, которое охватывает разнообразие частных жизненных ситуаций и практик, которые описываются в дискурсивной деятельности [6, с. 38].

На основе концепции А.Г. Баранова при изучении текстов определенной предметной области в исследовании вводится когнитивный как ментально-лингвистический фрейм для нахождения прототипических смыслов культурного мира на базе когнитивных знаний [7, с. 60]. Когнитивный – это комплекс данных о конкретной предметной области, который реализуется в текстовой деятельности автором в процессе порождения текста и читателем (реципиентом) в процессе понимания текста. Комплекс когнитивных создает когнитивный фон для автора и читателя текста, принадлежащих к одному социуму. Выделяют следующие черты когнитивного, который:

принадлежит к строго очерченной предметной области, что позволяет представить его в тематической цельности и завершенности;

обладает тематической композицией;

представлен набором языковых выражений, соотношенных в подсознании субъекта общения с данной предметной областью и сферой деятельности;

строится как ментально-лингвистическая модель декларативных знаний (о мире и языке);

дополняется процедурными знаниями (стратегиями, конвенциями, правилами) высших уровней текстотипичности.

Существует различие между такими понятиями, как «когнитивная модель» и «когнитивный жанр». Когнитивная модель состоит из фрейма знаний и тезауруса предметной области. Когнитивный жанр включает в себя такие компоненты, как тема, субтема и речевые фрагменты. Когнитивный жанрово ориентирован и характеризуется тематической разверткой информации.

Наше исследование базируется на интегративной концепции жанра, которая предполагает выход за пределы языковой данности, вовлечение в экспликацию его сущности других данностей, обуславливающих многомерность, объемность жанра. В этом смысле жанры можно определить как группы речевых произведений, классы текстов, вербальное оформление которых, выражающееся в специфическом выборе и комбинации языковых ресурсов, управляется невербальными факторами, такими как:

1) конвенциональные формы социального взаимодействия людей, принятые в повторяющихся, дифференцированных по сферам человеческой деятельности ситуациях;

2) определенного типа стратегические коммуникативные цели, на реализацию которых ориентированы жанры в целом и которым подчиняются все слагаемые скрытой в них прагматической ситуации;

3) концепты и прототипы жанров, присутствующие в сознании, в когнитивной базе коммуникантов и влияющие на процесс дискурсивации.

Очевидно, что для построения когнитивного дискурса предметной области «Судебный пристав-исполнитель» (СПИ) необходимо систематизировать знания об этой предметной области и результаты ее научного представления, обобщив эти знания в определенном упорядоченном виде (например, в форме когнитивной модели), а затем соотнести выделенные структуры знания с их языковыми коррелятами в той системе единиц номинации и терминов, с помощью которой они реализуются в конкретном языке, и выявить главные черты образуемого ими терминологического пласта лексики.

Таким образом, данное исследование направлено на поиск когнитивных субстанций, которые подвергаются процедурам развертывания и конструирования как способам моделирования дискурсивной деятельности данной предметной области.

1. Кубрякова Е.С. Об исследовании дискурса в современной лингвистике // Филология и культура: материалы 3-й Междунар. науч. конф.: в 3 ч. Тамбов, 2001. Ч. 1. С. 8–11.

1. Kubryakova E.S. About the study of discourse in modern linguistics // Philology and Culture: proc. of 3rd Intern. sci. conf.: in 3 pt. Tambov, 2001. Pt. 1. P. 8–11.

2. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
 3. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
 4. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
 5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.
 6. Баранов А.Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар, 1988.
 7. Баранов А.Г. Динамические тенденции в исследовании текста // *Stylistika*. Opole, 1995. Vol. 4. P. 54–69.
2. Fillmore Ch. *Frames and the semantics of understanding* // NZL. Iss. XXIII: *Cognitive aspects of language*. M., 1988.
 3. Dijk T.A. van. *Language. Cognition. Communication*. M., 1989.
 4. Minsky M. *Frames for knowledge representation*. M., 1979.
 5. Karaulov Yu.N. *Russian language and linguistic identity*. M., 1987.
 6. Baranov A.G. *Text in the functional-pragmatic paradigm*. Krasnodar, 1988.
 7. Baranov A.G. *Temporal trends in the study of the text* // *Stylistika*. Opole, 1995. Vol. 4. P. 54–69.

Герасименко Эмилия Васильевна

аспирант кафедры современного русского языка
Кубанского государственного университета
(e-mail: emilia_gerasimenko@mail.ru)

Концептуализация понятия «дом» в национально-культурной картине мира

Статья посвящена актуальной для современной лингвистики теме концептуализации мира как одной из важнейших когнитивных процедур. Рассматриваются лингвокультурологические аспекты формирования и определения концепта «дом», устанавливается специфика его функционирования в различных сферах.

Ключевые слова: антропоцентризм, когнитивная лингвистика, картина мира, концепт.

E.V. Gerasimenko, Post-graduate of a Chair of Modern Russian Language of the Kuban State University; e-mail: emilia_gerasimenko@mail.ru

Conceptualization of the concept «dom» in national cultural world image

The article is devoted to the topical for modern linguistics theme of the conceptualization of the world as one of the most important cognitive processes. Linguistic and cultural aspects of the formation and the definition of the concept «dom» are considered, the specifics of its operation in various fields is set.

Key words: anthropocentrism, cognitive linguistics, world image, concept.

В конце XX в. в отечественной филологии оформляется и интенсивно развивается новое направление – антропоцентрическая модель изучения языка через призму сознания его носителей и выделения в языковых объектах знаков культуры. Истоки идеи антропоцентричности восходят к лингвистической концепции В. фон Гумбольдта, согласно которой язык рассматривается как форма выражения народного духа. Именно в языке скрываются огромные силы, таящие в себе возможность реализовать творческий потенциал человека. В России эта проблематика нашла выражение в научных трудах Ф.И. Буслаева, А.Н. Афанасьева, А.А. Потебни и др. Для современной лингвистики антропоцентрический подход является методологической основой, объединяющей когнитивную и лингвокультурную парадигмы (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Ю.С. Степанов, Р.М. Фрумкина и др.).

В рамках когнитивной лингвистики речь идет о широком взгляде на слово, которое изучается на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания: лингвистики, литературоведения, логики, философии, искусствоведения и культурологии. Слово восстанавливается как целостный объект гуманитарных наук.

Наибольший интерес для ученых-когнитивистов представляют концепты, которые понима-

ются как структурные единицы человеческого сознания, хранящие совокупность знаний человека о тех или иных явлениях окружающего мира, и являются частью национальной культуры.

Выбор концепта «дом» в качестве объекта исследования обусловлен тем, что дом был и остается важнейшей частью культуры народа, вне связи с которой невозможно представлять его историко-культурный облик в целом.

С момента рождения каждому ребенку, независимо от национальности, необходимы дом и семья, прежде всего как структуры, формирующие и адаптирующие его к будущей самостоятельной жизнедеятельности. Эти концепты находятся в иной плоскости, нежели, например, философские концепты «правда» и «истина», «добро» и «благо», «долг» и «обязанность», «счастье», значимые для русской культуры концепты «судьба», «душа», «жалость» или уникальные русские концепты «тоска», «удаль», «воля» и др.

На наш взгляд, для того чтобы как можно более полно, четко и достоверно понять ту или иную народность, как можно более адекватно составить представление о его концептуальной картине мира и языковой картине мира, необходимо обратиться к исследованию самых значимых, базовых для нее концептов, особо важным и интересным в этом случае является исследование понятий и с точки зрения синхронии, и с

точки зрения диахронии, т.е. нужно рассмотреть вопрос на современном этапе его развития и проследить историю его существования.

На примере лексикографического материала можно рассмотреть различные семантические преобразования слова «дом».

Понятие «дом» – один из элементов активного словарного запаса носителей русского языка. Оно полноценно функционирует и развивается в языковой системе и, как любой другой живой организм, претерпевает во времени различные изменения.

Среди отраженных в толковых словарях изменений в семантике исследуемого понятия наиболее заметными и значительными оказались следующие.

1. Слово «дом» расширило сферу своего употребления.

2. До недавнего времени была известна формула «Дом + род. п.» – дом обуви, дом журналиста, т.е. специализированные магазины и специальные учреждения. Сегодня появились названия торговых и коммерческих фирм: издательский дом, компьютерный дом. Возродилось старое значение «предприятие, заведение»: торговый дом ГУМ и др.

3. Две основные семы, на которые условно можно разделить дефиниции слова «дом»: «дом-семья» и «дом-здание», находятся в состоянии постоянного колебания по отношению друг к другу с доминированием в определенный период времени одной из них.

Таковы результаты, основанные на данных, зафиксированных в толковых словарях разных авторов и годов издания. Они, на наш взгляд, интересны, но не менее важными являются итоги исследований, проведенных на базе других языковых уровней.

Ценностные параметры КМ можно найти и в словообразовательных конструкциях. Исследователями отмечено, что в процессе деривации устанавливаются те же связи между явлениями действительности, что и в любом высказывании, т.к. здесь присутствуют предикативные отношения. Сам «выбор того или иного объекта действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка» [1, с. 9]. Поэтому для анализа важен коннотативный компонент, который дополняет основное понятийное содержание.

В языковой системе слово «дом» образует словообразовательное гнездо, представленное множеством дериватов. Проанализируем материал «Словообразовательного словаря русского языка» А.Н. Тихонова и рассмотрим

словообразовательные гнезда, в которые входит слово «дом». Следует отметить, что лексема «дом» представляет деривационное гнездо, включающее 122 производных 1, 2 и 3 степени.

От основы «дом-» продуктивно образование имен существительных (78 слов). Многие дериваты-существительные выполняют номинативную функцию и относятся к лексике нейтрального фонда: домовладение, домостроение, домосед, домовой, домовитость и др. В исследуемом словообразовательном гнезде 6 существительных называют дом-здание и содержат оценочный компонент (домик, домочек, домок, домишко, домина, домище). Дериваты лексемы «дом» обозначают также субъекта по его отношению к дому и хозяйству: домохозяйка, домовладелец, домовладелица, домосед, домоседка, домовой, домохозяин, домработница, домостроитель, надомник, надомница. Не все лексемы, номинирующие человека, имеют безоценочный характер. В данную группу входят стилистически и коннотативно окрашенные слова: разг. – домашние, домоуправ, домушник, домушница (два последних слова – маркеры негативной оценки); устар. – домовладелка (и разг.), домоводка, домовод, домоправитель (-ница), доморосток, домочадец (устаревающее), домовик, домовница (и разг.), домовладыка.

Обращает на себя внимание количество сложных слов с первой частью «дом-» (42 лексемы): домком, домконтора, домохозяйство, домодельщина, доморощенка, домостроительство, домоседство, домотканина и др.

Имена прилагательные, на наш взгляд, в большей степени раскрывают значимость концепта в языковом сознании русского человека, ведь, «приписывая предметам или явлениям окружающего мира те или иные объективно присущие им свойства, человек демонстрирует свое небезразличие к этим свойствам» [2, с. 235]. В словообразовательном гнезде с компонентом «дом-» насчитывается 23 имени прилагательных: домовой, домовый, домашний, домовитый, домоседный, надомный, подомный, домовладельческий, придомовый, домоводческий, домостроительный и др. Дериват «домашний» является наиболее интересным с точки зрения связи с ЛСВ ключевого слова. Важность данного деривата заключается в том, что, в отличие от словарных значений ключевой лексемы «дом», в семантике слова «домашний» заключено указание на особую атмосферу теплоты, уют, без которого жилье перестает быть домом.

В рассматриваемом словообразовательном гнезде наблюдается явление, при котором компоненты одного семантического поля могут

использоваться для обозначения противоположных феноменов. Здесь значение «не имеющий дома, пристанища», «одиноким, не имеющий семьи» передаются лексемой «бездомный» и ее производными (бездомность, бездомник, бездомница, бездомничать, бездомовый, бездомовница, бездомовный, бездомовник), которые вносят дополнительные смыслы в концепт «дом».

Итак, дериваты, составляющие словообразовательное гнездо слова «дом», репрезентируют следующие основные значения: «пространство дома» (домик, домок, домишко, домина, домище); «относящийся к дому, сделанный в доме» (домовый, домовой, домашний, по-домашнему, надомный); «ведение хозяйства; лицо, имеющее отношение к хозяйству» (домовитый, домовник – домовница, домовничать – подомовничать, домовитый – домовито, домовитость); «люди, работающие в доме» (надомник – надомница); «хозяин (хозяйка) дома» (домовладелец – домовладелица, домохозяин – домохозяйка); «добрый или злой дух, живущий в доме» (домовой, домовик); «строитель дома» (домостроитель), «гроб» (домовина, домовище); «родина» (домой (нареч.), дома (нареч.)); «прирученный, не дикий» (одомашнить(ся), одомашнивать(ся), одомашнивание); «отсутствии дома» (бездомный – бездомность).

Исследуемое понятие «дом» имеет множество синонимов, которые составляют его семантическое поле и, соответственно, являются источником декодирования концептуальной КМ носителями языка. Опираясь на материал, представленный в словарях синонимов под редакцией А.П. Евгеньевой, З.Е. Александровой, и информацию «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна (НОССРЯ), рассмотрим каждое из основных значений анализируемого концепта.

Дом в значении «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» – здание, строение, постройка, корпус, коробка, сооружение (гипероним к словам ряда). Общая сема – «наземное сооружение, имеющее внутри помещения, которые занимают большую часть его объема». Синонимы отличаются друг от друга следующими смысловыми признаками: 1) вид сооружения, его размер, материал (постройка обычно небольшая, иногда деревянная, здание обычно большое, каменное); 2) преимущественная функциональная предназначенность (дом чаще всего жилой, постройка – хозяйственная); 3) соотношение с другими аналогичными объектами (корпус – всегда один из ряда, строение может быть и изолированным); 4) связь с нынешним

временем (корпус – обычно современный объект) [3, с. 179]. Лексема «коробка» в некоторых контекстах номинирует неблагоустроенное, стандартное жилище.

Наиболее многочисленную и разветвленную группу представляют синонимы и «заместители» ЛСВ «дом» в значении «жилое помещение, квартира, жилье». Данные синонимы отличаются друг от друга по следующим смысловым признакам: 1) характер объекта (жилищем может служить и шалаш, обиталищем – пещера, приютом – населенный пункт, обитель, угол – жилые помещения, жилплощадь – специально приспособленное помещение); 2) тип объекта (резиденцию может иметь только высокопоставленное лицо, жилье – только человек, жилище – даже животное); 3) отношение субъекта к помещению (дом включается в личную сферу, жилплощадь – предмет отношений с государством); 4) связь с моментом наблюдения (наиболее жесткая – в жилище, наименее – в доме); 5) культурные коннотации (дом – средоточие семейных и культурных традиций, жилплощадь – элемент советского быта) [3, с. 184].

Таким образом, «дом» в значении «жилое помещение, квартира, жилье» в КМ носителей русского языка представлен номинациями жилья, вступающими в гипо-гиперонимические отношения и содержащими как безоценочный компонент, так и отрицательную характеристику, связанную с неблагоустроенностью, отсутствием уюта. Жилище при этом выступает как материальное воплощение успешности / неуспешности хозяина. Для современного русского человека наиболее распространенной является лексема «квартира», что объясняется преобладанием городского типа жилья. Временные пристанища также включаются носителями языка в сферу дома-жилища. Лексема «дом» – единственный синоним ряда, который употребляется расширительно, описывая 1) не только помещение, но и страну, территорию и т.п., ср.: Мой дом – Россия; 2) не только место, где живут, но и место, где «как бы живут», например работают [3, с. 185].

«Дом» в значении «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством» объединяет три группы слов: 1) названия людей как членов семьи: семья, семейство, семейный круг, семейка, близкие, домашние, свои (разг.), домочадцы, чада и домочадцы (устар.); как жильцов дома: житель, обитатель, жилец, обыватель (устар.), проживающий, квартирант, съемщик (квартиросъемщик), постоялец (разг.); как проходящих в дом или постоянно там пребывающих: домовладелец, хозяин, хозяйка, владелец, обладатель, гость, гостья; 2) наименование места постоян-

ного проживания человека, характеризующееся какими-либо отношениями между всеми членами семьи: родной (домашний, семейный) очаг, пенаты (книжн.), родной кров (высок., книжн.), родное пепелище (устар. и высок.); 3) наименование предметов домашнего обихода, мебели.

Рассмотренные выше группы лексических экспликаторов концепта «дом» дают развернутую картину представлений русского социума о доме, поэтому представляются наиболее актуальными для настоящего исследования.

Д.С. Лихачев писал, что особое значение в создании концептов принадлежит носителям фольклора [4]. По мнению А.Г. Лыкова, пословицы наиболее содержательны, легко усваиваются в памяти носителей языка, несут национальный характер, отражая менталитет народа и возводя идеи в ранг непререкаемых истин [5]. Поэтому считаем важным в рамках данного исследования рассмотреть вербализацию исследуемого понятия в фразеологическом фонде современного русского языка.

О значении дома для русского человека говорит огромное количество ФЕ.

Во фразеологических словарях преобладают репрезентации концепта «дом» в значениях «здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения различных учреждений и предприятий» и «семья, люди, живущие вместе, одним хозяйством»: сумасшедший дом, детский дом, публичный дом, игорный дом, дом престарелых и др. Есть среди изученного материала ФЕ, в которых концепт «дом» (или его экспликативы) реализуется как здание ветхое, ненадежное: карточный домик, дом на песке, а также несколько перифраз: дом ароматов; дом здоровья, дом на колесах; Дом на Лубянке; Большой дом; Белый дом); казенный дом.

Приведем примеры функционирования лексики слова «дом» – базового репрезентанта соответствующего концепта – в значении «здание».

Цыганский дом: три кола да посередине головня. Пословица отражает представления народа о ветхом и неблагоустроенном доме. Хоть худ дом, а крыша крепка. Данная пословица выражает представления о важности надежности и уюта дома, ценится способность дома быть надежным (крепкая крыша) даже при общей ветхости жилища. Прежде всего ценится способность дома быть своим пространством: В гостях хорошо, а дома лучше. Важную роль играют атмосфера дома, религиозность, почтительность к Богу: Хорош бы дом, да черт живет в нем (в пословице отражен негативный вариант оценки реалии действительности).

Дом невелик, да стоять (лежать) не велит; Что в поле ни родится, все в доме пригодится; Домом

жить – обо всем тужить; Дом построить – не шапку на голову надеть; Счастье и труд в одном доме живут. Данное значение представлено в наибольшем количестве пословиц. Именно здесь появляются обитатели дома: хозяин, хозяйка, господин (в значении «хозяин»), муж, жена. Важными семантическими составляющими понятия «хороший хозяин» можно считать бережливость и трудолюбие. Бесхозяйственность, нежелание «жить домом» выражаются иногда отрицательными конструкциями, содержащими сему «ничего нет»: У него в доме ни удавиться, ни зарезаться нечем; У него в доме нечем собаки заманить; В большом доме чего ни хватишься, того нет (всего нет). Но не только хозяйство несет на себе отпечаток ленивого или нерадивого хозяина. Сам дом (здание) метафорически суживается до одного угла, точнее – «уголка»: Сведем домик в один уголок. Такой дом не имеет ничего ценного (Сведем так домик, что не нужен и замок).

По тому, каким хозяином является человек, судят о его деловых качествах и способностях, оцениваются его возможности что-либо делать в большом масштабе: Домом не управил, так и волостью (городом) не управить.

Если оценивать ситуацию в целом, негативных оценок дома в пословицах содержится больше, чем позитивных, т.е. отрицательный опыт чаще отражался в ЯКМ, видимо, как более сильный по воздействию на человека. При этом следует отметить преобладание употребления слова «дом» в значении «семья», что подчеркивает особую значимость родных и близких для представителей русского народа, особое место данного понятия в его национально-культурной КМ.

Краткий обзор и анализ лексикографических источников помогли определить основные характеристики дома как жилища человека в сознании носителей языка и выявить лексические средства репрезентации концепта «дом». Представленный материал позволяет сделать следующие выводы.

1. Анализ словарных дефиниций исследуемого понятия показал, что языковую основу концепта «дом» составляют значения, которые указывают на дом как строение; жилое помещение, квартиру; людей, живущих вместе; хозяйство отдельной семьи; династию, поколение; предприятие. Концепт «дом» не ограничивается узкими пространственными представлениями о доме-жилище, включая также географическую (дом – конкретное место, обжитая среда, родина), социальную (дом – семья; место работы, учебы, считающееся «своим» для человека, освоенное им), духовную сферы.

2. Исследование словообразовательных гнезд с производящим словом «дом» показало, что словообразовательные дериваты неоднородны. Ключевая лексема «дом» представляет деривационное гнездо, включающее 122 производных 1, 2 и 3 степени. Лексема «дом» не только имеет весьма многочисленное деривационное гнездо, но и отличается разнообразием представленных в нем коннотаций и стилистической маркированности.

3. Исследование синонимических рядов, в которые входит слово «дом», позволило определить, что для современного носителя языка наиболее распространенной является лексема «квартира». Дом – единственный синоним ряда, который может употребляться расширительно, описывая не только помещение, но и страну, а также место, где работают, что делает его базовым репрезентантом данного концепта.

4. Фразеологическая экспликация концепта «дом» шире лексической. Шире, чем в лексической системе, во фразеологизмах представлены компоненты «семья», «хозяйство семьи», «части жилища», «могила». В русских фразеологизмах активно употребляются дериваты ключевой лексемы «дом», многие из которых реализуют сему «связанный с домом».

В русской фразеологии осуждается нерадивый хозяин, указывается на важность процесса строительства дома, говорится о необходимости обустройства своего дома, о взаимоотношениях «дом – хозяин», «хозяин – гость», что отражает ценностные приоритеты русского народа, его отношение к богатству, труду, домочадцам, родине. Анализ ФЕ дает возможность выявить национальные стереотипы, а также выделить специфические представления о доме как о важном пространственном и ценностном концепте.

1. Вендина Т.И. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования*. М., 1998.

2. Николаева Т.М. *Качественные прилагательные и отражение картины мира // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии*. М., 1983.

3. *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю.Д. Апресяна*. М., 1995.

4. Лихачев Д.С. *Концептосфера русского языка // Изв. АН. Серия литературы и языка*. Т. 52. 1993. № 1.

5. Лыков А.Г. *Лингвистический статус языка русского фольклора // Потенциал русского языка*. Краснодар, 1997.

1. Vendina T.I. *Russian language world image through the prism of word formation*. M., 1998.

2. Nikolaeva T.M. *Qualitative adjectives and reflection view of the world // Slavic and Balkan linguistics. Problems of lexicology*. M., 1983.

3. *New explanatory dictionary of synonyms Russian language / ed. by Yu.D. Апресян*. M., 1995.

4. Likhachev D.S. *Conceptosphere of Russian language // Proc. of Academy of Sciences. Series of literature and language*. Vol. 52. 1993. № 1.

5. Lykov A.G. *Linguistic status of language of Russian folklore // Potential of the Russian language*. Krasnodar, 1997.

Самойленко Кристина Владимировна
адъюнкт кафедры уголовного права
Краснодарского университета МВД России
(тел.: +78612584050)

Специально-криминологические меры противодействия сексуальной насильственной преступности в семье

В статье рассмотрены вопросы совершенствования специально-криминологических мер противодействия сексуальной насильственной преступности в семье. Сформулированы основные направления криминологической профилактики сексуальных насильственных преступлений, совершаемых в отношении членов семьи, определены основные задачи и приоритетные пути ее оптимизации.

Ключевые слова: преступность, предупреждение преступлений, специально-криминологические меры, сексуальное насилие в семье, государственная семейная политика, демографическая политика.

K.V. Samoylenko, Adjunct of a Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: +78612584050.

Specially-criminological measures of counteraction to sexual violent crime in the family

In the article questions of improvement of specially-criminological measures of counteraction to sexual violent crime in the family are considered. The main directions of criminological prevention of sexually violent crimes committed against family members are formed, main goals and priority ways of its optimization are defined.

Key words: crime, crime prevention, specially-criminological measures, sexual violence in the family, state family policy, population policy.

Семья – неотъемлемая часть современной общественной системы. Взаимосвязь общества и семьи очевидна и естественна. Общество формирует определенный тип семьи, которая, в свою очередь, оказывает воздействие на общесоциальные процессы и отношения [1, с. 263]. В современном мире виртуальной и реальной информированности это является особенно важным. В более чем десяти странах (в том числе в государствах Западной Европы) существуют законодательные акты, позволяющие однополые браки, а также акты, разрешающие производить усыновление (удочерение) однополым семьям. По мнению отдельных западных ученых, в том числе социологов, психологов, сексологов и политологов, данные меры свидетельствуют о демократичности и современности взглядов.

Россия не принимает такого рода «демократию» и не поддерживает подобного рода «нововведения» в области брака и семьи. По мнению автора, отказ от традиционного понимания семьи, брака и брачно-семейных отношений совершенно неприемлем и не способствует развитию общества.

Председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по вопросам семьи, женщин и детей Е.Б. Мизулина в одном из своих интервью отметила, что семья является важнейшим социальным институтом как для отдельного человека, так и для всего общества. Государственная семейная политика – это целостная система политических, правовых, экономических, социальных, медицинских и культурных мер, направленных на развитие семьи.

На сегодняшний день наиболее подробно вопросы государственной поддержки семьи, материнства и детства регламентируются нормами Семейного кодекса Российской Федерации, Федеральными законами «Об опеке и попечительстве», «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Концепцией государственной семейной политики в сфере духовно-нравственного воспитания детей в Российской Федерации и защиты их нравственности, иными нормативными правовыми актами. Однако рост разводов, увеличение числа детей-сирот и рож-

денных вне брака, ухудшение экономического положения семей заставило государство задуматься о разработке новой стратегии государственной политики в данной области.

Целью семейной политики Российского государства является благополучие семьи, укрепление и развитие семейного образа жизни. При этом намеренно используется понятие «благополучие», которое в отличие от понятия «благополучие» выражает не только «материальную обеспеченность», «имущественное благополучие», но и «счастливую жизнь». Последние несколько лет Россия, как и весь мир, находится в условиях социально-экономического кризиса. Несмотря на это, в отличие от многих стран семейная политика для нашего государства имеет особое значение и направлена на создание благоприятного пространства для функционирования традиционной семьи.

В соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. цели семейной политики заключаются в обеспечении необходимых условий для выполнения семьей экономической, репродуктивной, воспитательной, психологической, жизнеохранительной и сексуальной функций, для совмещения трудовой деятельности и семейных обязанностей с личными интересами самого человека; в создании благоприятных условий для рождения и воспитания здоровых детей, охраны материнства и детства [2]. Для реализации указанных целей Концепция выделяет направления государственной семейной политики, заключающиеся в развитии законодательной базы семейной политики; социокультурной, демографической и экономической политики в отношении семьи. Государство оказывает поддержку семей, находящихся в особых обстоятельствах, взаимодействует с неправительственными организациями – субъектами семейной политики. Разрабатываются механизмы реализации социальной политики в отношении семьи на среднесрочный период и по регионам.

Осуществляя поставленные задачи, российское общество в целом и государственные органы в частности взяли курс на всемерную защиту и поддержку семей и детства. Достаточно отметить, что за последние пять лет законодательными органами Российского государства приняты нормативные акты, регулирующие социальную защиту семьи и детства, причем не только на территории России, но и на международном уровне (например, ограничение возможности усыновления российских детей зарубежными семьями). Тем самым на законодательном уровне решается вопрос о защите прав и интересов российских семей и детей, оставшихся без попечения родителей.

Одной из важнейших проблем современного общества является преступность, существующая в недрах семьи, к которой относится и наиболее отвратительное ее проявление – сексуальное насилие в отношении родственников и других членов семьи. Задачей общества и правоохранительных органов остается противодействие преступности в целом и сексуальному насилию в семье в частности. Общая цель противодействия преступности предопределяет основные ее задачи:

установление возможных изменений преступности в будущем;

установление возможности появления новых категорий преступников;

определение возможностей появления новых видов преступлений и декриминализации имеющихся в настоящем, а также причин и условий, способных повлиять на это;

выработку общей концепции противодействия преступности;

принятие перспективных управленческих решений;

выбор оптимального пути совершенствования деятельности органов, осуществляющих противодействие преступности.

Без сомнения, так называемые «современные» взгляды на развитие семейных и половых отношений оказывают значительное влияние на молодое поколение. Половая распущенность чаще всего начинается именно с семьи. Профилактическая работа в семьях, где распространена половая распущенность, должна быть направлена, главным образом, на оздоровление морально-нравственного климата в семье. Исключительное значение имеет предупреждение насильственного поведения родителей в отношении их несовершеннолетних детей и в отношении более уязвимых членов семьи (престарелых родителей, женщин).

Вышеперечисленное касается в основном общесоциальных мер противодействия преступности. В контексте настоящей работы нас интересуют специально-криминологические меры противодействия сексуальной насильственной преступности, совершаемой в отношении родственников и других членов семьи.

Борьба с сексуальным насилием в основном ведется уголовно-правовыми средствами. Вместе с тем, практика показывает, что их применение имеет ограниченные возможности в предотвращении сексуального насилия, а также социальной реабилитации его жертв, поскольку выявление исследуемых фактов с целью использования в борьбе с ними уголовно-правовых средств находится на крайне низком уровне. Особенно это касается случаев сексу-

ального насилия, совершаемого в отношении родственников и других членов семьи. Зависимые члены семьи, опасаясь потери кормильца, либо из нежелания «выносить сор из избы» скрывают эти факты, неохотно идут на контакт с правоохранительными органами.

В России противодействие семейному насилию в целом и сексуальному насилию в семье в частности имеет ряд недостатков, к числу которых относятся ограниченность информационной базы, приоритет репрессивных подходов над превентивными, недостаточность ресурсного обеспечения и адресного воздействия. Кроме того, законодательная база противодействия исследуемому виду преступности развита недостаточно. Поскольку отношения, возникающие в рамках семейно-брачной сферы, не могут быть урегулированы действующими уголовно-правовыми методами и средствами, существует потребность в законе о сексуальном насилии в семье, который регламентировал бы деятельность системы его предупреждения, а также в ряде других мер социально-экономического и правового характера.

По уровню воздействия специально-криминологические меры противодействия преступности можно разделить следующим образом:

меры, осуществляемые в масштабах всего государства (общегосударственные);

меры в масштабах области (региональные);

меры, осуществляемые в масштабах района (местные);

меры, применяемые в масштабах отдельного объекта (локальные);

меры, применяемые к отдельным гражданам (индивидуальные).

По своему характеру специально-криминологические меры делятся на организационно-управленческие, технические и правовые.

В зависимости от субъекта применения выделяются меры, применяемые государственными органами, и меры, которые могут применять общественные формирования и граждане.

Чтобы специально-криминологические меры противодействия сексуальному насилию в семье были достаточно эффективными, они должны отвечать требованиям законности, быть своевременными, радикальными, экономически целесообразными и обоснованными. Несомненно, любая мера должна применяться тогда, когда к этому есть основания, и быть индивидуально дифференцированной.

В субъектах Российской Федерации необходимо принять нормативно-правовые акты, определяющие принципы и методы защиты и охраны лиц, которые стали жертвами сексуального семейного насилия. Возможно организовать приюты для жертв сексуального семейного на-

силия, где временно могли бы содержаться, обучаться и воспитываться не только подростки до оздоровления условий воспитания в семье или передачи их на государственное воспитание, но и взрослые жертвы сексуального насилия. В органах местного самоуправления основать службы реабилитации жертв сексуального семейного насилия, работающие на основе анонимности. В учебных заведениях, особенно в общеобразовательных школах и лицеях, сформировать психологические службы или штат сексопатологов, обладающих образованием соответствующего профиля.

Меры индивидуальной профилактики рассматриваются в двух направлениях. Во-первых, они должны применяться к лицам, в отношении которых осуществляется контроль за условно осужденными, условно-досрочно освобожденными, осужденными к мерам, не связанным с лишением свободы. Особенно это касается тех из них, кто обвинялся за совершение преступлений сексуального характера и отбыл наказание. Также необходимо обращать внимание на несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением. Особое внимание субъектам профилактики следует уделять лицам с неустойчивой психикой, для чего необходимо знать, кто из таких лиц состоит на учете в психоневрологических медицинских учреждениях, беседовать с соседями, с активистами, членами домовых комитетов, старшими по домам и подъездам. Автор согласен с мнением Ю.М. Антоняна, который предлагает защищать людей от агрессивных посягательств психически больных лиц в том случае, если они совершают общественно опасные поступки [3, с. 245]. Полагаем необходимым внести в правовые акты изменения и дополнения, которые обязывали бы суды во всех случаях расторжения брака супругов, особенно имеющих несовершеннолетних детей, выяснять мотивы развода и назначать комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу для более компетентного решения таких вопросов, как реальные причины расторжения брака.

Во-вторых, специально-криминологические меры должны применяться в отношении потенциальных жертв сексуального семейного насилия, выявление которых наиболее ответственная и тонкая работа как психологов, так и педагогов, а также сотрудников правоохранительных органов.

Для более эффективного применения таких мер необходимо исследовать условия, способствующие совершению сексуальных насильственных преступлений в отношении родственников и других членов семьи. К этим условиям относятся невмешательство, нереаги-

рование окружающих на факты насилия, а также нераскрываемость преступлений, что ведет к безнаказанности. В целях выявления возможных жертв сексуального семейного насилия сотрудникам инспекций по делам несовершеннолетних и участковым инспекторам следует поддерживать тесный контакт с работниками ЗАГС, детскими больницами и поликлиниками, вендиспансерами и психоневрологическими медицинскими учреждениями. Среди источников информации о неблагополучных семьях можно выделить письма, жалобы, заявления граждан, организаций и учреждений о противоправном поведении членов той или иной семьи, материалы уголовных дел, возбужденных по фактам семейного насилия, или «отказные» материалы по тем же фактам.

Важным направлением в деятельности соответствующих служб должно стать проведение среди населения просветительской работы, в частности осуществление широкой рекламы деятельности этих служб. Через средства массовой информации, женские консультации, поликлиники и больницы населению необходимо сообщать «телефоны доверия» и адреса приютов, где жертвам сексуального семейного насилия могут оказывать медицинскую и психологическую помощь. Нужно проводить лекции в школах среди учащихся, их родителей, учителей, в других учебных заведениях, дошкольных и иных учреждениях, на предприятиях, в организациях. Особое внимание следует уделять лицам, склонным к насилию, в том числе и сексуальному.

Последние изменения уголовного законодательства вносят определенный вклад в борьбу с семейным насилием, но, вместе с тем, это не решает проблемы и не способно ее решить, поскольку сфера применения уголовного закона ограничена. Отдельные поправки не могут охватить все случаи насилия в семье. Без сомнения, сказанное касается сексуального насилия, которое проявляется относительно родственников и других членов семьи.

Закономерным стало бы включение в российскую политику противодействия преступности криминологической коррекции семейных отношений. В связи с этим предлагается внести дополнительно в официальную статистику не только данные о совершенных, расследованных и рассмотренных половых преступлениях, но и сведения о потерпевших и виновных по признакам родства и свойства для определения наличия либо отсутствия между ними семейных связей.

До настоящего времени правоохранительные органы во многих случаях берут под наблюдение неблагополучные семьи и ведут с ними профилактическую работу только после того, как в них уже совершено сексуальное насилие.

Следовательно, к моменту, когда государственные и общественные институты подключаются к профилактике семейного неблагополучия, семейный конфликт уже достигает крайней формы его разрешения, в том числе и совершения сексуального насилия в отношении родственника или другого члена семьи.

Сотрудники полиции не стремятся оказать реальную помощь членам такой семьи, мотивируя свое бездействие якобы личностными семейными отношениями: «Сами разбирайтесь». Предупредительная деятельность в указанном направлении сводится, как правило, к профилактическим беседам или угрозам привлечь виновного к уголовной ответственности. Прежде всего, это происходит в силу недостаточной компетенции большинства сотрудников в психологических и тем более сексуальных вопросах. Поэтому такого рода «беседы» чаще всего оказываются неэффективными, а иногда и просто вредными. Жертвы семейного сексуального насилия замыкаются, перестают жаловаться, а порой и совершают попытки самоубийства.

Предупреждение сексуальной насильственной преступности в семье в значительной мере зависит от ранней профилактики семейного неблагополучия. Однако данные, полученные из бесед и анкет, проведенных автором с жертвами сексуального семейного насилия, свидетельствуют о несвоевременном и неполном выявлении сотрудниками полиции неблагополучных семей. Необходимо отметить, что профилактика сексуального насилия в семье должна носить комплексный характер, соединяя в себе меры убеждения, принуждения и помощи.

Для повышения эффективности работы сотрудников полиции, и в частности инспекций по делам несовершеннолетних, по предупреждению насильственной сексуальной преступности в семье необходимо совершенствовать их профессиональное образование, создавать на базе учебных заведений системы МВД России специализированный факультет подготовки сотрудников с определением конкретной программы обучения, включающей изучение проблем борьбы с сексуальной насильственной преступностью в семье. Видимо, назрела необходимость подготовки соответствующих специалистов и в учебных заведениях педагогического и медицинского образования.

Субъекты профилактики насилия в семье должны использовать гибкую систему мер уголовно-правового и социально-правового воздействия.

Одним из наиболее мощных факторов, влияющих на криминогенную ситуацию в семье, выступает негативное психическое состояние, которое обусловлено невозможностью удовлетворения сексуальных потребностей. В этой ситу-

ации жертва не видит выхода из создавшегося кризисного положения, а сексуальный насильник не может или по каким-то причинам не желает удовлетворить свои сексуальные потребности другим способом, кроме применения сексуального насилия в отношении близкого человека. Такое состояние обуславливает либо пассивно-виктимное, либо агрессивно-виктимное поведение. В этой связи считаем необходимым в целях оказания социально-правовой помощи реальным и потенциальным жертвам насилия предусмотреть на законодательном уровне и осуществлять комплекс мер, направленных на нейтрализацию фрустрирующего характера ситуации, предоставление пострадавшим убежища, психологической поддержки, установление дифференцированных правоограничений для насильника и т.д. [4, с. 378].

Меры специально-криминологического предупреждения преступлений характеризуются совокупностью средств и способов, направленных на устранение причин преступности или конкретных преступных проявлений [5, с. 75]. Поскольку они касаются совершенно относительно определенных субъектов, постольку масштаб их применения несколько меньше, чем у общесоциальных мер. Вместе с тем, в некоторых случаях он приобретает значительные размеры и зачастую охватывает целые отрасли народного хозяйства, а также распространяется на отдельные категории лиц. Объектами такого предупреждения являются как преступность в целом, так и ее виды, а также отдельные преступления.

Специально-криминологическое предупреждение преступлений – это социальный процесс, основой которого является применение отвечающих требованиям общественной морали и законности специальных методов и приемов, знаний и навыков регулирования социальных отношений в целях ликвидации тех их отрицательных последствий, которые могут вызвать совершение преступлений [4, с. 380].

Специально-криминологическое предупреждение сексуальных насильственных преступлений, совершаемых относительно родственников и других членов семьи, требует специальных криминологических знаний, которые необходимы как при разработке комплексных планов и целевых программ, так и при выработке и реализации мер предупреждения данного вида преступлений.

Автор согласен с мнением о том, что эффективное упреждающее воздействие на преступность, ее причинный комплекс невозможно без принятия Федерального закона «О предупреждении насилия в семье» как части криминологического законодательства. Кроме того, в связи с затянувшимся прохождением на федеральном уровне Федерального закона «О предупреждении насилия в семье» необходимо разработать и принять подобные законы в субъектах Федерации [6, с. 85].

С 2006 г. введена отдельная статистическая форма по потерпевшим. Вместе с тем, по-прежнему актуален вопрос об адекватном статистическом отражении криминологически значимых характеристик не только жертв сексуального насилия в семье в связи с высокой латентностью преступлений в семейной сфере, но и самих виновных в совершении сексуальных насильственных преступлений в отношении родственников и других членов семьи. Поэтому необходимо пересмотреть подход к приему заявлений от граждан, подвергшихся жестокому обращению в семье, более внимательно проверять поступающую информацию.

Предупреждение сексуальных насильственных преступлений, совершаемых в отношении родственников и других членов семьи, должно проводиться в комплексе с борьбой с пьянством, алкоголизмом, наркоманией. Правоохранительные органы должны реагировать на заявления об угрозах применения насилия в отношении членов семьи. Следственным органам и органам дознания необходимо повышать уровень следствия. Важное значение имеет эффективность работы исправительных учреждений, наблюдательных комиссий, комиссий по делам несовершеннолетних.

В целом для повышения эффективности предупреждения насильственной преступности в семье государственные и общественные институты обязаны комплексно планировать мероприятия, направленные на укрепление семьи, улучшение микроклимата в ней, объединяя при этом усилия многих субъектов, сочетая меры общего и индивидуального предупреждения, организовывая взаимодействие государственных и общественных институтов, совершенствуя практику за счет использования зарубежного опыта.

1. Игнатов Н.С. Конфликт как основа внутрисемейных насильственных преступлений // Вестн. Удмуртского университета. 2006. № 6.

1. Ignatov N.S. Conflict as a basis of family violent crimes // Bull. of Udmurt University. 2006. № 6.

2. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ № 1351 // СПС «КонсультантПлюс». 2013.

3. Антонян Ю.М. Насилие. Человек. Общество. М., 2001.

4. Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М., 2003.

5. Криминология: учеб. для вузов / под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.

6. Преступность среди социальных подсистем. Новая концепция и отрасли криминологии / под ред. Д.А. Шестакова. СПб., 2003.

2. On approval of the Concept of demographic policy of the Russian Federation for the period till 2025: decree of the President of the Russian Federation № 1351 // HLS «ConsultantPlus». 2013.

3. Antonyan Yu.M. Violence. Human. Society. M., 2001.

4. Ilyashenko A.N. Counteraction to violent crime in the family: criminal and legal and criminological aspects. M., 2003.

5. Criminology: textbook for high schools / ed. by V.D. Malkov. 2nd ed., rev. and add. M., 2006.

6. Crime among social subsystems. A new concept and industries of criminology / ed. by D.A. Shestakov. SPb., 2003.

Уважаемые коллеги!

Доводим до Вашего сведения, что отправка автором материала (статьи) в адрес редакции журнала «Общество и право» с предложением опубликовать статью в данном периодическом издании расценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала «Общество и право», который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт); публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

Редакционной политикой редакции журнала «Общество и право», соответствующей законодательству Российской Федерации об авторских и смежных правах, предусмотрено право автора запретить редакции использовать материалы, предоставленные для публикации в данном издании, для воспроизведения их в других журналах и газетах редакции, а также в иных изданиях и справочных правовых системах.

Запрет автора на публикацию статьи в иных изданиях и справочных правовых системах должен быть выражен таким образом, из которого явственно следует несогласие автора на использование материалов в иных изданиях. Во всех иных случаях направление автором статьи на опубликование в журналах редакции расценивается как согласие автора с редакционной политикой журнала «Общество и право» и вышеперечисленными условиями.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ОБЩЕСТВО И ПРАВО»**

Редактор Т.А. Лосева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53946
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 10.02.2014
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 40,7
Тираж 1050 экз. Заказ 15
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249